Л67/303

Л67/303

К. КАУТСКИЙ

АГРАРНЫЙ ВОПРОС

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ПРОЛЕТАРИЙ"
1·9·2·3

186/140

23/3-36
1/X-35
5/11-36
22 ЯНВ. 1937.
26 МАР. 1937.

На

К. КАУТСКИЙ

167
305

АГРАРНЫЙ ВОПРОС

С ПРЕДИСЛОВИЕМ П. И. СТУЧКИ

КООПЕРАТИВНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ПРОЛЕТАРИЙ“
1923

0.3.
9144.

Государственная публичная
БИБЛИОТЕКА
Исторический

Государств. Трест „Киев-Печать"
Типография № 2. Пушкинская 4.
Заказ № 383—15.000—Р. У. П. Киев.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Товарищи обратились ко мне с просьбой написать предисловие к новому русскому переводу „Аграрного вопроса“ К. Каутского. Я боюсь, как-бы статья, написанная мною по этому поводу, не была понята неправильно. Книга Каутского в моей рекомендации не нуждается, и мои критические замечания не могут умалить значения этой работы для нас и по настоящее время. Я полагал-бы, что предисловие следовало писать лицу, более компетентному, и только то обстоятельство, я сказал-бы, печальное обстоятельство, что после старого дореволюционного издания русский перевод выходит лишь ныне, на шестой год аграрной революции в России, оправдывает появление моего предисловия. При таком слабом интересе коммунистов-теоретиков к теории аграрного вопроса эта моя затея все-таки более или менее извинительна.

Работа Каутского имеет свою историю. Каутский с этою работою вступил на новую арену, для которой в его предыдущих работах никаких особых предпосылок не найти *). Германский партейтаг в 1894 году заинтересовался аграрным вопросом; по его поручению был выработан для следующего, Бреславского, С'езда проект аграрной программы, которую, между прочим, отстаивали А. Бебель и В. Либкнехт. Проект был отвергнут, как оппортунистический, и так как против него выступал во имя ортодоксального марксизма К. Каутский, то партиею ему поручено было разработать вопрос теоретически. Так, в 1899 г., появилась книга Каутского об аграрном вопросе, которая долгое время признавалась единственною ортодоксальною программою марксистов по аграрному вопросу вообще, тогда как написанная по тому же поводу книга Давида (кстати сказать, тоже „случайного теоретика“ аграрного вопроса, а по профессии учителя классической гимназии) вокруг себя сплотила всех ревизионистов. Неужели Бебель и Либкнехт-отец тогда были менее революционны, чем Каутский? За Давидом ведь ни один из них не пошел. Нет, они своим революционно-классовым чутьем были дальновиднее Каутского, но теоретически они были слабее его и не нашли верного пути. А точка зрения Каутского, как бы революционно-ортодоксальна она ни была на первый взгляд,— оказалась антиреволюционною в самом своем существе.

Девяностые годы прошлого столетия вообще являются эпохою в истории человечества, до сих пор недостаточно исследованною и оцененною. Мы в средине девяностых годов отмечаем массу чрезвычайно

*) В своем предисловии Каутский ссылается на кое-какие свои мелкие работы, которые он считает подготовительными для своей крупной работы по аграрному вопросу, но это, конечно, только искусственное об'яснение. Эти работы прямого отношения к его большому труду не имеют.

важных симптомов революционной эпохи: в городах расслоение масс на революционное крыло, с одной стороны, и на крайне правое, антисемитское, с другой. По отношению к деревне это является началом широкого движения официального мира всей Европы в пользу выкупа части имений и платного наделения этою выкупленною землею крестьян. Такие законы о выкупе земли были изданы, начиная с 1897 г., в Ирландии, Дании, несколько позже в Англии, Шотландии, Испании, Голландии. Автор итальянского проекта (кстати не сделавшегося законом) от 1897 г., экс-министр Луцати сам указывает, что его проект послужил образцом для целого ряда законов других стран (значит были дипломатические сношения по этому поводу!), а со слов того-же Луцати можно заключить, что именно от Италии исходила инициатива настоящей международной пропаганды выкупа земли. Если сопоставить эти факты с революционным чутьем Бебеля и Либкнехта, то получается основание для заключения, что постановление Бреславского С'езда было крупною ошибкою по отношению к крестьянству, и что эту ошибку на много лет увековечила работа К. Каутского. И только т. Ленину в его работах и лозунгах, а вслед за тем нашей революции 1917 г. суждено было освободить рабочий класс от пут, наложенных на него этою ошибкою.

Не является ли такая оценка работы Каутского полным отрицанием значения работы? Нет, нисколько! Сильная сторона работы Каутского заключается в верном изложении и в хорошей популяризации теории земельной ренты Маркса, главным образом, в отделе V его работы: „Капиталистический характер современного сельского хозяйства". Без ясного понимания существа земельной ренты, как ее излагает Маркс, никакого понимания аграрного вопроса быть не может. Правильное и глубокое понимание земельной ренты, напротив, открывает и раз'ясняет пред нашими глазами тайны, казавшиеся нам до того недоступными и непонятными.

Вторая заслуга Каутского заключается в том, что он на основании теории Маркса и его словами показал нам, что и сельское хозяйство, деревня, имея свои особенности, следует в общем тем же законам развития, что и городская промышленность. Каутский ставит себе задачу: „исследовать вопрос—овладевает ли капитал сельским хозяйством и как он этого достигает, вносит ли он переворот в сельское хозяйство, делает ли он старые формы производства и собственности несохранимыми и вызывает ли он необходимость новых форм". Вот почему работа К. Каутского имела столь революционное значение как раз для нас в России. Если вспомнить, как в девяностых годах у нас шла горячая борьба между народниками и марксистами относительно судеб деревни, то станет всякому понятно, что определенный вывод Каутского о будущем крупного, капиталистического сельского хозяйства по сравнении с мелким, т. е. с крестьянским вообще, означал один лишний, и при том самый веский, довод в пользу марксистов—против утопий народников.

Но то, что пока было революционирующим учением для России, оказалось не таковым для Германии и прочих стран Европы. Из самой постановки вопроса Каутского, приведенной мною выше, видно, что Каутский поставил свою задачу в первую очередь чисто экономически. Побеждает ли капитализм в сельском хозяйстве и приводит ли он неминуемо к иным формам производства и собственности? Это та же постановка вопроса об экономическом созревании городской промышленности для социалистической революции, на основании которой

ныне Каутский не только для России, но и для всей Европы, кроме лишь Англии, дает отрицательный ответ. Эта слишком общая и чисто экономическая постановка вопроса привела Каутского неминуемо и к неправильному подходу к вопросу и к неправильным приемам его разработки. Если законы развития уже одинаковы для города и деревни, то в Германии, где 50% населения уже относится к городу, с точки зрения революции, можно с некоторым пренебрежением относиться к крестьянству. Это мнение и подкрепляет книга Каутского, и мы знаем, сколько трудов стоило, пока,—лишь чрез 3 года после начала революции 1917 г.,—на II С'езде Коминтерна были приняты известные тезисы по аграрному вопросу, и я бы прибавил, приняты, но почти нигде, кроме России, пока не проведены целиком в жизнь.

Аграрный вопрос по существу является вопросом о существовании человека. Но эта азбучная истина легко забывается человечеством, и Каутский в своей работе по отношению к капиталистическому обществу, напр., правильно об'являет, что „промышленность является решающим способом производства и от ее состояния больше, чем от состояния земледелия, зависит благосостояние всего населения. Капиталистическое общество может, без вреда для его благосостояния, принести сельское хозяйство в жертву промышленности—см. Англию. Обратная процедура приводит к упадку и промышленности и сельского хозяйства". Недаром и наука политической экономии развитого капиталистического общества ограничивается почти одним исследованием промышленного капитализма. Только голод,—а лишь война и революция мсжет привести к голоду в буквальном смысле слова и часть буржуазии,—напоминает старую истину о том, что вопрос о хлебе является (по крайней мере, пока) вопросом о земле.

К. Маркс исследовал развитие капитализма не только в сфере промышленности; он, исходя из теории Рикардо о земельной ренте, положил основание для пролетарской науки политической экономии вообще. Но свою работу по аграрному вопросу он оставил не законченною. Продолжатели Маркса шли прямолинейно, но разными дорогами: одни, ортодоксы, просто переносили схемы промышленного развития на сельское хозяйство, не углубляясь вовсе в особенности сельского хозяйства. От этого,—хотя и робко,—предостерегает уже Каутский. Но еще более опасным оказался другой прямолинейный путь: просто отказаться от всякой попытки об'единения теорий о деревне и городе.

Каутский ищет примирения этих двух путей: „Нет сомнения, и это мы признаем a priori доказанным, что сельское хозяйство развивается не по тому же шаблону, как промышленность; оно следует собственным законам. Но этим не сказано, чтобы развитие сельского хозяйства составляло противоположность развитию промышленности и с последним было несоединимо. Мы надеемся показать, что они оба стремятся к той же цели, если их рассмотреть не изолированными, но в виде общих звеньев совокупного процесса".

Основным вопросом является здесь вопрос о „превосходстве крупного или мелкого производства". Хотя Каутский и предупреждает, что Марксова теория капиталистического производства не ограничивается формулою: „вытеснение крупным производством мелкого", но $^9/_{10}$ теоретической части его работы как раз посвящены этой теме. И тут как раз появляются и у Каутского те недостатки, которыми отличается более или менее вся марксистская литература по аграрному вопросу.

Во-первых, исследовать вопрос о преимуществах того или иного способа производства необходимо с точки зрения определенного класса. И если буржуазный ученый или политик доказывает то, что в Ирландии, Англии и т. д. мелкое производство вытесняет крупное, то он обыкновенно и рассматривает вопрос с точки зрения класса землевладельцев: интерес последних получать побольше земельной ренты, и так называемая „голодная рента“ полупролетария или парцельного хозяйчика может наиболее соответствовать этому его интересу. Капиталист с точки зрения прибыли может, заменяя сельско-хозяйственную машину дешевым рабочим, достигнуть лучших результатов, как раз благодаря регрессу техники. Пролетарский же писатель должен всегда иметь в виду интересы труда. Он всегда спрашивает, которое производство более всего удовлетворяет интересы рабочего класса. Эта точка зрения Каутскому, конечно, не чужда, но он ее последовательно не проводит. Маслов же, хотя и правильно отмечает, что вся аргументация статистики в пользу перевеса мелкого производства над крупным потеряла бы значительную часть истины, если бы в мелких хозяйствах не происходило развитие производительных сил в такой же мере, как и в крупных, тут же забывает, что Маркс к производительным силам страны относит и рабочего, ибо он, Маслов, степень развития производительных сил оценивает только по количеству продукта.

Во-вторых, при сравнении успехов крупного производства с мелким сопоставляют обыкновенно вещи несравнимые. Если мы говорим о крупном производстве в промышленности, то мы под этим словом понимаем машинное, фабричное производство, а вовсе не мануфактуру, и противопоставляем ему как мелкое производство—ремесло или кустарный промысел. В земледелии у нас еще рано говорить о фабричном производстве, за исключением разве отдельных, исключительных хозяйств. Но для сравнения не годятся исключительные случаи, а необходимы типичные явления. В земледелии и в сельском хозяйстве вообще крупное производство пока соответствует мануфактуре.

Признаком фабрики является центральный мотор и машины-орудия. В сельском хозяйстве имеются уже последние, в виде достаточно длинного ряда сельско-хозяйственных машин, но нет единого центрального мотора, вопрос о котором здесь разрешится лишь с широким применением электричества. По всем данным, значит, мы можем сказать, что в сельском хозяйстве мы находимся пока в мануфактурном периоде. Эту мысль мы находим уже и у Маркса, когда он (Капитал, I, стр. 324) говорит „о том виде крупного земледелия, которое по своему типу соответствует мануфактурному периоду, существенно отличаясь от крестьянского хозяйства лишь массою одновременно применяемых рабочих и размерами концентрированных средств производства“. А всем известно, что в этой стадии с крупным, т. е. мануфактурным производством (особенно при дешевой рабочей силе) с успехом конкурирует кустарный промысел, т. е. в данном случае крестьянин. В этом отношении я могу, между прочим, отослать к „Русской фабрике“ Туган-Барановского.

Этот второй момент упускается из виду марксистами в полемике с ревизионистами о преимуществах того или иного производства. Таким путем приходят к черезчур мрачному взгляду на будущее крестьянства и ждут, смотря по направлению мысли с нетерпением или терпеливо, того дня, когда последний крестьянин сделается пролетарием, и сельское хозяйство, также созревшее для социализма, одно-

временно с крупной промышленностью мирно и чинно перейдет к социализму. Ревизионисты же, стоящие на противоположной точке зрения о безусловном преимуществе мелкого производства, т. е. крестьянского хозяйства, отказываются от самой мысли о революции, ибо они оценивают крестьянина только, как ярого фанатика собственности, антиреволюционера.

Еще одним упущением грешат обыкновенно аграрные теоретики: они основывают свои выводы слишком часто на итоговых цифрах статистики. А между тем статистика дает нам лишь голые цифры с недостаточною характеристикою каждого из явлений. Каутский сам признает это, но в общем сам лишь поверхностно разбирает эти цифры (см. VII, а — „данные статистики"), в чем его с известным основанием упрекали его противники. В этом отношении образец тому, как обращаться с цифрами и как их критиковать, дает последняя и неоконченная теоретическая работа т. Ленина по аграрному вопросу: „Новые данные о законах развития капитализма в земледелии, выпуск I: Капитализм и земледелие в Соединенных Штатах Америки". Т. Ленин убедительно показывает, как мало пригодны цифры по одному количеству земли на хозяйство и что эти цифры могли бы быть признаны годными, если подразделить каждую группу на 2—3 подразделения по количеству применяемого наемного труда. Кроме того, говорит т. Ленин, статистики должны бы поинтересоваться, из каких классов и групп набираются те жители, которые с каждым годом больше удирают в города. Но таких цифр нет.

Все эти возражения прямо напрашиваются, когда Каутский в своем „введении" приводит сомнения, возбуждаемые В. Зомбартом против применения теории Маркса к сельскому хозяйству, основываясь „на нынешнем состоянии исследований по вопросу о преимуществах крупного производства". Каутский на это ограничивается возражениями, исходя от „занимающего полит. экономию уже более сотни лет вопроса", „выгоднее ли крупные или мелкие имения", т. е. он остается на той же почве, как и вся буржуазная политическая экономия и таким способом хочет решить вопрос о неизбежности социализма. Единственная поправка, которую он тут же вносит, сводится к тому, что „не следует обозревать одно сельское хозяйство отдельно от совокупности общественного производства". Эта мысль совершенно верна, как оно видно из исследований Маркса, но для того, чтобы развить эту теорию на почве чисто экономической, необходимы совсем иные данные, чем были и, как показал т. Ленин (см. выше), вообще могли быть в распоряжении Каутского. Каутский к основной теории Маркса по аграрному вопросу, не доведенной до конца, прибавил, собственно говоря, лишь публицистический материал. Но в этом случае он мог притти к доподлинно революционным выводам лишь в том случае, если бы он рассмотрел вопрос о судьбах сельского хозяйства одновременно и в плоскости классовой борьбы.

Тогда мы, на первом месте, вместо бледных страниц отделов II и III,—получили бы живое изложение той гражданской войны, какая разгорелась в период закрепощения крестьян, а мне кажется, что особенно аграрный вопрос следует всегда рассматривать в исторической перспективе. Как ни кажется неподвижною, сфинксообразною для экономиста фигура крестьянина, для социолога и историка она дает весьма богатый материал. Не мало крови пролито, пока его прикрепили к земле „по крепостям", и не мало крестьянство потратило сил

и понесло жертв в попытках сбросить с себя иго своих крепостников. А эта борьба, по поводу которой весьма умеренного направления писатель, как германский историк Бецольд, говорит: „крестьянство находилось в состоянии постоянной общественной (ныне сказали-бы гражданской) войны", которая длилась по всей Европе более 200 лет (революционный период крестьянских войн). Ее результатом была экспроприация крестьянина, превращение деревни (земли и людей) в монопольную частную собственность класса землевладельцев. При таком способе изложения, в центральную точку работы превратился бы вопрос о частной собственности на землю, которой впоследствии завладел капитализм, и о революционной отмене этой частной собственности, об аграрной революции.

Правильная и революционная оценка права частной собственности на землю—является основною особенностью и заслугою учения Маркса о земельной ренте. У него абсолютная рента является основною характеристикою этого права; отмена этой частной собственности (конечно, путем революции)—единственным выходом из положения. В своих „теориях о прибавочной стоимости", где Маркс особенно ярко излагает значение абсолютной ренты (книга Каутского на этой работе не останавливается, ибо она тогда еще не вышла), он писал: „Национализация земли, т. е. превращение частной собственности на землю в государственную собственность *), является вполне буржуазным требованием, выставлять которое буржуазия боится лишь потому, что нападение на один вид собственности, т. е. вид собственности на средства производства (на землю), мог бы стать очень опасным для прочих видов такой же собственности (на промышленные и т. п. капиталы)". Значит, естественный вывод—революционный лозунг для пролетарской революции: национализация (конечно, безвозмездная) земельной собственности. Теперь, после революции 1917 г., это для всех нас как бы само собою разумеется. Теперь мы определенно видим, что только пролетарская революция доводит до конца буржуазную революцию, безвозмездно отчуждая, т. е. конфискуя земельную собственность класса землевладельцев, и вообще отменяя частное право собственности на землю.

Я уже указал на то, что основная заслуга работы Каутского заключается в популяризации теории земельной ренты Маркса. Для него, конечно, ясен вывод Маркса о вреде частной собственности. Он пишет, например: „Абсолютная земельная рента вытекает из частной собственности на землю и из того антагонизма, в каком интерес землевладельца находится ко всему обществу. Национализация земли дала бы возможность отменить ее (т. е. ренту) и на эту сумму понизить цену на сельско-хозяйственные продукты". Но он, как мы видим, рассматривает вопрос с точки зрения всего общества, а не класса. Поэтому в конце концов и вывод у него получается крайне умеренный, примиренческий. О безвозмездной экспроприации, конфискации Каутский не говорит; он обсуждает лишь огосударствление путем выкупа и „высказывается против такового всюду, где пролетариат еще не играет решающей роли". И эту линию Каутский проводит последовательно. Когда между ним и Бебелем возникла полемика о выкупе горной промышленности,

*) Маркс, как известно под государством понимает „организованный в государство господствующий класс". Национализацию он, значит, понимает, как обращение национализированного имущества в достояние победившего класса.

Бебель высказался за, а Каутский против, выдвигая на этот раз теорию о т. наз. пролетарской экспроприации земельной ренты, путем поднятия заработной платы и условий труда, т. е. перенося вопрос в сферу распределения продукта. В то время мы не сознавали примиренческого характера этого взгляда, переносящего и понятие класса в плоскость распределения продукта, вместо революционно-марксистского взгляда на класс, как на последствие распределения средств производства, и многие из нас увлекались этою, тогда казалось, революционною теориею. А между тем, не только самый факт наделения землею (за плату) со стороны разных правительств в контр-революционных целях, но и цифры статистики об успехах земледелия после выкупа крупного землевладения и наделения землею крестьян (например, в Ирландии) показывают, что даже выкуп помещиков означает большой экономический сдвиг деревни. Но, конечно, выкуп в революционный момент является определенно контр-революционным требованием; в революционный период и вообще для революционной партии лозунг может гласит лишь: конфискация.

Такое требование невозможно при взгляде Каутского, обсуждающего весь вопрос с точки зрения широкой эволюции и примата социального развития пред пролетарскими интересами. „Социальное развитие выше интересов пролетариата, и социал-демократия не может отстаивать пролетарских интересов, препятствующих социальному развитию“, пишет Каутский в „Аграрном вопросе“. Каковы эти классовые интересы пролетариата, противоречащие социальному развитию? И как здесь Каутский понимает социальное развитие? Эту недоговоренность ныне социал-демократия, в лице того-же Каутского, расшифровала во время и по поводу революции. Мы неправильно рассуждаем, если мы говорим, что Каутский ныне изменился. Нет, он всегда был тем же. Он сам это верно определяет в новейшем предисловии в „Пути к власти“: „Мои взгляды не изменились, изменился лишь мой язык“...

Можно ли было при такой точке зрения найти верный подход к крестьянству? Конечно нет! Отстаивая теоретически в интересах „социального развития“ крупное производство против мелкого и в то же время отказываясь от требования национализации, или хотя бы муниципализации земли, социал-демократия крестьян от себя лишь оттолкнула. Каутский стал на точку зрения чистейшего экономизма и мирного врастания в общество будущего, хотя бы в виде пролетарского „выдалбливания земельной ренты“, т. е. частной собственности *). Я приведу для нынешней оценки этой теории пару строчек (по другому поводу) из буржуазной газеты (Vossische Zeitung, от 19/VII—21 года): „Германская буржуазия многие десятки лет не понимала, что означала теоретическая часть этой программы для под'ема германского хозяйства... Ее учение о классовой борьбе являлось отрицанием личного насилия. Она устранила легенду о злом предпринимателе. Она вообще исключила из политической и тред'юнионской борьбы понятия „злой“ и „добрый“. Она показала, что отдельный предприниматель всегда действует так, как его заставляют действовать законы конкуренции“...

И аграрная теория Каутского ставит себе, как мы видели, вопрос лишь о моменте, когда старые формы производства и собственности

*) „Рента, в смысле Рикардо, и есть само право собственности“. (Маркс, „Нищета философии“, стр. 126).

теряют почву, и возникает необходимость (неизбежность) новых форм. Когда этот момент наступит, с.-демократия создаст себе и аграрную программу, не раньше. „В этом смысле, пишет Каутский, социал-демократия безусловно будет нуждаться в аграрной программе. Спрашивается, наступил ли этот момент, возможна ли уже аграрная программа, способствующая на почве сегодняшнего общества развитию сельского хозяйства в смысле социализма?". Заметьте, на почве нынешнего общества!

Сам Каутский впоследствии разочаровался в своей аграрной теории. Как он в политической программе постепенно приближался к ревизионистам, пока он не сел на одну скамью и на одну позицию с Бернштейном, так и по аграрному вопросу он неоднократно заговаривал о необходимости коренной переработки своей книги. А когда накануне революции, в 1916 г., вышла его книжка (вернее перепечатка статей) „о социализации сельского хозяйства", он уже писал: „Мой аграрный вопрос давно распродан. Я откладывал новое его издание потому, что хотел его целиком переработать. Не потому, чтобы я изменил свою точку зрения; она остается прежнею, но условия сельского хозяйства с того времени совершенно изменились, и переработка потребовала бы написания совершенно новой работы". Странно читать: условия коренным образом изменились, а точка зрения осталась прежнею. Обыкновенно бывает противоположное. Просто, Каутский сам не знает, что сказать. Одна мысль у него нова и ценна в этой последней работе, она заключается в том, что в сельском хозяйстве техника созреет для социализма лишь после победы пролетариата. Но как раз то обстоятельство, что нынешний Каутский отвергает свою работу, как „исторический документ", нам дает основание обратить особое внимание именно на эту работу, не взирая на ее слабые стороны, вытекающие из всей тогдашней обстановки.

Я не буду долго останавливаться на самом вопросе о крупном и мелком производстве. Действительно, более чем 20-ти летний период со дня выхода работы Каутского внес, или, по крайней мере, мог внести больше ясности в этот вопрос. Ревизионисты уже ликовали, что их теория победила, пока их ликования не были прерваны революцией 1917 г. Земледелие в общем не выходило из стадии мануфактуры и кустарного производства. Капитализм ограничивался тем, что он постепенно более и более подчинял себе земледелие и земледельцев, но не развивал сельского хозяйства и техники. Почему? Каутский правильно указывает: потому, что колонии снабжали Европу дешевым хлебом, с одной стороны, а с другой стороны, в Европе развитию техники помешала монопольная собственность на землю. Но эта мысль у Каутского недостаточно развита. Капитализм заключается в способе извлечения прибавочной стоимости, при чем капиталиста интересует вопрос лишь о сбережении наемной платы. К машине, как сбережению труда, он обращается лишь при условии недостатка и дороговизны рабочей силы. Каутский показывает, как крупное производство превращает крестьянина в недоедающую и чрезмерно трудящуюся рабочую силу;—эта дешевая сила в свою очередь убивает машину и технику.

Если и считать доказанным, что в зерноводстве крупное производство имеет бесспорные преимущества, то крупное зерноводство перешло в страны свободных земель и в колонии. В скотоводстве же, на произведения которого с ростом городской промышленности воз-

растает спрос, эти преимущества крупного производства пока отсутствуют или остаются спорными. То же самое относится и к огородничеству, садоводству и так далее. В результате, в общем в Европе крестьянское производство не исчезает, а местами прогрессирует и вытесняет крупное производство. Классы землевладельцев и капиталистов все более и более сливаются и их тут интересует исключительно высокая земельная рента. Но если сливаются в единый класс классы эксплоататоров, капиталистов и землевладельцев, то тем же диктуется и об'единение эксплоатируемых наемных рабочих и трудящихся крестьян.

Бреславский с'езд герм. с. д. и вслед за ним работа Каутского, вместо того, чтобы приблизить, оттолкнула крестьян от рабочих. Вторая часть работы Каутского, кроме лишь пролетарской части, т.-е. его аграрная программа в собственном смысле слова, имеет очень мало ценности в настоящее время. Вместо того, чтобы из сферы производства сделать выводы об общих и взаимно непротиворечащих интересах рабочего класса и беднейшего крестьянства, Каутский больше всего посвящает места опять таки области распределения продукта и потребления, и находит там крупнейшие противоречия между крестьянином и рабочим на рынке. Если он и высказывает верную мысль о необходимости нейтрализации крестьянства, то его мечта достигнуть этого чисто политическою программою при более или менее платонических экономических обещаниях („Крестьянам нечего бояться с. д., они могут возлагать на них всякие надежды“) останется мечтою, в лучшем случае. Оттуда и все благоглупости, распространяемые Каутским ныне про деревню и крестьянство Советской России.

Каковы последствия этого направления мыслей? Ближайшие последователи Каутского, „независимые социалисты“ Германии, повторяют издевательства „над крестьянским коммунизмом“ Советской России; ныне они вернулись даже в „об'единенную партию“ с.-д., где по аграрному вопросу господствует ревизионист Давид. А левое, ортодоксальное уклонение от этой теории, вернее последовательное ее проведение—нашло выражение в отколовшейся от коммунистов группе „Ком. Раб. Партия Германии“. Яркую характеристику этому направлению дают слова Гортера о первом дне после победы (в Ком. Арб. Цейт.— № 5, 1923): „Крупные имения превращаются в сельские коммуны. Мелкому и среднему крестьянину мы можем, так как вначале у нас будут дела поважнее, предоставить известную сомостоятельность. Они должны считаться не более как управляющими государственной собственностью, которые, если они начнут саботаж или не будут обрабатывать своей земли, могут быть изгнаны с их усадеб и земель“. Каутский сам, потеряв веру в прежние свои слова, остался без всякой платформы.

Блестящую критику социал-демократической точки зрения по аграрному вопросу дала резолюция 2-го С'езда Ком. Интерн. И эта резолюция подчеркивает, что „только городской и промышленный пролетариат может избавить трудящиеся массы деревни от гнета капитала и крупного помещичьего землевладения“. Но, продолжает резолюция, „это не выполнимо без внесения классовой борьбы в деревню“. Далее резолюция перечисляет „три группы сельского населения, а именно: 1) сельско-хозяйственных пролетариев (наемных рабочих); 2) полупролетариев и 3) парцельных крестьян и мелкое крестьянство“. „Взятые вместе, три указанные группы составляют во всех странах большинство деревенского населения. Поэтому конечный успех проле-

тарского переворота обеспечен не только в городах, но и в деревне. Обратное мнение является широко распространенным, но держится лишь всецело, во-первых, на систематическом обмане буржуазной науки и статистики, затушевывающих всеми мерами глубокую пропасть между указанными классами деревни и эксплоататорами, крупными помещиками и капиталистами, а равно между полупролетариями и мелкими крестьянами, с одной стороны, и крупными, с другой; во-вторых, оно держится в силу неумения и нежелания героев 2 Интернационала и развращенной империалистическими привилегиями „рабочей аристократии“ вести действительную пролетарскую, революционную работу пропаганды, агитации, организации среди трудящегося сельского населения; в-третьих, оно держится в силу упорного предрассудка, непонимая той истины, которая вполне доказана теоретическим марксизмом и подтверждена опытом пролетарской революции в России, именно: что за исключением сельских рабочих, которые уже теперь стоят на стороне революции, разрозненное, забитое, придавленное, осужденное во всех, даже наиболее передовых, странах на полуварварские условия жизни, сельское население вышеназванных трех категорий, будучи экономически, социально, культурно заинтересовано в победе социализма, только тогда сможет решительно поддержать революционный пролетариат, когда политическая власть будет последним завоевана, лишь после того, как осуществится окончательная его расправа с крупными землевладельцами и капиталистами, лишь после того, как эти задавленные слои сельского пролетариата увидят на практике, что у них имеется организованный вождь и защитник, достаточно могучий и твердый для помощи и руководства их, для указания верного пути“. Далее резолюция Ком. Интерн. находит необходимою нейтрализацию среднего крестьянства, и предлагает беспощадную борьбу против кулачества деревни и помещика.

Такова та программа, которую коммунизм, как революционный марксизм, противоставляет социал-демократам, нынешним представителям оппортунистического, примиренческого „марксизма“. Я отметил уже вначале, что еще в 1895 году люди, как Бебель, каким то чутьем предугадали, что на неверном пути находятся ортодоксы, на словах отмежевывающиеся от мелко-буржуазного крестьянства с тем, чтобы на деле покончить в об'ятиях крупной буржуазии. Они были правы. Каутский ныне открыто проповедует коалицию с.-д. с буржуазией.

В связи с вопросом о взаимоотношениях пролетариата и крестьянства еще один вопрос заслуживает особого внимания. Каутский много говорит о собственнических иллюзиях мелкого и всякого крестьянина вообще, о любви крестьянина к своей собственности и т. д.; эти соображения слышны достаточно часто, и не без основания, всюду. Но Каутский не затрагивает одного крайне существенного обстоятельства в этом вопросе. Он не ищет и не находит материального основания этих иллюзий, этой любви и т. п.

В основе крестьянской любви к своей земле лежит, с одной стороны, любовь к природе, с которой он так близко связан, но в бóльшей еще степени любовь к „труду и поту“, затраченному им на эту землю. Технически эти затраты заключаются в покупной цене за землю и в том, что обозначается одним общим названием „земельные улучшения“, под которыми разумеются не только улучшение почвы, но и возведение и ремонт построек и т. д. О покупной цене

говорит и Каутский, хотя и не так ярко, как Маркс. „Одно из специфических зол мелкого земледелия, где оно связано с свободной собственностью на землю, вытекает от того, что земледелец затрачивает известную сумму капитала на покупку земли... В мелком собственнике земли, таким образом, еще в бóльшей степени укрепляется иллюзия, что почва сама имеет ценность и что затраченный им на покупку капитал входит в цену производства продукта, как и машина или сырье". (Капитал III, 2).

Но еще важнее вопрос об улучшениях, как более общий, относящийся особенно к мелкому арендатору. Мы знаем, что в таких типичных странах беспощадной эксплоатации мелкого земледельца, как в Ирландии, борьба за вознаграждение улучшений составляла основную часть той гражданской войны, которая здесь свирепствовала между английским лэндлордом и ирландским крестьянином. Маркс в своем „Капитале" (т. III, 2, стр. 158 немецкого издания) суть вопроса об этих улучшениях излагает следующими словами: „Временные затраты капитала, вызываемые обыкновенным производственным процессом в земледелии, все без исключения делаются арендаторами. Эти затраты, как и сама обработка, если она происходит более или менее рационально, улучшают почву, увеличивают ее продукт и превращают землю из простой материи — в землю-капитал. Обработанное поле ценнее необработанного поля того же природного качества... Как только условленный срок аренды истек — и это является одною из причин, почему вместе с развитием капиталистического способа производства собственник земли старается по возможности сокращать срок аренды — затраченные в почву улучшения переходят, как нераздельная принадлежность субстанции почвы, к владельцу земли в собственность. В новом арендном договоре, который он заключает, собственник земли к земельной ренте в собственном смысле слова прибавляет еще и процент за затраченный в землю капитал, все равно сдает ли он землю в аренду арендатору, сделавшему эти улучшения, или другому арендатору. Его рента таким образом растет, или если он хочет продать эту землю... ее цена теперь выше. Он продает не только землю просто, но улучшенную землю, вложенный в землю капитал, который ему ничего не стоил. Это является одним из секретов все растущего обогащения собственников земли, постоянного нарастания их рент и растущей денежной ценности их земель вместе с ходом экономического развития. Они таким образом прячут в свои частные карманы достигнутый без всякого их участия результат общественного развития".

Надо быть знакомым с теми приемами, какие применялись в той же Ирландии (и во всех странах, где преобладала эксплоатация мелкого или среднего земледельца, как наиболее слабого в борьбе с „барином" элемента) для искусственного побуждения арендатора к затратам на улучшения, чтобы понять свирепую борьбу вокруг такого, казалось бы, мелкого требования, как вознаграждение за улучшения. Тогда только становится понятным, почему всякая примитивная аграрная революция связана с поджогами и иными повреждениями построек и прочих улучшений со стороны выселяемых крестьян. Игнорирование этого вопроса всегда служит признаком поверхностного обращения с аграрным вопросом. В этой материальной основе кроется в значительной степени и секрет любви крестьянина к своей земле, а равно здесь и скрывается самая суровая критика частной собственности вообще. Ведь Маркс показывает, как при каждом смертном случае или ином

переходе земли к новому собственнику — земля выкупается вновь (выплата наследственных долей и т. п.). А сам Каутский в своей „Социализации сельского хозяйства“ показывает, что в Пруссии еще до войны 6% всех земель ежегодно меняло своего собственника, т. е. любая земля в среднем в 15 лет меняла своего владельца; по отношению к мелким владениям до 2-х гектаров в Восточвой Пруссии даже в 10 лет.

Раскрыв эту материальную подоплеку любви крестьянства к земле и к земельной собственности, мы можем с большею уверенностью поставить диагноз и о лечении болезни. Наиболее решительным и верным средством тут*) оказывается отмена частной собственности на землю, упраздняющая одновременно и покупную цену и задолженность. Если к этому прибавить еще обеспечение для земледельца неприкосновенности его улучшений, которое должно и может быть достигнуто только путем пролетарской революции, то пред нами лежит совершенно реальное решение задачи. Так, примечание к ст. 53 декрета о социализации земли в Советской России как раз рядом с отменой частной собственности на землю обеспечивало „пользователю земли“ — „вознаграждение за неиспользованные улучшения, а также за всякий труд, вложенный в землю, в насаждения и в постройки“.

Как я уже вначале сказал, моя цель не писать критику работы Каутского, но дать предисловие, напутственное слово к книге, написанной по важнейшим вопросам дня, но более 20 лет тому назад. Тогда это была сама по себе ценнейшая книга, со всеми преимуществами и недостатками своей эпохи. Она и теперь ценна, но лишь при одном условии, — если к ней подойти с верной точки зрения. Ее надо изучить и усвоить, но одновременно из ее предпосылок сделать новые выводы. В нее надо внести те поправки, которые нам диктует наша революционная эпоха и ход самой революции. Ее надо дополнить Марксом, Лениным и результатами величайшей аграрной революции в Советской России.

Основной тезис Каутского о преимуществе крупного производства в сельском хозяйстве пред мелким остается в силе полностью. Но, пока только с точки зрения рабочего класса, трудящихся вообще. Мелкое производство не может обеспечить надлежащих условий труда, и наоборот, — высокие условия труда заставляют перейти к машинам и повышенной технике, т. е. к новой системе хозяйства, в данном случае к крупному или машинному производству. Что же может ныне создать почву для повышения уровня условий труда? Только победа пролетариата, ибо сейчас класс капиталистов идет в наступление с целью понижения заработной платы, удлинения рабочего дня и т. д. Это, в связи с промышленною безработицею, должно неминуемо привести не к повышению, а к понижению уровня условий труда сельского рабочего. А что это означает для земледелия? Регресс, не прогресс машинного производства, а вместе с тем новые победы мелкого производства, т.-е. крестьянства. Англия долго считалась передовою страною в смысле капиталистического крупного производства в земледелии. Но и там побеждает мелкое производство в сельском хозяйстве, а когда в связи с недостатком рабочих рук в сельском хозяйстве во время войны назначена была комиссия для исследования степени применения машин в сельском хозяйстве Англии, то, по словам отчета этой комиссии в журнале департамента земле-

*) См. Карл Маркс. „Классовая борьба во Франции“. 1919 г., стр. 94 и сл.

делия за 1920 год, она пришла к убийственным выводам: что машины применяются чрезвычайно слабо и что применяемые обыкновенно машины использованы совершенно недостаточно! Доклад возлагает надежды на улучшение в этом отношении — вследствие повышения за время войны уровня заработной платы сельско-хозяйственных рабочих. — Сейчас это повышение превратилось в понижение, и мечты комиссии, значит, не сбылись.

Ошибка Каутского заключается не в постановке основного вопроса, но в той плоскости, в которой он его обсуждает. В современном обществе земледелие не дойдет до такого состояния, чтобы и сельское хозяйство вполне созрело для социализма. Это произойдет лишь после победы промышленного пролетариата. В своей новейшей работе (о программе с. д.,—1922 г.) Каутский приходит к заключению, что „в сельском хозяйстве не заметна гибель мелкого производства, но не заметна также и гибель крупного производства. Оба сохраняют свои позиции". А вывод? Вывод анекдотический: „Изложение Эрфуртской программы следует оборотить, делая исходною точкою не гибель мелкого производства, но под'ем крупного", по совету того звездочета, который некоему султану поясняет его сон не в том смысле, что „он будет видеть, как будут умирать все его родственники", ибо такие слова его рассердили-бы, но в том духе, что „он их всех переживет", каковые слова возбудили его общее благорасположение.

Так решается серьезнейший вопрос пролетарской революции! А между тем без удовлетворительного разрешения этого вопроса революция невозможна, ибо еще более 40 лет тому назад Ф. Энгельс настаивал на необходимости привлечь на сторону революции мелкое крестьянство. С тем более легким сердцем можно итти по этому пути, если ни до революции, ни в первое время после революции нельзя ждать быстрого исчезновения мелкого производства в сельском хозяйстве. Не видеть этого—либо непонятная слепота, либо прямое нежелание революции.

Мы должны помнить, что „с победою пролетариата классовая борьба, ни экономическая, ни политическая, еще не прекращается, а продолжается". А второе, что „революционный пролетариат должен уметь итти на максимальные жертвы ради свержения буржуазии и упрочения пролетарской власти". С этими предпосылками пролетарской революции, принятыми Ком. Интернационалом, конечно, несоединима робкая остановка пред соображениями „о социальном развитии". И мы видим, что буржуазия не останавливается пред такими соображениями. Когда наступает угроза ее власти, она смело жертвует интересами „социального развития", даже интересами дружественного ей ныне класса землевладельцев и приступает к выкупу крупных культурных имений для распродажи некультурным крестьянам. После первой волны выкупа земель, начавшейся, как мы видели, в 90-х годах и продолжавшейся 10 лет, новая волна заметна во время Балканской войны, когда Болгария и Сербия превратились в страны, преимущественно, мелко-крестьянские. С 1918 года, в связи с революцией 1917 года, начинается третья волна, начавшаяся в Румынии и прошедшая через все новые государства, составлявшие часть России: Эстонию, Латвию, Финляндию, Литву и Польшу. Социал-демократы этих стран проболтались и обнаружили действительную причину такового явления. „Нам надо было быстро вырвать сорную траву—коммунизм", так они формулируют свою поддержку раздела земли со стороны правительства буржуазии, одновременно принципиально, устами Каутского, от-

казывая в том же мероприятии победившей революции! Каутский видит в этом случае лишь „реакционную утопию: сохранение крестьянства".

Каутский, и с экономической точки зрения, тут забывает одно: диктатура пролетариата получает в свои руки такое мощное орудие, как влияние на всю совокупность мелких хозяев, вовлекая их в свой общегосударственный план хозяйства. Мы знаем, что суть капиталистической частной собственности на землю заключается в „зависимости сельского хозяйства от капитала". В тот момент, когда крупный капитал национализируется путем революции, пролетарское государство принимает на себя роль частного капитала, со всеми его правами и обязанностями. От него зависит этим своим правом пользоваться умно или неразумно. А. Ф. Энгельс в своем „Крестьянском вопросе" предлагает пролетариату именно мудрую политику уступчивости по отношению к мелкому и среднему крестьянству: „Те материальные жертвы, какие нам придется нести из средств общества в пользу крестьян, с точки зрения капиталистического хозяйства, покажутся выброшенными на улицу деньгами, но в действительности это будет весьма полезным применением капитала, ибо оно сбережет, может быть, десятикратно большие суммы в пользу общего общественного перелома... Чем больше будет количество тех крестьян, которым мы не дадим попасть в жалкое состояние пролетариев, но которых нам удастся привлечь на свою сторону, тем легче и быстрее совершится вся общественная перемена".

Впрочем, после победы и Каутский милостив и в небольшом отделе в конце обещает крестьянам, словами Энгельса, разные гарантии. Но эти страницы построены более или менее искусственно. При взгляде Каутского на революцию, как на мирный выкуп земель и ипотек крупных капиталистов и землевладельцев, он, вместо черезчур строгого барина, обещает крестьянину барина мягкосердечного и милостивого в лице демократической республики—до тех пор, пока он сам не согласится сдать свою собственность. Такое решение вопроса безжизненно. Если стать на точку зрения революции, то необходимо реальными обещаниями склонить и часть деревни на свою сторону, а остальную нейтрализовать. Этого не может признать теоретик серьезно убежденный, что „в смысле обещаний социал-демократы все равно никогда не смогут дать столько же, сколько партии аграриев, не только по существу ближе к ним стоящие, но и могущие им обещать больше, так как они не верят в необходимый и неудержный экономический прогресс".

Но Каутский и не боится крестьян: „социал-демократия с ним (т. е. крестьянством вообще, а не только кулаком) уже справится там, где оно станет против нее". Не вспоминаются ли вам невольно слова Гортера, приведенные мною выше?

Я сел писать о книге, являющейся гимном на успехи крупного производства в сельском хозяйстве, а мое писание превратилось в защиту крестьянства. Так ли это? Да и нет! Мы безусловно знаем страны, где имеется сельско-хозяйственный пролетариат, имеющий за собой уже поколения, у которого всякие собственнические иллюзии исчезли и изжиты. Но всюду имеются, за исключением разве лишь Англии, еще большие массы крестьянства, без которых или против которых во всей их совокупности провести революцию невозможно.

Но это не все. Там условия труда сельско-хозяйственных рабочих крайне низки, и только благодаря этому обстоятельству возможны

ренты и прибыли. После пролетарской революции эти условия труда должны быть изменены, да при том еще в условиях разрухи и некоторого развала дисциплины, как необходимого последствия революционного перелома. Значит, выход только в переходе к более совершенной системе хозяйства (в крупном производстве) или в наделении землею в виде мелкого, но интенсивного хозяйства. Мы должны определенно стать на ту точку зрения, что этого в интересах революции и последнего (т. е. мелкого производства) нечего опасаться, ибо пока наше крупное производство в сельском хозяйстве еще очень далеко „от мясных или хлебных фабрик", и в лучшем случае находится в стадии мануфактуры. А где оно перешло к машинному производству, там оно носит характер экстенсивного, обыкновенно хищнического хозяйства. Но возможность перехода к крупному, машинному интенсивному хозяйству вполне доказана. И в этом отчасти заключается заслуга книги Каутского.

Из аграрного вопроса Каутского необходимо вынести общие теоретические познания по аграрной теории Маркса, дополняя его подлинными словами К. Маркса (Капитал, III т., 2 ч.) и в высшей степени ценными работами единственного современного серьезного теретика по аграрному вопросу т. Ленина. Вооруженный такими познаниями читатель может итти на встречу всем проблемам, выдвигаемым нашею революциею. Неправильно думать, что у нас аграрный вопрос уже решен окончательно. Решена предпосылка аграрной революции, вопрос об отмене права собственности. Но если не удастся решить и следующей проблемы о социализации сельского хозяйства, то, конечно, вопреки всем декретам восстановится мелкая частная собственность (если и не на словах, то на деле). Будем надеяться, что перепечатка работы Каутского означает начало оживления теоретической мысли по аграрному вопросу. Мы совершили 5 лет тому назад величайшую в истории аграрную революцию, и лишь ныне на русском языке появляется первая серьезная книга по аграрному вопросу, да и то только в виде перевода старой и устаревшей книги. И работе Каутского в свое время не особенно повезло. Она впервые вышла 23 года тому назад и, горячо приветствуемая всем левым крылом социал-демократии всего мира, все-таки на немецком языке, при небольшом тираже, вышла лишь в первом и единственном издании. Несколько больше успехов она имела в России, и я уже указал, почему.

Я повторяю, что неправильна мысль, будто-бы для нас аграрный вопрос можно уже отнести в область истории. Я, наоборот, приветствую это издание, как первый шаг к теоретическому углублению вопроса и как первую ласточку для новых, более современных для нас работ.

П. Стучка.

4. IV 1923 г.
г. Москва.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА.

Происхождением своим настоящее сочинение обязано дебатам об аграрной программе, предложенной на Франкфуртском партейтаге германской социал-демократии и отвергнутой на Бреславльском. Какого бы мнения ни быть об этих дебатах, несомненно одно: в них обнаружилось отсутствие единства во взглядах как германской, так и международной социал-демократии на тенденции развития современного сельского хозяйства, а, следовательно, и отсутствие неоспоримого принципа, который мог бы лечь в основу определенной аграрной политики. Поэтому в Бреславле была единогласно признана необходимость основательного изучения аграрных отношений.

Конечно, не было надобности в этом поводе, чтобы возбудить во мне интерес к аграрному вопросу. Живо занимал он меня еще в начале моей партийной деятельности. В 1878 году, когда я писал еще под псевдонимом „Symmachos", я обнародовал в венском журнале „Социалист" ряд статей под заглавием „Крестьянство и социализм". Отдельный оттиск их должен был появиться в печати в виде агитационной брошюры, но все издание было конфисковано. В 1879 году я закончил свое сочинение „Der Einflus der Volksvermehrung auf den Fortschritt der Gesellschaft", в котором видное место отведено вопросу о производстве жизненных средств; в 1880 году в „Ежегоднике Рихтера" появилась моя статья об агитации среди крестьянства; в 1881 г. в „Staatswirtschaftliche Abhandlungen" я исследовал вопрос о заатлантической конкуренции в производстве жизненных средств. Кроме того, я составил тогда целый ряд летучих листков для крестьян „Der Onkelaus Amerika" и др.

Когда поэтому в средине этого десятилетия *) аграрный вопрос приковал к себе внимание социалистических партий Европы, мне оставалось только возобновить старое знакомство,—знакомство, которого я никогда не прерывал совершенно.

Время только придало ему бóльший интерес, как практический, так и теоретический. Рост нашей партии и земледельческий кризис выдвинули его в один ряд с важнейшими практическими вопросами, с которыми приходится сталкиваться социал-демократии. Между тем марксизм лег повсюду в основу социалистического движения, появился III-й том „Капитала" с его блестящим исследованием земельной ренты; но в тоже время развитие сельского хозяйства вызвало к жизни такие явления, которые кажутся несовместимыми с учением Маркса. Это придало аграрному вопросу и чрезвычайный теоретический интерес. При обработке уже давно знакомой мне темы я не ожидал встретить особых затруднений, и мне хотелось по возможности

*) 90-ые годы XIX ст.

скорее выступить со своей работой перед публикой, так как дело касается не академических, а животрепещущих практических вопросов. Не смотря на это, прошло 3 года, прежде чем мне удалось опубликовать настоящее сочинение.

Причину этого надо искать в том, что обязанности моей профессии, занятия злободневными вопросами, а по смерти Энгельса и участие в издании наследства Маркса слишком часто отрывали меня от работы, отчасти же в том, что для обоснования своих исследований я хотел воспользоваться главным образом новейшими данными о состоянии сельского хозяйства: анкетой последней парламентской аграрной комиссии в Англии, относящимся к земледелию третьим томом американской переписи 1890 года, французской аграрной анкетой 1892 года и германской статистикой сельско-хозяйственных промыслов и предприятий 1895 года; все это появилось в свет лишь в 1897 и даже в 1898 году.

Но тут-же с дальнейшим ходом работы обнаружилось, что намеченные мною рамки брошюры слишком тесны для предлагаемого сочинения. Я полагаю, что вопрос не в том, чтобы этой работой увеличить и без того уже не малое число монографий и анкет по сельско-хозяйственным вопросам. Хотя подобные произведения и заслуживают внимания, но не в них чувствуется недостаток: правительство, наука и публицисты господствующих классов ежегодно пред'являют публике массу подобных произведений; действительная же потребность чувствуется в исследовании, которое обнаруживало бы красную нить, проходящую через весь этот хаос фактов, необходимым является выяснение основных тенденций, кроющихся под поверхностью явлений и определяющих их характер. До сих пор частные вопросы общего аграрного вопроса, как напр., отношение между крупным и мелким производством, задолженность, наследственное право, недостаток в рабочих руках, заатлантическая конкуренция и проч. исследовались изолированно, как самостоятельные явления; теперь же дело идет о том, чтобы рассмотреть их, как частные явления единого общего процесса.

Задача эта трудна, тема обширна; кроме того, в существующей литературе мне не известно ни одной крупной работы по этому вопросу, которая трактовала бы его с точки зрения современного социализма. Естественно, что передовые теоретики социал-демократии занимались исследованием промышленного развития. У Энгельса и в особенности у Маркса можно найти много ценного по вопросу об аграрных отношениях, но это все—случайные заметки и мелкие статейки. Исключение представляет отдел о земельной ренте в третьем томе „Капитала“, но он остался недоконченным. Маркс умер, не закончив вполне труда целой жизни.

Но если б он и сделал это, то он все-таки не дал бы нам разрешения всех тех вопросов, которые интересуют нас в настоящее время. По плану своей работы он занимался только капиталистическим сельским хозяйством; в настоящее же время нас главным образом интересует роль до-капиталистических и не-капиталистических форм сельского хозяйства внутри капиталистического общества.

И тем не менее „Капитал“ является неоценимым и для нашего изучения сельско-хозяйственных отношений, неоценимым не только по своим результатам, но и по своему методу, который дает нам возможность и в этой области успешно продолжать начатый труд. Если в этом сочинении мне удалось развить новые плодотворные мысли,

то я прежде всего обязан этим своим двум великим учителям, и я заявляю об этом тем охотнее, что с некоторого времени даже в социалистических кругах начинают раздаваться голоса, об'являющие точку зрения Маркса и Энгельса устарелой; правда, в свое время, говорят они, Маркс и Энгельс создали нечто, вполне достойное внимания; правда, и в настоящее время их произведения будят мысль, но кто не хочет погрязнуть в догматизме, тот не должен всецело подчиниться их влиянию; они должны только послужить переходной ступенью к высшей точке зрения; это-де следует уже из самой точки зрения Марксовой диалектики, которая учит, что вечных истин нет, и что всякое развитие совершается через отрицание существующего.

Это выглядит очень философски, но в тоже время приводит к интересному выводу, что Маркс не прав уже потому, что прав, что диалектика неверна уже потому, что верна, к выводу, в котором неоспоримо только одно: ложность диалектики, только не диалектики Маркса. Энгельс еще в своем Antidühring'e (2-ое изд., стр. 133) указывал, как нелепо считать уничтожающее отрицание членом диалектического процесса. Развитие путем отрицания ни в коем случае не означает отрицания *всего* существующего, оно скорее предполагает дальнейшее существование того, что подлежит развитию. Отрицание капиталистического общества социалистическим не означает разрушения человеческого общества, а лишь разрушение некоторых сторон одной из фаз его развития. Но ни в коем случае оно не означает и разрушения всех тех сторон капиталистического общества, которые отличают его от предшествовавшей ему общественной формы. Если капиталистическая собственность есть отрицание индивидуальной, то социалистический строй есть „отрицание отрицания". Он снова восстановит индивидуальную собственность, но только „основывающуюся на приобретениях капиталистической эры" (Маркс, „Капитал", 2-ое нем. изд., ст. 793). Развитие только тогда является прогрессом, если оно не просто отрицает, уничтожает, но также сохраняет, если в существующем рядом с тем, что заслуживает разрушения, оно открывает и то, что достойно сохранения. Прогресс состоит в накоплении приобретений предшествовавших эпох развития. Развитие организма обусловливается не только приспособлением, но и наследственностью, классовая борьба, двигающая вперед человеческое общество, состоит не только в разрушении и созидании вновь, но и в завоевании, а, следовательно, и в сохранении существующего; успехи науки не были бы возможны, как без передачи ее прежних приобретений, так и без критического отношения к ним; прогресс искусства основывается не на одной только оригинальности гения, не признающего никаких рамок традиции, но и на понимании классических произведений предшественников.

Только изучение действительности дает нам возможность судить о том, что обречено на гибель и что подлежит сохранению; здесь диалектика абсолютно не годна, она не может служить шаблоном, который заменил бы это исследование. Она только средство, способствующее систематичности исследования и изощряющее взгляд исследователя. В этом ее высокое достоинство. Но она не дает прямо в руки готового результата.

Мнение, выводящее из самого учения Маркса необходимость его замены высшим учением, покоится на ложном понимании его диалектики. Что в этом учении ошибочно, и что представляет κτῆμα ἐς ἀεί, вечное приобретение науки, этот вопрос решается не ссылкой на диа-

лектику, а исследованием фактов. Но с моей точки зрения это исследование до сих пор ни в каком случае не привело к „отрицанию“ марксизма. Я вижу одни только колебания и сомнения, но ни одной новой истины, которая в состоянии была бы затмить учение Маркса.

Но одни колебания и сомнения не представляют отрицания в диалектическом смысле, не представляют дальнейшего развития за пределы существующих знаний, не означают еще победы над существующей теорией. Причина сомнений, по моему мнению, кроется скорее в личностях сомневающихся, чем в учении, подвергнутом сомнению. Я думаю так не только на основании результатов изучения этих сомнений, но и на основании личного опыта.

В начале моего изучения социализма симпатии мои были далеко не на стороне теории Маркса. Я относился к ней столь же критически и недоверчиво, как любой из тех, которые теперь так презрительно смотрят сверху вниз на мой фанатический догматизм. Но сопротивляясь, я стал марксистом. И тогда, и позже всякий раз, как у меня являлось какое-либо сомнение в основных вопросах, я всегда, в конце концов, находил, что вина во мне, а не в моих учителях; углубление в предмет заставляло меня признать правильной их точку зрения.

Таким образом, каждое новое изучение, каждая попытка пересмотра приводили меня к еще большей убежденности, к еще большему признанию того учения, применение и распространение которого стали задачей моей жизни.

Явления сельско-хозяйственного развития вызвали самые серьезные сомнения в „Марксовой догме“. Предлагаемое сочинение покажет, насколько они основательны.

Берлин—Фреденау.
Декабрь 1898 г.

К. Каутский.

I.

Развитие сельского хозяйства в капиталистическом обществе.

I.

ВВЕДЕНИЕ.

В современном обществе господствует капиталистический способ производства. Противоречие между классом капиталистов и наемным пролетариатом— вот движущий момент нашего века, который кладет на него свою печать. Но капиталистический способ производства не является единственной формой производства, существующей в современном обществе. Рядом с ним еще встречаются остатки до-капиталистических способов производства, сохранившиеся до настоящего времени, с другой стороны, в некоторых формах государственного или общинного хозяйства и в товариществах можно уже открыть зародыши нового, высшего способа производства. Но и противоречие между классом капиталистов и наемным пролетариатом не является единственным социальным противоречием нашего времени. Рядом с двумя этими классами и между ними существует еще много других—среди них верхи и подонки общества: с одной стороны, монархи со своими придворными, с другой, разного рода босяки. Они являются отчасти продуктами до-капиталистических общественных форм, отчасти же порождены потребностями самого капитализма или, по крайней мере, поддерживаются ими в своем росте. В высшей степени разнообразные, постоянно меняющиеся интересы этих частью развивающихся, частью вымирающих классов самым сложным образом скрещиваются и переплетаются с интересами капиталистов, с одной стороны, и пролетариев, с другой, не сливаясь однако вполне с интересами того или другого из этих основных классов. Промежуточные классы и придают политической борьбе наших дней ее непостоянный, изобилующий всякими причудливыми неожиданностями, характер.

Теоретика, желающего исследовать основные законы, господствующие в жизни современного общества, не должно смущать обилие таких явлений. Он должен исследовать капиталистический способ производства в его чистом виде, в его классических формах, совершенно освобожденным от окружающих его остатков и зародышей других производственных форм. Наоборот, практический политик впал бы в большую ошибку, если бы стал считать капиталистов и пролетариев единственными факторами, действующими в современном обществе, и не обратил бы внимания на все другие классы.

Капитал Маркса трактует только о капиталистах и пролетариях. В „18-м брюмера“ и в „Революции и контр-революции в Германии“ того же автора [1]), напротив того, рядом с капиталистами и пролетариями роль играют также монархи и босяки, крестьяне и мелкие буржуа, бюрократы и солдаты, профессора и студенты.

Из всех этих промежуточных слоев крестьянство, еще недавно составлявшее большую часть населения наших государств, всегда вызывало особенный интерес демократических и революционных партий нашего столетия. Для них, порожденных городами, крестьянин являлся мистическим, непонятным,

[1]) Автором „Революции и контр-революции в Германии“ является не Маркс, а Энгельс. Этого не знал еще в 1898 г. Каутский. *Примеч. ред.*

порой даже наводящим ужас существом. Тот самый крестьянин, который когда то вел упорную борьбу с церковью, князьями, дворянством, теперь весьма цепко ухватился за эти учреждения. Часто он вступался за своих эксплуататоров с такой же силой, с какой другие классы боролись за свое освобождение. Оружие, которое приносила ему демократия, он слишком часто употреблял против нее же самой.

Социалдемократия сначала обращала мало внимания на крестьянство. Социалдемократия—не демократическая народная партия в буржуазном смысле слова,—всемирная благодетельница, стремящаяся удовлетворить интересы всех классов народа, как бы противоречивы они ни были,—а партия классовой борьбы. В первые годы своего существования она всецело отдалась организации городского пролетариата. Она ждала, что экономическое развитие так же расчистит ей почву в деревне, как и в городе, что борьба между мелким и крупным производством приведет к вытеснению первого из них и, таким образом, ей как чисто-пролетарской партии легко будет впоследствии завоевать массу сельского населения.

В настоящее время социалдемократия так мощно разрослась, что города уже не являются для нее достаточно обширным полем деятельности; но как только она выходит в деревню, ей тотчас же приходится сталкиваться с той таинственной силой, которая поражала такими неожиданностями прежние демократическо революционные партии. Она видит, что исчезновение мелкого производства в сельском хозяйстве вовсе не отличается быстротой, что крупные сельскохозяйственные предприятия только медленно завоевывают себе положение, местами же принуждены отступать. Вся экономическая теория, на которую опирается социалдемократия, кажется неправильной при попытках применения ее к сельскому хозяйству. Но если бы в самом деле эта теория оказалась недействительной по отношению к сельскому хозяйству, это должно было бы совершенно изменить не только прежнюю тактику, но и все принципы социалдемократии. Этот вопрос очень остро формулирован В. Зомбартом в его последнем сочинении: „Как быть, если в хозяйственной жизни есть области, не подверженные процессу обобществления и именно по той причине, что здесь мелкое производство при известных обстоятельствах имеет большее значение, более производительно, чем крупное? В этом и заключается вся проблема, которая встала перед социалдемократией в виде аграрного вопроса. Не заставит ли крестьянство принципиально изменить идеал общественного хозяйства, а вместе с тем и вытекающую из него программу? Предположим, что действительно придут к заключению, что в аграрном развитии нет тенденции к крупному производству, что, наоборот, в сфере аграрного развития крупное производство вовсе не всегда является высшей формой производства. Тогда придется поставить решительный вопрос: должны ли мы быть демократами в том смысле, чтобы охватить и мелких производителей, соответственно переделать нашу программу и отказаться от нашей общественнохозяйственной цели, или же мы должны остаться пролетарской партией, сохранить этот общественнохозяйственный идеал и цель, но тогда уже исключить из нашего движения другие элементы?

„Я говорю „если“, „предположим“, потому что до сих пор, насколько мне известно, невозможно с какой-либо достоверностью установить, какая тенденция развития существует в сельском хозяйстве, какая форма производства в сельском хозяйстве является высшей и, вообще, является ли высшей определенная форма производства в этой области. Однако, насколько я могу судить, система Маркса в существенных чертах здесь неприменима; насколько я могу судить, нельзя перенести дедукции Маркса без дальних рассуждений в область сельского хозяйства. Он высказал важные соображения и относительно аграрного вопроса, но его теория развития, основанная на росте крупного производ-

ства, на пролетаризации масс, теория, которая выводит необходимость социализма из этого развития, несомненна лишь для промышленного развития, но не для развития аграрного. Мне кажется, что только научное исследование сможет пополнить тот пробел, который во всяком случае в ней имеется" (Социализм и социальное движение в XIX столетии, стр. 111 нем. изд.).

Мы боимся только, что в этом отношении нам придется очень долго ждать. Разрешение спорного вопроса о том, какие имения производительнее: крупные или мелкие, уже больше столетия занимает экономистов, и конца этого спора еще не видно. Однако это не помешало тому, что пока теоретики вели бесконечные споры насчет преимуществ мелких и крупных хозяйств в земледелии, сельское хозяйство мощно шагнуло вперед по пути развития, который неоспорим и может быть ясно изображен. Но чтобы проследить это развитие, не нужно обращать внимание исключительно на борьбу между крупным и мелким производством и рассматривать сельское хозяйство само по себе, отдельно от всего хода общественного производства.

Несомненно,—и мы считаем это заранее доказанным,—сельское хозяйство не развивается по тому же шаблону, как индустрия. Оно следует собственным законам. Но этим еще отнюдь не сказано, что развитие сельского хозяйства представляет из себя противоположность развитию индустрии и несовместимо с ним. Наоборот, мы надеемся показать, что оба они идут к одной цели. Не надо только изолировать их друг от друга, а необходимо рассматривать, как нераздельные члены одного и того же процесса.

Марксова теория капиталистического производства не исчерпывается ведь сведением процесса развития этого способа производства к формуле: „вытеснение мелкого производства крупным", так что заучивший наизусть эту формулу уже обладает ключем к пониманию всего современного хозяйства.

Чтобы изучать аграрный вопрос в духе теории Маркса, недостаточно ответить на вопрос, имеет ли мелкое производство будущность в земледелии. Гораздо важнее подвергнуть исследованию все те изменения, которым подлежит сельское хозяйство при капиталистическом способе производства. Мы должны исследовать, овладевает ли капитал сельским хозяйством, и если овладевает, то каким образом, производит ли оно в нем переворот, расшатывает ли старые формы производства и выдвигает ли необходимость в новых.

Только ответив на эти вопросы, сможем мы решить, приложима ли теория Маркса к сельскому хозяйству или нет, и не суждено ли процессу уничтожения частной собственности, на средства производства остановиться как раз перед наиболее важным из всех средств производства,—перед землей.

Наша задача ясно обозначается всеми этими вопросами.

II.

КРЕСТЬЯНИН И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

Капиталистический способ производства развивается обыкновенно (исключая некоторые колонии) прежде всего в городах, прежде всего в промышленности. Сельское хозяйство большею частью долго остается некапиталистическим, и уже под влиянием развития промышленности сельско-хозяйственное производство принимает другой характер.

Средневековая крестьянская семья представляла из себя совершенно или почти совершенно самодовлеющую хозяйственную общину, которая не только производила средства продовольствия для собственного потребления, но и сама строила свое жилище, сама изготовляла для него мебель и домашнюю утварь,

сама делала большую часть своих незатейливых инструментов, дубила кожи, перерабатывала лен и шерсть, сама шила свою одежду и т. д. Крестьянин, конечно, бывал на рынке, но он продавал там только излишек того, что он производил, а покупал, исключая железа, только предметы роскоши, соблюдая при этом возможно большую бережливость. От состояния рынка могли зависеть удобства или роскошь его жизни, но не его существование.

Эта самодовлеющая община была несокрушима. Самое худшее, что могло ее постигнуть, были неурожай, пожар, вторжение неприятельской армии. Но даже эти удары судьбы были только временными бедствиями: они не уничтожали источников существования. От последствий неурожая предохраняли чаще всего большие запасы, сложенные в амбарах; скот давал молоко и мясо; лес и воды также доставляли средства к пропитанию. В лесу же был и строительный материал, чтобы на место сгоревшего дома выстроить новый. От неприятеля крестьянин вместе со скотом и другим имуществом, которое можно было увезти, скрывался в лесу и затем снова возвращался, когда неприятель уходил. Как бы ни был опустошителен неприятельский набег, он не мог уничтожить пашни, луга, лес, эти основы крестьянского существования. Если имелись необходимые рабочие силы, если люди и скот оставались целы, то потери скоро восстанавливались.

Еще в нашем XIX веке консервативный экономист Сисмонди дал живое изображение привольной жизни этого независимого крестьянства, положение которого было для него идеалом. „Деревенское благополучие, изображение которого дает нам история славных времен Италии и Греции, небезызвестно и нашему времени. Везде, где можно найти крестьянское землевладение, встречается также и то благосостояние, та обеспеченность, та уверенность в будущем, та независимость, которая одновременно гарантирует и счастье и добродетель. Крестьянин, который с помощью своих детей исполняет всю работу на своем маленьком наследственном участке, не платит ни арендной платы никому, стоящему выше его, ни заработной платы, стоящему ниже его. Он приспособляет свое производство к своему потреблению, ест свой собственный хлеб, пьет собственное вино, носит платье из приготовленной дома шерсти и из льна, им самим выращенного. Такой крестьянин мало заботится о рыночных ценах, потому что он мало продает и покупает, и никогда не будет разорен торговым кризисом. Далекий от того, чтобы бояться за будущее, он представляет его себе в радужных красках; ведь он употребляет в интересах своих детей, можно даже сказать в пользу грядущих веков, каждое мгновенье, которое остается у него свободным от обычной работы. Ему нужно немного времени, чтобы бросить в землю зерно, которое через 100 лет вырастет в могучее дерево, вырыть канаву, которая навсегда осушит его поле, провести ключевую воду, улучшить все окружающие его виды скота и растений неустанно повторяемыми усилиями, сокращающими минуты его отдыха. Его маленькое наследственное имение — настоящая сберегательная касса, всегда готовая принять все его мелкие сбережения, превратить в стоимость всякую минуту его отдыха. Вечно деятельная сила природы оплодотворяет его землю и вознаграждает сторицей его труд. Крестьянин живейшим образом ощущает счастье, связанное с его собственностью“. (J. C. L. Simon de Sismondi. „Etudes sur l'économie politique“. I, стр. 170, 171).

Еще 60 лет тому назад один из значительнейших экономистов своего времени мог изображать в таких ярких красках счастье мелкого крестьянина. Можно признать, конечно, что все это изображено в слишком розовом свете, что это не было при том изображением общего положения крестьянства, — Сисмонди имел в виду главным образом Швейцарию и некоторые области верхней Италии, — но во всяком случае нарисованная им картина не придумана, а снята с натуры тонким наблюдателем.

Сравнивая с ней состояние современного крестьянства во всей Европе, включая Швейцарию, нельзя не признать, что за истекший период произошла громадная экономическая революция.

Первым шагом к этому было вытеснение крестьянского ремесла главным образом городской промышленностью и торговлей.

Внутри крестьянской семьи было возможно только незначительное разделение труда, которое не шло дальше разделения труда между мужчиной и женщиной. Не удивительно, что городская промышленность скоро обогнала крестьянское ремесло и стала производить для крестьян утварь и орудия, которые крестьянин мог изготовлять далеко не столь совершенным образом, а часто даже и вовсе не в состоянии был делать. Но развитие промышленности и торговли породило и в городах новые потребности, которые подобно новым улучшенным орудиям проникали в деревню тем быстрее и неудержимее, чем оживленнее становились сношения между городом и деревней;—крестьянская промышленность не могла удовлетворить этих потребностей. Суконное платье заменило холщевые куртки и овчинные полушубки, лапти были вытеснены кожаной обувью и т. д. Милитаризм, уводящий крестьянских сыновей в город и знакомящий их с городскими потребностями, чрезвычайно сильно содействовал этому процессу. Главным образом милитаризму следует приписать распространение употребления табаку и водки. В конце концов городская промышленность в некоторых отраслях достигла такого превосходства, что превратила продукты крестьянской промышленности в предметы роскоши, употребление которых бережливый крестьянин не мог себе позволить и потому прекратил их производство. Так, развитие хлопчато-бумажной промышленности, необычайно удешевившее ситец, повсеместно очень ограничило, а во многих местах и совершенно уничтожило разведение льна для собственного потребления крестьянина.

Падение крестьянской промышленности, производившей для собственного потребления, началось еще в средние века с возникновением городского ремесла. Но последнее лишь медленно проникало в деревню, его влияние ограничивалось ближайшими окрестностями города и едва заметно затрогивало условия жизни крестьянства. Еще в то самое время, когда Сисмонди превозносил крестьянское счастье, Иммерман (в своем „Münchhausen“) изобразил в лице старосты крупного вестфальского крестьянина, который говорит: „Дурак то, кто заказывает кузнецу то, что сам может сделать“, и о котором автор рассказывает, что он „собственноручно исправляет в доме все косяки, двери и пороги, чинит ящики и сундуки, или при удобном случае делает их и заново. Если бы он захотел, то я думаю, он мог бы быть искусным столяром и сумел бы сделать настоящий шкаф“. В Исландии еще в настоящее время нет ни одного особого ремесла, которое заслуживало бы этого названия. Крестьянин там еще и теперь является своим собственным ремесленником.

Лишь капиталистическая промышленность настолько могущественна, что она быстро вытесняет крестьянское домашнее производство для собственного потребления и лишь капиталистическая система сношений с ее железными дорогами, почтой, газетами заносит понятия и продукты города в самые глухие углы страны и вводит, таким образом, в процесс капиталистического развития не только пригородное, но все вообще сельское население.

Чем далее подвигается этот процесс, тем более разлагается первобытная крестьянская домашняя промышленность, тем сильнее испытывает крестьянин нужду в деньгах; ему нужны теперь деньги не только для покупки предметов не первой необходимости или даже роскоши, но и для покупки необходимого, без чего он не может обойтись. Без денег он не может более вести свое хозяйство, не может более существовать.

Но одновременно с этим развивалась и возрастала нужда в деньгах и у тех властителей, которые эксплоатировали крестьянина, у феодальных сеньо-

ров, князей и прочих лиц, располагавших государственной властью. Это, как известно, привело к превращению натуральных крестьянских повинностей в денежные, но вместе с тем породило стремление все более повышать эти повинности, благодаря чему потребность крестьянина в деньгах, конечно, возросла еще более.

Единственный способ, которым он мог добыть деньги, состоял в том, чтобы превращать свои продукты в товар, выносить их на рынок и продавать там. Само собой разумеется, что продуктами, на которые он скорее всего находил покупателей, были не произведения его отсталой промышленности, а те продукты, которых не производила городская индустрия. Таким-то образом крестьянин в конце концов должен был сделаться тем, что мы в настоящее время разумеем под этим словом, но чем он отнюдь не был сначала: чистым земледельцем. Но чем более он им становился, чем более промышленность отделялась от сельского хозяйства, тем более исчезала та самостоятельность, обеспеченность и привольность крестьянского существования, которые еще Сисмонди встречал местами у свободных крестьян.

Крестьянин попал теперь в зависимость от рынка, который оказался еще более капризным и неверным, чем погода. От коварства последней он, по крайней мере, мог до некоторой степени защищаться. С помощью отводных канав он мог умерять влияние слишком влажного лета, оросительными сооружениями — противодействовать слишком большой засухе, дымом костров он мог предохранять свои виноградники от весенних заморозков и т. д. Но он был совершенно беспомощен перед падением цен, он не имел никакого средства продать хлеб, на который не было покупателей. И то, что было для него прежде благословением—хороший урожай,—стало теперь проклятием для него. Это с поразительной ясностью обнаружилось в начале XIX столетия в западной Европе, в особенности там, где сельское хозяйство в общем уже приняло характер товарного производства, а средства сообщения оставались еще несовершенными и были не в состоянии покрывать недостаток в одной местности излишками другой. Неурожаи так же быстро повышали хлебные цены, как урожаи понижали их. Во Франции сбор пшеницы давал следующий доход:

	Средний урожай с гектара в гектолитрах.	Цена гектолитра во франках.
1816	9,73	28,31
1817	—	36,16
1821	12,25	17,79
1822	—	15,49

Французские сельские хозяева при втрое большем урожае в 1821—22 г. получили доход только около 200 франков с гектара,—на одну треть менее, чем в 1816—17 г. Неудивительно, что французский король выразил тогда палате свое сожаление по поводу того, что никакой закон не в состоянии „предотвратить ущерб, причиненный чрезмерным урожаем“.

Чем более сельско-хозяйственное производство становилось товарным, тем менее оно могло оставаться на первобытной ступени непосредственной продажи товара производителем потребителю. Чем дальше находился рынок, для которого производил земледелец, и чем более он расширялся, тем невозможнее было продавать непосредственно потребителям, тем более нуждался производитель в посреднике. Между потребителем и производителем становится торговец; он много лучше последнего следит за рынком, он до некоторой степени управляет им и пользуется этим для эксплоатации крестьянина.

К торговцу хлебом и скотом вскоре присоединяется ростовщик; часто впрочем это одно и то же лицо. В плохие годы денежных доходов крестьянина не хватает на покрытие его нужды в деньгах; ему ничего больше не остается,

как воспользоваться кредитом, заложить свою землю. Он попадает в новую зависимость, начинается новая эксплоатация его, худшая из всех, эксплоатация ростовщическим капиталом, от которой он может избавиться лишь с большим трудом. Это не всегда ему удается; новое бремя часто оказывается для него слишком тяжелым, и песня кончается продажей с аукциона его наследственного участка, чтобы удовлетворить вырученной суммой ростовщика и кроме того еще, конечно, сборщика податей. К тому, чего в прежнее время не могли сделать неурожай, пожар и нашествие неприятеля, к этому приводят теперь кризисы на хлебном и скотном рынке. Они приносят с собой для крестьянина не только временные лишения, они могут отнять у него источник его существования,— землю,— могут в конце концов совершенно отделить его от земли, превратить его в пролетария. Так приходит конец благосостоянию, независимости, обеспеченности свободного крестьянина там, где исчезает его домашняя промышленность для собственного потребления и где на него взваливается бремя денежных повинностей.

Но развитие городской промышленности кладет также начало разложению первобытной крестьянской семьи. Крестьянскому двору некогда принадлежало столько земли, сколько было необходимо для прокормления крестьянской семьи и кроме того для уплаты оброка землевладельцу, где это вызывалось обстоятельствами.

Но с усилением зависимости крестьянина от рынка, с возрастанием его потребности в деньгах, т. е. с увеличением того излишка жизненных средств, которые он должен был производить для продажи, это равновесие постепенно нарушалось. При неизменности производственных отношений у крестьянина оказывалось слишком много земли для удовлетворения потребностей всей семьи. Он не мог однако по своему произволу изменять однажды установившийся способ производства и расширять площадь своего землепользования. Но, конечно, было в его воле уменьшить свою семью, если она была слишком велика, отпускать с дедовского двора излишние рабочие силы на заработки в качестве земледельческих рабочих, солдат, или городских пролетариев, или выселять в Америку, где они находили себе новую родину. Крестьянская семья сокращала число своих членов, насколько было возможно.

В том же направлении влияло и другое обстоятельство. Сельское хозяйство не такое занятие, которое требует постоянно одинакового количества человеческих рабочих сил. Иногда, во время полевых работ, в особенности же во время жатвы, оно требует их очень много, в другое время позволяет обходиться почти совершенно без них. Летом в сельском хозяйстве потребность в рабочих силах вдвое, втрое, часто даже вчетверо больше, чем зимой.

Пока существовала крестьянская кустарная промышленность, это различие в спросе на рабочие силы мало давало себя знать в сельском хозяйстве. Если не было работы на поле или она была незначительна, крестьянская семья больше уделяла времени работе дома и по дому. Это миновало с исчезновением крестьянской кустарной промышленности. В этом заключается вторая причина того, что крестьянин сокращает до минимума число членов своей семьи,—чтобы в течение зимы ему не приходилось кормить ни одного праздного человека.

Мы говорим здесь только о влиянии исчезновения крестьянской домашней промышленности. Изменения в сельско-хозяйственном производстве могут парализовать это влияние, как, например, переход от выгонного хозяйства к интенсивному скотоводству, которое требует больше труда; но другие изменения, напротив, могут его еще усилить. Так, молотьба хлеба была одной из самых важных сельско-хозяйственных работ, производившихся в зимнее время. Введение молотилки положило этому конец и явилось поэтому сильным мотивом для дальнейшего уменьшения крестьянской семьи.

Оставшимся приходится, конечно, более надрываться над работой летом. Но несмотря на крайнее напряжение своих сил, им не удается вполне заместить рабочую силу ушедших. Они вынуждены привлекать на помощь чужие силы, наемных рабочих, которых берут только на время страды и которых можно отпустить, когда они более не нужны. Как ни много приходится им платить, все-таки это обходится дешевле, чем стоило бы прокормить замененных ими членов семьи в продолжение круглого года. Такие наемные рабочие руки доставляются пролетаризированными крестьянами, а также крестьянами, ищущими подсобных промыслов, и теми крестьянскими сыновьями и дочерьми, которые стали лишними в своих семьях.

Один и тот же процесс, создавая, с одной стороны, потребность в наемных рабочих, с другой—способствует их появлению. Он пролетаризирует некоторых крестьян, он, как мы видели, сокращает крестьянскую землю и выбрасывает на рабочий рынок крестьянских сыновей и дочерей, ставших для нее лишними. Наконец, у более мелких крестьян он вызывает потребность в подсобных промыслах вне собственного хозяйства. У них слишком мало земли, чтобы производить излишек, который оставался бы после покрытия потребностей их семьи; у них нет сельско-хозяйственных продуктов для продажи на рынке. Единственный товар, который они могут продавать, это их рабочая сила, только время от времени всецело отдаваемая собственному хозяйству. Одним из средств превратить ее в деньги является работа по найму у более крупных сельских хозяев.

До XVII-го столетия мы лишь в редких случаях встречаем в услужении у крестьян поденщиков, батраков и работниц. Только с этого времени наем их делается обычным явлением. Но замена членов семьи наемными рабочими в свою очередь отражается на положении рабочих сил, остающихся в лоне своей семьи. Они также все более принижаются до уровня наемных рабочих на службе у главы дома, в то время, как семейное наследие, крестьянский двор, одновременно с этим все более становится исключительной собственностью представителя семьи.

Место прежнего крестьянского семейного товарищества, хозяйничавшего на своем участке исключительно собственными силами, занимает в более крупных крестьянских хозяйствах группа наемных рабочих, которые под наблюдением землевладельца обрабатывают его поля, пасут его скот, собирают его жатву.

Классовая противоположность между эксплоататором и эксплоатируемым, между имущим и пролетарием проникает в деревню, даже в самую семью крестьянина и разрушает старую гармонию и общность интересов.

Весь этот процесс начался, как мы уже говорили, еще в средние века, но только капиталистический способ производства ускорил его в такой степени, что он повсюду стал оказывать решающее влияние на условия жизни сельского населения. Этот процесс, однако, еще не закончился и теперь и продолжает развиваться, захватывая все новые местности, все более превращая различные отрасли крестьянского производства для собственного потребления в отрасли товарного производства, самыми разнообразными способами усиливая потребность крестьянина в деньгах, заменяя работу на семью наемным трудом. Таким образом, уже одно развитие капиталистического способа производства в городе способно произвести полный переворот в прежних основах крестьянского существования, даже если капитал еще не проник в сельское хозяйство и еще не обнаружилась противоположность между крупным и мелким производством.

Но капитал не ограничивает своего влияния городской промышленностью. Как только он достаточно усиливается, он подчиняет себе и сельское хозяйство.

III.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ФЕОДАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ.

а) Трехпольное хозяйство.

Здесь не место исследовать условия возникновения крестьянской собственности. Для нашей цели достаточно уяснить то состояние крестьянской собственности и те отношения производства, которые развились после бурного периода переселения народов в странах, занятых германцами, и которые сохранились там за немногими исключениями,—самое важное из них представляет Англия,—до конца XVIII столетия, а местами и до нашего времени. Эти отношения явились компромиссом между общинным землевладением, которого требовало крестьянское выгонное хозяйство, и частной собственностью на землю, отвечавшей потребностям крестьянского земледелия.

Подобно каждой крестьянской семье, представлявшей самодовлеющее семейное товарищество, каждая деревня представляла собой замкнутое в хозяйственном отношении, самостоятельно удовлетворявшее все свои потребности, общинное товарищество.

Мы здесь не рассматриваем формы поселений разбросанными отдельными хуторами, а не замкнутыми деревнями; эта форма долго считалась первоначальной, но в действительности, как теперь установлено, она встречалась лишь в виде исключения и возникла вследствие исторических и топографических особенностей. Нормальной и типичной системой поселения была деревня, и в последующем изложении мы будем иметь в виду только ее.

Исходным пунктом крестьянского хозяйства была усадьба, которая перешла в частную собственность. Кроме жилого дома и необходимых хозяйственных построек, к ней принадлежал участок земли вокруг них, который обносился изгородью. Эта изгородь окружала огород, где разводились наиболее употребляемые в пищу растения, овощи, лен, фруктовые деревья и т. д. Деревня состояла из большего или меньшего числа таких усадеб. За деревней лежали разделенные на участки общинные поля, пашни. Там, где господствовала трехпольная система, а это бывало в большинстве случаев, эти земли делились на три поля или нивы. Каждое поле в свою очередь разделялось на различные доли или клинья, т.-е. участки пахотной земли, отличавшиеся один от другого по положению и по качеству почвы. Каждая усадьба имела в каждом клину свой надел. За надельной землей лежали общинные земли, не подлежавшие разделу (альменды, общественные земли), т.-е. леса и пастбища.

На неразделенных общинных землях велось общее хозяйство. На пахотных землях каждая семья обрабатывала свой участок исключительно для себя, но не могла хозяйничать на нем по собственному усмотрению. На полях возделывался хлеб для прокормления людей. Но скотоводство,—выгонная система,—еще имело преобладающее значение во всем сельско-хозяйственном производстве. И если земледелие стало частным делом отдельных семей, то выгонное хозяйство еще оставалось в общем заведывании всей общины. Эта форма хозяйства оказывала влияние на отношения собственности. Как пашня, земля была частной собственностью, так пастбище—общей. Дело в том, что каждое поле после уборки жатвы предоставлялось под выгон, и право пользования им переходило таким образом к общине, которая пользовалась всеми полями, как общим пастбищем. И жнитво и паровое поле превращались в общий выгон для всего деревенского стада. Это было бы невозможно, если бы каждый член общины хозяйничал на своем участке по системе, соответствовавшей его собственному желанию. Поэтому в общем господствовал принудительный се-

в о о б о р о т; в каждом поле или на каждой ниве все владельцы наделов должны были вести хозяйство одинаковым способом. Каждый год одно из трех полей оставалось под паром, другое засевалось озимым хлебом, третье—яровым. Каждый год обработка поля переменялась. Кроме жнитва и парового поля корм для скота доставляли луга, постоянные пастбища и леса; для крестьянского хозяйства были одинаково важны рабочие силы этого скота, его навоз, молоко и мясо.

Эта система сельско-хозяйственного производства господствовала всюду, где поселились народы германского племени. В этом отношении было безразлично, были ли крестьяне в состоянии обеспечить себе полную свободу, или они селились на земле крупного владельца, обязываясь ему оброком, поступались ли они своей независимостью ради защиты и покровительства со стороны могущественного властителя, приводились ли они в зависимость путем насилия.

Эта система производства, консервативная и охранительная в лучшем смысле слова, отличалась замечательной мощью и устойчивостью. Основой благосостояния и безопасности крестьян не менее, чем кустарные промыслы, являлся общинный строй. Трехпольная система с лесом и пастбищем не требовала никакого привоза извне. Она сама производила скот, необходимый для обработки полей, и навоз, нужный для того, чтобы предохранить почву от истощения. Кроме того, общность пастбища и пашен создавала крепкую сплоченность между членами общины. А это служило им прочной защитой от чрезмерной эксплоатации со стороны внешних сил.

Но как ни прочна была эта хозяйственная система, развитие городской промышленности и вместе денежного хозяйства нанесли и ей смертельный удар так же, как крестьянским кустарным промыслам.

б) Стеснение трехполья крупным землевладельческим хозяйством.

Мы видели, как городская промышленность увеличивала также потребность в деньгах тех властей, которые совершенно или отчасти высасывали из него жизненные соки, именно феодального дворянства и развивавшегося государства. Мы видели также, как под влиянием этого крестьянин был вынужден производить на продажу с'естные припасы, рынком для которых являлись растущие города. Но уже вследствие этого равновесие в общине поколебалось, так как весь ее хозяйственный порядок был расчитан на то, что она сама удовлетворяла все свои потребности, ничего или почти ничего не получала извне и вместе с тем ничего, или по крайней мере ничего значительного не отдавала на сторону.

Вначале почти во всех общинах было строжайше запрещено вывозить из общины или отчуждать за пределы общины без разрешения общинников всякого рода предметы потребления, например, дрова, сено, солому, навоз и проч. Возделываемые в общине злаки должны были перерабатываться и потребляться по возможности в ней самой. Это относилось и к разводившимся в общине животным; выкормленных в общине свиней нельзя было продавать на сторону. Совершенно также было установлено, чтобы хлеб, выросший на полях общины, мололся, выпекался и с'едался в ней самой, чтобы виноград выжимался, а вино выпивалось также, не выходя из ее пределов; из этого обычая во многих сельских общинах развились ленные права. Стремление ничего не вывозить и все потреблять в своей же деревне при феодальной эксплоатации часто принимало курьезные формы.

Г. Л. фон-Маурер в своей „Истории сельской общины“ („Geschichte der Dorfverfassung“, I, стр. 316) рассказывает об одном эльзасском помещике, который в 1540 г. заставлял своих крестьян в виде барщины выпивать прокисшее барское вино, чтобы освободить свои бочки для хорошего вина нового урожая. „Они должны были,—говорится, по сообщению Маурера, в одной старинной

хронике,—три раза в неделю приходить пить вино и вместо оброка приносили с собой помещику только хлеб и сыр. Напившись до пьяна, крестьяне заводили между собой драку, а дворянин штрафовал их за бесчинства и таким образом выручал больше денег за вино, чем если-бы он его продал". Наши шнапс-юнкера должны бы воздвигнуть памятник этому предприимчивому христианско-германскому герою, сумевшему еще в те далекие времена с такой энергией отстаивать алкоголизм, свои барыши и порядок, приличествующий христианскому обществу.

Ограничения, налагавшиеся ленными правами, стали неисполнимы или превратились в бесполезную помеху, как только производство на рынок сделалось необходимостью для крестьян. Но постоянный вывоз в город питательных веществ, не возвращавшихся более земле, сопровождался постепенным истощением и обеднением почвы.

Между тем экономическое равновесие общины было нарушено еще и совершенно иным образом. По мере того, как продукты земли превращались в товары, получали рыночную стоимость, и сама земля превращалась в товар, обладавший стоимостью. Как только товарное производство в сельском хозяйстве приняло более обширные размеры, именно в начале нового времени, исчез тот избыток земель, который наблюдался в то время, когда германцы стали оседлыми и вместо скотоводственного хозяйства кочевников, дополнявшегося широко развитой охотой и ничтожным, в высшей степени примитивным земледелием, ввели трехпольное хозяйство, о котором мы здесь говорим.

Каждому способу производства соответствует определенный максимум народонаселения, которое может прокормить определенная территория. Достигли ли германцы этого максимума ко времени переселения народов, заставил ли их вторгнуться в римскую империю избыток населения или скорее ее беззащитность, это остается спорным вопросом. Известно только, что переход к более высокой системе сельского хозяйства, которым они были обязаны своему соприкосновению с римской культурой, необычайно расширил продовольственную емкость территории, занятой германскими племенами в период, следовавший за переселением народов. Незначительное население недостаточно удовлетворяло потребностям нового способа производства; сам же этот способ производства очень благоприятствовал выживанию многочисленного потомства. Поэтому, как только улеглись бури переселения народов и его последствий, и в Европе до некоторой степени водворились мир и безопасность, население стало быстро увеличиваться. Прирост населения легко находил себе необходимые земли на обширных незаселенных пространствах. С возрастанием числа жителей в деревне или увеличивалась площадь пашни путем присоединения к ней части земель, находившихся в нераздельном пользовании, или некоторая доля последних выделялась, и таким образом получалась территория для новой общины, младшей деревни, которая возникала по соседству со старой. С другой стороны князья дарили монастырям или дворянам из своей дружины огромные пространства почти или совершенно необрабатывавшейся земли, которую эти землевладельцы за ничтожный оброк сдавали обществам переселявшихся колонистов. Вследствие того, что славяне постоянно оттеснялись на восток, для германской колонизации открывались все новые и новые области.

В начале XV века гусситские войны в Чехии и ниспровержение власти тевтонского ордена в Польше положили конец дальнейшему распространению германской колонизации на восток. В то же время население средней Европы, хотя еще и не достигло максимума, возможного при тогдашнем способе хозяйства, однако настолько размножилось, что недостатка в людях, в рабочих силах более не ощущалось, и уже не было такого изобилия земли, чтобы ей, как прежде, не придавали цены. Таким образом, явилась возможность, а вместе с тем обнаружилось и стремление монополизировать важнейшее из всех средств производ-

ства. Отсюда возникла в высшей степени ожесточенная и упорная борьба между крестьянами и феодальным дворянством, продолжавшаяся до новейшего времени и собственно никогда вполне не прекращавшаяся, хотя в Германии решительные битвы между этими двумя сословиями происходили еще в XVI столетии. Почти всюду они кончились в пользу феодального дворянства, которое подчинилось крепнущей государственной власти и за это получило от нее помощь в борьбе против крестьян.

Победоносное дворянство начало само производить товары, при чем способ производства представлял странную смесь капитализма с феодализмом. Оно стало в своих крупных хозяйствах производить прибавочную стоимость, но обыкновенно при помощи не наемного труда, а феодального, принудительного. При помощи особых способов ведения лесного хозяйства, скотоводства и земледелия дворяне уменьшали площадь крестьянских земель и подкапывали устои трехпольной системы.

Лесное хозяйство легче всего можно было приспособить к целям феодально-капиталистической эксплоатации, к целям товарного производства в крупных имениях. Как только рост городов сделал дерево ходким товаром, а в то время оно еще не заменялось каменным углем или железом и, как топливо и строительный материал, употреблялось относительно в гораздо большем количестве, чем теперь,—землевладельцы постарались овладеть лесом; они или отнимали его у деревенской общины, которой он принадлежал, или же там, где лес издавна составлял их собственность, по возможности ограничивали принадлежавшее общине право пользования дровами и лесными сенокосами, а также право выпаса в лесу.

Еще в 1525 г. одна из 12 статей, выставленных восставшими крестьянами, именно пятая, гласила: „в-пятых, мы очень стеснены в рубке дров, потому что наши господа захватили в свое исключительное пользование все леса, и, если бедняку что-нибудь нужно, он должен покупать это за двойную цену. Наше мнение таково, что все леса духовных и светских лиц, если они принадлежали им всегда, а не приобретены покупкой, должны снова стать достоянием всей общины, и каждому члену общины должно быть предоставлено право беспрепятственно и безвозмездно пользоваться ими для своих домашних потребностей, а также, если ему понадобится, он может даром брать лес и для плотничных работ, однако с ведома особо избранного общиной лица, дабы уберечь лес от расхищения".

Лишение крестьян права пользоваться лесом обусловливалось также и развитием охоты.

Первоначально для охоты употреблялось то же оружие, что и на войне, сама охота была только подготовительной школой к войне, охота и война были связаны теснейшим образом. Пока охота была необходима для удовлетворения потребностей всякого свободного человека, он был вместе с тем и воином. Когда охота, как источник добывания пищи, уступила первое место земледелию, стало необходимым разделение труда между „сословием, добывающим средства пропитания" и „обороняющим сословием", разделение, которое имело, конечно, еще и другие причины. И, наоборот, чем более война становилась исключительным занятием дворянства, тем более охота превращалась в исключительно дворянскую забаву.

Когда дворянство стало ненужным и современное государство отняло у него функции, исполнявшиеся им в средние века, войну, отправление правосудия и полицейских обязанностей, дворянство стало придворным, оно теснилось при дворе государя, чтобы вести веселую жизнь и грабить государство; а если дворянин изредка посещал свое имение, он не знал там лучшего удовольствия, чем охота.

Однако, хорошая охота и цветущее состояние земледелия исключали друг друга. Массами дичь могла водиться только в густых, обширных лесах; кроме того, она служила постоянным источником вреда и убытков для крестьян.

Чем более ненужным и, однако, более высокомерным делалось дворянство, тем решительнее при столкновении интересов земледелия и охоты оно становилось на сторону последней. Прогрессу земледелия, грозившего уменьшением дичи, был положен предел, выжигание лесных участков было воспрещено, под угрозой большого штрафа крестьяне не могли заниматься охотой, им не дозволено было убивать даже ту дичь, которая опустошала их поля.

Об этом свидетельствуют еще 12 крестьянских статей 1525 г.; в четвертой из них говорится: „в-четвертых, до сих пор было такое обыкновение, что бедный человек не имел права охотиться на диких зверей и птиц и ловить рыбу в текучей воде; это нам кажется гнусным, нечеловечным и противоречащим слову божию. В некоторых местах господа разводят дичь нам на зло, к большому вреду для нас, так как мы должны страдать от того, что все наши хлеба и травы, созданные богом на потребу человека, бесполезно пожираются неразумными животными, и мы должны молча терпеть это, тогда как это грех против бога и ближнего".

В последующие века положение крестьян стало еще бедственнее. Во Франции только великая революция положила конец этому. Но в Германии еще 100 лет спустя прусские юнкера отважились потребовать в рейхстаге, чтобы крестьяне были обязаны кормить их зайцев своей капустой, и не встретили при этом серьезного сопротивления со стороны большинства депутатов.

Там, где открывался рынок для сбыта лесных материалов, оказывалось возможным и было довольно простым делом превратить лес в частную собственность, при чем хозяйство велось на капиталистических основаниях, хотя еще и под феодальными формами; но едва ли не еще легче и проще был переход к капиталистическому скотоводству там, где оказывался большой рынок для его продуктов (особенно для шерсти) и где это допускали почва и климат, тем более, что, подобно лесному хозяйству, скотоводство не требовало ни большого числа наемных рабочих, ни крупных затрат капитала, а его техническая сторона была в высшей степени несложна. Подобно капиталистическому лесному хозяйству экстенсивная форма капиталистического скотоводства почти только и требует частной собственности на обширные пастбища, и помещики добросовестно потрудились над тем, чтобы создать ее там, где к этому побуждали вышеуказанные обстоятельства,—в XV и XVI столетиях в Англии и Испании, позже в некоторых местностях северной Германии, представлявших благоприятные условия для овцеводства. Самой мягкой формой этого было монополизирование помещиками права овцеводства, т.-е. права пасти овец на общем выгоне. Жалобы на это начинают раздаваться в Германии сейчас же вслед за окончанием крестьянской войны. Но доходность овцеводства часто побуждала землевладельцев превращать общий выгон в частную свою собственность, а иногда даже захватывать крестьянскую землю и превращать пашни в пастбища.

Там, где открывался рынок для продуктов земледелия, феодалы и их стремились производить в своих собственных экономиях. Это было, конечно, не так просто, как лесное и скотоводственное хозяйство. Земледелие требовало менее добавочной земли, но, напротив, в гораздо большей степени требовало добавочных рабочих сил и известной затраты капитала.

В средние века каждый землевладелец обыкновенно вел собственное хозяйство только на некоторой части своей земли лично или через управляющего Остальную часть своих владений он предоставлял крепостным, которые были обязаны частью платить ему оброк натурой, частью исполнять барщинные работы в его хозяйстве, на его дворе. Мы видели, как появление в городах рынка для предметов продовольствия, с одной стороны, обусловило возможность, с другой, развило стремление превратить эти повинности в денежные. Но там, где помещичье хозяйство начинает производить для продажи, эта тен-

денция сталкивается с другой; наемный труд еще мало распространен, хозяйство на помещичьей пашне покоится на принудительном труде крепостных. Чем больше тот излишек средств продовольствия, который должна произвести помещичья пашня, тем более нужно для нее рабочих сил, но и тем более нужно земли. Это, с одной стороны, вызывает стремление к расширению помещичьей земли на счет крестьянской, путем-ли сокращения неразделенной части общинных земель, в особенности пастбищ или же прямо путем изгнания крестьян, их выселения; с другой стороны, является стремление увеличить барщину, которая кладет известные пределы выселению крестьян, потому что чем меньше крестьян в деревне, тем меньше и рабочих сил в помещичьей экономии; но выселение крестьян в свою очередь сильнейшим образом побуждает к увеличению барщины, потому что, чем меньше рабочих в имении, тем больше труда приходится взваливать на каждого из них.

Итак, мы видим, что развитие товарного производства породило самые разнообразные тенденции в сельском хозяйстве, все в конце концов влиявшие таким образом, что у крестьян оказалось недостаточно пашен, особенно же лугов и леса задолго до того, как наступило действительное перенаселение, т.-е. когда население еще не достигло той степени плотности, при которой ему было бы невозможно пропитаться при господствующей в сельском хозяйстве системе производства.

Весь уклад крестьянской жизни был поколеблен этим до самого основания.

Глубокий переворот, происшедший в условиях крестьянского существования, сказывался уже в питании крестьянина.

в) Крестьянин начинает жить впроголодь.

Мы позволим себе здесь небольшое отступление, чтобы обсудить одну тему, имеющую только отдаленную связь с нашей главной задачей и, однако, способную, как нам кажется, пролить некоторый свет на нее.

Очень популярная в наше время школа, опирающаяся на Конта и Спенсера, любит без дальних рассуждений применять законы природы к истории общества. Успехи естествознания в нашем столетии были так блестящи, что они очень легко привели естествоиспытателей к уверенности, будто теперь у них в кармане есть ключ к решению всех загадок, в том числе и в таких областях, которые были от них очень далеки. С другой стороны, для некоторых социологов было очень удобно просто распространить точно установленные законы природы на жизнь общества вместо того, чтобы путем сложных исследований открыть особые, ей свойственные законы.

К аксиомам этой естественно-научной социологии принадлежит, между прочим, признание тесной связи между климатом и питанием. „Даже если мы, говорит Либих, употребляем одинаковое по весу количество пищи в холодных и теплых странах, то Провидение в своей бесконечной мудрости устроило так, что эта пища содержит в себе совершенно различные количества углерода. Плоды, которые с'едает южанин, содержат в свежем виде не свыше 12 процентов углерода, тогда как жир и ворвань, употребляемые в пищу жителем полярных стран, содержат от 66 до 80% углерода“ („Chemische Briefe, V“, 246).

Бокль сделал из этого такое заключение, что рабство индусов—„естественное“ состояние этого народа, на которое он „обречен непреодолимыми законами природы“ („История цивилизации“. Немецкий перев. Руге, I, стр. 171), будто бы потому, что климат делает их вегетарианцами, растения же произрастают под тропиками в изобилии, а это содействует размножению населения и переполнению „рабочего рынка“.

Нам, конечно, не приходит и в голову отрицать общепризнанное положение физиологии, что в холодном климате человек нуждается в большем количестве углеродистых веществ, т.-е. мясной пищи, чем в теплых странах.

Но это различие не так велико, как обыкновенно полагают. И под полярным кругом человек ищет растительной пищи. „Кроме рыбы и мяса,— рассказывает Норденшильд, — чукчи истребляют невероятное количество овощей и других съедобных растений... Писатели, указывающие на чукчей, как на такой народ, который питается только веществами животного происхождения, впадают в большое заблуждение. Напротив, в некоторые времена года чукчи, как мне кажется, являются „травоядными“ больше, чем какой-нибудь другой, известный мне народ“ („Путешествие вокруг Азии и Европы на корабле „Вега“, II, стр. 108). С другой стороны и под тропиками обычная пища не состоит „почти исключительно из плодов, риса и других растений“, как думает Бокль (стр. 54); полное вегетарианство представляет там исключение.—„Что в Африке меньше потребность в мясе, это сказка“,— говорит Бухнер (Kamerun, стр. 153, ср. также стр. 116), и факты подтверждают его наблюдение. Во всей Африке очень распространено употребление мяса. Особенно аппетитны должны быть кушанья у негров Бонго, о которых Швейнфурт рассказывает, что они не брезгуют никакими животными, исключая собак и человека, употребляя в пищу крыс, змей, коршунов, гиен, скорпионов, муравьев и гусениц. То же самое сообщают об индейцах британской Гвианы, живущих под экватором: „дичь и рыба составляют их главную пищу, однако они не пренебрегают и крысами, обезьянами, аллигаторами, лягушками, червями, гусеницами, муравьями, личинками и жуками“ (Appun bei Peschel, „Völkerkunde“, стр. 163).

Далекие от того, чтобы питаться одними плодами, многие племена тропического пояса включили в число своих пищевых продуктов даже человеческое мясо. Ведь каннибализм, кажется, преимущественно свойствен тропическим народам.

Только на очень высокой ступени культуры человек достигает такого господства над природой, что он может свободно выбирать себе пищу соответственно своим потребностям. Чем ниже культура, тем в большей степени человеку приходится довольствоваться тем, что он находит, тем более должен он вместо того, чтобы приспособлять пищу к себе, сам приспособляться к пище, которая ему доступна. Если эскимос питается главным образом мясом и ворванью, то не столько потому, что такой пищи требует климат, сколько потому, что иной он не находит. Он не может питаться плодами по той простой причине, что в Гренландии они не растут в достаточном количестве. Уже то, какую цену придает он немногим доступным для него съедобным растениям, показывает, что он питается исключительно мясом не по физиологическим соображениям. Южные эскимосы летом собирают немного ягод; живущие на севере едва ли знают какие-либо растения, кроме тех, которые они находят в полупереваренном виде в желудках оленей, но и их они считают тонким лакомством.

Это, конечно, исключительный случай; значительно большая часть земной поверхности изобилует всевозможной растительной и животной пищей; не везде человек так ограничен в ее выборе, как у полюсов. Но нигде он не свободен в этом отношении настолько, чтобы выбирать по своему желанию ту пищу, какую он хочет. В огромном большинстве случаев человек находит пищу лишь в ограниченных количествах, не без труда и не во всякое время. Какого рода питательные вещества в состоянии обеспечить ему достаточное и постоянное продовольствие, это не зависит ни от количества содержащегося в них углерода, ни от потребности в нем человека, но прежде всего от свойства и уровня его технических познаний, от его искусства подчинять себе

природу, одним словом, от его способа производства. Сравнительно с этим влияние климата, устройства поверхности и других физических условий прямо ничтожно. Если мы возьмем несколько различных диких племен американских индейцев, стоящих на одинаковой ступени культуры, то увидим, что в общем и целом они употребляют в пищу приблизительно в одинаковой пропорции рыбу, дичь и растения как в пампасах, так и в скалистых горах, на Амазонке, как и на Миссури; заметные различия об'ясняются при этом не влиянием климата, а лишь местными условиями, например, большим или меньшим обилием рыбы в реках и т. п.

С изменением способа производства у народа, изменяется и его пища, хотя бы климат оставался совершенно неизменным. Если современный неаполитанский лаццарони довольствуется макаронами, анчоусами и чесноком, то он обязан этим не тому, что он живет в прекрасном климате. В том же климате греки героического периода, как мы знаем из Илиады и Одиссеи, находили удовольствие в том, что истребляли огромные количества не только мяса, но и „блестящего" жира,—пища, которая удовлетворила бы и эскимоса.

Индусы также не всегда были вегетарианцами. До того, как они проникли в долину Ганга, где стали оседлыми, они были пастухами—кочевниками и питались главным образом молоком и мясом тех животных, из которых состояли их стада. Лишь после того, как изменился их способ производства вследствие того, что область Ганга представляла благоприятные условия для земледелия, а не для экстенсивного скотоводства, после того, как это последнее было вытеснено земледелием, убой рогатого скота, впрягавшегося в плуг и дававшего молоко, мало по малу стал считаться греховной расточительностью.

Подобный же революционный переворот в питании крестьян начался в наших странах с XV-го столетия. Еще в XIV веке леса, пастбища, воды и птичий двор доставляли обильную мясную пищу. Мясо было тогда ежедневной обычной пищей каждого простолюдина во всей Германии. Два или три мясных блюда в день не представляли ничего необыкновенного для поденщика.

Насколько распространенным было в то время потребление мяса, показывает рассчет Кледенса, согласно которому в 1308 г. во Франкфурте на Одере потребление мяса достигало по крайней мере 250 фунтов на человека, тогда как в настоящее время потребление мяса в Берлине колеблется между 130—150 фунтами на человека. В Бреславле в 1880—89 г.г. приходилось всего 86 фунтов на каждого жителя.

В XVI столетии обстоятельства сложились не в пользу крестьян. Леса и воды стали для них недоступны; дичь, вместо того, чтобы давать пищу крестьянину, уничтожала его средства пропитания. Выгон был ограничен: если крестьянин еще выкармливал скот и птицу, то, кроме рабочего скота, он должен был продавать все это в городе, чтобы добыть необходимые деньги. Питание немецкого крестьянина скоро становится скудным, он сам делается вегетарианцем, подобно индусу.

Уже в 1550 г. шваб Генрих Мюллер горько жаловался: „Еще на памяти моего отца, который был крестьянином, крестьяне питались совсем не так, как теперь. Тогда каждый день было сколько угодно мяса и всяких кушаний, а в храмовые праздники и на пирушках столы ломились от всего, что на них было наставлено; вино пили, как воду, наедались досыта и еще брали с собой, сколько хотели, потому что всего было вдоволь. Теперь это изменилось. Вот уже много лет, как наступили плохие времена, все стало дорого, и пища даже зажиточных крестьян стала пожалуй много хуже, чем была прежде пища батраков и поденщиков".

Но упадок скотоводства вскоре повлек за собой упадок производства зерновых хлебов, потому что, чем меньше скота, тем меньше навоза. Значительно

ухудшилась и обработка земли там, где упадок скотоводства привел к сокращению рабочего скота. В том же направлении влияло увеличение феодальной барщины, как личным трудом, так и с лошадью. Барщина отнимала рабочую силу крестьянина для помещичьего хозяйства именно в тот момент, когда она была ему особенно нужна в собственном хозяйстве.

С увеличением количества сельско-хозяйственных продуктов, сбывавшихся в город, стало необходимым покрывать получавшийся вследствие этого дефицит усиленным удобрением и более интенсивной обработкой земли, но именно с этого времени унавоживание все уменьшается, а обработка становится все хуже. Результатом этого был упадок крестьянского хозяйства, возрастающее истощение почвы, понижение урожайности. При таких обстоятельствах в хорошие годы крестьянин едва сводил концы с концами; достаточно было одного неурожайного года или неприятельского нашествия, которое в прежние времена было скоро преходящим бедствием, чтобы он был совершенно разорен.

Мы видели, как крестьянин в XVI столетии стал вегетарианцем; в XVII и XVIII он в некоторых странах вообще перестал есть досыта. Известно, как описывал Лабрюйер французских крестьян за 100 лет перед революцией: „Существует порода человекообразных животных, самцов и самок, грязных, истощенных, сожженных солнцем; они живут по деревням и привязаны к земле, которую они вскапывают и роют с несокрушимым упорством. Они обладают чем-то вроде членораздельной речи и, когда выпрямляются, то обнаруживают человеческое лицо. Действительно, это люди; ночью они заползают в свои логовища, где питаются черным хлебом, кореньями и водой". В некоторых деревнях крестьяне питались только травами и дикими плодами. Массильон, епископ Клермон-Феррана, писал Флери в 1740 г.: „Наши крестьяне живут в страшной нищете... Большинство в течение полугода лишено даже ячменного и овсяного хлеба, составляющего их единственную пищу".

Особенно ужасно было положение в неурожайные годы, повторявшиеся все чаще вследствие возраставшего бесплодия почвы. С 1698 по 1715 г. население Франции вследствие увеличения нужды уменьшилось с 19 до 16 миллионов.

Правление Людовика XV было более мирным, нежели царствование Людовика XIV, военные тягости при нем были меньше, но гнет феодальных повинностей оставался тот же. Они стали невыносимыми; многие крестьяне добровольно покидали свою землю, не дававшую им выбиться из нужды, находя более выгодным делаться наемными рабочими и даже нищими или разбойниками. Уже в 1750 г. Кене указывал, что четвертая часть годных к обработке земель остается невозделанной; непосредственно перед французской революцией Артур Юнг заявлял, что **треть** всей пахатной земли (более 9 миллионов гектаров) пустует! По сведениям сельско-хозяйственного общества в Ренне **две трети** Бретани находились под паром.

Не везде положение было так худо, как во Франции, где правительственная власть неограниченно господствовала над крестьянами, а сама была всецело в руках придворного дворянства, столь же надменного, как и бессовестного, алчного и близорукого. Но и в Германии крестьяне были в жалком положении, и бегство со своей земли было нередким явлением.

г) Трехпольная система становится невыносимыми оковами для сельского хозяйства.

Даже в тех местностях, где ни один надменный юнкер не с'уживал насильственно продовольственную емкость территории, возможную при господствовавшей в земледелии системе хозяйства, даже там эта система в течение XVIII столетия все более превращалась в тягостные оковы. Местами население уже

Государственная публичная библиотека

достигло такой степени плотности, что стремилось расширить емкость территории путем перехода к более высокой системе хозяйства. Такая система уже развилась в Англии, где вследствие своеобразия отношений основы феодального сельского хозяйства были разрушены рядом революций, начиная с реформации Генриха VIII и кончая „славной революцией" 1688 г., и где был уже расчищен путь для развития капиталистического, интенсивного сельского хозяйства, которое заменило выгон скота на пастбища содержанием его в стойлах и культурой кормовых трав и на ряду с зерновыми хлебами ввело посевы корнеплодов. Но на европейском континенте оказалось невозможным повсеместно ввести эту систему без революции в существовавших отношениях земельной собственности. Чересполосица и принудительная запашка делали невозможным никакое нововведение в исконном трехполье. Поскольку отдельные хозяева переходили к культуре новых растений, например, картофеля, они делали это в своих огородах, на которые принудительный севооборот не распространялся, или на более крупных участках, выделенных из общинной земли.

На ряду с потребностью расширить производство средств продовольствия существовала также и потребность приспособить производство к требованиям рынка, а традиционный способ производства делал это невозможным по крайней мере для более крупных хозяев, которые производили для рынка значительный излишек продуктов.

Средневековый способ производства был прекрасно приспособлен к потребностям товарищества равных, которые все вели одинаковый образ жизни и производили для собственного потребления. Тогда было удобно иметь общинное поле с его неизменным чередованием ярового хлеба, озими и пара. Но вот возник рынок с его изменчивыми потребностями; между членами общины развилось неравенство, так что одни из них едва получали с своей земли столько, сколько им самим было необходимо, тогда как другие производили излишек. Одни, более бедные, по прежному производили только для собственного потребления; они крепко держались за общину. Для других она стала оковами, потому что, чего бы ни требовал рынок, они не могли производить на своих участках ничего иного, кроме предписанного общинными порядками.

Совершенно так же развивались противоречия интересов в отношении остатков общего пастбища. Мелкий крестьянин нуждался в этом пастбище, он не имел средств для перехода к более высокой форме производства, раздел общего пастбища почти лишил бы его возможности содержать скот. Ему было совершенно необходимо иметь как можно больше навоза для удобрения земли. Раздел общинного пастбища несколько увеличивал площадь его земли, но уменьшал количество удобрения, так как заставлял держать меньше скота. Крупные крестьяне, напротив, считали грехом и мотовством обращать в пастбище такую землю, которую они, благодаря своим средствам, могли бы эксплоатировать более действительным образом. На их стороне были и теоретики, защитники более высокого способа производства, развившегося в Англии.

Для того, чтобы перейти к нему, было необходимо уничтожить компромисс между общинной и частной собственностью на землю, который представляла из себя средневековая система производства; стало необходимым установить полную частную собственность, разделить общий выгон, упразднить общественное поле и принудительный севооборот, устранить чересполосицу разбросанных в разных местах участков пашни, соединить их и таким образом сделать землевладельца полным собственником своей земли, представляющей одно сплошное поле, на котором он мог бы вести хозяйство, сообразуясь исключительно с требованиями конкурренции и рынка.

Но как ни необходима была эта революция в отношениях земельной собственности, экономическое развитие не создало в среде сельского населения

такого класса, который мог бы проявить стремление к этой революции и имел достаточно сил для того, чтобы ее совершить.

Сельское хозяйство в настоящее время не представляет собой такого явления, которое стояло бы совершенно изолировано в жизни общества; его развитие теснейшим образом связано со всем общественным развитием. Та революционная инициатива, та сила, которой сельское хозяйство не породило из самого себя, приносятся в него из городов. Экономическое развитие города совершенно преобразовало экономические отношения в деревне и сделало необходимым переворот в отношениях собственности. Это же развитие создало в городе те революционные классы, которые своим восстанием против феодального государства перенесли политическую и юридическую революцию в деревню, где они осуществили ставшее необходимым преобразование отношений часто при ликовании массы деревенского населения, а иногда даже вопреки его сопротивлению.

Впервые пыталась совершить это преобразование городская бюрократия в эпоху просвещенного абсолютизма, действуя не всегда удачно, часто шаблонно, в большинстве случаев, не смотря на свой высокопарный тон, очень нерешительным и жалким образом. Лишь когда в 1789 г. восстали революционные классы Парижа, политически руководимые буржуазией, и взятие Бастилии послужило для порабощенных крестьян сигналом к тому, чтобы сбросить с себя феодальное иго, тогда только преобразование в отношениях, связанных с земельной собственностью, пошло быстрым, решительным темпом сначала в самой Франции, а затем, под ее влиянием, и в соседних странах.

Во Франции переворот совершился противозаконным, насильственным путем, а это значит быстро и притом так, что крестьяне не только избавились от своих повинностей, но еще получили землю из конфискованных имений церкви и эмигрантов, поскольку ее не захватила буржуазия.

Пруссия была принуждена к такому преобразованию поражением при Иене. Оно совершилось там, как это вообще бывает в Германии, мирным и законным путем, т. е. бюрократия выполняла ставшую необходимой реформу так медленно и нерешительно, с такой затратой труда и денег, как только это было возможно, постоянно боялась возбудить неудовольствие юнкеров, в пользу которых в конце концов и кончилась вся процедура, затянувшаяся до 1848 года. Крестьяне дорого заплатили юнкерам за этот мирный, законный путь—наличными деньгами, частью своей земли и новыми налогами.

„Сумму, уплаченную крестьянами дворянству и казне за освобождение от незаконно наложенных повинностей, можно считать, по крайней мере, в 300.000.000 талеров, а может быть и в миллиард марок.

„Миллиард марок только за то, чтобы освободить от повинностей ничтожную часть земли, захваченной дворянством 400 лет тому назад! Ничтожную часть, потому что значительно большую часть дворянство и казна удержали все-таки в виде майоратных и других рыцарских имений и доменов". (Фр. Энгельс в своем введении к превосходной статье Вильгельма Вольфа „Силезские миллиарды", напечатанной впервые в „Новой Рейнской газете" в 1849 г. и вышедшей после того отдельным изданием в Цюрихе в 1886 г.). Позднейшие исследования только подтвердили изложение Вольфа.

Таким же образом сельское хозяйство было преобразовано на современный лад и в России после Крымской войны. Крестьяне были освобождены не только от крепостной зависимости, но и от лучшей части своей земли.

Но каким бы жалким образом ни кончилась революция там, где она шла мирным, законным путем, ее конечный результат был всюду один и тот же: отмена феодальных повинностей с одной стороны, и остатков первобытного земельного коммунизма—с другой, т.е. полное установление частной собственности на землю. Путь для капиталистического сельского хозяйства был открыт.

IV.

СОВРЕМЕННОЕ СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

а) Потребление и производство мяса.

Усиленное удобрение, т.-е. содержание бóльшего количества скота при сокращении площади кормовых трав, с одной стороны, и бóльшая приспособляемость к потребностям рынка, с другой, таковы были два главных требования, стоявших перед новым сельским хозяйством, для развития которого буржуазная революция создала юридическую почву после того, как оказались на лицо предварительные, технические и общественные условия для такого развития.

Но увеличение количества скота шло навстречу потребностям не только земледелия, но и рынка. Конечно, начиная с XVI столетия, потребление мяса сокращалось и в городах, однако лишь относительно, по сравнению с численностью городского населения, а вовсе не абсолютно. Напротив, население городов возрастало необычайно быстрым темпом, и относительное сокращение в потреблении мяса в городах нигде не было так значительно, как в деревнях. Несмотря на всю нищету, в городах жизненный уровень все-таки выше, отчасти под влиянием высокого жизненного уровня капиталистов и аристократов, проживающих в городах плоды эксплоатации рабочего населения, отчасти потому, что концентрация наемных рабочих облегчает их борьбу за заработную плату; а, кроме того, еще и потому, что образ жизни и условия труда в городе связаны с значительным вредом для здоровья, а под влиянием этого и воспроизведение рабочей силы в городе требует более высокого жизненного уровня, чем в деревне. Горожанин, работающий в закрытом помещении, односторонне напрягающий более свои нервы, нежели мускулы, в большой степени, чем земледелец, нуждается в удобоваримой мясной пище, если он хочет оставаться работоспособным. Сравнительно большей, чем в деревнях, распространенности потребления мяса в городах способствовало также и то, что до проведения железных дорог скот был одним из тех продуктов сельского хозяйства, которые (в живом виде) можно было всего легче транспортировать на большие расстояния; крестьянин, живущий вдали от рынка мог доставить его туда весьма скоро.

По Зеттегасту издержки перевозки по железным дорогам достигают в в настоящее время в процентах к стоимости товара на центнер и милю: соломы 15, картофеля 10, сена 7,50, молока и свежих фруктов 3,75, ржи, ячменя, овса 2, пшеницы и стручковых растений 1,50, живого скота 0,25. Разница в расходах по доставке живого скота и других продуктов, даже пшеницы—огромная.

Различие в потреблении мяса городом и деревней во Франции вычислено в цифрах. По данным анкеты 1882 г. в этом году там приходилось на каждого человека мяса:

В Париже	79,31 килограм.
в прочих городах	58,87 „
в деревнях	21,89 „
во всей Франции	33,05 „

Впрочем, с 1882 г. во Франции замечается тенденция к уменьшению разницы в потреблении мяса городом и деревней. В городе это потребление сокращается, в деревне увеличивается. По данным анкеты 1892 г. потребление мяса городским населением упало сравнительно с 1882 г. с 64,60 до 58,12 килограммов, т. е. на 6,48 килогр. на человека, тогда как среди сельского населения оно увеличилось с 21,89 до 26,25 килограм., т.-е. на 4,36 килограм.

Чем быстрее развивается капиталистическая крупная промышленность и средства сообщения, и чем более растут города, тем быстрее должна увеличи-

ваться потребность в мясе, если даже не повышается благосостояние городского и деревенского населения. Потребление мяса может увеличиваться даже при понижении благосостояния в городах или в деревнях, или одновременно тут и там, если только города растут с достаточной быстротой. Увеличение потребления мяса, на которое так охотно указывают экономисты-апологеты существующего строя, менее всего может служить безошибочным показателем роста национального благосостояния. Более бесспорным и заметным фактом, именно относительным, а часто и абсолютным уменьшением деревенского населения наряду с абсолютно и относительно быстрым увеличением городского населения достаточно об'ясняется возрастание потребления мяса, поскольку оно вообще происходит. Тому же должно способствовать также понижение рождаемости, т.-е. процентное увеличение питающихся мясом взрослых поколений и уменьшение того элемента населения, который мало или вовсе не ест мяса, именно маленьких детей.

В статье О. Герлаха о „потреблении мяса и ценах на него" в словаре государственных знаний (Handwörterbuch der Staatswissenschaften) приводятся многочисленные примеры городов, в которых в первой половине нашего столетия потребление мяса в общем не увеличивалось, а уменьшалось. В Мюнхене ежегодное потребление говядины, телятины, баранины и свинины достигало на человека:

В 1809—19 гг.	111	килограм.
1819—29 „	104	„
1829—39 „	93	„
1839—49 „	86	„
1849—59 „	75	„

Начиная с этого времени потребление несколько возрастает.

В Гамбурге ежегодно приходилось на одну семью в среднем:

В 1821—25 гг.	538	фунтов.
1826—30 „	523	„
1831—35 „	452	„
1836—40 „	448	„
1841—45 „	429	„
1846—50 „	339	„
1851— „	379	„
1852— „	372	„

В позднейшее время самый поразительный пример сокращающегося потребления мяса представляет Париж, население которого с 1887 по 1896 г. увеличилось на 300 тысяч человек, тогда как ежегодное потребление мяса за тот же промежуток времени упало с 185 до 173 миллионов. Здесь имело место, следовательно, не только относительное, но даже абсолютное уменьшение потребления мяса. Это, однако, исключительное явление. Обыкновенно рост крупных городов идет так быстро, что потребление мяса в городах и вместе с тем во всей стране абсолютно увеличивается, если даже в городах оно относительно и падает.

Абсолютное увеличение потребления мяса стало возможным благодаря приросту количества скота, характерному для первой половины нашего столетия. В 8 старых прусских провинциях, например, число овец было:

	Тонкорунных лучш. породы.	Тонкорунных низш. породы.	Местных пород.	Всего.
В 1816 г.	719.209	2.367.010	5.174.186	8.260.405
„ 1849 „	4.452.913	7.942.718	3.901.297	16.296.928

Своего высшего развития овцеводство достигло в начале 60-х годов. В 1864 г. в названной местности считалось 19.314.667 овец, в 1883 г. уже

только 12.362.936. Это сокращение об'ясняется главным образом заатлантической конкурренцией, явлением, о котором мы еще будем говорить. С нее начинается новая эпоха для сельского хозяйства. Пока мы вообще имеем в виду только то положение вещей, которое существовало до начала 70-х годов, хотя мы пользуемся для иллюстрации нашего изложения и позднейшими данными там, где тенденция осталась неизменной и не имеется достаточного материала, относящегося к более раннему времени. Мы упомянули здесь об этом во избежание недоразумений.

На ряду с развитием овцеводства возрастало количество и остального скота. В 8 старых провинциях Пруссии считалось:

	в 1816 г.	1840 г.	1864 г.
лошадей	1.243.261	1.512.429	1.863.009
рогатого скота (кроме телят)	4.013.914	4.975.727	6.111.994
свиней	1.494.369	2.238.749	3.257.531
коз	143.433	359.820	871.259

Производство мяса увеличилось однако еще более, чем показывают эти цифры, потому что в течение этого столетия одновременно произошло значительное увеличение среднего веса каждой штуки скота. Таер считал средний вес живой коровы в 450 фунт.; около 25 лет спустя (в 1834 г.) Швейцер принимал средний вес коровы в 500—600 фунтов. В настоящее время во многих хозяйствах средний вес коровы равняется 1000 и даже 1200 фунтов.

По данным французской сельско-хозяйственной анкеты 1892 г. средний вес мясных туш равнялся:

	в 1862 г.	в 1892 г.
Быков, коров, волов	225 килогр.	262 килогр.
телят	39 „	50 „
овец	18 „	20 „
свиней	88 „	94 „

Одновременно с ростом производства мяса увеличивалось и производство хлебов. Это явление яснее всего можно проследить во Франции, начиная с революции 1789 г. В следующей табличке приведены количества производящихся продуктов в миллионах гектолитров:

	в 1789 г.	в 1815 г.	в 1848 г.
пшеницы	34	44	70
ржи и прочих хлебов	46	44	40
картофеля	2	20	100

б) Плодосменное хозяйство. Разделение труда.

Откуда эти поразительные результаты? Они—продукт переворота во всем сельско-хозяйственном производстве, который последовал в Англии за революциями XVII столетия, а на континенте Европы за революцией 1789 г. и ее отголосками.

После того, как земля стала полной частной собственностью, принудительный севооборот, как и общая пастьба скота по жнитву и паровому полю были упразднены, а общинные земли разделены, землевладельца ничто уже не принуждало выгонять скот на пастбище. Технические условия для более высокого типа скотоводства имелись уже на лицо, и в то же время был введен посев различных кормовых трав, который с той же площади давал гораздо больше корма, чем пастбище. Превратив последнее в пашню и засевая ее кормовыми травами, можно было держать и кормить скот в стойлах также и летом вместо того, чтобы выгонять его на луг, и благодаря этому на той же территории возможно было содержать гораздо больше скота, нисколько не

урезывая площади, занятой зерновыми хлебами. Наоборот, результаты посева кормовых трав и стойлового содержания скота были так хороши, что не было никакой необходимости отводить под посев кормовых трав всю землю из-под выгона, превращенного в пашню. Для этого нужна была только часть ее, и все-таки можно было увеличить количество скота. Остальная часть выгаданной таким образом земли отводилась под посев зерновых хлебов.

Земельная площадь, освобожденная таким путем для засева зерновых хлебов, была очень велика. По мнению Рошера, при трехпольном хозяйстве на земле среднего качества можно было засевать хлебными растениями около 20% общинного поля, тогда как Тюнен полагает, что при плодосменном хозяйстве и стойловом содержании скота можно обращать под посев хлебов 55—60 процентов того же поля.

Но вместе с тем приумножение скота давало больше навоза для пашен и увеличивало количество рабочей силы скота. Уже вследствие одного этого земля стала лучше обрабатываться. Благодаря этой революции не только увеличилась площадь, занятая хлебами, но повысилась и производительность почвы. Во Франции средний урожай пшеницы с гектара по данным вышеупомянутой анкеты был следующий:

Годы.	Гектолитры.
1816—1820	10,22
1821—1830	11,90
1831—1840	12,77
1841—1850	13,68
1851—1860	13,99
1861—1870	14,28
1871—1880	14,60
1881—1890	15,65
1891—1895	15,88

Но влияние переворота на способ производства этим не ограничилось. С тех пор, как землевладелец получил право полной частной собственности на свою землю, его ничто не обязывало более сеять именно хлеб на той части ее, которая не служила для прокормления скота. Он мог культивировать и другие растения, на которые был спрос на рынке, а требование рынка становились все более решающими для земледелия. Он стал производить растения, которых он при старой трехпольной системе обыкновенно или совсем не мог культивировать, или мог разводить только в своем огороде; это были или растения, употреблявшиеся в пищу, как, например, картофель и стручковые, или технические растения (маслянистые, рапс, мак и проч., волокнистые, как лен или конопля, красящие, как марена, синильник и т. п. пряности, хмель, тмин или другие технические растения, например, табак).

При последовательном засевании различных растений и их чередовании с зерновыми хлебами и кормовыми травами нашли, что они не все одинаково истощают почву, а что при рациональной последовательности посевов урожаи могут значительно повышаться. Одни из этих растений, зерновые хлеба, маслянистые и волокнистые растения, берут для себя соки главным образом из верхнего слоя почвы, они истощают ее. Другие щадят ее, даже улучшают в некотором отношении, не давая, благодаря густой тени, разрастаться сорным травам, своими глубокими корнями извлекают для себя соки из подпочвы и разрыхляют землю; наконец, иные из них (клевер, стручковые) благотворно влияют на почву вследствие того, что накопляют азот, поглощая его из воздуха.

Благоприятное действие плодосмена было известно еще древним римлянам. Но к систематическому применению его в большом масштабе впервые

приступили в середине XVIII века в Англии, откуда плодосменное хозяйство перешло в Германию и во Францию. Только в нашем столетии оно стало всеобщим явлением.

Плодосменное хозяйство допускало чрезвычайное множество комбинаций применительно к меняющимся условиям обработки и рынка; число этих комбинаций возрастало по мере того, как усилившиеся сношения и научные исследования знакомили европейское сельское хозяйство с новыми культурными растениями. По утверждению В. Гекке средне-европейское сельское хозяйство с тех пор, как оно существует, ввело до 100 отдельных видов культурных растений.

Но рука об руку с развитием плодосменного хозяйства шло все возраставшее разделение труда между отдельными сельско-хозяйственными предприятиями. Трехпольное хозяйство было рассчитано на удовлетворение собственных потребностей крестьянина и помещика, поэтому повсюду по всей средней Европе оно имело одни и те же черты. Каждая деревня, каждый крестьянин обыкновенно производил одно и то же, независимо от почвенных условий. Теперь возникло производство для рынка, а вместе с тем и конкурренция. Это имело то значение, что каждый сельский хозяин должен был производить только те из продуктов, требовавшихся на рынке, которые он мог производить всего дешевле в зависимости от свойств почвы, местоположения и размера своего имения, средств сообщения, размеров капитала и пр. В различных имениях развивались отдельные отрасли сельского хозяйства, в одних преимущественно земледелие, в других скотоводство, в третьих огородничество или виноделие. Земледельцы и скотоводы в свою очередь снова разбились на многочисленные подразделения. Так, одни из скотоводов ведут молочное хозяйство, другие занимаются разведением убойного скота, третьи выкармливают молодых животных и т. д.

Особенно полно проведено разделение труда в Англии и в Соединенных Штатах. „В Англии каждая порода домашних животных подвергается еще дальнейшему разделению; например, в молочном хозяйстве производство молока для продажи отделено от производства его для изготовления масла и от производства для сыроварения. Для каждой отдельной цели пользуются особой породой скота и применяются особые приемы ухода за ним... Северная Америка должна считаться классической страной детального разделения труда в сельском хозяйстве“. (Бакгауз, „Разделение труда в сельском хозяйстве“. Conradsche Jahrbücher, 1894 г., стр. 314).

При благоприятных обстоятельствах (соответственном климате и почве, высокой заработной плате, хорошем сбыте) это разделение труда может привести к возрождению выгонного хозяйства, однако в высшей, более интенсивной, капиталистической форме, соединенной с большими затратами на прочные сооружения, на вспомогательное удобрение, на земледельческие работы и на содержание лучших по производительности пород скота. Подобное современное капиталистическое выгодное хозяйство мы находим, например, в южной Англии. Оно, однако, не имеет обсолютно ничего общего с трехпольной системой.

На ряду с разделением труда между отдельными хозяйствами, т. е. с общественным разделением труда, развивается разделение труда и внутри самого хозяйства, по крайней мере, в более крупных предприятиях.

В феодальном сельском хозяйстве крупное предприятие в этом отношении существенно не отличалось от мелкого. Большая часть рабочих сил, человеческих и животных, доставлялась помещичьей экономии крепостными крестьянами, которые отбывали свои повинности с помощью собственного инвентаря, орудий, телег, плугов и проч. Различие между крупным и мелким хозяйством состояло не в лучшем оборудовании первого и более детальном разделении труда в нем, а в том, что обязанный барщиной крестьянин испол-

нял здесь принудительную работу на другого так небрежно и лениво, как только было возможно, тогда как в своем мелком хозяйстве с помощью тех же орудий работал с такой энергией и тщательностью, как можно работать только на себя самого и на свою семью.

Только в современном сельском хозяйстве как в крупных, так и в мелких предприятиях хозяин производит с помощью собственных орудий, собственного скота, собственных рабочих; поэтому только современное хозяйство могло развить в крупных предприятиях разделение труда гораздо большее, чем разделение труда в крестьянском хозяйстве.

Разделение труда как внутри хозяйства, так и между отдельными хозяйствами, разнообразие культур и способов обработки должно было повести к усовершенствованию работников, к улучшению орудий и инструментов, семян и пород скота. Но оно вместе с тем необычайно усилило зависимость сельского хозяина от посредников—торговцев.

В настоящее время крестьянин не только как промышленник, но и как сельский хозяин не производит более сам всего того, что ему нужно. Он должен покупать не только орудия в большем количестве и дороже, чем прежде, но и часть средств продовольствия, которые более не производятся или производятся в недостаточном количестве в его специализированном хозяйстве. Именно с ростом разделения труда увеличивалось число сельских хозяев, особенно из более мелких, которые почти прекратили посев зерновых хлебов и поэтому должны покупать зерно или муку. Иногда они не производят более в собственном хозяйстве семян и не выкармливают приплода от скота, по крайней мере, от крупного; особые хозяйства занимаются исключительно посевом и улучшением семян или разведением усовершенствованных пород скота, и у них сельский хозяин покупает именно то, что наиболее соответствует потребностям его хозяйства в данное время. С другой стороны, он сам продает скот отчасти такой, который стал для него бесполезен,—например, молочное хозяйство продает коров, которые уже не дают достаточно молока,—или скот, достигший возраста, соответствующего специальным хозяйственным целям, например, в хозяйствах, выкармливающих молодой скот, его продают, когда он уже годен для работы или для молочного хозяйства. Чем более специализируется хозяйство, чем более становится для него нужен только скот того или иного определенного вида, тем быстрее совершается обмен. Но тем более развивается посредничество торговцев, ставящих в зависимость от себя в особенности мелких крестьян, которые не могут уследить за рынком и чаще оказываются в стесненном положении.

Зависимость крестьянина от рынка растет по мере развития торговли и сношений вообще, по мере того, как накопление капитала производит переворот в способах сношений.

Это преобразование, производимое городским капиталом, увеличивает зависимость сельского хозяина от рынка, но вместе с тем беспрерывно изменяет для него условия рынка. Отрасль производства, доходная до тех пор, пока ближайший рынок соединяется с всемирным только гужевым путем, становится бездоходной и должна быть заменена другой, если в этой местности пройдет железная дорога, по которой привозится, например, более дешевый хлеб, так что производство зерновых хлебов перестает окупаться, но в то же время открывается возможность сбыта для молочных продуктов. С развитием обмена в стране появляются новые или улучшенные культурные растения, облегчается привоз племенного рабочего скота из самых отдаленных местностей. Из Англии племенной скот вывозится в настоящее время во все части света; какие размеры приняла перевозка убойного скота на дальние расстояния, это лучше всего показывают нам таможенные пошлины на скот и вопли аграриев о необходимости их повышения, хотя скот ввозится не только

для убоя, но и в сельско-хозяйственных целях, например, тощий скот для откармливания, удойный скот, лошади.

Но процесс современного преобразования сельского хозяйства особенно усилился после того, как были перенесены в деревню результаты сделанных в городах открытий в области современного естествознания, механики, химии, физиологии растений и животных.

в) Машина в сельском хозяйстве.

Прежде всего при этом следует указать на машинную систему. Блестящие результаты, достигнутые применением машин в промышленности, должны были навести на мысль о введении их в сельском хозяйстве тем более, что современное крупное производство создало необходимые для этого условия. Такими условиями были, во-первых, разделение труда,—с одной стороны, деление рабочего персонала на чернорабочих и научно-образованных работников, с другой стороны, специализация орудий и инструментов, их приспособленность к выполнению отдельных функций,—и, во-вторых, массовое производство на рынок.

Но в земледелии машинному производству приходится преодолевать большие препятствия, чем в промышленности, препятствия прежде всего технического характера. В промышленности место работы, фабрика, создается искусственно и поэтому приспособляется для машины. В сельском хозяйстве большая часть машин действует на лоне природы, машина поэтому должна быть приспособлена к местности. Но это не всегда легко достижимо, а иногда бывает и совершенно невозможно. Большею частью применению машин в сельском хозяйстве предшествовала уже высокая степень обработки почвы.

Однако применение машин в сельском хозяйстве встречает не только технические, но и экономические затруднения. Большинство машин употребляется в нем лишь в течение короткого времени в году, тогда как в промышленности—круглый год. При прочих равных условиях сбережение на рабочей силе благодаря машине в промышленности, следовательно, значительно больше. Если каждая из двух машин заменяет в день десять рабочих сил, но одна из них действует только десять дней, а другая 300, то ежегодное сбережение труда составит у одной 100 рабочих дней, а у другой 3.000. Если каждая из них служит в течение пяти лет, то вся экономия в труде от земледельческой машины достигнет 500 рабочих дней, а от промышленой машины 15.000 дней. Но это значит, что, если стоимость каждой машины равняется 10,00 рабочих дней, введение промышленной машины составит экономию в 14.000 рабочих дней, а земледельческой, напротив, даст перерасход в 500 рабочих дней.

Это отношение ухудшается для сельского хозяйства еще и тем, что при капиталистическом способе производства машина имеет целью не сбережение рабочей силы, а экономию на рабочей плате. Чем ниже плата, тем затруднительнее введение машин. Но по общему правилу заработная плата в деревне по многим причинам значительно ниже, чем в городе, следовательно, побуждение заменять человеческую рабочую силу машиной там значительно слабее.

К этому присоединяется еще и другое различие между промышленностью и сельским хозяйством. Машинная индустрия обыкновенно не требует более интеллигентных и искусных рабочих, чем ремесло или мануфактура. Ее вполне удовлетворяют те рабочие силы, которые образовались при способах производства, предшествующих крупной промышленности. К тому же работник, круглый год работающий на одной и той же машине, скоро приобретает замечательное искусство в управлении ею.

Иное дело с сельскохозяйственными машинами. Часто они бывают очень сложны и требуют для управления ими уже значительной интеллигентности. Но именно в деревне условия для образования и умственного развития народа в последние столетия были очень неблагоприятны. Машина очень часто не находит там рабочих сил, которые для нее нужны.

Кроме того, сельский рабочий не работает весь год на одной и той же машине, он не может поэтому так легко освоиться с ней, как рабочий в обрабатывающей промышленности.

Наконец, сельскохозяйственные предприятия в противоположность крупным фабрикам, часто бывают очень удалены от железных дорог и механических заводов; поэтому перевозка тяжелых машин и починка особенно сложных механизмов очень затруднительна для них и обходится им слишком дорого.

Несмотря на все эти трудности, применение машин в сельском хозяйстве быстро возрастает,—вот доказательство того совершенства, какого они достигли.

Для Франции мы имеем ряд сравнительных данных о развитии машинного производства за три десятилетия. В сельском хозяйстве там считалось:

Годы	1862	1882	1892
Паровых машин и локомобилей	2.849	9.288	12.037
Молотилок	100.733	211.045	234.380
Сеялок	10.853	29.391	47.193
Жатвенных машин и сноповязалок	18.349	35.172	62.185

В Германской империи насчитывалось сельско-хозяйственных предприятий, применявших:

	в 1882 г.	в 1895 г.
паровые плуги	836	1.699
сеялки	63.842	20.673
жатвенные машины	19.634	35.084
паровые молотилки	75.690	259.069
прочие молотилки	298.367	596.869

Таким образом, наблюдается значительное увеличение числа всяких машин, в особенности молотилок; исключение представляют только сеялки, вытесняемые рядовыми сеялками; на последние в 1882 г. совершенно не было спросу; в 1895 г. они применялись уже в 140.792 хозяйствах.

Родиной машинного производства в сельском хозяйстве является Англия. Машинная система в промышленности развилась в Англии ранее, чем в других странах; в Англии же были наиболее благоприятные условия для введения машин в сельско-хозяйственное производство. По мнению Перельса, эти условия следующие: состояние культуры почти всюду в стране очень высоко; сельские хозяева большею частью капиталисты; в стране много машиностроительных заводов, по крайней мере, по одному даже в маленьких городах, так что ремонт машин не встречает больших затруднений.

Наряду с Англией развивали применение машин в сельском хозяйстве Соединенные Штаты, побуждаемые к тому недостатком сельско-хозяйственных рабочих и их требовательностью в отношении заработной платы. Применение машин облегчалось высоким умственным развитием американского рабочего, но затруднялось плохой обработкой почвы и отдаленностью большинства ферм от машиностроительных заводов. Американские сельско-хозяйственные машины поэтому иного типа, нежели английские; они значительно проще, более прочной конструкции, но и работа их не всегда так совершенна, как английских.

В Германии условия развития сельско-хозяйственного машинного производства менее благоприятны. На западе и на юге земля слишком раздроблена; на востоке хотя и преобладает крупное производство, но жизненный уровень и степень культурности сельских рабочих там слишком низки, механические

заводы находятся далеко. Наиболее удобны условия в провинции Саксонии, где мы находим крупные хозяйства, интеллигентное рабочее население и многочисленные машиностроительные заводы. Во всем Бадене только один паровой плуг, в Вюртемберге ни одного; напротив, в провинции Саксонии паровые плуги употребляются в 428 хозяйствах. Но и в остальных частях Германии машина победоносно преодолевает противостоящие ей препятствия, как показывает, помимо вышеприведенной статистической таблицы, быстрый рост производства сельско-хозяйственных машин. За исключением паровых плугов, которые лучше всего делаются все еще в Англии, и жатвенных машин, ввозимых большей частью из Соединенных Штатов, Германия сама производит все бесчисленные машины, в которых нуждается в наше время сельское хозяйство.

Экономия в рабочей силе не единственная цель введения машин. В сельском хозяйстве она иногда даже отступает на задний план перед другими целями. Она имеется в виду преимущественно при введении молотилок. Многие агрономы, например, Ф. фон-дер-Гольц, приписывают им решающее влияние на обезлюдение деревни. „Как ни полезна и ни необходима молотилка для сельско-хозяйственного производства, но ее распространение оказало губительное влияние на положение сельских рабочих. Молотьба цепами была раньше главным занятием сельского рабочего в зимнее время. Машинная молотьба требует значительно меньше рабочих; чтобы скорее получить возможно большее количество зерна для продажи, молотьба начинается большей частью уже с осени, в особенности там, где применяется паровая молотилка“.

Чтобы помочь горю, фон-дер-Гольц предлагает „ограничить употребление молотилок, в особенности паровых“, повидимому, в интересах рабочих, в действительности же в интересах землевладельцев, для которых, как он сам говорит, „потери, вызванные этим ограничением, с избытком возместятся, если не сейчас же, то в будущем, увеличением рабочих сил, которыми они будут располагать в летнее время“. („Die ländliche Arbeiterklasse und der preussische Staat“, стр. 144, 145).

К счастью, это консервативное расположение к рабочим ничто иное, как реакционная утопия. Молотилка „сейчас“ слишком прибыльна, чтобы землевладелец захотел отказаться от ее применения ради выгоды „в будущем“. Поэтому ее революционная деятельность будет продолжаться; она будет гнать земледельческих рабочих в город; она станет с одной стороны могучим средством для повышения заработной платы в деревне, с другой стороны она будет содействовать дальнейшему развитию машинного производства в сельском хозяйстве.

Как показывает уже вышеприведенная цитата, молотилка важна не только потому, что она сберегает рабочую силу, но также и потому, что она работает гораздо скорее человека. Быстрота работы получила немалое значение с тех пор, как производство для собственного потребления сменилось производством для рынка. Теперь важно быстро использовать кон'юнктуры рынка, а производитель хлеба может это сделать тем легче, чем скорее его хлеб оказывается готовым для продажи, т.-е. чем скорее он обмолочен. Если некогда молотьба была такой работой, которой на ряду с домашними промыслами крестьянин занимался зимой, то теперь, с введением паровой молотилки, молотьба все чаще производится в открытом поле непосредственно после жатвы, благодаря чему сберегается время на перевозку и уменьшаются потери по усыпке зерна, которые постоянно происходят при нагрузке и выгрузке некоторых продуктов, например, рапса. Перельс в своем сочинении „О значении машин для сельского хозяйства“ указывает на такие случаи, „когда значительные издержки на покупку паровой молотилки окупались первой же удачной продажей товара, быстро изготовленного для рынка“.

Жатвенные машины еще в большей степени, чем молотилки, на ряду со сбережением труда ускоряют работу. Результат производства целого года за-

висит от того, как пройдет жатва. Хлеб должен быть спешно убран в несколько дней. Каждая проволочка времени может принести большой ущерб. Машина, сокращающая время уборки, приобретает высшую ценность; к тому же сбережение труда и времени делает сельского хозяина более независимым от его рабочих, которые ко времени жатвы становятся чрезвычайно необходимы, благодаря чему требуют в это время наивысшей платы и особенно склонны к стачкам. Замечательно, что даже те хозяйства, где жатва производится еще ручным способом, приобретают иногда жатвенные машины, но не для употребления их, а для того, чтобы иметь в них защиту против стачки. Так Кергер в своей книге о земледельческих отхожих промыслах рассказывает, что в провинции Саксонии во всех имениях, производящих большие посевы свекловицы, заведены жатвенные машины, но они служат главным образом, как средство затруднять стачки рабочих. Пока рабочих много и они послушны, уборка производится там ручным способом, так как хлеб вследствие обильного удобрения обыкновенно ложится, и применение машины становится невозможным. Впрочем, с тех пор, как Кергер писал об этом (в 1890 г.), изобретены машины, которые могут жать и полегший хлеб.

Но машина не только заменяет человека, она исполняет такие действия, которые он или вовсе не в состоянии исполнить, или исполняет далеко не так совершенно. Она достигает этого или вследствие своей большей точности, или вследствие своей большей силы.

К машинам первого рода принадлежит сеялка, машина для разбрасыванья удобрения и машина для очистки зерна.

Посев производится машиной гораздо лучше, чем рукой. Поэтому сеянье с помощью машины вытесняет ручной посев даже там, где последний дешевле.

Рядовые сеялки и усовершенствованные веялки впервые сделали возможным сеянье рядами на больших площадях; благодаря им были достигнуты результаты, недостижимые при разбрасывании семян руками. „Наивысшие урожаи могут получаться только при тщательно произведенном сеянии рядами“ (Зеттегаст).

Веяние лопатой, „которого еще и теперь придерживается иной правоверный крестьянин, утверждая, что оно дает превосходнейшее зерно“, заменили машины для очистки и сортировки зерна, удаляющие все семена сорных трав и другие посторонние примеси, а также спорынью, сортирующие зерна по величине, весу и форме, и дающие хорошее семя и однородный, чистый товар для рынка.

Из машин, важность которых обусловливается главным образом их способностью развивать большую силу, на первом месте должен быть назван паровой плуг.

Для хорошего урожая хлебов не безусловно необходима глубокая вспашка. Поэтому при господстве трехпольной системы пахали не очень глубоко. „Еще Эккарт в своей „Экспериментальной Экономии“ (в 1754 г.) называет самой лучшей пашню при глубине борозды в $2^1/_2$—3, самое большее в 4 дюйма, в зависимости от качества почвы, и только в виде исключения при особых свойствах почвы допускает глубину борозды в 5—6 дюймов. Он настойчиво предостерегает от более глубокой вспашки. Такие же указания находятся еще даже во „Всеобщем экономическом лексиконе“ Г. Г. Цикена (5-е изд. 1780 г.) (Ф. фон-дер-Гольц, „Земледелия“, в Handwörterbuch der Staatswissenschaften, I, стр. 28). Но с возникновением плодосменного хозяйства скоро открыли, что некоторые из вновь введеных растений,—клевер, картофель, свекла,—лучше родятся при более глубокой вспашке. Изобрели новые плуги, усилили упряжку, чтобы глубже пахать, и нашли, что это выгодно отражается и на культуре хлебов. Глубокая вспашка уменьшает влияние излишней влажности и продолжительной засухи. Кроме того, глубоко вспаханная почва нагревается легче, чем обработанная поверхностно, и менее благоприятна для сорных трав.

Но главным образом глубокая вспашка имеет целью предоставить корням растения бо́льшую, чем прежде, массу рыхлой земли, в которой они только и могут хорошо развиваться.

В каждом рациональном хозяйстве пашут теперь глубже, чем в начале XIX столетия. Если в то время обычная глубина борозды составляла 4 дюйма, то теперь она удвоилась, а при особенно глубокой вспашке она доходит до 12, 15 и более дюймов.

„От глубокой вспашки зависит будущность нашего земледелия... Но для того, чтобы она получила широкое распространение, необходима производительная сила более постоянного и могучего действия, чем сила животных“ (Перельс). Такую производительную силу доставила паровая машина.

Уже неоднократно цитированный нами Перельс, быть-может, более всех содействовавший распространению парового плуга в Германии, пишет об этом:

„Преимущества паровой обработки сравнительно с обработкой при помощи упряжных животных можно видеть в следующем:

„1. Не подлежит сомнению и никем не оспаривается, что работа парового плуга несравненно лучше, чем упряжного.

Лучшая работа парового плуга выражается в более высоком урожае и в большей обеспеченности его; это доказано всюду, где паровой плуг применялся в хозяйстве в течение нескольких лет.

„Далее, преимущество парового плуга в том, что обработку земли можно начать своевременно и закончить до наступления поздней осени. Имеется возможность начинать пахоту непосредственно после жатвы, т.-е. в такое время, когда большинство хозяйств не располагает ни рабочими, ни скотом для этого... Поздней осенью, когда работы обыкновенно уже приостанавливаются, паровой плуг еще работает без особых затруднений, так что обработка земли может быть закончена до наступления зимы. В местностях, где зима начинается очень рано, это преимущество порового плуга должно привлечь особенное внимание“ („Применение паровой силы в сельском хозяйстве“, стр. 307—309).

Если, несмотря на эти преимущества, паровой плуг во многих местностях не получил распространения, то причина этого кроется в том, что вышеупомянутые препятствия для применения машин в сельском хозяйстве в отношении парозого плуга имеют еще больше значения, чем для всякой другой машины. Он неприменим там, где местность представляет для того значительные затруднения, где в почве встречается много больших камней, на болотистых пашнях и в сильно раздробленных участках. Рабочих нелегко обучить обращению с ним, необходимы поэтому частые исправления его. Но самое главное препятствие к введению парового плуга—его огромная стоимость. Паровой плуг с двумя двигателями стоит 40.000 марок и более, с одним двигателем, менее рациональный,—свыше 30.000 марок. Пользование им, точно также, как и паровой молотилкой, облегчается тем, что его можно брать напрокат.

На родине парового плуга, в Англии, он и употребляется всего более. Впервые в начале 50-х годов удалось изобрести паровой плуг, годный для практического употребления. Еще в 1867 г. паровая обработка, по отчетам Royal Agrikultural Society, применялась только в 135 имениях. В противоположность этому, оффициальные данные, опубликованные по поводу выставки в Вольфергамптоне в 1871 г., удостоверяют, что к этому времени в Англии действовало уже более 2.000 паровых плугов. Напротив, в Германии их было тогда только 24; но в 1882 г. здесь уже насчитывалось 836 хозяйств, применявших паровые плуги, а в 1895 г.—1.696. В крупных хозяйствах провинции Саксонии они вошли во всеобщее употребление.

В более крупных имениях Австрии и Венгрии паровой плуг также находит все большее применение.

Но сельское хозяйство нуждается в паровой машине не только для пахоты, но и для уравнивания пашни, для бороньбы и проч. И при молотьбе обнаруживается превосходство паровой машины над машиной с конным приводом,—о ручном вороте нечего и говорить. В саксонских свекловичных хозяйствах, истинных образцах интенсивной культуры, весь хлеб, за исключением ржи, солома которой служит для вязки, всегда обмолачивается машиной, приводимой в движение паровой силой. Даже у крестьян ворот при молотилке почти совершенно вытеснен локомобилем. (Кергер, стр. 13).

Паровая машина исполняет хорошую службу и в качестве насоса при оросительных и осушительных работах, наконец, она служит для приготовления корма скоту и для его прессования, она применяется на мукомольных мельницах, лесопилках, соломорезках и проч.

В „Сельско-хозяйственном словаре“ Гольца („Handbuch der Landwirtschaft“, II, стр. 721), Вюст заявляет: „Несмотря на плохую утилизацию теплоты, паровая машина все же представляет для сельского хозяйства самую дешевую и почти всюду применимую силу“.

Число паровых машин в сельском хозяйстве быстро возрастает. В Пруссии считалось неподвижных и подвижных паровых машин:

	1879 г.		1897 г.		Увеличение в процентах.	
	Число машин.	Лошадиных сил.	Число машин.	Лошадиных сил.	Число машин.	Лошадиных сил.
В сельском хозяйстве	2.731	24.310	12.856	132.805	470%	546%
В горной, обрабатывающей и в перевозочной промышленности, исключая железные дороги и паровые суда	32.606	910.574	68.204	2.748.994	209%	320%

Отсюда видно, что увеличение числа паровых машин в сельском хозяйстве не только абсолютно было очень велико, но оно шло быстрее, чем в остальных отраслях промышленности.

Но электричеству суждено, быть-может, получить еще больший триумф в этой области, чем пару; с одной стороны вытесняя пар из тех видов работы, которыми он уже овладел, с другой—заменяя человеческую и животную рабочую силу в тех сферах труда, которые до сих пор оставались для него недоступны. Где не могли применяться локомобиль и передача силы посредством бесконечного ремня, туда легко может проникнуть электрическая сила. Кроме того, она чрезвычайно делима и не требует для своего действия непременно угля. В местностях, где работа при помощи пара не окупается вследствие большой отдаленности мест добывания угля, но где дешева сила воды, электричество может сделать выгодным применение механического плуга. Но кроме того, электрический плуг значительно легче парового. Большие плуги с паровой машиной в 50 лошадиных сил в готовом для работы состоянии, т.-е. с водой и углем, весят около 22 тон, плуги меньшего размера редко весят менее 14—16 тонн“. Электрический плуг в 20 лошадиных сил весит 8 тонн, в 50 лошадиных сил—12 тонн. „Главное преимущество электрического плуга по сравнению с паровым заключается в незначительном весе первого, благодаря чему в иных случаях вообще впервые становится возможным вспахивание машинным способом, именно в местностях холмистых и имеющих мягкую почву; кроме того, при одинаковом весе электрический плуг обладает большей производительностью по сравнению с паровым“. (C. Köttgen, „Ist die Elektrotechnik nach dem heutigen Stande ihrer Entwicklung schon befähigt, mit begründeter Aussicht in den Dienst der Landwirtschaft zur Erhöhung des

wirtschaftlichen Reinertrags zü treten?“ Tchiels Landwirtschaftliche Iahrbücher, XXVI, Heft 4 bis 5) *).

Электричество уже не редко и теперь практически применяется в сельском хозяйстве. Один специалист, наш личный хороший знакомый, сообщает нам о применении электричества в имении некоего г-на Ф. Пра в департаменте Тарн (во Франции):

Водопад, развивающий энергию в 30 лошадиных сил, вращает турбину, соединенную с динамомашиной. Употребляемая в данном случае динамомашина способна давать ток в 40 амперов и 375 вольт. По всему имению проведены проволоки обыкновенным способом на столбах. С этих проволок берется ток там, где это нужно.

До настоящего времени электрическая сила употребляется почти исключительно для пахоты при помощи блокового двигателя в 18 лошадиных сил.

Применение электрической сьлы наряду с другими преимуществами представляет еще и ту выгоду, что все имение может освещаться электричеством. Это дает возможность в экстренных случаях, например, во время жатвы производить полевые работы даже ночью; конечно, в этом выгода больше для землевладельца, чем для его рабочих.

Даже в Германии уже встречаются имения, применяющие электричеетво. В сентябре прошлого года из Кольберга сообщалось даже о попытке снабжать электрической силой шестьдесят имений с одной центральной станции в целях улучшения и удешевления сельско-хозяйственного производства. Мы однако ничего не слыхали о результатах этой попытки.

К механическим сооружениям, сберегающим расходование силы, на ряду с машинами можно отнести и полевые железные дороги. Издержки перевозки играют большую роль в сельском хозяйстве, где приходится перевозить на далекие расстояния значительные массы относительно малоценных продуктов, удобрение, солому, сено, свеклу, картофель и т. п. Проведение хороших дорог стоит дорого, к тому же они отнимают много места. Но даже на лучших полевых дорогах тратится очень много сил на то, чтобы преодолеть трение. Полевые железные дороги оказываются поэтому очень выгодными. Одна упряжка легко может провезти по рельсам полевой дороги вчетверо больший груз, чем она перевезла бы по шоссе. Между тем полевая железная дорога без особых приготовлений и трудов может быть проложена даже там, где невозможно проведение обыкновенной дороги, по топкому месту, повспаханному полю, болотистому лугу и т. п. Полевая железная дорога не только сберегает труд упряжных животных,—но часто только благодаря ей и делается возможной перевозка громоздких материалов, без чего неосуществимы некоторые мелиорации.

Главнейшие из мелиораций,—орошение и осушение,—также относятся к механическим вспомогательным средствам в сельском хозяйстве. В противоположность всему тому, о чем мы только что говорили, они очень древнего происхождения. На востоке мы находим такого рода сооружения еще в доисторическое время. Но в Европе, к северу от Альп, при трехпольном хозяйстве, мелиорации были в жалком состоянии. Климат не вызывал необходимости в оросительных сооружениях; болотистые земли отводились под луг; пока было еще много годных к обработке нетронутых земель, лесов и пастбищ, не являлось побуждения и не доставало рабочих сил для мелиорации в тесном смысле слова. Но когда плотность населения увеличилась, феодальные повинности стали давить крестьянина и отнимать у него силы и средства для мелиораций; необходимые предварительные условия для них были созданы только революцией.

---

*) Ц. Кетген. „Может ли электротехника уже при современном состоянии своего развития с основательными надеждами поступить на службу сельскому хозяйству в целях повышения чистого дохода хозяйств?“ „Сельско-хозяйственный ежегодник“ Тиля, XXVI, выпуск 4-й и 5-й.

Из современных мелиораций особенно важен дренаж, т. е. осушение почвы посредством подземной сети труб из обожженной глины, улучшение, впервые ставшее возможным, благодаря прогрессу в производстве кирпича. Дренаж делает почву более сухой, мягкой, рыхлой и облегчает ее обработку: она легче нагревается и долее сохраняет теплоту „так что результаты осушения подобны перемене климата“ (Гамм). В Шотландии опыт показал, что жатва на дренированной почве созревает обыкновенно на 10—15 дней раньше, чем на недренированной.

В Англии дренаж повысил валовой доход старопахотных земель в среднем на 20—30%, а в некоторых случаях повышение дохода достигало 100—200%. Многие поля только благодаря дренажу сделались годными для посева хлебов и кормовых трав.

г) Удобрение, бактерии.

Химики и физиологи, последние при помощи микроскопа, не менее инженеров способствовали преобразованию сельского хозяйства.

При трехпольном хозяйстве весь скот без исключения должен был довольствоваться тем кормом, который представляли ему луга и пастбища. В настоящее время, благодаря развитию сношений, сельский хозяин располагает разнообразнейшими кормовыми средствами, как теми, которые он сам производит, так и покупными, являющимися продуктами или отбросами промышленности и потому дешевыми, так что для него выгоднее засевать свою землю другими, не кормовыми растениями. Вместе с тем физиология животных указывает ему ценность различных кормовых средств, учит его целесообразно приготовлять и употреблять их соответственно возрасту, полу, породе скота и способу пользования им, при чем, как мы уже видели, машина играет большую роль; благодаря этому скот дольше сохраняет работоспособность и более производительно работает.

С другой стороны, физиология растений знакомит его с теми условиями, которые необходимы для злаков, чтобы они давали богатые, постоянные урожаи без излишней траты материала, времени и сил. К числу этих условий на ряду с механической обработкой почвы, где, как мы знаем, машина играет большую роль, первое место принадлежит удобрению, т. е. заботе о том, чтобы почва в надлежащей пропорции содержала в себе те растворимые вещества, в которых нуждается растение для своего роста. Химия не только знакомит сельского хозяина с этими веществами, она даже сама приготовляет искусственным путем те из них, которых не достает в почве и которые сельский хозяин своими силами не может производить в достаточном количестве и без чрезмерных затрат.

Одного стойлового навоза не достаточно для поддержания равновесия в современном сельском хозяйстве, производящем для рынка и при том для такого рынка, который не возвращает обратно почве значительнейшей части получаемых им питательных веществ.

Почва поэтому становится все беднее теми минеральными составными частями, которыми питаются культурные растения. Улучшенный способ обработки, посевы кормовых трав с глубокими корнями, глубокая вспашка и проч., конечно, увеличивали урожайность полей, но только путем более интенсивной и быстрой эксплоатации почвы, путем ее истощения. „Плодородие почвы, конечно, может быть значительно повышено на счет содержащихся в ней питательных веществ с помощью прогрессивных улучшений физических свойств почвы, благодаря усиленному унаваживанию, механическому разрыхлению, известковому удобрению и проч. Однако, продолжительное применение этого метода вызывает не только обеднение почвы, но в конце концов и уменьшение ее плодородия“. (Вернер).

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ. КРАСН. ПРОФЕССУРЫ
№

Одна из бессмертных заслуг Либиха состоит в том, что он обнаружил этот факт и решительно восстал против интенсивного хищнического земледелия, какое представляла собой усовершенствованная обработка почвы в первой половине нашего столетия. Он отстаивал то положение, что плодородие наших полей будет продолжительным и постоянно возрастающим только в том случае, если им снова будут возвращаться составные части, отнимаемые у них рынком в виде сельско-хозяйственных продуктов. Отбросы городов должны доставляться сельскому хозяйству. В своем сочинении „Химия в применении к земледелию и физиология“ (часть I, химический процесс питания растений) он между прочим писал: „стечение случайностей (введение клевера, открытие гуано, введение посевов картофеля и гипсовое удобрение) увеличило число жителей во всех европейских странах несоответственно имеющимся производительным силам; прирост населения был неестественно велик и достиг такой высоты, на которой при современной хозяйственной системе он может удержаться только при двух предположениях:

„1. Если, благодаря какому-нибудь божественному чуду, поля снова приобретут свою прежнюю урожайность, отнятую у них неразумием и невежеством.

„2. Если будут открыты залежи навоза или гуано, равные приблизительно английским залежам каменного угля.

„Понятно, что ни один разумный человек не сочтет правдоподобным или возможным осуществление этих предположений...

„Введение ватер-клозетов в большинстве английских городов имеет то последствие, что ежегодно безвозвратно пропадает материал, обусловливающий воспроизведение пищи для $3^1/_4$ миллионов человек.

„Большая часть всей огромной массы удобрения, ежегодно ввозимого Англией, снова уносится через реки в море, а продуктов, произведенных при помощи этого удобрения, недостаточно для прокормления прироста населения.

„Все зло в том, что этот процесс самоуничтожения происходит во всех европейских странах, хотя и не в таком большом масштабе, как в Англии. В больших городах континента власти ежегодно тратят крупные суммы на то, чтоб сделать недостижимыми для сельского хозяйства условия восстановления и поддержания плодородия полей.

„От решения вопроса об удалении нечистот из городов зависит сохранение богатства и благосостояния государств, прогресс культуры и цивилизации“ (стр. 125, 128, 129, 153).

Эти положения были высказаны Либихом полвека тому назад. Высокая ценность человеческих экскрементов, как удобрения, и необходимость возвращения их сельскому хозяйству получили с тех пор общее признание. Но ассенизационный вопрос в настоящее время дальше, чем когда либо, от того разрешения его, которого требовал Либих. До сих пор не удалось изобрести такую систему удаления человеческих экскрементов из больших городов, которая без чрезмерных издержек удовлетворяла бы как требованиям гигиены, так и интересам сельского хозяйства. Система полей орошения, введенная в Берлине, из всех применявшихся до сих пор систем кажется нам наиболее целесообразной с точки зрения гигиены, так как она исключает заражение рек нечистотами, удаляемыми через каналы.

Конечно, одно или два поля орошения, которые возможны при каждом городе, едва ли можно рассматривать как возмещение сельскому хозяйству взятых у него веществ. При современном состоянии техники этот вопрос мог бы быть решен очень просто, без больших затрат, даже с выгодой, посредством, например, системы орошения, если бы была устранена противоположность между городом и деревней, если бы население распределялось по стране достаточно равномерно. Но при настоящем способе производства об этом нечего и думать.

Чем менее удавалось сельскому хозяйству утилизировать человеческие экскременты городов и, одновременно, чем более возрастало истощение почвы, вследствие вышеуказанных приемов интенсивного хозяйства и увеличения производства для рынка, тем более наука и практика обращались к паллиативам, чтобы возвращать почве взятые у нее питательные вещества, старались находить и приготовлять вспомогательное удобрение, которое давало бы почве вещества, недостающие ей для произрастания того или иного растения в таком виде, чтобы растение легко могло усваивать их. Таких удобрений, ввозимых из-за границы или приготовляемых фабричным способом—легион (фосфаты, калийные, селитровые и азотистые удобрения), и число их все еще возрастает; для каждого рода почвы, для каждого способа обработки, для каждого вида растений производится и составляется путем смеси особый род удобрения; благодаря этому, возможно не только сохранять богатство почвы, но и в высокой степени увеличивать его; более того, искусственное удобрение при известных обстоятельствах дает возможность сельскому хозяину совершенно обходиться без плодосмена и без стойлового навоза, приспособлять свои посевы исключительно к требованиям рынка и отводить для производства на рынок всю площадь своих возделанных земель. В таком свободном сельском хозяйстве современное земледелие достигает технически и экономически своего высшего пункта. В сельском хозяйстве производят переворот не только машиностроительный завод и лаборатория химика, но и мастерская оптика. Мы не будем здесь подробно останавливаться на значении спектрального анализа для открытия некоторых веществ, поляризационного аппарата для сахарной промышленности, фотографии для распознавания пород и вообще для скотоводства; мы только укажем на важнейший для сельского хозяйства оптический инструмент—микроскоп.

„Прошло много времени,—говорит Гамм,—пока сумели сделать полезным для практики применение этого необходимого ныне прибора; в настоящее время его важность общепризнана, и особенно сельское хозяйство не может более без него обходиться. При современном состоянии дела анализ составных частей почвы начинают при помощи микроскопа. Внутреннее строение растений, сущность клетки и ее содержимого, форма и различие крахмальных зерен и других образований сделались нам хорошо известны только благодаря микроскопу. Ему мы обязаны знанием того, как размножаются тайнобрачные растения, что такое те многочисленные грибы, которые в виде ржавчины или плесени, в виде картофельного или виноградного грибка и проч., поражают культурные растения и вредят им часто до полного уничтожения урожая. Только с помощью микроскопа удалось установить различие разнообразных волокон, структуру шерсти и волос, открыть безчисленных живых врагов сельского хозяйства, таких существ, как бактерии, вибрионы пшеницы, нематоды свекловицы и т. п. Особенные услуги оказывает микроскоп при контроле семян. В руках опытного человека микроскоп оказывает незаменимую услугу при различении настоящего от поддельного, семян от примесей“. (Die Naturkräfte in der Landwirthschaft, стр. 142—145).

С того времени, как Гамм писал это (в 1876 г.), микроскоп, благодаря развитию изучения бактерий, очень значительно содействовал прогрессу сельского хозяйства.

Благодаря этому прогрессу, сельский хозяин может или совершенно обезопасить растения и животных от некоторых опустошительных болезней—сибирской язвы, рожи свиней, туберкулеза, филоксеры, или излечивать их, или, по крайней мере, точно распознавать их.

Во второй половине прошлого десятилетия (в 80-х годах) открыли факт, что легуминозные (стручковые и клеверные растения), в противоположность другим культурным растениям, получают почти все необходимое для них количество азота не из почвы, а из воздуха, так что они не только не делают

почвы беднее азотистыми веществами, но еще обогащают ее ими. Но они обладают этими свойствами только в том случае, если в почве имеются некоторые микроорганизмы, гнездящиеся в корнях этих растений. Где их нет, там можно соответствующей прививкой развести их в почве, затем засеять ее леguминозами и таким образом сделать почву, бедную азотистыми веществами, богатой ими, как бы удобрить ее таким способом для других растений. Леguминозы, обыкновенно в соединении с соответствующим минеральным удобрением (фосфатами и калийным удобрением), дают возможность в течение долгого времени получать высшие урожаи без удобрения навозом. Только благодаря этому открытию, свободное хозяйство приобрело вполне прочное основание.

д) Сельское хозяйство, как наука.

Какой резкий контраст между трехпольной системой времен феодализма и независимым сельским хозяйством конца девятнадцатого века! И в значительной своей части этот переворот совершился в несколько последних десятилетий. Проложившие новый путь исследования Либиха опубликованы в 1840 году, только в 50-х годах они получили всеобщее признание, в то самое время, когда паровая машина начала проникать в сельское хозяйство, а бактериология достигла в нем своего первого практического успеха (в 1837 году открыты бациллы пятнистой болезни шелковичного червя и бродильного грибка, в 1849 —бациллы сибирской язвы).

Сельское хозяйство, бывшее прежде самым консервативным из всех производств, почти не прогрессировавшее в течение тысячелетия, абсолютно не двигавшееся с места в течение целых столетий, превратилось в несколько десятилетий в одно из самых революционных, если не в самое революционное, из современных производств. Но вместе с этим переворотом из рутинного р е м е с л а, передававшегося от отца к сыну, оно превратилось в н а у к у, или скорее в комплекс наук, которые быстро развиваются и по об'ему охватываемых ими явлений, и по глубине теоретического их понимания. Сельский хозяин, не знакомый с этими науками, чистый „практик“, беспомощно стоит перед всеми новшествами, и в то же время он не может оставаться при старом, т. е. хозяйничать по испытанному дедовскому и прадедовскому способу.

Превращение сельского хозяйства в науку сильно отразилось на истории развития сельско-хозяйственного образования, особенно в высшей школе. На прогресс научной агрономии указывает не только об'ем и содержание учебного материала, но и внешняя история сельско-хозяйственных учебных заведений. Thaer, изучивший усовершенствованное английское сельское хозяйство конца прошлого и начала настоящего столетия, пытавшийся научно обосновать его и ввести в Германию, первый признал необходимость специальных сельско-хозяйственных учебных заведений. Уже в 1798 году в своем произведении: „Einleitung zur Kenntniss der englischen Landwirthschaft“ он пропагандировал „идею учреждения земледельческой академии“, и несколько лет спустя основал первую подобную академию (в 1802 г. в Целле, а в 1804 г. в Меглине); вслед за тем в ближайшие десятилетия были открыты и другие, при чем в числе первых находилась открытая Гогенгеймом в Вюртемберге в 1818 году. Каждое из этих высших учебных заведений было соединено с образцовым сельским хозяйством, вследствие чего они находились вне городов. Только таким путем возможно было, на ряду с „седой теорией“, давать ученикам необходимые наглядные примеры ее применения, так как число рациональных хозяйств было тогда еще мало.

Но подобное положение дел изменилось в течение первой половины нашего столетия, и в этой перемене немалую роль играли названные учебные заведения. Значительное число крупных имений перешло к рациональному,

научно-обоснованному способу обработки, молодой сельский хозяин не нуждался более в образцовом хозяйстве учебного заведения, чтобы изучить применение теории на практике.

Но по мере роста числа рациональных хозяйств расширялся и углублялся учебный материал сельско-хозяйственной школы под влиянием вышеуказанного переворота в механике, химии, физиологии и в общих экономических и общественных отношениях. Высшая сельско-хозяйственная школа стала требовать все больше научных вспомогательных наук; ей стала необходима более высокая духовная атмосфера; рассеянные по деревням, изолированные учебные заведения все менее соответствовали растущим задачам, которые к ним пред'являлись.

И в этой области Либих открывает новые пути; в качестве президента Баварских Академий наук он в 1861 г. произнес в Мюнхене торжественную речь, в которой резко подчеркнул недостатки сельско-хозяйственных академий, расположенных в деревне, и потребовал перенесения их в университетские города. И это требование его встретило почти такую же страстную борьбу, как и Либиховская теория плодородия и истощения почвы. Но и в этом случае великий ученый вышел из спора таким же победителем, как и в первом, и его требование повсюду было удовлетворено. За исключением Гогенгеймовской, все высшие сельско-хозяйственные школы ныне находятся в университетских городах, не только в Германии, но в Австрии, Франции, Италии, при чем они или образуют факультет при университете, или представляют самостоятельные высшие учебные заведения (в Берлине, Вене, Париже).

Сельское хозяйство изучается в больших городах! Это, конечно, служит самой яркой иллюстрацией того факта, что сельское хозяйство во всех отношениях оказалось в полной зависимости от города, что своим прогрессом земледелие обязано городам.

Но, конечно, сельский хозяин не может удовлетворяться только своими университетскими знаниями. Насколько было бы смешно в настоящее время применять к сельскому хозяйству поговорку: опыт выше науки, настолько же смешно думать, что наука—это все. В сельском хозяйстве более, чем в промышленности, важно *соединение науки и опыта*, потому что действительные условия, в которых применяется теория, оказываются здесь еще более разнообразными и сложными, чем в промышленности. Здесь необходимо производить исследования, собирать наблюдения, но прежде всего необходимо всегда иметь ясное представление о каждой части этой чрезвычайно обширной области, а это возможно только при помощи тщательного и рационального *счетоводства*.

При трехпольном хозяйстве, производившем главным образом для собственного потребления, сельский хозяин в счетоводстве не нуждался. Условия были тогда для всех хозяйств данной местности в общем одинаковы, с незапамятных времен одни и те же, простые и ясные. Положение современного сельского хозяйства совершенно иное. Оно имеет дело с более сложными, разнообразными и постоянно изменяющимися условиями производства и обмена, купли и продажи. Оно приходит в безнадежное расстройство без подробного и правильного счетоводства. Последнее при современном способе производства необходимо в каждом крупном хозяйственном предприятии, но в земледелии еще в большей степени, чем в промышленности. Современное промышленное предприятие производит предметы только одного рода, тогда как каждое сельское хозяйство представляет собой совокупность разнообразнейших отдельных производств: скотоводства, земледелия, огородничества, садоводства, птицеводства и проч., из которых каждое доставляет различные предметы. Промышленное предприятие обыкновенно покупает все свои средства производства, продает все свои продукты; в сельском хозяйстве этого, конечно, никогда не бывает.

Оно покупает только часть своих средств производства, другую часть оно само производит: скот, корм для скота, удобрение, семена частью покупаются, частью производятся в хозяйстве; заработная плата выдается частью деньгами, частью натурой. Соответственно этому, только часть продуктов вывозится на рынок и продается, некоторая часть их потребляется в самом хозяйстве. Наконец, в сельском хозяйстве не так легко, как в промышленности, проследить результаты применения того или иного средства или способа производства. Иногда проходят годы прежде чем они всесторонне и ясно обнаружатся. Все это делает неизбежным для сельского хозяйства счетоводство, подробное и правильное, касающееся мельчайших подробностей; счетоводство должно вестись не только с коммерческой, но и с научной точки зрения, потому что сельский хозяин имеет дело не только с капиталом и прибылью на капитал, но также с землей и с земельной рентой; последняя же, поскольку она является дифференциальной рентой, зависит от богатства почвы; сохранить его в целости, по возможности, даже увеличить,—это так же должно быть задачей современного хорошего сельского хозяина, как и наивозможно выгоднейшее приложение своего капитала.

Быть может, ничто так хорошо не характеризует своевременного сельского хозяйства, как это счетоводство, основанное на научных коммерческих соображениях. Тесная связь науки и коммерческого дела, свойственная всему современному способу производства, нигде не обнаруживается так ясно, как в сельском хозяйстве. Это единственная отрасль промышленности, бухгалтерия которой изучается в университетах.

V.

КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР СОВРЕМЕННОГО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА.

а) Стоимость.

Для того, чтобы поднять сельское хозяйство с той ступени, на которой оно стояло в феодальное время, до его современной высоты и подчинить его безостановочно совершающемуся техническому и экономическому прогрессу, для этого нужны были и нужны теперь деньги, большие деньги. Это не требует ни доказательств, ни иллюстраций. Достаточно заметить, что в Англии только на дренаж было израсходовано с 1835 по 1842 г. свыше 100 миллионов, с 1846 по 1855 г. свыше 50 миллионов марок. На эти 50 миллионов было дренировано 1.365.000 акров, но нуждались в дренаже еще 21.525.000 акров.

Современное сельскохозяйственное предприятие невозможно вести без денег или,—что то же самое,—б е з к а п и т а л а, потому что при современном способе производства каждая сумма денег, не предназначенная для целей личного потребления, может превратиться и обыкновенно превращается в капитал, в стоимость, приносящую прибавочную стоимость.

Современное сельское хозяйство есть, следовательно, капиталистическое хозяйство. Оно обладает всеми характерными признаками капиталистического способа производства, принимающими, однако, в нем своеобразные формы. Чтобы пояснить это, мы позволим себе здесь небольшое отступление в область абстрактной политической экономии и вкратце изложим нашу теоретическую точку зрения, именно, Марксову теорию стоимости, прибавочной стоимости, прибыли и земельной ренты. Мы, конечно, ограничимся при этом только самым главным и отсылаем к трем томам „Капитала“ Маркса тех из наших читателей, которые еще не ознакомились с ними, если они пожелают подробнее вникнуть в главный предмет настоящей главы.

Рассматривая современное сельское хозяйство, мы обнаруживаем два основных факта: частную собственность на землю и товарный характер сельскохозяйственных продуктов. Первый из этих двух фактов мы уже изучили в его возникновении; второй со всеми его последствиями—это именно то, что нас здесь занимает. Товар—произведение человеческого труда, изготовляемое не для собственного потребления производителя и не для безвозмездного предоставления другим лицам, членам семьи, помещику и т. п., ненужное самому производителю и потому отдаваемое другим в обмен на продукты, в которых нуждается производитель.

То отношение, в котором определенное количество одного товара обменивается на определенное количество другого товара, сначала было совершенно случайным. Но по мере развития товарного производства, по мере того, как обмен становится правильно повторяющимся явлением, в меновых отношениях наблюдается все менее случайности, все более обнаруживается в них известная закономерность, каждый товар при определенных условиях получает определенную меновую стоимость. С дальнейшим развитием обмен становится продажей, т.-е. какой-нибудь особый товар превращается в денежный товар, в такой товар, который нужен каждому, на который каждый охотно обменивает свои продукты и которым измеряется стоимость всех других товаров. Известное количество денежного товара,—золота или серебра,—получаемого за определенный товар, называется его ценой.

Товарная стоимость проявляется только, как тенденция, как закономерное стремление, которому подчинен процесс обмена или продажи. Результатом этого процесса является действительное меновое отношение, действительно получаемая в данное время цена. Закон и его результат, конечно, две различные вещи. Исследователь процессов, совершающихся в природе или в обществе, должен их изолировать, если он желает открыть законы, которым они подчинены; он должен рассматривать каждый процесс в его чистом виде, обособленно от побочных обстоятельств, нарушающих его правильность. Только таким путем он может прийти к пониманию законов, лежащих в основании явлений; зная эти законы, не трудно понять и самые явления. Идя обратным путем, нельзя понять ни тех, ни других. Это ясно, как день, это говорилось уже бесконечное число раз и, однако, это всегда упускается из виду, особенно в теории стоимости.

Чем же определяется меновая стоимость, определенное закономерное меновое отношение двух товаров? Обмен возникает из разделения труда. Товарное производство есть такая форма производства, при которой независимые друг от друга рабочие различных отраслей труда производят одни для других. В социалистическом обществе они могли бы работать непосредственно друг на друга; но как производители, независимые один от другого, они могут производить друг для друга только путем взаимного обмена продуктов своего труда. Они свободны и равны,—только между такими производителями возможен действительный товарный обмен. Где одна часть их зависит от другой, там можно говорить о вымогательстве или грабеже, но не об обмене. Но свободный человек не захочет даром работать для другого, он не захочет отдавать труда больше, чем сам получит. Таким образом, мы видим, как возникает тенденция к тому, чтобы при обмене противопоставлялись друг другу продукты, потребовавшие равных затрат труда, чтобы стоимость товара определялась среднеобходимой для его изготовления затратой труда. Но реализует-ли производитель стоимость товара на рынке, действительно-ли он получит в его цене, по крайней мере, оплату своего труда, это зависит от целого ряда обстоятельств, которые можно об'единить под общей рубрикой спроса и предложения.

Теория, согласно которой стоимость товара определяется общественно-необходимым трудом, затраченным на его производство, энергичнейшим образом

оспаривается современной университетской наукой. Но все ее возражения, если в них ближе всмотреться, об'ясняются тем, что она смешивает товарную стоимость то с потребительной стоимостью, то с ценой. Все академические теории стоимости сводятся к тому, что считают элементом стоимости на ряду с затратой труда еще полезность продукта и спрос на него.

Само собой разумеется, что каждый продукт для того, чтобы стать товаром, получить стоимость, должен быть полезным продуктом, должен соответствовать какой-нибудь (действительной или воображаемой) потребности. Потребительная стоимость—предварительное условие товарной стоимости, но не она определяет высоту последней. Каждый обмен предполагает, что оба товара различны по качеству, в противном случае обмен был бы бесцелен. Но такое чисто количественное сравнение, каким является меновое отношение, невозможно между потребительными стоимостями различного качества. Если я говорю, что один аршин холста стоит в десять раз дороже одного фунта железа, то было бы абсурдом об'яснять это тем, что аршин холста удовлетворяет вдесятеро больше потребностей или в десять раз полезнее, чем фунт железа. Полезность одного и полезность другого товара—совершенно различные и несоизмеримые понятия.

Для различных товаров одного и того же вида можно, конечно, определить высшую и низшую степень потребительной стоимости; пара прочных сапог имеет бо́льшую потребительную стоимость, чем такая же пара менее прочных сапог, стакан рюдесгеймского вина заключает бо́льше потребительной стоимости, чем стакан грюнбергского. За бо́льшую потребительную стоимость охотно заплатят дороже, чем за меньшую; следовательно, потребительная стоимость все же является элементом товарной стоимости. Так могло бы казаться, но возникает вопрос: если бо́льшая потребительная стоимость создает более высокую товарную стоимость, то почему каждый производитель определенного рода товаров не изготовляет только экземпляры лучшего качества? почему каждый сапожник не шьет только очень прочных сапог? почему каждый винодел не производит только первоклассного вина? Ответ очень прост. Если не принимать во внимание индивидуальных особенностей работников, различия в сыром материале, орудиях и т. п. обстоятельств, не влияющих на результаты рассуждения, то лучшее качество, например, сапог является следствием более солидной работы, т.-е. бо́льшей затраты труда. И эта бо́льшая затрата труда, а не высшая потребительная стоимость, определяет более высокую товарную стоимость продуктов лучшего качества. Известно выражение: самые дорогие товары есть самые дешевые, т.-е. их потребительная стоимость превышает потребительную стоимость товаров низшего качества в гораздо бо́льшей степени сравнительно с разницей их товарных стоимостей. Пара сапог, стоющая 12 марок, носится, может быть, вдвое дольше, чем пара в 10 марок.

Но большая цена иоганисбергского или рюдесгеймского вина об'ясняется тем, что не везде можно возделывать вина этого сорта. В таких случаях закон стоимости вообще теряет свое значение, так как мы имеем здесь дело с монополией, а закон стоимости предполагает свободную конкуренцию.

Там, где качественные различия товаров одного и того же рода обусловливают различия в ценах, они всегда могут быть об'яснены или разницей в затратах труда, или монополией. Там, где не влияет ни тот, ни другой из этих фактов, было бы глупостью думать, чтобы каждый человек со средними способностями,—что также предполагается,—не производил товаров только лучшего качества.

Так же, как с большей или меньшей полезностью товаров, обстоит дело и с большей или меньшей потребностью в товаре. Изменением в спросе и предложении можно, конечно, об'яснить то, почему цена,—но не стоимость,—одного и того же товара сегодня высока, а завтра низка, но им нельзя об'я-

снить, почему в течение продолжительного времени цена товаров одного рода в определенное число раз выше цены товаров другого рода, почему, например, несмотря на частые колебания цен фунт золота в течение многих столетий в среднем стоил всегда приблизительно в 13 раз дороже фунта серебра? Это об'ясняется тем, что условия производства обоих этих металлов в течение нескольких столетий оставались одинаковыми. Смешно было бы думать, что спрос на золото неизменно в 13 раз превышал спрос на серебро.

Прямо совестно,—не знаю, в который раз,—повторять здесь все эти об'яснения, но они всегда снова оказываются необходимыми, как только приходится говорить о теории стоимости, потому что ее противники не устают всякий раз снова выдвигать против нее все те же qui pro quo. Так, например, профессор Луи-Брентано в своем последнем сочинении об аграрной политике (I часть, „Теоретическое введение в аграрную политику") останавливается на учении о земельной ренте, а вместе с тем и на его предпосылке, теории стоимости. Мы читаем у него: „Рикардо и его школа говорили о естественной стоимости и разумели под ней сумму издержек, затраченных на изготовление какого-либо блага. В дальнейшем социал-демократическом развитии этого учения естественной стоимостью называется сумма общественного рабочего времени, необходимого для производства блага". Что подразумевает Брентано под „общественным рабочим временем", мы не знаем. „Общественно-необходимое рабочее время" есть нечто совершенно иное. Брентано продолжает: „Обе теории стоимости—Рикардо и Маркса—в настоящее время считаются в науке отвергнутыми. Уже Герман обнаружил их несостоятельность, доказав, что издержки являются только одним из многих условий, определяющих цену, что, кроме них, в установлении цены играют роль настоятельность потребности, годность продукта для потребления, платежная способность, возможность достать в другом месте, необходимость для продавца продать, меновая стоимость платежного средства и другие выгоды, предлагаемые покупателем, а также возможность сбыта в другом месте" (стр. 84).

Итак, Марксова теория стоимости „отвергнута наукой", потому что цена определяется не только одной затратой труда.

Рикардо и даже еще Адам Смит говорили о „естественной цене". Брентано приписывает им и даже Марксу выражение „естественная стоимость!" Так перепутаны в этих нескольких строчках цена и стоимость!

Если исключить факторы, вызывающие колебания цен, то и у Брентано остается только одно определяющее обстоятельство,—затрата труда, или, как „исправляя" говорит Брентано, издержки производства. Однако, это исправление весьма сомнительного свойства.

Издержки производства уже предполагают то, что они должны об'яснить, именно, стоимость. Чем определяются издержки производства? Их сумма составляет сумму израсходованной стоимости. Следовательно, сначала стоимость об'ясняется издержками производства, а потом издержки производства—стоимостью! Таким образом нас отсылают от Понтия к Пилату!

Однако, то положение, что стоимость товара определяется издержками его производства, не совершенно лишено смысла. Но от университетских экономистов мы не узнаем, при каких условиях оно получает смысл. Чтобы выяснить эти условия, мы должны об'яснить различие между простым и капиталистическим товарным производством.

б) Прибавочная стоимость и прибыль

Простое товарное производство представляет первоначальную форму этого способа производства. Оно характеризуется тем, что производители не только противостоят друг другу, как свободные и равные, но и являются владельцами своих средств производства.

Как и всякая другая из великих эпох хозяйственного развития, простое товарное производство никогда не было исключительно господствующим, не встречалось в чистом виде, а всегда в смешении с другими хозяйственными формами, с натуральным, феодальным, цеховым, монопольным хозяйством. Поэтому и закон стоимости проявлялся в нем только отчасти, поскольку в данных пределах развивалось правильное производство на рынок свободно конкурирующих друг с другом производителей.

На известной ступени развития простое товарное производство заменяется капиталистическим, т.-е. рабочий перестает быть владельцем своих средств производства. Капиталист выступает теперь против ставшего неимущим рабочего, как владелец средств производства; рабочий не может более работать непосредственно на потребителя, он должен работать на капиталистического предпринимателя, которому он продает свою рабочую силу; он становится наемным рабочим.

Только при этом способе производства товарное производство становится всеобщей или, по крайней мере, господствующей формой производства, натуральное хозяйство быстро исчезает, феодальная эксплоатация и цеховые монополии делаются невозможными, свобода и равенство производителей становятся общим правилом.

Но именно этот способ производства, впервые создавший условия, при которых закон стоимости получает всеобщее значение, вызывает появление промежуточного члена между стоимостью и рыночной ценой, затемняющего закон стоимости и видоизменяющего его действие. Этот промежуточный член— издержки производства, т.-е. сумма денежных трат, требуемых для изготовления какого-либо товара.

При простом товарном производстве, определение цены готовых товаров издержками их производства не имеет смысла. Возьмем самый простой пример, первобытного ткача-крестьянина, который сам производит для себя сырой материал и сам же делает себе ткацкий станок. Для своего производства он не производит никаких денежных расходов; его продукт ему решительно ничего не стоит, кроме труда.

Не столь нелепым кажется определение цены издержками производства там, где, вследствие разделения труда, производитель покупает средства производства. Как и у первобытного ткача, стоимость холста у ремесленника определяется рабочим временем, общественно необходимым для его изготовления; но это не проявляется теперь с такой ясностью, потому что ткач-ремесленник не сам производит пряжу и не сам делает себе ткацкий станок,—он их покупает. Их стоимость образует его издержки производства, которые входят в стоимость продукта: стоимость переработанной пряжи целиком, а стоимость ткацкого станка по мере его снашиванья при работе холста. Но эти издержки производства образуют не всю стоимость холста; чтобы получить ее, к издержкам производства надо прибавить еще стоимость, созданную трудом ткача.

При капиталистическом товарном производстве дело принимает совершенно иной вид. Обладатель средств производства и рабочий стали двумя различными лицами. Если капиталист желает начать производство, он должен купить не только сырой материал и орудия, как ткач холста в нашем последнем примере, но и рабочую силу самого работника. Для капиталиста, следовательно, все элементы производства превращаются в денежные расходы, в издержки, но это только для него. Производство товаров стоит ему не т р у д а, но д е н е г, для него определяющими цену являются издержки производства, затраты д е н е г, а не т р у д а. Но нужно быть слепым и не замечать различия между простым и капиталистическим товарным производством, чтобы об'являть всеобщим законом товарного производства определение цены издержками производства и „исправлять“ таким образом теорию трудовой стоимости.

Однако, издержки производства, как их считает капиталист для определения цены, не совпадают с действительными издержками производства. Если бы цена товара равнялась денежной сумме, затраченной капиталистом на производство этого товара, то он не получил бы никакого барыша при его продаже. Но барыш является мотивом капиталистического производства. Если бы капиталист, вкладывая свои деньги в какое-либо предприятие, не получал от этого барыша, то для него было бы выгоднее тратить их на личное потребление. Именно барыш, прибыль, превращает денежную сумму в капитал. Всякая сумма денег, которая затрачивается таким образом, что приносит прибыль, есть капитал.

Капиталист, следовательно, делает надбавку к сумме своих расходов по производству; он считает, что производит в убыток, если не получает, по крайней мере, обычной в стране прибыли. Сумма его производственных расходов плюс обычная в стране прибыль, это и составляет для него издержки производства; сообразуясь с ними, он определяет цену, которую должен получить, чтобы выручить издержки.

Это факт очевидный в капиталистической практике и потому давно известный.

Уже Адам Смит различал трудовую стоимость, которая при простом товарном производстве одна только и лежит в основании колеблющихся рыночных цен, и видоизменение стоимости при капиталистическом способе производства под влиянием издержек производства, которые образуют естественную цену, а не стоимость, как передает Брентано, т.-е. то, что Маркс называет, ценой производства. Превосходство современной университетской политической экономии над этим „устарелым“ экономистом состоит в том, что она не только смешивает простое товарное производство с капиталистическим производством, но и сваливает в одну кучу стоимость, естественную цену и рыночную цену и об'являет классическую теорию стоимости отвергнутой, так как „естественная стоимость“ не об'ясняет колебания цен.

„В первобытном обществе,—говорит Смит в VI-й главе 1-й книги своего Wealth of Nations,—прежде чем земля перешла в частную собственность и образовался капитал, отношение между количествами труда, необходимыми для изготовления различных продуктов, было, повидимому, единственным масштабом, которым регулировался их обмен“...

„Но как только в руках отдельных лиц накопился капитал, некоторые из них, естественно, стали употреблять его на то, чтобы нанимать опытных в ремесле людей, которых они снабжали материалом для работы и жизненными средствами, с целью получать прибыль путем продажи продуктов их труда или стоимости, прибавленной их трудом к материалу“.

Здесь проведено резкое различие между простым и капиталистическим товарным производством. Затем, в 7-й главе, Смит замечает, что в каждом обществе и в каждой стране существует средний уровень заработной платы, прибыли и земельной ренты,—о последней мы скоро будем говорить подробнее и поэтому здесь не будем ближе ее рассматривать. Этот средний уровень можно назвать их естественной нормой. „Если цена товара равняется ни более, ни менее как сумме денег, необходимой для покрытия естественной нормы земельной ренты, заработной платы и прибыли на капитал, затраченный на производство товара, его окончательную отделку и доставку на рынок, то можно сказать, что товар продается по его естественной цене“.

„Естественная“ норма прибыли, подобно стоимости, существует только, как тенденция; подобно тому, как цены тяготеют к стоимости, прибыль тяготеет к „естественной“ или средней прибыли.

Чем же определяется высота этой „естественной“ или, как говорят „обычной в стране“ прибыли? Об этом мы узнаем от Адама Смита так же мало,

как от Рикардо и всякого другого из буржуазных экономистов; все, на что они указывают по этому поводу, больший или меньший риск, высокая или низкая заработная плата и т. п., об'ясняет только **отклонения** действительной прибыли от средней, подобно тому, как спрос и предложение об'ясняет только **отклонения** рыночной цены от стоимости или от цены производства, но все это не об'ясняет данной высоты средней прибыли; этим, конечно, можно об'яснить, почему прибыль в одном случае достигает 19, в другом 21%, а не в среднем 20%, но это не об'ясняет, почему средняя прибыль равняется именно 20%, а не 200 или 2000.

Об'яснение этому дал только Маркс своей теорией прибавочной стоимости.

Маркс, конечно, открыл не самый факт прибавочной стоимости. Он отнюдь не имел надобности заимствовать его и у Томпсона, потому что мог найти его отмеченным уже у старого Адама Смита, который в вышеупомянутой 6-й главе своего Wealth of Nations (1-я книга) говорит: „Стоимость, прибавленная работниками к рабочему-материалу, распадается, следовательно, в этом случае (при капиталистическом производстве) на две части, из которых одна оплачивает заработную плату, другая составляет прибыль предпринимателя на весь капитал, затраченный им на покупку материалов и наем рабочих".

Прибавочная стоимость здесь уже понята и точно установлена; Томпсон не прибавил к этому пониманию ничего нового, он только вывел из экономического факта юридическое требование сомнительного достоинства. Он также мало сумел воспользоваться прибавочной стоимостью для раз'яснения экономических явлений, как Адам Смит или какой-либо другой экономист из предшественников Маркса. Прибавочная стоимость послужила ему для того, чтобы **осудить** прибыль, но не для того, чтобы ее **об'яснить**. Только Марксу удалось обстоятельно и систематически показать, как возникает и функционирует прибавочная стоимость, и Антон Менгер и К° ничего не прибавили к его теории.

Прибавочная стоимость является результатом того факта, что человеческая рабочая сила на известной высоте технического развития может производить излишек сверх той суммы продуктов, которая необходима для ее поддержания и размножения. Такой излишек, прибавочный продукт, человеческая рабочая сила доставляет с незапамятных времен, и весь прогресс культуры основывается на постепенном возрастании этого излишка, благодаря совершенствованию техники.

При простом товарном производстве прибавочный продукт принимает форму товара, получает некоторую стоимость, которую, однако, еще нельзя назвать прибавочной стоимостью, потому что рабочая сила на этой стадии, конечно, создает стоимости, но сама, не будучи товаром, еще не имеет никакой стоимости.

Выручка от прибавочного продукта достается при этом работнику; он может употребить ее на повышение благосостояния своей семьи, на более или менее грубые или тонкие удовольствия, может сберечь ее про запас на случай нужды, скопить в виде сокровища, или истратить на улучшение своих средств производства. Но при всем том большую или меньшую часть выручки от прибавочного продукта он должен уступить в виде податей государю, общине, землевладельцу, иногда заплатить из нее проценты ростовщику, если он был в стесненном положении. Бывает также, что стоимость прибавочного продукта прямо отнимается у него, частью или целиком. Случайным бедствием свободного рабочего пользуется не только ростовщик, но при известном состоянии рынка также и купец, который часто тожественен с ростовщиком. Прибыль купца при простом товарном производстве может получаться не только от того, что он продает товары, которыми торгует, выше их стоимости, но и от того, что он покупает их ниже стоимости. Чем сильнее конкуренция на товарном

рынке и чем стесненнее положение производителей, тем большее значение имеет второй источник прибыли. Нужен только еще один шаг в этой стадии производства и мы попадаем в область капиталистического способа производства.

Понятно, что купец, вместо того, чтобы выжимать у свободного производителя продукт ниже его стоимости, предпочитает пользоваться стесненным положением рабочего так, что делает его производителем на службе капиталиста, наемным рабочим, который производит товар не в собственном предприятии, но в предприятии капиталиста, и живет не продажей своих продуктов, а продажей своей рабочей силы.

Рабочая сила становится теперь товаром и, как таковая, получает стоимость, равную стоимости средств существования, необходимых для ее поддержания и воспроизведения. Излишек стоимости, производимый рабочим сверх стоимости собственной рабочей силы, становится теперь прибавочной стоимостью.

Промышленный капиталист присваивает себе весь продукт, произведенный его наемным рабочим. Стоимость этого продукта равна стоимости употребленных средств производства, — сырых материалов, сношенной части машин и построек и т. п., — плюс стоимость рабочей силы работника, проще говоря, его заработная плата плюс прибавочная стоимость. Последняя-то и образует прибыль. Но превращение прибавочной стоимости в прибыль еще менее простая операция, чем превращение стоимости в цену.

Капиталист вносит в процесс производства не свой труд, а свой к а п и т а л. Прибыль представляется ему не как продукт прибавочного труда его рабочих, а как продукт его капитала. Он высчитывает норму своей прибыли не по количеству затраченного им труда, а по величине вложенного капитала. Но из этого следует, что если несколько предприятий дают одинаковую норму прибавочной стоимости, то они должны давать различные нормы прибыли, если количества вложенных в них капиталов различны.

Мы поясним это примером, которому постараемся придать самый простой вид. Возьмем три предприятия, не только с одинаковой нормой прибавочной стоимости, т.-е. с одинаковой эксплоатацией рабочих, но и с одинаковым оборотом капитала. Капиталист вычисляет норму прибыли на основании отношения между количеством прибыли, принесенной его предприятием в течение года, и величиной капитала, затраченного в тот же промежуток времени. Если в двух предприятиях, при одинаковой норме прибавочной стоимости и при одинаковой величине капитала, время оборота капитала различно, то и их нормы прибыли будут различны.

Если капитал в 100.000 марок при каждом обороте дает прибавочную стоимость в 10.000 марок и если в течение года капитал оборачивается один раз, то отношение между годовой прибавочной стоимостью и капиталом будет 1 : 10; если он обарачивается 10 раз, то это отношение будет 10 : 10; в первом случае норма прибыли будет равна 10 процентам, во втором—100 процентам.

Здесь мы оставим в стороне это различие, которое очень усложнило бы вопрос.

Итак, мы возьмем три предприятия с одинаковой нормой прибавочной стоимости, с одинаковым временем оборота капитала и с одинаковым числом рабочих. Во всех трех предприятиях различны только размеры капитала, необходимые для того, чтобы занять одинаковое число рабочих. Здесь еще следует заметить, что Маркс различает два рода капитала—постоянный и переменный. Переменный капитал расходуется на заработную плату, это именно тот капитал, затрата которого создает прибавочную стоимость. Эта часть капитала возрастает в процессе производства, она не постоянна, переменна. Напротив, часть капитала, вложенная в постройки, машины, сырой материал и проч., следовательно в средства производства, не изменяет величины своей стоимости

в процессе производства, ее стоимость без всякого изменения появляется в произведенном из нее продукте, она, следовательно, постоянна. В нашем примере мы таким образом исходим из предположения, что в три предприятия вложены одинаковые количества переменного и, напротив, неодинаковые количества постоянного капитала. В одном из этих предприятий постоянный капитал чрезвычайно не значителен; пусть это будет, например, плотничье дело, где без всяких построек и машин простыми орудиями обрабатывается дешевый строевой лес. Во второе предприятие вложен очень большой постоянный капитал; представим себе, что это химический завод, с чрезвычайно обширными, солидными зданиями и множеством машин, но занимающий относительно небольшое число работников. Наконец, третье предприятие пусть будет такое, в котором постоянный и переменный капитал будут применены в среднем отношении, скажем, мебельная фабрика.

Мы должны сделать еще одно предположение, чтобы по возможности упростить наш пример,—предположение, что весь постоянный капитал потребляется в течение одного года и вновь появляется в стоимости продукта. Ясно, что в действительности это едва ли когда-нибудь бывает в капиталистическом предприятии. Постройки и машины снашиваются не так быстро; если какая-нибудь машина служит, например, 10 лет, то в течение года она передает продукту, произведенному с ее помощью, только $^1/_{10}$ часть своей стоимости. Между тем, если мы не сделаем нашего предположения, то мы только без нужды усложним наш пример, ничего не изменяя в конечном результате. В каждом из трех предприятий занято 100 рабочих, за плату 1.000 марок в год каждому. Норма прибавочной стоимости в каждом предприятии достигает 100 процентов, количество прибавочной стоимости составляет 100.000 марок. Но постоянный капитал в плотничьем предприятии A равен 100.000 марок, в мебельной фабрике B—300.000 марок, в химическом заводе C—500.000 марок. В каждом предприятии капитал оборачивается один раз в год.

Таким образом, мы имеем:

Предприятия.	Капитал.			Прибавочная стоимость.	Отношение прибавочной стоимости ко всему капиталу.
	Переменный. Марки.	Постоянный. Марки.	Весь. Марки.	Марки.	
A.	100.000	100.000	200.000	100.000	1:2
B.	100.000	300.000	400.000	100.000	1:4
C.	100.000	500.000	600.000	100.000	1:6

Если бы товары продавались по их стоимости, то A приносило бы 50% прибыли, B—25% и C—16,6%. Главная заповедь капиталистического способа производства—равенство не людей, но прибылей, была бы нарушена самым грубым образом. Капиталисты стали бы избегать фабрик отрасли C, как чумы и, напротив, толпами устремились бы к предприятиям отрасли A. В отрасли C предложение продуктов скоро упало бы и вместе с тем цены поднялись бы над уровнем стоимости; в отрасли A произошло бы обратное; в конце концов цены в отраслях A и C достигли бы уровня, при котором они давали бы такую же норму прибыли, как капитал среднего строения отрасли B. Эта норма прибыли является средней, она определяет цену производства.

Мы имеем далее:

Предприятия.	Весь капитал. Марки.	Прибавочная стоимость. Марки.	Вся стоимость продуктов за один год. Марки.	Норма прибыли.	Прибыль. Марки.	Вся цена производства продуктов за год. Марки.
A.	200.000	100.000	300.000	25%	50.000	250.000
B.	400 000	100.000	500.000	25%	100.000	500.000
C.	600.000	100.000	700.000	25%	150.000	750.000
Итого . .	**1.200.000**	**300.000**	**1.500.000**	**25%**	**300.000**	**1.500.000**

Итак, цены производства, определяемые „издержками производства", несколько отклоняются от стоимостей продуктов, но закон стоимости этим не нарушается, а только видоизменяется. Он остается элементом, регулирующим цены производства, действующим позади их, и сохраняет абсолютное значение для всей массы товаров и для общей суммы прибавочной стоимости и вследствие этого представляет прочное основание как для цены, так и для нормы прибыли, которые без него подвергались бы неудержимым колебаниям.

Университетская политическая экономия с пренебрежением смотрит на давно отвергнутую „наукой" Марксову теорию стоимости; но, конечно, это не мешает тем же экономистам все еще считать необходимым из году в год производить груды толстых книг и диссертаций для нового опровержения давно опровергнутой теории, сочинений, стоимость которых может быть не всегда соответствует труду, затраченному на их изготовление; но что другое предложили они для об'яснения высоты средней прибыли, кроме слов „обычная в стране"?

в) Дифференциальная рента.

Об'ясняя „обычную в стране", „установленную" прибыль, мы оказались, наконец, у преддверия земельной ренты.

Один из ее источников является результатом того обстоятельства, что капиталист на ряду с „обычной", „установленной" прибылью может получать и добавочную прибыль. Из различных видов ее нас здесь интересует только один, лежащий в области производства и проистекающий из того, что промышленный предприниматель, благодаря особо выгодным средствам производства, доступным лишь ему одному, производит с меньшими издержками, нежели те, которые вообще необходимы при господствующих условиях производства.

Пример может об'яснить нам природу этой исключительной прибыли. Мы сделаем при этом те же упрощения, как и в вышеприведенном примере.

Возьмем, например, две сапожных фабрики в одном городе. Одна фирма, Мюллер, работает общепринятыми машинами; второй,—Шульце,—удалось приобрести необыкновенно хорошие машины. Мюллер, затрачивая капитал в 320.000 марок, ежегодно производит 40.000 пар сапог. Средняя норма прибыли равна 25%. Мюллер, следовательно, за свои 40.000 пар сапог, стоящие ему 320.000 марок, должен назначить такую цену, которая давала бы 80.000 марок прибыли. Только получив эту сумму, он по капиталистическим понятиям может считать, что производит без убытка. Таким образом, цена производства 40.000 пар сапог определяется для фирмы Мюллер в 400.000 марок, а цена каждой отдельной пары в 10 марок.

Напротив, Шульце, затрачивая 320.000 марок, производит, благодаря своим превосходным машинам, 45.000 пар сапог. Его действительная, индиви-

дуальная цена производства каждой пары сапог составляет не 10, а только 8,88 марок. Но он может продавать их по общей цене производства, как его конкурент, следовательно, по 10 марок за пару. Он получает, поэтому, за свои сапоги 450.000 марок; кроме общей прибыли, установленной в 80.000 марок, он кладет в карман еще кругленькую сумму в 50.000 марок, как добавочную прибыль.

Перенесем теперь этот случай в сельское хозяйство. Вместо двух фабрик мы возьмем два участка земли (например, по 20 гектаров каждый) неодинакового плодородия, на которых ведут хозяйство капиталисты-предприниматели. Один участок при затрате 3.200 марок дает 400 центнеров пшеницы, другой при такой же затрате дает 450 центнеров. При издержках производства одного центнера пшеницы в 8 марок и при средней норме прибыли в 25%, владелец первого участка, если он желает получить обычную прибыль, должен надбавить две марки, цена производства определится таким образом в 10 марок, а прибыль сельского хозяина составит 800 марок. Второй хозяин, продавая свою пшеницу также по 10 марок за центнер, выручит за нее 4.500 марок, и кроме средней прибыли, получит, поэтому, еще 500 марок добавочной прибыли.

Повидимому, это совершенно такой же случай, как и взятый нами из области промышленности; однако, между ними существует глубокое различие. Рассмотренный здесь вид добавочной прибыли в сельском хозяйстве подчиняется совершенно своеобразным законам и образует поэтому особую экономическую категорию: земельную ренту.

Земля,—к ней должны быть присоединены и все производительные силы, „являющиеся неотделимой принадлежностью земли“ (Маркс), например, сила водопадов и текучих вод вообще,—представляет собою средство производства совершенно особого рода. Ее нельзя произвольно увеличивать, она отнюдь не повсеместно обладает одинаковыми свойствами; особенные свойства особых участков земли соединены с ними и не могут переноситься по желанию. Число машин и орудий, напротив, можно увеличивать сколько угодно, они переносимы и могут быть все одинакового качества.

Если промышленный капиталист, благодаря необычайно благоприятным условиям производства, получает добавочную прибыль, то он обязан этим выдающимся личным качествам или обстоятельствам, необыкновенно счастливой случайности, особенной опытности, интеллигентности или энергии, или же обладанию чрезвычайно большим капиталом. Но его добавочная прибыль скоро пробудит в других капиталистах желание получать такую же прибыль, они наперерыв устремятся к предприятиям с такими же условиями производства, и таким образом рано или поздно исключительные выгодные условия производства станут общераспространенными, усиленный подвоз на рынок понизит цены, и добавочная прибыль капиталиста, который первый ввел улучшение, исчезнет.

Добавочная прибыль, получаемая благодаря особо выгодным условиям производства, в обрабатывающей промышленности всегда представляет только исключительное и временное явление.

Совершенно иной оказывается добавочная прибыль в сельском хозяйстве, получаемая благодаря неодинаковой производительности различных родов почвы. Эта неодинаковая производительность—результат естественных условий и при данном состоянии техники представляет определенную величину. Если даже предположить, что все другие условия производства совершенно одинаковы для различных сельских хозяев, различия в качестве почвы все же останутся. Поэтому, земельная рента не временное явление, как добавочная прибыль в обрабатывающей промышленности, а явление постоянное.

Более того, цена производства промышленного продукта определяется, как мы знаем, обычной в стране прибылью и средне-необходимыми при данных условиях издержками производства, т.-е. затратой капитала, необходимого

для изготовления продукта. То предприятие, в котором индивидуальные издержки производства меньше „общественно-необходимых“, приносит добавочную прибыль; если производство обходится дороже, предприятие дает прибыль меньше обычной, при некоторых обстоятельствах даже дефицит.

В сельском хозяйстве, напротив, издержки производства определяются не той суммой их, какая требуется на почвах среднего качества. Если на ряду с лучшей землей обрабатываются большие площади и худшей, то, как мы уже заметили, этого не следует приписывать необычным обстоятельствам или личным свойствам сельского хозяина. Это вызывается тем, что одних лучших земель не достаточно для производства с'естных припасов, необходимых для прокормления населения. Но капиталист,—а здесь идет речь только о капиталистическом сельском хозяйстве,—желает получать с своего предприятия, кроме возмещения издержек, еще и обычную прибыль. Поэтому, капиталист только в том случае будет вести хозяйство на худшей земле, если недостаточное предложение так повысит цены на с'естные припасы, что будет окупаться обработка и худших земель. Это значит, что в сельском хозяйстве цена производства определяется не издержками производства на *землях среднего качества*, а теми, которые обыкновенно необходимы на *худших из обрабатываемых земель*.

К этим двум различиям между земельной рентой и промышленной прибылью присоединяется еще и третье, как их следствие. Население возрастает в особенности там, где развивается промышленность, а вместе с тем возрастает и спрос на с'естные припасы. Этим вызывается необходимость обработки новых земель. Вследствие этого с ходом экономического развития увеличивается разница в производительности различных участков возделанной земли и *вместе с тем возрастает земельная рента*.

Чтобы ясно показать это, мы должны только продолжить наш вышеприведенный пример. Для большей наглядности мы изложим его в форме таблицы, при чем мы предполагаем, что от упомянутой в первом примере земли низкого качества, приносящей при затрате в 3.200 марок 400 центнеров пшеницы, перешли к обработке еще более худшей земли, которая при одинаковой затрате капитала на равной площади производит только 320 центнеров.

Таблица I.

Сорта почвы.	Продукт: Пшеница.	Затраченный капитал.	Норма прибыли.	Индивидуальная цена производства.		Общественная цена производства.		Земел. рента.
				Всего продукт.	Pro центнер.	Всего продукт.	Pro центнер.	
	Центнеры	Марки.		Марки.	Марки.	Марки.	Марки.	Марки.
A.	450	3.200	25%	4.000	8,88	4.500	10	500
B.	400	3.200	25%	4.000	10,00	4.000	10	—

Таблица II.

A.	450	3.200	25%	4.000	8,88	5.650	12,50	1.650
B.	400	3.200	25%	4.000	10,00	5.000	12,50	1.000
C.	320	3.200	25%	4.000	12,50	4.000	12,50	—

Мы видим, что вследствие расширения производства и перехода к худшим почвам земельная рента на почве A возросла с 500 до 1.650 марок. Почва B, раньше не дававшая никакой ренты, теперь приносит 1.000 марок ренты.

Норма прибыли имеет тенденцию *к понижению* с ходом экономического развития. Мы не будем здесь касаться причин этого явления, но само оно неоспоримо. Напротив, земельная рента имеет тенденцию *к повышению*.

Однако, это не значит, что земельная рента с данного участка должна повышаться во всяком случае. В старой культурной стране земледелие, действительно, расширяется обыкновенно путем перехода от хороших к худшим сортам почвы. В новой стране часто происходит обратное, потому что там прежде начинают обрабатывать не лучшие земли, а более доступные. Если предположить, что вследствие расширения земледелия поступают под обработку не худшие, а лучшие земли, то наша таблица примет следующий вид:

Таблица III.

Сорта почвы.	Продукт: Пшеница.	Затраченный капит.	Норма прибыли.	Индивидуальная цена производства.		Общественная цена производства.		Земел. рента.
	Центнеры.	Марки.		Всего продук.	Pro центнер.	Всего продук.	Pro центн.	Марки.
				Марки.	Марки.	Марки.	Марки.	
X.	500	3.200	25%	4.000	8,00	5.000	10	1.000
A.	450	3.200	25%	4.000	8,88	4.500	10	500
B.	400	3.200	25%	4.000	10,00	4.000	10	—

В этом случае земельная рента на участках А не возросла, но почва X, прежде не дававшая земельной ренты, приносит ее теперь 1.000 марок; Сумма земельной ренты, достающейся землевладельцу, сравнительно с приведенной в I таблице, возросла и абсолютно, и в отношении ко всему затраченному капиталу.

При известных обстоятельствах может оказаться под обработкой так много земель и при этом такого высокого качества, что цены на с'естные припасы падут, сельское хозяйство на самых худших из обрабатываемых земель станет бездоходным и должно будет прекратиться. В этом случае земельная рента с определенных участков падет, но даже и тогда общая сумма земельной ренты все-таки может увеличиться, как абсолютно, так и в отношении ко всему количеству капитала, вложенного в сельское хозяйство. Это иллюстрируется следующей таблицей.

Таблица IV.

Сорта почвы.	Продукт: Пшеница.	Затраченный капит.	Норма прибыли.	Индивидуальная цена производства.		Общественная цена производства.		Земел. рента.
	Центнеры.	Марки.		Всего продук.	Pro центнер.	Всего продук.	Pro центн.	Марки.
				Марки.	Марки.	Марки.	Марки.	
У.	600	3.200	25%	4.000	6,66	5.328	8,88	1.328
X.	500	3.200	25%	4.000	8,00	4.440	8,88	440
A.	450	3.200	25%	4.000	8,88	4.000	8,88	—

Цена производства понизилась, на почве В хозяйство совершенно прекращено, почва А перестала приносить ренту, на почве X земельная рента упала с 1.000 до 440 марок, и все-таки вся сумма земельной ренты повысилась с 1.500 марок (таблица III) до 1.768 (таблица IV).

В нашем примере ничто не изменится, если вместо отдельных земельных участков взять все сорта почвы какой-либо страны или даже всего мирового хозяйства. Только вместо сотен и тысяч тогда надо будет говорить о сотнях и тысячах миллионов.

Но земельную ренту образуют не только различие в плодородии участков, но и различие в их положении, в расстоянии от рынка. Чем более увеличивается население местности, являющейся рынком для

с'естных припасов, и вместе с тем возрастает его спрос на эти припасы, тем значительнее расстояние, с которых они должны доставляться на рынок. Но далее расположенные земельные участки только тогда будут обращены под обработку для рынка, когда цены на с'естные припасы поднимутся настолько высоко, что покроют, кроме издержек производства, еще и расходы по перевозке и дадут среднюю прибыль на капитал. Это современем создает земельную ренту для ближе лежащих земельных участков.

Возьмем три участка земли, лежащие в различных расстояниях от рынка, и ради большей простоты предположим, что все они одинаково плодородны. Расходы по перевозке продукта, например пшеницы, составляют один пфениг на центнер и километр. В таком случае мы имеем:

Таблица IVa.

Участки земли.	Расстояние от рынка.	Производство пшеницы.	Индивидуальная цена производства на месте.	Расходы по перевозке.	Рыночная цена 400 центн. пшеницы.	Земельная рента.
	Километры.	Центнеры.	Марки.	Марки.	Марки.	Марки.
A.	5	400	4.000	20	4.400	380
B.	50	400	4.000	200	4.400	200
C.	100	400	4.000	400	4.400	—

И этот вид земельной ренты имеет тенденцию повышаться по мере увеличения населения. Но улучшения путей сообщения, удешевляющие перевозку средств продовольствия, действуют в противоположном направлении.

Наконец, возможна еще третья форма земельной ренты, самая важная в старых культурных странах. Производство с'естных припасов может расширяться не только путем возделывания новых земель, но и вследствие улучшений в обработке старых, уже возделанных земель, вследствие приложения к ним большего труда, коротко говоря, вследствие большей затраты капитала (расходы на заработную плату, скот, удобрение, орудия и проч.). Если этот добавочный капитал, вложенный в лучшие земли, приносит более высокий доход сравнительно с доходом от обработки худших земель, которую еще нужно было бы начать, то такое превышение дохода образует новую добавочную прибыль, новую земельную ренту.

Для иллюстрации этого случая мы вернемся к таблице I. Мы имеем там два равных по величине участка земли A и B. B принадлежит к самым худшим почвам, его цена производства (10 марок за центнер пшеницы) является определяющей для рынка. Положим, что на участке A затрачен добавочный капитал, так что первоначальный капитал удвоился; пусть будет новая затрата не так производительна, как первая, но производительнее той, которая сделана на худшей почве. Мы получим тогда:

Таблица V.

Вложенный капитал.	Продукт пшеницы.	Величина капитала.	Норма прибыли.	Издержки производства.	Рыночная цена.		Земельная рента.
					Pro центнер.	Всего продукта.	
	Центнеры.	Марки.		Марки.	Марки.	Марки.	Марки.
A^1.	450	3.200	25%	4.000	10	4.500	500
A^2.	420	3.200	25%	4.000	10	4.200	200
Всего	870	6.400	25%	8.000	10	8.700	700
B.	400	3.200	25%	4.000	10	4.000	—

Таким образом, вся сумма земельной ренты с участка A возросла вследствие добавочной затраты капитала A^2.

Как ни разнообразны рассмотренные здесь формы земельной ренты, они имеют один общий признак: все они возникают из различий в плодородии или в положении отдельных участков, они—дифференциальные ренты.

Кому же они достаются?

Добавочная прибыль в промышленности, являющаяся результатом большей, превышающей среднюю производительности труда, поступает капиталисту, хотя он не изобрел, а только присвоил себе лучшие машины, на которых основывается его превосходство над конкурентами, и хотя не его заслугу представляет большая производительность труда, происходящая от того, что он может вести производство с большим капиталом, следовательно, в расширенных размерах. Не так хорошо для него обстоит дело с добавочной прибылью, получаемой благодаря большему плодородию или более благоприятному положению земельного участка.

Если землевладелец в то же время и сельский хозяин, то, конечно, он и кладет себе в карман добавочную прибыль. Совершенно иное положение получается там, где капиталистический сельский хозяин и землевладелец—два различных лица, где первый только арендатор чужой земли. Земля не может по желанию быть увеличена или перенесена. Сельский хозяин, если он сам не землевладелец, не может вести хозяйство без разрешения собственника земли и должен купить это разрешение уступкой своей добавочной прибыли, земельной ренты. Сверх этой добавочной прибыли землевладелец обыкновенно ничего не требует с арендатора (по крайней мере в том случае, когда последний ведет капиталистическое хозяйство, что здесь и предполагается). Если капиталист не надеется получить обычной прибыли, он прекращает дело и землевладелец не находит арендаторов. Если же, наоборот, арендная плата меньше земельной ренты, то часть полученной добавочной прибыли остается в руках арендатора, он получает большую прибыль, чем средняя; это усиливает конкуренцию, а последняя вызывает повышение арендной платы.

г) Абсолютная земельная рента.

Монополия землевладельца, без дозволения которого запрещено вести сельское хозяйство, дает себя чувствовать еще и другим образом. До сих пор мы принимали, что наихудшая почва не приносит избыточной прибыли; если бы, однако, рыночные цены капиталистически произведенных товаров определялись непосредственно их стоимостью, а не ценами производства, тогда в капиталистическом сельском хозяйстве избыточная прибыль могла бы получаться и на самой плохой почве.

Для пояснения воспроизведем опять таблицу, приведенную на стр. 56, показывающую отношение прибавочной стоимости к общей сумме капитала в трех различных предприятиях.

Мы имеем три предприятия A, B, C с „различным органическим строением капитала“. как говорит Маркс, подразумевающий под этим „строение капитала“, поскольку он „обусловливается техническим строением и отражает это последнее“ („Капитал“, III, стр. 124). Чем меньше доля постоянного капитала сравнительно с долей переменного, тем ниже строение капитала. Допустим, что эксплуатация рабочих, а следовательно норма прибавочной стоимости, во всех трех случаях одинаковы.

Предприятие.	Капитал.			Прибавочная стоимость.	Отношение прибавочной стоимости к общей сумме капитала.
	Переменный. Марок.	Постоянный. Марок.	Всего. Марок.	Марок.	
A.	100.000	100.000	200.000	100.000	1:2
B.	100.000	300.000	400.000	100.000	1:4
C.	100.000	500.000	600.000	100.000	1:6

Если бы товары продавались по их стоимости, т.-е. если бы сумма прибавочной стоимости в каждом отдельном случае равнялась сумме прибыли, то предприятие A, при условии, что предприятие B имеет капитал среднего строения, давало бы излишнюю против средней нормы прибыль. Прибыль A равна 50%, прибыль B — 25%. Следовательно, A получало бы 25% избыточной прибыли.

Если A производит в условиях свободной конкуренции, то оно не сможет удержать за собой эту избыточную прибыль, которая будет иметь временный характер. Совсем иное дело, если A занимает исключительное положение, если оно может до известной степени избавиться от конкуренции. Это как раз имеет место в землевладении. Землевладение во всех старых странах составляет монополию, и землевладелец располагает таким образом возможностью исключать свою землю из обработки, если она не дает ренты. Где все дышит любовью, Карлос не может ненавидеть, и где каждый землевладелец извлекает ренту, там и владелец наихудшей почвы, не приносящей дифференциальной ренты, также хочет положить в карман ренту. Он не позволяет обрабатывать своей земли до тех пор, пока цены на средства продовольствия не превысят цен производства настолько, чтобы и для него могла образоваться избыточная прибыль.

Для возникновения этой избыточной прибыли не нужно однако, чтобы цена производства хлеба превышала его стоимость. Ибо сельское хозяйство принадлежит к числу тех отраслей промышленности, которые почти не перерабатывают производимого ими *сырого материала* и потому требуют низшего строения капитала, по крайней мере пока не достигнут известной ступени технического развития. Родбертус, заслуга которого состоит в том, что он первый указал на проистекающую отсюда избыточную прибыль сельского хозяйства, как на источник земельной ренты, — ошибается, думая, будто низшее строение сельско-хозяйственного капитала обусловливается природой вещей и обязательно при всех обстоятельствах. Если сельское хозяйство потребляет меньше сырого материала, чем другие капиталистические отрасли производства, то с другой стороны затраты его на машины и постройки — амбары, стойла, оросительные работы и т. п. — с прогрессом техники постоянно увеличиваются. Весьма сомнительно, чтобы интенсивное сельское хозяйство в настоящее время по органическому строению капитала все еще стояло ниже среднего уровня.

При исчислении прибыли нужно, однако, принимать во внимание и время обращения капитала, о котором мы до сих пор не говорили, чтобы не усложнять без нужды нашего исследования, но которого мы не можем не иметь в виду теперь. Капиталист исчисляет норму своей прибыли на основании отношения массы прибыли, получаемой им в течение определенного промежутка времени (года) к общей сумме затраченного капитала. Общая же сумма капитала, при одинаковом органическом строении и одинаковых размерах производства, должна быть тем больше, чем медленнее совершается оборот капитала. В сельском хозяйстве оборот капитала совершается особенно медленно; поэтому, если скорость оборота ниже среднего, может исчезнуть избыточная прибыль, вытекающая из других источников.

Предположим, что три предприятия в вышеприведенной нами таблице A, B, C обладают различной продолжительностью оборота капиталов. Чтобы получить 100.000 марок прибавочной стоимости, первое должно затратить 200.000 марок, второе—400.000 марок, третье—600.000 мар. Пусть время оборота капитала первого равняется году (мы игнорируем здесь разницу между основным и оборотным капиталом), время оборота второго шести месяцам, третьяго—трем месяцам. Для приложения капитала в 400.000 марок B нужно только 200.000, а C при годовом обороте в 600.000 марок может обойтись с капиталом всего в 150.000 марок.

Таким образом мы имеем:

Предприятие.	Общая сумма капитала.	Прибавочная стоимость.	Отношение прибав. стоимости к общей сумме капитала.
	Марок.	Марок.	
A.	200.000	100.000	50%
B.	200.000	100.000	50%
C.	150.000	100.000	66,6%

Более быстрый оборот с излишком возместил потерю, которую предприятие C в вышеприведенной таблице несло вследствие высокого строения своего капитала.

Таким образом, Родбертус ошибался, утверждая, будто вследствие низшего строения сельско-хозяйственного капитала с естественной необходимостью должна получиться избыточная прибыль, раз только сельскохозяйственные продукты продаются по их стоимости. С одной стороны, это низшее строение не является необходимостью, а с другой стороны, его влияние может быть более чем парализовано медленностью оборота капитала в сельском хозяйстве.

Если однако, Родбертус был неправ, доказывая, будто вследствие низшего строения сельско-хозяйственного капитала д о л ж н а возникнуть особая форма ренты, то он все-таки наметил путь, каким она м о ж е т возникнуть. Марксу оставалось исследовать законы этой особенной ренты, которую он назвал а б с о л ю т н о й з е м е л ь н о й р е н т о й.

Как всякая монопольная цена, цена средств продовольствия, создаваемая монополией земледелия, может подниматься выше их стоимости. Степень этого превышения зависит от того, насколько в сфере монополии оказываются еще действительными законы конкуренции. Она определяется конкуренцией землевладельцев между собой и с заграничными землевладельцами. Она зависит далее от тех размеров, в каких добавочный капитал под влиянием повышения цен привлекается к лучшей почве и в каких, благодаря этому, увеличивается производство; она определяется наконец—и это самое важное—покупательной способностью населения. Чем выше цены на средства продовольствия, тем меньше круг потребителей, тем больше число лиц, которые не могут платить такие цены и вынуждены себя ограничить; это должно привести к увеличению спроса на суррогаты и расширению их производства. Если таким путем не удастся снабдить население достаточным количеством средств продовольствия, то в конце концов наступают усиленная эмиграция и повышенная смертность, т. е. уменьшение населения. Таким образом господа землевладельцы не могут по произволу увеличивать абсолютную ренту, но что можно выжать, то они выжимают.

Раз только абсолютная рента будет уплачиваться с наихудшего участка земли, она должна будет уплачиваться и со всякого другого участка. Это видно из простого расчета. Вспомним таблицу II. Там наихудшая почва C при цене в 12,50 марок за центнер пшеницы не давала ренты. Посмотрим, как изменится таблица, если почва C будет из'ята из обработки до тех пор, пока цена пше-

ницы не поднимется выше 12,50 марок. Допустим, что последняя поднимется настолько высоко, что даже возобновление обработки почвы С, и как следствие этого одновременное увеличение подвоза на рынок, не дадут ей упасть ниже 15 марок.

Мы имели бы тогда:

Род почвы.	Продукт (пшеница).	Производственная цена pro центнер.		Рыночная цена центнера.	Дифференциальная рента.	Абсолютная рента.	Всего ренты.
		Индивидуальная.	Обществен.				
	Центнеров.	Марок.	Марок.	Марок.	Марок.	Марок.	Марок.
А.	450	8,88	12,50	15	1.650	1.125	2.750
Б.	400	10,00	12,50	15	1.000	1.000	2.000
С.	320	12,50	12,50	15	—	800	800

Владелец или владельцы почвы С, как практичные христиане, не только создали себе самим ренту путем повышения цен на пшеницу, но и почти удвоили ренту своих коллег. Средство, с помощью которого они этого достигли, обычное средство всякого картеля—сокращение производства для повышения цен. Отличие от промышленного картеля состоит только в том, что естественная монополия господ землевладельцев делает для них повышение цен более легким делом, чем для их коллег из промышленности и торговли, вынужденных создавать себе монополию исскуственно.

Конечно, это не мешает землевладельцам громить, как никто, хлебное ростовщичество и картели продавцев пшеницы,—хотя они же воспрещают „жидовскую" торговлю на срок, потому что она препятствует поднятию цен на хлеба. Земельная рента кладется в карман исключительно на основании права собственности землевладельца. Если этот последний сдает свое имение арендатору, ему пальцем о палец не нужно ударить, чтобы получить свою ренту. Капиталист-предприниматель, не участвующий более в производстве,— чтобы реализировать прибыль, которую произвели для него его рабочие, должен проявить свою деятельность, по крайней мере, в сфере обращения товаров, в купле и продаже, или, по крайней мере, он должен был это делать, пока акционерные общества и в этой сфере не сделали его деятельность излишней. Землевладельцу достаточно только владеть своим поместьем, чтобы рента не только исправно поступала, но часто еще сама собой увеличивалась.

Капиталистическую земельную ренту не следует смешивать с повинностями, какие в прежние времена возлагались на крестьянина феодальным помещиком. Этим повинностям первоначально и, в большей или меньшей степени, в течение всех средних веков соответствовали важные функции, выполнявшиеся помещиками, те функции, которые взяло на себя потом государство. За них крестьянин уплачивает теперь государству налоги. Помещик должен был заботиться об организации правосудия, содержать полицию, представлять интересы своих крепостных вне имения, защищать их вооруженной рукой, нести за них военную службу.

Ни о чем подобном землевладелец капиталистического общества не заботится. Поскольку земельная рента является дифференциальной, она производится конкуренцией, поскольку она абсолютная, она создается монополией. Тот факт, что она попадает землевладельцу, и в том и в другом случае является следствием не каких-либо общественных функций, а единственно и исключительно частной собственности на землю.

На практике земельная рента выступает нераздельной; не видно, какие части ее составляют дифференциальную, какие—абсолютную ренту. Обыкновенно она бывает соединена еще и с процентом на капитал, затраченный на

те улучшения, какие произведены землевладельцем. Где землевладелец является одновременно сельским хозяином, там земельная рента выступает в качестве составной части сельско-хозяйственной прибыли. Тем не менее различие между двумя видами ренты имеет огромное значение.

Дифференциальная рента возникает из капиталистического характера производства, не из частной собственности на землю; она не исчезла бы, если бы земля была об'явлена собственностью государства,—как того хотят сторонники земельной реформы,—при сохранении капиталистического производства в сельском хозяйстве; она поступала бы только тогда не в распоряжение отдельных частных лиц, а в руки общества.

Абсолютная рента проистекает из частной собственности на землю и из той противоположности, в какой интересы земельного собственника находятся с интересами всего общества. Национализация земли дала бы возможность уничтожить ее и тем соответственно понизить цены сельско-хозяйственных продуктов.

Дифференциальная рента—и в этом заключается второе отличие ее от абсолютной—не влияет на определение цен сельско-хозяйственных продуктов, абсолютная же влияет. Первая вытекает из издержек производства, вторая—из роста рыночных цен за пределы этих последних. Первая образуется из излишка, из избыточной прибыли, которую приносит большая производительность труда на лучшей почве и при лучшем положении имения. Вторая, наоборот, возникает не из избыточной доходности сельско-хозяйственного труда в отдельных случаях: она может образоваться лишь путем производимого землевладельцем в свою пользу вычета из суммы прибавочной стоимости, т. е. путем понижения прибыли, или сокращения заработной платы. Если вместе с ценами на средства продовольствия повышается заработная плата, то падает прибыль на капитал. Если же цены на средства продовольствия повышаются без соответственного повышения заработной платы, то терпят стеснение рабочие.

Наконец, может случиться,—и так обыкновенно и бывает в действительности,—что рабочие и капиталисты сообща несут убытки, причиняемые им абсолютной земельной рентой.

К счастью, рост абсолютной ренты имеет границы. Мы уже указывали выше, что землевладелец не может совершенно произвольно устанавливать ее размеры. Правда, до самого последнего времени—абсолютная рента, так же как и дифференциальная, благодаря росту населения, все более и более обострявшему монопольный характер землевладения, непрерывно возрастала и в Европе. Однако заокеанская конкуренция нанесла этой монополии сильный удар. У нас нет никаких оснований утверждать, что дифференциальная рента в Европе за исключением некоторых частей Англии пострадала под влиянием заокеанской конкурренции. Как правило, мы нигде не видим, чтобы земля исключалась из обработки; самая плохая почва все еще эксплоатируется, в крайнем разве только случае изменился способ, но отнюдь не интенсивность ее эксплоатации.

Абсолютная же рента упала, и это прежде всего пошло на пользу трудящимся классам. Если образ жизни их значительно улучшился в Англии с 70-х годов, то такой результат нужно приписать главным образом падению абсолютной земельной ренты, а затем разумеется усилению политической и экономической власти пролетариата, помешавшей классу капиталистов одному воспользоваться выгодами положения.

С указанными выгодами сопряжены однако и невыгоды. Падение земельной ренты повело к кризису в сельском хозяйстве, принявшему не только временный, как в промышленности и торговле, но хронический характер, как раз в тех местностях, где—как это имеет место в большинстве стран—земельный собственник и сельский хозяин соединены в одном лице, так что каждая

потеря первого означает потерю второго, и где земельная рента фиксирована в цене на землю.

Частная собственность на землю, которая до появления заокеанской конкурренции, вследствие роста земельной ренты, была одним из наиболее обильных источников обнищания трудящихся классов, превратилась со времени действия этой конкуренции в источник обнищания землевладельцев и сельских хозяев. Всякая попытка остановить один из этих источников заставляет тем сильнее течь другой.

д) Цена на землю.

При господстве частной собственности на землю и товарном сельскохозяйственном производстве отдельные участки земли сами становятся товарами. С превращением средств производства в капитал, не трудно начать и на землю смотреть, как на капитал. Однако земля таковым отнюдь не является. Сколько бы мы ни называли землю капиталом, землевладелец не станет от этого богаче ни на одну копейку. Правда, земля его сделалась товаром, имеющим определенную цену и рыночную стоимость. Но эта стоимость подчинена совсем другим законам, чем обыкновенная товарная стоимость. Земля не есть продукт человеческого труда, поэтому цена ее не может определяться ни количеством труда, необходимого для ее производства, ни издержками производства. Она определяется земельной рентой. В капиталистическом обществе стоимость земельного участка или поместья приравнивается к стоимости капитала, приносящего процент, равный величине данной земельной ренты. Величина такого капитала—вот рыночная стоимость земли.

Таким образом, рыночная стоимость земли определяется с одной стороны высотой земельной ренты, с другой—высотой „обычного в стране“ процента на капитал.

Процент на капитал есть та часть прибыли, которую капиталистический предприниматель уплачивает владельцу капитала за пользование его капиталом; или, иначе говоря, та часть прибыли, которой капиталист, в силу одного голого факта своего права собственности на капитал, может требовать, не выступая активно в качестве самостоятельного предпринимателя в торговле или промышленности. Это относится не только к ссудному капиталу, но и к акционерному. Формы первоначального ссудного капитала и ссудный капитал вне сферы производства не имеют для нас теперь значения.

Как нормы прибыли, так и нормы процента на капитал имеют тенденцию к взаимному равенству. Туда, где платится процент выше среднего, приливают новые капиталы, а где уплачиваемый процент ниже среднего, оттуда капиталы отливают—конечно, при равенстве прочих условий, при равенстве риска и т. п. Однако, „величина процента, будет ли то средний процент, или определяемый каждый раз рынком, далеко не является равномерной, определенной и осязательной величиной, какой бывает общая норма прибыли“. (Маркс, Капитал, III, I, стр. 349). Равенство величины процента устанавливается гораздо быстрее, чем равенство величины прибыли. Равенство величины прибыли достигается путем изменений всего процесса национального производства, путем расширения производства в одной и сокращения его в другой области. Денежный капитал располагает, для достижения равенства процента, более удобным способом, не требующим много времени для своего осуществления.

На рынке, где покупаются и продаются денежные фонды, те из этих фондов, которые приносят процент выше среднего, соответственно оцениваются выше, наоборот, фонды, дающие низший процент, расцениваются ниже. Если акция, купленная мною за 200 марок, дает 10 процентов дивидента, обычный же в стране процент равняется 5, то я могу продать свою акцию за 400 марок

совершенно независимо от стоимости средств производства, которые она представляет.

В качестве такого же денежного фонда рассматривается и земля, оцениваемая по величине ренты, которую она приносит своему собственнику.

Но если на основании этого многие экономисты причисляют землю к капиталу, то они совершенно упускают из виду различие, существующее между той и другим.

Ненормально высокий уровень процента, приносимого денежным капиталом, вложенным в промышленные предприятия,—при свободе конкуренции, стало быть, при отсутствии монополных отношений, существующих, например, в железнодорожном, горном деле и т. п.—так же не долго может продолжаться, как и нормально высокая норма прибыли. Поэтому и оценка денежных фондов выше цены производства может быть только временным явлением.

При установлении цены на землю ни о чем подобном не может быть и речи, так как мы знаем уже, что земля как таковая не имеет цены производства. Всеобщее падение процента, отнюдь не затрагивая рыночной стоимости денежных капиталов, влияет на рыночную стоимость земли. Участок земли, приносящий 6.000 марок ренты, при средней величине процента, равной 6, будет стоить 100.000 марок, при средней норме в 4 процента 150.000. Напротив, было бы смешно ожидать, чтобы ссудный или акционерный капитал в 100.000 марок, приносящий сейчас 6 процентов, при всеобщем падении процента до 4, приобрел стоимость 150.000. Скорее, вследствие конверсии или усилившегося притока капиталов в соответствующую область производства, он перестанет приносить 6 процентов, будет давать только 4 процента и таким образом сохранит свою прежнюю стоимость в 100 тысяч. Всеобщее падение нормы процента повышает рыночную стоимость земли, но не денежных капиталов. Конечно, возможно, что в землю вкладывается также капитал. Именно так по большей части и бывает в капиталистических странах. Однако, это обстоятельство только усложняет вопрос, ничего не изменяя в его сущности. Доля землевладельца в сельско-хозяйственной прибавочной стоимости будет заключать в себе тогда не только земельную ренту, но и процент на капитал, а цена земли, кроме капитализированной земельной ренты, еще и капитализированный процент на капитал, т.-е. при нормальных условиях самый капитал.

К одному проценту на капитал ни в коем случае нельзя свести цен на землю, так как даже почва, в которую не вложено капитала, почва, совершенно не обработанная, приобретает цену, когда капиталистический способ производства достаточно развился. Здесь мы имеем второе различие между почвой и капиталом. Цена денежного капитала измеряется на денежном рынке по проценту, который он, д е й с т в и т е л ь н о, приносит; цена земельного участка измеряется по ренте, которую она м о ж е т приносить. А вот еще третье различие: средства производства, созданные человеческим трудом, изнашиваются (физически или морально; последнее вледствие новых изобретений) и рано или поздно прекращают свое существование. Они постоянно должны возобновляться. Напротив, земля не разрушима, вечна—по крайней мере, с точки зрения человеческого общества.

Оба последние обстоятельства показывают, насколько было бы нелепо, если бы владелец промышленного предприятия не приводил его в действие. Для земледельцев такое бездействие, при возрастании земельной ренты (особенно в городах), отнюдь не является безсмыслицей. Для них очень часто может оказаться выгодным из'ять земельный участок из обработки.

Все эти различия затушевываются, когда землю называют капиталом. И тем немение еще до сих пор многие экономисты настаивают на таком отожествлении,—напр., Брентано в его неоднократно цитированном нами сочинении об аграрной политике. Доказательством в пользу данного взгляда, по его мне-

нию, служит тот факт, что в землю вкладывается капитал, и что Родбертус рассматривает городские постройки, как капитал, „несмотря на то, что площадь, на которой здание воздвигнуто, составляет монополизированный дар природы... Таким образом, земля является в настоящее время капиталом. Но, конечно, она отличается от других капиталов, поскольку она составляет монополизированный дар природы. Капиталом является, однако, не только земля, служащая для сельско-хозяйственных целей, но также земля, эксплоатируемая для постройки жилищ или в целях промышленных, равным образом водопады, горные рудники, железные дороги и т. п.“ („Аграрная политика“, стр. 13). Разумеется, это доказывает не то, что земля—капитал, а то, что и городская земля, и водопады, и горные рудники приносят ренту. Что же касается железных дорог, то нужно обладать слишком пылкой фантазией, чтобы причислять их к „дарам природы“. Ведь это похоже на слова Догберри: „Быть красивым—дар судьбы, уметь же писать и читать—дар природы“.

Сколько ни называть землю капиталом, от этого землевладелец не станет капиталистом.

При определении цены имения, конечно, нужно принимать во внимание и другие факторы, кроме земельной ренты; кроме „земельного капитала“, т.-е. капитализированной земельной ренты, нужно принимать в расчет и действительно вложенный в сельско-хозяйственное производство капитал: постройки, технические приспособления, живой и мертвый инвентарь. Рыночная стоимость этого капитала исчисляется по ценам производства (минус—изнашивание).

Однако, в имении могут находиться также приспособления, удовлетворяющие целям роскоши, что обыкновенно бывает при крупном землевладении. Такие приспособления, которые ничего общего не имеют с производством, конечно, увеличивают цену имения, но не земельную ренту. Чем выше цена этих роскошных приспособлений, тем меньше окажется процент на „земельный капитал“, если первую причислить к последнему. Если, оставаясь при нашем примере, допустить, что участок земли дает ренту в 6.000 марок, то при средней обычной норме процента, равной 3, цена его будет 200.000. Если владелец построит на нем замок в 100.000 марок, то рыночная стоимость имения поднимется до 300 тысяч; но это значит, что „земельный капитал“ будет давать прироста всего только 2 процента—гораздо меньше, чем обыкновенный капитал.

Очень часто можно слышать утверждение, будто земельный капитал обладает замечательным свойством давать особенно низкий процент, какого не приносит никакой другой род капитала. Это утверждение совершенно неверно.

Как мы видели, земельного капитала не существует; это не более, как фикция: в действительности же существует земельная рента, по которой только исчисляется доход, приносимый „земельным капиталом“. Правда, при этом исчислении земельная рента капитализируется обыкновенно выше, чем бы следовало, принимая во внимание средний размер процента, но это не потому что „земельный капитал“ обладает таинственным свойством приносить меньший процент, а потому, что капиталист обладает очень понятным свойством смотреть на землю,—место производства земельной ренты,—как на помещение капитала, имеющее особые преимущества. Последнее, по большей части, совершенно основательно. С земельной собственностью часто не только бывают связаны материальные и не материальные преимущества, не отражающиеся в земельной ренте, вроде владения дачей или замком, на что мы уже указывали, производства жизненных продуктов для собственного потребления, охоты, политического влияния; до самого последнего времени земельная рента в Европе, в противоположность проценту на капитал, имела,—а в городах и

окрестностях городов и до сих пор имеет,—еще и тенденцию к повышению. За эти надежды капиталист должен заплатить особо, когда покупает землю.

Однако, все эти сделки не превращают землевладельца, как такового, в капиталиста. Конечно, можно быть одновременно и землевладельцем и капиталистом, но не об этом идет здесь речь. Купля и продажа делают землевладение помещением для капитала, но не капиталом; ведь не становилось же капиталом место судьи XVIII-го столетия потому только, что приобретение его стоило капитала. Правда, землевладелец может продать свою землю и сделаться таким образом капиталистом; но в тот момент, когда он становится капиталистом, он перестает быть землевладельцем. Наоборот, капиталист, употребляющий весь свой капитал на покупку имения, перестает быть капиталистом с того момента, когда делается землевладельцем.

Что землевладелец не есть капиталист, это прежде всего заметили английские помещики, которые раньше континентальных лишились феодальных повинностей своих крепостных и потому раньше вынуждены были перейти к капиталистическому хозяйству. Попытка их осталась попыткой, т. к. кредит еще не был развит. Они принуждены были (уже в XV в.) делить свои поместья на более или менее значительные участки и сдавать эти последние в аренду сельским хозяевам, у которых был свой собственный живой и мертвый инвентарь, необходимый для обработки имения. Сдача в аренду капиталистическим арендаторам—таков был путь, каким они привлекли к сельскому хозяйству необходимый капитал.

На европейском материке, особенно к северу от Альп, новейшая капиталистическая аренда развита менее, чем в Англии.

В Англии в 1895 г. из всей обрабатываемой площади хозяйство велось только на 4.640.000 акров самими владельцами, арендаторы-же вели хозяйство на 27.940.000 акров. Хозяйств на собственной земле числилось там 61.014, на арендованной—459.092.

Иное мы видим в Германии и Франции. Но все-таки и здесь аренда растет. В Германской империи число арендных хозяйств с 1882 по 1895 г. увеличилось с 2.322.899 до 2.607.210, т.-е. на 284.311, между тем как число хозяйств на собственной земле упало с 2.953.445 до 2.951.107. Во Франции насчитывалось сельских хозяев:

	С хозяйством на собств. земле.	С хозяйством на аренд. земле.
1882	3.525.342	1.309.904
1892	3.387.245	1.405.569
Уменьшение (—) или увеличение (+)	— 138.097	+ 95.665

Даже в Соединенных Штатах аренда растет. Там числилось ферм:

	На собств. земле.		На аренд. земле.	
1880	2.984.306	75%	1.024.601	25%
1890	3.269.728	72%	1.294.913	28%

В старых северо-восточных штатах Союза мы находим не только относительное, но, как в старой Европе, и абсолютное сокращение числа владельческих хозяйств. Там было ферм:

	На собств. земле	На аренд. земле.
1880	584.847	111.292
1890	537.376	121.193
Увеличение (+) или уменьшение (—)	— 47.471	+ 9.901

Однако, во всех этих странах хозяйство на собственной земле сильно еще преобладает. Капиталистическое ведение сельского хозяйства стало приобретать

там значение только с тех пор, как значительно развивался городской капитал, а вместе с ним и кредит. Этим открыт был для сельского хозяйства второй путь к капиталу—путь пользования кредитом. Последний является отчасти личным, отчасти вещным или ипотечным. Здесь нас интересует только ипотечный кредит. Землевладелец берет на себя ипотечное обязательство, т.-е. закладывает свою земельную ренту и таким образом получает деньги, чтобы произвести необходимые улучшения, сделать необходимые затраты на скот, машины, удобрение и т. п.

При капиталистической аренде три основные группы доходов капиталистического общества оказываются резко разграниченными. Владелец земли и владелец остальных средств производства, капиталист—два разных лица, которым противостоит эксплоатируемый капиталистом наемный рабочий. Наемный рабочий получает заработную плату, капиталист—предпринимательскую прибыль, землевладелец—земельную ренту. Личность последнего совершенно излишня в процессе сельско-хозяйственного производства; у него нет ни коммерческой, ни организаторской роли, которую выполняет капиталист-предприниматель; у него нет другого дела, кроме как выжимать из капиталиста возможно более высокую арендную плату и поглощать ее со своими паразитами.

При ипотечной системе дело обстоит не так ясно и просто, но в основе оно сводится к тому же. И здесь мы видим отделение земельного собственника от предпринимателя, правда, скрытое под особыми юридическими формами. Земельная рента, присваиваемая при арендной системе землевладельцем, при ипотечной системе попадает в руки залогопринимателя. Этот последний является собственником земельной ренты, а следовательно, и фактическим собственником самой земли. Номинальный же землевладелец в действительности является капиталистическим предпринимателем, получающим одновременно и предпринимательскую прибыль и земельную ренту, но отдающим последнюю в форме процентов по ипотеке. Если его предприятие не удалось, если он не в состоянии уплатить по обязательству, он теряет свою мнимую собственность, как теряет арендованный участок арендатор, не уплативший во время следуемых с него денег; очень часто залогопринимать путем отказа от ипотеки имеет даже власть выселить из поместья неудобного хозяина, подобно тому, как землевладелец может сделать это путем отказа от арендного договора. Разница между арендной и ипотечной системами только та, что при ипотеке фактический землевладелец называется капиталистом, фактический же капиталист-предприниматель—землевладельцем. Пользуясь таким qui pro quo, наши сельские хозяева, выполняющие на деле капиталистические функции, очень любят негодовать на эксплоатацию их „движимым капиталом“ и на залогопринимателей, на долю которых фактически выпадает та же роль, какую при аренде играет землевладелец.

Во всех культурных государствах мы находим быстрое увеличение ипотечной задолженности. В Пруссии суммы новых долговых обязательств, наложенных на сельские земельные участки, превышают сумму погашений.

В $188^{6}/_{7}$ году	на 133	миллиона марок.
„ $188^{7}/_{8}$ „	„ 88	„ „
„ $188^{8}/_{9}$ „	„ 121	„ „
„ $188^{9}/_{90}$ „	„ 179	„ „
„ $189^{0}/_{1}$ „	„ 156	„ „
„ $189^{1}/_{2}$ „	„ 207	„ „
„ $189^{2}/_{3}$ „	„ 209	„ „
„ $189^{3}/_{4}$ „	„ 228	„ „
„ $189^{4}/_{5}$ „	„ 255	„ „

Стало быть в течение немногих лет задолженность увеличилась на $1^{1}/_{2}$ миллиарда!

Этот быстрый рост задолженности означает, что повсюду, хотя и в иной форме, совершается тот же процесс, который так далеко уже зашел в Англии— освобождение сельского хозяина от земельной собственности. Но пролетарием сельский хозяин от этого далеко еще не делается, как не является пролетарием и английский фермер. Он как и этот последний, владеет всеми средствами производства, за исключением земли (здесь идет речь только об ипотечной, а не о личной задолженности).

Равным образом увеличение ипотечной задолженности не указывает непременно на стесненное положение сельского хозяйства. Она может вытекать и из него, так как потребность в улучшении и поднятии производства не единственная причина ипотечных долгов. Мы познакомимся впоследствии еще и с другими причинами. Но прогресс и расцвет сельского хозяйства также могут выражаться в увеличении ипотечной задолженности, во-первых, вследствие растущей потребности в капитале, вызываемой прогрессом сельского хозяйства, а затем вследствие повышения земельной ренты, которое делает возможным расширение сельско-хозяйственного кредита.

В Австрии, где имеется лучшая статистика по этому вопросу за более или менее значительный период времени, увеличение ипотечных долгов (не считая Галиции, Буковины и Приморской области) равнялось:

1871	46.740.617 гульд.	1881	10.034.671 гульд.
1872	107.621.665 „	1882	22.926 080 „
1873	202.458.692 „	1883	34.289.210 „
1874	156.127.016 „	1884	57.241.240 „
1875	136.692.565 „	1885	55.871.264 „
1876	99.276.440 „	1886	52.708.237 „
1877	24.694 812 „	1887	56.330.623 „
1878	44.160.263 „	1888	56.954.250 „
1879	22.765.037 „	1889	52.738.749 „
1880	18.404.585 „		

Как раз в лучшие для сельского хозяйства (и городского землевладения) годы, в начале семидесятых годов, ипотечные долги возрастали всего более.

Раздвоение сельского хозяина-собственника на землевладельца и предпринимателя является естественно-необходимым последствием частной собственности на землю при капиталистическом способе производства. Но это же раздвоение делает возможным уничтожение частной земельной собственности на остальные средства производства в сельском хозяйстве. В областях, где господствует арендная система, это может совершиться путем национализации или обобществления земельной собственности, в областях, где господствует ипотечная система,—путем национализации ипотек.

Условия для этого тем более благоприятны, чем более значительна концентрация земельной собственности (при арендной системе) или ипотек (при самостоятельном хозяйстве) в немногих руках. К сожалению, очень трудно статистически доказать эту концентрацию для целых государств и больших периодов. Если у нас имеется сносная сельско-хозяйственная статистика, то статистика ипотек до сих пор была неудовлетворительна, а статистика земельной собственности не такова, чтобы на основании ее можно было сделать сравнение различных периодов и проследить повсюду процесс концентрации отдельных владений в немногих руках.

Примеры концентрации земельной собственности в отдельных прусских провинциях мы приведем ниже в связи с другим вопросом.

В общем можно принять, что там, где число аренд и арендная площадь увеличиваются, землевладение концентрируется в немногих руках, так как только тот, кто не нуждается в своей земле для хозяйственных целей, кто

имеет излишек ее, может думать о сдаче ее целиком или по частям. Страны с развитой арендной системой являются в то же время странами с преобладающим крупным землевладением.

Для Германии ипотечная система важнее арендной. Здесь процесс концентрации землевладения или, если быть точным, земельной ренты, выражен очень ясно. Мы увидим еще, как многочисленные мелкие деревенские ростовщики все более и более вытесняются, чтобы дать место крупным централизованным капиталистическим учреждениям или товариществам, монополизирующим ипотечный кредит.

По данным Ф. Гехта, в его „Государственных и провинциальных учреждениях земельного кредита в Германии", общая сумма закладных листов, выпущенных германскими учреждениями земельного кредита, достигала к концу 1888 года более $4^3/_4$ миллиарда марок. Из них на долю товариществ приходилось 1.900 миллионов, на долю государственных или провинциальных учреждений 420 миллионов, на долю акционерных ипотечных банков $2^1/_2$ миллиарда. Правда, ипотечный кредит этих последних распространяется главным образом на городскую земельную собственность. Но за то централизации ипотечного кредита способствуют другие крупные учреждения: сберегательные кассы, страховые общества, всякого рода учреждения и корпорации. 35 германских обществ страхования жизни вложили в ипотеки 80 процентов своих фондов, прусские сберегательные кассы более 50 процентов. В Пруссии сельская ипотечная собственность сберегательных касс оценивалась в 1892 г. в круглых цифрах в миллиард марок; 17 товариществ земельного кредита, находящихся в прусской монархии, выпустили в 1887 году на 1.650 миллионов марок закладных листов, в то же время 11 существующих в Пруссии частных учреждений земельного кредита приобрели в 1886 году на 735 миллионов марок ипотечных долговых обязательств. Уже эти цифры указывают на громадную концентрацию земельной ренты в немногих центральных учреждениях, но концентрация эта продолжает быстро расти дальше. В 1875 году германские ипотечные банки выпустили закладных листов на 900 миллионов марок, в 1888 на $2^1/_2$ миллиарда, 1892 эта сумма возросла до 3.400 миллионов, сконцентрированных в 31 (в 1875 г. в 27) банках.

Гермес в своей статье „Landschaften" (во 2-м дополнительном томе Handwörterbuch der Staatswissenschaften) приводит несколько примеров того, как быстро концентрируются ипотечные долги прусских крупных землевладельцев в товариществах земельного кредита. Курмарские и неймаркские дворянские кредитные учреждения выпустили закладных листов (за вычетом погашенных) на сумму:

1805	11.527.000	мар.
1855	38.295.000	„
1875	82.204.000	„
1894	189.621.000	„

Новое Бранденбургское кредитное учреждение, основанное в 1869 г., выпустило закладных листов (за вычетом погашенных) на сумму:

1870	48.000	мар.
1880	3.695.000	„
1890	74.275.000	„
1895	101.434.000	„

Эти числа достаточно выразительно указывают, что „Марксова догма" имеет и для земельной собственности не меньшее значение, чем для капитала. Впрочем, в этом смысле ее значение никем не оспаривается. Говорят, будто она неприменима к сельско-хозяйственному произ-

водству. Это гораздо более важный вопрос, и мы еще рассмотрим его поподробнее. Здесь же речь идет только о земельной собственности и о тех двух формах, какие она принимает при капиталистическом строе.

Мы видим, что арендная и ипотечная системы во многом похожи друг на друга. Но они обнаруживают и значительные различия.

Самое важное заключается в том, что колебания арендной платы следуют за колебаниями земельной ренты. Напротив, с процентами по ипотеке этого не бывает. Правда, и величина ипотечных процентов подвергается изменениям, хотя и с бо́льшим трудом, чем арендная плата, но ее колебания зависят не от колебаний земельной ренты, а от движения процента на капитал, подчиняющегося совсем другим законам. Рента и процент могут колебаться в одно и то же время в прямо противоположных направлениях. Процент на капитал может падать, земельная рента расти. Таково именно и было до последнего времени нормальное движение их в старых странах капиталистического производства.

Выгодой, проистекающей отсюда, при арендной системе пользовался землевладелец. Наоборот, при ипотечной системе фактический сельско-хозяйственный предприниматель и номинальный землевладелец клал прирост ренты себе в карман или употреблял его на приобретение нового ипотечного капитала.

Ипотекодержатель пользуется этой выгодой от земельной собственности так же мало, как и другими ранее упомянутыми выгодами, увеличивающими рыночную стоимость земельной собственности и понижающими процент на „земельный капитал“. Вследствие этого ипотекодержатель, при возрастающей, по крайней мере, ренте, требует на свой капитал более высокого процента, чем процент, приносимый „земельным капиталом“; это значит, что сумма ипотечного капитала, поглощающего в виде процентов всю земельную ренту, меньше рыночной стоимости земли, обремененной долгом.

Для иллюстрации воспользуемся вышеприведенным примером имения, дающего 6.000 марок земельной ренты. Пусть средний размер процента равняется 4, тогда капитализированная земельная рента будет равна 150 тыс. Однако, с обладанием землей сопряжено много выгод, о которых мы уже упоминали, и самая важная из которых заключается в надежде на возрастание ренты. Поэтому владелец будет требовать за свое имение гораздо больше 150 тыс., скажем 200 тыс. Это значит, что „земельный капитал“ будет давать только 3 процента. Ипотекодержатель требует среднего роста в 4 процента, между тем сельский хозяин может уплачивать ему в счет процентов по ипотеке всего лишь 6 тысяч марок. Таким образом, ипотечная задолженность не может перевысить 150 тыс. марок, может равняться только $^3/_4$ стоимости земли и все-таки будет поглощать всю ренту.

Пусть при возрастании ренты, как это мы сейчас предполагаем, ипотечная система выгоднее для сельского хозяина, чем арендная. Медаль имеет свою обратную сторону, которая и обнаруживается при падении земельной ренты.

Арендатор, по крайней мере капиталистический, перекладывает свои убытки на земельного собственника, который, правда не без борьбы, после более или менее продолжительного сопротивления все-таки бывает вынужден согласиться на понижение арендной платы. Напротив, землевладелец, ведущий свое хозяйство, должен сам нести все невыгодные последствия падения земельной ренты; он не может попросту переложить их на ипотекодержателя.

Если при арендной системе падение ренты только по миновании более или менее продолжительного переходного периода делается бедствием для землевладения, то при ипотечной системе оно всегда приводит в стесненное положение сельско-хозяйственного предпринимателя или, как говорят, „сельское хозяйство“. Фактические землевладельцы, ипотекодержатели, им не затраги-

ваются. Правда, одновременно с земельной рентой может понизиться и размер процента по ипотекам, но это будет зависеть не от угнетенного состояния сельского хозяйства, а от падения процента на капитал вообще, от явления, поражающего весь ссудный капитал. Это нас сейчас не касается. Размер процента по ипотекам определяется общим размером процента на капитал, и никакое стеснение сельского хозяйства не может заставить его упасть ниже этого общего уровня. Напротив, чем сильнее нужда сельского хозяина, тем больше премия за риск, которую он должен будет платить, тем выше размер процента, к которому он должен будет приспособляться, по крайней мере, при заключении новых займов, тем меньше по сравнению с ценой имения та предельная сумма, до которой он может обременять свое имение ипотеками.

При ипотечной системе приспособление сельского хозяйства к падению земельной ренты совершается иначе, чем при арендной системе, именно не путем понижения процентов, а путем банкротства предпринимателей и потери капитала ипотекодержателями: операция во всяком случае не вполне безболезненная и не очень рациональная.

Кроме арендной и ипотечной системы, возможен еще третий случай, когда землевладелец одновременно является и капиталистом т.-е. когда кроме земли, он имеет еще достаточно денег, чтобы на собственные, средства завести вполне современное хозяйство и таким образом кроме предпринимательской прибыли класть в карман всю ренту.

Однако, такое соединение землевладельца с капиталистом в одном лице встречается в истории лишь в виде исключения; исключением оно должно остаться и с дальнейшим развитием капиталистического способа производства. Причину этого нужно искать, во первых, в *превосходстве крупного производства над мелким* и, во-вторых, в *частной собственности на землю*.

VI.

КРУПНОЕ И МЕЛКОЕ ПРОИЗВОДСТВО.

а) Техническое превосходство крупного хозяйства.

Чем более капиталистический характер приобретает сельское хозяйство, тем более развивает оно качественную разницу техники между крупным и мелким производством.

В до-капиталистическом сельском хозяйстве эта разница не была ясно выражена, если не считать плантаторской системы и других подобных форм производства, которые не подлежат здесь нашему рассмотрению. Помещик обрабатывал свою землю при помощи рабочих рук, скота и орудий своих крепостных крестьян. То, что доставлялось им самим, было ничтожно по количеству и не превосходило качеством крестьянских средств производства. Большее число слуг служило прежде всего удовлетворению более широких потребностей его домашнего хозяйства и не влияло на способ обработки земли. Точно так же помещичья земля не отличалась от крестьянской по своей раздробленности. Клочки господской земли, подобно крестьянским участкам, разбросаны были в деревенских полях, и наравне с ними были подчинены принудительному севообороту. Единственное различие между крестьянским и помещичьим хозяйством заключалось, как было выше упомянуто, в том, что помещичье хозяйство велось с помощью несвободных, крепостных рабочих, которые старались поменьше напрягать и свой скот и самих себя. Помещичье хозяйство отличалось необыкновенной расточительностью по отношению к рабочему времени и орудиям труда.

Все это изменилось, когда уничтожены были феодальные повинности, и землевладелец стал свободным собственником своей земли, которую он по воз-

можности округлял и обрабатывал собственными орудиями производства, собственным скотом, собственными наемными рабочими, по собственному плану. Тогда крупное производство приняло совсем иной вид, чем мелкое, и теперь уже это последнее непроизводительно стало расточать рабочее время и орудия производства.

Разница между крупным и мелким производством прежде всего должна была обнаружиться в доме, дворе, в домашнем хозяйстве, которое для крупного производства приобрело особенное значение с тех пор, как оно стало производить собственным скотом, собственными орудиями производства и собственными наемными рабочими.

Одно из важнейших различий между индустрией и сельским хозяйством заключается в том, что в сельском хозяйстве всегда собственное производство и домашнее хозяйство тесно связаны между собой, составляют нераздельное целое, в то время как в индустрии, за исключением некоторых пережитков, они совершенно независимы друг от друга. Нет ни одного сельско-хозяйственного предприятия без связанного с ним домашнего хозяйства. Можно сказать и обратное: в деревне не бывает самостоятельного домашнего хозяйства, которое не занималось бы в то же время и сельским хозяйством.

Едва ли требует доказательств положение, что крупное домашнее хозяйство превосходит мелкое в сбережении рабочей силы и материала. Сравнивая крупное имение, которое занимает столько же земли, сколько 50 мелких крестьянских хозяйств, мы здесь находим одну кухню с одним очагом, там 50 кухон и 50 очагов. Здесь, пожалуй нужно 5 кухарок, там 50. Здесь зимой отапливается 5 жилых помещений, горит пять ламп, там 50. Здесь керосин, цикорий маргарин покупается оптом, там в розницу и т. д.

Если мы из дома перейдем во двор, то в крупном хозяйстве находим один хлев на 50—100 коров, в мелком 50 хлевов каждый для одной-двух коров; в первом находим один амбар, один колодезь вместо 50. Дальше мы находим соответственно меньше дорог от дворов к полям,—полевые железные дороги вообще недоступны для крестьян,—меньше плетней и заборов, меньше меж.

Чем меньше участок земли, тем длиннее его границы по отношению к его поверхности. При квадратной форме участка длина границ на 1 ар будет при величине площади

в 10 гект.	5 гект.	1 гект.	50 ар.	25 ар.	10 ар.	5 ар.	1 ар.
1,26 метр.	1,79 м.	4 м.	5,66 м.	8 м.	12,65 м.	17,89 м.	40 м.

Чтобы огородить 50 участков по 20 аров каждый, требуется в 7 раз больше материала и труда, чем для одного участка в 10 гектаров.

Если принять ширину пограничной межи в 20 сантиметров, то при квадратной форме участка пропадает непроизводительно земли при площади в

10 гектар.	5 гект.	1 гект.	50 ар.	25 ар.	10 ар.	5 ар.	1 ар.
кв. м. 0,25	0,36	0,80	1,113	1,60	2,53	3,58	8,00

На отмежевание участка в 10 гектаров тратится лишь $2^1/_2$ ара, на отмежевание же 50 участков каждый в 20 аров пропадает 18 аров.

Чем длиннее границы участка, тем больше потеря семян, которые при ручном посеве неизбежно попадают за межу, тем больше затрата труда при обработке участка. „Обработка земли,—говорит Кремер в Handbuch der Landwirtschaft Гольца (стр. 198),—плугом, экстирпатором, бороной, валом, конной мотыгой и бороздильником и обсеменение его машиной требует для одинаковой площади тем больше затрат, чем меньше участок. Это повышение расходов на маленьких участках основывается на большей потере во времени при обработке подобных участков. Время теряется регулярно при каждом повороте плуга в конце поля, при поперечной обработке остающейся с узкой стороны участка

краевой полосы разной ширины, смотря по длине упряжки, и при ручном способе обработки недоступных для плуга концов".

Но 50 крестьянских дворов нуждаются также в 50 плугах, 50 боронах, 50 телегах и т. д., в то время, как для крупного хозяйства требуется в 10 раз меньшее количество. При одинаковом способе производства крупное хозяйство значительно сберегает поэтому в инвентаре. Это подтверждается также статистикой сельско-хозяйственных машин. Одной из немногих машин, которые почти в одинаковой степени доступны как мелкому, так и крупному производству, является молотилка. В 1883 г. на каждые 1000 гектаров возделываемой земли считалось в хозяйствах с площадью:

от 2—100	гектаров	2,34	паровых молотилок	12,44	других молотилок.
выше 100	„	1,08	„	1,93	„

Никто из этого не сделает, конечно, вывода, что в мелких хозяйствах паровая молотилка более распространена, чем в крупных.

Несмотря на экономию в инвентаре, при одинаковом способе производства, затраты на инвентарь в крупном производстве могут быть не только абсолютно, но и относительно выше, так как способ производства в нем не остается неизменным. Целый ряд орудий производства, в особенности машины, могут применяться с успехом только в крупном производстве. Крестьянин их надлежащим образом использовать не может. По учению Крафта о сельско-хозяйственном производстве, полное использование машин находит себе место лишь при применении.

Конного плуга на	30	гектар. пашни.
Рядовой сеялки, жнеи, молотилки на	70	„ „
Паровой молотилки	250	„ „
Парового плуга	1000	„ „

Электрическая сила может также с успехом быть применена только в крупных хозяйствах. „Пока невозможно признать, что применение электрической энергии является средством повысить доходность всех сельско-хозяйственных предприятий, в особенности мелких. Даже по отношению к имениям величиной в 1000 моргенов пахатной земли успех еще сомнителен. Лишь в более крупных хозяйствах обнаруживаются более благоприятные условия". (Кеттген—„Ist die Elektrotechnik?". in Thiels Landwirth, üch XXVI. S 672). Числа эти получат правильное освещение, если вспомнить, что в Германии в 1895 г. из 5.558.317 сельско-хозяйственных предприятий только 306.828 занимали больше 20 гект. и только 25.061 больше 100 гект. Огромное большинство сельских хозяйств так малы, что они не в состоянии целиком использовать даже конный плуг, не говоря уж о машинах.

В 1884 году правительство Соединенных Штатов потребовало от своих консулов сведений относительно видов на сбыт американских сельско-хозяйственных машин за границу. Из всех стран с мелким землевладением поступили единогласные заявления, что хозяйства слишком малы, чтобы быть в сосостоянии применять машины или даже улучшенные орудия. Такие сообщения были получены из Вюртемберга, Гессена, Бельгии, Франции и т. д. Консул Кифер из Штетина сообщает, как забавно для американца видеть рубку дров, производимую топорами, напоминающими тамогавки индейцев. Консул Мозер из Зоннеберга сообщает: „Земледельческие орудия в Тюрингене совершенно первобытны. Я недавно рассматривал старинную резьбу, которая изображает сцены из земледельческого быта этой местности в XV стол., и был поражен тем, до чего изображенные там орудия походят на современные. Новейшие орудия можно встретить почти исключительно в образцовых хозяйствах". Аналогичные сведения о южной Франции дает консул в Ницце Вильсон: „Внутри страны старый плуг времен римлян, который только царапает почву, не про-

водя борозды, представляет еще предмет, если не постоянного, то частого применения". („Reports from the consuls of the United States on agricultural machinery", стр. 510, 524, 621).

На каждые 100 сельско-хозяйственных предприятий, принадлежащих по своим размерам к одному разряду, приходилось в 1895 году в Германии:

Предприятия.	Машин вообще.	Паровые плуги.	Рядовые сеялки.	Жатвенные машины.	Молотилки: паров.	Молотилки: проч.
Меньше 2 гект.	2,03	0,00	0,46	0,1	1,08	0,49
От 2 до 5 гект.	13,81	0,00	1,29	0,6	5,20	6,56
От 5 до 20 гект.	45,80	0,01	4,88	0,68	10,95	31,89
От 20 до 100 „	78,79	0,10	17,69	6,93	16,60	64,69
От 100 и более	94,15	5,29	57,32	31,75	61,22	60,53

Повсюду крупное производство ушло далеко вперед в применении машин. Кроме молотилок, в мелком производстве едва заметно применение машин.

Точно так же, как с орудиями, инструментами и машинами, обстоит дело и с человеческой, животной и другими силами, дающими первым движение и направление.

Для получения одного и того же результата мелкому хозяйству нужно применить эти силы в большем количестве, чем хозяйству крупному; кроме того, они не могут так полно использовать и усилить их производительность. 50 плугов и 50 телег мелких крестьян в нашем примере требуют 50 упряжек, 50 погонщиков в то время, как 5 плугов и телег в крупном производстве требуют только 5 упряжек и 5 погонщиков. Без сомнения, эти 50 мелких крестьян впрягли каждый только по одной корове, в то время как плуг в крупном хозяйстве запрягается 4 лошадьми, но от этого дело не меняется. Двухлемешный плуг с одним пахарем и тремя лошадьми выполняет такую же работу, как два простых плуга с двумя лошадьми каждый. Трехлемешный плуг с одним работником и четырьмя лошадьми совершает такую же работу, как три простых плуга с двумя рабочими и шестью лошадьми.

По словам Рейнинга (цитировано по Рошеру „Nationaloekonomie des Ackerbaus", стр. 164), в 1860 г. в королевстве Саксонии на каждые 100 акров крестьянской земли приходилось 3,3 лошади, а на 100 гектаров помещичьей только 1,5.

По переписи 1883 г. в Германии на 1000 гектаров возделываемой площади приходилось:

	Лошадей.	Волов.	Коров.
В хозяйствах от 2 до 100 гект.	111	101	451
„ „ выше 100 гект.	75	60	137

У крестьян, как известно, коровы часто служат не только для молочного хозяйства и приплода, но также в качестве рабочего скота. Большое число коров в мелком хозяйстве следует в значительной степени приписать тому обстоятельству, что крестьянин больше занимается скотоводством и меньше земледелием, чем крупные хозяева; напротив, разница в количестве лошадей не может быть этим об'яснена.

В Великобритании по статистике производства 1880 г. на каждые 1000 акров земли приходилось в предприятиях с числом акров:

	1—55	55—20	20—50	50—100	100—300	300—500	500—1000	1000 и бол.
Лошадей	72	58	54	49	43	37	32	24
Рог. скота	395	336	284	242	196	153	113	81

Наряду с животной силой, как ясно показывают вышеприведенные примеры, крупное производство сберегает и человеческую силу, при чем, при прочих равных условиях, требует меньше скота, меньше орудий, применяет больше сберегающих силы машин, придает пригодным для обработки участкам наиболее рациональную форму и размеры и т. д.

Но если отдельные крупные хозяйства при одинаковом способе обработки требуют относительно (к величине площади) меньше живого и мертвого инвентаря и меньше рабочей силы, то абсолютно они всегда применяют их в большем количестве, чем отдельные мелкие хозяйства. Это значит, что они сумели использовать преимущества разделения труда в гораздо больших размерах, чем последние. Они одни только имеют возможность провести в полной мере ту специализацию и то приспособление орудий и инструментов к отдельным операциям, которыми современное хозяйство так превосходит до-капиталистическое. То же самое применимо к породам животных. Карликовый крестьянин употребляет свою корову для удоя, упряжи и приплода. О естественном подборе и приспособлении породы и корма к специальным условиям нет и речи. Так же мало может он распределять разнородные операции своего хозяйства между разными лицами. Зато это вполне доступно крупному производству, и оно извлекает из этого различные выгоды. Оно делит работы на такие, при которых нужна особенная ловкость и тщательность и—такие, которые требуют только механической силы. Первые он распределяет между теми из его рабочих, которые проявляют особое умение и старательность и ловкость и опытность которых возрастает, благодаря тому, что они исключительно или преимущественно посвятили себя данному виду работы. Вследствие разделения труда и больших размеров производства, каждый остается дольше при своей работе, не меняет ее так часто и этим уменьшает трату времени и силы, связанную с каждой переменой рода и места работы. Наконец, ему доступны выгоды кооперации планомерного сотрудничества многих для достижения определенного результата.

На это преимущество обратил внимание еще в 1773 г. один английский сельский хозяин. Он указал на то, что один фермер при применении на трехстах акрах земли того же количества рабочих, какое употребляют 10 фермеров, располагающих каждый 30-ю акрами, „получает в использовании силы батраков выгоду, которую поймет лишь практик; если ясно, что отношение единицы к четырем равно отношению трех к двенадцати, то практика нам говорит другое; ибо при жатве и других операциях, требующих такой же быстроты, при одновременном применении многих рук работа совершается лучше и быстрее. Так, напр., при жатве двое возчиков, двое разгрузчиков, двое нагрузчиков, двое сгребающих хлеб и другие, работающие у скирд и на гумне, работая вместе, успеют вдвое больше, чем такое же количество рабочих, разбросанных по многим хозяйствам“. (Цитировано по Марксу, „Капитал“, т. I, 2-ое изд., стр. 334).

Расширение хозяйства дает также специалистам возможность хорошего и быстрого выполнения отдельных работ, которые крестьянин сам исполняет плохо и медленно, и для выполнения которых он часто после долгих проволочек при самых неотложных обстоятельствах обращается к далеко живущему специалисту; крупные хозяйства имеют, между тем, собственные кузницы, шорные и каретные мастерские для выполнения починок и изготовления простой утвари, орудий и вспомогательных средств.

Но важнейшее преимущество, которое крупное производство получает от применения большего количества рабочих, это разделение труда на физический и интеллектуальный. Мы видели, как важно для сельского хозяйства научное руководство, видели, что только оно делает возможным планомерное ведение хозяйства, при котором избегается всякое истощение, всякое урезывание почвы и достигаются наилучшие результаты, что только научно образованный сельский хозяин при рациональной и точной бухгалтерии всегда найдет тот севооборот, удобрение, машины, породу скота, род корма, которые в данный момент будут соответствовать непрерывно меняющимся требованиям науки и рынка. Но в современном обществе физический труд и научное образование

строго отделены друг от друга. Только то хозяйство может пользоваться услугами вполне научно образованного агронома, которое достаточно велико, чтобы занять его рабочую силу исключительно управлением и надзором за хозяйством.

При определенных условиях эта величина имения дана заранее. Она меняется в соответствии с способом производства. При очень интенсивном хозяйстве, напр., виноделии, она может понизиться до 3 гектаров, при экстенсивном хозяйстве, напр., выгонном, подняться до 500 гектаров. Для средней Европы можно принять в среднем, что при более интенсивном в 100—125 гект., может иметь специалиста, занятого исключительно его ведением.

И только начиная с этих размеров, у нас в общем возможно хозяйство, ведущееся и управляемое на научной основе. Но в 1895 г. в Германии из 5.558.317 сельских хозяйств, только 25.061 имели 100 и больше гектаров! Неудивительно, что рациональное ведение сельского хозяйства еще так редко встречается! Гольц заявляет, что средний урожай очень невелик „в сравнении с урожаем, который мог бы получиться и действительно получается даже с худшей почвы, но при более старательной обработке. Я думаю, что не встречу возражений со стороны практиков сельских хозяев, имеющих богатый опыт, если скажу, что лучшей обработкой можно повысить урожай в среднем на 4—8 центнеров с гектара. В действительности, по моему, возможность повышения урожая еще значительнее, но я нарочно беру цыфру, которая не может быть оспариваема ни одним специалистом". („Die Ländliche Arbeiterklasse und der preussische Staat", 165). Согласно этому, Германия могла бы при лучшей культуре, не увеличивая возделываемых площадей, производить хлеба больше, чем теперь, на 100 милл. центнеров.

Управляющим и владельцам небольших имений, которые не заняты исключительно управлением, но также сами непосредственно участвуют в разных работах, в низших сельскохозяйственных школах стараются дать более высокое образование, чем то в состоянии сделать народная школа. Менее, чем кто-либо, мы склонны оспаривать пользу этих школ; но ясно, что знания, которые они распространяют, мало чем отличаются по своему характеру от знаний, даваемых высшими школами. По нашему, сельскохозяйственные школы скорее приспособлены к тому, чтобы снабжать дешевыми низшими служащими крупные хозяйства и тем уменьшать издержки по администрации, чем давать самостоятельных в современном смысле агрономов. Сельско-хозяйственные средние школы имеют еще другую сторону. Один специалист жалуется, что в них слишком легко „приобретаются такие жизненные привычки, которые не подходят к среднему, а тем более к мелкому сельскому хозяину; последствием посещения этих школ является то, что позже ученик чувствует себя нехорошо в условиях мелкого хозяйства или живет несоответственно с ними, и в результате извлекает из посещения школы не пользу, а вред на всю жизнь". (Kirchner в Göltz'chen Handbuch, I, 421).

Кирхнер опасается таких последствий там, где в школах прививаются студенческие обычаи и нравы, но усвоение этих внешних признаков есть последствие внутреннего переворота, вызываемого сельско-хозяйственными и земледельческими школами. Высшее образование и довольство пролетарским образом жизни несовместимы. Масса образованных людей рекрутируются главным образом из буржуазной среды, ее требования к буржуазному образу жизни растут и приваются, по естественному закону влияния среды, также к тому образованному слою, который пробивается снизу. При доходе, который крестьянину, ремесленнику, промышленному рабочему доставил бы весьма сносное существование, человек, живущий интеллектуальным трудом, погибает постепенно физически или нравственно, очень часто и физически и нравственно. Не совсем лишено основания мнение тех консерваторов, которые заявляют, что высшее образование делает крестьянина негодным для его призвания. Смеш-

ным, если не отвратительным, является преувеличение этой точки зрения, когда те крохи знания, которые дает наша народная школа, провозглашаются несовместимыми с крестьянским бытом. Это значит, с одной стороны, низводить крестьянина до уровня животного, с другой стороны, отнимать у него последнюю возможность устроить свое хозяйство хоть несколько рационально.

Но то высшее образование, какого требует вполне рациональное хозяйство, действительно трудно совместить с современными условиями крестьянского существования. Этим, понятно, выносится приговор не высшему образованию, а условиям жизни крестьян. Из этого лишь следует, что крестьянское хозяйство может противостоять крупному, опираясь не на свою высшую производительность, а благодаря своим низшим потребностям. Прежде всего, крупное хозяйство должно гораздо больше производить, чем мелкое, чтобы получить такой же доход, уже потому, что в смете его расходов значатся издержки (деньгами и натурой) на содержание не только деревенских, но и городских, буржуазных рабочих сил.

Хуже всего в этом отношении поставлены средние имения, их расходы по управлению относительно самые высокие. Они быстро падают с увеличением хозяйства. Имению в 100 гект. нужен обученный управляющий, собственник или арендатор; имению в 400 гект. нужен сверх того разве еще один помощник; доход его при прочих равных условиях в четыре раза больше, расходы же по управлению в $1^1/_2$ раза.

При прочих равных условиях более крупное крестьянское хозяйство выше мелкого; то же и в крупном капиталистическом производстве до известных пределов, о чем речь впереди. Наоборот, на границе крестьянского и крупного производства происходит, выражаясь по Гегелю, превращение количества в качество, вследствие чего на этой границе крестьянское хозяйство если не в техническом, то в экономическом отношении может стоять несколько выше более крупного, управляемого ученым агрономом. Издержки на ведение хозяйства научным способом обременяют небольшое помещичье имение свыше его доходности. С этим фактом, естественно, чаще встречаемся там, где знания для управления хозяйством приобретались не научно, а просто по-юнкерски. Чем меньше в последнем случае продуктивности, тем больше претензий.

Наоборот, крупный крестьянин превосходит мелкого, крупное помещичье имение выше мелкого, само собой понятно при прочих равных условиях.

К техническим преимуществам крупного производства над мелким относятся еще преимущества, обнаруживающиеся при крупных операциях, которые только тогда могут применяться с успехом, когда они охватывают большие площади, именно—операции орошения и дренажа. Орошать небольшую поверхность часто совершенно невозможно и чаще всего не имеет большого смысла. Обыкновенно дренируют лишь более значительные поверхности. По Майцену, в Пруссии в 1855 году было осушено в более крупных имениях 178.012, в более мелких всего 20.877. Полевые железные дороги также применимы лишь к большой непрерывной площади.

Ко всем этим преимуществам крупного хозяйства в области производства присоединяются еще преимущества в области кредита и торговли.

Ни в одной области превосходство крупного производства над мелким не оказывается большим, чем в торговле. „Счет крупных чисел занимает не больше времени, чем счет мелких. 10 покупок по 100 фунтов стерлингов требуют в 10 раз больше времени, чем одна покупка в 1.000 ф. ст... В торговле гораздо чаще, чем в промышленности, одна и та же функция, исполнена ли она в малых или в больших размерах, требует одинаковой затраты рабочего времени". (Marx, Das Kapital. III, 1, 279).

Издержки транспорта, в особенности по железной дороге, также уменьшаются для больших масс товара. Кто закупает оптом, приобретает товар

дешевле и лучшего качества, чем при покупке в розницу; кто оптом продает, может при одинаковой и даже большей пользе продавать дешевле, выдерживать конкурренцию. Но крупный купец не только имеет гораздо меньше расходов, чем мелкий, сравнительно с размерами своего оборота, но имеет больше власти над рынком, имеет более широкий коммерческий кругозор и лучше ориентируется в условиях рынка. Это относится прежде всего к купцу, но также и к промышленному предпринимателю и сельскому хозяину, поскольку им, как покупателям и продавцам товаров, приходится исполнять функции купца. Вышеуказанное меньшее господство над рынком и меньшее знание его имеет для мелкого ремесленника, который не может содержать торгового персонала и лишь между прочим фигурирует, как купец, гораздо большее значение, чем для мелкого купца; но особенно большое значение оно имеет для крестьянина в его деревенской обособленности. Между всеми покупателями и продавцами на товарном рынке его положение самое неблагоприятное, его коммерческие познания самые незначительные; он меньше всех в состоянии быстро использовать благоприятные обстоятельства, или предвидеть и предотвратить неблагоприятные. При том его хозяйство гораздо сложнее, чем у городского ремесленника, обнимает больше отраслей производства и потому вынуждает его к более разнообразным покупкам и продажам. Сапожнику, кроме инструментов, нужно покупать только кожу, нитки и гвозди; продает же он только сапоги. Крестьянин, кроме орудий, покупает скот, семена, корм, искусственное удобрение, а продает скот, хлеб, молоко, масло, яйца и пр. Никто не находится в такой зависимости от торговых посредников, как он.

Самой грозной и гибельной является эта зависимость тогда, когда посредник в то же время является и р о с т о в щ и к о м, когда настоятельная нужда в деньгах для уплаты податей и долгов заставляет крестьян сбывать свои товары по какой-угодно цене, или продавать их прежде, чем они бывают готовы для рынка.

Тут мы наталкиваемся еще на один пункт, в котором крупное хозяйство выше мелкого,—это к р е д и т.

В предыдущей главе мы видели, что новейшее сельское хозяйство не может вестись без капитала. Мы также видели, что там, где не господствует арендная система, ипотека является для сельского хозяина главным источником добывания денег. Кромо этого, он может еще воспользоваться личным кредитом, или же продать часть своего имения, чтоб получить деньги для ведения хозяйства в остальной части. Но последний способ не всегда доступен и очень часто нежелателен, ибо с уменьшением имения владелец теряет преимущества крупного хозяйства. Кроме того, он теряет виды на повышение цены отрезанной части, которое может произойти вследствие повышения земельной ренты и падения процентной нормы. Итак, личный кредит и ипотека остаются для него главными источниками добывания денег.

К ипотечному кредиту прибегают, когда дело идет о приобретении основного капитала (мелиорации, постройки—здесь мы не касаемся перемены собственников, как причины ипотечной задолженности); к личному кредиту, когда дело идет о приобретении оборотного капитала, удобрения, семян, заработной платы и т. п.

Раньше причиной задолженности землевладельца являлась нужда; задолженность эта была явлением ненормальным. При капиталистическом способе производства там, где помещик и сельский хозяин представляют одно юридическое лицо, она является необходимостью, вытекающей из самого процесса производства. Задолженность землевладения тут явление неизбежное. Вместе с тем, она становится важным фактором сельско-хозяйственного производства.

Это относится как к мелкому, так и к крупному хозяйству. Но при пользовании кредитом последнее имеет разные преимущества. Совершение ипотеки в 200.000 марок не требует соответственно больших труда и издержек, чем

совершение ипотеки в 2.000 марок. Для выдачи 200.000 м. в 100 местах требуется в 100 раз больше труда, чем в одном месте.

Яркий пример этого дает Лафарг в своей замечательной статье „О мелком землевладении во Франции“ в Neue Zeit (I, 348): „При ипотечном займе издержки сравнительно тем значительнее, чем меньше заем и чем короче срок, на который он взят; например, пошлины и обыкновенные расходы при ипотечном займе в 300 франков таковы:

Нотариальные пошлины	5 фр.	— сант.
Изготовление контракта в двух экземплярах	3 „	— „
Запись	3 „	— „
Гербовый сбор	1 „	95 „
Пошлина 1 фр. 10 сант. с каждых 100 фр.	3 „	30 „
Запись в ипотечном бюро	3 „	— „
Минимальные проценты (по 5%)	15 „	— „
Издержки при возврате долга	14 „	25 „
Итого	48 фр.	50 сант.

„Таким образом, должник при ипотечном займе вместо номинальных 300 фр. в действительности получает лишь 251 фр. 50 сант.“.

В Германии дело обстоит так же. В годовом отчете Прусского центрального акционерного общества поземельного кредита за 1894 год, опубликованном в апреле 1895 года, мы читаем: „В последние годы мы особенно старались облегчить ссуду мелким и средним владельцам. Если последние пока еще обременены высокопроцентными ипотеками у частных лиц, учреждений и сберегательных касс, то причина этого кроется в том, что учреждения для поземельного кредита не могут по большей части обойтись без оценок даже при выдаче ссуд под небольшие имения и что оценочные издержки, подлежащие покрытию со стороны сделавшего заем, даже при небольшом займе не соответствуют величине ссуды. Чтобы устранить это зло, мы два года тому назад ввели особую таксу. По этой таксе лицо, получающее ссуду, не считаясь с высотой действительно производящихся издержек по оценке, платит 2% на тысячу занятой ссуды, но не менее, однако, 30 и не более 300 марок. При займе от 1.500 м., наименьшей ссуде, допускаемой по нашему уставу, до 15.000 подлежит уплате за оценку и комиссию лишь незначительная сумма в 30 марок“. Эта „социальная реформа“ состоит в том, что при ссуде в 1.500 марок отсчитывается столько же на оценочные расходы, сколько при займе в 15.000 м.! Ссуды м е н ь ш е 1.500 марок вообще не выдаются. Очень мелким землевладельцам вообще не открывается ипотечный кредит. Они, следовательно так счастливы, что свободны от долгов!

В Пруссии, по исследованию Мейцена в 1884 г., крупное землевладение больше обременено ипотеками, чем мелкое. Долги в процентном отношении к ценности владений составляли для имений с подлежащим налогу чистым доходом:

в 500 талеров и больше составляет	53,8%
в 100—500 „ „ „	27,9%
в 30—100 „ „ „	24,1%

Это свидетельствует вовсе не о большой нужде крупного землевладения, а о бо́льшей затруднительности ипотечного кредита для крестьянина. Тем более он нуждается в личном кредите.

С личным кредитом дело обстоит еще хуже, чем с ипотечным. Крупный сельский хозяин продает свои продукты прямо на большом рынке, с которым он находится в постоянной связи, и поэтому он находит кредит в экономических центрах, в которых большими массами скопляется ссужаемый капитал, ищущий приложения, так же легко, как купец или промышленник, если он только исправный хозяин.

Крестьянину при его изолированности с небольшим количеством продуктов для продажи большой рынок не доступен. Свои дела он обделывает с посредником, живущим в ближайшем городке или навещающим его. Городскому крупному ссудному капиталу совершенно неизвестны сделки крестьянина, неимеющего в городе банкира, которому он вносил бы свои вклады, и который открывал бы ему кредит. Является у него нужда в деньгах,—ему приходится обращаться к ближайшему сельскому капиталисту, и здесь у него нет большого выбора, так как в деревне их немного. Чаще всего это сам посредник, сельский хозяин или деревенский кулак,— люди знакомые с его делами и не брезгающие небольшими займами, но стремящиеся и могущие извлечь большие барыши, потому что спрос на капитал далеко превосходит предложение, нужда крестьян часто настоятельная, и экономическое превосходство капиталиста огромно. В то время как для крупного землевладельца, по крайней мере, если он разумный и дельный хозяин, ростовщичество в ходе капиталистического развития принимает форму современного продуктивного кредита, при котором процент приноровлен к существующей норме, крестьянин предоставлен средневековым формам хищнического ростовщичества, которое выжимает, что только может выжать, берет проценты, не считаясь совершенно с процентной нормой и вместо поощрения производства совершенно подрывает существование должника. Капиталистическое развитие гонит как крестьян, так и крупных землевладельцев к задолженности, но благодаря мелкому хозяйству не избавляет первых в такой мере, как вторых, от несовместимых с нуждами крупного производства форм средневекового ростовщичества.

Если взвесить все эти преимущества крупного производства в сельском хозяйстве: меньшие потери на возделываемой площади, экономию на живом и мертвом инвентаре, более полное использование его, возможность применения машин, недоступную мелкому хозяйству, разделение труда, научное руководство хозяйством, коммерческое превосходство, более легкий способ добывания денег, — тогда трудно будет постигнуть следующее решительное утверждение профессора Зеринга: „Не подлежит ни малейшему сомнению, что решительно каждая отрасль земледелия может одинаково рационально вестись в средних и мелких производствах, как и в крупных, и даже в противовес промышленному развитию увеличивающаяся интенсивность земледелия дает мелкому хозяйству весьма значительный перевес над крупным". („Die innere Kolonisation im östlichen Deutschland", 91).

В виду этого „значительного перевеса" можно было бы ожидать, что профессор Зеринг потребует раздробления крупных имений. Но от этой мысли он далек. Непосредственно за вышеприведенным утверждением он заявляет: „Из того факта, что крупные землевладельцы являются руководителями хозяйственного прогресса, следует, что нашему развитию был бы нанесен большой ущерб, если б крупное производство на востоке совсем перевелось. Абсолютное нивелирование нигде пользы не приносит; дифференциация—предпосылка всякого развития; не только государственные, но и хозяйственные заслуги нашей восточной земельной аристократии делают сохранение ее национальной необходимостью".

Итак, в вопросе о рациональном ведении хозяйства мелкое хозяйство имеет во всех областях значительный перевес над крупным, и даже тем больший, чем интенсивнее хозяйство; однако несмотря на это, хозяйственные заслуги ост-эльбского крупного землевладения делают его сохранение национальной необходимостью.

Дальше мы увидим, как надо понимать такое одновременное увлечение и мелким и крупным хозяйством, здесь только констатируется, что даже такой восторженный поклонник мелкого хозяйства, как Зеринг, не решается последовательно провести свою точку зрения и потребовать упразднения крупного производства, из опасения подорвать развитие сельского хозяйства.

У беспристрастных судей однако весьма мало такого восторженного почитания мелкого хозяйства. Кремер, отнюдь не противник крестьянства, метко схватывает (Goltz, Handbuch, I, 196) преимущества крупного производства: „Известно и ясно, что мелкое производство обременено несоответственно высокими расходами на постройки, рабочий скот, мертвый инвентарь, и что некоторые повседневные нужды, как отопление и освещение обходятся дороже, чем в крупном хозяйстве. Природе некоторых хозяйственных работ свойственно то, что они с успехом могут выполняться в крупных размерах только на обширных поверхностях. Сюда относятся разведение скота, технические производства, применение машин, производство мелиораций и т. д. В таких областях крупное производство всегда пользуется преимуществом. Подобные же выгоды оно получает при сбыте продуктов и пользовании кредитом. Но самое важное его преимущество состоит в том, что соответственно его положению и задаче, в основу предприятия может быть положен определенный план, облегчающий наблюдение за хозяйством и планомерное проведение его, и что применением важного и целесообразного принципа концентрации и разделения труда можно, путем управления в различных направлениях, развить хозяйственные силы до высшей степени производительности. Нет сомнения, что современное развитие сельского хозяйства именно крупному производству предоставило наиболее богатые средства науки и техники, которые дают ему возможность, при помощи специально образованного хозяйственного персонала, обеспечить за собой преимущества во всех отношениях“.

Это звучит несколько иначе, чем утверждение г-на проф. Зеринга.

б) Чрезмерный труд и недостаточное потребление в мелком хозяйстве.

Что может противопоставить преимуществам крупного хозяйства мелкое? Большее трудолюбие и старательность рабочего, который, в противоположность батраку, работает на самого себя, и низкий уровень потребностей мелкого сельского хозяина, еще более низкий, чем у батрака.

Дж. Ст. Милль, один из усерднейших поборников мелкой культуры, выставляет, как самую важную ее характерную черту, неутомимое трудолюбие ее рабочих. В своих „Основаниях политической экономии“ он цитирует, между прочим, слова одного английского автора о Пфальцских крестьянах: „Они усердно работают с раннего утра до поздней ночи, потому что они сознают, что работают на самих себя. Они томятся изо дня в день, из года в год, они более терпеливы, неутомимы и стойки, чем вьючные животные. Английское простонародье было бы поражено, если б оно могло видеть с каким трудом немцы добывают себе дрова“. И он говорит далее о „почти сверхчеловеческом трудолюбии“ мелких крестьян, которое производит на всех наблюдателей сильное впечатление. Было-ли впечатление от наблюдения над людьми, „самыми терпеливыми и неутомимыми из всех вьючных животных“, возвышенно — в этом можно сильно усомниться.

Но не только себя самого подгоняет мелкий крестьянин к работе, а также свое семейство. Ведь в сельском производстве домашнее хозяйство тесно связано с производством, и самые беззащитные из всех рабочих дети, постоянно под рукой! Как в домашней промышленности, так и в мелком крестьянском хозяйстве, работа детей в семье еще гибельнее для них, чем наемная работа у чужих. „Наемный женский и детский труд“, говорит один корреспондент из Вестфалии: „очень редко встречается и не влечет за собой никакого вреда, и даже имеет благотворное влияние“. Сами же родители иногда до того изнуряют своих детей, что корреспондент констатирует вредные последствия,

сказывающиеся при рекрутском наборе. Другой успокоительно пишет: „Применение детского труда в возбуждающих опасение размерах встречается больше всего со стороны родителей и со стороны тех, которые нанимают детей за стол и одежду". („Verhältnisse der Landarbeiter in Nordwestdeutschland". Erhebung des Vereins für Sozialpolitik, I, 83, 122).

Действительно, весьма успокоительно!

Надо быть очень ревностным поклонником мелкого землевладения, чтобы видеть преимущество в этой принудительной работе, которую оно налагает на своих рабочих, превращая их в вьючный скот, вся жизнь которого, за исключением времени сна и еды, проходит в труде.

Мания работы ведь не качество, свойственное искони природе крестьянина. Против этого говорят уже многочисленные праздники средних веков, сохранившиеся в некоторых католических странах до сих пор. Рошер приводит в пример одну местность в Нижней Баварии, где насчитывается 204 праздничных дня ежегодно (между прочим, 40 престольных и после престольных, 12 стрелковых), и где работа на кануне праздника прекращалась уже в 4 ч. пополудни! Как скромно в сравнении с этим требование восьмичасового рабочего дня при 300 рабочих днях в году!

Лишь в той мере, в какой работа для удовлетворения собственных потребностей сменяется работой для рынка, развивается чрезмерное напряжение рабочей силы. К этому приводит влияние конкурренции. Но конкурренция посредством увеличения рабочего времени всегда идет рука об руку с технической отсталостью производства, последнее поражает первое—и наоборот. Производство, которое не в состоянии противопоставить конкурренции технические усовершенствования, вынуждено бороться посредством наибольшего напряжения рабочих сил. С другой стороны, производство, в котором напряжение рабочих сил может быть доведено до крайности, меньше вынуждается к введению технических усовершенствований, чем то, в котором рабочие ставят предел своему истощению.

Возможность удлинять рабочее время служит важным препятствием техническому прогрессу.

В этом же направлении действует возможность более полного использования детского труда. Выше мы видели, что невозможно рациональное ведение сельского хозяйства без значительной научной подготовки. Сельско-хозяйственные средние и дополнительные школы, конечно, не в состоянии заменить высшее основательное образование по естественным и экономическим наукам, но все таки они дают возможность обученным в них крестьянам вести хозяйство если не безукоризненно, то все же более рационально, чем то делают невежественные крестьяне. Но потребность в возможно более ранней и полной эксплоатации членов семейства в хозяйстве победоносно сталкивается с потребностью в больших знаниях. Есть области, в Баварии и Австрии, где крестьянам до 14 л. обязательное школьное обучение кажется чрезмерным, и где они крепко держатся за понижение возраста обязательного обучения до 12-ти или максимум 13 л., и энергичнейшим образом это отстаивают.

По мере того, как сельское хозяйство становится наукой и усиливается конкурренция между рациональным и рутинным сельским хозяйством, растет нужда последнего в усиленной эксплоатации детского труда и в ограничении детского обучения.

Таким образом большую напряженность труда мелкого самостоятельного сельского хозяйства и его семейства нельзя считать преимуществом мелкого производства с точки зрения не только этической, но и с чисто экономической.

С низким уровнем потребностей мелких крестьян дело обстоит не лучше, чем с их большим трудолюбием.

Мы уже видели, что крупное производство в сравнении с мелким находится в невыгодном положении в том отношении, что рядом с мускульной рабочей силой оно должно оплачивать умственную, которая пред'являет более высокие требования, чем первая. Но и мускульной рабочей силе оно также должно предоставить лучшие жизненные условия, чем те, до которых опускается мелкий крестьянин. Собственность, заставляющая крестьянина изнуряться больше неимущего батрака, заставляет его также свои жизненные требования свести ниже уровня требований батрака, уменьшить их до минимума.

Но это явление так же мало, как и первое, представляет собой следствие крестьянского хозяйства при всех обстоятельствах. Те же средние века, знавшие столько праздников, видели также привольную, веселую жизнь крестьян, которые не отказывали себе, как в настоящее время, в пище и питье. А где сохранились средневековые условия или, по крайней мере, традиции до настоящего времени, там и теперь еще крестьянин не скряга.

Но он становится таковым там, где его хозяйство подпадает под давление конкурренции.

Французский крестьянин, который дольше других, как свободный частный собственник, подвергался действиям свободной конкурренции служит нам примером этого.

Английский исследователь начала 80-х годов говорит, что более жалкое существование, чем у французских крестьян, трудно себе представить. Их дома напоминали свинные хлевы. Одна французская изба описывается следующим образом: „Окон вовсе не было, только две форточки, открывать которые мешали ворота, и не было ни света, ни воздуха, когда ворота были закрыты. Не видно было ни скамьи, ни стола, ни шкафа; на полу лежали лук, грязные платья, хлеб, мешки и невообразимая куча мусора...

„Почти всегда спят вместе женщины, мужчины, дети и скот. И этот недостаток удобств не всегда является следствием бедности; эти люди вообще потеряли всякое представление о приличии, они больше ни о чем не думали, как о сбережении топлива.

„Их скупость переходит в пошлость, говорит автор в другом месте, они как бы потеряли способность к наслаждению, и там, где они могут сберечь какой-нибудь грош, они отказывают себе во всяком удовольствии и наслаждении жизнью. Не видно было ни книг или газет, ни картин или резьбы на стене, ни куска фарфора, ни одного украшения, ни хорошей мебели, ни стенных часов, гордости английского фермера. Нельзя себе представить жизнь настолько лишенную всякого движения вперед и каких бы то ни было радостей. По поводу каждой грошовой издержки на самые необходимые предметы начинается брань. В результате скряжническое, жалкое, отвратительное существование, которое не знает иного идеала, кроме стремления запрятать побольше грошей в старый чулок“.

В мелких сельских хозяйствах Англии дело обстоит не лучше. Как работают и живут их собственники и арендаторы, показывает нам последний отчет британской парламентской аграрной комиссии (1897 г.). Здесь говорится: „Во всей области (Кумберланд) сыновья и дочери фермеров работают даром. Я не знаю ни одного случая, где бы отец платил своему сыну или дочери жалованье. Они дают сыновьям 1—2 шилинга на табак“. Один мелкий крестьянин из Линкольна говорит: „Я воспитал семью, а затем лишился ее. Мои дети сказали: „отец, мы не хотим здесь оставаться и замучиться до смерти“, и ушли на фабрики, оставив меня с женой на произвол судьбы“. Другой сказал: „Мы с детьми работаем иногда 18 часов в день, в среднем 10—12 часов. Живу здесь 20 лет. Перебиваюсь только с трудом. В прошлом году мы потеряли деньги. Мы едим очень мало свежего мяса“. Третий: „Мы работаем больше батраков, как рабы. Единственное преимущество состоит в том, что мы свободны. Живем мы очень скудно“ и т. д.

Рид заявил комиссии о положении мелких фермеров в земледельческих областях: „Единственный способ себя поддержать для них состоит в том, чтобы работать за двоих и расходовать не больше, чем на одного. Дети их более истощены и хуже воспитаны, чем дети батраков“ („Royal Commission on Agrikulture final report“ (34, 357).

Только из тех местностей, где преобладает плодоводство, огородничество, или имеется возможность получать побочный заработок, отчеты звучат менее мрачно.

Подобное же имеет место во многих местностях Германии. Из Гессена сообщает один исследователь в „Neue Zeit“ (XIII, I, 471): „Мелкий крестьянин влачит самое жалкое существование. Положение сельских батраков гораздо лучше, ибо они живут на хозяйских хлебах. Их доходы не так уж зависят от состояния погоды, не считая разве того, что в плохие годы питание ухудшается“. Как на причину лучшего питания поденщиков указывается на то обстоятельство, что „единственная приманка для получения хороших работников—это лучшее питание“. Главное средство питания—картофель. „Жилища мелких крестьян крайне убоги, дома обыкновенно построены из дерева или глины, невзрачной архитектуры и за последнее время сильно запущены. При этом обстановка жилища крайне скудная—стол, скамья, несколько стульев, кровать с пологом, шкаф—вот по большей части все богатство“.

Пример того, как крестьянское недоедание может привести к экономическому превосходству мелкого хозяйства, показывает нам А. Бухенберг в великом герцогстве Баденском. Он сравнил в общине Бишоффинген более крупное крестьянское владение в 11 гектаров с таким же в 5,5 гект. Первое, вследствие исключительных обстоятельств, вынуждено было пользоваться только наемными рабочими, случай в высшей степени неблагоприятный, так как владение было слишком мало для того, чтобы невыгоды от наемного труда могли возместить выгоды крупного хозяйства. Меньшее владение обрабатывалось исключительно собственником и его семьей (жена и шестеро взрослых детей). В более крупном хозяйстве оказался дефицит в 933 марки, в менее крупном прибыль в 191 м. Главную причину разницы надо искать в том, что в хозяйстве с наемными рабочими было лучшее питание—стоимостью около одной марки в день на человека, в то время, как в хозяйстве, в котором имели счастье работать члены семейства, пища обходилась только в 48 пфен. в день на человека, т. е. вдвое меньше того, что проживали наемные рабочие („Bäuerliche Zustände in Deutschland“. Bèrichte, veröffentlicht vom Verein für Sozialpolitik. III, 276).

Если бы крестьянская семья мелкого хозяйства так же хорошо питалась, как батраки более крупного, тогда вместо излишка в 191 м. оно бы имело дефицит в 1.250 м.! Свой излишек она черпает не из полного амбара, но из пустых желудков.

Эта картина еще дополняется отчетом из Веймарского округа. Здесь сказано: „Если, вопреки всем этим невыгодным условиям, не происходят чаще продажи с аукциона, то это лишь благодаря тому, что нашему мелкому сельскому хозяину за свою самостоятельность приходится претерпевать невероятные лишения. Бывают целые классы, у которых свежее мясо, получаемое в имении батраком, по крайней мере, два раза в неделю, является на стол только в большие праздники, а свежее масло составляет лакомство. Покуда эти люди не прилагают всех своих сил к мелкому хозяйству, а нанимаются еще на поденщину, они себя чувствуют сравнительно недурно, только с приложением всех сил к собственному хозяйству начинается скудная жизнь“ (Там же 92). И здесь опять таки ясно видно, что положение наемного рабочего крупного хозяйства лучше положения самостоятельного мелкого собственника.

Наконец, можно указать еще на некоторые положения, которые мы находим в одном сочинении Губерта Аухагена „О крупном и мелком производстве в сельском хозяйстве“ (Thiels Landwirtschaftliche Jahrbücher, 1896). Аухаген сравнивает два хозяйства, одно в 4,6 гект., другое в 26,5 гект., по их доходности, а не по продуктивности приложенных к ним рабочих сил. Он вычислил для более мелкого хозяйства бо́льшую доходность.

Но как же это получилось? Мелкому хозяйству помогают дети, крупному они стоят денег. „Как только дети мелкого крестьянина подрастают, он от них получает существенную помощь. Помощь детей часто начинается уже вместе с приобретением ими способности бегать“.

В исследованном случае мелкий крестьянин заставляет работать своих детей уже с семилетнего возраста. На расходы по школе он тратит 4 марки в год. Более крупный крестьянин посылает детей в школу. Его 14-летний сын, который учится в гимназии, стоит ему 700 мар. в год, больше, чем тратит на себя вся семья мелкого крестьянина. Какое превосходство мелкого хозяйства!

Наряду с самыми младшими, в мелком хозяйстве значительную помощь оказывают также и самые старшие. „Я часто встречал в хозяйстве работников в возрасте выше 70 л., которые могли еще заменять полную рабочую силу и естественно в высокой степени способствовали успеху хозяйства“. Конечно, больше всего трудятся лица более юные и сильные. „Батрак, особенно в крупном хозяйстве, думает за своей работой: поскорее бы пошабашить! мелкий же крестьянин, по крайней мере в страдную пору, думает: пусть-бы день затянулся на пару часов больше!.. Если определенное время особенно благоприятно для выполнения работы, что имеет место при многих работах, то в мелком хозяйстве можно использовать благоприятное время путем раннего вставания и более продолжительной и интенсивной работы, в то время, как рабочие крупного хозяйства не желают работать дольше и вставать раньше обыкновенного.

Но это чрезмерное изнурение дает надлежащий результат: крестьянин удовлетворяется самым жалким существованием. Аухаген с удивлением нам рассказывает об одном крестьянине из округа Дейч-Кронер: „Он живет в глиняной землянке в 9 метров длины и 7,5 метров глубины. Посреди дверь, ведущая в жилую комнату. Комната эта служит одновременно спальней, в ней спят муж, жена и четверо детей. Отсюда ведет дверь в маленькую кухню, смежную с комнатой прислуги, единственного чужого человека в хозяйстве. Последняя комната—лучшее помещение в доме, так как прислуга справедливо желает иметь такое же помещение, какое она могла бы получить в другом месте. Постройка дома обошлась в 860 марок. Из этой суммы уплатили только плотнику, столяру и печнику; все остальное соорудила семья вместе с родственниками. Жена семнадцать лет замужем, и за все время износила всего одну пару башмаков, летом и зимою ходила она босиком или в деревянных туфлях. Она сама ткала для себя и своего мужа. Из картофеля, молока, реже селедки, состояла их пища. Только по воскресеньям хозяин курил из трубки табак. Эти люди не сознавали, что живут крайне просто (хороша простота! К.), жили и не роптали на свое положение. При всем своем простом образе жизни эти люди почти ежегодно получали маленький излишек от своего хозяйства. Когда я их спросил о стоимости их хозяйства, то они ответили, что согласились бы продать его не ниже 8.000 м.“

Какой возвышенный хвалебный гимн успеху мелкого хозяйства, которое, лишь благодаря жизни при самых простых условиях, т. е. при грязнейшей, унизительнейшей нужде, способно производить излишки! Наемный рабочий чувствует себя и в деревне человеком, а не вьючным животным, у него более высокие потребности, чем у мелкого крестьянина, он является представителем более высокой культуры. А потому долой наемных рабочих, т. е. крупное производство, да здравствует так бесконечно превосходящее его мелкое производство

С нашей точки зрения, нечеловеческое питание мелкого крестьянина, свидетельствует столь же мало о преимуществах мелкого хазяйства как и его сверхчеловеческое трудолюбие. И то и другое свидетельствует скорее об экономической отсталости мелкого хозяйства, и то и другое служит тормазом экономическому прогрессу. Благодаря им, мелкая земельная собственность становится средством, создающим класс варваров, стоящих вне общества, в котором грубость первобытных общественных форм сливается со всеми муками и нуждой цивилизованных стран". (Marx, „Kapital", III, 2, стр. 347, нем. изд. Срав. „Die klassenkämpfe in Frankreich 1848 bis 1850", 50, 51). Что консервативные политики стараются всякими мерами сохранить это варварство, как последний оплот капиталистической цивилизации, конечно, понятно.

Со старательностью крестьян дело обстоит лучше, чем с их трудолюбием и низким уровнем потребностей. Старательность в земледельческом производстве вообще играет более важную роль, чем в индустрии, и она, без сомнения, скорее присуща работающему на самого себя, чем наемному рабочему. Если и не по отношению ко всякому крупному хозяйству, то по отношению к капиталистическому, она составляет преимущество мелкого хозяйства. Но не надо этому пункту придавать слишком много значения. Другие орудия борьбы мелкого производства против крупного,—чрезмерный труд, недостаточное питание и невежество, идущее рука об руку с ним, парализуют его усердие. Чем больше рабочему приходится работать, чем хуже он питается и чем меньше он может потратить денег и времени на свое образование, тем незначительнее его усердие. И что ему дает самое большое усердие, когда у него не хватает времени на уход за скотом и чистку хлева, когда он вынужден так же изнурять свой упряжной скот, каторый часто заменяет одна дойная корова, и так же плохо кормить его, как и себя самого!

О мерцигских мелких крестьянах (правит. округ Трир), директор заарбургской земледельческой школы, И. И. Бартельс говорит: „Эти мелкие собственники питаются почти исключительно картофелем и ржаным хлебом; потребление мяса и сала весьма незначительно. Смело можно утверждать, что питание их неудовлетворительно, от чего особенно страдает волевая энергия. Поколения тупеют, становятся равнодушными, неспособными к правильному пониманию причин и следствий в их собственном деле". („Bäuerliche Zustände", I, 212).

Самое жалкое существование влачит мелкое хозяйство там, где оно не в состоянии хоть несколько прокормить своего владельца, где последний, чтоб просуществовать, вынужден прибегать к побочным заработкам. Так, напр., гагенгеймский профессор Гейц пишет о мелких крестьянах швабских округов Штутгарта, Беблингена и Герренберга: „То, что обусловливает высший урожай в крупных имениях—более глубокая вспашка и старательный уход за полем, повышающееся качество продуктов почвы, лучшее питание и лучший уход за скотом,—все это лишь очень медленно и с трудом прививается к крестьянину, которому не хватает смелости и денег на большее. Также им почти незнакомы многочисленные машины, давно введенные в других местах... К этому присоединяется еще одно обстоятельство, которое глубоко коренится в современных условиях. Мы, по крайней мере, могли бы приписать порицаемый во многих недостаток в действительном трудолюбии и выдержке не свойствам расы, но мелкому землевладению. Признано, что соединение совершенно различных занятий действует парализующим образом. Если мелкий торговец и разносчик теряет расположение и способность к напряженному земледельческому труду, то и крестьянин по большей части является плохим ремесленником, как и ремесленник плохим крестьянином. („Bäuerliche Zustände", III, 227).

Какое значение это имеет для германского сельского хозяйства, показывают следующие цифры.

По переписи 1895 г. 502.000, т. е. 20%, самостоятельных сельских хозяев имели побочные занятия, 717.000 сельских хозяйств принадлежали сельскохозяйственным, 791.000 промышленным наемным рабочим, 704.000 самостоятельным промышленникам, большей частью, ремесленникам.

Из 5.600.000 сельских хозяев, только 2 милл., т. е. 37%, самостоятельных сельских хозяев без побочного занятия; из 3.236.000 владельцев сельских хозяйств, занимающих меньше двух гектаров, самостоятельных хозяев без побочного занятия было едва только 417.000, т. е. 13%, а 147.000 этих мелких хозяйств принадлежали самостоятельным сельским хозяевам с побочным занятием, 690.000 земледельческим рабочим, 743.000 промышленным и 534.000 ремесленникам.

Таким образом, количество жалких карликовых хозяйств огромно.

Если большинство мелких сельских хозяйств находится в положении отнюдь неспособствующем развитию особенного усердия, то, с другой стороны, крупное хозяйство вполне в состоянии получить усердный труд и от наемных рабочих. Хорошая заработная плата, достаточное питание, хорошее обращени, уже имеют большое значение. „Недовольный, недостаточно питающийся и плохо оплачиваемый рабочий может естественной или умышленной небрежностью нанести хозяйству гораздо больший ущерб, чем выгадывается в заработной плате, тогда как хозяйства, в которых рабочим достаточно платят, как показывает опыт, процветают и дают доход". (Kirchner, im Goltz'schen Handbuch, I, 435). Хорошо питающиеся и хорошо оплачиваемые, притом интеллигентные рабочие—необходимое условие рационального крупного хозяйства. Без сомнения, это предварительное условие в настоящее время, по большей части, еще отсутствует, и глупо было-бы ожидать улучшения положения рабочих от „просвещенного деспотизма" крупных хозяев; как в индустрии, так и в земледелии оно должно быть навязано предпринимателям организованным рабочим классом, или прямо или косвенно—посредством государственного вмешательства. Задача рабочего движения создать важное предварительное условие рационального сельского хозяйства путем морального и физического под'ема сельского пролетариата и борьбы с сельским варварством, и тем устранить одну из последних опор мелкого хозяйства.

Но помимо хорошей платы, крупное производство имеет и другие средства добиться от рабочих более усердного труда. Тюнен вводил, напр., систему участия в прибыли, вследствие чего все постоянные рабочие имения участвовали в прибыли свыше известного минимума. Но повсюду распространена система разделения труда для достижения большого усердия и добросовестности рабочих. Крупное хозяйство, в котором работает большое число рабочих, как выше уже было замечено, имеет возможность выбирать себе особенно ловких, добросовестных, интеллегентных рабочих для таких работ, в которых качество играет важную роль, в качестве простых или квалифицированных рабочих, либо для надзора за другими.

Следует, наконец, заметить, что как раз в самых важных отраслях сельского хозяйства и прежде всего в земледелии, машина не только работает быстрее, но лучше, чем ремесленник простыми орудиями; именно она дает такие результаты, в которых последний не может достигнуть при самом большом усердии. Мы видели, что машина лучше пашет, сеет, жнет (кроме полегшего хлеба), молотит, веет, сортирует, чем крестьянин с простыми орудиями или снарядами. Вопреки профессору Зерингу, мы не встретили еще ни одного специалиста, который придерживался бы того мнения, что мелкое хозяйство в земледелии может также рационально вестись, как и крупное. Но есть гораздо более простые отрасли производства, в которых специалисты считают мелкое хозяйство еще способным выдерживать конкурренцию.

Для хозяйств одной системы, говорит проф. Кремер, следует предпочесть крупное производство, для другой мелкое. Последнее имеет место там, где

имеет дело с „сложными и ценными культурами, требующими от отдельных рабочих особенного внимания... Именно в этих целях возникает самый подходящий случай для целесообразного использования свободных часов, а также применения более слабых сил (малых ребят?! К. К.) семьи предпринимателя и дешевого выполнения работы в мелком хозяйстве, как это доказывает в особенности успех садоводства, виноградарства и возделывания некоторых технических растений". (Golz, Handbuch, I, S. 197).

Какое значение имеют эти, пока еще благоприятные для мелкого хозяйства роды культур в сравнении с земледелием и скотоводством, показывают след. цифры: в 1889 г. в Германии под техническими растениями было 161.408 гект.; под виноградом 120.935 гект. Напротив, под кормовыми травами и лугами 8.533.790 гект., под хлебом 13.898.058 гект., под картофелем около 3 милл. гект.

Впрочем бывают также и в области садоводства и виноделия успешно ведущиеся крупные хозяйства.

При том площади для возделывания многих технических растений пошли на убыль. Площадь табаководства, равнявшаяся в 1881 г. 27.248 гект., в 1893 г. уменьшилась до 15.198 гект. С тех пор она опять несколько увеличилась (1896 г. 22.076 гект.), но еще очень далека от размеров, каких она была в 1881 г. Возделывание льна и конопли также сократилось. Под льном и коноплей было в 1878 г. 155.100 гект., в 1883 г.—123.600, в 1893 г.—68.900 гект.

Немногим лучше обстоит дело и с хмелем, площадь возделывания которого увеличилась от 40.800 гект. до 45.400, но затем опять сократилась до 42.100 гект. (1893 г.).

Предпочтение культуры технических растений может для крестьян стать иногда прямо роковым. „Что касается Чехии,—пишет д-р Дрилль,—известно, что в областях хмелеводства, крестьяне занимаются почти исключительно культурой хмеля, и вся их судьба зависит от одного этого растения. Но это прямо азартная игра, ибо хмель подвержен очень сильным колебаниям цен. Случалось, что в Чехии после одного или двух недородов хмеля целые деревни доводились до нищенства". (Die Agrarfrage in Oesterreich, S. 24).

По „Учению о производстве" Краффта (стр. 82), колебание цен на хмель доходит до 1.000% и более.

Если говорить о сельском хозяйстве вообще, то мало приходится принимать во внимание те роды культур, в которых мелкое производство выше крупного, и поэтому можно смело сказать, что крупное хозяйство решительно выше мелкого.

То же самое признают „практики". Обыкновенно они предпочитают управление большим обремененным долгами имением управлению маленьким, свободным от долгов, той же ценности. Большая часть ипотечных долгов происходит от предпочтения „практиками" крупного производства.

Кто желает затратить 50.000 марок на приобретение имения, тот предпочитает купить имение на 100.000 м. с ипотекой в 50.000, вместо имения в 50.000 м. на наличные. Но признание практиками преимущества крупного производства обнаруживается еще иначе: в основании ими товариществ. Товарищеское производство—крупное производство.

в) Товарищества.

Мы не думаем отрицать значения товариществ. Вопрос лишь в том, доступны ли крестьянам преимущества кооперативного крупного хозяйства во всех тех областях, в которых крупное производство превосходит мелкое? И как далеко простирается это превосходство?

Прежде всего мы обратим внимание, что до сих пор деятельность сельско-хозяйственных товариществ ограничивалась почти исключительно областью кредита и торговли. Промышленных предприятий отдельных товариществ, в роде молочных ферм, сахарных заводов и т. п., мы здесь не имеем в виду. Об их значении для мелкого хозяйства речь будет ниже, при рассмотрении сельско-хозяйственной индустрии. Здесь дело идет о сельском хозяйстве в собственном смысле слова. Тут могут быть указаны лишь товарищества для мелиораций, как союзы, имеющие прямое отношение к производству. Все прочие сельско-хозяйственные товарищества служат, как уже сказано, главным образом, целям кредита и посреднической торговли.

Но в этих областях товарищество приносит выгоду не только мелкому хозяйству, но и крупному.

Нигде так слабо не развиты благоприятные условия для товарищеских организаций, как среди крестьян, ибо условия жизни и труда изолируют крестьянина, ограничивают его кругозор, лишают досуга, который необходим для товарищеского самоуправления. Хуже всего обстоит с этим дело в полицейских государствах, в которых господство бюрократической опеки и угнетения в течение веков совершенно убили привычки к демократическим товарищеским организациям. Политический гнет рядом с невежеством является злым бичем для крестьянского благосостояния. Труднее всего побудить крестьян к организации товариществ там, где не пошатнулись еще традиции патриархального режима и еще крепко стоят устои „престола и алтаря“.

Значительно благоприятнее условия для устройства товариществ у крупных землевладельцев, которые меньше числом, и которые в достаточной мере располагают досугом, обширными связями, коммерческим опытом, собственным или наемным.

Итак мы видим, что и здесь, как и при всяком другом прогрессивном явлении в области сельского хозяйства, крупное хозяйство впереди. Товарищество стало необходимым для крестьянина, но в большинстве случаев не как средство сравняться с хозяйством крупного землевладельца путем соединения многих малых сил для совместного труда, а для того, чтобы не отдать в полное распоряжение крупного производства всех преимуществ товарищества, а урвать частичку их и для себя.

В области ипотечного кредита крупное хозяйство первое извлекло выгоды от применения товариществ. Прусские „Landschaften“ встречаются уже в XVIII столетии. Это были вначале исключительно принудительные товарищества дворянских поместий отдельных провинций для доставления ипотечного кредита. В шестидесятых и семидесятых годах нашего столетия они, одно за другим, начинают обслуживать также и не дворянские имения. Но подобно ипотечным учреждениям, которые дают ссуды ради барышей, у них отнюдь не было охоты иметь дела с небольшими поместьями, во избежание слишком больших хлопот и расходов.

Участкам, чистый доход которых, обложенный поземельным налогом, меньше определенной величины (150 марок в провинции Саксонии, в Шлезвиг-Голштинии, Вестфалии, Бранденбурге, 240 марок в Померании), или оценка которых ниже известной суммы (6.000 марок в Познани), ссуды не выдаются.

Здесь организация на товарищеских началах является средством предоставить более крупному землевладению выгоды, недоступные мелкому.

„За очень незначительным исключением“, говорит Ф. Гехт в введении к своей уже цитированной книге о государственных и провинциальных учреждениях поземельного кредита в Германии: „можно сказать: организация поземельного кредита на товарищеских началах принесла выгоды преимущественно крупному землевладению“

Для мелкого крестьянина кредитное товарищество имеет преимущественно значение для личного кредита. Кредитное товарищество может получать

кредит у городского крупного денежного капитала на современных капиталистических условиях, что недоступно отдельному крестьянину. Если займы отдельных крестьян слишком незначительны, чтобы заинтересовать крупный капитал, то займы целого товарищества играют совершенно другую роль. И если ссуда совершенно ему неизвестному крестьянину слишком рискованное дело для городского банка, то круговая порука членов товарищества сводит этот риск к минимуму. Таким образом, благодаря кредитным товариществам, для крестьянина открывается возможность получать деньги за умеренные проценты, которые он, не разоряясь, может платить, благодаря улучшению хозяйства с помощью ссуды. Нет сомнения, что кредитные товарищества имеют для крестьян огромное значение, как средство экономического прогресса, правда, не в направлении к социализму, как часто думают, а в направлении к капитализму, но и как таковые они представляют большую экономическую ценность.

Само собой понятно, лишь там, где они прививаются и процветают. А это происходит не так часто. Их основание и ведение для простых крестьян не такое легкое дело, и еще вопрос, возможно ли их распространение среди широких масс крестьянства, без слишком дорогой платы за опыт. И до сих пор еще ведется живой спор, какая организация лучше всего соответствует особенностям сельского хозяйства, и сторонники одного направления бросают своим противникам упреки в неспособности дать что-либо сельским хозяйствам.

Рейффейзенские кассы состоят под покровительством духовенства, в кассах Шульце-Делича преобладают ремесленники. Но и наилучшим образом организованные ссудо-сберегательные кассы смогут принести пользу только одной части крестьянства. Не каждый сельский хозяин может получить ссуду, когда он в ней нуждается. Приходится соблюдать крайнюю осторожность, чтобы товарищество не понесло больших потерь. Некредитоспособные, то-есть, как раз наиболее нуждающиеся, попадают, как и раньше, в лапы деревенского ростовщика. Тем не менее кредитные товарищества (о товариществах сельскохозяйственной индустрии здесь речь не идет) представляют для крестьян наибольшую важность. И они быстро наростают. По Зерингу (Das Genossenschaftswesen und die Entwicklung der preussischen Zentralgenossenschaftskasse, Verhandlungen des preussischen Landes-Oekonomie-Kollegiums, Februar 1897) в Германии в 1871 г. едва насчитывалось 100 сельских ссудных касс, в 1891—2.134, 1896—6.391. В Пруссии по статистике центральной кассы насчитывалось при ее основании 1 октября 1895 г. около 5000 товарищеских касс, 30-го октября 1897 г. уже 7.636. Среди них, конечно, также известные „Pumpgenossenschaften“. Крупный землевладелец не нуждается в подобных учреждениях. При кредитоспособности он находит кредит более простым путем.

Для мелких хозяйств, подобно товариществам ипотечного кредита, не подходят и товарищества мелиорационные; то же относится к товариществам для купли-продажи.

Торговля, вытеснение конкурента с рынка, привлечение покупателя и использование кон'юнктуры—формы деятельности, совершенно не соответствующие товариществам. Отдельный предприниматель, независимый, ни с кем не считающийся, живейшим образом заинтересованный, действует тут с бо́льшим успехом, чем приказчик товарищества.

Это имеет тем бо́льшее значение по отношению к продаже отдельных товаров, чем неравномернее спрос и предложение, как и качество продуктов. Этой неравномерности, главным образом, следует приписать то, что продажу скота так трудно вести на товарищеских началах. В Германии почти все попытки в этом направлении кончились неудачей. Разнородность продуктов дает себя сильнее чувствовать в товариществе для продажи, когда оно состоит из большого числа мелких крестьян, производящих различным способом при различных условиях, чем в товариществе из нескольких крупных хозяйств, веду-

щихся каждое рационально. Вот, например, сообщение Мендель-Штейнфельса: „Сбыт масла на товарищеских началах сохранился везде там, где продавались большие количества масла одинакового качества, то-есть, товары сыроваренных товариществ или крупных землевладельцев. Но где товарищество должно было продавать масло многих мелких производителей, там оно всегда терпело крушение". (Handwörterbuch der Staatswissenschaften, IV, S. 950).

Значение сыроваренных товариществ для мелкого крестьянина мы осветим, как уже сказано, ниже. Здесь мы хотим лишь установить, что процветают обыкновенно только те товарищества для продажи, которые состоят из крупных, а не из мелких хозяйств. Это верно не только по отношению к продаже масла, но и скота, хлеба и спирта. Товарищества для продажи спирта, которые за последнее время так разрослись в Северной Германии, оказываются при ближайшем рассмотрении ничем иным, как картелями винокуренных заводов для поддержания высоких цен на спирт.

Товарищество для продажи лишь тогда могло бы стать более полезным мелкому хозяйству, если б каждый член вел производство по одному плану и одинаковыми средствами. Надежды на это мало, и кажется, что немецкие крестьяне не расположены больше оплачивать опыты в этом направлении. Быстрого развития крестьянских товариществ в этом направлении в ближайшем будущем ожидать нельзя.

Здесь еще только нащупывается почва и делаются первоначальные опыты.

Лучше, наоборот, обстоит дело с товариществами для совместной закупки искусственного удобрения, корма, семян, скота, машин и т. п. Число их быстро возрастает. Сельско-хозяйственных союзов для приобретения сырья насчитывали: в 1875 г.—56, в 1880 г.—68, в 1888 г.—843, в 1894 г.—1.071, в 1896 г.—1.085.

На ряду с этим в 1894 г. насчитывалось 214 сельско-хозяйственных товариществ для приобретения сельско-хозяйственных орудий и машин.

В области закупки сырья и машин сельско-хозяйственные товарищества могут развить очень плодотворную деятельность. Здесь отношения просты. Рынок известен, члены товарищества сами делают заказы; а продают товариществам не разрозненные мелкие производства, но крупные промышленные предприятия или крупные сельские хозяйства (напр., занимающиеся скотоводством). Нельзя отрицать пользы этих товариществ для сельского хозяина. Они сберегают расходы на посредничество; правда, то, что выгадывает при этом сельский хозяин, теряет посредник; достойно внимания, что против крупных торговых домов и потребительских товариществ, удешевляющих рабочим средства потребления, никто так не ополчается, как аграрии, те самые люди, которые стараются уничтожить посредничество там, где оно вызывает вздорожание товаров для чиновников, офицеров и землевладельцев.

Кроме сбережения издержек на посредничество, сельские товарищества для купли приносят еще ту выгоду, что охраняют сельского хозяина от фальсификаций. Но здесь снова является вопрос, не выгадывает ли и тут крупное хозяйство больше мелкого.

Если, например, очень выгодно крупным землевладельцам, что главное берлинское товарищество доставляет уголь для их паровых машин, то для мелкого хозяйства доставка угля не может иметь особого значения. Также кооперации, доставляющие машины для продажи или отдачи в наем своим членам, предоставляют, понятно, своему члену тем больше выгод, чем больше машин ему нужно, чем больше его хозяйство. Ясно, что не мелкие, а крупные крестьяне и крупные землевладельцы извлекают наибольшую пользу от товариществ для приобретения паровых плугов.

В крупных хозяйствах провинции Саксонии почти повсеместно пашут паровым плугом. Но лишь не многие из них имеют собственный, большая часть плугов принадлежит товариществам.

На эрфуртском национал-социальном с'езде (сентябрь 1897 г.) в своем реферате о товариществах, пастор Гере выразил опасение, что крупное производство захватит в свою власть сельско-хозяйственные товарищества и заставит их служить своим целям. На с'езде сельско-хозяйственных товариществ в Штеттине в 1896 г. бюро всецело было в руках крупных землевладельцев. Из 41 оратора только 4 мелких землевладельца брали слово для кратких замечаний.

С'езд товариществ в 1897 г. в Дрездене также находился всецело под влиянием юнкеров. В унисон с этим звучит хвалебная песня, которую в вышеприведенном докладе пропел Зеринг коллегии сельско-хозяйственной экономии в честь товариществ, как основателей „новой общности интересов и труда".

„Тут мы находим общую деятельность и взаимную ответственность крестьян и крупных землевладельцев, духовенства и учителей, работодателей и рабочих".

Этого достаточно, чтобы показать, что хотя товарищества имеют огромное значение для современного сельского хозяйства, но что они ни в коем случае не представляют средства, способного уничтожить преимущества крупного хозяйства над мелким, даже в тех отраслях, в которых они применяются с успехом. Наоборот, они часто являются средством усиления превосходства крупного хозяйства Больше всего выгод они приносят средним хозяйствам, меньше всего мелким.

Но самые важные отрасли сельско-хозяйственной деятельности совсем недоступны товариществам отдельных самостоятельных хозяйств.

Мы видели, что паровой плуг (и еще другие машины, напр., рядовые сеялки) неприменим к мелким сельским хозяйствам. Также другие машины непригодны для товарищеского пользования самостоятельных сельских хозяев. Это те машины, применение которых связано с определенным коротким сроком. Какая польза в товарищеской косилке, если время сенокоса приспело для всех? Товарищеское пользование даже молотилкой может вызывать споры и причинить ущерб. Крупный сельский хозяин, владеющий собственной паровой молотилкой, имеет то преимущество, что тут же на поле он может молотить только что сжатый хлеб; он сберегает расходы по транспорту и хранению немолоченного зерна, и хлеб у него готов для продажи непосредственно после жатвы, так что он может использовать всякую кон'юнктуру. Эти выгоды пропадают для члена товарищества, который должен свезти свое зерно несмолоченным и ждать, пока дойдет до него очередь.

Этот род товариществ не может ни в коем случае дать мелким сельским хозяевам преимуществ, даваемых большими возделываемыми площадями, разделением труда, управлением научно-образованных людей,—как раз самых важных преимуществ крупного хозяйства. И потому ждать, что товарищество даст возможность мелкому производству ввести у себя такое же рациональное хозяйство, как в крупном производстве, значит питать пустые надежды. Если мелкие сельские хозяева действительно хотят достичь с помощью товарищества преимуществ крупного хозяйства, то они должны идти не окольным путем, а стремиться прямо к цели; они должны не ограничиваться лишь областью торговли и ростовщичества, а обратить свое внимание на самую важную для сельского хозяина область собственно сельско-хозяйственного производства. Несомненно, что крупное товарищеское хозяйство может воспользоваться всеми выгодами крупного производства, которых частью вовсе не дают, частью дают лишь в незначительной степени товарищества для приобретения сырья, машин, кредита и продажи.

В то же время товарищескому хозяйству приносит пользу превосходство работы для собственной пользы над наемной работой. Подобное товарищество не только сравнялось бы с капиталистическим хозяйством, но превзошло бы

его. Но замечательно: как раз этот вид товариществ не пользуется вниманием сельских хозяев. Как едва заметный переход к ним можно было бы, пожалуй, рассматривать товарищества для разведения скота, напр., товарищества для разведения жеребят. Крестьянин чаще всего не имеет соответственного помещения для своих жеребят, слишком рано их запрягает и тем губит. Кроме того, он не может предоставить им надлежащего ухода, соответственных конюшен и часто дает неподходящий корм. Это зло устраняют товарищества для разведения жеребят, в роде основанного в 1895 г. в Илиенворте, куда члены помещают своих жеребят, которым там предоставлены гигиенические конюшни, обширный манеж и умелый уход. Но и этого рода товарищества, хотя они и касаются сельско-хозяйственного производства, относятся лишь к побочным отраслям сельского хозяйства и являются только паллиативами, устраняющими отдельные последствия изолированности и ограниченности крестьянского хозяйства, но не лишающими его самих этих свойств.

Где же кроется причина того, что крестьяне даже не проявляют намерений применять принцип товарищества к главным отраслям своего хозяйства? Почему они ограничиваются неудовлетворительными паллиативами?

Пытались об'яснить это тем, что сельско-хозяйственный труд не социален по натуре и не поощряет поэтому ведения общественного хозяйства. Но единственным тому доказательством служит явление, именно и требующее в данном случае об'яснения.

Не видно, почему современное сельское хозяйство, годное для капиталистического производства, не было бы также пригодным для производства кооперативного. Уж не потому ли, что последнее не было еще испробовано? Это было бы плохим об'яснением, потому что попытки и при том удачные уже были сделаны.

В первые десятилетия нашего столетия, когда за средство положить конец капиталистической эксплоатации великие мыслители признали не мелкое, а социалистическое крупное производство, но когда еще не научились понимать, что для своего зарождения и развития в больших размерах социалистическое крупное производство требует ряда определенных экономических, политических и интеллектуальных предпосылок, тогда немало мечтателей и самый великий и первый среди них, Роберт Оуэн, пытались путем основания социалистических колоний и товариществ заложить начала социалистического общества. Не все попытки удались, и те, что удались, не были вовсе зародышами социалистического общества. Но одно было доказано неопровержимо: возможность общественного производства, возможность замещения индивидуального капиталиста общественными учреждениями.

Большинство этих попыток были естественно сделаны в области промышленности. Но была одна и в сельскохозяйственной области. Это было товарищество в Ралагайне, которое превосходно удалось и погибло лишь благодаря несчастному случаю. Этот эксперимент кооперации настолько интересен и так мало известен, что приводим рассказ о нем целиком из нашего источника. Мы заимствуем эти сведения из книги Чарльза Брэя: „Philosophy of Necessity“, II, стр. 581. Брентано привел их в своих примечаниях к книге госпожи Вебб „Кооперативное движение в Англии“, стр. 229.

„В Ирландии“, сообщает нам Брэй: „был произведен удачный эксперимент господином Вандалером в его поместии Ралагайне в графстве Клэр. Его фермеры принадлежали к низшему слою ирландцев; они были бедны, недовольны, порочны и озлоблены. Вандалер очень хотел улучшить их характер и положение: в его личных интересах было иметь постоянных и полезных рабочих; в 1830 г. он решил поэтому произвести опыт согласно принципам Оуэна с некоторыми поправками, сообразно обстоятельствам. Около 40 сельских рабочих согласились на его план, и он образовал из них общество под

своим личным руководством и наблюдением. Этому обществу он отдал в аренду свое поместие Ралагайн, которое занимало 618 английских акров (1 акр=40, 49 арам), из них около 267 акров было под пастбищем, 285 под пахотной землей, $63^1/_2$ под болотом и $2^1/_2$ акра под садом. Почва была в среднем хорошая, лишь кое-где каменистая. Сюда же принадлежало шесть хижин и один старый замок, отведенный под жилища для женатых, также другие хозяйственные постройки, хлева, амбары и т. д., которые должны были быть отчасти снесены для устройства столовой, залы для заседаний, школы и спальни для детей и холостых. Все это он сдал в аренду за 700 фунт. стерл. ежегодно, включая лесопильню, водяную молотилку и здания под фабрику и ткацкую мастерскую, но без машин. За живой и мертвый инвентарь и за снабжение пищей и одеждой до ближайшей жатвы, товарищи должны были платить еще 200 ф. ст. Они должны были жить в общих приспособленных к тому зданиях и совместно работать общим капиталом в общих интересах. Остаток должен был стать собственностью всех членов старше 17-ти лет, и делиться поровну между мужчинами и женщинами, женатыми и холостыми. Орудия, утварь и машины должны были содержаться в исправности, а изношенные обновляться; количество и ценность скота не должны были падать. Аренда должна была уплачиваться продуктами имения; в первый год она считалась по рыночным ценам в Лимерике, в последующие года должны были быть доставлены натурой те же количества ржи, говядины, свинины, масла и т. д., как и в первый год; какие бы улучшения общество ни вводило, рента не могла быть повышена; им также был обещан долгосрочный арендный контракт с той же рентой, как только они соберут достаточный для покупки инвентаря капитал.

„До тех пор собственником имения оставался Вандалер. Арендная плата была выше, чем он раньше получал. В 1831 г. арендная плата была внесена в размере 900 ф. ст. В 1832 г. доход равнялся почти 1.700 ф. ст.; на закупку пищи, одежды, семян и т. д. общество издержало в этом году 556 ф. ст. Экстренные ссуды на постройку домиков, обзаведенье мебелью и тому подобное поглотили излишек; но благосостояние росло, основание успеху и счастью было заложено.

„Члены общества должны были так же долго работать и получать из общей кассы такую же плату, как, если бы они были простыми наемными рабочими, пока не скопят собственного капитала. С этой целью секретарь ежедневно заносил в книгу, сколько каждый работал, и в конце недели каждый получал за свою работу столько, сколько раньше платил Вандалер. Надежда на участие в прибыли оказалась сильным поощрением к работе, и люди производили в день вдвое больше, чем окрестные батраки. Плата из общей кассы выдавалась в форме рабочих квитанций, которые принимались только в их собственной потребительской лавке. Это давало землевладельцу возможность обходиться без наличности и противодействовало пьянству, так как спиртные напитки не допускались в потребительской лавке, а в кабаках рабочие квитанции не принимались.

„Потребительская лавка держала товары лишь высшего качества, которые продавала по оптовым ценам. По ирландскому обычаю, картофель и молоко составляют главную пищу, и сумма, выдававшаяся из общей кассы, была сравнительно незначительна; но преимущества, которые члены общества извлекали из своего союза, высоко подняли их положение над уровнем жизни их класса. Мужчины получали еженедельно 4 шиллинга. Расходы их составляли: овощи, именно, картофель, 1 шиллинг, молоко (10 кварт) 10 пенсов, стирка и т. д. 2 пенса, больничная касса 2 пенса, одежда 1 шиллинг 10 пенсов. Женщины получали еженедельно по 2 шиллинга 6 пенсов; они расходовали на овощи 6 пенсов, молоко 8 пенсов, стирку и т. д. 2 пенса, больнич-

ную кассу 1¼ пенса, одежду 1 шил. ¾ пенса. Женатые члены, жившие отдельно, платили обществу еженедельно 6 пенсов квартирных и около 2 пенсов за отопление. Все дети, начиная с 14-месячного возраста содержались на счет общей кассы, не обременяя родителей. До 8-ми или 9-ти лет они помещались в детской школе, потом в общем помещении вместе с холостыми. Взрослые ничего не платили из своего заработка за квартиру, отопление, лекции, школы, удовольствия. Они покупали товар на 50 процент. дешевле и получали в своей потребительской лавке лучшие товары, чем где бы то ни было. Каждый член мог всегда расчитывать на работу и постоянную заработную плату, и цены на средства продовольствия в потребительской лавке оставались неизменными. Больные и инвалиды получали из больничной кассы полную заработную плату. По смерти отца семья обеспечивалась.

„Число членов мало-по-малу удвоилось. Жилища и обстановка были опрятные и уютные, пища хорошая и простая, и по мере возможности вводились в каждую отрасль производства машины. Молодежь обоего пола моложе 17-ти лет несла поочередно обязанности прислуги. Рабочий день продолжался летом с 6-ти часов утра до 6-ти вечера, с часовым перерывом на обед. Каждый вечер собирался комитет по управлению, чтоб назначить работы на следующий день, при чем по возможности принимались в соображение индивидуальные склонности и способности. От молодых людей требовалось изучение наряду с полевыми работами какого-нибудь полезного ремесла, и всякий, какова бы ни была его постоянная функция в обществе, обязан был помогать в полевых работах, в особенности в страдную пору. Содержатель лавки распределял пищевые продукты, одежду и т. д., садовник—фрукты. Вандалер продавал избыток продуктов и делал закупки для хозяйства и потребительской лавки. Все споры разрешались третейским судом, и за 3 года совместной жизни ни разу не пришлось прибегнуть к адвокату или мировому судье. Крег, ревностный и способный помощник Вандалера, рассказывает, какое удивление выражали посетители Ралагайна перед системой, которая смогла приручить диких ирландцев и на место бедности, неряшества, нужды привить опрятность, здоровье и благосостояние“.

„Больно рассказывать, как это общество как раз в то время, когда оно делало быстрые успехи, вдруг было разгромлено, и как печальна была причина этого. Вандалер принадлежал к аристократии, и при всех своих достоинствах обладал одним ее пороком. Азартная игра разорила его, его семью, его дело. Он бежал из своего отечества, его кредиторы произвели опись всего его владения и, не исследуя прав на него рабочих Ралагайна, старались покрыть собственные иски. Общество не было зарегистровано, Вандалер не заключил с ним арендного договора, и поэтому закон не предоставил обществу никакой защиты“.

Коммунистические общины Северной Америки не менее убедительно, чем Ралагайн, доказывают, каких превосходных результатов можно достигнуть кооперативным производством в сельском хозяйстве. Нордгоф в своей книге об этих общинах указывает неоднократно, что их хозяйства превосходят соседние с ними по интенсивности и рациональному пользованию наличными силами. Успеху их не мало способствует превосходная агрикультура. „Они отличные сельские хозяева“, говорит он об Аманской общине, „у них имеется хороший скот, за которым они ухаживают с немецкой аккуратностью; зимой они содержат скот в стойлах“ (стр. 40). Шекеры „имеют обыкновенно прекрасные амбары и все приспособления к работе устроены самым лучшим и удобным образом... Для сельского хозяйства они не жалеют никаких трудов; долго, из года в год они работают над возделыванием почвы, очищением ее от камней, чтобы получить хорошую пашню. Они любят культуры, требующие тщательного ухода, как, напр., разведение садовых семян. У них прекрасный скот, их хозяйствен-

ные постройки в общем превосходно приспособлены к сбережению работы" (стр. 149).

„Фермы (американских перфекционистов) содержатся превосходно" (стр. 278). „Я не должен обойти молчанием факт, что (в общине Аврора) сады, виноградники и цветники обработаны превосходно и рационально... я не сомневаюсь, что хозяйство Авроры с ее фруктовыми садами и прочими ценными культурами обошлась вдвое дешевле, чем всякое частное предприятие" (стр. 319,323).

Колония Бишон-Гилль „владела в 1859 г. 10.000 акров земли, отлично огороженной и находившейся в превосходном состоянии. У членов ее был лучший в государстве скот" (стр. 346). И это не были исключения. В своем резюме Нордгоф об'являет о превосходном состоянии сельского хозяйства, как одном из свойств, присущих коммунистическим колониям (стр. 415). (The communistic societies of the United States).

Это было бы достаточно для доказательства, что сельско-хозяйственный труд не стоит ни в каком противоречии с кооперативной формой хозяйства. И если, несмотря на это, крестьяне не делают серьезных попыток применить ее к сфере своей деятельности, то причину отыскать не трудно.

Никто не станет утверждать, что промышленный труд может вестись наилучшим образом не на товарищеских началах. Тем не менее мы видим, что подобно крестьянам, и ремесленники не переходят от изолированного производства к кооперативному. Лишь в области товарного обращения и кредита они пытаются при помощи товарищеских организаций воспользоваться выгодами крупного производства. Здесь, как и там, товарищеское крупное производство должно служить лишь средством поддержать существование нерационального мелкого производства, а не заменить его крупным.

И это вполне понятно. Ремесленники не могут перейти к кооперативному производству, не отказавшись от частной собственности на орудия производства. Чем большей собственностью они владеют и чем более они были бы в состоянии своим союзом создать богатое капиталом крупное производство, способное выдерживать конкуренцию, тем менее у них является охоты внести свою частную собственность в общую кассу. В современном обществе, где всякое подобное предприятие есть скачек в неизвестность, это—эксперимент, в котором каждый член не может полагаться лишь на собственные силы, как смелый купец при своих спекуляциях; успех его находится в полной зависимости от способностей, чувства солидарности и дисциплины всех, от качеств, из которых два последние наименее всего развиты у изолированно работающего ремесленника.

Еще более, чем к ремесленнику, все это применимо к крестьянину. Мнение, что крестьянин фанатик собственности, считают оскорбительным, но оно выражает лишь общественный факт. Он еще сильнее привязан к своей земле, чем ремесленник к своей изолированной мастерской. С ростом, вместе с населением, спроса на землю, растет его привязанность к своему клочку. В Америке он с легким сердцем оставляет или, по крайней мере, недавно оставлял свое малодоходное владение, чтобы отправиться на запад, где еще много свободной земли. В Германии и Франции он готов на всякие лишения, чтобы сохранить свой участок, не постоит ни за какой ценой, чтобы его увеличить. И надо себе представить, какие трудности возникают при такой необходимой и благотворной операции, как соединение в одну сплошную площадь участков, лежащих чересполосно с владениями других.

Здесь идет речь лишь об обмене участков, который был бы полезен всякому участнику. Эта операция может быть навязана противящемуся меньшинству общины. Уже в прошлом столетии в этом направлении проявлялся

„просвещенный“ абсолютизм, подчас без всяких стеснений. Но и поныне еще в Германии далеки от всеобщего устранения чересполосицы. Можно себе вообразить, как безнадежна была бы попытка основать крестьянкое производительное товарищество, члены которого должны были бы не обменяться, а отдать свои участки товариществу, как трудна была бы эта операция, которой невозможно было бы навязать противящимся элементам.

Свойственное крестьянину недоверие он переносит на товарищество, ибо теперешние условия жизни и труда изолируют его еще более, чем ремесленника, еще менее развивают в нем товарищеские добродетели, чем в последнем.

Ввести принцип товарищества в производство могут лишь те элементы, которым нечего терять, кроме своих цепей, те элементы, которые прошли в капиталистическом производстве школу совместной общественной работы, за которой организованная борьба с капиталистической эксплоатацией воспитала кооперативные добродетели, солидарность товарищей, преданность общему делу, добровольное подчинение дисциплине.

Нельзя перескочить ни через одну стадию развития. Огромная масса средних людей не может при нормальных условиях перейти непосредственно от ремесленного и крестьянского хозяйства к кооперативному крупному производству. Частная собственность на орудия производства является тут препятствием. Лишь капиталистический способ производства создает предварительные условия для крупного товарищеского хозяйства, и при этом он не только создает класс рабочих, лишенных частной собственности на орудия производства, но делает также общественным процесс производства, вызывая и обостряя классовый антагонизм между капиталистами и наемными рабочими, которых он заставляет стремиться к замене капиталистической собственности на орудия производства собственностью общественной.

Не собственники, а неимущие могут способствовать этому переходу. Но под этим не следует разуметь, будто для крестьянина и ремесленника единственный путь к товарищескому производству лежит через переходную стадию пролетарского существования, будто они неизбежно должны быть экспроприированы капиталом, будто невозможно общественное производство, пока еще существуют крестьяне и ремесленники. Нет ничего ошибочнее этого. Этим устанавливается только, что один лишь победоносный пролетариат способен стать инициатором общественного производства и создать также для ремесленника и крестьянина не мыслимые только, как сейчас, а действительные условия перехода к крупному товарищескому производству.

Когда социалистические товарищества (о пролетарских тогда не будет более речи) оправдают надежды, и исчезнет риск, угрожающий ныне еще всякому предприятию, когда потеря земли не будет больше угрожать крестьянину пролетаризацией, тогда и он поймет, что частная собственность на орудия производства для него лишь препятствие к переходу к высшей форме хозяйства, препятствие, от которого он т о г д а захочет освободиться.

Напротив, бессмысленно ждать, что в с о в р е м е н н о м о б щ е с т в е крестьянин перейдет к товарищескому хозяйству. Это значит, что для крестьян исключается возможность с помощью товариществ воспользоваться при капиталистическом способе производства всеми выгодами крупного хозяйства и тем укрепить свою собственность на землю, эту шатающуюся опору существующего строя. Крестьянин, раз он поймет, что он может удержаться лишь при помощи кооперативного сельско-хозяйственного производства, придет также к сознанию, что такое хозяйство для него достижимо лишь там, где у пролетариата будет возможность организовать общественные отношения соответственно своим интересам.

Но тогда он станет социал-демократом.

VII.

ГРАНИЦЫ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА.

а) Статистические данные.

Результат исследования, произведенного в предыдущей главе, таков: крупное производство технически выше мелкого во всех значительных отраслях сельского хозяйства, хотя и не в той степени, как в главных отраслях индустрии. Это—истина не новая. Почти в середине XVIII столетия, когда применению машин в сельском хозяйстве только что положено было начало, а естественно-научные основы сельского хозяйства еще не были выработаны, основатель физиократической школы Кене в его „Maximes générales du gouvernement économique d'un royaume agricole“: выразил желание, „чтоб участки, предназначенные для хлебопашества, были по возможности соединены в большие фермы, которые могли бы эксплоатироваться богатыми сельскими хозяевами, так как при крупном сельско-хозяйственном производстве издержки на содержание и ремонт строений, а соответственно этому издержки производства гораздо ниже, а чистый доход (produit net) гораздо выше, чем в мелких“.

Также в Англии того времени экономисты были преимущественно приверженцами крупного производства, напр., А. Юнг. Адам Смит, высказывая в своем „Wealth of Nations“ мнение, что крупный землевладелец редко может ввести значительное улучшение в сельское хозяйство, выступает не против крупного капиталистического производства, а против феодальных латифундий с многочисленными мелкими фермами, обязанными нести всевозможные службы и повинности, и поэтому всецело зависимыми от произвола владельцев земли. В противоположность им он превозносит преимущества свободного крестьянского владения. Но, прибавляет он; „после мелких землевладельцев в каждой стране богатые и крупные фермеры являются главнейшими проводниками усовершенствованного сельского хозяйства“. (III, 2).

Вскоре стало общепризнанным, что крупное капиталистическое (не феодальное) сельское хозяйство приносит наивысший доход. Но хотя английское хозяйство служило образцом для европейского, английские порядки не всегда оказывались образцовыми. И в особенности оказалась опасной экспроприация крестьян в пользу крупного производства; для монархов и политиков уж потому, что крестьянство составляло ядро армии. Англичане не содержали большой армии и они могли обойтись без крестьянства. Но континентальная нация без крестьянства едва ли могла бы устоять против соседа, имеющего сильное крестьянство. К тому же явилось еще одно соображение: в Англии крестьянство было замещено многочисленным настолько же бедным, насколько и беспокойным пролетариатом, который не нашел никакого противовеса в лице класса работников-собственников. Филантропы из рядов буржуазии, которым не хватало смелости, подобно утопистам, пристать к социализму, точно так же, как и поборники капиталистической эксплоатации, которые старались дать в лице народа надежную опору частной собственности на средства производства, стали поэтому апологетами мелкого сельско-хозяйственного производства,—Сисмонди и Дж. Ст. Милль, так же, как и „чистые фритредеры“ и их противоположность—аграрии. Во всяком случае, они обыкновенно не признавали за мелким хозяйством технического превосходства, но соглашаясь, что крупное производство приносит большую прибыль, они вместе с тем указывали на его опасность в политическом и социальном отношении. „Новейшие экономисты, с одной стороны“, восклицает Сисмонди в своих „Etudes sur l' économie politique“, „опытнейшие агрономы, с другой стороны, не перестают превозносить бога-

тейших и интеллигентнейших фермеров, которые ведут крупные хозяйства; они удивляются размерам их построек, совершенству орудий и инструментов, красоте их скота. Но, уделяя столько внимания вещам, они забывают про людей, они даже забывают их считать. Английская квадратная миля считается в 640 акров; это приблизительные размеры красивой богатой английской фермы. Прежние хозяйства, с которыми могли справиться члены одной семьи, без батраков, без чужой помощи, но и без праздности, хозяйства, которые обеспечивали каждому члену семьи работу на каждый день в году, занимали каждое не больше 64 акров. Понадобилось десять таких хозяйств для того, чтоб составить из них одно новое. Десять крестьянских семейств были прогнаны для того, чтоб дать место одному фермеру новой системы". Сисмонди борется против крупного производства, потому что оно создает пролетариат, а не потому, что мелкое производство способно давать большее количество и притом лучших продуктов.

С тех пор новейшее крупное сельское хозяйство значительно развилось, но как раз теперь выступают экономисты, которые признают равноправие мелкого сельско-хозяйственного производства с крупным, и даже те экономисты, которые в 70-х годах сами предвещали нежизнеспособность первого, пророчат теперь гибель последнему, как напр., д-р Рудольф Мейер, или признают, по крайней мере, спорным вопрос, какие формы производства рациональнее. Во введении к настоящему труду мы привели мнение на этот счет Зомбарта, исследователя, беспристрастия которого в этом вопросе никто не станет отрицать, и который не привел бы своих соображений, если-б они не опирались на известные факты.

Какие же это факты? Их не следует искать в области агрономии, они взяты из статистики. Статистика показывает, что не произошло того быстрого исчезновения мелкого сельско-хозяйственного производства в борьбе с крупным, которого, по абразцу Англии, ожидали или опасались и на континенте с тех пор, как капиталистическое производство началось там в обширных размерах, приблизительно с пятидесятых годов. В некоторых местах даже замечается скорее тенденция к расширению территориальных площадей, занимаемых мелким производством. Так нашли, напр., при статистике производства в Германии.

Сельские хозяйства.	Число хозяйств.		Увеличение или уменьшение.	Площадь сельско-хозяйственного производства гект.		Увеличение или уменьшение.
	1882 г.	1895 г.		1882 г.	1895 г.	
Менее 2 гект.	3.061.831	3.236.367	+ 174.536	1.825.938	1.808.444	— 17.494
2—5	981.407	1.016.318	+ 34.911	3.190.203	3.285.984	+ 95.781
5—20	926.605	998.704	+ 72.099	9.158.398	9.721.875	+ 563.477
20—100	281.510	281.767	+ 257	9.908.170	9.869.837	— 38.333
свыше 100	24.991	25.061	+ 70	7.786.263	7.831 801	+ 45.538

Не совсем в том же направлении шло развитие во Франции. Там считалось:

Сельские хозяйства.	Число хозяйств.		Увеличение или уменьшение.	Площадь сельско-хозяйственного производства в гект.		Увеличение или уменьшение
	1882 г.	1895 г.		1882 г.	1895 г.	
Ниже 1 гект.	2.167.667	2.235.405	+ 67.738	1.083.833	1.327.253	+ 243.420
1—5	1.865.878	1.829.259	— 36.619	5.597.634	5.484.200	— 113.434
5—10	769.152	788.299	+ 19 147	5.768.640	5.755.600	— 13.040
10—40	727.222	711.118	— 16.104	14.845.650	14.313.417	— 532.233
свыше 40	142.088	138.671	— 3.417	22.296.105	22.493.393	+ 197.288

В то время, как в Германии средние (по занимаемой ими площади) хозяйства в большинстве случаев разрастались, во Франции увеличивалась площадь самых крупных и самых мелких хозяйств. Средние же уменьшались по количеству и по площади. Но уменьшение это не значительно, за исключением, конечно, собственно крестьянских хозяйств (10—40 гект.). Во всяком случае эволюция шла не быстро.

В Великобритании мы находим:

Сельские хозяйства.	Число хозяйств.		Увеличение или уменьшение.	Площадь сельско-хозяйственного производ. в гек.		Увеличение или уменьшение.
	1882 г.	1895 г.		1882 г.	1895 г.	
1—5 акр. (0,40—2 гект.)	135.736	117.968	— 17.768	389.677	366.792	— 22.885
5—20 „ (2—8) „	148.806	149.818	+ 1.012	1.656.767	1.667.647	+ 10.880
20—50 „ (8—20) „	84.149	85.663	+ 1.514	2.824.527	2.864·976	+ 40.449
50—100 „ (20—40) „	64.715	66.625	+ 1.910	4.746.520	4.885.203	+ 138.683
100—300 „ (40—120) „	79·573	81.245	+ 1.672	13.658.495	13.875.914	+ 217.419
300—500 „ (120—200) „	13.875	13.568	— 307	5.241.168	5.113.945	— 127.223
свыше 500 „ (свыше 200) „	5.489	5.219	— 270	4.029.843	3.803.036	— 226.807

Подобно Германии, мы также и в Англии находим увеличение хозяйств среднего размера. Впрочем, в Германии наиболее увеличились по занимаемой площади хозяйства от 5 до 20 гект., а в Англии хозяйства от 40 до 120 гект., которых никто, конечно, к мелким хозяйствам не причислит. Уменьшились в размерах наиболее мелкие хозяйства, в противоположность Германии, а также наиболее крупные, свыше 120 гект.

Из данных, относящихся к американскому сельскому хозяйству, различные экономисты, как Шеффле, д-р Р. Мейер и др., желали сделать тот вывод, что там крупное хозяйство вытесняется мелким. Мы хотим ближе рассмотреть относящиеся сюда цифры. Верно, что средний размер ферм с 1850 г. понизился. Он равнялся:

1850 г. . . . . 203 акра
1860 г. . . . . 199 „
1870 г. . . . . 153 „
1880 г. . . . . 134 „

Но в 1890 г. он снова повысился и равнялся 137 акрам.

Это временное понижение средних размеров хозяйств надо приписать, главным образом, раздроблению крупных плантаций юга, которое явилось следствием освобождения негров. Так, напр., уменьшилась средняя величина ферм за время от 1860 г. до 1890 г. в Флориде — с 445 акр. до 107, в Южной Каролине — с 488 до 115, в Алабаме — 347 до 126, в Миссисипи — с 370 до 122, в Луизиане — с 537 до 138, в Техасе — с 591 до 225. В общем, средние размеры ферм в приатлантических штатах понизились за то же время с 353 до 134 акров, а в штатах южно-центральной полосы с 321 до 144. Ни один знающий дело человек не усмотрит в этих цифрах победы мелкого производства над современным крупным. С другой стороны мы также находим заметное уменьшение размеров ферм в стране с относительно старой культурой— в северных приатлантических штатах. Там за последнее десятилетие средние размеры ферм постоянно уменьшаются. Но это понижение следует приписать, главным образом, уменьшению невозделанной земли, занятой фермой, а не сокращению размеров хозяйства. Вот цифры, относящиеся к области северных приатлантических штатов.

	Общие размеры ферм.	В том числе необработанной земли.
1850 г.	113 акров	43 акра = 38,44 процента
1860 г.	108 „	39 „ = 36,18 „
1870 г.	104 „	36 „ = 34,47 „
1880 г.	98 „	31 „ = 31,77 „
1890 г.	95 „	31 „ = 32,52 „

Процентное увеличение невозделанной земли в последнее десятилетие совпадает с упадком сельского хозяйства, что выражается в уменьшении общей площади ферм. Последняя уменьшилась в названной области с 67.985.640 акров (1880 г.) до 62.743.525 (1890 г.), следовательно более, чем на пять миллионов.

В штатах центральной северной полосы, — это именно штаты, производящие пшеницу, — наоборот, возросли средние размеры ферм между 1880 г. и 1890 с 122 до 133 акров. На эволюцию в том же направлении, на которую указывают изменения средней величины фермы, указывает и движение количества крупных хозяйств. Это количество, конечно, во всем союзе относительно несколько понижается. К сожалению, цифры 1870 г. несравнимы с позднейшими, ибо тогда классифицировали фермы по площади обрабатываемой в них земли, а в 1880 и 1890 гг. — по всей площади занимаемой ими земли. Считалось:

	Ферм.	Из них от 500—1000 акров.	Свыше 1000 акров.
1880 г.	4.008.907	75.972	28.578
1890 г.	4.564.641	84.395	31.546
Увеличение	13,8 %	11,0 %	10,3 %

Рост крупных хозяйств отстает, как видно, от роста всех других, но и это явление есть лишь следствие эволюции прежних рабовладельческих штатов, где ведение старого отсталого плантаторского хозяйства стало невозможным, а также следствие упадка сельского хозяйства на истощенном северо-востоке.

В северных приатлантических штатах считалось ферм:

	Общее число.	Из них в 500—1000 акров.	Свыше 1000 акров.
1880 г.	696.139	4.156	964
1890 г.	658 569	3.287	733
Уменьшение	5,4%	20,9%	23,9%

Здесь количество крупных хозяйств уменьшается гораздо быстрее, чем количество мелких. Последние более стойко выдерживают свое безнадежное положение. Составляет ли это преимущество мелкого хозяйства, можно сильно сомневаться.

В южных приатлантических штатах было ферм:

	Общее число.	Из них в 500—1000 акров.	Свыше 1000 акров.
1880 г.	644.429	25.037	9.718
1890 г.	749.600	21.736	8.030
Увеличение + / Уменьшение —	+ 16,3%	—17,2%	—17,4%

В южных центральных штатах:

1880 г.	886.648	25.872	11.659
1890 г.	1.086.772	26.666	12.295
Увеличение	22,5%	3,0%	4,6%

С другой стороны на западе:

1880 г.	83.723	5.299	3.247
1890 г.	145.878	9.269	6.020
Увеличение	74,2%	74,9%	85,3%

Наконец, в центральных северных штатах, производящих пшеницу:

1880 г.	1.697.968	15.608	2.990
1890 г.	1.923.822	23.437	4.668
Увеличение	13,3%	50,2%	49,4%

Эти последние цифры как раз совершенно не указывают на упадок крупного производства. Там, где в Америке современное сельское хозяйство прогрессирует, площадь крупных хозяйств быстро увеличивается. Лишь там мелкое производство сохраняет преобладание, где сельское хозяйство падает или где до-капиталистическое крупное хозяйство вступает в конкурренцию с крестьянским.

Но все же, если в Америке до сих пор сельско-хозяйственное развитие шло быстрее, чем в Европе, и больше, чем обыкновенно думают, благоприятствовало крупному производству, то и здесь речи не может быть о вытеснении мелких владений крупными.

Было бы однако слишком опрометчиво делать из этих или им подобных цифр вывод, будто в сельском хозяйстве экономическое развитие идет по совершенно иному направлению, чем в индустрии.

Цифры доказывают! Конечно, но спрашивается, *что* они доказывают? Прежде всего они доказывают только то, что *прямо говорят*, но это при статистических вычислениях бывает очень редко. Возьмем, напр., цифры, которые должны доказать, что благосостояние народной массы при капиталистическом способе производства увеличивается. Тут, между прочим, ссылаются на возрастание суммы вкладов в сберегательные кассы. Цифры эти неоспоримы. Но что они доказывают неопровержимо? Что вклады в сберегательные кассы возросли, ни больше, ни меньше. О причине же их возрастания они нас оставляют в совершенной неизвестности.

Повышение благосостояния *может*, но *не должно* необходимо сопутствовать этому возростанию. Разные причины могут вызвать один и тот же результат.

Так, напр., уже одно облегчение процедуры внесения сбережений в сберегательные кассы, может привести к увеличению вкладов в них. Прежде индус закапывал свои сбережения в землю. Теперь же основали в Ост-Индии сберегательные кассы, и он предпочитает вносить свои сбережения туда. Разве это доказывает, что он теперь имеет возможность больше сберегать, что его благосостояние возросло? Хроническое недоедание индусов не свидетельствует об этом.

В Европе сберегательные кассы более старого происхождения. Но и здесь продолжают увеличиваться благоприятные условия для внесения вкладов в сберегательные кассы, без большой потери времени, благодаря, с одной стороны, увеличению числа сельских сберегательных касс, а с другой→размножению населения в городах, где существуют наилучшие условия для сношений с сберегательными кассами.

Точно так же может способствовать увеличению вкладов в сберегательные кассы увеличение числа наемных рабочих, чиновников и других должностных лиц. Мелкий крестьянин употребляет свои сбережения на покупку земли, самостоятельный ремесленник—на улучшение мастерской. Тот же, кто работает за плату или содержание, не знает лучшего употребления для своих маленьких сбережений, как поместить их в сберегательную кассу.

Поэтому вытеснение самостоятельных мелких хозяйств капиталистическими предприятиями связано с увеличением вкладов в сберегательные кассы.

Рост сбережений в кассах является таким образом следствием увеличивающейся пролетаризации; он может идти рука об руку с понижением благосостояния народных масс.

Наконец, подобное увеличение может произойти от простых изменений в экономических обычаях. При товарном способе производства устанавливаются для каждого предприятия, для каждого домашнего хозяйства определенные сроки, в которые приходится производить больше платежей, так что необходимые для таких случаев деньги должны быть сберегаемы заранее из постоянных доходов. До развития системы банков и сберегательных касс эти денежные суммы должны были лежать, как мертвый клад. А теперь их можно отдать на проценты, пока не явится в них потребность. Чем крупнее суммы, которые вынуждены сберегать отдельные предприятия и домашние хозяйства для срочных платежей,—у рабочих для платы за квартиру, на время безработицы,—и чем больше распространена привычка отдавать в рост самые незначительные суммы, не нужные для ежедневного потребления, тем больше будет вкладов в сберегательные кассы, без соответственного увеличения благосостояния.

Итак, статистические данные о сберегательных кассах сами по себе еще не дают ответа на вопрос о росте благосостояния; вместо того, чтоб решить задачу, они только ставят ее.

Подобное же происходит, напр., с цифрами подоходного налога, которые тоже должны яко бы неопровержимо доказывать увеличение благосостояния. Фактически они сами по себе доказывают лишь то, о чем свидетельствуют, а именно, что при известных обстоятельствах число самых мелких доходов, подлежащих налогу и соответственно этому количество освобожденных от налога доходов возрастает не так быстро, как количество более высоких доходов. Само собой разумеется, это м о ж е т указывать на под'ем благосостояния, но ни в коем случае не является необходимым следствием его. Если цены средств существования, квартирные цены и др. возрастают быстрее, чем доходы, то рост последних может идти рука об руку с упадком благосостояния.

Другие обстоятельства могут породить то же самое. Возьмем, напр., мелкого крестьянина, с доходом в 400 марок. Он вовсе не платит за квартиру и большую часть средств существования производит сам. Он может, пожалуй, вполне безбедно прожить. Несчастный случай толкает его в ряды пролетариата; тогда он вынужден переселиться в город и там он находит место, дающее 800 марок дохода в год. Доход его увеличился вдвое и все же его положение должно было ухудшиться. Он должен платить за квартиру, может быть, и за проезд по железной дороге до места работы и обратно. За молоко, яйца, овощи, свинину, которые раньше ничего ему не стоили, он должен теперь дорого платить, дети не могут больше ходить босиком, гигиенически худшие условия вызывают большие расходы на врача и аптеку. Но для статистика доходов такой человек живет в двое лучшем положении, чем раньше, у него готово неопровержимое доказательство, что благосостояние народа находится в непрерывном росте. Приведенный здесь случай характерен; переход натурального хозяйства в денежное и увеличение городского населения на счет сельского совершаются беспрерывно. Оба эти процесса уже достаточны для того, чтоб об'яснить рост доходов населения, без малейшего под'ема благосостояния.

Как можно понимать увеличение потребления мяса—это уже указано нами выше, в другом отделе.

Статистические данные неопровержимо доказывают, что современное общество вовлечено в беспрерывный и быстрый переворот, и знакомят нас с некоторыми его поверхностными и массовыми проявлениями, симптомами и результатами; они дают нам много ценных указаний для отыскания лежащих в основе всего процесса тенденций, но еще не вскрывают нам этих последних.

Точно также цифры, которые свидетельствуют не об упадке, а скорее о росте мелких сельских хозяйств, не дают еще нам возможности судить о тенденциях капиталистического развития в сельском хозяйстве, а побуждают нас исследовать их глубже. Они доказывают нам только на первый взгляд, что процесс эволюции не так просто совершается, как часто думали до сих пор, но что этот процесс в сельском хозяйстве, повидимому, сложнее, чем в индустрии.

б) Падение мелкого производства в индустрии.

Ход эволюции современной индустрии уже в высшей степени сложен, хотя он проще, чем в сельском хозяйстве; разнороднейшие тенденции тут влияют друг на друга в различнейших направлениях и часто в этом водовороте можно лишь с трудом различить основные тенденции.

Крупное производство появляется не во всех областях индустрии одновременно. Оно завоевывает одну область за другой. Там, где оно становится господствующим, оно вытесняет более мелкие предприятия, но отсюда еще не следует, что все мелкие предприниматели становятся фабричными рабочими. Они обращаются к другим областям производства, где еще не господствует крупное производство, и переполняют их. Таким образом капиталистическая конкуренция разоряет также те отрасли производства, в которых крупная промышленность еще не стала господствующей. Но этот процесс не всегда обнаруживается в форме всеобщего у м е н ь ш е н и я числа мелких предприятий наоборот, он местами вызывает у в е л и ч е н и е их числа, так что, основываясь на голых цифрах статистики, можно придти к выводу, что мелкое хозяйство здесь получило особенное развитие. В областях с многочисленными обедневшими мелкими хозяйствами современная капиталистически эксплоатируемая домашняя промышленность находит наилучшие условия для своего появления и быстрого развития. Появление капитала при этих условиях может вызвать вместо уменьшения сильное увеличение общего числа мелких предприятий; но кто знает социальные условия, которые скрываются за статистическими цифрами, тот не увидит в них победоносной борьбы в конкуренции с крупным капиталом.

Но так же в тех областях, в которых машина заняла господствующее положение, натиск крупной промышленности не ведет обязательно к исчезновению мелкого производства. Машина их разоряет, делает экономически излишними, но прямо невероятно, какое упорство проявляют в борьбе за свое существование эти отжившие формы промышленности! Голод и чрезмерный труд затягивают их предсмертную борьбу до крайности. Нужда силезских и саксонских ручных ткачей обратилась в поговорку уж сто лет тому назад, однако они не вымерли еще до сих пор. Если уж нет возможности удержаться в производстве, тогда переходят к родам деятельности, являющимся слишком малоценными для крупного производства или сыскивают себе пропитание в качестве агента и посредника крупного производства.

Демократические формы современных государств могут также оказаться одним из моментов, благоприятствующих сохранению отжившего мелкого производства.

Нет ничего необычайного в том, что государственная власть из политических соображений поддерживает те социальные слои, которые потеряли свое экономическое равновесие. Как ни была не нужна золотая рота древнего Рима эпохи упадка, но политические соображения заставляли поддерживать ее. В настоящее время мы имеем подобный пример в лице сословия „благороднейших и лучших“ дворянского сословия, которое, начиная с XVII-го столетия, становится все более излишним, все более несостоятельным, но, благодаря своему подчинению абсолютной власти государей, дворянство сумело

создать себе положение высасывающих из общества соки паразитов, для устранения которых потребовалась революция.

Но традиции этого паразитического существования в Восточной Европе еще очень сильны, и наши юнкера умеют так же шумно давать знать о себе, как римский городской сброд два тисячелетия тому назад; только в своих требованиях они менее скромны, чем те. Сухим хлебом они не удовлетворяются, и их зрелища обходятся дороже, чем те, которые государство должно было устраивать для римской золотой роты. Только гладиаторов они поставляют из своей среды, благодаря особенной сословной чести.

В своих требованиях к государству, они нашли достойных учеников в лице одной части мелкой буржуазии. Конечно, часть последней, которая уже чувствует себя пролетариями, примыкает к наемным рабочим для того, чтобы завоевать, если не для себя, то для своих детей лучшие условия жизни. Другая же часть думает большего достигнуть, продавая правительству свои услуги для охраны государства. Господствующие классы нуждаются в этих элементах, им нужен при всеобщем избирательном праве широкий класс народа, который мог бы противостоять натиску пролетариата, они готовы купить ту часть мелкой буржуазии, которую купить можно. Не лучшие это элементы мелкой буржуазии, которые кричат правительствам, что они монархисты до мозга костей, но если им не дадут привилегии на счет общества, они станут социал-демократами. В таких угрозах сказывается поистине босяцкий образ мыслей, но кому нужны преторианцы, тот в выборе не разборчив. Если в 1848 г. натравливали босяков на рабочих, то почему же теперь не натравливать на них ту часть мелкой буржуазии, которая отдает себя на эту грязную работу? Итак, в действительности на счет рабочих, а не на счет крупного производства поддерживается существование мелкого производства,—путем привилегий посредникам на счет потребительных обществ, путем привилегии цеховым мастерам на счет их учеников и подмастерьев, путем дешевого кредита, дешевого страхования и т. п. на счет плательщиков налогов.

Чем больше обостряется классовая борьба, чем более угрожающей становится социал-демократия, тем более склонны правительства обеспечить более или менее паразитическое существование экономически излишнему мелкому производству на счет всего общества. Процесс его исчезновения может, благодаря этому, пожалуй, замедлиться, чему должны способствовать надежды, которые возбуждаются обещаниями и мерами правительств, и которые побуждают продолжать безнадежную борьбу, тогда как без этого она была бы уже давно оставлена. Но не один рассудительный человек не увидит в этом противоречия Марксовой „догме“, которая говорит только об экономических тенденциях.

Если государственная помощь господствующим классам еще поддерживает некоторое время экономически несостоятельные формы и тем затушевывает упадок мелкого производства, то расточительность этих классов действует не менее этого в том же направлении.

Развитие капиталистического способа производства означает рост суммы прибавочной стоимости, рост не только накопленного капитала, но также и доходов капиталистов, но вместе с тем и рост их расточительности. Это ведет, между прочим, к воскрешению феодальных форм, которые экономически давно побеждены. Так, напр., финансовые тузы и владельцы латифундий заводят себе охотничьи области, равные по размерам средневековым лесам. Из „Капитала“ Маркса известно, с какой грубой заносчивостью этот класс, которому не приходится щадить денег и кажется смешным щадить людей, прогнал из обширных областей Шотландии землевладельцев, чтобы заместить их сначала овцами, а потом оленями. Тот же процесс происходит теперь в отдельных частях Франции, Германии и Австрии. В Австрии, по данным Ендреса в „Ру-

ководстве государственных наук", площадь, занятая лесом, увеличилась с половины нашего столетия до нашего времени почти на 700.000 гект., на 7½% всей поверхности, при чем на долю Альпийской и Приморской областей приходилось 600.000 гектаров. С 1881 г. до 1885 г. было распахано 3.671 гект. леса и 59.031 гект. было вновь запущено под лес.

Во Франции площадь, занимаемая частно-владельческим лесом, равнялась в 1781 г. круглым числом 6 милл. гектар., в 1844 г. она уменьшилась до 4,7 милл. гект. и в настоящее время опять поднялась до 6,2, милл. гект. И это, несмотря на потерю Эльзас-Лотарингии.

В Германии сравнение переписи 1895 г. с переписью 1882 г., к сожалению, невозможно, ибо в 1882 г. леса исчислялись постольку, поскольку они связаны были с сельско-хозяйственным производством. Наоборот, в перепись 1895 года вошли все лесные хозяйства.

Многочисленные отдельные примеры того, что в Австрии засаживаются лесом не только пустыри, но также луга и пашни, мы находим в книге Тайфена о социальной нищете и господствующих классах Австрии. Достойно внимания то обстоятельство, что в Зальцбурге количество рогатого скота уменьшилось с 1869 г. по 1880 г. на 10,6 %, а с 1880 г. по 1890 г. еще на 4,1 %, главным образом „благодаря усиливающейся продаже Альп владельцам охотничьих владений". (Drill, Die Agrarfrage in Oesterreich).

Другая особенность феодального общества, возрожденная к жизни ростом капиталистических доходов, это многочисленная дворня для личных услуг, кадр лакеев, одна ливрея которых напоминает прошлые века и указывает на противоречие этого явления с духом XIX-го столетия. Этим феодальным тенденциям соответствует и то предпочтение, которое высший свет оказывает ручному труду перед машинным в продуктах, служащих для личного потребления богачей. Машинное производство, которое служит массовому потреблению, производит одинаково для всех, не применяясь к индивидуальным вкусам и потребностям, слишком демократично для денежной аристократии. То же обстоятельство, что в сравнении с машинной ручная работа—излишняя растрата рабочей силы, делает эту работу еще ценнее и служит тем лучшим средством возвысить ее покупателей над массой черни.

Таким образом, на долю ремесла рядом с домашней промышленностью, самой жалкой из отраслей современного производства, приходится также самая аристократическая отрасль—производство продуктов высшего качества. Но как та, так и эта отрасль ремесла подпадает под власть крупного капитала. Производство продуктов высшего качества, будь это одежда или обувь, бумага или текстильные продукты, овощи или фрукты, требует особенного искусства, большой затраты труда, превосходных орудий производства, а все это требует денег и больших денег. И если мастерские, в которых производятся продукты высшего качества, статистик причисляет к разряду мелких, то экономист причисляет их к разряду таких, которые требуют большой затраты капитала, в которых капиталистически эксплоатируются высоко квалифицированные ремесленные рабочие. Во многих случаях они являются средством скорее низвести искусство на степень капиталистической промышленности, чем вызвать новый расцвет ремесла.

Но если это даже не так, было бы нелепо ожидать воскрешение мелкого производства от увеличения капиталистической расточительности. Усиление расточительности предполагает постоянный и быстрый рост крупной промышленности, массового производства, непрерывное поэтому вытеснение мелкого производства, непрерывный рост пролетариата. В отдельных местностях, в отдельных отраслях производства расточительность капиталистов может вызвать нечто в роде расцвета мелкого производства, но она не в состоянии этого сделать для всей нации, ибо она сама продукт прогрессирующей пролетаризации

народных масс как своей, так и других наций. Видеть для ремесла путь к спасению в переходе к производству продуктов высшего качества, это приблизительно так же правильно, как приписать капиталистическому способу производства тенденцию вернуть к охотничьему быту те нации, у которых он достиг господства. Это нетрудно доказать статистикой.

Все это доказывает не неверность „марксистской догмы", а крайнюю сложность процесса гибели мелкого производства, перекрещивающегося разными противоположными тенденциями, которые, однако, лишь замедляют его, кое-где как будто превращают в его противоположность, но в действительности нигде не имеют возможности его задержать.

в) Недостаточность земли.

Те же противоположные течения и тенденции, которые затемняют процесс в индустрии, замечаются и в сельском хозяйстве; и аналогия так ясна, что не приходится долго останавливаться на ней. Но в сельском хозяйстве обнаруживаются еще такие противоречивые тенденции, которых нет в индустрии, и весь процесс еще больше осложняется.

Здесь мы и хотим заняться рассмотрением тенденций, сказывающихся лишь в сельском хозяйстве, но не в индустрии. Первое, что бросается нам в глаза, это то различие, по которому в промышленности не положен предел увеличению средств производства в то время, как самое важное средство производства в сельском хозяйстве, земля, при данных условиях, величина постоянная, не подлежащая увеличению по произволу.

По отношению к капиталу заметны два больших течения: накопление и централизация. Накопление—результат прибавочной стоимости. Капиталист расходует не всю свою прибыль, а лишь часть ее; при нормальных условиях он часть откладывает и пускает в оборот для увеличения своего капитала. Этот процесс переплетается с процессом перехода многих мелких капиталов в в один крупный—с централизацией капитала.

Совсем иначе обстоит дело с землей. Количество земли, которое в старых культурных странах может еще быть взято под обработку, величина весьма малая, которую можно едва принять в соображение в сравнении с суммами, накопляемыми из года в год капиталистами. Крупный землевладелец может увеличить свои владения лишь путем к о н ц е н т р а ц и и, соединения многих хозяйств в одно.

В промышленности процесс накопления может протекать независимо от процесса централизации, первый обыкновенно даже предшествует второму. Образование крупного капитала, основание крупного промышленного предприятия не должно обязательно сопровождаться вытеснением мелких капиталов, лишением самостоятельности мелких производств. Последнее является всегда с л е д с т в и е м, а не п р е д п о с ы л к о й образования крупного промышленного предприятия. Чтобы основать где-либо сапожную фабрику, нет необходимости в экспроприации местных сапожников. Лишь когда сапожная фабрика существует и процветает, она вызывает разорение мелкого сапожного производства и экспроприацию его крупным. Именно, процесс накопления, наростания из непотребленной прибыли нового капитала и создает крупный капитал для основания сапожной фабрики.

Наоборот, там, где вся земля перешла в частную собственность, и где всецело господствует мелкое землевладение, там самое важное для сельского хозяина орудие—земля—может перейти к крупному способу производства лишь путем централизации многих мелких землевладений. Гибель многих мелких хозяйств здесь необходимая п р е д п о с ы л к а появления крупного хозяйства. Но, кроме того, для образования крупного хозяйства путем централизации

необходимо соединение экспроприируемых мелких владений в одну общую площадь. В ипотечном банке может за год накопиться несколько сот проданных с аукциона крестьянских владений; но он не может создать из них крупного владения потому, что они рассеяны по разным местам. И банку остается лишь продавать их порознь и даже, если легче найти покупателей для меньших участков, раздроблять их, создавать из них еще меньшие владения.

Пока все зависело от произвола землевладельцев, им очень легко было доставить землю для основания крупного хозяйства. Они просто с помощью более или менее замаскированного насилия прогоняли тех крестьян, которые стояли у них на пути.

Но капиталистическому способу производства необходима гарантия собственности. С тех пор, как он вышел из своего революционного периода и прочно утвердил свое господство, он признает одно лишь основание для экспроприации,—неспособность к уплате долгов. Пока крестьянин в состоянии уплачивать свои долги капиталистам и государству, его собственность священна, частная собственность на землю твердо упрочена. Мы увидим дальше, какую недостаточную защиту она дает крестьянам; но она служит в высшей степени важным препятствием к образованию крупного землевладения, как предварительного условия крупного сельско-хозяйственного производства.

Там, где теперь господствует исключительно мелкое землевладение, крупное может образоваться лишь с большим трудом, в каком бы упадке ни находилось мелкое хозяйство, в какой бы степени его ни превосходило крупное. Но и там, где крупное владение граничит с мелким, первое не всегда может легко увеличиваться на счет второго, потому что участки мелких хозяйств, которые продаются из нужды или иных соображений, не всегда те, которые необходимы для „округления“ и расширения имения.

Сельский хозяин, для которого его имение стало слишком малым, и который приобрел средства для большего, обыкновенно предпочитает продолжительному, зависящему от случайностей процессу закупки участков своих соседей гораздо более простой и краткий путь—продажу своего имения и покупку большого. В такой форме, главным образом, происходит расширение хозяйства отдельных сельских предпринимателей, и в этом кроется одна из причин сильной мобилизации землевладения, множества покупок и продаж сельских владений в век капитализма. Что желающие купить всегда находят желающих продать,—этому содействуют наследственное право и задолженность, о которых речь впереди.

Здесь мы хотим лишь установить, что своеобразные свойства земли при господстве частной собственности являются во всех странах с мелким землевладением могучим препятствием к развитию сельско-хозяйственного крупного производства, как бы оно ни превосходило мелкое, препятствием, которого не знает индустрия.

г) Крупное производство—не безусловно наилучшее.

К этому присоединяется еще одно различие между индустрией и сельским хозяйством. В первой при нормальных условиях крупное производство всегда выше мелкого. Понятно, и в индустрии существуют при данных условиях границы, которые оно не может перейти под угрозой стать бездоходным. Величина рынка, размеры наличного капитала, количество наличных рабочих сил, подвоз сырого материала, высота техники ставят каждому предприятию определенные границы. Но из предприятий, которые не переходят этих границ, более крупное выше более мелкого. По отношению к сельскому хозяйству это действительно лишь до известной степени. Различие происходит от того, что в индустрии каждое увеличение размеров производства равносильно расту-

щей концентрации производительных сил со всеми присущими ей преимуществами,—сбережением времени, издержек, материала, облегчением надзора и т. д. Наоборот, в сельском хозяйстве каждое увеличение размеров производства при прочих равных условиях, именно, при одинаковом способе обработки, равносильно расширению площади предприятия, следовательно, увеличению потери материала, траты рабочей силы, средств, времени на перевозку рабочей силы и материала. Эти условия имеют в сельском хозяйстве тем большее значение, что здесь идет речь о перевозке материалов очень малоценных сравнительно с их весом и об'емом—удобрения, сена, соломы, ржи, картофеля,—а способы транспорта в сравнении с индустрией здесь весьма примитивны. Чем шире владение, тем труднее также надзор за отдельными рабочими, что должно быть принято в соображение при системе наемного труда.

Насколько вместе с ростом имения возрастают эти потери,—это иллюстрирует таблица, составленная Тюненом, которую мы здесь приводим, выразив ее в метрических мерах и округлив числа. Тюнен вычислил поземельную ренту различных участков, которые лежат на различном расстоянии от двора, с гектара:

Отдаленность участка от двора в метрах	Урожай ржи. 25 гект.	23 гект.	20 гект.	18 гект.	15 гект.
		Марка			
0	23	19	15	11	7
1.000	17	15	11	7	4
2.000	14	11	7	4	0
3.000	10	7	3	0	
4.000	5	2	0		
4.500	0,5	0			
5.000	0				

Отсюда, конечно, возможен вывод, что сельское хозяйство тем доходнее, чем меньше имение. Но это, понятно, не так. Выгоды крупного производства так велики, что они больше чем покрывают потери от большей отдаленности, но лишь для площади определенной величины. В производствах шире известных границ преимущества крупного производства возрастают в меньшей мере, чем потери вследствие отдаленности, так что, начиная с этого пункта, всякое дальнейшее расширение площади имения уменьшает его доходность.

В общем, трудно точно установить границы, за которыми это имеет место. Они различны для различных условий техники и почвы и для разных отраслей производства. Дальнейшая эволюция имеет тенденцию раздвинуть эти границы; в этом направлении действуют, например, введение, в качестве двигателя, пара и электричества или полевые железные дороги; другие тенденции, наоборот, обнаруживают стремление к сужению максимальных границ имения. Чем больше хозяйство, сравнительно с величиной своей площади, тем больше требует людей или рабочего скота, чем больше приводится в движение тяжестей: удобрения, продуктов почвы, машин и тяжелых орудий, тем чувствительнее становится влияние больших расстояний. Можно сказать, что в общем максимальное расширение имения, дальше которого его доходность уменьшается, тем меньше, чем интенсивнее хозяйство, чем больше капитала вложено в равные площади земли, но что этот закон нарушается время от времени техническим развитием.

В подобном же направлении действует закон, по которому чем интенсивнее ведется хозяйство в имении, тем меньшей, при данной величине вложенного в него капитала, должна быть занимаемая им площадь. Мелкое имение с интенсивным хозяйством может представлять собою более крупное предприятие, чем обширное имение с экстенсивным хозяйством. Статистика, дающая сведения лишь о величине площади, занимаемой хозяйством, оставляет нас в совершенном неведении о том, вызывается ли случайное уменьшение его

площадь имения действительным изменением его или же интенсификацией хозяйства. К наибольшему расширению способны лесное и луговое хозяйства. Первое не нуждается вовсе ни в каком центральном пункте, ни в каком дворе, около которого оно бы группировалось. При экстенсивной форме его, рубка и перевозка леса—единственная работа, которой оно требует. Дерево не чувствительно к переменам погоды, его не надо прятать в амбары. Его оставляют там, где срубили, пока не наступят время и обстоятельства, благоприятные для перевозки его на рынок. При сплаве леса по реке он движется сам собой вперед.

Скот на лугу, по крайней мере, при благоприятном климате, нуждается так же мало, как дерево в лесу, в доставке людьми пищевых продуктов, в особых помещениях; живой скот гораздо удобнее транспортировать, чем дерево.

Там, где рынок достаточно развился, лесное и луговое хозяйства, как мы уже видели, были первыми формами крупного капиталистического производства, направленными на эксплоатацию почвы. Они не нуждались ни в машинах, ни в научно-образованном административном персонале, ни в предварительно накопленном капитале. Для них требуется лишь возможность со стороны отдельных землевладельцев монополизировать для себя лесные и луговые пространства и завладеть таким путем собственностью крестьян. И там, где обстоятельства тому благоприятствовали, это происходило часто.

Также и в колониях, где мало рабочих сил и много земли, эксплоатация лесов и особенно луговое хозяйство образуют первую форму капиталистического крупного производства в сельском хозяйстве; так обстоит дело в Соединенных Штатах, Аргентине, Уругвае и Австралии. Отдельные луговые участки достигают здесь подчас размеров германских княжеств. В Австралии был такой случай, что в одном хозяйстве было острижено за год 200.000 овец.

Гораздо ограниченнее лесных и луговых хозяйств, по своим размерам, хозяйства земледельческие.

Но и здесь максимальные и средние размеры экстенсивных хозяйств превышают размеры тех же категорий в интенсивных. Из первых наибольшей величины достигли северо-американские хозяйства, производящие пшеницу; в них можно встретить своеобразное сочетание экстенсивного ведения хозяйства и применения высоко-развитой техники.

До тех пор, пока девственной почвы, никому не поступавшей в собственность, было в изобилии, земледелец мог выбирать себе самую плодородную землю, извлекать из нее один урожай за другим, а затем, истощив все свое имение, оставлять его и передвигаться дальше. К услугам этого кочующего хлебопашества были превосходные орудия и машины высоко-развитой индустрии, а так как покупать землю не было никакой нужды, сельский хозяин почти весь свой капитал мог употребить на покупку этих вспомогательных технических средств.

Подобное ведение хозяйства не нуждалось в удобрении. Здесь не приходилось держать много скота, а там, где климат позволял, можно было обходиться и без кормления скота в стойлах. Плодосменная система не составляла также необходимости. Из года в год возделывался один и тот же продукт,— по большей части пшеница,—это были настоящие пшеничные фабрики. При таких условиях некоторые имения достигли огромных размеров. Известны исполинские фермы гг. Дальримпля, Гленна и др., достигавшие 10.000 гектаров и более.

Напротив, в Англии с ее интенсивной культурой, требующей содержания многочисленного скота, с ее плодосменной системой и усиленным удобрением, фермы свыше 500 гектаров весьма редки, а имения в 1.000 гектаров являются максимальными.

Точно также американские мелкие крестьянские хозяйства, подобно капиталистическим крупным, по величине площади превосходят европейские мелкие крестьянские владения.

В Германии крестьянин, владеющий 20—100 гектарами земли, считается в общем зажиточным. В Германской империи в 1895 г. на 5½ миллионов земледельческих хозяйств приходилось:

Размеры	2 — 5 гект.	5 — 20 гект.	20 — 100 гект.
Хозяйства	1.016.318.	998.804.	281.767.

В Соединенных же Штатах в 1890 г. из 4½ миллионов было:

Размеры	20 — 50 акров (8 — 20 гект.).	50 — 100 акров (20 — 40 гект.).	100 — 500 акров (40 — 200 гект.)
Хозяйства	902.777.	1.121.485.	2.008.694.

Таким образом, большинство крестьянских владений в Америке по размерам не уступает германским дворянским имениям.

Основания для такого экстенсивного ведения хозяйства исчезают, как только вся земля начинает переходить в частную собственность и исчезает избыток плодородной земли. Вместо переложной системы сельский хозяин должен ввести плодосменную, вместо хищнической культуры—удобрение, требующее содержания многочисленного скота и кормления его в стойлах. К той же, как и прежде, площади земли сельскому хозяину приходится теперь приложить гораздо больше рабочей силы и капитала. Если же у него нет ни рабочих, ни денежных средств в достаточной мере, то необходимо сократить производство. Максимальная величина крупных предприятий уменьшается, а исполинские фермы вовсе перестают давать прибыль. Такова картина современного развития сельского хозяйства в Америке. И тенденции в этом направлении несомненно имеются, хотя и не в такой большой степени, как это обыкновенно утверждают за последние годы. О „близком конц“ крупного сельского хозяйства в Америке говорить не приходится; вышеприведенные цифровые данные ясно показывают это.

Тем не менее, мы можем допустить, что и американское сельское хозяйство, если оно перейдет окончательно к европейскому способу производства, примет также европейские размеры площади предприятий. Исполинские фермы могут тогда совершенно исчезнуть, крупные хозяйства не превысят 1.000 гект., а крестьянские владения упадут до уровня средних германских, если техническое развитие, напр., введение электричества в сельском хозяйстве, не создаст новых условий, которые раздвинут максимальные пределы крупных имений и при интенсивном хозяйстве. Во всяком случае сокращение размера площади означало бы не победу мелкого предприятия над крупным, а только бо́льшую концентрацию производства на меньшей площади,—концентрацию, которая сопровождается и должна сопровождаться увеличением вложенного в предприятие капитала, часто увеличением также числа занятых в нем людей, следовательно, фактическим увеличением размеров производства.

Как переход от простого хищнического производства к планомерному хлебопашеству, расчитанному на продолжительное сохранение плодородия почвы, так и вытеснение земледелием экстенсивного выгонного хозяйства развивает тенденцию к уменьшению средних размеров имений, при сохранении или даже возрастании величины предприятия. В этом же направлении действует и вытеснение хлебопашества интенсивным скотоводством, которое в старых культурных странах значительно подвинулось вперед.

В Англии в 1880 году средняя величина скотоводственного хозяйства простиралась до 52,3, а земледельческого—до 74,2 акров. Отдельные разряды по величине занимали следующие площади:

Земельные площади для каждой категории хозяйств в %.

	До 50 акров.	50—100 акров.	100—300 акров.	300—500 акров.	500—1.000 акров	Свыше 1.000 акров.
Скотоводство	17,2	18,9	43,7	13,8	7,2	2,2
Хлебопашество	9,9	10,2	37,8	21,4	17,0	3 7

Ясно, что если, как это происходит в Англии, сокращается земледелие и вместо него выступает интенсивное скотоводство, то это обстоятельство должно вызвать тенденцию к уменьшению площади ферм. Но если бы на основании этого вывели заключение о падении крупного производства, то подобное суждение было бы весьма поверхностным. Впрочем, новейшие цифры не свидетельствуют даже о сокращении площади ферм. Средняя величина земледельческих предприятий свыше 1 акра (только такие площади отмечались в 1895 г.) составляла в Великобритании в 1885 г. 61 акр., в 1895—62, следовательно, в общем она несколько поднялась.

К востоку от Эльбы переход к более интенсивному хозяйству точно также ведет к сокращению возделываемой площади крупных имений. „Большинство наших крупных имений“,—говорит Зеринг в своей, уже упоминавшейся выше книге о внутренней колонизации восточной Германии,—„слишком велики, чтобы возможно было на всей обрабатываемой площади удовлетворительное ведение хозяйства. Они возникли и развились в такое время, когда общие экономические условия еще не требовали для каждого участка земли концентрации капитала и рабочей силы, которая составляет теперь необходимость для частного и народного хозяйства. Поэтому окраинные участки, часто от одной пятой до четвертой части всей площади, обрабатываются теперь почти сплошь экстенсивно, на них культивируется лупин, или они на много лет запускаются под пастбище. В интенсивно обрабатываемых имениях Померании, не отличающейся плодородием почвы, пахотные участки, находящиеся на расстоянии свыше двух километров от главной усадьбы, не доставляют, по общему мнению, уже прибыли... Благодаря большой величине имения, недостаток в капитале для производства становится обычным явлением“.

„Итак, уменьшение площади имений (продажей или сдачей в аренду самых отдаленных участков мелким крестьянским колонистам) может повысить в двух отношениях производительность почвы. Благодаря тому, что колонизация увеличит на одной и той же площади число хозяйственных центров, возможно будет применить усовершенствованную культуру и к тем участкам, которые, по своей отдаленности от помещичьей усадьбы, до сих пор неудовлетворительно обрабатывались. На оставшихся же участках возможно будет тогда приложить бо́льшее количество рабочей силы и капитала. Владельцы, таким образом, при уменьшении к тому же платежного бремени, сумеют извлечь такой же или даже больший доход, чем прежде, когда они обрабатывали всю площадь своего имения“. (Стр. 92, 93).

Вследствие этого число крупных имений к востоку от Эльбы падает, рядом с ними вырастают мелкие крестьянские хозяйства, но из этого вовсе не следует, что крупное производство вытесняется мелким. Из этого следует только то, что прежние размеры имений соответствовали потребностям экстенсивного хозяйства.

д) Латифундии.

Из всего этого можно вывести два заключения. Во-первых, что одни голые цифры, касающиеся статистики земельной площади, еще мало доказательны. Во-вторых, что процесс централизации земли при расширении площади имения, сам по себе гораздо более затруднительный, чем при накоплении и централизации капитала, имеет кроме данных условий, еще известные границы для каждого отдельного предприятия.

Только там, где преобладает арендная система, крупные землевладельцы стремятся к бесконечному расширению своих отдельных имений. Там предприятие и владение не совпадают. Каждый землевладелец, располагающий крупным имением, не передает его целиком предпринимателю, а делит его на участки в размере наиболее выгодном для себя. При этом приходится сообра-

зоваться не только с наиболее рациональным ведением хозяйства на арендуемом участке, но также и с капиталистической мощью арендатора. Там же, где сам владелец с помощью наемного труда обрабатывает свое имение, где имение и предприятие совпадают, там тенденция к централизации,—лишь только имение округлено и обеспечено достаточным количеством земли,—обнаруживается в стремлении не к его расширению, а к приобретению нового имения.

И эта тенденция при известных условиях весьма сильно проявляется. Превосходную иллюстрацию этого дает нам д-р Рудольф Мейер в своей интересной книге о падении земельной ренты. Он с величайшим вниманием проследил развитие крупного землевладения в Померании и при этом нашел, что 62 помещика из местного богатого землевладельческого дворянства владели в 1855 г. 229 имениями, 1891 г.—485 им. в размере 261.796 гектар. Семьи, к составу которых принадлежали эти 62 помещика, насчитывали в 1891 г.—125 членов и владели в 1855 г. 339, в 1891—609 имениями, в размере 334.771 гект. Далее, 62 состоятельных помещиков-дворян владели в 1855 г.—118 имениями, в 1891 г.—203, в размере 147.139 гект. и, наконец, 35 землевладельцев из богатой буржуазии в 1855 владели 25, в 1891 г.—94 имениями, в размере 54.000 гектаров, а у всех членов их семейств, которых было до 47 чел., было в общем в 1885 г.—30, в 1891—110 имений. Сверх того д-р Рудольф Мейер приводит данные о 76 дворянах-помещиках, владеющих 182 имениями в размере 109.950 гект., и 119 землевладельцах из буржуазии, имеющих 295 имений (131.198 гект.). При чем указаний на прежнее их имущественное положение не имеется.

Эти цифры указывают на весьма сильную тенденцию к централизации, которая у некоторых владельцев выступает весьма рельефно. Среди них мы находим:

Имена владельцев.	Число имений.		В 1891 г.	
	1855 г.	1891 г.	Гекторов.	Поземельного налога в марках.
Белов-Залескэ	1	5	4.047	38.046
Граф Дуглас	—	6	1.592	22.815
Кнебель-Деберић-Дитердорф	3	8	5.629	24.356
Граф Арамин Шлагент	—	8	3.692	25.101
Князь Бисмарк	1	9	9.047	31.658
Плец-Штухов	4	10	6.214	51.937
Гейден-Юрген-Картлов	6	11	4.635	108.969
Кн. Гогенцоллерн Зигмаринген	—	11	10.998	44.350
Королевская фамилия	1	12	24.513	128.399
Граф Бэр-Негенданк	6	12	5.696	104.318
Ланкен Больдевиц	3	13	4.183	95.382
Граф Бэр-Банделик	3	13	6.576	131.285
Граф Крассов-Дивис	5	15	4.613	112.652
Ланкен-Плугентин	6	16	2.648	68.355
Гр. Платен-Остен	8	16	10.520	79.845
Гр. Флемминг-Бенц	13	24	14.258	107.794
Князь Путбус	53	85	17.113	302.892

Профессор И. Конрад опубликовал в своих „Jahrbücher für National-Ekonomie und Statistik“ ряд ценных статей под названием „Аграрно-статистические исследования“, которые дают представление о размерах прусских латифундий.

Он исчисляет количество владельцев 5.000 и более гектаров:

		Им. принадл. в общей слож. гект.	Пашен и луг. гектар.
В Восточной Пруссии	11	67.619	34.000
„ Западной „	13	105.996	48.000
„ Познани	33	300.716	147.310
„ Померании	24	182.752	102.721
„ Силезии	46	671.649	192.443

46 владельцев латифундий, которые значатся в Силезии в 1887 г., владели в совокупности не менее, чем 843 имениями.

Из них:

	Поместий.	Общ. площ. гектар.	Поземельный налог.
Наследный принц Фридрих Вильгельм (впоследствии император Фридрих III)	19	8.889	118.959
Р. Фриденталь, мин. в отставке	24	9.090	106.740
Король Альберт Саксонский	50	31.072	271.732
Герцог Уестский	52	39.742	233.701
Князь Плесс	75	51.112	324.042

Все эти данные ни в коем случае не предвещают „близкого конца“ крупного землевладения.

О размерах австрийских крупных владений, состоящих каждое из нескольких имений, Г. Крафт в своем учении о производстве сообщает следующие данные:

Имена владельцев.	Величина в гектарах.	Составные части.
Владения архиепископа Ольмюцкого в Моравии	54 500	?
„ императора Франца Іосифа в Богемии, Моравии и Нижней Австрии	79.300	?
„ графа Шенборн-Бухгейм в Венгрии	134.013	2 помест. с 44 мызами и 10 лесн.
„ князя Шварценберга в Богемии	177.930	20 поместий.
„ князя Лихтенштейна в Моравии, Богемии и Силезии	180.900	?
„ Эрцгерцога Альбрехта в Венгрии и Силезии	192.181	72 эконом. округа. 780 мыз, 58 лесн.
„ князя Эстергази в Венгрии	431.700	35 имений.

Подобная централизация, как результат перехода в одни руки нескольких имений, точно так же, как централизация посредством ипотечных банков, нисколько однако не изменяет размеров отдельных предприятий. Но первый вид концентрации отличается от второго тем, что с централизацией владения связана и централизация управления и, таким образом, возникает новая форма производства—л а т и ф у н д и я. Она, а не бесконечное расширение отдельного хозяйства, является формой развития современного сельско-хозяйственного крупного производства. А эта форма так же не встречает границ, как и концентрация капитала.

Таким способом достигается высшая степень производительности, какую только можно себе представить при современном сельском хозяйстве. Переход в одни руки многих предприятий рано или поздно претворяет их в одну

общую организацию, направленную к планомерному разделению труда и кооперации отдельных предприятий.

Некоторые извлечения из учения о производстве (стр. 167 и др.) Г. Крафта, известного своими собственными исследованиями об австрийских латифундиях, могут иллюстрировать вышесказанное.

„Крупное владение (так называет Крафт латифундию) образуется из нескольких соединенных крупных имений или доменов, не точно называемых также господскими землями. Вследствие громадных размеров, которое принимает крупное землевладение, имения соединяются в группы или в округа поместий.

„Административные органы построены на следующих началах. Во главе предприятия находится владелец, который или сам руководит всеми делами или же, что чаще всего бывает, предоставляет все ведение центральному правлению. Надзор за группой или округом поместий поручается хозяйственному советнику или инспектору экономий. (В виду высокого развития латифундий в Австро-Венгрии, Крафт везде употребляет местные названия).—Деятельность хозяйственного советника заключается в надзоре за выполнением поступающих от центрального правления и одобренных им организационных планов для отдельных имений... Он председательствует на ежегодных конференциях всех представителей поместий, чтобы регулировать взаимные отношения между отдельными имениями, утверждает отчеты представителей о прошлогодней прибыли, предварительно проверив их, точно так же как и внесенные на ближайший год проекты расходов на хозяйственные улучшения и изменения, представляет их через центральное правление на усмотрение самого владельца.

„В одной и той же группе имений сверх того полезно сосредоточивать в одних руках определенные организационные функции. Так, приходится часто предоставлять постановку улучшения пород скота и общее руководство по разведению животных особым специалистам (инспектору овцеводства и т. д.) в зависимости от многообразия видов животных. Благодаря такой организации, можно достигнуть бесспорно более значительных результатов, чем при распределении руководства между многими лицами, которым все-таки предоставляется непосредственное исполнение задачи разведения скота.

„Точно так же для отдельных отраслей хозяйства в поместьях, достигающих больших размеров, создается один центральный орган для целой группы имений или для всего крупного владения. Например, в крупных имениях, где приходится сооружать постройки для сахароварения, пивоварения и других культурно-технических предприятий, существует для всех поместий общее управление по сооружению зданий. Оно составляет планы и сметы и наблюдает за возведением построек.

„Точно так же приходится часто учреждать лесную инспекцию для всех имений под управлением главного лесничего; для всего горного хозяйства—горную инспекцию.

„Самым решающим моментом при организации крупных имений является согласование действий отдельных отраслей помещичьего управления. Цель одна—извлечь как можно больше прибыли... Помимо организации имений, можно еще увеличить доходность предприятия и другими средствами. Необходимо слить все местные социальные, климатические и почвенные различия в одно органическое целое, необходимо организовать все крупное земельное владение. Такая организация поставит себе целью удешевить производство, целесообразнее употреблять добываемые продукты, достигнуть упрощения в управлении и, таким образом, лучше использовать имеющиеся вспомогательные средства.

„Дешевизна продуктов может быть достигнута, благодаря удешевлению средств производства, особенно капитала, путем кредита, который легче открывается крупному предпринимателю, путем введения сокращающих работу ма-

шин, применение которых только и мыслимо при больших размерах возделываемой площади; сюда относятся паровые сельско-хозяйственные плуги, современные перевозочные средства, железные дороги для полевого и лесного хозяйств и т. д.; путем применения усовершенствованных машин в различных производствах; путем распределения производства разных растений между отдельными имениями с целью поднять их производительность. Это достигается путем соединения нескольких поместий в целях более выгодного, в большом масштабе, производства сырого материала для какого-либо технического предприятия при последовательном применении машинной энергии, также путем устройства семенных рассадников, школ по семеноводству, клевера и других трав в тех поместьях и усадьбах, которые производят отборные крупные семена. Эти семена особенно тщательно культивируются, так как они могут быть применены в остальных имениях. При помощи прессовки сено, солома и даже навоз приспособляются для перевозки и излишек этих продуктов в некоторых имениях может экспортироваться в те группы имений, где чувствуется в них нужда.

В интересах удешевления производства необходимо и скотоводство организовать по общему плану. Коневодством для собственных нужд занимаются на специально приспособленных к этой цели отдельных участках земли. Разведение рогатого скота сосредоточивается в нескольких имениях, причем разводят столько, сколько нужно для всех остальных; откармливание удобнее производить по железной дороге, недалеко от технического предприятия, на центральной по откармливанию станции. Последняя будет снабжаться из отдаленных имений неоткормленным или даже,—для лучшего использования имеющихся, но не в достаточном количестве кормовых трав,—полуоткормленным скотом. Для лучшей постановки молочного дела выгодно в известных пунктах устраивать несколько маслобоен для многих усадеб. Этим достигается сбережение расходов по управлению таким крупным предприятием, где применяются центробежные машины. В то же время необходимо отделить разведение животных от собственно молочного дела.

Равным образом в овцеводстве требуется разграничение различных его отраслей, сообразно различным хозяйственным их целям. Нужда в баранах может быть удовлетворена специальными стадами для их разведения. Реализовать добываемые в нескольких имениях продукты возможно или путем обработки собственными средствами или путем сбыта на сторону. Причем обрабатывать их можно на собственных мельницах, маслобойнях, сахарных, пивоваренных, лесопильных и др. заводах, или же продавать на рынках. В целях более выгодной реализации продуктов следует также на свой счет или при поддержке других предпринимателей организовать всевозможные транспортные приспособления, как под'ездные пути, конножелезные дороги для соединения с главной железнодорожной линией, каналы и т. д.

Упрощение управления достигается разделением труда, возможным при известных размерах владения и близости отдельных имений между собою.

Важным моментом при организации крупного земельного владения является в конечном счете повышение производительности рационально употребляемых вспомогательных сил. Если кто-нибудь обнаруживает особенную способность к какой-нибудь отрасли производства, то необходимо назначить его туда, где он сумеет обнаружить наибольшую продуктивность. Благодаря периодической смене административных органов, можно предохранить хозяйство от деградации его в шаблонное.

Подобные руководящие начала не могут, конечно, применяться к ничтожным, по численности составляющих их лиц, административным органам.

Самые большие затруднения в вышеуказанном смысле встречаются на пути организации крупного земельного владения там, где отдельные его составные части находятся на большом расстоянии друг от друга. С другой сто-

роны, успехи такой организации сказываются с особенной силой в имениях, тесно примыкающих друг к другу.

Во всяком случае организация крупного земельного владения,—на эту сторону сельского хозяйства мало или вовсе не обращали внимания,—заслуживает активной поддержки, потому что при дальнейшем своем развитии, благодаря прогрессивному росту сельско-хозяйственной науки, она призвана служить фактором, обслуживающим высший расцвет крупного хозяйства.

В таких исполинских предприятиях, а не в крестьянских карликовых хозяйствах, усматривает один из современных сельско-хозяйственных авторитетов—старый „практик" и в то же время проницательный научный теоретик—залог развития современного рационального хозяйства.

Но исполинское производство встречает на своем пути препятствия, которые для крупной индустрии представляют весьма редкое явление, а именно недостаток рабочих.

е) Недостаток рабочих сил.

Обширный рынок, обладание денежными средствами, наличность необходимых технических условий,—все это еще недостаточно для возникновения крупного капиталистического предприятия. Пусть все условия благоприятны, но если нет свободного притока неимущих рабочих, вынужденных продавать свой труд капиталистам, то капиталистическое предприятие не может существовать.

Во всех старых культурных странах городская промышленность не чувствует недостатка в рабочих. Пролетариат размножается и доставляет растущему капиталу неисчерпаемые рабочие силы.

Кроме того, городской наемный труд поглощает избыток мелких буржуа и крестьян, которые уже не в состоянии сделаться самостоятельными хозяевами, а также массу бывших мелких буржуа и крестьян, выброшенных в ряды пролетариата. И крупная промышленность стягивает их к себе, откуда бы они ни приходили,—из города или из деревни.

Совсем не так в сельском хозяйстве. Городские условия труда лишают рабочего совершенно способности к сельско-хозяйственному труду. Кто вырос в городе или жил там с детства, тот потерян для сельского хозяйства. При современных условиях, хлебопашество не может пополнить недостаток в рабочих из рядов городского промышленного пролетариата.

Но сельско-хозяйственное крупное производство при современных условиях также не в состоянии создать и укрепить за собой необходимый прирост наемных рабочих.

Мы открываем причину такого явления в особенностях, которые резко отличают сельское хозяйство от современной индустрии. В последней, в противоположность средневековой промышленности, собственно *производство* вполне отделено от *домашнего хозяйства*. В средневековом ремесле—да и теперь еще в его пережитках и то, и другое соединены. В цеховой период ремесленные рабочие принадлежали к домашнему хозяйству мастера, были членами его семьи. Рабочий не мог обзавестись собственным домашним хозяйством, вступить в брак, не начиная самостоятельного производства, не делаясь мастером.

В современной индустрии, наоборот, домашнее хозяйство и производство разделены. Здесь рабочий может обзавестись собственным домашним хозяйством, не становясь самостоятельным работником, и мы знаем, что он широко пользуется такою возможностью, увеличивая наемный пролетариат, который составляет теперь особый класс. Но разделение домашнего хозяйства и производства впервые делает пролетария свободным человеком вне работы и дает

ему возможность приобрести такие качества, которые сделают его способным завоевать и удержать власть в государстве.

Наемные рабочие были и прежде, но они не имели никакой возможности воспитывать своих детей, так как у них не было своего собственного домашнего хозяйства, своей собственной семьи. Они были детьми ремесленников-мастеров или мелких крестьян, и только, как мастера, могли в свою очередь воспитывать своих детей. Не будучи отягчены женою и детьми, ремесленники-подмастерья представляли, подобно студентам, слой, способный к борьбе с властями и мастерами; но так же мало, как и студенты, они могли помышлять о том, чтобы представлять политическую силу в государстве и устроить общество сообразно со своими классовыми интересами. Только современному наемному пролетарию, с собственным домашним хозяйством, с детьми, которые осуждены оставаться пролетариями, могла придти в голову эта мысль.

Но то, что уже миновало для индустрии, еще имеет силу для сельского хозяйства. Оно тесно связано с домашним хозяйством. Нет ни одного земледельческого хозяйства без собственного домашнего хозяйства, но нет также в деревне и прочного, устойчивого домашнего хозяйства, не связанного с земледельческим хозяйством.

Это может частью обусловливаться редкостью населения,—в противоположность его концентрации в городе. Возведение казарм с наемными квартирами здесь невозможно; мелкий хозяин не отдает в наем квартир или же занимается этим только в виде побочного промысла.

Прежде всего бросается в глаза тесная экономическая связь между домашним хозяйством и сельско-хозяйственным производством, именно в мелком производстве. Последнее в значительной части производит для непосредственного потребления первого. С другой стороны, отбросы домашнего хозяйства доставляют удобрение и корм для скота, а для присмотра за скотом требуется постоянное присутствие приставленных к этому лиц, следовательно, принадлежность их к домоводству и т. д.

Позиция наемного рабочего принимает при таких условиях совсем иной характер в деревне, чем в городе. Совершенно лишенный собственности наемный рабочий, который имеет свое собственное домашнее хозяйство, представляет здесь исключительное явление. Наемные рабочие в крупном земледельческом хозяйстве являются частью членами его домашнего хозяйства—батраки и батрачки; поскольку же они имеют собственное домашнее хозяйство, постольку они вообще представляют и самостоятельных сельских хозяев, ведущих хозяйство на собственной или арендной земле; только часть своего рабочего времени они посвящают наемной работе, а другую часть—роботе в собственном хозяйстве.

Своеобразное промежуточное положение занимают так называемые депутанты, получающие постоянную годовую плату, а кроме того—определенные натуральные выдачи и кусок земли, равно как и жилище в экономии, а также „Instmann'ы", которые играют важную роль в ост-эльбских крупных имениях в качестве рабочих. Они живут на хозяйском дворе, но в собственных жилищах, и получают в вознаграждение за свои работы частью, как и депутанты, известное количество продуктов натурою и кусок земли, которую они сами должны обрабатывать, частью плату, но не годовую, как депутанты, а поденную или аккордную плату (половничество).

„Никакой рабочий, совершенно лишенный собственности, не может перейти в состояние Instmann'а. Прежде всего назначенное ему жилище обыкновенно лишено домашней утвари; далее Instmann должен доставить необходимые орудия труда, именно косу и цеп. Но прежде всего вступление в ряды Instmann'ов, точно так же, как и вступление в брак батрака, предполагает владение коровой или по крайней мере одной или несколькими козами, если

господа не дают ссуды на приобретение их. Наконец Instmann должен быть также в состоянии доставить для обработки отведенной ему земли необходимое количество семян, не говоря уже о навозе, который он должен получить от своего скота (Д-р Max Weber „Enquete über die Verhältnisse der Landarb. in Deutschland" III, 13).

Instmann составляет промежуточную ступень между батраком и арендатором, но большею частью стоит ниже наемного рабочего; это—пережиток феодального времени, когда землевладелец не умел извлекать дохода из земли иначе, как отдавая ее за известные повинности. Он не может ужиться с современным капиталистическим сельским хозяйством и высокой рентой. Например, в Саксонии (провинции) культура свекловицы приводит к исчезновению класса Instmann'ов.

Очень близко к положению Instmann'а в северо-восточной Германии подходит положение Heuermann'а в северо-западной. „Heuermann'ы"—это семейные сельско-хозяйственные рабочие, которые получают в аренду от работодателя жилище и клочек земли за умеренную плату, обыкновенно на половину низшую, чем нормальная местная плата, и за это обязаны предоставлять в распоряжение патрона свою рабочую силу на известное число дней, различное в различных областях, „даже в различных имениях,—за умеренную поденную плату, обыкновенно на половину низшую, чем нормальная местная плата" (Д-р К. Kärger в „Die Verhältnisse der Landarbeiter" I, 3). Но и этот пережиток феодального времени исчезает подобно классу Instmann'ов.

На ряду с этими категориями рабочих мы находим также и „свободных" лишенных собственности поденщиков, которые нанимаются к крестьянам,—Einlieger'ы, „Losleute", „Heurlinge",—и продают свою рабочую силу там, где только находят покупателя. Они ближе всего подходят к городскому наемному пролетариату, но все же существенно отличаются от него. Они составляют придаток в чужом домоводстве, а „житье под чужою крышей всегда, также и в среде крестьянства, является основанием хозяйственной несостоятельности". (Weber, ibid., 38).

Такие условия не благоприятствуют прикреплению к земле лишенных собственности рабочих. Батрак большею частью уже с самого начала лишен возможности вступить в брак и зажить своим собственным домом; при таких условиях дети составляют для него тяжелое и неприятное бремя. Конечно, этим не уничтожается половое стремление, но оно часто удовлетворяется неестественным образом с целью избегнуть потомства. Но если природа оказывается сильнее всех искусственных предупредительных мер, то несчастная мать иногда не останавливается перед преступлением, чтобы только освободить себя от плода. И она прекрасно знает—зачем, так как ни ей, ни ее ребенку не улыбается светлое будущее. Внебрачные дети подвергаются самым неблагоприятным условиям; большая часть их рано умирает, а другая, и не малая, населяет потом каторжные тюрьмы.

Там, где господствуют еще патриархальные натурально-хозяйственные отношения, как, напр., во многих крупных крестьянских дворах альпийских стран, там сын работницы считается таким же членом домохозяйства, как и она сама. Он растет сверстником детей крестьянина-хозяина, ест за одним столом вместе с ними и впервые замечает социальное различие только тогда, когда отправляется на работу; только тогда он становится наемным рабочим, как и его мать.

Но там, где получили господство товарное производство и отношения чистого найма, там ребенок у работницы является нежелательным бременем, от которого освобождаются при первой же возможности.

Как влияет концентрация землевладения на количество внебрачных рождений, показывают исследования L. Fick'а о количестве внебрачных рождений

в среде баварского сельского населения (см. его книгу „Die bäuerliche Erbfolge im rechtsrheinischen Bayern“). „Если мы распределим округа, говорит он на стр. 307, по числу внебрачных рождений, то получим следующий результат, небезинтересный для установления связи между отношениями земельной собственности и внебрачной рождаемостью.

	Из 100 рождений внебрачных:	Из 100 жителей имеют земельную собственность:
Группа I	3,4 — 5	28,2
„ II	5,1 — 10	20,2
„ III	10,1 — 15	17,0
„ IV	15,1 — 20	15,5
„ V	20,1 — 25	13,3
„ VI	25,1 — 30	14,9

Немногим лучшие условия для воспитания потомства существуют и у свободных поденщиков, не имеющих собственного домохозяйства, у Einlieger'ов.

Только в среде собственников (или арендаторов) мелких имений, которые соединяют самостоятельное домохозяйство с самостоятельным земледельческим хозяйством, имеются наилучшие в деревне условия для воспитания многочисленного работоспособного потомства. У таких собственников имеется не только достаточное количество рабочей силы для собственных потребностей, но и избыток ее. Они или сами, как Häusler'ы, собственное хозяйство которых не поглощает всех их сил, нанимаются поденщиками в крупные хозяйства, или же—и это наблюдается у всех, и у Häusler'ов, и у крестьян,—их дети, как излишние рабочие, не находящие приложения своим силам в семейном хозяйстве, готовы к услугам крупного хозяйства в качестве наемных рабочих или поденщиков.

Эти очаги производства новой рабочей силы, все более и более исчезают там, где развивается крупное производство и вытесняется мелкое. Путем вытеснения крестьян крупное хозяйство расширяет свою земельную площадь, но сокращает количество людей, которые нужны для ее обработки. Уже по одному этому оно при всем своем техническом превосходстве никогда не может достичь исключительного господства в стране. Крупное землевладение может согнать с земли всех свободных крестьян, но часть их все же будет снова торжествовать свое воскресение из мертвых в качестве мелких арендаторов. Даже единодержавие крупного землевладения не может привести к единодержавию крупного хозяйства.

Даже в Великобритании в 1895 г. из 520.106 ферм было не менее 117.968 с площадью менее 5 акров, 149.918 занимали от 5—20 акр. и 185.663—от 20—50 акров; следовательно, мелкие хозяйства составляли значительное большинство.

Там, где мелкое производство подверглось слишком большому вытеснению, крупное производство становится все менее доходным и начинает падать. Такого рода явление часто наблюдается ныне; оно побуждает целый ряд выдающихся теоретиков сельского хозяйства возвещать о „близком конце крупного сельско-хозяйственного производства“. Но это значит выплеснуть из ванны вместе с водой ребенка. Действительно, при некоторых обстоятельствах недостаток в рабочей силе приводит к падению крупного хозяйства и к увеличению числа мелких хозяйств; последнее достигается или тем, что крупный землевладелец или крупный крестьянин раздробляет часть своего имения для продажи или сдачи ее в аренду отдельными клочками мелким хозяевам, или тем, что все крупное владение продается добровольно или с молотка и разбивается на мелкие владения.

Но как вытеснение мелкого производства крупным, так и обратный процесс сами себе ставят границы. По мере того, как растет число мелких сель-

ских хозяев рядом с крупными, повышается также и количество рабочей силы, которая оказывается в распоряжении крупного производства, а вместе с тем растет и жизнеспособность последнего, и его превосходство над мелким производством. Там, где рядом с крупным хозяйством возникает много мелких хозяйств, должна снова появиться тенденция к развитию крупного хозяйства, разумеется, поскольку не оказывают противодействия нарушающие моменты, напр., перенесение в деревню крупной индустрии. При капиталистическом способе производства мы так же мало можем ожидать конца крупного сельского хозяйства, как и конца мелкого.

Это вовсе не противоречит „догме Маркса". Маркс рано признал это. В 4 № журнала „Neue Rheinische Zeitung" (1850) он разобрал сочинение Эмиля де Жирардена: „Le Socialisme et l'impôt"; в последнем предлагался налог на капитал, который, между прочим, „отвлек бы капиталы от малодоходной земли к более доходной промышленности, вызвал бы падение цен на землю, концентрацию земельной собственности, пересадил бы во Францию крупное английское хозяйство и вместе с ним всю развитую английскую индустрию". На это Маркс возражает, что „английская концентрация и английское земледелие возникли не благодаря отвлечению капитала от земли, но напротив, благодаря привлечению промышленного капитала к земледелию", и продолжает: „далее концентрация земельной собственности в Англии смела совершенно целые поколения. Та же концентрация, которой, конечно, способствовал бы налог на капитал, благодаря ускоренному разорению крестьян, во Франции погнала бы эти большие массы крестьян в города и сделала бы революцию тем неизбежнее. Наконец, если во Франции уже начался поворот от раздробления к концентрации, то в Англии крупное землевладение идет гигантскими шагами по прежнему пути к раздроблению, непреложно доказывая, что земледелие должно постоянно вращаться в этом кругу концентрации и раздробления земли, пока вообще существуют буржуазные отношения".

Это круговращение является, конечно, вовсе не столь быстрым и резким, как утверждал Маркс в 1850 г., когда он считался еще с энергией и темпом быстрого революционного развития; открытие техники и науки дозволили тенденции к увеличению хозяйств в Англии просуществовать дольше, чем ожидал Маркс; она остановилась только недавно. С другой стороны, развились противоположные тенденции, с которыми мы еще познакомимся и которые противодействуют концентрации раздробленной земельной собственности.

Но тенденция, на которую указал Маркс, существует и выступает всюду, где концентрация или раздробление перешли известную меру.

Большинству буржуазных экономистов смешение в земледелии крупных и мелких хозяйств кажется весьма желательным. За совершенное вытеснение крупного хозяйства мелким ратуют только немногие мелкобуржуазные демократы и социалисты. „Уже Фридрих Лист и после него ф. Шютц, ф. Румор, Бернгарди, Ганссен, Рошер и многие другие высказали мнение, что при данных условиях—господстве частной собственности и системе свободной конкуренции—идеал распределения нормальной собственности сводится к правильному смешению крупных, средних и мелких владений, при котором крупные владения составляли бы вершину пирамиды, а мелкие основания ее" (A. v. Miaskowski, „Das Erbrecht und die Grundeigenthumsvertheilung im Deutschen Reich", 108). В этом же смысле высказался недавно Бухенбергер в своем новом сочинении „Grundzüge der Agrarpolitik". Крупное землевладение, говорят все эти экономисты, необходимо, как носитель технического прогресса и рациональной культуры. Крупный крестьянин представляется желательным, главным образом, по политическим соображениям—он, а не мелкий крестьянин—оплот частной собственности; притом его хозяйство далеко выше хозяйства мелкого

крестьянина. Последний же нужен, как лучший поставщик рабочей силы. Повсюду, где крупное хозяйство слишком вытесняет мелкие, дальновидные консервативные политики и крупные землевладельцы теперь стремятся даже к тому, чтобы снова увеличить число последних путем государственных и частных мероприятий.

„Во всех европейских странах с сильно развитым крупным землевладением", пишет Зеринг в Handwörterbuch der Staatswissenshaften (I Supplementband), с недавних пор, под давлением промышленных переворотов, чрезмерного выселения сельских рабочих в промышленные округа, сельско-хозяйственного кризиса и задолженности, возникает сильное движение, которое стремится планомерным основанием новых и округлением слишком мелких старых крестьянских владений умножить сельское среднее сословие, а сельских рабочих прикрепить к месту, наделяя их землей. Германия, Англия и Россия издали почти одновременно соответствующие законы; в Италии и Венгрии вопрос стоит на очереди".

Сюда же относятся прусские законы 1886 г. о поощрении немецкой колонизации в Познани и Восточной Пруссии, и законы 1890 и 1891 гг. об образовании рентных имений с помощью государственного кредита и государственной власти. „Можно принять", говорит Зеринг об успехах этого законодательства, „что благодаря образованию рентных имений уже вернулась к крестьянскому сословию площадь, равная той, какую оно потеряло в течение этого столетия в пользу крупного землевладения, благодаря свободе обращения земли (в шести восточных провинциях круглым счетом 100.000 гектаров)".

Это искусственное создание мелких хозяйств не было навязано крупному землевладению против его воли. Нет, оно—дело правительства и парламента, сердцу которых ничто так не близко, как благосостояние юнкерства.

„Крупный землевладелец, говорит ф. Гольц, получает наибольший валовой и чистый доход там, где *имеет вокруг себя в большом количестве* мелких и средних землевладельцев, которые *снабжают его рабочей силой* и представляют верных покупателей произведенных им в избытке продуктов" (Handbuch der Landwirthschaft, I, 649).

Из всего этого следует, что об исчезновении и совершенном вытеснении в современном обществе мелкого землевладения крупным не может быть речи. Мы видели, что там, где концентрация землевладения зашла слишком далеко, является тенденция к раздроблению, и что государство и сами крупные землевладельцы помогают ей, если она натыкается на слишком большие препятствия.

Но именно эти стремления крупного землевладения и показывают нам, что нет ничего ошибочнее того взгляда, по которому сохранение мелкого хозяйства есть результат его бóльшей устойчивости сравнительно с крупным. Сохранение мелкого хозяйства есть скорее результат того, что оно *перестает* быть конкурентом крупного, что с ним перестают считаться как с продавцем тех сельско-хозяйственных продуктов, которые рядом с ним производит крупное хозяйство. Последнюю роль оно перестает играть там, где рядом с ним развивается капиталистическое крупное хозяйство. Тут оно превращается из *продавца в покупателя* продуктов, которые крупное хозяйство „производит в избытке"; товар же, который оно само производит в избытке, есть именно то средство производства, в котором особенно нуждается крупное хозяйство,—*рабочая сила*.

Где дело дошло до этого, там крупное и мелкое сельское хозяйство не исключают друг друга,—они обусловливают друг друга, как *капиталист и пролетарий*,—но и там мелкий сельский хозяин все более и более принимает характер последнего.

VIII.

ПРОЛЕТАРИЗАЦИЯ КРЕСТЬЯНИНА.

а) Тенденция к раздроблению земли.

Мы уже указывали во второй главе, что разрушение крестьянской индустрии, имеющей в виду собственное потребление, заставляет искать побочного заработка тех крестьян, которые не производят избытка жизненных средств над тем, сколько нужно им и их семьям. Мелкий крестьянин имеет для того и необходимое время, так как собственное сельское хозяйство лишь порою требует всей его рабочей силы. Потребность в деньгах он удовлетворяет не продажей излишних продуктов, а продажей излишней рабочей силы. На товарном рынке он выступает в том же виде, как и лишенный собственности пролетарий. Как земельный собственник, как производитель на собственной земле жизненных средств, он работает не на рынок, а на собственное домохозяйство, с которым, как мы видели, теснейшим образом связана его хозяйственная деятельность.

Но к домохозяйству не применимы законы конкуренции. Как бы ни было велико превосходство крупного домохозяйства над мелким, с какой бы растратой рабочей силы не было связано последнее, мы нигде не видим и следа тенденции к централизации, к замещению многих малых домохозяйств немногими большими.

Конечно, и домохозяйство не остается незатронутым экономическим развитием, но это проявляется здесь только тем, что одна функция за другою отделяются от домохозяйства и становятся самостоятельными отраслями производства. Этим путем сумма домашних работ видимо уменьшается, а вместе с ней и число работников. Поскольку замечается эволюция в величине домохозяйства, она совершается в направлении прямо противоположном эволюции товарного производства—от крупного хозяйства к мелкому.

Большия крестьянские семейные общины мы открываем в средние века, да и теперь еще у народов, сельское хозяйство которых находится на ступени средневекового, например, у южных и восточных славян.

Если земледельческое хозяйство мелкого крестьянина находится вне сферы товарного производства, если оно составляет только часть его домохозяйства, то оно остается и вне сферы действия централизующих тенденций современного способа производства. Как бы нерационально и убыточно ни было его карликовое хозяйство, он твердо держится за него, как его жена за свое жалкое домашнее хозяйство, в котором при величайших затратах рабочей силы получаются безконечно скудные результаты; ведь это—единственная область, где они подчиняются чужой воле и свободны от эксплоатации.

Но чем далее подвигается экономическое и политическое развитие, тем более растут денежные потребности крестьянина и требования, пред'являемыя к его кошельку государством и общиной. Чем настоятельнее для мелкого крестьянина добывание денег, тем более его побочный заработок выступает на первый план и тем более он запускает свое земледельческое хозяйство. Подобно наемному труду женщины в промышленности и наемный труд или капиталистически эксплоатируемая домашняя промышленность мелкого крестьянина ухудшает, но не уничтожает целиком его домашнего хозяйства. Его земледельческое хозяйство становится все менее рациональным, но вместе с тем слишком большим для него, и он вынужден уменьшить его.

Он легко находит и покупателя для ненужного ему клочка земли.

Где преобладает сильное крестьянское сословие, там оно регулирует население, и это качество на ряду с обожанием армии и консервативным на-

строением—принадлежит к важнейшим причинам того, что им так дорожат буржуазные экономисты и политики. Оно оказывается весьма пригодным для произведения и воспитания многочисленного потомства; где нужны рабочие руки и солдаты, оно неоценимо. Но оно может и наложить узду на прирост населения и радовать тем сердца мальтузианцев; где крестьянское хозяйство является господствующим и нет заработков на стороне, там уже ограниченность земли заставляет ограничивать количество потомства. Это осуществляется при равном разделе наследства путем так называемой Zweikindersystem (системы семьи из двух детей), а при передаче наследства одному только наследнику путем лишения остального потомства возможности приобрести самостоятельность, завести собственное хозяйство и произвести законное, имеющее наследственные права потомство.

Совершенно иначе дело обстоит там, где представляется легкая возможность заработка вне собственно земледельческого хозяйства. Вместе с условиями существования и прирост населения здесь становится более пролетарским; здесь большая возможность стать самостоятельным, и каждый ребенок приносит с собою на свет важнейшее при таких условиях наследие—свои руки. Население быстро растет, а вместе с ним и спрос на землю, но не как на средства производства для сбыта, а как на основу собственного домашнего хозяйства. Если появление сторонних заработков делает возможным и даже необходимым измельчание отдельных земледельческих хозяйств, создавая тем возможность одновременного существования большого числа мелких хозяйств, то с другой стороны, оно вызывает также быстрый прирост населения, который стремится к умножению числа таких хозяйств.

Вместо централизации здесь требуется раздробление. При таких обстоятельствах дело может дойти даже до раздробления крупных хозяйств.

В пятой главе мы видели, что цена земельного участка, служащего капиталистическому товарному производству, определяется высотой его земельной ренты. Его покупная цена в общем равна капитализированной ренте. Уплатить за него выше этой цены капиталистический предприниматель не может, иначе его прибыль спустится ниже обычного уровня. Конкуренция вообще не может поднять цены выше этой нормы. Соображений не-экономического характера, которые при известных обстоятельствах поднимают цену имения выше капитализированной земельной ренты, мы здесь не принимаем в рассчет.

Иное дело крестьянин, крестьянин—не-капиталист, а простой товаропроизводитель, хотя и продающий сельско-хозяйственные продукты, но не нуждающийся, или в очень малой степени нуждающийся, в наемных рабочих. Он сам работник, живет доходом не от своей собственности, но от своего труда, и его образ жизни—образ жизни наемного рабочего. Ему нужна земля как средство зарабатывать своим трудом пропитание, а не как средство получать прибыль или земельную ренту; он может существовать, хотя бы выручка за продукты оставляла ему, за вычетом всех расходов, лишь заработную плату. Он может отказаться от прибыли и поземельной ренты. Поэтому земледелец на ступени простого товарного производства может (при равенстве прочих условий) платить за землю дороже, чем на ступени капиталистического производства. Такой рассчет, конечно, может иногда привести крестьянина в крайне стесненное положение, особенно тогда, когда он сохранил привычку простого товаропроизводителя—платить чрезмерную цену за землю, а между тем, если не формально, то фактически уже прошел ступень простого товарного производства и вступил на ступень капиталистического, конечно, не как капиталистический предприниматель, но как эксплоатируемый капиталом рабочий. Где крестьянин покупает землю, но не расплачивается или не вполне расплачивается за нее, где на ней остается ипотечный долг, там он должен извлекать из своего хозяйства не только за-

работную плату, но и земельную ренту; там для него, как и для капиталистического предпринимателя, слишком высокая цена земли может быть гибельна. Высокая цена на землю хороша для сельского хозяина только тогда, когда он перестает быть сельским хозяином, т. е. продает свое имение. Когда он обзаводится или когда занимается хозяйством, она вредна для него, увеличивая его платежи. Наши же аграрии знают только такие средства спасения стесненного земледелия, которыя способны только повышать цены на землю. Эти яко-бы патриархальные господа рассчитывают не как сельские хозяева, а как земельные спекулянты. Мы еще вернемся к этому.

Совершенно иначе дело обстоит у тех мелких сельских хозяев, земледельческое хозяйство которых целиком или главным образом служит домашнему хозяйству, а потребность в деньгах удовлетворяется работой на других. Здесь исчезает всякая связь между ценой земли и товарным производством, а следовательно и законом стоимости, по крайней мере для покупателя. Для продавца капитализированная рента составляет минимальную цену земли; покупатель считается только с своей покупательной силой и прежде всего с своей потребностью. Чем быстрее растет население, чем затруднительнее отлив его, чем принудительнее потребность в клочке земли, как основе удовлетворения жизненных потребностей или социальной самостоятельности, тем выше покупная цена земли (а значит и арендные цены). Как работа в домашнем хозяйстве, так и работа в земледельческом хозяйстве для собственного потребления не считается расходом; она не стоит ничего. Все, что обработка земли дает домохозяйству, считается чистым барышом. Вычисление денежной стоимости продукта и подразделение ее на заработную плату, процент на капитал и земельную ренту едва-ли возможно, во всяком случае оно не делается, так как деньги в подобном хозяйстве не играют никакой роли.

Что мелкие имения относительно дороже крупных,—явление известное. В своей уже упомянутой выше статье об ипотечной задолженности в Пруссии (Thiels landw. Jahrb. 1885) Мейцен замечает, что цена крупной земельной собственности превышает вычисленный для взимания поземельного налога чистый доход в 52 раза, цена крестьянских дворов—в 65 раз и мелкокрестьянских кусков—в 78 раз.

Некоторые поклонники мелкого землевладения приводили это повышение земельных цен в доказательство того, что в земледелии мелкое хозяйство выше крупного. Но даже среди самых горячих поклонников мелкого хозяйства никто не станет серьезно говорить о превосходстве карликового владения над средним, а это превосходство должно бы существовать, будь более высокая цена земли результатом более высокой ее производительности.

Более высокая земельная цена мелких имений находит себе аналогию в городах, где, как известно, квартиры, сравнительно с кубической емкостью, тем дороже, чем меньше. К. Бюхер установил это явление в цифрах для Базеля, после того как на него указали уже Исидор Зингер и др. Там кубический метр жилья стоит:

Квартиры в	1	комнату	4,04 франка.
„ „	2	„	3,95 „
„ „	3	„	3,56 „
„ „	5	„	3,36 „
„ „	6	„	3,16 „
„ „	9	„	3,21 „
„ „	10	„	2,93 „

Оба явления—слишком высокая земельная цена и слишком высокая квартирная плата—сводятся частью к одной и той же причине—сильной нужде тех, которым требуются клочки земли или маленькие квартиры и которые могут оказывать монополистам земли лишь слабое сопротивление; кто

сводит слишком высокую цену малых владений к их большей производительности, должен бы слишком высокую цену малых квартир сводить к более высокому доходу их обитателей.

Слишком высокая цена малых владений, понятно, составляет сильный мотив к раздроблению больших всюду, где благоприятно складываются условия прироста населения и отыскания стороннего заработка вне собственного земледельческого хозяйства. Разделение имений и дробление поземельной собственности могут принять здесь большие размеры.

Чем мельче земельная собственность, тем сильнее стремление к сторонним заработкам; чем большее место занимают последние, тем мельче могут быть имения, но зато тем меньше они могут покрывать потребности домашнего хозяйства; надо принять еще во внимание, что в этого рода карликовых владениях хозяйство ведется совершенно нерационально. Недостаток скота и инвентаря делает невозможной рациональную обработку земли, именно глубокую вспашку; потребности домашнего хозяйства, а не сохранение плодородия почвы определяют выбор возделываемых растений; недостаток скота и денег означает также недостаток навоза и искусственного удобрения. Ко всему этому присоединяется еще недостаток в человеческой рабочей силе. Чем более выступает на передний план работа за деньги, а работа для домашнего хозяйства становится второстепенным делом, тем сильнее первая поглощает лучшие рабочие силы семьи иногда как раз в то время, когда они особенно нужны в собственном хозяйстве, например, во время жатвы. Обработка собственного клочка земли все более и более предоставляется жене, малым детям или инвалидам-старикам; отец и старшие дети должны „зарабатывать“. Подобно домашнему хозяйству пролетария, и земледелие карликового хозяйства, которое стало простым придатком домохозяйства, достигает самых жалких результатов ценою самой расточительной траты труда и изнурения хозяйки.

Его растущее измельчание и скудость делают его все более и более неспособным покрывать потребности домашнего хозяйства. Заработки должны теперь доставлять средства не только для уплаты государственных и общинных сборов и покупки продуктов промышленности или иноземного сельского хозяйства—кофе, табаку и т. д., но и для покупки туземных земледельческих продуктов, именно хлеба; собственное хозяйство снабжает в обрез картофелем, капустой и зеленью, свиным мясом, козьим или, в счастливом случае, коровьим молоком, яйцами, но хлеба дает недостаточно.

Число таких хозяйств вовсе не мало. По статистике 1895 г. в Германии было 5.558.317 земледельческих хозяйств. Среди них:

менее 2	гектаров	3.236.397	хозяйств = 58,22%
от 2 до 5	„	1.016.318	„ = 18,29%
Тех и других вместе		4.252.715	хозяйств = 76,51%

Если считать, что хозяйства от 2 до 5 гектаров производят столько хлеба, сколько потребляют сами, а меньшие хозяйства должны прикупать хлеб —а это принимается всеми,—то в Германской империи лишь четверть хозяйств заинтересована в хлебных пошлинах, а значительно большая половина их более трех четвертей мелких хозяйств вынуждены покупать хлеб, следовательно, терпят от них прямой вред. Это веский аргумент против хлебных пошлин, но он показывает также, что значительное большинство сельского населения выступает на товарный рынок не в качестве продавцов жизненных средств, а продавцов рабочей силы и покупателей жизненных средств; мелкие хозяйства перестают выступать конкурентами крупного; они, как уже было указано, поддерживают и питают его, снабжая рабочей силой и покупая его продукты.

Мы видели, что в 1895 г. 58% земледельческих хозяйств Германии имели менее двух гектаров, другими словами, были слишком малы, чтобы прокормить своих владельцев. С этим согласуется тот факт, что по статистике профессий 1895 г. в земледелии в собственном смысле слова (без садоводства, скотоводства, лесоводства и рыболовства—последнее почему то отнесено к земледелию) число самостоятельных лиц без побочного занятия составляло 2.026.374, а с побочным занятием—504.164. Кроме того 2.160.462 лица самостоятельно (т. е. в собственном хозяйстве, а не как наемные работники) занимались земледелием в качестве побочного хозяйства. Общее число лиц, самостоятельно занимавшихся земледелием в качестве главного или побочного занятия достигало 4.691.001 (число всех занятых в сельском хозяйстве в 1895 г.—5.556.900); число самостоятельных земледельцев, которые имели еще другую профессию в качестве главного или побочного занятия, достигало 2.664.626, 56%, следовательно, было **больше половины** общего числа (ср. также цифры на стр. 81). Обращает на себя внимание также быстрое увеличение числа лиц, занимающихся помимо земледелия, как главного занятия, еще чем-нибудь, между тем как во всех других профессиях число имеющих побочное занятие уменьшилось.

Имели побочное занятие лица, принадлежащие к след. профессиям:	1882.		1895.	
	Абсолютное число.	% всех принадлежащих к профессии, как главной.	Абсолютное число.	% всех принадлежащих к профессии, как главной.
Земледелие	671.404	8,15	1.049.542	12,66
Промышленность	1.693.321	26,47	1.491.865	18,02
Торговля	397.927	25,34	384.104	16,43
Домашняя прислуга	55.960	14,06	31.333	7,24
Армия, госуд. служба, свободные профессии	142.218	13,79	115.277	8,08
Без профессии	179.679	13,27	201.335	9,40
Всего	3.140.509	16,54	2.273.456	14,28

Где значительно облегчена возможность получения стороннего заработка вне собственного земледельческого хозяйства, там дробление имений может дойти до невероятно высокой степени и преодолеть, по крайней мере временно, противоположные тенденции к централизации.

Пример такого рода эволюции дает Бельгия; там насчитывалось:

ХОЗЯЙСТВ.	1846.		1866.		1880.	
	Абсолютн. число.	%	Абсолютн. число.	%	Абсолютн. число.	%
До 2 гектаров	400.517	66,9	527.915	71,1	709.566	78,0
„ 2—5 „	83.384	14,6	111.853	15,1	109.871	12,1
„ 5—20 „	69.322	12,1	82.646	11,1	74.373	8,2
„ 20—50 „	14.998	2,6	15.066	2,0	12.186	1,3
„ 50 и выше „	4.333	0,8	5.527	0,7	3.403	0,4
Всего	572.554	100	743.007	100	909.399	100

С 1846 по 1866 г. абсолютное число хозяйств всех разрядов увеличилось, но увеличение числа более малых шло быстрее числа более крупных. С 1866 до 1880 г., напротив, уменьшилось число хозяйств всех разрядов, **кроме самых малых**, где не может быть и речи о самостоятельном земледелии. Именно в хозяйствах этого разряда уменьшение средней площади хозяйства

всего менее может быть приписано повышению интенсивности хозяйства, а главным образом растущему раздроблению земельной собственности и умножению сторонних заработков.

Почти четыре пятых земледельческих хозяйств Бельгии суть карликовые хозяйства, владельцы которых вынуждены продавать свой труд или прибегать к побочным занятиям; их приходится вычеркнуть из числа производителей жизненных средств на рынок. Абсолютное число их с 1846 года почти удвоилось, в то время как число более крупных хозяйств (выше 20 гектаров) с того времени значительно уменьшилось. Имеют ли почитатели крестьянства причины особенно восхищаться такого рода эволюцией?—Не всюду эволюция совершается в этом направлении. Чрезмерное дробление мелких хозяйств предполагает существование заработков вне собственного земледельческого хозяйства. Где такой заработок дает только крупное сельское хозяйство, там дробление натыкается на свои границы, как только оно начинает мешать крупному хозяйству. Кроме того дробление мелкого землевладения служит, как мы видели, поддержкой крупному хозяйству. Таким образом может случиться, что мельчайшее и крупное хозяйство растут одновременно не только там, где расширяется культурная площадь, но и там, где это расширение невозможно. Там дробление совершается на счет среднего хозяйства.

Такова в общем эволюция во Франции. Там, как показывают приведенные на стр. 93 данные, крупные и мелкие хозяйства одновременно увеличиваются в числе, средние же уменьшаются. В Германии раньше была весьма заметна такая тенденция. В 1882 г. Мясковский пришел к заключению, что в наше время сильное увеличение движимого капитала в связи с другими моментами ведет, с одной стороны, к увеличению и округлению, а с другой—снова к дроблению и измельчанию поземельной собственности. „Конечно, на первый взгляд эти обе одновременно наблюдаемые тенденции кажутся исключающими одна другую; но при более близком рассмотрении это кажущееся противоречие разрешается в полную гармонию, так как противоположные тенденции относятся к различным периодам или к разным частям Германии; там же, где наблюдаются они одновременно и в одном и том же месте, они ведут к гибели среднее землевладение.

„В то время, как процесс агломерации совершается преимущественно, если не исключительно, на севере и северо-востоке Германии, дробление имений ограничено югом и юго-востоком, хотя местами встречается и в других местах.

„Общее обоим противоположным и приходящимся на различные области тенденциям то, что увеличение размеров землевладения здесь и измельчание его там совершается главным образом на счет среднего землевладения. Последнее теснимо с двух сторон“. („Das Erbrecht“, 130, 131).

Что крупное и мелкое землевладение одновременно растут на счет среднего, показывают следующие цифры для Пруссии, заимствованные нами у Зеринга („Die innere Kolonisation“). Они относятся к восточным провинциям (Пруссии, Померании, Бранденбургу, Познани, Силезии), а также к Вестфалии и Саксонии. С 1816 до 1859 года имеющих упряжку крестьянских хозяйств:

	УБЫЛО.		Более утрачено, чем приобретено путем свободн. отчуждения.				ВСЕГО.	
			Мелким землевладением.		Крупным землевладением.			
	Абсол. число.	%	Моргены.	%	Моргены.	%	Моргены.	%
Восточные провинции .	6.880	2,50	1.110.233	4,2	417.123	1,6	1.527.356	5,8
Вестфалия .	810	2,25	95.274	2,6	21.124	0,6	116.398	3,2
Саксония .	2.183	5,30	87.484	2,3	30.413	0,8	117.887	3,1
Всего .	9.873	2,80	1.292.981	3,7	468.660	1,4	1.761.641	5,1

За время от 1860 до 1864 г. сведений о движении земли нет. По данным за 1865—1867 гг. приобрели (+) или потеряли (—):

	Рыцарские имения.		Владения, имеющие упряжку.		Мелкое землевладение.	
	Куски.	Моргены.	Куски.	Моргены.	Куски.	Моргены.
Вестпровинции	+4	+ 81	—102	—178.746	+16.320	+167.130
Вестфалия . .	0	+5.510	—404	— 28.289	+ 1.904	+ 20.899
Саксония . . .	—1	+8.206	—295	— 17.879	+ 2.082	+ 13.477

Кроме того несколько тысяч моргенов отошло к городам или обращено на общественные надобности. И здесь поплатилось среднее крестьянство.

В новейшее время вытеснение среднего землевладения путем дробления и округления в Германии, правда, прекратилось. С 1882 по 1895 г. именно средние крестьянские владения (от 5 до 20 гектаров) приобрели всего более (563.477) гектаров, как показывает приведенная выше (стр. 93) таблица. Но несправедливо было бы заключать из этого, что теперь начался противоположный процесс, и среднее крестьянское хозяйство вытесняет карликовое и крупное хозяйство. Своеобразные результаты получатся, если отделить хозяйства тех разрядов, в которых заметно решительное движение в ту или иную сторону, от тех, в которых незаметно никаких значительных перемен. Насчитывалось хозяйств:

	1882	1895	Прирост или убыль абсолютн.	в %
Менее 1 гектара	2.323.316	2.529.132	+205.816	+ 8,8
от 1—5 „	1.719.922	1.723.553	+ 3.631	+ 0,2
„ 5—20 „	926.605	998.804	+ 72.199	+ 7,8
„ 20—1.000 „	305.986	306.256	+ 270	+ 0,0
Более 1.000 „	515	572	+ 57	+11,0
Всего	5.276.344	5.558.317	+281.317	+ 5,3

Мы видим сильный прирост хозяйств от 5 до 20 гектаров, но еще выше % прироста самых крупных и самых мелких; хозяйства промежуточные между ними едва увеличились в числе; сравнительно с повысившейся общей суммой хозяйств они пошли на убыль.

Что одновременно могли увеличиваться в числе самые мелкие, самые крупные и средние хозяйства, об'ясняется частью расширением сельско-хозяйственной площади, частью потерями промежуточных хозяйств. Сельско-хозяйственная площадь (в гектарах) различных хозяйств составляла:

Хозяйства:	1882.	1895.	Прирост или убыль.
Менее 1 гектара	777.958	810.641	+ 32.683
от 1—5 „	4.238.183	4.283.787	+ 45.604
„ 5—20 „	9.158.398	9.721.875	+563.477
„ 20—1.000 „	16.986.101	16.802.115	— 86.809
Более 1.000 „	708.101	802.115	+ 94.014
Все вместе	31.868.972	32.517.941	+648.969

Сокращение площади, занятой хозяйствами от 20 до 1.000 гектаров, которое впрочем более чем возмещается увеличением площади, занятой хозяйствами свыше 1.000 гектаров, происходит не от упадка интенсификации. До 70-х годов девизом крупных землевладельцев было: больше земли! Теперь их девиз: больше капитала! А это, как мы уже знаем, если не говорить о латифундиях, часто означает даже сокращение земельной площади. Выше мы видели, что с 1879 по 1897 г. число сельско-хозяйственных паровых машин в Пруссии упятерилось. С другой стороны, за тот же период (1882—1895) значительно возросло и число сельско-хозяйственных служащих, которые в Германии употребляются только в крупном хозяйстве (управляющих, инспекторов, надзирателей, бухгалтеров и пр.), поднявшись с 47.465 до 76.978,

на 62%. Мимоходом отметим особенно быстрое увеличение числа женщин, занятых в сельско-хозяйственной администрации и счетоводстве. В 1882 году их было 5.875, 12% общего числа служащих, в 1895 же году—18.507, 23,4%.

Все это показывает, насколько крупное сельское хозяйство стало с начала 80-х гг. более интенсивным и более капиталистическим.

Об'яснение тому, почему на ряду с ним именно средне-крестьянские хозяева приобрели так много земли, мы дадим в следующей главе.

Здесь нас интересует тот факт, что пролетаризация сельского населения подвигается и в Германии так же, как и других странах, несмотря на то, что здесь перестала действовать тенденция к парцелляции средних имений. С 1882 до 1895 г. число всех земледельческих хозяйств увеличилось на 281.000, но большая часть этого увеличения приходится на пролетарские хозяйства, меньшие 1 гектара; число их увеличилось на 206.000.

Как видит читатель, движение земледелия совершенно своеобразно, совершенно отлично от движения промышленного и торгового капитала. В предыдущей главе мы указывали на то, что в земледелии тенденция к централизации хозяйств не приводит к полному уничтожению мелкого хозяйства, что там, где она зашла слишком далеко, она порождает противоположную тенденцию; что тенденция к централизации и тенденция к раздроблению переходят одна в другую. Теперь мы видим, что обе тенденции могут действовать рядом. Растет число мелких хозяйств, владельцы которых появляются на товарном рынке в качестве пролетариев, продавцев товара—рабочая сила, землевладение которых имеет значение лишь вне области товарного производства, в области производства для домохозяйства. Эти мелкие сельские хозяева в качестве продавцев рабочей силы имеют на товарном рынке одинаковые интересы с промышленным пролетариатом, не становясь во враждебное положение к нему из-за своего землевладения. Землевладение более или менее освобождает хозяйничающего на клочке крестьянина от власти торговца жизненными припасами, но не избавляет его от эксплоатации со стороны капиталистического предпринимателя, промышленника-ли или сельского хозяина.

Где достигнута эта ступень развития, там увеличение числа мелких земледельческих хозяйств становится лишь особой формой прироста пролетарских домохозяйств, идущего рука об руку с ростом капиталистического крупного хозяйства.

б) Формы крестьянских подсобных промыслов.

Форма подсобного промысла, которая всего ближе мелкому сельскому хозяину, есть наем на сельско-хозяйственные работы. Ее мы встречаем уже в феодальный период, как только неравенство в деревне дошло до такой степени, что одни владения слишком измельчали и стали недостаточными для пропитания их владельцев, а другие слишком расширились и для обработки земли не хватало уже рабочих сил крестьянской семьи.

Современный труд мелкого крестьянина в крупных имениях находит себе аналогию в феодальных повинностях, в силу которых крестьяне некогда были обязаны известное число дней в году работать барщину на землевладельца. Понятно, крестьянину всего желательнее побочное занятие в то время, когда нет сельско-хозяйственных работ, зимою. Такое занятие он находит прежде всего по близости обширных лесных пространств, которые зимою требуют много рабочих рук для рубки и перевозки. Но обширные леса существуют не всюду, и даваемый ими заработок не всегда достаточен для покрытия нужды мелкого крестьянина в деньгах; он должен искать сельско-хозяйственной работы в тесном смысле слова. Потребность сельского хозяйства в рабочих руках весьма изменчива; порою, именно во время жатвы, постоянного штата

крупному имению недостаточно, оно нуждается в добавочных рабочих. Но как раз в это время, когда мелкий крестьянин всего легче находит себе побочный сельско-хозяйственный заработок, он особенно нужен в собственном хозяйстве. Нужда в деньгах заставляет его запускать собственное хозяйство, которое и без того уже ведется крайне нерационально вследствие своего малого размера и недостатка средств. Он должен предоставить сельско-хозяйственные работы в собственном хозяйстве жене, а не то и детям, если их возраст позволяет это; сам он может в лучшем случае посвящать ему канупы праздников и воскресные дни.

Не следует представлять себе хозяйства, прибегающие к такого рода побочным заработкам, непременно карликовыми. Кергер, например, сообщает о Вестфалии (округа Цесфельд, Боркен, Реклингсгаузен и пр.): „Собственная или арендуемая земля (вольных поденщиков) колеблется между 1—5, большею же частью между 1—3 гектарами. Кто имеет более 5 гектаров,—в отдельных случаях более 3 гектаров,—обыкновенно не нанимается на поденную работу, а живет исключительно своим хозяйством. Однако в одном сообщении размер владений поденщиков показан до 6, в другом даже до 8 гектаров". Это зависит, конечно, от производительности земли. („Verhältnisse der Landarbeiter", I, 126).

Об административном округе Оснабрюк он же сообщает, что хозяйство наемника (Heuerling'a) там обыкновенно обнимает: избу и хозяйственныя постройки с хлевами для трех коров и нескольких свиней и овец; огород в 10—15 аров, пахотной земли около 2 гектаров, луга $^1/_2$—$1^1/_2$ гектара, долю в общинном выгоне в 1 гектар и право брать дрова из леса марки на площади в $1^1/_2$—2 гектара (там же, 64).

Хозяйство с тремя коровами и несколькими свиньями и овцами может считаться уже порядочным. И однако его владелец вынужден работать по найму! Но не всюду имеются вблизи крупные хозяйства, в которых можно было бы иметь заработок. Такие имения часто далеко не считаются конкурентами, а напротив—желанными.

Так из Эйзенахского Оберланда сообщают: „Образование крупного имения после только что состоявшейся покупки требуемой земельной площади и проектируемое устройство сахарного завода вблизи Визенталя окажут, конечно, благотворное влияние на здешнее крестьянское сословие... Многие поденщики и мелкие землевладельцы найдут хороший заработок. („Bäuerliche Zustände", I, 40, 57). Из Эйзенахской низменности сообщают, что многие тамошние собственники имеют менее 5 гектаров. Их положение незавидно. „Наличного крупного землевладения (рыцарския, удельныя и пожалованныя имения) недостаточно (12,5% всей площади), чтобы дать сословию мелких собственников достаточный заработок в качестве поденщиков и вообще рабочего персонала" (там же, 66).

Так же и в великом герцогстве Гессенском как на одну из причин большой нужды среди мелкого крестьянства указывают на недостаток крупных имений. „В местностях с правом наследования in natura, говорит д-р Куно Франкенштейн, где, следовательно, земля делится на отдельные клочки соответственно числу детей, поскольку это еще возможно при ничтожности клочков, не существует, собственно говоря, недостатка в рабочих руках, так как многие мелкие собственники, имея всего 5—10 моргенов, а то и меньше, предлагают свои услуги... Но спрос на рабочие руки в местностях со столь мелким крестьянским землевладением, в особенности если нет крупного имения, весьма не велик, так что собственники столь мелких батрацких имений не имеют возможности использовать свою рабочую силу в своем хозяйстве или в качестве наемных рабочих. Поэтому положение собственников таких карликовых хозяйств в большинстве случаев весьма печально („Verhältnisse der Landarbeiter", II, 232).

Если в прошлой главе мы познакомились с мелким хозяйством, как опорой крупного, то здесь мы видим, как крупное хозяйство выступает опорой мелкого.

Благодаря хроническому недоеданию, гессенские мелкие крестьяне изнурены до того, что не могут использовать и ту возможность заработка, которая еще есть. „Благодаря скудной пище, люди совершенно не в состоянии долго заниматься тяжелой работой. В некоторых местностях это заставляет владельцев крупных имений приглашать рабочих со стороны, несмотря на то, что и местные рабочие руки не могут найти применения".

Но это хилое население, слишком слабое для упорного земледельческого труда, годится для других занятий, за которые мелкий крестьянин охотно хватается там, где ему отказывают в земледельческой работе,—для домашней или кустарной промышленности.

И ее начало восходит к феодальной эпохе. Уже во вступлении мы указывали на то, что первоначально крестьянин одновременно был сельским хозяином и промышленником. Только постепенно развитие городской индустрии заставило его посвятить себя почти исключительно земледелию. Но еще долго различные ремесла сохраняются в крестьянской семье; где земледелие перестает быть единственным источником пропитания, там они снова входят в честь. Но не в форме ремесленной работы на заказ. Изолированный крестьянин не в состоянии конкурировать с городским ремеслом, которое располагает более обширным рынком и всеми удобствами, представляемыми городом. Сельская индустрия, как товарное производство, может развиться только как производство на капиталиста, купца или скупщика, который связывает ее с далеким рынком, недоступным непосредственно живущему в глуши крестьянину, только в тех отраслях может развиваться, для которых достаточно простой ловкости и простых орудий. Прежде всего такая домашняя индустрия развивается там, где вблизи имеется сырой материал—резьба по дереву вблизи лесов, изготовление аспидных досок и грифелей вблизи шиферных ломок, плетение корзин в обильных водою, благоприятных для разведения лозы местностях, мелкая железная индустрия вблизи железных руд, и т. д. Но часто достаточно одной наличности множества праздных и дешевых рабочих рук, чтобы толкнуть находчивого капиталиста к эксплуатации их в форме домашней промышленности; часто сам он доставляет сырой материал, например, хлопчатобумажную или шелковую пряжу для тканья.

Всего лучше развивается деревенская кустарная промышленность в странах, где почва очень скудна, а технические условия неблагоприятны для крупного земледелия, в особенности там, где крупному землевладению ставились или ставятся еще и политические препятствия. Мы находим деревенскую кустарную промышленность в горных странах: в Богемии на границе с Силезией и Саксонией, в Тюрингене, Таунусе, Шварцвальде; но особенно сильное развитие она получила в Швейцарии—изготовление часов в западной, шелковое ткачество в центральной, вышивание в восточной.

При своем возникновении эти домашния производства часто приветствовались с восторгом. Основатели их считались благодетелями бедных крестьян за то, что давали им возможность заработка в досужие часы, особенно зимою. Их растущие доходы должны были дать им возможность более рационального ведения хозяйства и тем снова увеличить доходы. Чередование промышленного и земледельческого труда делало население здоровым и сильным, в противоположность городским промышленным рабочим; оно делало их зажиточнее и интеллигентнее крестьян, ограничивающихся одним земледелием и чрез то теряющих так много драгоценных часов. Шенберг в своем „Руководстве политической экономии" (II. 428) рисует розовыми красками выгоды домашней промышленности всюду, где ей не грозит конкуренция машин. Вся семья работает вместе, „отец может следить за воспитанием и обучением своих детей,

женщины могут работать по хозяйству и ухаживать за детьми, девушки остаются под присмотром и покровительством семьи". Рабочее время зависит только от собственной воли работника, работник свободен, „вся жизнь работника уютнее, веселее и содержательнее. Промышленная деятельность сменяется здоровым земледельческим трудом, и избегается массовая концентрация наемных рабочих в одном месте со всеми ее выгодами для рабочих и общества. Наконец, домашняя индустрия допускает своевременное использование сил всех трудоспособных членов семьи и тем способствует—без опасности для отдельных членов семьи и для семейной жизни—повышению доходов семьи".

Конечно, на ряду с этими „бесспорными выгодами" существуют и темные стороны, на которые и Шенберг не может закрыть глаз. Но все же, в конце концов, он приходит к такому выводу: „Все эти невыгоды, как бы велики они ни были, не могут отнять у домашней индустрии самой по себе характера более благоприятной для социального положения рабочих хозяйственной формы".

Ей нет места лишь там, где ей приходится конкурировать с фабричной промышленностью.

Действительность представляет нам другую картину, даже если взять те кустарные промыслы, которым еще не приходится бороться с машинной крупной промышленностью, например, плетение корзин, изготовление сигар или игрушечное производство.

Прежде всего, никакой другой род побочных занятий не содействует так сильно раздроблению земли, потому что никакой другой не способен к столь быстрому расширению. Число крупных земледельческих хозяйств ограничено, так же, как и число горнопромышленных предприятий; число фабрик в деревне также не может быть произвольно увеличено. Возможность заработка на них имеет свои определенные границы. Иное дело кустарная промышленность. Предел себе она встречает лишь в наличных рабочих силах; она осуществима в самом малом хозяйстве, при помощи самых примитивных орудий, без всяких капитальных затрат, заслуживающих этого названия; капиталист ничем не рискует, расширяя ее елико возможно быстро при благоприятном положении рынка: ему не нужно доставлять постоянного капитала—зданий и машин, которые бесполезно изнашиваются, раз не могут быть использованы производительно; ему не нужно платить поземельной ренты и других повинностей, которые приходится платить, безразлично, находятся-ли дела в цветущем состоянии, или нет. Все это бремя, самую значительную часть капиталистического риска несут эксплоатируемые кустари. Это делает всякие кризисы для них опустошительнее, чем для рабочих крупной промышленности, потому что капиталист по отношению к домашней промышленности легче решается на сокращение своего предприятия; в более же благоприятные времена ее гораздо легче расширить. Но время процветания для них, пожалуй, еще губительнее, чем время угнетения.

Число заключаемых браков и основываемых семей растет, а вместе с ним и спрос на мелкие хозяйства, без которых в деревне невозможно самостоятельное домохозяйство. Цены на землю поднимаются, дробление земли увеличивается, отдельные владения становятся все мельче, а обработка их все хуже. Уже по причине своей незначительности, а затем и потому, что процветающая домашняя индустрия приносит деньги, сельское хозяйство все более и более лишается рабочих сил семьи, которые отдаются домашней промышленности. Если же это протянется известное время, то вследствие сидячего образа жизни исчезает и физическая способность кустарей к земледельческому труду. Их поля уже не могут быть обработаны как следует, и незначительные размеры хозяйства становятся теперь для них физической необходимостью.

Владение становится так мало, что на нем нельзя уже держать коровы. Молоко исчезает со стола, вместо него появляется настой из цикория. Вместе с коровой исчезает навоз и упряжной скот; поля становятся все более истощенными и негодными для культуры хлеба. Кроме того хлеб еще нужно смолоть и спечь, прежде чем употребить в пищу, поэтому предпочитают растения, которые требуют меньших забот и которые на той же поверхности дают, если не больше питательных веществ, то больший по весу урожай,—овощи, репу и особенности же картофель,—растения, которые могут быть прямо отправлены на кухню.

Таким образом пища кустаря сводится к настою из цикория картофелю, средствам, которые скорее обманывают желудок, чем доставляют ему материал для питания тела. Влияние промышленного труда еще усиливается недостаточным питанием: физическая сила работника падает до минимума, необходимого лишь для работы пальцев.

Не менее вырождается его земледельческое хозяйство. Малые, плохо обработанные, неунавоженные клочки земли должны из года в год производить одни и те же растения. Земледелие возвращается к ступени, на которой оно стояло у некоторых германцев к концу переселения народов.

О пяти сельских общинах на верхнем Таунусе Шнаппер-Арндт сообщает в своей книге того же названия (стр. 50): „Говорят, только в Зееленборге удержались заметные остатки трехполья; в прочих деревнях нужда не считается ни с какими запретами и требует от полей из года в год картофеля; сколько нибудь разумная плодосменная система для владельцев, бедных как землею, так и прочими средствами, невозможна“.

В пяти деревнях насчитывалось всего 463 коровы на 758 домохозяйств, представляющих столько же податных единиц; 486 хозяйств не имели вовсе коров, 117 только по одной.

Рука об руку с физическим истощением земли и людей идет экономический упадок. В кустарной промышленности технический прогресс возможен лишь в незначительной мере. Конкурировать друг с другом кустари, как и эксплоатирующие их капиталисты, могут только путем усиления напряженности труда и понижения заработной платы. Такого рода конкуренционная борьба облегчается еще обособленностью отдельных кустарей в их семьях, их разбросанностью на большой территории, что делает организацию их почти невозможной, отсутствием других заработков в их местности и прикованностью к клочку земли, которая не позволяет им бежать от чрезмерной эксплоатации, чтобы променять ее на более мягкую в других местах. За скупщиком закреплены его домашние рабочие. Даже самая продолжительная безработица не разгонит их. Поэтому в капиталистически эксплоатируемой домашней промышленности мы находим самый продолжительный, самый изнурительный труд, самую жалкую оплату труда, самое обширное применение женского и детского труда, самое печальное состояние мастерских и жилищ, — словом, самые гнусные условия во всем нашем капиталистическом способе производства. Это бесстыднейшая система капиталистической эксплоатации, это форма пролетаризации крестьянства, сильнее всего ведущая к вырождению. Все попытки помочь мелко-крестьянскому населению, не могущему прокормиться чисто земледельческим трудом, насаждением домашней промышленности должны иметь последствием погружение, после кратковременного весьма проблематического под'ема, в самую глубочайшую, самую безысходную нужду. Поэтому с ними следует бороться самым решительным образом.

К счастию кустарная промышленность — только переходная стадия к крупной индустрии. Рано или поздно для всякого домашнего производства бьет час, когда машина делает его технически излишним, и этот час бьет

тем раньше, чем быстрее развивается и специализируется домашняя промышленность, чем далее доводит она разделение труда.

Но этот час все еще не есть час избавления кустаря, а скорее начало мучительнейшей части его крестного пути; он означает еще более непомерное напряжение, еще более сильное подавление жизненных потребностей, еще бо́льшее изнурение семьи, выбивающейся из сил, чтобы не отстать слишком в состязании с машиной. А как долго тянется это состязание, пока, наконец, сильно отставший кустарь не падает бездыханным!

Что кустарь может так долго тянуть безнадежную борьбу, это следует приписать сельскому хозяйству.

Где земледелие имеет в виду не товарное производство, а потребности домохозяйства, там оно не подчиняется движущей силе конкуренции, там оно образует консервативный элемент, который всему отжившему дает еще призрак жизни. Оно то и затягивает до бесконечности смертный бой домашней промышленности, не дозволяет умереть ручному ткачеству, которое отжило уже более полвека.

„Причина, почему, несмотря на непрекращающиеся конвульсии этой отрасли промышленности (ручного ткачества в северной Богемии), оно держится в прежних размерах, лежит в значительной мере в том, что большая часть ткачей имела немного земли: в счастливые времена она служила для пополнения промышленного заработка, а во время нужды служила средством кое-как пережить кризис“ (A. Braf, „Studien über nordböhmische Arbeiterverhältnisse“, 123).

Несмотря на это, деревенская кустарная промышленность последнее время быстро падает всюду, где крупная индустрия вторгается в деревню и не для того, чтобы конкурировать с кустарем, а для того, чтобы доставить ему новый заработок.

Крупной промышленности для развития необходима наличность больших масс, лишенных собственности, пригодных (умелых и дисциплинированных) рабочих и близость крупного рынка. Эти условия она находит прежде всего в крупных торговых центрах. Ее развитие само притягивает новые массы рабочих и вызывает приток их в места, где она расцветает. Тенденция капиталистической крупной промышленности ведет, таким образом, к прогрессивной концентрации масс населения и экономической жизни в больших городах.

Но, благодаря ряду факторов, не весь поток растущей крупной индустрии направляется в города, некоторые ручейки ее оплодотворяют и деревню. Эти факторы частью естественной, частью социальной природы.

К первым относится прежде всего растущий вместе с распространением крупной индустрии спрос на сырые и вспомогательные материалы, которые не могут быть производимы в городе, а только в деревне и в виду массового потребления должны производиться массами, в крупных хозяйствах. Сюда относится прежде всего горнопромышленность. Ее возникновение — могущественное средство революционизирования сельских отношений. Далее, сюда относится переработка на месте сырых материалов, громоздких, сравнительно с их ценностью, невыносящих далекого транспорта. Так возникают в деревне железные, кирпичные, сахарные заводы и пр.

Наконец, легкая эксплоатация значительной водяной силы иногда привлекает некоторые производства в довольно отдаленные от городов долины.

На ряду с ними действуют и социальные факторы. В городах уровень потребностей выше, чем в деревнях, а при одинаковом уровне потребностей издержки содержания рабочей силы больше, благодаря более высокой земельной ренте жилищ, затратам на подвоз пищевых средств, отсутствию у рабочих собственного земледельческого хозяйства. Уже поэтому денежная заработная плата в городе должна быть выше, чем в деревне.

К этому присоединяется концентрация рабочих масс на небольшом пространстве. Она позволяет им легче сговориться и организоваться. Она делает более трудным надзор и действительное воздействие на них. При многочисленности промышленных заведений уволенный всегда может надеяться найти пристанище. Не то в деревне; там рабочие менее могут противиться капиталу, они более покорны и менее требовательны. Это является для крупных промышленников большим соблазном для переноса своих предприятий в деревню, и, если в деревне на лицо нужные рабочие силы, что, к их сожалению, встречается только местами, и имеются все другие условия для успешного ведения дела, они делают это тем охотнее, чем сильнее растет в городах рабочее движение.

Этот перенос крупной индустрии в деревню происходит тем раньше, чем более развиты средства сношений — каналы, железные дороги, телеграфы, потому что тем легче ей сохранять тесную связь с крупным рынком. С другой стороны, возникновение крупных предприятий в деревне само образует могущественный мотив к развитию современных средств сообщения. А их постройка, содержание и эксплоатация снова дает ряд заработков сельскому населению.

Ближайшие последствия этого для мелких сельских хозяев и их земельной собственности едва ли благоприятнее, чем последствия режима домашней промышленности. Более крупные хозяйства, производящие жизненные средства на рынок, конечно, выигрывают по меньшей мере соответственно громадному расширению рынка сбыта для их товаров и непосредственного приближения его. Но эта выгода более чем уравновешивается недостатком рабочих рук, которые отвлекает к себе индустрия. Однако об этом погорим в другой главе.

Все же, как мелкие, так и крупные сельские хозяева страдают от повышения цен на землю. Крупная индустрия вызывает быстрый прирост населения, не только, подобно кустарной промышленности, вследствие облегчения заключения браков и основания домохозяйств, но и вследствие привлечения рабочих со стороны. крупное капиталистическое предприятие в деревне редко довольствуется теми рабочими силами, какие дает ему его непосредственная обстановка. Спрос на квартиры и клочки земли повышается, а вместе с ним и цена на них. А чем выше цена земли, тем меньше, при равенстве прочих условий, остается у покупателя средств на ведение хозяйства, тем скуднее его инвентарь. К этому мы еще вернемся в следующей главе.

Ко всему этому присоединяется еще и различие в требованиях, которые индустрия обыкновенно пред'являет к рабочим по сравнению с домашней промышленностью. Последняя большею частью ведется так, что временами, например, во время жатвы, вся семья прерывает свою промышленную деятельность, чтобы посвятить себя сельско-хозяйственной. Конечно, это бывает не всегда. В некоторых домашних производствах сезон самой усиленной работы совпадает со страдной земледельческой порой. „Именно в горячее время жатвы, когда рабочий день земледельца часто тянется двадцать часов, а ночной отдых четыре, усиленно работает и игрушечный мастер, не имея ни минуты свободной для необходимых полевых работ (E. Sax, „Die Hausindustrie in Thüringen“. I, 48).

Где дело обстоит так, там домашняя промышленность и земледелие обособляются, соединение их в одних руках становится невозможным. Но это далеко не общее правило.

Иное в крупной промышленности. Уже большая величина ее постоянного капитала, который бесполезно изнашивается, раз не употребляется в дело, заставляет предпринимателя, по возможности, избегать больших перерывов процесса производства. Только немногие крупные промышленные предприятия работают часть года, притом тогда, когда земледельческие работы прекращаются или не особенно настоятельны. Таковы, например, сахарные заводы,

„кампания“ которых начинается осенью, после сбора свекловицы, и продолжается зимою, всего месяца четыре; она по возможности ускоряется, потому что к весне свекловица легко портится.

Таким образом, работа на сахарных заводах не отнимает у земледельческого рабочего и карликового крестьянина времени, необходимого для сельского хозяйства.

Работа в каменноугольных копях также порою совместима с земледельческим трудом. Зимою нужда в угле больше, спрос сильнее, а, с другой стороны, введение ночных смен „освобождает“ часть рабочих днем; они должны бы использовать его для отдыха, но нередко используют для сельскохозяйственных работ, подзадориваемые своей высокой заработной платой и из-за желания освободиться от избытка силы, для израсходования которой слишком короткий рабочий день в копях недостаточен.

Кергер сообщает: „В округе Реклингаузен земледельческий труд чередуется с неземледельческим; имеющие там землю поденщики от начала жатвы до конца ноября работают в деревне, остальное время на горных участках“ („Verhältnisse der Landarbeiter“, I, 124).

В горнопромышленной области Гельсенкирхен, Бохум, Дортмунд владеющие землей сельские рабочие почти исчезли. „Хотя иногда и употребляются поденщики без всякой земельной собственности, но большая часть их принадлежит к рабочим, которые при коротком рабочем дне находят время заниматься еще несколько часов в день сельско-хозяйственными работами, в особенности, если они участвуют в ночной смене; они нанимают у крестьян квартиру с обязательством помочь им во время жатвы или снимают в аренду, с таким же обязательством, кусок земли для разведения картофеля; наконец, бывают и такие, которые вследствие потери сил уже не годятся для горных работ... Изредка сообщают о доходе поденщиков от собственного хозяйства; тут, конечно, подразумеваются горнорабочие, которые побочно занимаются сельскими работами. Они иногда нанимают домик с огородом, держат одну-две коз и, случается, получают разрешение засеять картофелем столько земли, сколько могут унавозить“ (там же 132).

Наконец еще пример из восточного углепромышленного района, Силезии: „В каменноугольных и промышленных округах весьма частое явление, что земледельческие рабочие работают в угольных копях и в особенности в строительном деле или на фабриках, а ко времени жатвы возвращаются в деревню. В особенности это имеет место у мелких собственников“ (там же, III, 502).

При таких обстоятельствах горные работы могут стать сильной опорой крестьянского хозяйства. Чересполосица действует весьма вредно на крестьянское землевладение всюду, говорится в одном сообщении из Вестфалии, где собственник должен жить со своей земли. Где же крестьянство, как 80% его в округе Зиген, имеет еще порядочный заработок на рудниках и заводах, там вред не выступает наружу („Bäuerliche Zustände“, II, 8).

Но если в отдельных отраслях и требуется или возможна сезонная работа, то крупная промышленность вообще требует от работника непрерывной работы в течение целого года.

Но она не требует всех рабочих сил семьи, как домашняя промышленность. Эксплоатация детей моложе 14 лет воспрещена уже законом. Хозяйке труднее работать в крупной промышленности, чем в домашней: в последней ей не нужно покидать дома, как в первой. Если она легко решается на домашне-промышленный труд, то не легко решится бросить дом и детей; в деревне решиться на это ей еще труднее, чем в городе, потому что здесь домохозяйство играет гораздо более важную роль, и его функции не сокращаются народными столовыми, яслями, детскими садами и т. п.

К рабочим силам, которые режим крупной промышленности оставляет на долю домохозяйства и связанного с ним земледелия, присоединяются еще инвалиды труда. Домашняя промышленность находит дело для всех, даже для самых слабых, крупная же промышленность требует от своих рабочих такого напряжения, на какое они способны лишь в цвете лет, и быстро истощает ее. В деревне карликовое хозяйство дает подходящее занятие созданному таким образом многочисленному классу инвалидов промышленности.

Подобно домашней промышленности, хотя и на иной лад, и крупная промышленность ухудшает рабочие силы, которыми может располагать мелкое земледелие, поощряя в то же время измельчание, а вместе с ним и ухудшение хозяйств.

С другой стороны, крупно-промышленный капитал, подобно домашне-промышленному и по тем же причинам, почти не встречает в деревне сколько-нибудь значительного отпора со стороны рабочих и доводит эксплоатацию и вырождение их до крайней степени.

Типичную картину такого рода деревенской крупной индустрии дает нам, например, Геркнер в своей превосходной книге о верхне-эльзасской хлопчатобумажной промышленности и ее рабочих. Как ни скверны условия в Мюльгаузене, на текстильных фабриках, расположенных по деревням, они еще хуже. „Рабочее время в общем длиннее. Сам К. Град сообщает о 13—14 часовом труде. Ночная работа, даже подростков, встречается часто. В нравственном отношении подросткам-работницам делают те же упреки, что и в Мюльгаузене. Равным образом всюду царять штрафы и вычеты. Часто они еще обостряются сильной зависимостью работника. В большинстве местностей промышленного района местная фабрика представляет единственный источник заработка... К этому присоединяется еще то обстоятельство, что работник обыкновенно прикован к земле маленьким хозяйством, которое ведет жена или родители. О влиянии рабочего на условия труда нет и речи.

„Заработная плата, в среднем, на т р е т ь ниже, чем в Мюльгаузене,— разница, которая еще превосходит разницу в ценах предметов необходимости, так что в действительности жизненный уровень падает еще ниже... В нище преобладает картофель, мясо же подается в лучшем случае только по воскресеньям. Потребление водки гораздо больше, чем в Мюльгаузене. Говорят, в В ге ах есть промышленная деревня, в которой 800 жителей выпивают в год 3)0 гектолитров“.

Положение рабочих ухудшается еще господствующей системой расплаты товарами (Trucksystem).

„Худшим условиям жизни соответствует и еще далее зашедшее физическое вырождение... Окружной врач (округа Танн) сообщает: „В фабричных деревнях, где все работают на фабриках с самых малых лет, почти все явившиеся на призыв оказались негодными, и мы думаем, что если так продолжится далее, то вскоре призывной комиссии здесь нечего будет делать... Несмотря на слабое здоровье, население крайне трудолюбиво... Старики, уже не работающие на фабриках, отдаются обработке небольшого поля, требующей сильного напряжения, в виду возвышенного и крутого положения „крютеров“ (стр. 349—352).

Как ни мрачна эта картина, в ней все же больше проблесков надежды, чем в картине домашней промышленности. Дети отстранены от фабричной роботы, процесс производства ведется хотя не на свежем воздухе, как в земледелии, но все же вне жилья, в просторных помещениях, которые, при всех своих недостатках, в гигиеническом отношении далеко превосходят лачуги кустарей. И именно потому, что на фабрике работник „не свободен“, не может начать и бросить работу, когда вздумается, что порядок для всех одинаков и труд движется в более тесных границах, чем домашняя робота, его легче кон-

тролировать и ограничить законом. Фабрика соединяет разрозненные рабочие силы, облегчает соглашение их между собою; она ставит фабричную деревню в тесное соприкосновение с внешним миром, развивая средства сообщения и привлекая интеллигентные рабочие силы из города в деревню. Таким образом, она становится средством сближения части сельского населения с городским пролетариатом, постепенного пробуждения в нем интереса и участия в борьбе за лучшую долю, а при благоприятных обстоятельствах склоняет к активному участию в этой борьбе.

Деревенская фабрика увеличивает ряды пролетариата, не экспроприируя мелких сельских хозяев, не отделяя их от земли. Напротив, она дает средства приближающемуся к банкротству карликовому собственнику удержать свою собственность, дает еще более многочисленному слою не имеющих собственности возможность завести маленькое собственное хозяйство на купленной или арендованной земле.

Три рассмотренных здесь вида мелко-крестьянских побочных заработков не исключают друг друга. Они могут существовать и часто встречаются рядом. Так, например, сообщают: „Для жителей эйзенахского оберланда, в особенности для мелких крестьян беднейших местностей с ничтожным владением, домашняя индустрия в качестве побочного занятия имеет особенное значение... Можно указать следующие домашние производства: фабрикация пробок, тканье поясов и плюша, плетение кнутов, сапожное мастерство, щеточное производство, вырезывание трубок,—производства, дающие семье заработок в 1, 2 и 3 марки; ими часто занимаются даже крестьяне, владеющие 8—9 гектарами... Кроме того—рубка дров, рубка и сплав леса и разработка богатых залежей базальта дают порядочный заработок, в особенности в свободное от земледельческих работ время“ („Bäuerliche Zustände“, I, 50, 51).

Для юга воспользуемся сообщением А. Гейца о положении крестьян в оберамтствах штуттгартском, бёблингенском и герренбергском: „Было бы ошибочным думать, что сельско-хозяйственный труд дает многочисленному сельскому населению достаточное пропитание. Существенное значение скорее имеют сторонние заработки, в особенности для обоих западных округов. Здесь прежде всего следует назвать лесные работы, которыми... занято постоянно порядочное, а временами и значительное число лиц... Особенно поучительно исследовать состояние домашней индустрии, ткачества и вышивания. На ряду с нею возникает крупная индустрия. В течение последних лет возникло несколько крупных предприятий, старые расширяются, размножаются мелкие предприниматели, рассчитывающие на дешевый труд... Далее следует мелкая торговля молоком, яйцами, птицей и некоторыми промышленными продуктами. Наконец, местностями поденщиков можно назвать, кроме деревень, непосредственно окружающих Штуттгарт,—Меринген, Бонланден, Пляттенгардт, Файгинген, Рор, Мусберг, Бирках, в то время как из Руйта, Геумадена, Кемната, Шарнгаузена и даже Плинингена многие ходят на эслингенские прядильни“.

Но не везде так много побочных заработков и не всегда их достаточно для покрытия нужды мелких сельских хозяев в деньгах. Если заработок не ищет крестьянина, то последнему ничего не остается, как разведывать о нем, искать его, хотя бы пришлось на время бросить землю. Чем более развиваются современные средства сношений,—причем железные дороги облегчают продвижение, а почта и газеты приносят известия о том, что делается где-то далеко,—тем легче поселянин решается расстаться, хоть на время, со своей деревней и тем на более далекие странствования он отваживается. Часть мелко-крестьянской семьи, понятно, самая трудоспособная, периодически отправляется в отход, чтобы прокормить себя и заработать денег для всей семьи. Здесь нас интере-

сует только этот вид отхода, а не отход на долгий срок, потому что теперь мы исследуем не те формы пролетаризации крестьянина, которые и по внешности легко узнать, но те, гораздо более важные, при которых крестьянин удерживает свой облик, перенимая только функции пролетария.

Уходящему в отход крестьянину, естественно, ближе всего сельско-хозяйственные работы. В местах, где собственное население не покрывает спроса на наемный сельско-хозяйственный труд, нет недостатка. Уже в предыдущей главе мы указывали на нужду в рабочих в крупных имениях; мы увидим, что она не минует и крупного крестьянского хозяйства. В самых различных областях Германии есть спрос на странствующих сельско-хозяйственных рабочих; их нанимают частью на все лето, частью только на время жатвы; они находят роботу не только к востоку от Эльбы, но и в прирейнских землях, Баварии и Вюртемберге, Шлезвиге и Голштинии.

В пример приведем отход в Баварии: „Часто происходит обмен робочих сил между областями, производящими хлеб, и областями, производящими хмель, так что ко времени жатвы рабочие из последних направляются в первые и обратно. Кроме того на основании отчетов можно установить следующие выводы отхода сельских рабочих: верхняя Бавария в летние месяцы привлекает рабочих, главным образом, из баварского полесья и сама посылает отхожих рабочих из тех областей, где жатва оканчивается рано, в Швабию. В Швабии происходит обмен между верхней и нижней Швабией; кроме того Тироль посылает сюда в большом числе пастухов. Нижняя Бавария снабжается рабочими силами из баварского полесья и Богемии и посылает их в отход во время жатвы недель на 6 из округа Вильсгофена в Остенгофер, а ко времени сбора хмеля из округа Штраубинга в области, разводящие хмель. Из верхнего Пфальца мужчины на время жатвы уходят из округа Вейдена в Верхнюю и нижнюю Баварию, женщины для сбора хмеля—в области, разводящие его; туда же уходят работники из округа Нейштада; округа Неймаркт и Штадтамгоф привлекают для сбора хмеля и картофеля преимущественно женщин, а иногда детей, из восточных частей верхнего Пфальца, баварского полесья и Богемии. Верхняя Франкония высылает рабочих, особенно из округа Байреута, в Тюринген и Саксонию, но привлекает на время жатвы женщин и детей из горных областей, где хлеб созревает позднее. В средней Франконии происходит большой обмен между областями, возделывающими хлеба, и областями, разводящими хмель; округ Герсбурк привлекает на время сбора хмеля в большом числе мужчин и женщин из Рена, Шпессарта и Оденвальда; в крупные имения, разводящие свекловицу, весною приходят польские рабочие и остаются до осени. В Рейнпфальце Сикингерская возвышенность привлекает на время сбора картофеля преимущественно женщин из северных частей округа Гомбург, так называемых „деревень музыкантов“, а посылает на время жатвы рабочих в области, лежащие около Вормса и Остгофена, а осенью, недель на 6, на молотьбу в общины Саарбрюкена. Крупные имения с недавних пор нанимают рабочих из восточной Пруссии на время с апреля по ноябрь“. („Verhältnisse der Landarbeiter“, II. 115.152).

Этот список можно было бы продолжить до безконечности для всех частей Германии.

Чрезвычайные размеры принял отход итальянских рабочих, которые летом работают в Европе, а зимою, на которую в южном полушарии приходится лето, едут на полевые работы в Аргентину. Еще поразительнее странствования китайцев, которые, конечно, не на один сезон, но на много лет, хотя и не на всю жизнь, отправляются в Соединенные Штаты, Канаду, Мексику, Вест-Индию, Австралию, Зондские острова, доходят до Южной Африки; это идеал немецкого странствующего рабочего для наших аграриев.

Но странствующие рабочие не ограничиваются лишь земледелием. На ряду с ним более выгодное занятие дает развитие крупной промышленности, городов, средств сообщения. Частью и здесь, как в земледелии, они находят сезонную работу, и, к несчастию для сельских хозяев, именно летом, как, например, проведение железных дорог, прокладывание каналов, ломка камня, всевозможные строительные работы в городах; частью же получают постоянное занятие в качестве прислуги, чернорабочих, извозчиков и т. д.

В некоторых областях развились совершенно своеобразные виды отхода. Так, например, Куно Франкенштейн сообщает о висбаденском правительственном округе: „Западный Диллькрейс, остальная часть второго округа, Вестервальд и граничащая с ним северо-западная часть округа Оберлан имеют большой избыток рабочих сил; поэтому многие рабочие из этих округов идут в рейнские промышленные округа и остаются там с весны до зимы; другие же отправляются в качестве офеней". О последнем отходе, который совершается в больших размерах, один корреспондент из Унтервестервальда сообщает следующие интересные сведения: „Весной в деревнях появляются коробейники и вербуют разнощиков среди взрослой мужской и женской молодежи. В феврале они тянутся с ними в разные страны: Голландию, Швейцарию, Польшу, Саксонию и пр. Навербованные получают в главных местах, напр. Лейпциге, товары, которые должны сбыть по известным ценам, а выручку сдать хозяевам. В виде жалованья они получают помимо путевых издержек, сообразно своей торговой ловкости, 300—400 марок. К Рождеству они обыкновенно возвращаются на родину с порядочными сбережениями".

„Уже давно замечено, что в тех местах, где вербуются эти разнощики, хозяйство улучшается, так как дети отдают заработок родителям на общие нужды. Он тратится на лучшее обзаведение хозяйства, например, покупку скота, особенно коров, на приобретение искусственного удобрения для повышения урожайности, на расширение землевладения, а также вкладывается в сберегательные кассы.

„В некоторых местах число вербуемых так велико, что дома остаются лишь самые необходимые рабочие силы. В финансовом отношении странствование приносит выгоды, в нравственном же не лишено темных сторон, в особенности, для женщин" (там же, II, 27).

Бедные горные деревни Пфальца охотно посылают избытки своих рабочих сил на чужбину в качестве м у з ы к а н т о в: „Почва, состоящая из вогезского песчаника, мало плодородна; сельские хозяева, даже имеющие 3—4 гектара, живут очень бедно и часто вынуждены для пополнения дохода прибегать к побочным заработкам. В таких общинах работодатель (?) принужден искать работы в других странах, и он отправляется на чужбину в качестве музыканта или каменщика, реже в качестве слуги. Музыканты, большею частью, бережливы и посылают домой так много денег, что семья беспечально живет и в состоянии м а л о - п о м а л у приобресть н е б о л ь ш о е к р е с т ь я н с к о е имение. У каменщиков дела редко складываются так благоприятно, а всего менее зарабатывают на чужбине слуги" (там же, II, 193).

Сезонные рабочие регулярно возвращаются домой, принося выручку за свой труд в свои земледельческие хозяйства. И здесь крупное хозяйство, городское и деревенское, промышленное и земледельческое, дает мелкому хозяйству новые силы. Другие силы дает ему заработок ушедших в отход на более продолжительное время. Последние, большею частью, холостые, возвращаются назад не все. Многие оседают в местах своей новой деятельности, но, несмотря на это, посылают домой значительную часть своих сбережений семье, которая не может прокормиться со своего хозяйства. Об Ирландии говорят, что ренты ее карликовых фермеров выплачиваются из заработка ирландских служанок в Америке; не лучше дело обстоит с налогами некоторых немецких крестьян. И

не малое число возвращается обратно, несмотря на деревенскую нищету, к тому клочку земли, на котором родились; они возвращаются, чтобы жениться или наследовать, получить отцовское именьице, принося с собою свои сбережения, которые на время спасают близкое к банкротству хозяйство, дают иному карликовому хозяйству возможность прикупить землицы, обзавестись коровой, починить развалившуюся избу.

Для тех стран, куда эти работники направляются, они образуют помеху развитию. Они являются из экономически отсталых, бедных стран, поэтому менее требовательны, а, большею частью, также и более невежественны и покорны... Их неспособность давать отпор еще усиливается тем, что они на чужбине не имеют корней в населении, которое склонно относиться к пришельцам враждебно, и языка которого они часто не понимают. Они то всего охотнее соглашаются на понижение платы, являются штрейк-брехерами, они всего труднее организуются в профессиональные союзы. Но эти самые элементы, задерживающие прогресс там, куда приходят, служат деятельнейшими пионерами его для тех мест, откуда приходят и куда возвращаются. При всем своем противоречии с новой обстановкой, они не могут вполне избежать ее влияния; они усваивают новые потребности, новые идеи, которые разрушительны, революционны для старой, какими-бы отсталыми ни были для их новой среды. Те самые элементы, которые здесь являются прислужниками эксплоатации и угнетения, там становятся возбудителями и проводниками недовольства и классовой борьбы.

„Расширение умственного кругозора, жалуется Кергер, большая подвижность и возбудимость, приобретаемые странствующими рабочими на чужбине, часто имеет следствием решительное падение уважения к существующим авторитетам. Эти люди становятся дерзкими, упорными, надменными, заносчивыми и своим примером способствуют разложению патриархальных отношений, которые еще существуют между господами и рабочими в большинстве западных имений, в полной гармонии с тамошними экономическими и социальными условиями“ („Die Sachsengängerei“, 180).

Таким образом, отхожие промыслы действуют подобно перенесению крупной индустрии в деревню: они усиливают мелкое землевладение, этот будто бы столь консервативный элемент, но в то же время совершенно переворачивают условия существования мелких собственников, сообщая им потребности и воззрения, которые всего менее консервативны.

Тот, кто думает, будто простыми статистическими цифрами исчерпывается все бесконечно разнообразное содержание социальной жизни,—может вывести из цифр статистики успокоительное заключение, что как бы ни подвигалось развитие в городе, в деревне все остается по старому и решительного развития в каком-нибудь направлении не замечается.

Но кто посмотрит, что скрывается за этими цифрами, кто не остановится, как загипнотизированный, на отношении между мелким и крупным землевладением, тот придет к другому заключению; тот увидит, что крупные хозяйства не изменяются в числе, что мелкие хозяйства не поглощаются крупными, но что оба они, благодаря промышленному развитию, совершенно революционизируются и именно в том направлении, что мелкое землевладение приходит все в более и более тесное соприкосновение с лишенным собственности пролетариатом, и что интересы того и другого все более и более сближаются.

Но этим еще не исчерпывается влияние экономического развития.

Оно вызывает на свет еще целый ряд новых факторов, коренным образом изменяющих сущность земледелия, производящего товары на рынок, а, следовательно, излишек для общества.

IX.

ВОЗРАСТАНИЕ ЗАТРУДНЕНИЙ, ВСТРЕЧАЕМЫХ ТОВАРНЫМ СЕЛЬСКИМ ХОЗЯЙСТВОМ.

а) Земельная рента.

Мы видели, что капиталистический способ производства, благодаря современному крупному производству, в техническом отношении поднял на значительную высоту низко упавшее в конце феодальной эпохи сельское хозяйство. Но мы видели также, что тот же самый способ производства вызывает тенденции, мешающие развитию и распространению крупного производства; при данном общественном строе эти тенденции сильнейшим образом противодействуют исключительному господству этого способа в сельском хозяйстве, а, следовательно, и не дают сельскому хозяйству достигнуть наивысшего доступного ему при данном состоянии техники уровня. Мы видели, что эти задерживающие тенденции, благоприятствуя парцелляции (дроблению) земли, могут даже вести кое-где к техническому регрессу в земледелии.

Но капиталистический способ производства вредно отзывается на сельском хозяйстве не одними только создаваемыми им затруднениями для крупного производства. Не менее вредным в этом отношении является и влияние земельной ренты. Мы уже неоднократно указывали на то, что рыночная цена земли, в сущности, есть не что иное, как капитализированная земельная рента. Мы говорим здесь только о цене земли, а не о цене имения. Цены строений, живого и мертвого инвентаря, как и цены всех других товаров, определяются в последнем счете потребным для их производства общественно-необходимым рабочим временем.

Промышленному капиталисту тоже приходится платить земельную ренту или покупать землю. Но цена земли составляет только незначительную часть вкладываемого им в производство денежного капитала.

Не то в сельском хозяйстве. Так называемый земельный капитал, т. е. капитализированная земельная рента, превышает тот денежный капитал, который сельскому хозяину приходится затрачивать на обработку имения, если только он ведет хозяйство на собственной земле.

В средних и более крупных хозяйствах средней Европы, где скот выкармливается в стойле, необходимый для ведения хозяйства капитал обыкновенно составляет 27—33% земельного капитала, но он может опускаться до 15% и подниматься до 40%, смотря по интенсивности хозяйства. В среднем этот производственный капитал составляет в Саксонии 410 марок на 1 гектар, при средней покупной цене имения в 1.930 марок (см. Krämer в „Handbuch“ Goltz'a, I, 277—279 и Krafft, „Betriebslehre“, 58—60).

Бухенбергер приводит в пример одного баденского крупного крестьянина, имение которого стоит 46.233 мар. Из этой суммы 6.820 м. (14,72%) приходится на инвентарь, 5.480 м. (11,9%) на строения, тогда как на землю приходится 33.923 м. (73,4%) („Bäuerliche Zustände“, III, 249).

Из всего затраченного капитала только одна четверть действительно функционирует в процессе производства.

Таким образом, сельский хозяин может утилизировать в своем хозяйстве, как действительный капитал, только незначительную часть своего капитала. Гораздо большую часть его, от двух третей до трех четвертей, он должен уплатить прежнему владельцу земли за одно только разрешение вести хозяйство. Поэтому его хозяйство должно постоянно иметь меньший размер и меньшую интенсивность, чем оно могло бы иметь по размерам находящегося в его распоряжении капитала.

Но так как практики (вопреки теоретикам) в известных, уже выше отмеченных, пределах предпочитают при равных затратах капитала бо́льшее, хотя бы и обремененное долгами, имение меньшему, свободному от долгов, то очень редко бывает, чтобы сельский хозяин целиком заплатил за имение. Он рассматривает почти весь находящийся в его распоряжении капитал, как производственный капитал, и им соразмеряет величину хозяйства, которое он намерен завести. Земли он не оплачивает или оплачивает только незначительную часть ее; цена земли образует его долг; она лежит на его имении в виде ипотеки; другими словами—покупатель принимает на себя обязательство уплачивать земельную ренту своему кредитору, владельцу ипотеки, который в сущности и является настоящим собственником земли.

Таким образом, всякая перемена владельца имения является источником задолженности. Если было бы преувеличением полагать, что смена владельцев является единственным источником обременения землевладения ипотекой, что потребность в мелиоративных затратах здесь может вовсе не приниматься во внимание, то все же верно, что эта смена является главной причиной роста ипотечных долгов.

Там, где господствует арендная система, сельский хозяин-предприниматель может целиком затрачивать свой капитал на ведение хозяйства; при этой системе сельское хозяйство может наиболее полно развить свой капиталистический характер; фермерское хозяйство есть классическая форма капиталистического сельского хозяйства.

На ряду с полным использованием предпринимательского капитала арендная система представляет также ту выгоду, что позволяет землевладельцу из конкурирующих фермеров выбирать наиболее дельных и владеющих большим капиталом, тогда как при ведении хозяйства самим владельцем личность сельского хозяина определяется случайностью рождения, наследственным правом.

При мелком хозяйстве это не имеет большого значения. Крестьянское хозяйство остается все еще очень шаблонным и простым. Да и дети крестьянина рано начинают участвовать в хозяйственных работах и, таким образом, приобретают необходимые знания. Различия в дарованиях между отдельными сельскими хозяевами могут быть и здесь, но они обыкновенно не велики и не слишком влияют на ведение хозяйства.

Другое дело крупное хозяйство. Последнее является сложным организмом, управление им требует как многосторонней практической опытности, так и основательного научного и коммерческого образования. Крупные же землевладельцы в ходе капиталистического развития все более и более превращаются в класс с городскими потребностями и наклонностями; их тянет в город, детям своим они дают городское воспитание. Воспитание в обстановке сельского хозяйства для сына крупного землевладельца вовсе не представляется таким обязательным, как для сына крестьянина. Притом образование, получаемое им в городе, не дает ему основательных агрономических или коммерческих познаний. К тому же крупные землевладельцы, хотя и носят городской облик, все еще слишком глубоко погрязли в своих феодальных традициях. Двор и армия являются воспитательной школой подрастающего поколения крупных землевладельцев. Часто случайность рождения делает сельским хозяином молодого человека, который проходил „курс наук“ на скаковом кругу и в первоклассных ресторанах и стал разве знатоком вина и лошадей. Понятно, что не такому человеку демонстрировать на практике превосходство крупного хозяйства над мелким. Но его имение, особенно при возрастании земельной ренты, может еще на долго оттянуть для него предстоящее банкротство.

Иное дело арендатор. У него земельная рента не может покрыть дефицита в предпринимательской прибыли. Он не может также помочь себе путем обременения имения долгами; каждый год он должен пунктуально уплачивать

арендную плату. Если, с одной стороны, можно выбирать самых способных фермеров, то с другой—неспособные скоро становятся банкротами. Конкуренция оказывает более резкое действие на фермеров, чем на сельских хозяев, являющихся в то же время землевладельцами.

А так как кроме того фермер не должен нести никаких расходов по приобретению земли, а часто также и строений, то весь свой капитал он расходует на ведение хозяйства; поэтому при данном размере капитала он оказывается в состоянии наиболее интенсивно обработать бóльшее имение; следовательно, при капиталистическом способе производства арендная система дает высший размер чистого дохода.

Но и арендная система имеет свои темные стороны. Фермер в высшей степени заинтересован в том, чтобы земля давала возможно высший доход, и он создает для того наилучшие условия; но он не заинтересован в постоянстве этого дохода, заинтересован тем менее, чем краткосрочней его арендный договор. Чем скорее он истощит почву, тем прибыльнее будет для него хозяйство. Правда, контракт может запрещать ему такое хозяйство, которое ведет к ухудшению и истощению почвы; арендные договоры содержат в этом отношении самые детальные требования, но в лучшем случае они ведут лишь к удержанию хозяйства на достигнутом уровне. Прогресс хозяйства слабо поощряется арендной системой. Фермер вовсе не заинтересован в производстве улучшений или во введении новых приемов культуры: они требуют с самого начала больших затрат, а проявляют свои благодетельные последствия—целиком или отчасти—только по истечении арендного договора; они являются причиной повышения арендной платы и, следовательно, повышают земельную ренту, а не его предпринимательскую прибыль. Фермер поостережется принимать улучшения, если он не уверен в возможности вернуть в течение своего арендного срока затраченный капитал вместе с процентами.

Чем долгосрочнее арендный договор, тем благоприятнее арендная система для сельско-хозяйственного прогресса. Но где имеет место процесс возрастания земельной ренты, там землевладелец имеет все причины, по возможности, сокращать сроки арендных договоров; таково вернейшее средство отвести в свой карман целиком рост ренты.

Таким образом, как при арендной системе, так и при хозяйстве на собственной земле, земельная рента является могущественным препятствием к рациональному сельскому хозяйству. Столь же могучим препятствием является право наследования.

б) Право наследования.

Только введением полной частной собственности на землю и уничтожением не только сословных привилегий, но и привилегий рождения можно было разбить феодальные оковы, стеснявшие сельское хозяйство столько же, сколько и индустрию, и сделать возможным дальнейшее развитие сельского хозяйства. Буржуазное общество требует не только равенства всех граждан пред законом, но и равенства всех детей в семье и, следовательно, раздела между ними родительского состояния поровну. Но те же самые учреждения, которые повели к быстрому расцвету сельского хозяйства, вскоре с своей стороны стали превращаться для него в новые оковы.

Уже раздел капитальной собственности родителей является сильным препятствием к соединению массы капиталов в одних руках. Но концентрация капитала—продукт не только централизации старых, но и накопления новых капиталов, и это накопление настолько значительно, что концентрация капитала быстрыми шагами идет вперед, не смотря на продолжающиеся разделы наследств.

В землевладении не может быть и речи о явлении, соответствующем накоплению нового капитала, по крайней мере, в старых культурных странах, где всякий клочок земли имеет своего собственника. Но мы знаем, что и централизация земельных владений встречает бо́льшие затруднения, чем централизация капиталов. Здесь раздел наследства должен сильнейшим образом благоприятствовать прогрессирующей парцелляции землевладения.

Но как бы глубоко не влияли юридические отношения на экономическую жизнь, последняя в итоге всегда оказывается решающей силой. Раздробление землевладения осуществляется поэтому только там, где это позволяют экономические отношения, обрисованные в предыдущей главе. Но там, где это имеет место, разделы наследства оказываются в высшей степени действительным средством для ускорения развития.

Наоборот, иначе обстоит дело там, где имение предназначается для товарного, а не для домашнего хозяйства и, следовательно, подчинено конкуренции, где более крупное имение явно берет верх над более мелким, и раздробление землевладения влечет за собой прямые, в глаза бросающиеся невыгоды, напр., там, где преобладает производство хлеба и где сельский хозяин не может прибегать к побочным занятиям; тут дробление имений in natura, при разделе наследства, только с трудом и в редких случаях делается постоянным институтом. Раздел там осуществляется гораздо чаще в такой форме, что один из наследников удерживает за собой целиком все имение и выплачивает остальным сонаследникам их доли. Так как он почти никогда не обладает нужным для того капиталом, то такой раздел, как правило, может осуществиться только потому, что наследник закладывает имение. Здесь выплата сонаследникам их доли является только особой формой вышеупомянутой покупки имения без достаточного капитала. Но при наследовании переход имения из рук в руки является недобровольным, и притом повторяется с естественной необходимостью из поколения в поколение. Здесь наследственное право ведет только к тому, что наследник получает свое хозяйство уже заранее обремененным долгами и что получающиеся у него избытки он должен тратить на уплату процентов по ипотеке, вместо того, чтобы копить капитал и улучшать хозяйство. И если ему даже удается выплатить долги, его преемник оказывается в таком же положении, даже еще с бо́льшими долгами, если за это время произошло возрастание земельной ренты или падение процента на капитал или то и другое вместе, и ценность имения возросла, благодаря одному или обоим этим факторам.

Возрастание стоимости имения выгодно для того, кто перестает быть сельским хозяином, кто продает свое имение, но не для того, кто становится сельским хозяином, кто покупает имения, или наследует их вместе с другими сонаследниками. Нет ничего ошибочнее мнения, утверждающего, что стремиться к поднятию цен на имения или искусственно удерживать их на высоком уровне —значит действовать в интересах сельского хозяйства. Это оказывается только в интересах наличных землевладельцев, земельных банков и спекулянтов, торгующих имениями, но далеко не в интересах сельского хозяйства, тем менее в интересах нового, идущего на смену старому поколения сельских хозяев, в интересах будущности сельского хозяйства.

Дробление имений или возрастание долгового бремени— такова альтернатива, перед которой буржуазное наследственное право ставит сельских хозяев.

В некоторых странах, особенно во Франции, сельское население старается избегнуть этой альтернативы при помощи Zweikindersystem. Без сомнения, это ведет к устранению указанных невыгод существующего наследственного права, но, подобно другим средствам, пытающимся помочь крестьянству, оно затрагивает интересы всего общества. Капиталистическое общество для своего раз-

вития нуждается в сильном приросте населения. То государство, в котором прирост рабочих сил совершается слишком медленно, отстает в конкуренционной борьбе капиталистических наций. Оно подвергается также опасности поплатиться своим политическим могуществом среди соперничающих наций, теряя возможность бросить на весы истории необходимую военную силу, покоящуюся прежде всего на числе годных к оружию. Во Франции господство Zweikindersystem ведет не только к относительному уменьшению военной силы страны — население с 1872 по 1891 г. возросло только на 2.000.000, с 36 до 38 миллионов, а с 1886 г. даже совсем не увеличилось, тогда как в Германии за то же время оно возросло на 9.000.000—с 41 до 50 миллионов. Оно ведет также к тому, что необходимые рабочие силы, которых не дает население страны, капиталистам приходится привлекать из-за границы: они выписывают бельгийцев, итальянцев, немцев, швейцарцев и т. д. В 1851 году во Франции насчитывалось только 380.000 иностранцев, 1% населения, в 1891 году уже 1.130.000,—3%. В германской империи, напротив, в 1890 г. жило только 518.510 родившихся за границей, 1% населения. Таким образом, Zweikindersystem в лучшем случае ведет к облегчению землевладения на счет военного могущества и индустриальной производительности нации. Вот почему государственные люди и экономисты Франции нисколько не увлечены этим методом спасения сельского хозяйства.

в) Фидеикомисс и наследственное право.

Во Франции революция самым основательным образом смела феодальное хозяйство и феодальное наследственное право. Напротив, в Англии и Германии крупное землевладение сохранило и в буржуазном обществе значительную силу; это, между прочим, проявляется в особой форме наследственного права, которую крупное землевладение сохранило для себя или, по крайней мере, для самых привилегированных членов своих — в фидеикомиссе. Согласно последнему земельное владение из свободной собственности отдельного лица превращается в заповедную собственность семьи, переходящую в пользование одного ее члена (обыкновенно первого сына наследодателя), но без права ее отчуждения целиком или частью. Братья и сестры наследника имеют равное с ним право на движимое имущество наследодателя, из участия же в связанном фидеикомиссом земельном владении исключаются. Со времени аграрного кризиса в Пруссии сильно возросло число фидеикомиссов. По Конраду в 7 восточных провинциях Пруссии было учреждено:

до XIX в.	153	1861/1870	36
1800 1850	72	1871/1880	84
1851/1860	46	1881/1886	135

За последние 16 лет, с 1871 г., было учреждено более фидеикомиссов, чем за первые 70 лет нашего века. И учреждение новых фидеикомиссов продолжается. Недавно появилось в печати сообщение, что в Пруссии учреждено в 1896 г.—13, в 1897 г.—9 новых фидеикомиссов. Ясно, что эти учреждения являются плодом не „заботы о сельском хозяйстве", а заботы о нескольких аристократических семьях.

Мужицкой разновидностью фидеикомисса является особая форма наследственного права, которая не вводит в землевладение таких строгих ограничений, оставляя землевладельцу большую свободу действий, но точно также уничтожает разделы наследства. В некоторых местностях Германии и Австрии, где преобладает крупное крестьянство, эта форма сохранилась, если не в законодательстве, то в обычае. В новейшее время изданы разнообразные законодательные постановления с целью закрепить этот обычай и дать ему юри-

дическую основу, так как консервативные политики и экономисты видят в нем одно из сильнейших средств для сохранения крестьянского сословия, как опоры частной собственности

Для нас не подлежит никакому сомнению, что эта форма наследства в состоянии устранить те опасности для землевладения, которые угрожают ему со стороны разделов наследства, по крайней мере, там, где она проводится решительно, без колебаний. Но в таком случае она есть не что иное, как лишение наследства лиц, до того участвовавших в сонаследовании, спасение крестьянского хозяйства на счет большинства крестьянского населения, спасение частной собственности путем конфискации права наследования у лиц, имеющих это право, словом—возведение плотин против надвигающегося пролетариата посредством увеличения численности того же пролетариата.

При заповедном крупном землевладении устранение от наследства младших сыновей, практикующееся, напр., в Англии, не имеет большого значения. Церковь, армия, администрация позаботятся о том, чтобы доставить благоразумному, лишенному наследства потомству хорошо оплачиваемые синекуры. Не то у крестьян. Они не имеют такого влияния на государство и церковь, чтобы пользоваться ими, как благотворительными учреждениями для своих младших сыновей. Ограниченное право наследства является здесь ничем иным, как осуждением всех детей, кроме одного, на батрачество.

Но эта форма наследства способствует пролетаризированию, обнищанию крестьянского населения еще и иным путем, и притом тем скорее, чем более приближается она к семейному фидеикомиссу, т. е. чем сильнее она противодействует раздроблению земли и обременению ее долгами вследствие разделов наследства. Эта форма дает решительный перевес тенденциям к его парцелляции. Таким образом, она дает возможность расширить хозяйство и поставить его на более рациональных началах, но в то же время отрывает множество мелких землевладельцев от земли, привязывающей их к родине.

Эта форма ограниченного права наследства ни по обычаю, ни по закону не имеет силы у мелких крестьян; для них она была бы только оковами; их благосостояние основывается скорее на их денежном заработке, независящем от владения землей, чем на этом владении землею. Ее назначение—охранять крупных крестьян. В Австрии она имеет силу только для участков „средней величины“, в Мекленбурге—для крестьянских имений, засевающих, по крайней мере, 37½ шеффелей, в Бремене—для участков не менее 50 гектаров, в Вестфалии и Бранденбурге—для имений с чистым доходом от земли не менее 75 марок и т. д.

Ограниченное право наследства крупного крестьянина пролетаризирует не только его младших братьев и сестер, его младших детей, но имеет тенденцию пролетаризировать и его соседей, мелких крестьян. А таким путем оно способствует также бегству из деревни в город, обезлюденью деревни, следовательно, противодействует развитию рационального сельского хозяйства.

Так, напр., относительно „местностей с ограниченным правом наследства“ в Гессене сообщают: „Здесь уже несколько лет раздаются всеобщие жалобы на недостаток рабочих. Множество молодых сильных людей, не обладающих никакой собственностью, выселяется отсюда в промышленные районы; здесь остаются только женщины, дети и старики, и из них-то сельские хозяева-крестьяне и владельцы крупных экономий должны набирать свой рабочий персонал“ (Verhältnisse der Landarbeiter“, II, 233).

Еще в больших размерах это имеет силу при фидеикомиссах. Последние являются могущественным средством для образования и расширения латифундий. Во всяком случае неверно утверждение, что в землевладении господствует только тенденция к децентрализации и что только искусственные преграды могут ей противодействовать. Там, где в сельском хозяйстве господ-

ствует товарное хозяйство, обе эти тенденции к централизации и к децентрализации выступают одна за другой и одна рядом с другой. В восточных провинциях Пруссии, по Конраду, в конце прошлого века было 2.498 частных владельцев участков свыше 1000 гектаров, с общей площадью в 4.684.254 гектара. В том числе было 308 владельцев фидеикомиссов, владеющих площадью в 1.295.613 гект., т. е. более чем четвертью площади владений, превышающих 1000 гектаров. Во Франции нет никаких фидеикомиссов. Не смотря на то, крупное хозяйство растет там сильнее, чем в Германии, как доказывает таблица, помещенная на 93 странице. В Германии хозяйства свыше 50 гектаров в 1895 г. составляли 32,56% всей находящейся в сельско-хозяйственной обработке площади; во Франции в 1892 г. площадь хозяйств более, чем в 40 гектаров, составляла 43,05% всей площади. К сожалению, во французской статистике при группировке по классам отмечается только число хозяйств с площадью, большею 40 гектаров, но не приводится их общей площади. Интересно, что чрезвычайно увеличивается именно число самых крупных хозяйств. Насчитывалось хозяйств больше 40 гектаров в 1882 г.—142.000, в 1892 г.—139.000, уменьшение—3.000. Из них:

	1882	1892	
от 40—100 гект.	113.000	106.000	уменьш. —7.000
свыше 100 „	29.000	33.000	увеличение +4.000

Правда, это статистика хозяйств, а не статистика владений. Но все же она указывает на общую тенденцию. Статистика владений может обнаружить только большую, но никак не меньшую централизацию, чем приведенная статистика хозяйств.

Но если не верно, что только защита фидеикомисса порождает крупное землевладение, то все же верно, что эта защита в высшей степени благоприятствует его возникновению и развитию; этим она создает также необходимые предварительные условия для высшей достижимой при капиталистическом способе производства ступени развития сельского хозяйства.

Большое протяжение латифундий прежде всего позволяет отводить для каждой отдельной отрасли хозяйства земельную площадь в том размере и виде, какие наиболее соответствуют особенностям этих отраслей; оно дает возможность об'единять различные отрасли хозяйства в общий планомерный экономический организм; с другой стороны, фидеикомисс облегчает накопление капитала с целью интенсифицированья хозяйства, так как он освобождает его от тягостей, которые влечет за собой раздел наследств. Согласно данным о задолженности в 1883 г. в 42 прусских административных округах на один талер чистого земельного дохода приходилось долгу (включая и долги по заложенным строениям):

Фидеикомисс и имения на особых условиях завещания.	Прочие владения с чистым доходом от земли.		
	свыше 500 тал.	от 100—500 тал.	от 30—100 тал.
20,30 марок.	84,40 мар.	54,10 мар.	56,20 мар.

Обеспеченность владения, свойственная фиденкомиссу, вызывает расчитанные на долгие сроки улучшения, а также способствует развитию арендных отношений, которые развиваются легче всего там, где арендатор уверен, что права его не будут нарушены с переходом имения в другия руки или при несостоятельности владельца.

Поэтому нельзя назвать случайностью тот факт, что существование охраняемых посредством фидеикомиссов латифундий порождает обе высшие формы капиталистического сельского хозяйства, в Англии—капиталистическую арендную систему, в Австрии—исполинское хозяйство об'единенных доменов.

Но если эта форма латифундий представляет даже большую возможность ведения наиболее совершенного капиталистического хозяйства, чем всякая другая форма землевладения, то именно охраняемые фидеикомиссами латифундии более, чем всякий другой вид землевладения, устраняют необходимость вести хозяйство на самых рациональных началах. Эта необходимость исчезает прежде всего потому, что владелец латифундий освобождается от необходимости защищать свое имение в конкуренционной борбе. Мы не принадлежим к числу тех, кто отождествляет конкуренцию на рынке с борьбой за существование, и об'являет ее естественной необходимостью. Известное взаимное соревнование членов общества и подбор наиболее приспособленных есть, конечно, непременное условие всякого дальнейшего общественного прогресса и закрепления уже достигнутого развития. Однако сильно ошибется тот, кто скажет, что сущность социалистического общества несовместима ни с этим соревнованием, ни с этим подбором. Уничтожение классовых различий, уравнение жизненного уровня отдельных общественных классов вовсе не означает уничтожения всяких социальных различий, способных поднимать энергию отдельных личностей. И теперь уже внутри рабочего союза, между членами которого нет никаких классовых различий, никакой разницы в уровне жизненного комфорта (standard of life), мы видим различия в уважении, во влиянии, в способе проявления индивидуальностей и сообразно с этим—соревнование и подбор при избрании представителей или лиц, ведущих дела всего союза; понятно, что эти различия возрастут еще больше внутри такого сложного целого, как грядущее социалистическое общество. Равенство жизненного уровня никоим образом не подавляет соревнования и не делает невозможным подбора наиболее приспособленных при замещении высших и в тоже время самых ответственных и трудных должностей; оно скорее является необходимой предпосылкой этого соревнования. Скачки лошадей, начавших свой бег с разных мест ипподрома, есть бессмыслица; такая же бессмыслица—соревнование между людьми, уже с самого начала поставленными в неравные положения. Но и подбор наиболее приспособленных может осуществиться только среди стоящих в одинаковых условиях.

Это соревнование и этот подбор не представляет собой конкуренции в смысле буржуазной экономии. И то, и другое имеет и теперь место внутри капиталистического предприятия, там, где господствует не конкуренция, как она понимается этими экономистами, а планомерное сотрудничество. Господство конкуренции в качестве регулятора экономической жизни начинается там, где прекращается планомерное сотрудничество. Взаимные отношения отдельных самостоятельных предприятий при товарном производстве определяются конкуренцией. Внутри отдельного предприятия производство регулируется планомерно, причем достигается наивысшая экономия; производство же внутри общества остается лишенным общего плана, и если оно не делается совершенно хаотическим, то только благодаря тому обстоятельству, что продукты, произведенные в избытке, обесцениваются, а те, на которые затрачено слишком мало общественного рабочего времени и которые не удовлетворяют спроса, оплачиваются выше своей стоимости—порядок самый расточительный и нерациональный из всех, какие только можно себе представить.

Отсутствию планомерности в товарном хозяйстве соответствует и способ выбора владельцев и руководителей отдельных предприятий. При господстве частной собственности на средства производства этот выбор определяется прежде всего случайностью рождения. Только уже на втором плане подбор определяется конкуренцией; однако этот подбор действует не путем возвышения наиболее способных, а скорее путем викидыванья за борт неспособных и притом не путем удаления неспособного руководителя из его предприятия, а путем уничтожения всего предприятия,—способ, который по своей

жестокости и бесплодной трате сил может во всяком случае померяться с борьбой за существование отдельных организмов в природе, как ни мало у них общего в других отношениях.

Но как бы грубо-расточителен ни был этот метод, при господстве товарного производства и частной собственности на средства производства он один обеспечивает наибольшую экономию и наивозможно рациональную постановку производства в отдельных предприятиях. Хотя фидеикомиссы и не уничтожают частной собственности на средства производства, при которой прогресс может совершаться только принудительной силой конкуренции, но для них этой силы не существует. Как-бы плохо ни вел дело владелец защищенного фидеикомиссом имения, он может таким путем только уменьшить свои доходы, но не подвергает никакой опасности свое имение.

Было бы бессмысленно мечтать гарантировать целость индустриального или торгового капитала помощью своего рода фидеикомиссов. Этот капитал слишком подвижен и изменчив, чтобы выносить подобные оковы. Капитал постоянно находится в процессе обмена веществ; сегодня он существует в форме денег, завтра в форме средств производства, после завтра в товарной форме; он подвержен разнообразным сокращениям и расширениям, смене периодов кризиса и процветания и т. д. Напротив, земля, как-бы часто ни приравнивали ее капиталу, подчиняется совершенно другим законам. Она не представляет собою созданной трудом стоимости, не подлежит процессу обращения. Уже с материальной стороны она совершенно отлична от средств производства, принявших форму капитала. Средства производства изнашиваются, земля же неразрушима. Они постоянно оказываются излишними, благодаря новым изобретениям, земля неизменно остается естественным базисом всякого производства. Конкуренция между капиталами возрастает с их накоплением, а следовательно, с ростом индустрии и населения; земля же по мере этого роста все более приобретает монопольный характер.

Насколько бессмысленно было бы поэтому стремление какой-либо семьи обеспечить себе владение своим капиталом при помощи наложения фидеикомиссных ограничений на фабрику или банк, настолько же при землевладении ограничения такого рода соответствуют интересам семьи, несмотря на то, что фидеикомисс менее, чем какая-либо другая форма землевладения, принуждает к ведению наиболее рационального хозяйства. Наличный владелец при плохом ведении хозяйства может только повредить самому себе, временно уменьшив свою земельную ренту, но он не может подорвать фундамента семейного дохода. Этот фундамент переживает поколения.

Уже à priori понятно плохое ведение хозяйства при связанном фидеикомиссом землевладении. Современный фидеикомисс предполагает, что государственная власть сильно заинтересована в благосостоянии отдельных землевладельческих семей, ибо эта власть дозволяет и охраняет фидеикомисс. Эти семьи, принадлежащие к придворной знати, становятся таким образом в привилегированное положение; род занятий держит их вдали от сельского хозяйства и делает непригодными к роли сельских хозяев. Если фидеикомиссные латифундии, не смотря на это, не принадлежат к числу самых худших хозяйств, а иногда оказываются даже образцовыми, то этим они обязаны или капиталистической арендной системе, для которой подобные поместья представляют наиболее благоприятную почву для развития, или современным сельскохозяйственным школам, дающим более чем достаточное количество дельных управляющих, которые за недорогую плату предлагают свои услуги господам владельцам латифундий, находя в их поместьях самый лучший случай для применения своих знаний и дарований.

Но небрежному или неспособному землевладельцу легко наделать серьезных ошибок при выборе своих арендаторов или управляющих. Во всяком слу-

чае хорошее хозяйство в немалом количестве латифундий доказывает не преимущество института фидеикомиссов, но превосходство крупного хозяйства, которое обнаруживается даже и при самых неблагоприятных обстоятельствах.

Фидеикомисс противодействует наиболее рациональному ведению хозяйства не только тем, что обеспечивает за землевладельцем его поместье. Фидеикомисс или уже с самого начала представляет собой латифундию, или же, как мы видели, ведет к образованию таковой, так как устраняет тенденции к децентрализации землевладения и позволяет проявляться только тенденциям к централизации. Но чем крупнее поместье, тем больше общая сумма ренты, приносимой им, тем роскошнее образ жизни землевладельца. А землевладельцы, особенно владельцы фидеикоммиссных имений, у которых сильны еще традиции феодальной эпохи, ближе всего ценят те удовольствия, которые связаны с обладанием земли. Чем больше поместье и чем лучше ведется хозяйство на одной части его, чем выше земельная рента, тем сильнее стремление оставить остальную часть имения исключительно для удовольствий, на постройку увеселительных замков, декоративных садов, парков, участков для разведения дичи, тем меньшая, следовательно, часть поместья служит для производства необходимых жизненных средств. В том же направлении, впрочем, действует и развитие капиталистической эксплоатации в городах. С ростом эксплоатации, с увеличением массы прибавочной стоимости растет и роскошь среди буржуазии проявляющаяся между прочим в приобретении и постройке дач—от великолепного замка финансового короля до простой дачи мелкого купца или фабриканта—дач, главное назначение которых—удовольствие, в которых земледельческое хозяйство является побочным делом. Чем больше развиваются средства сообщения, чем легче сношения между городом и деревней, тем дальше проникают эти дачи и тем в больших размерах вытесняются ими с своих мест крестьяне.

Но возрастание массы прибавочной стоимости и облегчение сношений города с деревней проявляются не только в устройстве дач, но и в распространении охоты, которая перестает быть феодальной привилегией и становится также буржуазным удовольствием. Это ведет, с одной стороны, к росту лесов на счет крестьянских имений, а с другой—к чрезмерному обереганию и размножению дичи даже и без расширения лесной площади. Не одни только леса дают корм дичи; гораздо лучшую пищу находит она на полях и лугах. Размножение дичи действует на крестьянское хозяйство столь же разрушительно, как и рост лесов. Несмотря на это, распространение охотничьего спорта иногда может быть и полезным для крестьянина. Это спорт распространяется так сильно, что в некоторых крестьянских общинах, сдающих в аренду свои участки для охоты, спрос превышает предложение, и арендные цены растут. В таком случае каждый заяц обходится очень дорого, и для крестьян может оказаться выгоднее кормить продуктами своей земли зайцев и куропаток, чем коров и людей. Некоторым крестьянским общинам сдача охоты в аренду дает значительный доход. Но рациональное ведение сельского хозяйства всегда встречает препятствия со стороны охотничьего спорта.

Таким образом даже рост прибавочной стоимости в городах вызывает к жизни вредные для сельского хозяйства тенденции, подобно росту земельной ренты и наследственному праву. Что касается последнего, то его вредное влияние отмечается экономистами тем скорее, чем ближе они к сельскому хозяйству. Но в качестве представителей интересов буржуазного общества они в целом далеки от требования уничтожения права наследства на землю и обращения ее в общественную собственность. Теоретически общественное право собственности на землю, конечно, не является несовместимым с буржуазным обществом, но буржуазия инстиктивно чувствует, что отдельные сферы буржуазного общества находятся в теснейшей связи и взаимодействии, а потому она

самым решительным образом борется против обобществления земли, хотя последнее и совместимо с капиталистическим производством и хотя оно освободило бы сельское хозяйство от некоторых самых стеснительных и притом с каждым поколением растущих тягостей.

Буржуазная экономия предпочитает с ученым видом корпеть над симптомами, выдумывая особые формы кредита, чтобы несколько облегчить задолженность, связанную с переходом имений по наследству. По большей части она об'являет обе системы наследственного права—равный дележ наследства и монополизацию наследства в пользу одного члена семьи—одинаково вредными и отсюда выводит... необходимость их обоих; одна должна служить противоядием против другой. Если в Англии преобладает разновидность фидеикомисса, а во Франции равный раздел наследства, то Германия представляет собой обетованную страну, где обе эти системы действуют бок о бок. Мы не можем однако признать, чтобы немецкое сельское хозяйство было, благодаря этому, поставлено в лучшие условия, чем английское или французское.

Но все вышеизложенное еще не исчерпывает всех вредных для сельского хозяйства факторов, возникающих или усиливающихся под влиянием капиталистического производства.

г) Эксплоатация деревни городом.

Мы видели, как возрастает земельная рента и задолженность сельских хозяев. Только часть земельной ренты и процентов по долгам остается в деревне, потребляясь или накопляясь; большая же часть уходит в город, и часть эта растет все более и более. Пока деревня сохраняет еще свой патриархальный характер, крестьянину приходится отыскивать в ближайших окрестностях людей, которые ссудили-бы его деньгами. Кредиторами его являются не только деревенские евреи, хлебо- и скототорговцы, лавочники, содержатели трактиров, но и истые христиане—богатые крестьяне, умеющие затягивать петлю не хуже других. Но с развитием всех отношений заем перестает быть случайным актом, вызванным плохим ведением хозяйства или исключительным несчастием, актом, совершаемым по возможности тайно, так как необходимость займа всегда позволяет заключить о бедственном положении заемщика; по мере того, как пользование кредитом становится необходимой частью самого процесса производства, по мере того, как развивается товарное обращение между городом и деревней, примитивное, тайное ростовщичество вытесняется особыми учреждениями, в которых открыто совершаются кредитные операции, являющиеся нормальным актом, а не последним средством, за которое хватаются в отчаянии; соответственно этому они оплачиваются не грабительскими, а только нормальными процентами. Эти учреждения или уже с самого начала являются городскими, как банки и многие кредитные товарищества, или же только заимствуют необходимые для своих целей капиталы у городских капиталистов. Это превращение кредитного дела есть необходимая фаза развития. Но как бы полезно ни было оно для отдельных крестьян, в целом оно знаменует только рост долговых обязательств деревни, по которым ей приходится выплачивать дань городу; постоянно возрастающая часть создаваемых в деревне ценностей уходит в город, не замещаясь никакими другими ценностями.

То же самое происходит с земельной рентой. Чем дальше идет капиталистическое развитие, тем значительнее разница в культурных условиях города и деревни, тем скорее деревня отстает от города, тем больше средств для наслаждения жизнью и развлечений дает город в противоположность деревне. Одновременно с этим растет легкость сношений между городом и деревней. Если рента достаточно высока, если имение достигает таких размеров, что может быть сдано арендаторам или поручено наемным лицам, то владельцы,

вполне естественно, предпочитают большую или меньшую часть года проводить в городах, расходуя там свою ренту; крайнее проявление этого стремления ведет к абсентеизму, к бегству землевладельцев из своих имений, как напр., в Ирландии или Сицилии, где вековое небрежное хозяйничание вернуло безграничные латифундии к такому варварскому состоянию, что даже кратковременное пребывание владельца в своем имении далеко не может доставить ему удовольствия, а ведь удовольствие—единственная цель жизни подобных землевладельцев. Ирландское и сицилийское хозяйство показывают нам гибельные последствия охраняемой фидеикомиссом системы латифундий, возникающие там, где не развилось современное капиталистическое крупное производство или где оно не в состоянии уничтожить эти гибельные последствия. Но и помимо крайностей абсентеизма, временное отсутствие крупного землевладельца из своего поместья, становится обычным, а вместе с тем обычным делается уплывание части его земельной ренты из деревни в город. Роскошный образ жизни помещика в деревне (охота, увеселительные замки) также только вредит сельскому хозяйству, способствуя уменьшению культурной площади и освобождению крестьянских рабочих сил, тогда как в городе тот же образ жизни поощряет развитие индустрии и торговли, ведет к увеличению занятий, к привлечению рабочих сил и к накоплению капитала.

В том же направлении действуют денежные налоги, все более и более возрастающие и тяжелым гнетом лежащие на крестьянстве.

В городах производство уже с самого начала является товарным, развитие же товарного производства порождает денежные налоги. В деревне производство, особенно в более мелких хозяйствах, даже в наше время остается еще преимущественно производством для собственного потребления. Развитие города навязывает деревне денежную форму налогов, не вытекающую из сельско-хозяйственного способа производства, а первоначально даже стоящую в противоречии с ним, и, благодаря этому, денежная система налогов становится могущественным фактором переворота в способе производства.

Денежные налоги в деревне являются одной из движущих причин развития производства для собственного потребления в товарное производство. Но денежные налоги и прочие, покрываемые деньгами, потребности крестьян растут, обыкновенно, гораздо быстрее, чем сельское товарное производство и соответствующие ему торговые и кредитные учреждения. Это и доныне часто бывает причиной постоянных денежных затруднений крестьянина и его зависимости от торговых посредников и ростовщиков.

Но денежные налоги, так сильно угнетающие крестьянина, способствуют развитию, только не деревни, а города, особенно б о л ь ш о г о г о р о д а. Только минимальная доля государственных налогов расходуется в деревне; в городах помещаются казармы, в городах—пушечные и оружейные заводы, министерства, суды; там, следовательно, и адвокаты, которым должен платить крестьянин, когда ему приходится вести процесс; в городах существующие на государственные средства средние и высшие учебные заведения, музеи, получающие от казны субсидию, театры и т. д., и т. д. Крестьянин, точно так же, как и горожанин, должен делать свой взнос на покрытие культурных потребностей, но пользование благами культуры ему совершенно недоступно. Неудивительно, что он и не понимает культуры и относится к ней враждебно, так как ему она представляется только в виде налогов, к радости реакционной демагогии, которая, якобы щадя народный кошелек, требует ограничения расходов на культурные цели вместо того, чтобы стремиться к распространению культуры на деревню и к уничтожению культурной противоположности между городом и деревней. Это будет одной из важнейших задач общества будущего. Концентрация всей государственной жизни в городах об'ясняется не враждебным отношением к сельскому хозяйству, а господством экономических сил, оказываю-

щихся влиятельнее желаний правительства. Современные правительства скорее очень дружески настроены по отношению к сельскому хозяйству и даже, как известно, поддерживают его всевозможными способами: пошлинами на с'естные припасы, подачками и премиями всякого рода.

Но как бы ни были резки производимые таким путем перемены в имущественных отношениях, процесс отлива товарных ценностей из деревни, без соответствующего эквивалента городских ценностей, не только не останавливается, но даже и не задерживается. Все эти меры помощи в конце концов оказываются полезными только землевладению; это—средство к поднятию земельной ренты. Рента же, как мы знаем, отягощает сельское хозяйство; ее действие, явное при арендной системе, скрытно, но не менее сильно при ипотечной системе. При арендной системе эта поддержка позволяет арендатору платить более высокую аренду. Там же, где землевладелец и сельский хозяин совмещаются в одном лице, первый повидимому, выигрывает вместе со вторым; но возрастание земельной ренты ведет к повышению цены его имения; это может толкнуть даже и наличного владельца к увеличению долгов на его имение и уж, конечно, поведет к увеличению долгового бремени его приемника, будь то покупатель или наследник. Через короткое время поддержка сельского хозяйства и тут превращается в поддержку фактических землевладельцев, т. е. кредиторов, давших деньги под залог имений.

Живут же эти кредиторы большей частью в городе; там же потребляют бо́льшую долю своей ренты и крупные землевладельцы; поднятие земельной ренты, благодаря пошлинам, субсидиям и т. д., не означает таким образом обложения города в пользу деревни, возвращения ценностей из первого в последнюю. Это поднятие земельной ренты означает скорее, что кроме сельского хозяйства, контрибуцией в пользу нескольких, живущих большей частью в городе, землевладельцев и их городских кредиторов, облагается еще и масса городского населения.

Отливу ценностей в город, неуравновешиваемому возвращением их эквивалентов и постоянно возрастающему, соответствует все более возрастающий отлив из деревни жизненных средств, в виде хлеба, мяса, молока и т. д., которые приходится продавать сельскому хозяину для уплаты налогов, процентов по займам и арендной платы. В то же время, вследствие прогрессирующего упадка домашней промышленности сельского населения, расчитанной на собственное потребление, и вследствие возрастания потребностей населения в продуктах городской индустрии, растет отлив из деревни в город и таких ценностей, которым соответствует приток в деревню их эквивалентов. Но хотя с точки зрения закона стоимости это уплывание вовсе не означает эксплоатации деревни городом, однако фактически оно ведет, как и все только что упомянутые факторы, к ее материальной эксплоатации, к обеднению земли питательными веществами. Прогресс земледельческой техники, далеко не вознаграждая этой потери, ведет скорее только к прогрессирующему улучшению методов высасывания из земли соков и к увеличению количества питательных веществ, ежегодно из нее извлекаемых и уходящих в город.

Против этого выставлено было то соображение, что современная агрономия видит центр тяжести в статике земледелия и требует, чтобы извлекаемые из почвы питательные вещества вновь возвращались ей в виде соответствующего удобрения. Однако этим вовсе не поколеблено высказанное выше мнение. Факт растущего истощения почвы установлен прочно. При нынешних отношениях города и деревни и при современных способах обработки земли истощение это в короткое время привело бы сельское хозяйство к упадку, если бы не применялось вспомогательное удобрение. Последнее дает возможность отвратить уменьшение плодородия земли, но необходимость применять его во все возрастающих размерах ложится только новым бременем на сельское хозяйство

в добавок ко многим другим, являющимся не результатом естественной необходимости, а следствием существующих социальных отношений. При уничтожении противоположности между городом и деревней или, по крайней мере, между густо населенным большим городом и опустевшей деревней, извлекаемые из почвы вещества могли бы опять сполна возвращаться в нее, и вспомогательное удобрение в таком случае имело бы в виду разве только обогащение почвы некоторыми веществами, а непротиводействие ее истощению. Каждый успех техники земледелия обозначал бы тогда, даже и без прибавления искусственных удобрений, увеличение содержания в почве растворимых питательных веществ.

Замечательно, что, несмотря на весь прогресс агрономии, в Англии, начиная с 60-ых годов и до 80-ых, урожаи пшеницы уменьшились, тогда как до этого времени они возрастали. Годовой сбор с акра равнялся в среднем:

1857—1862	28,4 бушелей.
1863—1868	30,8 „
1869—1874	27,2 „
1875—1880	22,6 „

Это падение урожайности прекращается в 80-ых годах, что об'ясняется не повышением плодородия почвы, но заантлантической конкуренцией, превратившей в пастбища земли, непригодные для возделывания пшеницы, благодаря чему под обработкой остались только самые плодородные участки. Площадь под пшеницей сократилась с 60-ых годов до настоящего времени с 3.800.000 до 1.900.000 т. е. как раз вдвое.

В связи с этим следует упомянуть также об эпизоотиях и болезнях растений, с дальнейшим развитием капиталистической культуры все чаще посещающих сельское хозяйство и ложащихся на него тяжелым бременем. Некоторые из этих бедствий за последние десятилетия приняли такие размеры, что угрожали совершенно парализовать сельско-хозяйственную деятельность целых стран; стоит вспомнить об опустошениях, причиненных филоксерой и колорадским жучком, ящуром, рожистым воспалением и чумой у свиней.

„Убытки от филоксеры (во Франции), вызвавшие даже уменьшение налога, оценивались в 1884 г. в 125,9, в 1885 г.—165,6, 1886—175,3, 1887—185,1, 1888—61,5, миллионов франков... По новейшим сведениям, опустошения, причиняемые филоксерой, продолжаются. Со времени своего первого появления (1880 г.) это опасное насекомое распространилось уже по 63 департаментам (1890 г.) и опустошило сотни тысяч гектаров виноградников". (Juraschek, „Uebersichten der Weltwirthschaft", 328).

Ящуром было поражено в Германии:

Годы.	Число скотн. дворов.	Из них число пораженных голов.
в 1887	1.242	31.868
„ 1888	3.185	82.834
„ 1889	23.219	555.178
„ 1890	39.693	816.911
„ 1891	44.519	821.130
„ 1892	105.929	4.153.519

После 1892 года наступило временное ослабление эпизоотий, но в 1896 г. они опять захватили 68.874 двора, в которых числилось всего 1.548.429 голов.

Таковы ужасающие цифры.

Главная причина этого быстрого увеличения опасности эпизоотий заключается, как нам кажется, в вытеснении прежних пород полезных животных и растений „облагороженными" породами, т. е. продуктами искусственного подбора. Естественный подбор ведет к подбору и развитию индивидов, наиболее

пригодных для сохранения вида, искусственный подбор в капиталистическом обществе оставляет этот момент совершенно в стороне; для него задачей является подбор и выращивание индивидов, которые были бы возможно более пригодны для обращения в ценности, которые требовали бы наименьших издержек, созревали бы скорее и у которых были бы наиболее развиты полезные органы, а органы, не превращающиеся в ценности, по возможности атрофировались бы. Такого рода „облагороженные“ породы приносят гораздо больше прибыли, чем естественно развившиеся, но их устойчивость и способность к сопротивлению неблагоприятным условиям необыкновенно мала. Одновременно с уменьшением способности к сопротивлению усовершенствованных пород они получают все бо́льшее распространение. „Благородные“ животные и растения, благоденствующие только при самом тщательном и умелом уходе, в наше время, благодаря стремлению к сохранению мелких крестьян и к улучшению их хозяйства, находят доступ и в эти хозяйства. В то же время изменяется также самый характер хозяйства, что особенно резко бросается в глаза в способе содержания скота. Летние пастбища, на которых скот восстановлял свои свежесть и силы, выходят из обычая, а помещения для скота у крестьянина, вечно нуждающегося в деньгах, не улучшаются и не расширяются. В этих крестьянских стойлах, в тесноте и грязи, где еще с трудом мог проводить зиму грубый средневековый скот, нежный нынешний скот остается запертым на всю жизнь. Даже в Англии, именно в деле скотоводства стоящей на высокой ступени развития, стойла по большей части неудовлетворительны.

„Г-н Wilson Fox констатирует в своем отчете из Ланкашира, что нездоровые и плохо выстроенные помещения для скота с их недостаточным об'емом и плохим доступом воздуха много способствуют распространению туберкулеза среди рогатого скота. Вместо 600 куб. футов на корову, в иных случаях приходится только 260 куб. футов воздуха, а помещений для изоляции заболевших животных совсем не имеется. Один свидетель указал на то, что если бы закон об устройстве стойл действительно применялся в округе Chorley, то 0,7 построек для скота пришлось бы снести. (Отчет об английской сельско-хозяйственной анкете 1897 г., 363).

Одной из причин, благоприятствующей опустошениям, производимым вредными для растений насекомыми, является исчезновение насекомоядных птиц, вызванное не только их преследованием, но еще более препятствиями, с которыми они сталкиваются при устройстве гнезд вследствие развития культуры. В лесном хозяйстве современное крупное производство—вытеснение строевого леса дровяным и медленно растущего лиственного леса быстро растущим, быстрее превращающимся в ценности, хвойным—все это благоприятствует опустошению лесов вредными насекомыми.

Если современный подбор и способ хозяйства уменьшают способность растений и домашних животных сопротивляться угрожающим им маленьким организмам, то развитие сообщений способствует быстрому распространению этих вредных организмов, опустошающих целые округа. Рука об руку с истощением почвы идет возрастание изнеженности ее продуктов. К расходам на удобрение присоединяются расходы на борьбу с эпизоотиями и вредными насекомыми, а где боятся этих издержек или где их не в состоянии делать, там учащаются неурожаи, а эпизоотии и разные истребители растений довершают гибель сельского хозяйства.

д) Опустение деревень.

Рост больших городов и расцвет индустрии ведет, как мы видели, к возрастающему истощению почвы и налагает на сельское хозяйство новое, все увеличивающееся бремя в виде постоянно растущих расходов на удобрение

для противодействия этому истощению; но влияние города и индустрии этим не ограничивается: они отнимают у сельского хозяйства и его рабочие силы.

В VII-й главе мы видели, как рост крупного сельско-хозяйственного производства вытесняет из деревни мелких крестьян, а с ними и резервуар сельских рабочих сил. Этот процесс имеет, однако, свои границы. С другой стороны, мы изучили в предыдущей главе периодическое выселение и временный отход, об'ясняющийся потребностью мелкого крестьянина в побочном заработке. Это явление часто также ведет к отвлечению от сельского хозяйства рабочих сил, необходимых для его рациональной постановки; но с другой стороны, благодаря этому, из индустрии, из города, к сельскому хозяйству притекают капиталы, содействующие подобной постановке его на рациональных началах. Совершенно иначе однако действует бегство сельского населения из деревень под влиянием притягательной силы городов и промышленных местностей.

В городах наемные работники имеют гораздо большую возможность получить занятие, чем в деревне, гораздо легче могут завести самостоятельное домашее хозяйство, больше пользуются свободой и благами культуры. Чем больше город, тем больше этих преимуществ, тем сильнее их привлекательность.

В деревне завести собственное домашнее хозяйство семья может только путем приобретения (покупки или арендования) собственного земледельческого хозяйства. Это особенно трудно сделать там, где развивается крупное хозяйство, поэтому в таких местностях наблюдается особенно сильное бегство из деревни. Но и в местностях с сильной парцелляцией земли обзаведение домашним хозяйством встречается с препятствиями. Для прислуги, батраков и батрачек такое хозяйство совершенно недоступно, в виду отсутствия достаточных сбережений. Они осуждены оставаться на всю жизнь не только лишенными собственного хозяйства, но и несамостоятельными придатками чужого дома, брак и семья не для них. При этих обстоятельствах им открыт только один путь к достижению самостоятельности и свободы, брака и семьи, в которых им отказывают охранители семьи и брака, благочестивый крупный крестьянин или юнкер: это—бегство в город, к безнравственным социал-демократам, этим разрушителям семьи и брака.

Как силен этот мотив у находящегося в услужении сельского населения, могут показать кой какие отрывки из книжки одного крестьянина, живущего одной жизнью с прислугой и проникнутого ее чувствами. Мы находим в ней следующее:

„Но и теперь еще свобода и человеческое достоинство нигде так не страдают, как среди прислуги или лишенных собственности сельских рабочих. Всем известно, с какими затруднениями связано для последних вступление в брак, поэтому мы не станем останавливаться на этом вопросе, а прямо перейдем к вытекающим отсюда следствиям. Так как, с одной стороны, громадное большинство физически нормально развитых людей не в состоянии совершенно подавлять половую потребность, а с другой стороны, современные общественные условия делают невозможным проявление этой потребности в упорядоченных формах, то естественно, что границы, установленные для сохранения современного порядка, постоянно переступаются. Внебрачные половые сношения являются безусловно необходимым последствием этих тяжелых условий, и мало-по-малу они становятся настолько обычными среди сельских батраков и прислуги, что никакие старания различных проповедников морали и религии не в состоянии вытравить их из современного общества. Современный брак для этих классов недоступен, почему им и приходится опускаться до низших форм половых сношений... Ясно, конечно, что при таких обстоятельствах жизнь батрака или рабочего преисполнена всякого рода унижений; ведет к массе тайных поступков, обмана, стыда, насилия и других подобных фактов, несовместимых с человеческим достоинством. К тому же общественное мнение в деревне еста-

ется все еще строгим судьей в делах нравственности, вследствие чего многие предпочитают укрыться от зоркой молвы в водовороте большего города.

„Огромную долю бегущих из деревни в город гонит туда, на эту порочную арену, только неудовлетворенная потребность любви или связанные с последней ограничения, чтобы там, исключая немногих счастливцев, от поколения в поколение впадать все в большую нищету и совершенное вырождение. А что ждет потомка сельского пролетария на его родине—об этом можно упомянуть в нескольких словах. Несмотря на настоятельную потребность в таком человеческом товаре, существование этих потомков в лучшем случае ложится только тяжелым бременем на их родителей; редко имеют они возможность заняться их воспитанием, а потому не имеют никакого понятия и об истинных родительских радостях; в огромном большинстве случаев их ждет не слишком, конечно, большая честь увеличить тяжелое бремя, лежащее на общине. Их жизненное поприще начинается нуждой и позором их родителей; продолжением его является недостаточное воспитание, и, наконец, суровая доля раба-наемника увенчивает их усеянный терниями путь, путь, обыкновенно, не скрашенный даже любовью“ *).

Собственное же домашнее хозяйство открывает им не только возможность законного брака и семьи, но и возможность стать вне своей профессии гражданином своей родины, возможность союза с единомышленниками,—этому соединению в городской крупной промышленности содействует также концентрация рабочих масс на небольшом пространстве; сила организации и участие в коммунальной и государственной жизни открывает путь к улучшению условий труда и жизненной обстановки. И это также должно влечь сельского рабочего в город. Сюда присоединяются еще и другие моменты. Чем интенсивнее становится сельское хозяйство, тем неравномернее делаются занятия, которые оно дает своим рабочим. Тогда как некоторые машины значительно уменьшили число занятых рабочих,—напр., молотилка, сделавшая излишней значительную часть прежде занятых зимою рабочих сил, другия—напр., рядовая сеялка—требуют как раз большего применения труда. Плодосменное хозяйство также влечет за собой необходимость возделыванья требующих окучиванья так называемых пропашных растений (Hackfrüchte), картофеля, свеклы и т. п., которые в период своего произрастания многократно требуют работы человеческих рук: их нужно полоть, окучивать и т. д. Более интенсивное ведение сельского хозяйства имеет поэтому вообще тенденцию уменьшать число рабочих сил, нужных ему зимой, тогда как летом оно требует при той же возделываемой площади сравнительно больше рабочих рук. Это ведет, с одной стороны, к крайнему уменьшению численности прислуги и связанных с хозяйством особыми обязательствами поденщиков, которых приходится содержать в течение целого года, а в то же время обусловливает все большее непостоянство занятий для несвязанных никакими условиями с хозяйством поденщиков. Эта возрастающая необеспеченность существования в местностях, где земледелие представляет единственный источник заработков, должна гнать сельских рабочих в город, где, правда, тоже нет никакого постоянства занятий, но все-таки больше шансов, не найдя ничего в одной отрасли, пристроиться к другой.

Процесс перекочевыванья в промышленные местности и города происходит тем скорее, чем быстрее развиваются пути сообщения, чем легче становятся сношения между городом и деревней, чем более сельский рабочий знакомится с городскими отношениями и чем легче он туда попадает.

---

*) Johann M. Filzer, „Anschauungen über die Entwicklung der menschlichen Gesellschaft mit besonderer Berücksichtigung des Bauernstandes. 161, 162).

Облегчение же сношений между городом и деревней, между местом производства и рынком, есть также необходимое условие процветания интенсивного товарного производства в сельском хозяйстве. Все сельские хозяева должны ревностно добиваться улучшений и расширений железнодорожного и почтового дела; но та же самая почта, которая доставляет им сведения о состоянии рынка и посевов и деловые письма, привозит также и сельскому рабочему письма от перебравшегося в город родственника, счастливого тем, что убежал от сельского рабства, привозит ему даже газеты, правда только „благонамеренные", но беда в том, что чем более они стараются быть благонамеренными, тем более оне вопят о благоденствии и чрезмерных притязаниях городских рабочих, так что у удрученных сельских рабочих только слюнки текут. И те самые железные дороги, которые привозят сельскому хозяину машины и искусственное удобрение и доставляют городскому покупателю его хлеб, его скот, его масло, увозят от сельского хозяина тех, кто создает ему все его продукты.

В том же направлении действует милитаризм, отвлекающий молодых людей из деревни в город и там знакомящий их с городской жизнью. Кто идет в военную службу, тот потерян для сельского хозяйства не только на эти 2 года, но и навсегда. Как это ни странно, наиболее от этого страдают крупные землевладельцы и крупные крестьяне, энергичнейшие защитники милитарного государства.

Стремление в город охватывает прежде всего лишенных собственности рабочих, а между ними—скорее всего неженатых. Но по мере возрастания лежащего на сельском хозяйстве налогового бремени роста долгов, истощения почвы, по мере обострения конкуренции крестьянского хозяйства с крупным производством (и с заокеанским производством, о котором нам придется еще говорить), по мере того, как возможность выдерживать эту конкуренцию достигается только путем чрезмерного труда, отказа себе в удовлетворении всех культурных, а иногда даже и необходимых жизненных потребностей, путем добровольного деградированья до состояния глубочайшего варварства,—крестьянская земля все более и более оказывается не в силах приковывать к себе владельца, и бегство из деревни в город проникает даже и в округа с мелкокрестьянским населением. Это бегство по своим размерам уже теперь превышает естественный прирост населения и ведет к абсолютному уменьшению сельско-хозяйственного населения. С 1882 г. по 1895 г. число земледельческих хозяйств в Германской империи возросло с 5.276.344 до 5.558.317, площадь сельско-хозяйственной культуры увеличилась с 31.868.972 гектаров до 32.517.941. Но население, живущее сельским хозяйством, за тот же период, уменьшилось с 19.225.445 до 18.501.307, т.е. не менее чем на 724.148 душ. И это уменьшение касается одинаково как местностей с мелко-крестьянским населением, так и местностей с крупно-крестьянским населением и с преобладанием латифундий; оно обнаруживается во всех провинциях Прусского королевства и во всех крупнейших союзных государствах, за исключением Брауншвейга, где замечается увеличение с 120.062 до 125.411. Число наемных рабочих в Германии составляло:

	1882.	1895.	(—) Уменьшение. (+) Увеличение.
В сельском хозяйстве	5.881.819	5.619.794	— 262.025
„ индустрии	4.069.243	5.955.613	+1.886.370
„ торговле	727.262	1.233.045	+ 505.783

То же явление замечается во Франции. Там отношение сельско-хозяйственного населения к несельско-хозяйственному изменилось следующим образом.

Г О Д Ы.	Сельско-хоз. население.	Несельско-хоз. насел.	Сельско-хоз. насел. составляет % всего насел.
1876	18.968.605	17.937.183	51,4
1881	18.279.209	19.422.839	48,4
1886	17.698.432	20.520 471	46,6
1891	17.435.888	20.907.304	45,5

Здесь пред нами также абсолютное уменьшение сельского населения, и здесь это уменьшение также обусловливается уменьшением числа рабочих.

Во французском сельском хозяйстве насчитывается лиц, участвующих в производстве:

	1882.	1892.	Прирост (+) уменьшение (—
Самостоят. хозяев	3.460.600	3.604.789	+ 144.189
Наемных рабочих	3.452.904	3.058.346	— 394.558

Уменьшение числа наемных рабочих здесь еще сильнее, чем в Германии.

Резче всего проявляется уменьшение числа сельско-хозяйственных рабочих в Англии, стране наиболее развитого крупного сельского хозяйства и больших городов. Там наемных рабочих в сельском хозяйстве насчитывалось в 1861 г.—1.163.227, в 1871 г.—996.642, в 1881 году—890.174, в 1891 г.—798.912. Число их за 30 лет уменьшилось на 364.315, т. е. на 31,3% или почти на треть.

Но эти цифры еще не выражают вполне потери, испытываемой сельским хозяйством. Мы уже указывали на то, что особенно бегут наиболее молодые самостоятельные люди; остаются дети и старики. Это верно по отношению как к периодическому, так и к окончательному переселению. Но это означает только, что с уменьшением количества сельского населения одновременно уменьшается и его работоспособность.

Иллюстрацию к этому дает нам новейшая статистика занятий. В Германской империи в 1895 г. насчитывалось 8.292.692 человека, занятых в сельском хозяйстве, и 8.281.220 в индустрии. Числа занятых в обоих отраслях занятий почти равны между собой. Но как различно их распределение по различным возрастным группам!

До 14 лет.	14—20	20—30	30—40	40—50	50—60	60—70	70 и более.
С е л ь с к о е	х о з я й с т в о.						
135.125	1.712.911	1.761.104	1.347.206	1.232.989	1.149.404	702.268	251.685
И н д у с т р и я.							
38.267	1.770.316	2.321.139	1.750.933	1.206.624	759.403	336.256	98.282
Для сельского хозяйства + или —							
+96.858	—57.405	—560.035	—403.727	+26.365	+390.001	+ 366.012	+ 153.403

Таким образом как раз в самых работоспособных возрастных группах от 14 до 40 лет сельское хозяйство уступает индустрии на миллион слишком

рабочих сил; в менее же пригодных к труду группах на долю сельского хозяйства приходится такое же превышение.

Еще более поразительные данные содержит в себе таблица, заимствованная нами из соч. C. Ballod'a („Die Lebensfähigkeit der städtischen ländlichen Bevölkerung", 66). В Пруссии на каждую тысячу душ 1 дек. 1890 г. приходилось:

Число душ в возрасте.	Сельские общины и округа с поместьями.	Города с населением более 20.000.	На сельское население приходится + или —
От 0 до 15 лет	379	313	+66
„ 15 „ 20 „	94	100	— 6
„ 20 „ 30 „	143	210	—77
„ 30 „ 40 „	122	149	—27
„ 40 „ 50 „	100	105	— 5
„ 50 „ 60 „	79	66	+13
„ 60 „ 70 „	54	38	+16
„ 70 „ 100 „	29	19	+10
Всего	1000	1000	—

Здесь следует привести несколько чисел, которые мы находим в книге I. Goldstein'a о распределении профессий и богатства. Гольдштейн исследовал процентное отношение населения в возрасте от 15 до 45 лет в различных графствах Англии. Не входя в большие подробности, мы приводим только крайние числа для 8 наиболее и 8 наимене сельско-хозяйственных графств.

Графства.	Из 1000 душ населения в 1891 г. приходилось:		Графства.	Из 1000 душ населения в 1891 г. приходилось:	
	На сельск. хозяйство.	На всю возрастную группу от 15 до 40 л.		На сельск. хозяйство.	На всю возрастную группу от 15 до 45
Huntingdon	232	400	London	5	494
Cambridge	199	419	Lancaster	20	479
Hereford	186	407	Durham	21	455
Rutland	183	417	Iork W. R.	31	475
Lincoln	181	421	Stafford	34	446
Suffolk	177	406	Middlesex. E.	39	464
Norfolk	167	410	Warwik	40	456
Wilts	149	416	Monmouth	49	459
	Максимум 421.			Минимум 455.	

Различие между расслоением на возрастные группы индустриального и сельского населения достаточно поразительно. Большая жизненная стойкость, выносливость сельского населения, конечно, также способствует этому разделению. Но, во всяком случае, эта таблица ясно указывает, что при одинаковом числе рабочих индустрия располагает бо́льшим числом более сильных элементов,

Но наибольшая часть бегущих из деревни набирается не только из самых сильных в физическом отношении элементов, но также и из самых энергичных и интеллигентных, так как именно они скорее всего находят в себе нужные для того силу и мужество, и раньше, и сильнее всех других чувствуют противоречие между растущей культурой города и увеличивающимся одичанием деревни. Тщетно крупные землевладельцы стремятся путем понижения уровня школьного обучения сельского населения воспрепятствовать пробуждению со-

знания этого противоречия. Экономические отношения между городом и деревней слишком тесны, чтобы была какая-нибудь возможность предохранить сельское население от „соблазна“ города. И как бы сильно ни старались землевладельцы оградить своих рабочих китайской стеной, милитаризм, так почитаемый ими, разрушает эту стену и уводит молодых крестьян в город. Понижение уровня школьного образования, лишение всякой возможности получить образование при помощи газет и книг ведут только к тому, что представления сельских жителей о городе не всегда вполне ясны, а также к тому, что интеллигентные люди в деревне еще резче сознают дикость окружающей среды и еще скорее бегут в города.

Статистически, конечно, нельзя установить это явление, связанное с бегством из деревни. Но известно, что сельские хозяева жалуются не на уменьшение рабочих сил вообще, а скорее именно на уменьшение интеллигентных рабочих сил.

Все это еще более увеличивает интеллектуальную пропасть между деревней и городом, пропасть, являющуюся результатом огромного превосходства последнего, как в отношении образовательных средств, так и в смысле возбуждения умственной деятельности. К уменьшению населения и к умственному отупению деревни присоединяется нередко еще физическое вырождение. Последнее не ограничивается фабричными округами. Недостаточное питание, жилища, построенные с полным презрением ко всем требованиям гигиены, чрезмерный труд, грязь и невежество, вредные для здоровья подсобные промыслы (домашняя промышленность) во многих случаях вызывают также физический упадок сельского населения.

В последнее время приводились даже статистические данные с целью доказать, что в общем уже теперь индустриальное население оказывается более годным к военной службе, следовательно, его физическое развитие лучше, чем у сельско-хозяйственного населения. Но так как доказательность этих данных остается еще очень спорной, то мы не воспользуемся ими здесь.

Но если даже пока в общем нельзя еще говорить о физической отсталости сельского населения, то свое превосходство в этом отношении оно уже, конечно, утратило. Даже в такой крестьянской стране, как Швейцария, оно уже не выдается физическим здоровьем. В числе 241.076 душ, призывавшихся к отбытию воинской повинности в 1884—1891 гг., было 107.607 сельских рабочих и крестьян. В том числе оказалось:

	Получивш. отсрочку.	Годных.	Негодных.
Крестьян	18,9%	61,7%	38,3%
Всех освидетельствованных	19,8%	63,0%	37,0%

Процент годных был, следовательно, у крестьян меньше среднего.

Падает не только экономический и интеллектуальный уровень и численность сельского населения, но и уровень его физического здоровья. Таким образом капиталистическое развитие приводит не только к все возрастающему обременению сельского хозяйства, но и к истощению самих „источников всякого богатства“, земли и работника (Ср. „Капитал“ Маркса, I т., 13 глава, § 10. „Крупная индустрия и земледелие“, где уже получили свое классическое выражение выше развитые идеи).

Конечно, сельско-хозяйственное производство не остается незатронутым этими изменениями. Прежде всего рабочий вопрос, причиняющий ему столько затруднений, получает здесь иной смысл, чем в городе, являясь вопросом не о том, что следует предпринять для рабочих, а о том, где их взять. В седьмой главе мы указывали уже, что крупное землевладение там, где оно слишком уж вытеснило мелкие хозяйства, старается опять искусственно создать их. Чем сильнее тяга в город, тем более старается крупное землевладение

привязать к земле нужные ему рабочие силы. Но там, где индустрия обладает большой привлекательной силой, одного создания мелких крестьянских участков оказывается еще недостаточным, там должно явиться юридическое принуждение, чтобы связать рабочего и прикрепить его к наемному труду у крупных землевладельцев; тогда создаются новые мелкие участки, которые землевладелец сдает в аренду с обязательством со стороны арендатора выполнять определенные работы. Возникает новый феодализм. Но не надолго. Дальнейшее движение индустрии кладет ему конец. Эти новые арендные договоры, с обязательством выполнения известных работ, сохранились только там, где вблизи не развивается индустрия. Где же появляется последняя, там самые соблазнительные предложения не в состоянии побудить рабочих связать себя. Они предпочитают сохранить свободное распоряжение своей рабочей силой, чтобы иметь возможность воспользоваться случаем выгодно ее продать.

Кергер об'являет „неоспоримым" выводом из исследования положения сельских рабочих в северо-западной Германии, „что наилучшие, наиболее благоприятные как для рабочих, так и для работодателей отношения труда господствуют там, где большая часть сельско-хозяйственных работ исполняется, кроме постоянных батраков, особого рода арендаторами (Heuerling). Здесь работодатели всегда имеют в своем распоряжении достаточное количество рабочих сил, чтобы в должном порядке выполнить все сельско-хозяйственные работы, а рабочие в материальном отношении находятся в очень хорошем положении, позволяющем им в большинстве случаев делать сбережения, и в своих воззрениях и настроении обнаруживают полное довольство".

Несмотря на это льющееся через край довольство, существуют многочисленные округа, в которых рабочие достаточно испорчены, чтобы быть недовольными этими отношениями.

Два момента противодействуют всеобщему распространению такой отработочной арендной системы. „Во-первых, упрямый, независимый дух населения, боящегося брать на себя какие-либо обязательства на более продолжительное время, видя в них рабство, вследствие чего введение этой формы аренды много раз признавалось невозможным в вестфальских округах Падерборн, Бюрен, Варбург и Гёкстер. Во-вторых, непосредственная близость горно-заводской и каменно-угольной промышленности, которая (особенно в верхнемаркском округе и затем также к местности Гамбург-Гарбург) убила старую отработочную систему аренды и не дала возможности развиться новой.

„Причины этого лежат главным образом в высоком уровне заработной платы в горноделии и индустрии, которая делает невыгодным для каждого сельского рабочего заключать арендный или рабочий договор на длинный срок, лишая себя этим возможности, при повышении спроса на индустриальных рабочих, извлечь выгоду путем предложения своей рабочей силы".

Индустрия заботится, значит о том, чтобы отнять будущее у феодального идеала г. Кергера.

Более распространено привлечение пришлых рабочих из других местностей, частью в виде постоянных, частью в виде временных, странствующих рабочих. Если возрастающая пролетаризация крестьянства содействует росту предложения таких рабочих сил, то уход сельских рабочих в промышленные местности вызывает быстро растущий спрос на них. Во многих округах сельское хозяйство не могло бы существовать без пришлых рабочих. Но как бы ни был важен труд пришлых рабочих, он может только равномернее распределить затруднения, испытываемые сельским хозяйством от недостатка рабочих, на целую страну, или, в случае привлечения заграничных рабочих, даже на несколько стран, но он не может доставить новых рабочих сил сельскому хозяйству, взятому в целом. Что привлекаемый извне труд дает в одном месте,

то он отнимает в другом; труд этих пришлых рабочих доставляет рабочие силы западу, отнимая их у востока; он распространяет недостаток в рабочих и на те местности, где еще прямо не ощущалось влияния индустрии, и при помощи временного ухода подготовляет почву для постоянного выселения. Пришлые рабочие почти никогда не будут в состоянии вполне заместить ушедших в город местных. Из деревни бегут прежде всего, как уже было сказано, самые энергичные, самые интеллигентные рабочие. Наоборот, пришлые рабочие выходят из экономически отсталых местностей, где народное образование, а большею частию и земледелие стоят ниже; следствием этого является не только понижение работоспособности сельского рабочего класса, взятого в целом, но и очень часто регресс в методах сельского хозяйства.

„Общей особенностью местных условий труда, сообщает, напр., Кергер из горно-промышленных округов Вестфалии, является почти полное отсутствие местных земледельческих рабочих; даже дети всех рабочих тотчас же после конфирмации посвящают себя почти исключительно горноделію. Поэтому почти все занятые в сельском хозяйстве рабочие приходят извне. Батраков привозят из Восточной и Западной Пруссии, Гессена, Ганновера, Вальдека и Голландии, и эти поиски приходится вести постоянно, так как по большей части они не держатся в сельском хозяйстве более 1—2 лет, пока не узнают, насколько легче в горноделии труд и выше заработок. Ко времени жатвы пришлые рабочие являются сами, особенно, из округа Миндена, так называемые билефельдские жнецы. Кто может, тот во всяком случае избегает нанимать этих дорогих пришлых рабочих и старается обойтись одними постоянными. В Швельме и Гагене имения в среднем мельче, а потому эти жнецы появляются там гораздо реже, а всего реже появляются они в округе Швельм, где решительно преобладает мелкое землевладение.

„Правда, согласно некоторым отчетам действительного недостатка в сельско-хозяйственных рабочих в этих местностях не замечается, особенно если дела в индустрии плохи; но ощущается большой недостаток в постоянных и большая нужда в хороших сельско-хозяйственных рабочих. В большинстве же отчетов говорится о затруднительности найти хоть каких-нибудь рабочих, а в одном отчете утверждается, что недостаток в рабочих и, особенно в хороших, настолько велик, что у большинства сельских хозяев отбивает всякую охоту вести хозяйство („Verhältnisse d. Landarb“. I, 133).

В отчете вел. герцогства Гессен (Верхний Гессен) сообщается: „Раньше был класс настоящих профессиональных поденщиков, из года в год являвшихся на работу; эти поденщики своей работой доказывали, что они обучены своей профессии и опытны в ней, что на них можно положиться. Но этот класс исчез; многочисленные молотилки отняли работу зимою в земледельческих хозяйствах, в промышленных же округах работу можно найти в течение целого года, и таким образом в середине 70 годов началось выселение в Вестфалию, Бельгию, Париж, а затем и в Америку, Австралию, Аргентину, чтобы там „поискать счастья“. И надо сознаться, что не малое число их действительно нашло там счастье. Теперь они перетягивают за собой из среды своих знакомых надежные элементы. На их место явились так называемые женатые батраки, помесь всех стран и народов: из Швейцарии, В. и З. Пруссии, Польши, Верхней Силезии, даже из Швеции; частью выписанные или привезенные, частью приходящие свободными, они в общем представляют собой совершенно развратившуюся, грубую банду, живущую в беспорядочных связях с подонками бродячих работниц, предающуюся пьянству, и, несмотря на отсутствие профессионального искусства, интеллигентности и честности, всегда находящую себе работу за высокую плату в качестве конюхов на фермах или так называемых „швейцарцев“ (скотников и работников в молочном хозяйстве). Но и этих поселившихся здесь рабочих сил не хватает для хозяйств, возделывающих

свекловицу в больших размерах; и вот, начиная с ранней весны, из Рена, Эйхсфельда, из Баварии, Шварцвальда, Верхней Силезии, Познани и З. Пруссии тянутся новые многочисленные пришлые рабочие обоего пола, которых приходится держать за высокую плату до поздней осени, потому только, что природные жители Верхн. Гессена не хотят более наниматься на фермы на продолжительное время („Zustände d. Landarb". II, 230, 231).

Наконец, я позволю себе привести еще третий пример, чтобы иллюстрировать упадок сельского хозяйства, вызываемый прогрессом индустрии.

D-r Рудольф Мейер цитирует в своей статье („Neue Zeit", XI, 2, стр. 284) сообщения управляющего одним принадлежащим казне имением в Богемии, площадью в несколько тысяч гектаров, где ведется возделывание свеклович и зерновых хлебов. Между прочим управляющий этот говорит: „Прежде мы несколько раз окучивали посеянный рядовой сеялкой хлеб конным окучником, но теперь уже не делаем этого, так как необученный рабочий, управляющий им, портит хлеб. У нас почти нет более дельных рабочих в качестве постоянных служащих при упряжных животных, а те немногие, которые на что-нибудь годны, быстро меняются. Раз молодые люди познакомились с окружающим миром во время военной службы, они уж не хотят за продолжительный и тяжелый труд получать низкую плату и уходят куда-нибудь в другое место. Таким образом из числа местного населения на нашу долю остаются старики, дети, женщины, и приходится нанимать батраков из чешской местности Табор. Они очень неразвиты и грубы, и не могут исполнять машинной работы, а потому конные молотилки ржавеют у нас в сараях".

Эти сообщения показывают нам, как трудно пользоваться в современном сельском хозяйстве тем средством против недостатка рабочих, которое в век пара и электричества казалось бы самым подходящим: машиной. Не везде селький хозяин находит рабочие силы, годные для машинной работы, да и те, которые теперь имеются, все более и более уходят от сельского хозяйства. Не смотря на то, машины и в наше время делают значительные успехи в деревне, хотя далеко не в той мере, в какой это было бы необходимо, чтобы противодействовать недостатку в рабочих. Мы нашли только единичные указания на то, что сельские хозяева пытаются помочь себе посредством введения машин. Мы уже не говорим здесь о том, что сельско-хозяйственные машины, всегда сберегая труд по отношению к количеству произведенного продукта, не всегда сберегают его по отношению к обработанной площади. Ряд сельско-хозяйственных машин требует, при данной площади, больше рабочих, чем простые орудия. „В некоторых случаях потребность в человеческих руках не только не уменьшается вследствие применения более или менее улучшенных машин, но даже увеличивается. Рядовая сеялка для обсеменения данной площади требует более труда, чем простая сеялка или посев просто руками и т. д." (Goltz, Die ländl. Arbeiterklasse", 168).

Наконец, рекомендовалось еще четвертое средство против недостатка в рабочих: достаточное повышение платы, лучшее обращение, более сносные жилища, лучшее продовольствие рабочих. Это средство, конечно, самое действительное из четырех названных, но повидимому, и его недостаточно, чтобы обеспечить за сельским хозяйством нужные ему рабочие силы. Высшая плата— не единственный фактор, привлекающий сельского рабочего в город; бо́льшая возможность найти работу зимой, бо́льшая независимость, бо́льшая легкость обзавестись семьей и культурное превосходство города над деревней—вот факторы, которые можно парализовать разве только чрезвычайным повышением платы.

„Что касается недостатка в батрачках, пишет Ф. Гросман („Zustände der Landarbeiter", II, 419), то в маршах (низменных болотистых местностях) по Эльбе жалуются главным образом на уход в города. Составитель отчета нахо-

дит это явление тем более поразительным, что батрачки, нанимавшиеся в соседних маленьких городках, зарабатывали немногим больше 1/2 (только?) того, что они получали в деревне. Даже в Гамбурге заработная плата в среднем не выше, расходы же, конечно, выше". Лучшее обращение также было не в силах прикрепить рабочих на продолжительное время: „Мы знаем не мало случаев, где хозяева почти не признают батраков за людей; очень часто батракам приходится мириться с очень посредственной, иногда плохо приготовленной пищей. Еще чаще они не имеют сколько-нибудь уютной, порядочно протопленной комнаты, где бы могли проводить свободные часы; иногда им приходится по кучам мусору пробираться в отдельный конец дома, в своеобразную спальню, где едва ли есть пол и достаточно мебели, чтобы посидеть, не говоря уже о столе. Напротив, можно бы думать, что порядочные батраки будут довольны своей судьбой, когда на них смотрят в некотором роде, как на членов семьи, когда с ними беседуют о своих хозяйственных делах, а также и об их личных, едят с ними за одним столом, что в той местности очень часто является обычным, позволяют им свободное время проводить в жилой семейной комнате, или же отводят им другую уютную, приличную для них, хорошо протопленную комнату, служащую им в то же время спальней, доставляют им для чтения газеты и т. д. Однако и в этих случаях батраки стремятся к тому, чтобы пристроиться в качестве почтальонов, железнодорожных служащих, швей, служанок и т. д., или же найти себе место в больших городах, так как там можно прожить гораздо приятнее, чем в тихой, отдаленной, часто даже обходящейся без трактира, простой деревне. Порядочные батраки при нынешней высокой заработной плате,—предполагая, что они не слишком рано женились, что, к сожалению, здесь случается очень часто,—могут очень легко заработать столько, чтобы к тридцати с небольшим годам получить возможность, особенно при нынешних упавших ценах на землю, приобрести клочек земли, на котором можно держать 4-х коров и несколько овец". (ibid. 423).

Ни высокая заработная плата, ни виды на самостоятельное владение не могут удержать массу сельских рабочих от бегства из деревни. Каким в самом деле иным путем сельские рабочие могли бы добиться высшей заработной платы и лучших условий жизни? Нет такого класса предпринимателей, который добровольно согласился бы на повышение заработной платы: его нужно принудить к этому. Сельские же наемные рабочие теперь еще слишком слабы, чтобы быть в состоянии силою своих организаций достигать этого. Повышение заработной платы в деревне только следствие растущего недостатка в рабочих. Высокая плата и достаточное предложение рабочих рук—это два явления, в деревне исключающие друг друга, по крайней мере до сих пор.

Поэтому, как бы хорош ни был совет, нельзя ожидать такого повышения заработной платы, которое могло бы задержать бегство из деревни. Это бегство идет своим путем, не давая остановить себя никакими препятствиями.

Anderson Graham говорит об этом в своем сочинении „Rural Exodus" (цитировано у Гольдштейна, „Berufsgliederung", 39): „Если они получают низкую заработную плату, как, напр., в Wiltshire, то они выселяются; а если они получают высокую плату, то—как в Northumberland'e,—они также бегут. Если фермы малы, как вокруг Sleaford'a (Lincoln), то они уходят из них; но и в Norfolk'e, где фермы обыкновенно большие, бегство из деревни еще продолжает расти. Сельский житель, кажется, глубоко проникся убеждением отчаяния, что в деревне для него уже не может быть никакой счастливой будущности; без долгих размышлений откладывает он в сторону заступ и мотыку и уходит".

Так как самопомощь оказывается бессильной, то помочь горю должно государственное принуждение. Введение более суровых наказаний в положение о прислуге, наказание за нарушение контракта, затруднение вступления в

брак должны обеспечить сельскому хозяйну постоянных рабочих; прекращение или затруднение свободы передвижения путем запрещений переселения, создание препятствий для переезжающих в города, повышение платы за проезд по железной дороге и т. п.—все это должно задержать на родине тех, кто уходит на время или навсегда. Но меры первого рода ведут только к тому, что жизнь в деревне сделается еще более невыносимой для батраков и контрактовых рабочих, а это должно еще усилить их бегство. Устранение свободы передвижения, даже если бы промышленное население примирилось с ним и если бы его можно было осуществить, конечно, помогло бы отдельным сельским хозяевам, но не могло бы помочь сельскому хозяйству в целом. Отмена свободы передвижения отняла бы у многочисленных мелких крестьян единственный источник побочного заработка и повергла-бы их в глубочайшую нищету; она сделала бы также невозможным в индустриальных местностях всякое сельское хозяйство, ведущееся при помощи наемных рабочих, так как там, как мы видели, оно не может обойтись без пришлых рабочих. Она отсрочила бы банкротство сельского хозяйства в экономически отсталых местностях и ускорила бы его в областях, ушедших далее в экономическом развитии.

Против нужды в рабочих в сельском хозяйстве еще не выросло целебной травы в капиталистическом обществе. Капиталистическое сельское хозяйство на исходе XIX стол. оказывается в том же положении, как феодальное сельское хозяйство в конце XVIII ст.: оно забралось в тупик, из которого оно бессильно выбраться собственными силами, оставаясь на данной социальной почве.

Читая нижеследующие строки, можно подумать, что имеешь дело с картинами из прошлого века. „Недостаток в рабочих на лицо и становится особенно ощутительным в имениях, ведущих крупное хозяйство, а также у более крупных крестьян. Вследствие этого более крупные имения и даже крестьянские участки отдаются в аренду враздробь; это ведет за собой неутешительный результат: мелиорации не производятся, а ведут особого рода хищническое хозяйство, так как держат слишком мало крупного скота и применяют чуть ли не исключительно удобрение из отхожих мест. Это, конечно, вредит плодородию почвы. В результате песчаные места, раньше возделывавшиеся не без выгоды, теперь лежат под паром и уже годами не подвергаются обработке; часто пустуют и поля самих рабочих, которые при высокой заработной плате больше зарабатывают наемным трудом, чем обработкой своих полей“ („Zustände der Landarb.“ II, 206).

Такие известия идут из Гессена; а вот из Баварии: „Как сообщалось в общих отчетах, недостаток в рабочих в некоторых местностях Баварии ведет не только к постоянным нарушениям в правильном ведении хозяйства, но и к понижению интенсивности хозяйства“ (ibid. 190).

Стоит сравнить с этим также выше приведенные цитаты относительно влияния пришлых рабочих. Несмотря на весь технический прогресс, местами уже, без сомнения, начался упадок сельского хозяйства. А если недостаток в рабочих не прекратится, то он сделается всеобщим. „Уменьшение количества рабочих сил необходимо должно иметь последствием ежегодное уменьшение возделываемой площади и увеличение площади пастбищ (Гольц, „Die ländl. Arbeiterkl.“, 176).

Все хозяйства, пользующиеся наемными рабочими, испытывают гнетущее влияние недостатка в рабочих, но в мелких оно ощущается гораздо сильнее, чем в крупных. В их распоряжении всего меньше средств, если не для устранения, то хоть для смягчения местами недостатка в рабочих. У них нет земли, которую они могли бы сдавать наемным рабочим, связывая их в обмен за пользование землей обязательствами совершить определенные работы; их потребность в рабочих слишком незначительна, чтобы окупить особые издержки

привлечения рабочих издалека; они должны отдавать предпочтение тем, которые находятся поблизости; машинами они вовсе не могут пользоваться, а для достаточного повышения заработной платы у них меньше средств, чем у других.

Но зато эти более мелкие, прибегающие к наемному труду, хозяйства пользуются как раз теми разрядами рабочих, которые легче всего перекочевывают с места на место, а именно неженатыми рабочими, батраками и батрачками.

Между хозяйствами, служащими товарному, а не исключительно или почти исключительно домашнему производству, бегством из деревни затрагиваются меньше всего те, которые занимают мало наемных рабочих, в случае нужды обходятся рабочими силами своей семьи, и однако достаточно велики для того, чтобы приковать владельцев к земле. Таковы вообще хозяйства в 5—20 гектаров. Им даже полезно, что тенденция к парцелляции земли, угрожающая большей частью как раз этим хозяйствам, ослабевает тем скорей, чем большую часть сельско-хозяйственного населения охватывает стремление бежать из деревни. Вместе с тем уменьшается спрос на землю и падают несоразмерно высокие цены на маленькие имения. Парцеллированье земли перестает быть выгодным; раздробление имений на части прекращается. Таким образом нет ничего удивительного, что как раз эти хозяйства являются единственными, заметно выигравшими в размерах землевладения в Германии. Вся находящаяся в сельско-хозяйственном пользовании площадь увеличилась с 1882 по 1895 г. на 648.469 гектаров, а площадь хозяйств от 5 до 20 гектаров на 563.477; площадь же хозяйств от 1—2 гектаров уменьшилась на 50.177, как и площадь хозяйств от 20—50 гектаров на 62.898 гектаров.

Из каждой 1.000 гектаров находящейся в сельско-хозяйственном пользовании площади приходится на хозяйства:

	Менее 1 гект.	От 1 до 2 гект.	От 2 до 5 гект.	От 5 до 20 гект.	От 20 до 100 гектар.	От 100 до 1000 гектар.	Свыше 1000 гектар.
1882 г.	24	33	100	288	311	222	22
1895 г.	25	31	101	299	303	216	25
Прирост+ уменьшение—	+1	—2	+1	+11	—8	—6	+3

Значительный прирост приходится только на средне-крестьянские хозяйства в 5—20 гектаров, наибольшее же уменьшение—на крупно-крестьянские от 20—100 гектаров (ср. стр. 123).

Эти цифры радуют сердца всех добрых граждан государства, видящих в крестьянстве самый твердый оплот существующего порядка. Нет, оно не колеблется, это сельское хозяйство, восклицают они с одушевлением; догма Маркса над ним бессильна. В этих цифрах фактически взаимно уничтожаются децентрализующие и централизующие тенденции, которые в наш век повсюду были заметны в сельском хозяйстве вплоть до 80-х годов. Наступает повидимому новый расцвет крестьянства, который должен посрамить все социалистические тенденции индустрии.

Но этот цветок цветет на болоте. Он выростает не на почве благосостояния крестьянства, а на почве угнетения всего сельского хозяйства. Он—плод тех же причин, которые ведут к тому, что уже введенные и испытанные машины опять бросаются, что снова воскресают феодальные формы рабочего договора, что поле вытесняется пастбищем, что некоторые поля лежат

невозделанным. В тот день, когда удалось бы удовлетворительно разрешить для сельского хозяйства его особый „рабочий вопрос“ и, таким образом, открыть для него возможность нового расцвета, благоприятные для среднего хозяйства тенденции тотчас же превратились бы опять в свою противоположность. Благоденствие сельского хозяйства и дальнейшее существование крестьянской системы хозяйства—два понятия, исключающие друг друга при развитом капиталистическом способе производства. В пользу этого положения говорит опыт не только Европы, но и восточных штатов Сев. Амер. союза (ср. стр. 94 и 95-96).

Не следует также ожидать, что нынешний упадок сельского хозяйства, действуя более значительное время, поведет к вытеснению крупного и карликового хозяйства, даст преобладание в сельском хозяйстве тому классу довольных средних крестьян, который с таким одушевлением еще в начале нашего века рисовал нам Сисмонди, и даст этому классу возможность всему общественному развитию противопоставить свое: „ни шагу дальше“.

Если класса средних крестьян менее, чем всех других товаро-производящих классов землевладельческого населения, коснулся недостаток в наемных рабочих, то зато именно он больше всех страдает от других тягостей, порождаемых современным сельским хозяйством! Средний крестьянин есть главный об'ект ростовщической и посреднической эксплоатации; денежные налоги и военная служба тяжелее всего ложатся на него; его земле больше всего угрожает опасность истощения. И так как этого рода хозяйства принадлежат к числу самых нерациональных среди товаро-производящих хозяйств, то им, именно, приходится более всего вести конкуренционную борьбу при помощи нечеловеческого труда и недостойного человека образа жизни. Вспомним поговорку, что мелкие крестьяне, пока у них нет своего упряжного скота, живут еще сравнительно сносно, что „только с собственной упряжкой начинается для них жалкое существование“.

Этих крестьян привязывает еще к земле их относительно значительный участок. Однако только их самих, но уже не их детей. Подобно наемным рабочим и карликовым крестьянам, и детей средних крестьян начинает охватывать стремление к бегству из деревни—тем с большей силой, чем ближе придвигается к ним индустрия. Из одной провинции, где крестьянство сохранилось в наиболее здоровом и сильном виде, из Шлезвиг-Гольштинии сообщают: „Те батраки, а также сыновья крестьян, которые до вступления в ряды войска работали в отцовском хозяйстве, по окончании службы только изредка возвращаются надолго в деревню, если только они не научились ремеслу; они уходят в город, так как жизнь в деревне уже не привлекает их“ („Verhältnisse der Landarbeiter“, II, 426).

Но чем скорее дети средних крестьян начинают ощущать тягость положения скверно содержимых, по большей части прямо обдираемых наемных рабочих, чем более они стремятся уйти от крестьянской дикости, тем более уменьшаются семьи средних крестьян, тем, следовательно, меньше у них возможности вести свое хозяйство, хотя бы и с трудом, тем большую роль начинают играть и здесь наемные рабочие и тем более чувствительным и для этого класса хозяйств делается рабочий вопрос на ряду с другими бедствиями.

В настоящее время средние крестьяне менее всего оказываются истинно консервативными, т. е. довольным существующим элементом. Напротив, они точно так же жаждут переворота в существующем строе, как и самые радикальные социал-демократы, но, конечно, в совершенно другом направлении, чем эти последние. Несмотря на это, они не произведут государственного переворота; какими бы дикими подчас не казались нам их выходки, они уж не та опора существующего, что прежде. Аграрный кризис простирает свои лапы ко всем товаро-производящим классам сельского населения; он не щадит и среднего крестьянства.

X.

ЗАОКЕАНСКАЯ КОНКУРЕНЦИЯ В ПРОИЗВОДСТВЕ ЖИЗНЕННЫХ СРЕДСТВ И ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА.

а) Экспортная индустрия.

Последние главы показали нам, что капиталистический способ производства, разбивший феодальные оковы и давший сельскому хозяйству огромный толчек, так что последнее в несколько десятилетий подвинулось дальше, чем прежде за целое тысячелетие, что этот способ производства создает все более стесняющие и угнетающие сельское хозяйство тенденции и все более обостряет противоречие между соответствующими современному способу производства формами присвоения и владения и потребностями рационального сельско-хозяйственного производства.

Эти угнетающие тенденции стали заметны уже давно, но они только в незначительной степени стесняли сельское хозяйство и землевладельцев, пока последние были в состоянии сваливать обусловливаемое этими тенденциями бремя на других, на потребителей. Пока была такая возможность, сельское хозяйство, начиная с падения феодального государства, переживало золотое время, тянувшееся до 70-ых годов.

К этому времени относится замечание Мейтцена („Der Boden und die landwirthschaftlichen Verhältnisse des Preussischen Staats", I, 440): „Авторы составленной в министерстве земледелия в ноябре 1859 г. памятной записки о государственных мерах содействия сельско-хозяйственной культуре в Пруссии могли с полным правом сказать: ожидаемые действия аграрного закона не заставили себя ждать; на место спячки явилось отрадное оживление сельского населения. Совпадание счастливых кон'юнктур распространило *всеобщее благосостояние* среди владельцев как крестьянских, так и рыцарских имений, и покупные цены на все имения возрасли чрезмерно, благодаря возможности их беспрепятственной обработки и неограниченной конкуренции покупателей".

Совсем другим языком говорит ныне прусский министр земледелия! До второй половины 70-ых годов цены на с'естные припасы росли непрерывно, в резком противоречии с ценами на продукты индустрии; они росли во много раз быстрее заработной платы, так что рабочие были свидетелями ухудшения своего положения не только как *производители*, вследствие повышения нормы прибавочной стоимости, т. е. падения их доли в производимых ими ценностях, но часто и как *потребители*. Благосостояние сельского хозяйства основывалось на обнищании пролетариата. 1000 кило пшеницы стоили по И. Конраду:

	В Англии.	Во Франции.	В Пруссии.
1821-30 г.	266,00 марок.	192,40 марок.	121,40 марок.
1831-40 г.	254,00 „	199,20 „	138,40 „
1841-50 г.	240,00 „	206,60 „	167,80 „
1851-60 г.	250,00 „	231,40 „	211,40 „
1861-70 г.	248,00 „	224,60 „	204,60 „
1871-75 г.	246,40 „	248,80 „	235,20 „

Килограмм мяса стоил:

	В Берлине.	В Лондоне.
1821-30 г.	61 пфен.	? пфен.
1831-40 г.	63 „	? „
1841-50 г.	71 „	87 „
1851-60 г.	85 „	101 „
1861-70 г.	100 „	113 „
1871-80 г.	125 „	131 „

В 70-ых годах наступил конец этому постоянному возрастанию. 1000 килогр. пшеницы стоили:

	В Англии.	Во Франции.	В Пруссии.
1876-1880 г.	206,80 марок.	229,40 марок.	211,20 марок.
1881-1885 г.	180,40 „	205,60 „	189,00 „
1889 г.	137,00 „	198,30 „	192,00 „

По новейшему отчету английской парламентской аграрной комиссии официально установленные цены пшеницы за квартер достигали:

1889-91 г.	32	шил.	11 пенс.
1890-92 г.	33	„	1 „
1891-93 г.	31	„	2 „
1892-94 г.	26	„	6 „
1864-95 г.	24	„	1 „

Килограмм мяса стоил в Берлине в 1881—85 гг. 119 пфен., 1886—90 гг. 115 пфен., в Лондоне 1881—85 гг. 124 пфен., в 1886—1890 гг.—101 пфен.

Движение цен на с'естные припасы идет, следовательно, с 70-ых годов в направлении, противоположном прежнему.

Причины этой перемены, как и всякого другого крупного изменения в современном сельском хозяйстве, следует искать в развитии индустрии, все более подчиняющей себе это хозяйство.

Капиталистический способ производства обусловливает непрерывное революционизирование производства, благодаря прогрессирующему накоплению нового капитала и техническим переворотам, порождаемым беспрерывным прогрессом наук, взятых капиталом к себе на службу. Масса капиталистически произведенных продуктов растет поэтому из года в год в капиталистических нациях; она растет гораздо быстрее, чем население.

Не странно ли, что этот непрерывный рост богатства становится источником увеличивающихся затруднений для капиталистических производителей, благодаря тому обстоятельству, что капиталистический способ производства—производство прибавочной стоимости, достающейся классу не наемных рабочих, а капиталистов, в то же время есть производство в крупных размерах, массовое производство продуктов, производство для потребления масс? В этом существенное отличие капиталистического способа производства от феодального или античного. Феодал или рабовладелец также выжимал прибавочный продукт из своих рабочих, но этот прибавочный продукт потреблял он сам с своими приживалками. Капиталистически присвоенная прибавочная стоимость напротив обыкновенно сначала принимает форму продуктов, которые должны быть приобретены массой населения, чтобы затем получить форму продуктов, идущих на потребление капиталистов. Капиталист точно так же, как и феодал и рабовладелец должен стремиться к ограничению потребления масс с тем, чтобы увеличить свое собственное; но при этом на нем лежит забота, неизвестная феодалу и рабовладельцу,—беспрерывно повышать потребление масс. Это противоречие одна из самых характерных, но также и одна из самых неприятных проблем, решение которых стоит пред современным капиталистом.

Наивные социал-политики, а также горячие социалисты уже давно стараются доказать ему, что массовое потребление тем выше, чем больше потребление трудящихся масс, что поэтому для поддержания хода производства и постоянного его расширения ему остается только повышать заработную плату. Но это соображение в лучшем случае могло бы заставить отдельного капита-

листа с удовольствием смотреть на повышение заработной платы в других отраслях производства, но никоим образом не у себя.

Пивовар, пожалуй, заинтересован в повышении потребления масс вследствие повышения платы *других* рабочих, но никоим образом не в повышении платы своих собственных рабочих. Верно, что чем выше заработная плата, тем больше может продавать капиталист. Но ведь он производит не затем, чтобы *продавать*, а чтобы класть в карман *прибыль*. Прибыль же, caeteris paribus, тем выше, чем выше прибавочная стоимость, а эта последняя тем выше, чем ниже, при том же количестве доставляемого рабочим труда, заработная плата.

Ведь капиталисты уже издавна знают совсем другие способы повышать массовое потребление капиталистически произведенных продуктов, помимо повышения потребления рабочих масс. Не в среде рабочего пролетариата ищут они свой главный рынок сбыта, а в еще не пролетаризированных массах, прежде всего в сельском населении. Мы видели, как они разрушают домашние промыслы этого населения и тем создают крупный рынок для сбыта своих массовых продуктов.

Но этот рынок оказывается тем менее достаточным, чем большее развитие получают производительные силы капиталистического способа производства, чем большее преобладание в населении получает класс наемных рабочих, т. е. тот класс, который создает массовый продукт, но в силу природы вещей может потребить только часть своего продукта. Расширение рынка за пределы своей нации, производство на *мировой рынок* и постоянное расширение последнего, становится вопросом существования для капиталистической индустрии. Отсюда современная погоня за расширением рынков, стремление осчастливить негров при помощи сапог и шляп, облагодетельствовать китайцев посредством броненосцев, пушек, железных дорог, столь характерное для нашего времени. Самый внутренний рынок теперь почти целиком зависит от внешнего. От последнего главным образом зависит, идут ли дела хорошо, могут ли много потреблять пролетарии и капиталисты, а с ними и торговцы, и ремесленники, и сельские хозяева.—И раз внешний мировой рынок оказывается неспособным более к быстрому расширению, капиталистический способ производства приходит к своему концу.

б) Железные дороги.

Рука об руку с постоянным стремлением к расширению рынка сбыта для продуктов промышленности идет и революционизирование транспортного дела.

Мы видели, что капиталистический способ производства уже с самого начала покоится на массовом производстве. Но, являясь массовым производством, он нуждается также и в средствах для массового транспорта. И при том не только для вывоза своих продуктов. Капиталистическая крупная индустрия потребляет такую массу сырья, какую не могут доставит ей соседние местности; она концентрирует такие массы людей, что их не в состоянии прокормить эти местности. Но сырые материалы и средства существования имеют только незначительную удельную ценность, в большом весе и об'еме они содержат малое количество труда; только особенно дешевые средства передвижения могут транспортировать большие массы их на большие расстояния, не повышая издержек до огромных размеров.

Таким дешевым массовым средством передвижения являлся в начале капиталистического способа производства только *водный путь*. Этот способ мог развиться только по морю или по особенно благоприятно расположенным рекам. Но капиталистический способ производства нуждается не только в дешо-

визне, но и в быстроте и обеспеченности массового транспорта. Чем быстрее оборот капитала, тем меньший капитал приходится затрачивать в определенном предприятии для ведения его в данном размере, тем больше могут быть размеры предприятия при данном капитале. Если я посылаю свои товары из Манчестера в Гонконг, то для меня далеко не безразлично, получу ли я уплату за них в течение 3 месяцев или же в течение года. Если же мой капитал оборачивается 4 раза в год, то моя прибыль, при равенстве прочих условий, будет в 4 раза больше, чем при одном обороте в год.

С другой стороны, чем быстрее сообщение, тем в большем отдалении могу я искать себе покупателей, тем скорее я могу расширять свой рынок сбыта без удлинения времени обращения вложенного в предприятие капитала, без увеличения этого капитала.

Чем больше быстрота сообщений, тем меньшие запасы сырых материалов приходится мне делать, чтобы вести свое предприятие полным ходом. И в этом отношении всякое улучшение транспортного дела ведет к тому, что с данным капиталом становится возможным вести производство в больших размерах, или вести его в прежних размерах с меньшим капиталом, наконец также к тому, что получается возможность расширять круг своих отношений.

В том же направлении действует большая обеспеченность сообщений. Она уменьшает резервный капитал и запасы сырья, которые должен иметь предприниматель, чтобы гарантировать себя от неправильностей сбыта и доставки.

Но водяной транспорт на парусных, гребных судах или при помощи конной тяги оставляет желать очень многого в смысле быстроты и обеспеченности сообщений. Каналы и реки зимой замерзают, море с своими бурями ненадежно, а еще хуже для спешащего торговца штили или встречные ветры.

Только применение человеком силы пара дало возможность создать те формы массового транспорта, которые, устраняя зависимость капиталистического способа производства от водных путей, внедряют его также и внутрь материков, и целый мир превращают в рынок сбыта для исполински разростающейся крупной индустрии.

Уже в начале нашего века были изобретены локомотивы и железные дороги, но их применение ограничивалось почти исключительно теми областями, где преобладала крупная промышленность. Только великие войны, покончившие с пережитками старой Европы и Америки, проложили дорогу стремительному развитию железных дорог и вне областей с крупной индустрией. Только с того времени железная дорога стала не продуктом капиталистического развития, а его предшественницей. Если Россия после Крымской войны, Австро-Венгрия с 1859 и еще более с 1866 г. всеми способами поощряли постройку железных дорог, то при этом действовали главным образом стратегические соображения. Это верно и по отношению к румынским, турецким, а также индийским железным дорогам. Но и коммерческая точка зрения имела при этом свое значение. Правительства нуждались в деньгах, чтобы иметь возможность выдержать конкуренцию с капиталистическими государствами; а единственными продуктами, которые их народы могли выносить на рынок, были сырые материалы и с'естные припасы. Для них нужно было создать массовые средства транспорта.

Прежде всего этой цели служили железные дороги, построенные американскими капиталистами после междуусобной войны, доставившей капиталу всеобщее господство в Союзе. Благоприятные результаты этих дорог скоро вызвали подражание, и теперь одной из главных сторон деятельности европейского финансового мира является постройка и эксплоатация железных дорог в совершенно отсталых в экономическом отношении, часто даже в безлюдных странах вне Европы. Постройка такого рода железных дорог пред-

ставляет не только отводные каналы для излишка капиталов, избыток которых грозит задушить европейский класс капиталистов, не только открывает, часто даже создает новые рынки для быстро растущей европейской индустрии, но и открывает и создает новые источники снабжения сырыми материалами и с'естными припасами. Совсем недавно Giffen напечатал следующую таблицу длины (в английских милях=1.609 метрам) железнодорожной сети к концу следующих годов:

	1850.	1860.	1870.	1880.	1890.	1895.
Европа	14.551	33.354	64.667	105.429	141.552	155.284
Америка	9.604	33.547	58.848	109.521	212.724	229.722
Азия	—	844	5.118	9.948	22.023	26.890
Австралия	—	350	1.042	4.889	13.332	13.888
Африка	—	278	956	2.904	6.522	8.169
Всего . .	24.155	68.373	130.631	232.691	396.153	433.953

В 1870 г. протяжение сети европейских железных дорог составляло еще $^1/_2$ железнодорожной сети всего мира, в 1895 г. уже только $^1/_3$. Длина ее за это время возросла почти в 5 раз, в то-же время длина американской возросла в 7 раз, а железнодорожная сеть остальных 3 частей света увеличилась более, чем в 30 раз.

Подобный же переворот, хотя и не в такой сильной степени, вызвал пар и в мореплавании. По Jannasch'у водоизмещение приходящих и отплывающих судов в важнейших причастных к мореплаванию странах мира составляло в тоннах:

	Общая сумма.	Из них паровых судов.
1872 (38 стран)	137.226.600	52.908.900
1876 (45 „)	189.785.300	100.754.700
1889 (41 „)	360.970.800	287.965.100
1892 (41 „)	382.480.600	313.393.100

Стоимость железнодорожного и морского транспорта постоянно падает. По Зерингу, средние тарифные ставки с бушеля при транспорте из Чикаго в Нью-Йорк достигали:

	По водному пути.	По железной дороге.
1868	24,54 цента	42,6 цента.
1884	6,60 „	13,0 „

Перевозка бушеля пшеницы из Нью-Йорка в Ливерпуль на пароходе стоила в среднем в 1868 г. 14,36 цента, а в 1884 уже только 6,87.

С того времени фрахты еще больше понизились. Согласно Yearbook of the United States, Departement of Agriculture, 1896 г., перевозка бушеля пшеницы от Нью-Йорка до Ливерпуля обходилась в:

	Январе.	Июне.
1885	9,80 центов.	5,00 центов.
1890	11,13 „	3,75 „
1896	6,12 „	4,00 „

Перевозка 100 фунтов пшеницы по железной дороге от Чикаго до Нью-Йорка в 1893 г. стоила 25 центов, а в 1897 г.—20 центов.

Это развитие транспорта совершенно изменило положение европейского сельского хозяйства. Продукты сельского хозяйства отличаются, как уже упоминалось, незначительной удельной ценностью, т. е. они в большом об'еме и весе содержат сравнительно немного человеческого труда, напр., картофель,

сено, молоко, фрукты, а также пшеница и мясо. Многие из них не выносят также долгой перевозки, как напр., мясо, многие сорта фруктов и овощей. При примитивности перевозочных средств транспорт сильно повышал цены этих продуктов, и доставка их дальше известных, очень ограниченных расстояний, была совершенно невозможна. Снабжение с'естными припасами городского рынка оставалось преимущественно местным делом, ограничивалось соседними местностями. Эти местности владели монополией эксплоатации городских потребителей и прекрасно пользовались ею. Высокие транспортные расходы наиболее отдаленных имений, которые еще должны были участвовать в удовлетворении городских потребностей, поднимали дифференциальную земельную ренту ближайших имений. Возрастание затруднений для распространения доставки с'естных припасов дальше известной области позволяло также очень сильно поднимать и абсолютную земельную ренту.

Постройка железных дорог, пока она ограничивалась странами с высоким индустриальным развитием, внесла сюда лишь немногие изменения. Правда, железные дороги открыли для городского рынка новые источники снабжения с'естными припасами, но только производившие при условиях, сходных с условиями ближайших к городу местностей. Но прежде всего эти железные дороги вызвали огромное расширение городского рынка; ибо только благодаря им стал возможен тот быстрый рост и огромное увеличение числа больших городов, которые так характерны для нашего времени. Они не вызвали также никакого падения земельной ренты; напротив, со времени начала постройки железных дорог вплоть до 70-ых годов земельная рента повсюду в Европе быстро росла. Железные дороги способствовали быстрому росту числа землевладельцев, воспользовавшихся этим повышением ренты. Они чрезвычайно увеличили общую сумму земельной ренты, доставшуюся на долю сельских землевладельцев.

Иного рода было действие тех железных дорог, которые проводились в экономически отсталых странах. Но и эти железные дороги едва ли привели к перепроизводству с'естных припасов; они расширили городской рынок, увеличили количество индустриального населения, которое без снабжения заокеанскими с'естными припасами за последние десятилетия не могли бы так быстро возрастать в Европе. Не количество ввозимых с'естных припасов угрожает европейскому сельскому хозяйству, а условия их производства. Производству не приходится там нести того бремени, которое налагает на сельское хозяйство капиталистический способ производства, с появлением этих продуктов на рынке для европейского сельского хозяйства исчезла возможность перелагать в будущем на потребителей быстро растущие тяготы, возложенные на него частной собственностью на землю и капиталистическим производством; ему приходится самому нести это бремя, и в этом именно и состоит нынешний аграрный кризис.

в) Область конкуренции в производстве жизненных средств.

Страны, угнетающие европейское сельское хозяйство, можно разделить на 2 большие группы: области восточного деспотизма и свободные (нынешние или прежние) колонии, предполагая, что к первым и теперь еще можно отнести такие страны, как Россия. Именно по отношению к сельскому населению такая группировка в общих чертах может быть признана верной.

В первых сельское население целиком отдано в жертву произволу государства и господствующих классов. Здесь капитализм еще не создал национальной политической жизни, нация, по крайней мере в деревне, здесь представляет простой аггрегат сельских общин, из которых каждая живет сама по себе, своей особой жизнью, и в своей изолированности является совершенно бессильной перед централизованной силой государства. Но пока такая нация

не перешагнула ступени простого товарного производства, положение крестьянина в подобном государстве еще не слишком плохо. Лично он едва соприкасается с государственной властью; его охраняет и представительницей его интересов перед государством является его демократически организованная община, и государственная власть имеет в руках мало средств для чрезмерного выжимания соков у общины, да и мало поводов у нее к тому, так как она может найти только ограниченное применение тем натуральным продуктам, в форме которых уплачиваются повинности. Жестокость восточного деспотизма и выжимание соков проявляются сильнее в городах и по отношению к придворным, высшим чиновникам, богатым купцам, чем в деревне.

Все это однако совершенно изменяется, когда государственная власть тем или другим путем приходит в соприкосновение с европейским капитализмом. Европейская цивилизация вступает в эти страны во образе милитаризма, бюрократии и государственных долгов; она также внезапно повышает потребность государственной власти в деньгах, как и ее силу по отношению к сельским общинам. Повинности теперь превращаются в денежные налоги, и уже существовавшие отчасти незначительные денежные налоги повышаются до невыносимых размеров и взыскиваются беспощадно. Сельское хозяйство является главной отраслью производства в таком государстве; тем тяжелей, чуть не целиком падает на него бремя налогов, чем бессильнее сельское население. Довольная жизнь крестьянина уходит в область преданий. Ему приходится вести хищническое хозяйство, как по отношению к собственной рабочей силе, так и по отношению к земле, чтобы выжать из них все, что только можно. Время досуга, время искусства отходят в прошлое, прекрасная резьба по дереву и вышивки южно-русских крестьян—дело минувших дней, как и времена довольства. Собирается гораздо большая жатва, земле не дается времени для отдыха; все, что не абсолютно необходимо для скудного поддержания жизни, идет на рынок. Но где найти покупателей в деревне, где почти всякий житель—крестьянин, готовый продавать с'естные припасы и вовсе не нуждающийся в их покупке? Вывоз с'естных припасов становится вопросом жизни, постройка железных дорог, идущих извнутри страны к портам или сухопутным границам, становится необходимостью для правительства, раз оно хочет получить возможность собирать с крестьян денежные налоги. Об определении цен этих с'естных припасов издержками производства едва ли может быть речь. Они произведены не капиталистически и продаются под давлением государственной власти и ростовщика, которого выводит на арену тот же переход к денежным налогам.

Чем выше налоги и ростовщические проценты, чем больше нужда и долговое рабство крестьянина, тем более он принужден сбывать свои продукты по всякой цене, тем больше количество труда, которое он должен отдавать своему кредитору, деревенскому кулаку-крестьянину или землевладельцу для погашения долга, тем больше количество выносимых им на рынок продуктов, тем ниже цены, которые он за них выручает, тем дешевле продаются продукты, производимые в имениях его кредитора. Возрастающее обременение крестьян налогами и ростовщическими процентами не удорожает, а удешевляет здесь продукт; оно до самых крайних пределов понижает земельную ренту и заработную плату мелкого крестьянина, поскольку о них вообще здесь еще может быть речь.

В виду подобной конкуренции не может укрепиться земледелие, продуцирующее на капиталистических началах и вынужденное считаться с данным жизненным уровнем сельского населения, с данной заработной платой и данной, фиксированной в земельных ценах и ипотечных долгах, земельной рентой, земледелие, не ведущее хищнического хозяйства, а сохраняющее в статическом состоянии плодородие почвы и имеющее притом в своем распоряжении лишь недостаточное предложение рабочих рук.

Совершенно иной, чем эта конкуренция стран восточного деспотизма, приходящих в соприкосновение с европейским капитализмом, каковы Россия, Турция, Ост-Индия, представляется конкуренция колоний Америки и Австралии. Там мы находим мощную демократию свободных крестьян, стоящую в стороне от мировой политики, не знающую милитаризма и мало обремененную податями. Неизмеримые пространства плодоносной земли здесь свободны от чьего бы то ни было владения, ибо ее первоначальные властители, малочисленное первобытное население, искореняется или оттесняется на небольшие территории. Здесь еще не существует монополии на землю единичных лиц, нет еще земельной ренты; земля не имеет еще ценности. Сельскому хозяину не нужно, как в Европе, большую часть своего капитала затрачивать на покупку земли, он может целиком употребить его на обзаведение хозяйства. Поэтому при одинаковом приложении капитала и одинаковой величине земельной площади сельский хозяин в колонии может достичь гораздо высшей ступени сельско-хозяйственной культуры, чем в Европе. И это ему удается тем скорее, что колонист, приходя из Европы, встречает совершенно новые условия, к которым ему нужно приспособиться, причем быстро исчезают традиции и предрассудки прошлого, отягощающие европейского крестьянина.

Еще одно обстоятельство способствует здесь развитию сельско-хозяйственной культуры. Почва еще не истощена, еще совершенно девственна. Она не требует никакого удобрения и никакого плодосмена, и много лет подряд дает всегда богатый урожай одних и тех же продуктов. Земледельцу не нужно поэтому ни покупать удобрения, ни производить его самому; он может вполне ограничиться возделыванием одного продукта, напр., пшеницы, и он делает это тем скорее, чем более развит обмен, чем более он производит только товары и не нуждается более в производстве для собственного потребления. Эта односторонность производства дает ему возможность делать необыкновенные сбережения в рабочей силе и в средствах производства и в то же время вполне приспособить свои средства производства к одной цели, для которой единственно они предназначены. Возделыватель пшеницы не нуждается ни в стойлах для скота, исключая упряжного, ни в овинах для кормовых запасов, ни в рабочих для содержания скота; ему не нужно возделывать никаких корнеплодов, и он сберегает рабочую силу и материал. Вместе с отсутствием земельной ренты и эта односторонность производства ведет к тому, что сельский хозяин в колонии, при том же приложении капитала и труда и той же земельной площади, может добиться высшего дохода, чем в Европе, или что он, при том же приложении капитала и труда, может обработать значительно большую земельную площадь с тем же доходом pro гектар. Для об'яснения высокого развития техники в американском сельском хозяйстве обыкновенно указывают на недостаток в рабочих руках и на высокую заработную плату, вызывающие переход к машинному труду. Но этот момент без двух других, только что подчеркнутых моментов, вряд ли мог бы в такой мере оказать свое действие, как это имеет место в действительности. „Рабочего вопроса“ в том смысле, как он существует в европейском сельском хозяйстве, для колоний не существует. Положим, население их гораздо реже, чем население европейских культурных стран, число рабочих рук в отношении к сфере приложения труда значительно меньше. Но от данного числа рабочих зависит не процветание сельского хозяйства, а только способ его ведения. Где меньше рабочих, там хозяйство ведется экстенсивнее, там по возможности больше человеческого труда заменяется машинами и пр. Но ни в каком случае не безразлично для процветания сельского хозяйства, уменьшается ли, при данном способе обработки, число находящихся в его распоряжении рабочих рук или нет, и суживается ли их работоспособность или нет. Для процветания сельского хозяйства решающим является не данное количество и искусство его рабочих, а напра-

вление, в каком изменяются эти факторы. А в этом отношении колонии имеют преимущество пред Европой.

То самое бегство с земли, которое обезлюдило деревни Европы, доставляет не только городам, но и колониям все новые толпы здоровых сельчан, и при том самых интеллигентных и энергичных из них, которые при новых условиях делаются и не могут не делаться еще энергичнее и интеллигентнее. Те, которые не могут приспособиться к совершенно изменившимся условиям, гибнут. „Через несколько лет совершенно необразованный переселенец превращается в очень дельного человека, тем более, что он здесь чрезвычайно хорошо питается. Он похож на растение, пересаженное из тощей почвы в жирную—и это сравнение верно и останется верным до тех пор, пока здесь труд будет вознаграждаться лучше, чем в Европе (R. Meyer, „Ursachen der amerikanischen Konkurrenz", 16). Военной службы, которая отнимает у земледелия рабочие руки, в колониях не существует. Зеринг („Die landwirthschaftliche Konkurrenz Nordamerikas", 179) выразительно говорит: „В фермерских округах часто слышны жалобы на высокую заработную плату, но очень редко на недостаток в рабочих руках". Но и высокая заработная плата не стоит на одном уровне. В то время, как в Европе добывать сельских рабочих в достаточном количестве становится все труднее и потому их заработная плата в общем повышается, в колониях, благодаря постоянному притоку свежих рабочих сил, она имеет тенденцию к падению. По Зерингу (ibid., 469) месячное жалованье годичных сельско-хозяйственных рабочих в долларах равнялось:

Штаты:	1866.	1869.	1875.	1879.	1881.	1885 (май).
Калифорния	35,75	46,38	44,50	41,—	38,25	38,75
Восточные Штаты	33,30	32,08	28,96	20,21	26,61	25,55
Средние „	30,07	28,02	26,02	19,69	22,24	23,50
Западные „	28,91	27,01	23,80	20,38	23,63	22,25
Южные „	16,—	17,21	16,22	13,31	15,30	14,25

Общее понижательное движение очевидно. В виду всех приведенных фактов легко видеть, как смешон добрый совет, который либеральные экономисты дают европейским сельским хозяевам: им-де нужно стать столь же интеллигентными, как американцы, и американская конкуренция будет побеждена. Но замечательно, что в процессе развития сами американцы, вместо того, чтобы делаться интеллигентнее, становятся менее интеллигентными, т. е. начинают хозяйничать на европейский манер.

Картина колониального сельского хозяйства, которую мы только что нарисовали, для Соединенных Штатов верна только в незначительной степени. Это сельское хозяйство основывается на хищнической обработке (об этом методе хозяйства см. стр. 122—123). Рано или поздно оно истощает почву.

Благодаря этому, становится необходимым, чтобы сельский хозяин от времени до времени переходил от истощенной почвы к свежей; для этого он должен или заранее придать своему имению такие размеры, чтобы оно рядом с обрабатываемой частью содержало и не обрабатываемую, или, когда его земля истощится, он должен направиться далее в некультивированные местности и отвести там под культуру новый земельный участок. По своему кочевому характеру земледелие колонистов напоминает земледелие древних германцев, только с тем различием, что оно ведется со всеми вспомогательными средствами современной техники и служит не для собственного потребления, а для продажи. Но именно благодаря этому, современное кочевое земледелие должно еще быстрее истощать почву, чем это делало земледелие германцев. Брошенная земля лежит невозделанной, пока не восстановится ее плодородие, или она переходит к сельскому хозяину, который начинает хозяйничать на европейский

манер, с плодосменом и удобрением. Во всяком случае старая почва рано или поздно делается негодной для экстенсивной хищнической обработки. Почва, на которой можно 40 лет подряд непрерывно сеять пшеницу без удобрения (Зеринг, ibid., стр. 188),—большая редкость. Непостоянный характер американского сельского хозяйства виден из следующих цифр: под пшеницей было акров:

	Западные штаты.	Центральные штаты.	Восточные штаты.
1880	6.100.000	23.700.000	5.700.000
1890	11.400.000	17.600.000	4.600.000
Увеличение(+)или уменьшение(—).	+5.300.000	—6.100.000	—1.100.000

За то же время в северо-восточных штатах еще в большей степени сократилась общая площадь сельско-хозяйственной культуры, с 46.385.632 акров до 42.338.024, т. е. более, чем на 4 мил. акров. Земельный голод американских колонистов при таком быстром истощении почвы должен быть еще сильнее, чем у древних германцев, и если Германия превратилась в vagina gentium, в вечно рожающую мать многочисленных народов, в века переселения народов один за другим теснившихся вплоть до Африки, то восток Америки тоже превратился в vagina gentium, в место исхода переселенцев, в течение немногих десятилетий заполнивших континент вплоть до берегов Тихого океана.

Этому движению на запад способствовала сильная иммиграция из Европы, ибо перспектива вести сельское хозяйство без земельной ренты, милитаризма, налогов, на плодоносной почве была слишком заманчива, и она заставляла многочисленные толпы земледельцев покидать отцовскую землю, с которой, по уверению наших поэтов и политиков, они связаны неразрывными узами, и искать новой жизни за океаном.

Теперь вся плодородная земля в Соединенных Штатах—об'ект частной собственности. Число ферм растет все медленее. С 1870 по 1880 г число их увеличилось на 1.348.922, т. е. на 51%, с 1880 по 1890 г.—только на 555.734, т. е. на 14%. Земля более не свободна, она дает земельную ренту и имет цену. А вместе с тем начинается отягощение земледелия бременем частной собственности под режимом капитализма. Американский земледелец ныне должен к у п и т ь имение, уменьшить свой производственный капитал на сумму покупной цены, он должен хозяйничать на меньшей площади, чем это было раньше, или влезать в долги. Или он должен а р е н д о в а т ь имение. Когда он умирает, он не может более указывать своим сыновьям на вольную землю на дальнем западе; им приходится делить между собой его владение, или один из них должен откупить его от других, что также не может не вести к задолженности или к уменьшению хозяйственного капитала. Наступает измельчение, задолженность имений и ухудшение их хозяйственного обзаведения. Но одновременно с этим растут требования, пред'являемые сельскому хозяину. Почва истощена, новой земли нельзя более достать даром. Удобрение, плодосмен, содержание скота делаются необходимыми, а все это требует добавочных рабочих сил и денег. С 1880 года в Соед. Штатах при переписях регистрируются издержки на вспомогательное удобрение, примененное в предшествующем году. Они составляли в 1880 г. 28.600.000, в 1890 г.—38.500.000 долларов. Вместе с этим выступает на сцену новая причина задолженности и мельчания имений.

Арендная система и задолженность начинают укореняться и распространяться. Из всего числа северо-американских сельско-хозяйственных имений сдавалось в аренду в 1880 г. 25,56%, а в 1890 г.—28,37%, (ср. стр. 60). Задолженность ферм в 1890 г. впервые регистрировалась во всем союзе. Из числа ферм, которые не арендовались, а состояли в пользовании самих соб-

ственников, в 1890 году 28,22% были задолжены, в том числе большая часть в капиталистически развитых штатах. Из числа 886.957 задолженных сельскохозяйственных имений 177.508 находились в северных приатлантических штатах (34,22% местных ферм), 618.429 (42,52%) в северных центральных штатах, в то время как в западных штатах только 31.751 (23,09%), в южных приатлантических 31.080 (7,43%), в южных центральных штатах 28.189 (4,59%). Общая сумма задолженности исчислялась в 1.086 миллионов долларов,—35,55% стоимости сельско-хозяйственных имений. В 88% задолженных ферм как причины задолженности указывались: покупка, мелиорации, приобртение машин и скота и т. под. Эти условия должны остановить поток иммиграции в то самое время, как с переходом от экстенсивной культуры к интенсивной спрос на рабочие руки растет. В 1882 г. иммиграция в Соед. Штаты достигла своей высшей точки—788.992 иммигрантов. С тех пор она непрерывно падала и в 1895 г. достигла едва 279.948 душ. Эмиграция из Германии, равнявшаяся в 1891 году 220.902 душам, в 1897 г. упала до 24.631.

При этом промышленность и торговля стремительно развиваются и отвлекают все большую часть населения. Число производительного населения с 1880 до 1890 г. увеличилось в промышленности на 49,1%, в торговле и транспортном деле на 78,2%, в сельском хозяйстве (включая горноделие) только на 12,6%.

И для американского сельского хозяйства приближается время его рабочего вопроса. Но развитие промышленности не только прямо отнимает у земледелия его рабочие руки, оно кроме того способствует развитию милитаризма. Индустрия превращается в экспортную промышленность, стремящуюся овладеть мировым рынком, и вступает в конфликт с соперничающими нациями. Военное дело пред'являет большие требования, государственные долги растут, налоги увеличиваются. Рост промышленности влечет за собой кризисы, потрясающие всю страну, безработица принимает угрожающие размеры, классовая борьба делается все ожесточеннее, господствующие классы нуждаются все в более сильных средствах для пресечения и предупреждения неудобных движений. И это способствует развитию милитаризма. Но при этом само государство все более делается достоянием высших финансовых сфер, обирающих население своими монополиями. Все это означает увеличение тягостей селького хозяйства Соединенных Штатов и сужение его способности к конкуренции на мировом рынке.

Конкуренция Европейской России и Индии со временем также теряет свою остроту. Там еще раньше, чем в Соединенных Штатах, хищническое земледелие должно повести к банкротству господствующего способа хозяйства, ибо здесь меньше запасной земли, старая культурная почва уже более истощена и средства обработки земли все более ухудшаются, по мере того как крестьянин становится беднее и все более теряет свой скот в пользу ростовщика и сборщика податей. Результатом являются хронические, периодически особенно обостряющиеся голодовки. Вывоз может при этом еще некоторое время расти, именно благодаря развивающейся постройке железных дорог, втягивающих в водоворот менового обращения все новые еще не истощенные области; но в конце концов это хозяйство должно привести или к полному разорению страны или к переходу к капиталистическому хозяйству крупных землевладельцев или крупных крестьян; в России имеются уже многочисленные зачатки последнего.

Пролетаризация сельского населения, выбрасывающая на рынок массу дешевых рук и большие пространства земли для продажи, и обратная сторона этого процесса—возникновение многочисленного класса сельских ростовщиков, накопляющих капиталы, вот и все предварительные условия капиталистиче-

ского производства. Благодаря им, условия производства в России делаются все более похожими на европейские, а ее конкуренция оказывает все меньшее давление на цены. Но сильно ошибаются те, кто заключает из этого, что аграрный кризис скоро будет устранен. Процесс, вызвавший его, безостановочно идет вперед и открывает капиталистическому способу производства все новые области, как в колониях, так и в странах восточного деспотизма. В Канаде, в Австралии, в Южной Америке еще можно найти незаселенную землю. Д-р Рудольф Мейер писал в 1894 году:

В лондонском „Economist“ от 9 сентября 1893 года приводится выдержка из отчета чиновника английского консульства в Аргентине, сообщающего между прочим, что в текущем году находится под культурой только 12½ миллионов акров (5 милл. гектаров), а годны к обработке 240 милл. акров или 96 милл. гектаров. Но к этому прибавляются еще обширнейшие пространства с подобными же условиями для обработки в других Лаплатских Штатах, Венецуэле и части Бразилии, так что всю годную для обработки площадь в Южной Америке, удобную для возделывания пшеницы, можно, пожалуй, исчислять в 200 миллионов гектаров. Значение этого станет понятным, если принять во внимание, что под пшеницей, рожью, овсом и ячменем в последние годы было в Соед. Штатах около 56 миллионов гектаров, в Австро-Венгрии 13, в Великобритании и Ирландии 4, в Германии 14, во Франции 15 миллионов, всего 102 милл. гектаров. („Der Kapitalismus fin de siècle“, 469).

Так же гласит и заключение английской парламентской аграрной комиссии (1897). Сибирь с ее 100 миллионами гектаров хлебной площади открывается для мирового рынка при помощи железной дороги; с севера, юга, востока и запада железные дороги быстро подвигаются к центральной Африке, а открытие Китая при помощи железных дорог—вопрос ближайшего будущего. Хотя в последней стране ожидают скорее увеличения ввоза, а не вывоза жизненных средств, но экономическая структура Китая имеет слишком много общего с Индией, чтобы мы не должны были ожидать здесь от постройки железной дорог тех же результатов, что и там: гибели домашней промышленности, быстрой задолженности крестьянства, медленного возникновения капиталистической промышленности, но на ряду с этим, одновременно с ростом нищеты и голода,—роста вывоза сельско-хозяйственных продуктов. Индия, в которой вечно свирепствует голод, вывозит обыкновенно пшеницу и рис—около 20 милл. центнеров пшеницы и 20—30 миллионов центнеров риса.

Так же обстоит дело в России. По последним данным крестьянство производит здесь ежегодно около 1.387 миллионов пудов хлеба (за вычетом семян). Ему нужно для своего пропитания 1.286 миллионов пудов ржи и для скота 477 милл. пудов. Это дает дефицит в 376 милл. пудов, которые крестьянство должно было бы прикупать, если бы оно само и его скот питались, как следует. Вместо этого оно, как известно, еще продает хлеб. Ему приходится аккуратно платить подати и долги, а продавать ему больше нечего. Те же причины заставят и китайского крестьянина продавать пшеницу и рис, как бы он сам ни нуждался в них.

Конечно, не все страны пригодны для производства пшеницы. Но ведь не безусловно и необходимо питаться пшеничной мукой. Уже сделаны попытки заменить пшеницу и рожь другими злаками, маисом, рисом, просом etc. Эти попытки не могут иметь большого успеха, пока подвоз пшеницы растет и потребности в суррогате не существует. Но если бы когда-нибудь дошло до того, что вся почва под пшеницей и рожью оказалась занятой, а цены на хлеб продолжали бы непрерывно расти, то дух изобретательности немедленно направился бы на замену прежних хлебов суррогатами из числа тропических продуктов, и тогда в ряды конкурентов европейских хлебных производителей вступили бы еще и те тропические страны, которые не пригодны для возде-

лывания пшеницы: Центральная Америка, Северная Бразилия, значительная часть Африки, Индия, Зондские острова.

Конечно, и эта конкуренция должна была бы когда-нибудь прекратиться, потерять свой разрушительный характер. Земная поверхность ограничена, а капиталистический способ производства распространяется прямо с головокружительной быстротой. Поэтому когда-нибудь аграрный кризис должен кончиться, поскольку он проистекает из конкуренции отсталых земледельческих стран с развитыми промышленными странами. Но если эта конкуренция прекратится, то и капиталистический способ производства потеряет всякую возможность дальнейшего распространения. А непрерывное расширение есть его жизненный принцип, ибо техническая революция и накопление капитала безостановочно идут вперед, производство все более превращается в массовое производство, в то время как доля массы в продукте его постоянно понижается. Аграрный кризис может поэтому окончиться только всеобщим кризисом всего капиталистического общества. Можно отодвигать или приближать этот момент, но несомненно то, что аграрный кризис в капиталистическом обществе уже более не прекратится, что он принадлежит, так сказать, к остову последнего. Если тягости капитализма, лежавшие до сих пор гнетом на западно-европейском сельском хозяйстве, ныне начинают давить его конкурентов в Соединенных Штатах, в России и пр., то это доказывает не то, что аграрный кризис в Западной Европе приближается к своему концу, но что область его распространяется все дальше.

Уже 20 лет оптимисты, именно либеральные экономисты, предсказывают нам скорый конец аграрного кризиса, уже 20 лет он год от году углубляется и расширяется. С ним мы должны считаться не как с преходящим, а как с постоянным явлением, явлением, переворачивающим всю экономическую и политическую жизнь. Мы должны отказаться здесь от исследования вопроса, какое обратное действие оказывает аграрный кризис на промышленность. Заметим только, что ее развитие сильно ускоряется им. Прошли времена, к которым применима была поговорка: Hat der Bauer Geld, hat's die ganze Welt (т. е. если крестьянин богат деньгами, то богат ими весь свет). Наша задача здесь заключается только в том, чтобы обсудить те преобразования в сельском хозяйстве, которые отчасти вызваны, отчасти ускорены вне-европейской конкуренцией жизненными припасами.

г) Сокращение производства хлебов.

Для землевладельцев и сельских хозяев ближайшим и простейшим средством против кризиса было обращение к государственной помощи, возмущение против „бесплодного манчестерства". Это значит: после того как европейское землевладение потеряло экономическую власть для переложения тягостей капиталистических условий производства на массу населения, это должна сделать политическая власть путем установления пошлин на хлеб, изменения к худшему системы денежного обращения (биметаллизм), выдачи денежных премий и т. под. Было бы излишним еще раз разбирать теоретическую обоснованность этих мер: она обсуждалась уже столько раз, что можно считать общеизвестными соображения, которые здесь должны быть приняты во внимание, и едва ли мы могли бы сказать здесь что-нибудь новое. Это обсуждение тем более излишне, что аграрии сами начинают понимать, как недалеко они уйдут с этими „маленькими средствами". В своих попытках вызвать искусственное вздорожание жизненных средств они во всех культурных стра-

нах встречают самую решительную оппозицию рабочего класса, более всех задеваемого этим вздорожанием. Хлебные пошлины до сих пор нисколько не помогли сельскому хозяйству. А если иногда и наступают условия, при которых они в состоянии оказать значительное действие и высоко поднять цены на хлеб, то они ставят громадное большинство населения в такие невыносимые условия, что должны пасть пред его ропотом. Неурожай 1891 года вызвал во Франции немедленное понижение хлебных пошлин (от июля 1891 до июля 1892); он вызвал также и в Германии, хотя и не немедленно, понижение пошлин, и не только преходящее, но и постоянное. В Англии ни один серьезный политик не осмеливается выступить за искусственное поднятие цен на жизненные припасы. Для этого рабочий класс там слишком могуществен. А конкуренция с фритредерской Англией не дозволяет и остальным промышленным странам слишком взвинтить пошлины на жизненные средства. Упорство Англии в свободе ввоза жизненных средств заставляет и континентальных капиталистов вместе с рабочими противиться всякому возвышению хлебных пошлин до уровня, на котором они могли бы парализовать влияние иностранной конкуренции жизненными припасами. Если аграрные защитительные пошлины в Европе не поднимаются на громадную высоту, то этому мы обязаны прежде всего могуществу рабочих в Англии.

Но что результаты энергичной аграрной покровительственно-таможенной политики, предполагая последнюю возможной, пришлись бы на пользу не сельскому хозяйству, а только землевладению, т. е. что они сохранили бы высокие цены на землю, удерживая на прежней высоте земельную ренту, и, следовательно, затянули бы то тяжелое положение, в которое, благодаря этой ренте, попало сельское хозяйство, это после наших рассуждений в предыдущей главе не нуждается в особых доказательствах. Попытки охранить европейское земледелие от иностранной конкуренции пошлинами и другими „маленькими средствáми“ во всех отношениях безнадежны; оне дают только один результат: ими замедляется приспособление земледелия к новым условиям. Тем не менее это приспособление заметно подвигается вперед. Одно из главных преимуществ за-океанской конкуренции заключается в изобилии земли, позволяющем ей брать под запашку только лучшую, наиболее пригодную для земледелия почву. Иначе обстоит дело в Европе. Пока каждое земледельческое хозяйство само удовлетворяло своим потребностям, оно должно было производить все, в чем нуждалось, независимо от того, годится ли для этого почва или нет. И на бесплодной, каменистой, сильно покатой почве возделывался хлеб. Замена производства для собственного потребления производством товаров на первых порах мало изменила в этом отношении; наоборот, увеличение спроса на хлеб в результате быстрого роста населения заставляло переходить все к менее плодородной почве, заставляло все большие пространства ее пускать под обработку. Это изменяется, как только выступает за-океанская конкуренция. Необходимость продолжать возделывание хлебов и на непригодной для этого почве прекращается, и где обстоятельства благоприятны для этого, его бросают и заменяют другими видами земледельческого производства. Эта тенденция еще усиливается обстоятельствами: за-океанская конкуренция сначала дает себя чувствовать заметнее всего на хлебном рынке. Возделывание хлебов гораздо проще, требует меньшей подготовки и рабочих сил, чем, напр., интенсивное скотоводство, разведение корнеплодов и овощей, возделывание фруктов. Хлеб и между пищевыми веществами является одним из товаров, имеющих наибольшую специфическую стоимость в отношении к весу и об'ему. Уже упомянутая выше таблица Sattegast'a ясно показывает это. По ней при транспорте разного рода продуктов на каждый центнер (50 килограммов) и милю падает процентов стоимости товаров:

Род товара.	Рыночная цена за центнер в пфеннигах.	За перевозку по грунтовым дорогам 15 пфеннигов.	За перевозку по железным дор. 2,5 пфеннигов.
		Pro центнер и милю.	
Свежий корм	50	30,00%	5,00%
Сахарн. свекла	100	15,00 „	2 50 „
Солома	100	15,00 „	2,50 „
Картофель	150	10,00 „	1,66 „
Сено	200	7,50 „	1,25 „
Молоко, свежие фрукты	400	3,75 „	0,62 „
Пшеница	1.000	1,50 „	0,25 „
Живой скот	2.000	0,25 „	0,25 „

Итак, пшеница стоит на самом верху. Издержки транспорта живого скота не потерпели уменьшения от железных дорог. Скорость его транспорта, конечно, сильно увеличилась. Издержки его транспорта равны издержкам транспорта пшеницы. Но последняя без вреда переносит самый длинный транспорт, хранение, перегрузку, морское путешествие, в то время как живой скот сильно страдает от продолжительного транспорта и от морского пути. Держать его в складах и амбарах, конечно, невозможно. Своей нечувствительностью к продолжительности и вредным влияниям транспорта хлеб стоит выше большинства других массовых продуктов сельского хозяйства — мяса, молока, фруктов, зелени, яиц.

Ясно таким образом, что иностранная конкуренция прежде всего проявляется в сфере возделывания хлебных злаков, так что те европейские сельские хозяева, которых их земля не обрекает именно на этот вид производства, ищут своего спасения в переходе к производству других, вышеозначенных продуктов. Но этот переход не в их воле. Они могут совершить его только там, где находят рынок для этих продуктов. Экономическое развитие часто идет им наперекор. Мы видели, что в силу ряда исторических и физиологических моментов в городах потребление мяса значительно выше, чем в деревнях. Так как городское население растет гораздо быстрее всего населения, то и спрос на мясо должен расти относительно гораздо быстрее. С другой стороны, вплоть до настоящего столетия производство молока, овощей, фруктов, яиц и т. п. ограничивалось немногими соседними с городами местностями. В деревне и небольших городках почти каждый дом, даже и не крестьянский, ведет сельское хозяйство в таком размере, чтобы самому добывать эти продукты для собственного потребления. Напротив, в больших городах это невозможно. Поэтому, как только большие города начинают вмещать значительную часть населения, возникает и сильный спрос на эти продукты, производство их для рынка тогда расширяется к выгоде мужицкого к о ш е л ь к а, но не всегда к выгоде его здоровья: до того его семейство потребляло молоко и яйца, производившиеся его хозяйством, теперь они странствуют на рынок и заменяются к о ф е, в о д к о й и картофелем. Даже увеличение мясного питания при одновременном увеличении потребления картофеля и уменьшении потребления молока и хлебных злаков может действовать вредно (Cp. Weber в 3-ем томе „Verhältnisse der Landarbeiter“, 777). Но статистик из роста потребления этих „предметов роскоши“ выводит рост благосостояния населения. То самое развитие транспортного дела, которое делает невыгодным возделывание хлеба, само делает возможным в некоторых местностях производство для продажи в крупном масштабе мяса, молока etc., открывая для них рынки, от которых до тех пор они были отрезаны. Где вступают в действие эти факторы, там они большею частью усиливают благоприятные мелкому производству

тенденции и ослабляют тенденции, благоприятные крупному производству. В области производства хлебов последнее, по большей части, стоит выше мелкого производства, но именно оно сильнее всего затрагивается за-океанской конкуренцией. Области, в которых ищет убежища сельский хозяин, выбитый с позиции на хлебном рынке, как раз принадлежат, исключая производство мяса, к тем, в которых мелкое производство еще скорее всего может обороняться от крупного. Но не надо преувеличивать влияния этих факторов. Они не везде могут проявиться. Не везде существуют рынки для молока, овощей, мяса etc. К тому ж увеличение, напр., количества содержимого скота требует добавочного капитала и добавочных рабочих сил, имеющихся в распоряжении не у всякого сельского хозяина.

Сильнее и раньше всего факторы, о которых идёт речь, проявились в Англии, климат которой очень благоприятен для пастбищного хозяйства и городское население которой уже давно стало значительным. Уже в 1851 году в Великобритании в городах жило столько же народа, сколько и в деревнях, в Пруссии же, наоборот, в 1849 г. в городах жило немногим больше четверти населения (28%); только ныне в Германской Империи городское население равно по численности сельскому. Кроме того в Англии господствует капиталистическая арендная система; она принуждает сельского хозяина из года в год аккуратно выплачивать свои арендные деньги, лишает его возможности путем залога земли приобретать средства для дальнейшего ведения хозяйства, переставшего приносить доход, принуждая таким образом сельских хозяев немедленно приспособляться к новым условиям.

Когда развилась за-океанская конкуренция жизненными припасами, Англия, в силу своего географического положения и своего интенсивного торгового обращения, стала ее первой и наиболее уязвимой жертвой. Излишек ввоза пшеницы и пшеничной муки в Англию (над вывозом) средним числом составлял:

Годы:		
$18^{73}/_{75}$	12.191.000	квартеров=50,50%
$18^{83}/_{85}$	17.944.000	„ =64,20%
$18^{93}/_{95}$	22.896.000	„ =76,92%

всего количества пшеницы, поступившей на рынок. Итак, только 1/4 потребляемой в Англии пшеницы произрастает на отечественной почве. Но для английских сельских хозяев должно было с самого начала быть ясно, что времена хлебных пошлин прошли. Англия уже слишком демократична, ее сельское население слишком слабо, ее промышленное население слишком сильно, чтобы осмелились искусственно сделать его хлеб дорогим. Сельское хозяйство стояло перед альтернативой: или близкого банкротства, или быстрого изменения его производственных условий. В большинстве случаев оно нашло последний выход. Лендлорды должны были понизить свою земельную ренту — в Ирландии под давлением законодательства, в Англии — под давлением полного сил класса арендаторов. Арендная плата за последние годы в лучших местностях упала на 20—30%, в плохих на 50% и больше. Но при этом возросли расходы на здания и мелиорации, на которые не могли не пойти землевладельцы. Уже не раз упоминавшийся доклад английской аграрной комиссии приводит не мало примеров этому; приведем здесь для иллюстрации один из них, относящийся к Норфольскому имению. Здесь в фунтах стерлингов составляли:

Годы:	1875	1885	1894
Арендная плата	4.139	2.725	1.796
Расходы по имению	1.122	1.166	1.216
% арендной платы, поглощающийся расходами	27,1	42,8	67,7
Чистый доход	3.017	1.559	580

Итак, чистый доход землевладельца упал с 60.000 марок до 11.600. Но этого облегчения земледелия уменьшением земельной ренты оказалось недостаточно. Рука об руку с этим совершался переход от производства хлебов к скотоводству. В Соед. Королевстве в среднем за год собрано было квартеров пшеницы (за вычетом семян):

1852—1859	13.169.000	1868—1875	11.632.000
1860—1867	12.254.000	1889—1890	8.770.000

С тех пор производство упало в среднем до 7 милл. квартеров.
Площадь, засевавшаяся пшеницей, составляла:

1866—76	3.801.000	акров.
1889	2.545.000	„
1894	1.985.000	„
1895	1.417.403	„
1896	1,692.957	„

Напротив, луговая земля росла. Она равнялась в Великобритании в 1875 году 13.312.000, в 1885—15.342.000, в 1895—16.611.000 акров.

Иначе идет развитие в Германии. Ее континентальное положение, ее хлебные пошлины, консервативный характер крестьянина замедляют ее развитие, но, с другой стороны, это развитие сопровождается прогрессом от отсталого к более интенсивному хозяйству, уничтожением пара и переходом от трехпольной к плодосменной системе хозяйства, прогрессом, который далеко не везде еще совершился. Последние моменты естественно способствуют расширению возделывания хлебов. Уменьшение последнего, его вытеснение скотоводством, разведением овощей и фруктов ограничивается поэтому до сих пор лишь отдельными местностями Германии и в общем не проявляется. В Германской Империи посевная площадь в гектарах составляла для:

Годы:	1878.	1883.	1893.	1896.	± за 1883—1896 гг.
Пшеницы и полбы	2.222.500	2.306.100	2.398.200	2.249.900	— 56.200
Ржи	5.950.200	5.817.100	6.016.900	5.982.100	+165.000
Ячменя	1.623.300	1.754.300	1.627.100	1.676.300	— 78.000
Овса	3.753.100	3.773.800	3.905.800	3.979.600	+205.800

Посевная площадь главнейших хлебов таким образом изменилась только незначительно.

Под хлебами и стручковыми растениями вместе в 1883 г. было 15.724.000 гектаров, в 1893 году—15.992.000, прирост в 268.000 гектаров. За тот же промежуток времени пространство пашен, запущенных под пастбища и под пар, уменьшилось с 3.336.830 гектаров до 2.760.347 гектаров, т. е. на 576.483 гектара.

Но в то время, как пространство под хлебами в целом осталось неизменным, количество скота значительно поднялось.

Считалось голов:

Год.	Рогат. скота.	Свиней.	Год.	Рогат. скота.	Свиней.
1873 . . .	15.776.700	7.124.100	1892 . . .	17.555.700	12.174.300
1883 . . .	15.786.800	9.206.200	1897 . . .	18.490.800	14.274.600

Итак, в то время как с 1873 по 1883 год количество рогатого скота поднялось только незначительно, на 10.000 голов, в следующем десятилетии оно увеличилось почти на 2 милл., а за последнее пятилетие снова почти на миллион. И прирост свиней с 1883 года также идет более быстрым темпом, чем до 1883.

Хуже, чем в Германии, с производством хлебов обстоит дело во Франции, не смотря на высокие хлебные пошлины. Возделываемая площадь в гектарах здесь распределялась:

Годы:	1840.	1862.	1882.	1892.	±за 1862—1892 гг.
Под хлеба	14.552 000	15.621.000	15.096.000	14.827.000	— 794.000
Искусствен. луга	1.577.000	2.773.000	3 538.000	3.532.000	+ 759.000
Естествен. луга и выгоны.	4.198.000	5.021.000	5.537.000	5.920.000	+ 899.000
Земля под паром	6.763.000	5.148.000	3.644.000	3.368.000	—1.780.000

Хлебные посевы с 1862 года, таким образом, значительно уменьшились по площади. Хотя этому способствовала и потеря территории 1871 года (1.451.000 гектаров), но она была более чем покрыта суженнем парового поля, а уменьшение возделывания хлебов продолжается с 1882 по 1892 г., между тем как луга и выгоны расширяются, не смотря на потерю территории.

И число рогатого скота растет, а число лошадей падает. Считалось:

Годы:	1862. (89 департаментов).	1882. (86 департаментов).	1892.
Лошадей	2.914.412	2.837.952	2.794.529
Рогатого скота	12.011.509	12.997.054	13.708.997

Но если экономисты-оптимисты думали, что переход от производства хлебов к производству мяса, молока, фруктов и т. п. спасет европейское земледелие от за-океанской конкуренции, то они ошибались. Техническая революция и накопление капитала безостановочно идут вперед, а за ними—улучшение и удешевление средств транспорта, ускорение передвижения, усовершенствование методов консервирования. Но это означает только то, что за-океанская конкуренция шаг за шагом проникает и в те области, в которых ищет убежища стесненное европейское земледелие. Еще 20 лет тому назад весь живой скот, ввозившийся в Англию, был европейского происхождения. Теперь из Европы его почти совсем не ввозят, большая часть идет из Северной Америки; но уже возможно с удобством доставлять по морю живой скот из Южной Америки. Из всего количества живого рогатого скота, ввезенного в Англию было из:

Год.	Европы.	Соединен. Штатов.	Канады.	Аргентины.
1876	99%	—%	1%	—%
1886	43 „	36 „	21 „	— „
1891	16 „	67 „	21 „	1 „
1895	-- „	67 „	23 „	9 „

Число голов ввезенного рогатого скота составляло:

Год.	Страны вывоза: Канада.	Соедин. Штаты.	Аргентина.	Другие страны.	ВСЕГО.
1895	95.993	276.533	93.494	3.545	469.565
1896	101.591	393.119	65.699	2.143	562.552
1897	126.495	415.299	73.867	1.675	617.336

Количество овец, ввезенных живыми, распределялось:

Год.	Бельгия.	Дания.	Германия.	Исландия.	Нидерланды.	Соедин. Штаты.	Канада.	Аргентина.	Прочие страны.
	%	%	%	%	%	%	%	%	%
1876	24	5	30	—	40	—	—	—	—
1886	1	9	32	3	45	1	9	1	1
1891	—	12	—	7	61	3	9	6	2
1895	—	—	—	6	—	42	21	29	2

В деле снабжения живыми овцами вытеснение Европы с английского рынка наступило позже, но развивалось тем быстрее.

20 лет тому назад мясо можно было привозить через море только в консервированном виде, в виде соленого мяса, копченого. С тех пор приемы сохранения свежего мяса (при помощи холода) годным к употреблению на многие недели настолько усовершенствовались, что импорт свежего за-океанского мяса в Англию непрерывно растет. В 1876 г. было ввезено только 34.640 английских центнеров свежей говядины, в 1895 году—2.191.037, в 1897 г.—3.010.387. Самые большие количества его были ввезены из Соед. Штатов.

Свежая баранина особо отмечается в британской торговой статистике только с 1882 года. Тогда ввоз составлял 190.000 центнеров, в 1895 году он равнялся 2.611.000, в 1897 году—3.193.276. Из этого количества из Австралии ввезено было 1.671.000, из Аргентины 715.000 центнеров.

Как и производство пшеницы, производство мяса в Соединенных Штатах, повидимому, уже достигло в вывозе своей высшей точки. Экстенсивное пастбищное хозяйство, которое одно только делает выгодным разведение скота для за-океанского экспорта, требует необозримых пространств земли, которые однако все боле уменьшаются вследствие роста населения. В Соед. Штатах считалось:

Год.	Населения.	Коров.	Быков и прочего рогатого скота.	Овец.	Свиней.
1870	38.558.000	10.096.000	15.389.000	40.853.000	26.751.000
1880	50.156.000	12.027.000	21.231.000	40.766.000	34.034.000
1890	62.622.000	15.953.000	36.849.000	44.336.000	51.603.000
1895	69.753.000	16.505.000	34.364.000	42.294.000	44.166.000

Только молочный скот растет в числе, мясной же скот уменьшается. Но выгоду от этого получает не Европа, а Аргентина и Австралия, где для расширения пастбищного хозяйства имеются еще неизмеримые пространства. В снабжении Англии овцами и бараниной обе страны теперь уже стоят на первом месте; их вывоз рогатого скота и говядины также быстро растет. В 1890 году из Аргентины вывезено было 150.000 голов рогатого скота, в 1894 г.—220.500.

На ряду с производством мяса на помощь нуждающемуся земледелию призывают также молочное производство, возделывание фруктов и овощей и разведение птиц. Но еще немного—и за-океанская конкуренция жизненными припасами станет чувствительной и в этих областях. Отчасти это справедливо уже и теперь, напр., в разведении фруктов; оно встречает уже такую угрозу со стороны Америки, что в Германии нашли необходимым об'явить червец святого Иосифа его патроном; он-то и держит свой охраняющий щит над немецким яблоком.

Но и для свежих овощей должно наступить время за-океанской конкуренции. Количество ввозимого в Англию лука в $18^{76}/_{78}$ в среднем составляло 1.893.000 бушелей в год, за $18^{93}/_{95}$—5.232.000. Одна Испания ввезла за первый период 41.000, за второй—1.300.000 бушелей. На ряду с ней ввоз шел из Голландии, Франции и Египта. Прочие свежие овощи ввезены были в Англию в $18^{76}/_{78}$ на сумму 227.000 фунт. стерлингов, в $18^{93}/_{95}$ же более чем на 1.100.000 фунт. стерлингов. Свои яйца Англия получает из Италии, Венгрии, России. За последние же годы сделана удачная попытка ввоза свежего молока из Голландии и Швеции.

Технические предпосылки открытия для за-океанской конкуренции производства яиц, овощей, молока etc. таким образом уже ныне даны, и она тем скорее будет торжествовать победу над старыми странами сельско-хозяйственного экспорта, чем более там так же, как в Европе, благодаря выступлению новых экспортных стран, оттесняется производство хлебов. До сих пор улучшение транспорта продуктов побочных ветвей сельского хозяйства вредило только сельским хозяевам Англии, сельские хозяева непромышленных областей остальной Европы выиграли при этом, как поставщики той же Англии. Но в конце концов и в этой области хозяйство Европы прекратит свой экспорт, а за-океанская конкуренция расширится, за исключением ветвей производства, слишком незначительных для того, чтобы быть занятыми за-океанским сельским хозяином. Если эта конкуренция до сих пор поражала главным образом области крупного производства, то после она перейдет и на области, в которых преобладает сельско-хозяйственное мелкое производство. Насколько от этого должен обостриться аграрный кризис, об этом нечего долго распространяться. Однако, европейское сельское хозяйство обладает еще другими средствами обороны от за-океанского неприятеля.

д) Соединение промышленности и земледелия.

До сих пор мы ссылались преимущественно на Англию. Для иллюстрации того средства борьбы против за-океанской конкуренции, о котором сейчас у нас будет речь, мы возьмем материал не по ту сторону канала—в Англии оно до сих пор не получило большого развития,—а на континенте, где оно нашло лучшие условия для своего существования, и прежде всего, понятно, в самой Германии, которая нам всего ближе.

Арендная система дает возможность переложить бремя за-океанской конкуренции прежде всего на землевладение. Где землевладелец и сельский хозяин номинально одно лицо, там этому процессу мешает фиксация земельной цены ипотечными долгами. Там сельские хозяева раньше, чем при арендной системе, принуждены искать других средств для понижения издержек производства, и они находят средство, для которого более благоприятна система ведения хозяйства самим землевладельцем, чем арендная система: при первой личный состав сельских хозяев известной местности более постоянен, поэтому и их совместное действие встречает меньше препятствий.

Как мы уже знаем, продукты сельского хозяйства большею частью имеют малую специфическую ценность, так что возможность с выгодой реализовать

их, как товары, часто ограничивается узким рынком сбыта. Этот рынок при неизменных издержках транспорта значительно расширяется, если соответствующий продукт экспортируется не сырым, а обработанным.

Несколько цифр из не раз уже цитированной таблицы Зеттегаста иллюстрируют это весьма наглядно. На центнер (в 50 кило) и милю падает процентов стоимости товаров:

Название товара.	Рыночная цена pro центнер. Марки.	При транспорте по:	
		грунтовой дороге по 15 пф.	железной дороге по 2,5 пф.
		Pro центнер и милю.	
Свекловица	1.00	15.00%	2.50%
Сахар	35.00	0.43%	0.07%
Картофель	1.00	10.00%	1.66%
Спирт	20.00	0.75%	0.12%
Живой скот	20.00	0.25%	0.25%
Мясной экстракт	600.00	0.03%	0.0004%

К большей специфической стоимости для многих продуктов производства по обработке пищевых веществ прибавляется еще другое преимущество: они легче сохраняются, чем сырые продукты, напр., масло и сыр, мясные, овощные и фруктовые консервы etc.

Некоторые производства по обработке сельско-хозяйственных продуктов обладают, однако, еще одним, но в высшей степени важным преимуществом: фабрикат содержит мало или даже совсем не содержит минеральных составных частей, которыя были бы необходимы для поддержания плодородия почвы. Его экспорт не отнимает у почвы никаких важных элементов. Между тем отбросы производства содержат вещества, которые прямо или в виде корма для скота доставляют отличное удобрение и, таким образом, обогащают почву. Это имеет место именно по отношению к винокуренным и свеклосахарным заводам, которые своими отбросами, утилизируемыми в качестве корма для скота и удобрения, могущественно содействовали под'ему производства хлебов и скотоводства там, где они укоренились, они сделались необходимой основой интенсивного рационального хозяйства. На ряду с этим надо принять во внимание еще следующее: прозводства по обработке сельско-хозяйственных продуктов дают зимою занятие людям и рабочему скоту, без чего им нечего было бы делать; паровая машина крупно-промышленного заведения облегчает именно производство двигательной силы для земледелия (для молотилок, веялок, соломорезок, насосов, пил etc.); последнее обстоятельство должно приобрести особенно важное значение, когда электрическая передача силы прочно утвердится в земледелии, так что при помощи паровой силы завода можно будет приводить в движение и плуг, молотилку, воз с удобрением на поле, сенокосилку. В некоторых местностях, где условия к тому благоприятны, все это рано вызвало у сельских хозяев стремление к открытию в своих имениях промышленных заведений для переработки сырья. Это стремление получило особенно могучий импульс под влиянием вне-европейской конкуренции жизненными припасами, понизившей цены сырых продуктов и земельную ренту. Теперь имелось двойное побуждение возместить прибылью промышленного предпринимателя убытки сельского хозяина или землевладельца, возмещать падение земельной ренты возрастающей промышленной прибылью, дешевый сырой продукт превратить в дорогой фабрикат. И здесь так же, как и при всяком экономическом прогрессе нашего времени, крупное производство шло впереди и извлекало наибольшие выгоды из нововведений. Мелкое производство обыкно-

венно не обладает достаточным капиталом и не производит достаточно сырья, чтобы быть в состоянии самому основать промышленное заведение для переработки своих продуктов. Мелкие сельские хозяева также менее подвижны, более консервативны, менее знакомы с успехами техники и требованиями мирового рынка, чем крупные сельские хозяева и капиталисты. Крупные землевладельцы, именно владельцы латифундий, первые завели в своих имениях крупные промышленные предприятия; на ряду с ними капиталисты основывали сельско-хозяйственныя промышленныя заведения и покупали землю, необходимую для производства сырого материала. С обоих сторон был проложен, таким образом, путь для соединения промышленности и земледелия. Рядом с винокуренными и свекло-сахарными заводами в крупных имениях возникли крахмальные, пивоваренные заводы, последние, однако, не в обширных размерах, так как пивоваренное производство по большей части выгоднее вести в городе: сырой материал заводов (пивоваренных) обладает отчасти такой же (ячмень), отчасти высшей (хмель) специфической ценностью, чем продукт, и легче последнего транспортируется; сверх того ячмень, пригодный для пивоварения, и хмель растут только в известных местностях. Кроме названных сельско-хозяйственных промышленных заведений возникли еще молочные фермы, фабрики консервов из овощей, фруктов, молока и пр.

Одно из самых крупных преимуществ латифундий над мелкими хозяйствами состояло в возможности выгодного и всестороннего соединения промышленности и земледелия; это преимущество больше всего там, где латифундия доставляет не только сырой материал, но и двигательную силу для промышленности—силу воды, дрова из ближних лесов, при чем делается излишним транспорт на далекие расстояния, уголь. Сколько при этом сберегается издержек транспорта и посреднической торговли!..

Благоприятные результаты, достигнутые в этих производствах по обработке сельско-хозяйственных продуктов, соблазняли и менее крупные хозяйства к попытке овладеть их выгодами. Подходящей формой для этого оказались товарищества; последние подготовлены были уже единичными капиталистическими предприятиями, которые были слишком велики для того, чтобы их собственная земля могла доставлять им вес сырой материал, и которые поэтому оказались вынужденными заключить с несколькими окрестными сельскими хозяевами договор о доставке сырого продукта. Если такое предприятие велось акционерным обществом, то поставщикам—сельским хозяевам—нужно было только приобрести акции, и товарищество было готово. В течение немногих лет эти товарищества развились очень быстро, особенно в Германии. Здесь сельско-хозяйственных товариществ (исключая ссудных, товариществ для закупки и сбыта) считалось:

	1891 г.	1892 г.	1896 г.	1897 г.
Товарищеских молочных ферм	729	869	1.397	1.574
Остальных товариществ	131	150	273	484

В число последних входят, главным образом, винокурни, мельницы, пекарни, винные погреба и подобные товарищества. Мы ничуть не сомневаемся, что это кооперативное движение, которое еще только начинается, даст еще значительные результаты и вызовет крупное преобразование наших сельско-хозяйственных отношений.

Но когда одни видят в этом движении одну из переходных стадий к социализму в сельском хозяйстве, другую переходную стадию видят в остатках средневековых альменд и общинных лугов, а другие—средство для сохранения самостоятельного, полного сил крестьянства, то мы не можем согласиться ни с теми, ни с другими. Отличительной чертой современного социа-

лизма служит то, что согласно ему, средствами производства владеют сами трудящиеся, т. е. в социалистическом государстве все общество. Производительное товарищество, которое могло бы служить переходной стадией к этому состоянию, должно было бы быть организацией производителей, которые являлись бы в то же время и собственниками средств производства. Одно из самых веских возражений против того воззрения, которое в современных производительных товариществах рабочих видит переходную стадию к социализму, состоит в указании на тот факт, что в капиталистическом обществе для процветающего производительного товарищества раньше или позже наступает момент, когда члены товарищества начинают пользоваться наемными рабочими, пролетариями; последние не имеют уже никакой доли во владении средствами производства и эксплоатируются членами товарищества. Каждому производительному товариществу в современном обществе, если только оно процветает, а, следовательно, и расширяется, присуща, таким образом, тенденция к превращению в капиталистическое предприятие. То, что в производительных товариществах, основанных наемными рабочими, вначале составляет только тенденцию, в производительных товариществах сельских хозяев, о которых теперь идет речь, является уже заранее предполагаемым условием. Рабочими в кооперативном свекло-сахарном, винокуренном заводах, молочной ферме, фабрике консервов, мельнице и пр. являются не члены товарищества, а наемные рабочие, нанятые и эксплоатируемые ими. Выгода, доставляемая сельским хозяевам товариществами, на ряду с экономией в издержах транспорта и торговли, заключается в присвоении прибыли на капитал. Сельско-хозяйственное производительное товарищество этого рода,—а других пока еще нет,—есть переходная стадия к капитализму, а не к социализму.

Но перейдем к вопросу о спасении при помощи товариществ мелких крестьян. Тут прежде всего необходимо заметить, что товарищества с самого начала недоступны карликовому крестьянину, крестьянину—пролетарию, всего более нуждающемуся в помощи. Ведь промышленное предприятие требует денег, а их то у него и нет. Он не в состоянии также доставлять предприятию сырой материал требуемого качества. Только для среднего класса производительные товарищества могут иметь значение. Но и здесь на стороне крупного производства постоянно будут значительные преимущества по сравнению с мелким. Крупный землевладелец, если только у него есть необходимые деньги, не встречает никаких препятствий к введению выгодного промышленного предприятия; как трудно, напротив, образовать товарищество! Для крупного землевладельца приспособление его сельского хозяйства к потребностям промышленного производства разумеется само собой; как трудно, напротив, установить единообразие и правильность в доставке произведений разнообразных мелких сельских хозяев!

Крупное производство в земледелии лучше всего соответствует потребностям сельско-хозяйственной крупной промышленности. Часто последняя вызывает к жизни такое крупное производство там, где его еще не было. Сахарное производство, этот классический пример сельско-хозяйственной крупной промышленности, сильно способствовало развитию крупного производства в сельском хозяйстве; с другой стороны, Пааше указывает на то, что одну из причин, мешающих его распространению в Южной Германии, в некоторых местностях Франции и северной Италии, следует искать в раздробленности местного землевладения. В „Zukunft“ (V, 382), в статье о „Немецких сахарных заводах в Америке“ доктор Ihne говорит о рациональном и дешевом производстве сахара в отдельных частях восточной Пруссии, где владельцы больших имений выстроили сахарные заводы и снабжают их свеклой, возделанной их собственными рабочими на их собственной земле, независимо от колеблющегося и часто упрямого настроения возделывающих на своих полях или в ого-

родах крестьян (Kossathe), как это делают и крупные владельцы плантаций Луизианы с своими заводами тросникового сахара“ *).

Некоторые сельско-хозяйственные промышленные предприятия доставляют крупному хозяйству особые выгоды.

Если в крупном имении имеется винокуренный завод, то заводские отбросы вполне потребляются в нем же, и хозяйство постоянно улучшается. Дело обстоит иначе, если картофель доставляется винокуренному заводу с различных сторон. „При трудности транспорта барды, вследствие большого содержания в ней воды, с выгодой откармливать скот возможно только при самой винокурне. Если и другие хозяйства поставляют картофель для завода, то происходит обогащение полей винокуренного завода на счет этих последних, так как содержащиеся в доставленном картофеле питательные вещества почвы более уже не возвращаются им. (Krafft, „Betriebslehre“, 101). По хорошо знакомой таблице Зеттегаста транспорт барды винокуренных заводов обходится, при прочих равных условиях, pro центнер и милю по грунтовой дороге в. 30% ее стоимости, а транспорт картофеля только в 10%. При кооперативных винокурнях ближайшие к ним дворы увеличат богатство своей почвы, более отдаленные истощат.

Подобным же образом обстоит дело и с сахарными заводами. На ряду с крупным сельским хозяйством и крупный капитал в некоторых производствах может легче всего и, большею частию, с наибольшей выгодой воспользоваться преимуществами тесного соединения земледелия и промышленности.

На последнем конгрессе немецких сельско-хозяйственных товариществ в Дрездене горячо рекомендовалось сельским хозяевам основание кооперативных пекарен и мельниц. На место нынешних, часто весьма отсталых мелких заведений, должны стать кооперативные крупные предприятия, которые доставили бы значительные выгоды не только своим членам, но и публике. Идея поднять мелкое производство в сельском хозяйстве, доставив ему прибыли крупного производства от пекарен и мельниц, во всяком случае очень заманчива, по крайней мере, для мелких сельских хозяев. В меньшей степени — для владельцев небольших мельниц и пекарен. Мелкое производство спасается путем экспроприирования мелких производителей, но это не смущает сельских хозяев, как они сами об'явили. Между тем, если соединение в одних руках мельниц, пекарен и земледелия действительно дает такие выгоды, как это утверждают,—а мы нисколько в этом не сомневаемся,—то не тяжелыя на под'ем и бедные капиталом товарищества мелких крестьян, а крупные, сильные капиталом мукомольные мельницы прежде всех в состоянии присвоить себе эти преимущества. Прежде чем мелкие сельские хозяева овладеют крупными мельницами, эти последние станут полными распорядителями судеб мелких сельских хозяев и пекарей. Какие отношения уже теперь являются господствующими между крестьянином и крупными мельницами, на это бросает свет следующее письмо из хлебородной местности в верхней Баварии, обошедшее летом 1897 г. немецкую прессу:

„Две мукомольные мельницы, говорится в нем, господствуют над всей местностью далеко вокруг на 7 часов езды. Крестьяне находятся в полном их распоряжении. Суббота—базарный день в маленьком провинциальном городке; но на рынок являются больше с овсом; пшеницу и рожь крестьяне уже не осмеливаются везти на рынок, ибо двое мельников—единственные покупатели, и каждый, кто едет на рынок, а не к ним, наказывается тем, что ему предлагают на 10 пфеннигов меньше за центнер. Свободная продажа хлеба совершенно прекратилась; беспрекословно должен крестьянин везти свой товар и

*) Kossathe—не имеющий полевой земли, а только усадебную и приусадебный огород.

спокойно ждать того, что дадут. Если он отказывается продать за эту цену' то он получает ответ: поезжай себе домой,—я только что получил 1.000 центнеров венгерской пшеницы".

Но если и в области индустриализации сельского хозяйства, как и в других областях, крупное производство имеет за собой ряд преимуществ пред мелким, то это, конечно, не доказывает, что и последнее не может извлечь некоторых и притом значительных выгод из единственной доступной ему формы сельско-хозяйственной крупной промышленности—сельско-хозяйственного производительного товарищества. Где удается осуществить его, там оно превращает крестьянина в капиталиста и позволяет ему обогащать свое сельско-хозяйственное производство плодами его капиталистической эксплоатации, рациональнее устроить его и поднять на известную высоту. Спрашивается только, как долго будет продолжаться этот волшебный фокус, превращающий за ночь в капиталиста крестьянина, идущего спешными шагами к пролетаризации?

Первые последствия образования товарищества тождественны с последствиями превращения крестьянина в поставщика на чужую фабрику: он должен приспособить свое хозяйство к его потребностям.

Сахарный завод предписывает сельскому хозяйству, какими семенами ему засеять свое поле и какое удобрение применить; молочная ферма предписывает ему корм, время удоя, иногда даже породу молочного скота.

Раньше боялись всякого слишком сильного азотистого удобрения, так как оно будто бы вредно влияет на содержание сахара в свекле. Фабрики поэтому большею частью предписывали отношение азота к фосфорной кислоте 1:2 и совершенно запрещали применение чилийской селитры, равно как и возделывание свеклы при свежем навозном удобрении. Из этих предписаний удержалось только запрещение применения чилийской селитры и возделывание свеклы при удобрении таким навозом, который вывезен в поле после Рождества. Напротив, отношение азота к фосфорной кислоте постепенно все более изменяли к выгоде первого, так что теперь некоторые фабрики требуют уже отношения 2:3 или 3:4, а большое число их требует даже отношения 1:1 (Kärger, „Sachsengängerei", 14).

Эти предписания делаются лишними там, где сельские хозяйства уже совершенно приспособились к свекло-сахарному призводству. Stöckel в своем сочинении об „Устройстве, организации и ведении товарищеских молочных ферм" дает образец товарищеской молочной торговли. § 4 гласит: „В этот параграф должны быть включены все необходимые предписания относительно корма коров. При продаже свежего молока, особенно при доставке так называемого молока кормилиц, нельзя обойтись без определенных, обязательных предписаний о корме.

„Для производительных товариществ также могут оказаться необходимыми определенные предписания о корме, именно ограничение корма такими кормовыми средствами, которые влияют на вкус и сохранимость масла.

„§ 5. Время удоя коров следует установить так, чтобы молоко доставлялось в товарищество прямо из хлева, и пр.

„§ 6. При доении следует соблюдать величайшую чистоту и пр.

„§ 7. Членам наблюдательного совета и членам правления предоставляется право во всякое время без предупреждения посещать принадлежащие членам товарищества хлева для коров и помещения для сохранения молока, присутствовать при доении и брать пробы выдоенного молока. Эти уполномоченные в праве требовать от членов или их заместителей точных раз'яснений относительно корма молочного скота, обхождения с ним и т. п." (102—104).

„В Дании молочные товарищества дают предписания насчет корма и содержания коров, чтобы обеспечить однообразие качества, отсутствие неприятного привкуса и равномерность производства молока за зиму". (Доклад парла-

ментской аграрной комиссии в Англии, 1897, 126).—Крестьянин перестает, таким образом, быть господином в своем сельско-хозяйственном производстве; оно становится придатком промышленного предприятия, потребностями которого оно должно руководиться. Крестьянин становится детализированным рабочим фабрики. Часто он попадает даже и в техническую зависимость от промышленного предприятия, поскольку последнее, как мы уже заметили, доставляет ему корм для скота и удобрение. Рука об руку с этой технической зависимостью идет и чисто экономическая зависимость крестьянина от товарищества. Оно не только доставляет средства для улучшения сельско-хозяйственного производства и для покрытия его случайных дефицитов; по мере того, как последнее приспособляется к его потребностям, оно становится и единственным потребителем производимых крестьянином товаров. Сельско-хозяйственное производство не может более существовать без промышленного; последнее делается его опорой, с крушением которой гибнет и первое. А такое крушение наступает слишком легко.

Чем выше прибыли, получаемые сельско-хозяйственной промышленностью, тем больше капиталов привлекаются ею. Высокие прибыли теперь обыкновенно дают только предприятия, стоящие настолько выше среднего по величине капитала, что могут и в техническом, и в коммерческом отношении отразить всякую конкуренцию. Далее они могут извлекаться в производствах, которые по своей природе, или благодаря особенно сложившимся обстоятельствам, допускают монополизацию, или наконец в производствах, которые вновь создаются техническими и экономическими революциями или вновь открываются для капиталистической эксплоатации, как, напр., ныне в области электро-техники. Но высокие прибыли последнего рода держатся не долго; скоро вновь открытая область переполняется, и перепроизводство делается хроническим. Первые снимают сливки, последующим остается только снятое молоко — иногда даже нет и этого. И в этом отношении в сельско-хозяйственной промышленности на стороне крупного землевладельца, особенно если он капиталист, имеется преимущество перед мелким землевладением и товариществом; он подвижнее, предприимчивее, дальновиднее, легче на под'ем, чем мелкий землевладелец или товарищество, может гораздо скорее основать сельско-хозяйственное производство там, где даны необходимые условия, пока оно еще выгодно. Для всякой сельско-хозяйственной индустрии, как и для всякой другой, раньше или позже наступает момент, когда она попадает в тяжелое положение, когда цены падают, когда конкуренция свирепствует и убивает более слабых и неопытных, когда наконец соответственную область промышленности потрясают от времени до времени кризисы, частью общие, совпадающие с общим круговоротом хозяйственного процветания и угнетения, частью частные, вызванные особенными техническими, экономическими, законодательными переменами. Чем более покровительствует этой промышленности государственная власть, чем больше преимуществ она дает ей в интересах сельского хозяйства на счет всего населения, тем скорее наступает этот момент. Европейское производство спирта и сахара ясно доказывает это. Как то, так и другое усиленно поощрялось привилегиями всякого рода, вывозными премиями в форме возврата уплаченного налога в Германии и в Австрии, России и Франции. С 1872 по 1881 г. в районе взимания имперских налогов число винокурен, перерабатывавших мучнистые вещества или патоку, возрасло только с 7.011 до 7.280, а число винокурен, выплачивающих свыше 15.000 марок водочного налога, поднялось с 789 до 1.492; оно почти удвоилось. С $18^{80}/_{81}$—$18^{85}/_{86}$ г.г. количество картофеля, перерабатывавшегося при винокурении, поднялось с 1.982.000 до 3.087.000 тонн. Следствием этого блестящего расцвета был кризис, разразившийся в 1884 г. Во всяком случае он повлек за собой немедленную помощь бисмарковского правительства нуждающейся промышленности. Ему наконец удалось провести закон об обложении 1887 года, обеспе-

чивающий за винокурнями известную „подачку“ („Liebesgabe“) в 40 миллионов марок ежегодно, и сильно противодействующий перепроизводству; в 1895 году он был дополнен новым законом, еще сильнее ограничивающим перепроизводство спирта и еще более удорожающим водку внутри, с целью из собранного налога составить вывозную премию в 6 марок с гектолитра. И не смотря на все это, призрак спиртного краха не сходит со сцены.

Сахар может похвалиться не меньшими заботами правительств, чем спирт—ведь и его производство находится в руках высоких особ. Результат—поразительный рост сахароварения. В Германской Империи считалось:

Год.	Заводов, перерабатывавших свеклу.	Количество переработанной свеклы—тонн.	В том числе добыто самими заводами—тонн.	Количество добытого сырца сахара—тонн.
$18^{71}/_{72}$	311	2.251.000	1.504.000	186.000
$18^{81}/_{82}$	343	6.272.000	3.432.000	600.000
$18^{91}/_{92}$	403	9.488.000	4.644.114	1.144.000
$18^{96}/_{97}$	399	13.722.000	5.782.051	1.739.000

В то же время в Германской Империи в тонах считалось:

Год.	Потребление сахара.	Вывоз сахара.
$18^{71}/_{72}$	221.799	14.276
$18^{81}/_{82}$	291.045	314.410
$18^{91}/_{92}$	476.265	607.611
$18^{96}/_{97}$	505.078	1.141.097

Как сильно ни возросли потребление сахара и особенно вывоз, за последнее время они далеко отстают от производства. В $18^{96}/_{97}$ г. потребление и вывоз сахара вместе составляли в круглых цифрах 1.640.000 тонн, а производство достигло 1.740.000 тонн, перепроизводство равнялось, следовательно, 100.000 тонн. При этом положение сахарной промышленности в последнее время, благодаря кубанской войне, совершенно затруднившей экспорт сахара с Кубы, было особенно благоприятным. В $18^{94}/_{95}$ г. перепроизводство немецкой сахарной индустрии над внутренним потреблением и вывозом достигло 300.000.

Нельзя ожидать улучшения теперешнего состояния сахарной промышленности, скорее следует ожидать его ухудшения. Давление за-океанской конкуренции, ведущее к развитию сельско-хозяйственных индустрий, и искусственное поощрение этого развития путем постоянно повышаемых премий имеют место и в других странах. В круглых цифрах производство свекловицы, выраженное в тоннах сахара-сырца (по М. Шиппелю „Сахарный кризис, вывозные премии и сахарный картель“, „Neue Zeit,“ XV, I, 622), показано в след. таблице:

Год.	В Германии.	Австрии.	Франции.	России.	Бельгии и Голландии.	Других европейских странах.	Всего.
$18^{91}/_{92}$	1.200.000	780.000	640.000	550.000	230.000	90.000	3.490.000
$18^{93}/_{94}$	1.370.000	840 000	570.000	650.000	310.000	110.000	3.850.000
$18^{94}/_{95}$	1.830.000	1.060.000	780.000	620.000	370.000	150.000	4.810.000

На ряду с Англией нашим лучшим потребителем сахара являются Соединенные Штаты Северной Америки. Вывоз из Германской Империи сахара-сырца, сахара-рафинада и т. п. в тоннах составляет:

Год.	Всего.	В Великобританию.	В Соед. Штаты.
1891	784.000	454.000	140.000
1896	974.000	513.000	316.008
1897	1.120.000	564.000	376.000

Американцы делают между тем не малые усилия создать собственное свекло-сахарное производство. Уже упомянутый F. W. Ihne, президент политехнического общества в Чикаго, в своей статье в берлинской „Zukunft“, стр. 380, приглашает немецких машино-строителей воспользоваться представляющейся возможностью и основать свекло-сахарные заводы в Америке. Как это патриотично! Старания американцев будет тем сильнее, чем меньше доходным будет становиться возделывание пшеницы. Но сахарная промышленность, как показывают приведенные данные, способна к самому быстрому расцвету, а американцы—подходящие люди для того, чтобы быстро поднять ее на высоту. А в государствах Европы с развитым сохароварением вывозные премии возвышаются вместо того, чтобы понижаться. В Германии они в 1896 году были удвоены (с $1^1/_4$ до $2^1/_2$ марок). С премиями дело обстоит так же, как и с покровительственными пошлинами и милитаризмом; раз сделано начало, уже нельзя остановиться, когда вздумается. Все знают, что система премий ведет к перепроизводству, к страшному кризису,—но всякий боится, что кризис будет еще страшнее для его страны, если она одна перестанет платать премии, и всякий надеется выдержать дольше других. Таким образом население эксплоатируется все в возрастающей степени, а в то же время свекловичные плантации все расширяются, все более обширные земледельческие округа сковывают свою судьбу с судьбой сахароварения. Под свекловицей было гектаров:

Год.	Германия.	Австрия.	Франция.	Россия.	Бельгия и Голландия.
1891	336.000	328.000	223.000	310.000	75.000
1892	441.400	369.000	272.000	331.000	103.000

А банкротство сахарной промышленности делается вся более и более неизбежным, и опустошения, которые в конце концов должно принести с собой ее крушение, представляются вся более ужасными.

Не в такой степени, как свекло-сахарное производство, поощрялось в Германии молочное дело. Тем не менее, как это показывают вышеприведенные данные о кооперативных молочных, оно быстро развилось, главным образом под давлением иностранной конкуренции, делавшей все менее выгодным возделывание хлебов. К сожалению, нет еще обстоятельной статистики развития молочного хозяйства в Германии. Но с уверенностью можно сказать, что быстрый расцвет молочного дела только отчасти стоит в связи с увеличением производства молока. Число коров растет гораздо медленее производства масла и сыра. Быстрое распространение молочного дела в гораздо большей степени зависит от другого обстоятельства. Молоко, которое производилось вдали от городов, благодаря трудности транспорта, до сих пор не могло дойти до рынка и превратиться в товар. Оно потреблялось в хозяйстве самого производителя, его семьей и наемными рабочими, если у него таковые имелись. Переход к молочному хозяйству открывает возможность производить сыр и масло, которые переносят более далекий транспорт и могут выступать в качестве товаров на рынке, не только внутреннем, но и на мировом. Но это ведет к тому, что сельский хозяин отныне лишает себя и свою семью молока, которое он до сих пор потреблял сам с своей семьей. В той же мере, в какой растет молочное дело в деревне, падает и потребление молока в ней. Если сельское население, несмотря на чрезмерный труд и жалкие жилищные условия, несмотря на недостаточное потребление мяса, до сих пор стояло выше городского населения по силе и выносливости, то этим, на ряду с работой на свежем воздухе, оно в значительной степени обязано было значительному потреблению молока. Но там, где домашняя промышленность свивает себе прочное гнездо, прекращается работа на свежем воздухе, а где молочное дело отнимает у сельских хозяев их молоко, прекращается потребление малока. Эти два сред-

ства, специально предназначенные для экономического спасения мелкого крестьянства, являются самыми действительными средствами его физического вырождения.

Это более всего относится к тем местностям, где молочные заведения выделывают сыр. Однако нам кажется несколько оптимистичным мнение, высказанное И. Ландауером-Гераброн на 42 с'езде вюртембергских сельских хозяев в Гогенгейме в 1897 г., что вредное влияние молочнаго дела на питание сельско-хозяйственного населения исчезает, если, как это в большинстве случаев имеет место в Вюртемберге, оно ограничивается производством масла и возвращает сельским хозяевам снятое молоко: „Этот способ утилизации молока должен, конечно, скорее примирить с молочным делом г-д врачей, чем это было до сих пор, когда в сыроварни отдавалось все молоко и сельские хозяева не получали назад снятого, почему г-д врачей не без основания обуревали серьезные сомнения с гигиенической точки зрения, а один штабный врач когда-то даже предал гласности свои печальные наблюдения над рекрутами в некоторых призывных округах".

Снятое молоко ни в коем случае не может заменить цельного молока; оно потеряло почти весь содержавшийся в нем жир. Цельное молоко содержит 2,8—4,5% жира, снятое молоко 0,2—0,5% жира. Автор этих строк припоминает также отчеты врачей, которые не могли примириться с режимом снятого молока и находили чрезвычайно пагубным, что в округах с развитым молочным делом последнее употребляется для кормления грудных детей. Менее всего, понятно, возвращаемое хозяйству снятое молоко способно улучшить гигиеническое состояние сельского населения там, где сельские хозяева не сами потребляют его, а также „утилизируют", напр., как это часто случается, кормят им свиней, которые при этом прекрасно откармливаются и приобретают большую ценность. Чем более превращается в товар продукт мелкого крестьянина, чем более он превращает его в деньги, тем хуже его питание.

Но если вредное влияние молочного дела на физическое здоровье хозяев стоит вне всякого сомнения, то экономический под'ем их при помощи этого средства довольно сомнителен, если при этом не иметь в виду исключительно минутные выгоды.

В то время, как фабрикация масла в Германии быстро растет, вывоз масла при росте ввоза непрерывно падает.

В килограммах ввоз и вывоз масла составляли:

Год.	Вывоз.	Ввоз.
1886	12.309.000	5.119.000
1891	7.649.000	7.950.000
1895	6.857.000	6.890.000
1896	7.101.000	7.857.000
1897	3.716.000	10.326.000

Относительно сыра мы имеем следующие данные в килограммах:

Год.	Вывоз.	Ввоз.
1886	3.409.000	5.216.000
1891	1.883.000	8.392.000
1895	2.212.000	9.348.000
1896	1.840.000	10.196.000
1897	1.373.000	11.937.000

И здесь мы встречаемся с падением вывоза и с решительным ростом ввоза.

Конкуренция при сбыте продуктов молочного хозяйства на мировом рынке постоянно растет. Почти во всех европейских государствах стеснение производ-

ства хлебов служит стимулом для развития молочного дела, как во Франции и Нидерландах, так и в Австрии, России, Швеции и Норвегии. В особенности же поразительное развитие получило маслобойное дело в Дании. Перевес вывоза над ввозом здесь поднялся с 18 миллионов килограммов в 1881 году до 119 миллионов в 1896 году. Число коров сравнительно с населением не поднялось. Их было:

Год.	На 1000 душ населения.	В абсолютн. числах.
1871	448	807.000
1891	452	899.000
1893	449	1.011.000

Но и за пределами Европы молочное дело быстро развивается. Здесь особенно выдаются Канада своим сыром и Австралия своим маслом. Вывоз сыра из Канады достигал:

1891	106.200.000 фунтов (английских).
1895	147.000.000 „ „

В Австралии молочное хозяйство, кроме падения цен на пшеницу, поощрялось еще вывозными премиями (в размере 2 пенсов за фунт масла и 1 пенни за фунт сыра), в Виктории до 1893 г., в Южной Австралии до 1895 г., в Квинсленде до 1898 года. Аграрная комиссия английского парламента сообщает об австралийском маслоделии: „В Виктории прогресс молочного хозяйства характеризуется развитием фабричной системы. По новейшим оффициальным данным в 1895 году там было 155 маслобойных заводов и сыроварен против 74 в 1892 г., и из всего продукта производства в 35.580.000 фунтов масла в первом году на долю фабрик (dairy factories) падало 27.000.000. Рост экспорта масла из Виктории выражается в следующих цифрах:

1889—90	829.000 фун.	1893—94	17.141.000 фун.
1890—91	1.700.000 „	1894—95	55.948.000 „
1891—92	4.794.000 „	1895—96	21.024.000 „
1892—93	8.094.000 „		

Подобные же сообщения о быстром росте молочного хозяйства имеются из Квинсленда и Нов.-Юж. Валлиса; в последней колонии выделка масла поднялась с 15.500.000 фунтов в 1889 году до 27.359.000 фунтов в 1895 г. Замечательно следующее место в отчете о Нов.-Юж. Валлисе:

„Повидимому, молочное хозяйство развивается уже не только, как прежде, у крестьян (farmers), ибо многие крупные скотоводы (graziers ina large way of business), особенно вблизи моря, за последнее время обратили свое внимание на эту промышленность.

„Когда впервые была введена фабричная система, большинство фабрик были кооперативными, и процессы отделения сливок и сбивания масла были соединены. Такое устройство все более и более исчезает, и на место прежних возникают центральные маслобойные заводы, получающие свое сырье от многочисленных заведений для отделения сливок. Выгоды такой перемены, говорят, значительны. В каждом центре производится масло однообразного качества, и издержки производства значительно уменьшаются, благодаря высшей ступени производства и применению лучших машин и аппаратов, как, напр., охладительных, которые с выгодой могут применяться крупными предприятиями".

Подобно вывозимому из Германии сахару, вывозимое из Германии масло потребляется большею частью Англией. Из 7.101.000 килограммов немецкого вывоза масла (1896) на долю Англии падало 5.570.000; из 3.716.000 килограммов в 1897 году—2.766.000. Но уже эти цифры показывают, что немецкое

масло быстро оттесняется на английском рынке. В английском импорте масла принимали участие, в процентах:

Год.	Дания.	Норвегия и Швеция.	Франция.	Голландия.	Германия.	Австралия и Азия.	Прочие страны.
1887	32,3	11,3	27,5	10,7	10,3	0,4	7,5
1890	40,7	11,3	25,9	7,7	5,1	2,0	7,3
1893	40,2	12,4	20,1	6,1	7,1	7,3	6,8
1894	42,8	11,0	16,5	6,4	5,4	11,3	6,6
1895	41,1	11,5	16,1	6,8	4,0	11,1	9,4

Быстро растущая роль Австралии выступает здесь с особенной яркостью. Датские молочные фермы также уже сильно теснятся австралийской конкуренцией, понижающей цены и затрудняющей сбыт.

Но немецкие кооператоры усердно стараются, как можно скорее увеличить число молочных ферм; они с гордостью указывают на быстрый рост их за последние годы; они ведут себя так, как будто бы предприятие было тем доходнее, чем больше число конкурентов. Конечно, в качестве спасителей крестьянства, они и должны так себя вести. Как бы велико ни было число кооперативных молочных ферм, по сравнению с числом крестьян, для которых это средство должно быть главным спасением, оно все еще слишком мало. Но еще задолго до того, как сколько-нибудь значительная часть крестьянства с помощью кооперативных молочных вернется к блаженным временам, производство сыра и масла также должно подвергнуться перепроизводству и кризису. В Дании, блаженной стране кооперативных молочных ферм, многие из них уже сейчас находятся в стесненном положении. В Германии, во время обсуждения закона о маргарине, положение производителей масла изображалось нам в самых мрачных красках; однако это не помешало, как об этом с триумфом заявлено было на последнем с'езде сельско-хозяйственных товариществ в Дрездене, образованию в 1895 году 175 новых молочных ферм, в 1896 году—177. В 1897 г. учредительская горячка, повидимому, еще свирепствовала. Со стороны проницательных кооператоров уже теперь раздаются голоса предостережения. Так, напр., уже упомянутый Ландауер-Гераброн на 42 собрании вюртембергских сельских хозяев заявил в своем реферате о молочном хозяйстве: „Замечательно, что в настоящее время, особенно за последний год, проявилось в деревнях необыкновенно сильное движение в пользу учреждения новых молочных. Если оно продержится, может осуществиться удвоение или даже, при благоприятных условиях, утроение теперешнего числа молочных в 2—3 года. В округе Гераброни, напр., со времени основания первой молочной, т. е. за 16 лет, не было основано ни одной новой молочной, зато в последние 6 месяцев возникло не менее 10 новых молочных; кроме того, в ближайшем будущем надо ожидать основания еще новых. Упомянутое движение настолько сильно, что даже пламенные поклонники кооперацій с недоумением останавливаются перед ним, качая головой, и питают опасение, как бы основание стольких молочных косвенно не представило самой серьезной опасности для сельского хозяйства“.

Подобно водочному и сахарному кризису, и кризис молочного хозяйства неизбежен. При крупных размерах этого индустриального производства это ныне само собой разумеется.

Ведь жаловался же Зеринг в своем реферате о товариществах, прочитанном в феврале 1897 г. в прусской королевской коллегии сельско-хозяйственной экономии, на жестокую конкуренцию, которую ведут между собой общественные молочные фермы. „Однако“, успокоительно думает он, „надеются

преодолеть эти трудности дальнейшим развитием кооперативной идеи или еще более тем средством, которое в настоящее время так своеобразно преобразует нашу крупную промышленность, картелями. Агитируют в пользу того, чтобы отдельные молочные фермы чаще, чем до сих пор, присоединялись к крупным обществам для продажи масла и обязывались бы сбывать известную часть своего продукта только через их посредство. Разросшиеся и упрочившиеся союзы для продажи масла разделили бы тогда между собой рынки сбыта и устранили бы таким путем прежнюю беспорядочную конкуренцию, губительно действовавшую на цены; излишки же, хотя бы и с жертвами, вывозились бы за границу, в Англию". Но это пресловутое средство проф. Зеринг рекомендовал в той самой речи, в которой несколько выше он с негодованием заявил: „В периоде прогрессирующего образования картелей в индустрии меньше всего может итти речь об уничтожении этих обществ для закупки материалов, ибо против злоупотребления экономической силой, которое ведет за собой об'единение фабрикантов, нет другой защиты, кроме об'единения потребителей" (Thiels landw. Jahrbuch. 1897, 223, 225).

Аграрный картель является таким образом „развитием кооперативной идеи", промышленный картель „злоупотреблением экономической силой", которому может дать отпор только развитие кооперативной идеи. Сначала превозносят кооперацию, как средство борьбы с картелем, затем хвалят картель, как средство отклонить неизбежное банкротство кооперации. Логика г. профессора стоит на одинаковой высоте с его моральным негодованием; но не в этом главный интерес его выводов. Последние заслуживают внимания тем, что констатируют нужду молочных ферм и превозносят, как единственный выход, картель, который однако становится не осуществимым при постоянном росте числа ферм. И в этом должно сознаться светило аграрной науки в своем хвалебном гимне чудодейственному влиянию кооперации!

Так же, как с упомянутой отраслью, обстоит дело и с другими сельскохозяйственными ветвями крупной промышленности, имевшими однако до сих пор малое значение для кооперации. Конечно, вовсе не обязательно, чтобы наступающий кризис в конец разрушил ту отрасль промышленности, которой он коснулся. Он делает это только в весьма редких случаях. Обыкновенно он ведет только к преобразованию существующих отношений собственности в духе капитализма, т. е. как раз к тому, против чего кооперация должна служить надежным оплотом. Мелкие, плохо снабженные капиталом предприятия гибнут в кризисе. Но гибель предприятия в сельско-хозяйственной индустрии не ограничивается им одним; она влечет за собой гибель или, по крайней мере, потрясение многочисленных сельско-хозяйственных существований, опирающихся на него. Чем больше была помощь, оказываемая промышленными заведениями сельским хозяевам, чем больше опиралось на них их сельское хозяйство, тем опустошительнее должны быть последствия банкротства.

Более крупные, лучше обставленные предприятия сумеют удержаться при таком кризисе, но и им придется пережить тяжелые времена, когда прибыли исчезают, и когда только повторное приложение нового капитала может поддержать непрерывность производства. Члены кооперации, которые не в состоянии делать новых вкладов, теряют свои кооперативные права. Если потеря платежеспособности всеобща, то не остается ничего другого, как продать предприятие капиталисту; если она не всеобща, то кризис ведет к превращению его в частную собственность нескольких немногих богатых членов, которые ведут его уж чисто капиталистически.

Этот процесс не ведет непременно к пролетаризации бывших членов кооперации; при счастливом обороте они могут сохранить свою крестьянскую собственность. Но где дело принимает такой счастливый оборот, там их экономическая зависимость от прежнего кооперативного хозяйства сохраняется; зави-

симость от ассоциации, которой сельский хозяин был равноправным и равно заинтересованным членом, превращается в зависимость от одного (или нескольких) могущественных капиталистов с противоположными интересами. Рабочий из участника кооперативной фабрики делается наемным рабочим капиталистической фабрики. Дело не улучшается от того, что наемный труд здесь, как и в домашней промышленности, имеет скрытую форму. Таков неизбежный конец сельско-хозяйственных производительных товариществ.

Как везде в капиталистическом обществе, и здесь, в конце концов, промышленность берет верх над сельским хозяйством, капитал над отдельным производительным товариществом. Сельско-хозяйственные производительные товарищества, благодаря минутным выгодам, которые они сулят сельским хозяевам, являются могущественным средством поощрения индустриализации сельского хозяйства, но по тому самому они являются также могущественным средством для проложения капиталу пути к господству над сельским хозяйством; без этого он встретил бы гораздо больше препятствий. Мы нисколько не умаляем значения этих кооперацій. Они важны для революционизирования сельского хозяйства; но это не средство для спасения крестьянина.

Но кооперация имеет и свои пределы. Для сельско-хозяйственной индустрии действительны те же законы, что и для всякой другой индустрии. Концентрация и централизация производства, которым в сельском хозяйстве приходится бороться с противоположными тенденциями, делают здесь быстрые успехи; в сельско-хоз. промышленности, так же, как и во всякой другой, господствует тенденция к крупному производству. Это яснее всего доказывает сахарная промышленность, хотя и искусственно поощряемая государственными мерами. В Германской империи считалось:

Годы.	Сахарных заводов.	Количество переработан. свекловицы в тоннах.	Тоже в среднем на сахарн. завод в тоннах.
1871—72	311	2.250.918	7.237
1881—82	343	6.271.948	18.286
1891—92	403	9.488.002	23.543
1896—97	399	13.721.601	34.389

Итак, за 25 лет увеличение почти в 5 раз количества свекловицы, перерабатываемой в среднем одним заводом!

В картофельном винокурении до новых законов об обложении, которые имели в виду ограничить расширение производства, обнаруживалась та же тенденция, правда, не в столь резкой форме. По данным статистического ежегодника Германской Империи число винокурен, перерабатывающих картофель, хлеб или черную патоку, в пределах действия однородного обложения, возросло за период времени с 1872 по $18^{81}/_{82}$ с 7.011 до 7.280. Но число винокурен, уплачивавших меньше 15.000 марок водочного налога, упало с 6.222 до 5.788, напротив, число винокурен, выплачивавших больше 15.000 марок, увеличилось с 789 до 1.492.

С другой стороны считалось:

Годы.	Винокурен, перерабатывавших картофель.	Количество перерабатываемого картофеля в тоннах.	Тоже на одну винокурню в тоннах.
1882—83	4.180	2.392.000	572
1886—87	4.069	2.719.000	668

С $18^{87}/_{88}$ г. в области взимания государственного налога в среднем на одно заведение производство картофельных винокурен оставалось неизменным;

но достойно внимания, что именно самые мелкие винокурни указывают на решительный регресс. Производили:

	1890—91	1894—95	Уменьшение (—) или увеличение (+)
до 50 литров	1.300	513	—787
50 — 500 „	731	720	— 11
500 — 5.000 „	632	657	+ 25
5.000 — 50.000 „	1.931	1.983	+ 52
свыше 50.000 „	1.793	1.758	— 35

Молочные фермы, само собой разумеется, также подвержены закону развития современной крупной промышленности; и для них, технический прогресс идет вперед; и для них ручная работа вытесняется паром, растут машины, растет количество продукта, перерабатываемого каждой машиной, растут помещения для производства и для складов, растут рынки сбыта и вместе с тем необходимость прибегать к услугам коммерчески образованных служащих, которым только крупное предприятие может дать достаточное занятие.

Выше мы видели, как в Нов.-Южн. Валиссе молочные фермы становятся все крупнее. О том же самом сообщают из Бельгии: Colard Bovy в своем докладе международному сельско-хоз. конгрессу 1895 года констатировал: плохо обставленные и дурно управляемые мелкия товарищества все более исчезают в борьбе с крупными, „которые перерабатывают большие количества молока по самым низким ценам и могут доставлять продукт постоянно одинакового качества. Если производство ведет способный служащий, то эти преимущества достигают своей высшей точки“. (Цитировано Э. Вандервельдом в его статье об „Аграрном социализме в Бельгии“, „Neue Zeit“, XV, I, 755),

Развитие промышленности по обработке пищевых веществ в Германской Империи выражается в следующих данных, почерпнутых из промысловой статистики 1882 и 1895 годов. По ним на каждые сто управляющих предприятиями (собственников и служащих по найму) было наемных рабочих и служащих:

Годы.	Мельницы.	Свеклосахарное производство.	Производство других растительн. и пищев. веществ 1).	Произв. животн. пищ. веществ, кроме произв. мяса 2).	Солодовни и пивоварение	Винокурни, фабрики ликеров и прессован. дрожжей.	Фабрики шипучих и плодовых вин.	Фабрикация уксуса.	Примечание.
1882	101	2.831	688	141	364	299	256	162	1) Консервы, прессованные овощи, суррогаты, кофе, какао, крахмал, макароны, 2) Соление рыбы, изготовление сгущенного молока, производство масла и сыра.
1895	237	5.764	1.231	315	759	413	315	237	
Прирост.	136	2.933	543	174	395	114	59	75	

Везде мы видим прогрессивное разростание предприятий, во всех ветвях сельско-хозяйственной промышленности число наемных рабочих растет гораздо быстрее, чем число предпринимателей и управляющих предприятиями; в свеклосахарном производстве, молочном деле и в пивоварении относительный прирост составляет больше 100%, в производстве растительных консервов—почти 100%. Какое развитие получили некоторые сельско-хоз. промышленные предприятия, показывают, напр., предприятия фирмы Нестле. Она имеет в Швейцарии две крупные фабрики для производства детской муки. Последняя фабрика перерабатывает ежедневно 100.000 литров молока, продукт 12.000 коров, собираемый

в 180 деревнях; 180 деревень потеряли свою экономическую самостоятельность и стали подданными дома Нестле. Их жители внешним образом еще собственники своей земли, но они более уже не свободные крестьяне.

Чем скорее подвигается вперед это развитие, чем быстрее растет сумма капитала, необходимая для основания предприятия, способного выдерживать конкуренцию, чем больше суживается круг сельских хозяев, которые могут думать об основании производительных товариществ, тем скорее новые предприятия в этих областях с самого начала делаются капиталистическими предприятиями, как это теперь уже ясно обнаруживается в свекло-сахарном производстве и в картофельном винокурении. Там, где еще можно было бы говорить о кооперативных фабриках в этих отраслях промышленности, дело идет почти исключительно о товариществах крупных крестьян и владельцев рыцарских имений.

Если всякому сельско-хозяйственному производительному товариществу при всяком кризисе грозит переход в капиталистические руки, то в любой отрасли сельско-хозяйственной промышленности раньше или позже наступает момент, начиная с которого товарищества преграждают доступ в число своих членов мелким сельским хозяевам, превращаясь в монополию капиталистов и крупных землевладельцев. Обыкновенно это развитие ведет также к вытеснению мелкого сельского хозяйства крупным. И в этом случае сахарное производство дает нам лучшия доказательства. Преимущества машинного производства в сельском хозяйстве всего яснее выступают там, где двигательная сила для машин не должна особо производиться, а доставляется промышленным заведением, находящимся в имении. Там, где это не ведет к упадку мелкого производства, индустриализация мелкого хозяйства кладет на мелкого сельского хозяина клеймо зависимости от фабрики, единственной потребительницы его продукта, вполне превращает его в крепостного промышленного капитала, с потребностями которого он должен сообразовать свое хозяйство.

Таково спасение, которое сельско-хозяйственная промышленность приносит крестьянину.

е) Вытеснение сельского хозяйства промышленностью.

Если развитие сельско-хоз. промышленности доставляет сельскому хозяину, по крайней мере на время, новую опору, то прогресс техники содействует появлению тенденций, угнетающих сельского хозяина и разоряющих отдельные ветви его хозяйства. Это вызывается, во-первых, лучшей утилизацией сырого материала, так что из того-же количества сырья выходит больше продукта; последнее обстоятельство, естественно, способствует падению спроса на сырой материал при неизменяющемся потреблении продукта, или задерживает рост спроса на сырье, при растущем потреблении. Еще далее промышленный прогресс ведет к замещению дорого стоющего сырья малоценным, благодаря утилизации отбросов и производству суррогатов. В конце концов промышленность начинает сама производить продукты, доставлявшиеся раньше сельским хозяйством, или заменяет их тем или другим образом, так что продукт сельского хозяйства становится излишним.

Для иллюстрации приведем несколько примеров. Общеизвестна значительная потеря питательных веществ вследствие несовершенства перемола хлеба. Прогресс мукомольного дела все более уменьшает эти потери. „В XVII столетии годичное потребление одного человека по Вобану равнялось почти 712 фунтам пшеницы, количество, достаточное теперь почти для двух человек, и теперь, благодаря усовершенствованию наших мельниц, для человечества выигрываются громадные количества питательных веществ, стоимостью во много миллионов ежегодно; вещества эти раньше служили только животным, для ко-

торых их неизмеримо легче заменить другими питательными веществами, совершенно непригодными для человеческого потребления. Пшеница содержит не больше 2% неусвояемой клетчатки, и совершенная в широком смысле слова мельница не должна бы давать больше этого количества в виде отрубей, но наши лучшие мельницы все еще дают 12—20%, обыкновенные мельницы до 25% отрубей, содержащих 60—70% питательных составных веществ". (I. v. Liebig „Chemische Briefe", 334). В 1877 г. искусный мельник В. Тилль утверждал, будто он нашел способ перемола, дающий 92,6% муки и только 7,4% отрубей и отбросов. (V. Till. „Die Lösung der Brodtfrage"). Упоминаний о дальнейшем уменьшении отрубей мы еще не встречали. Зато теперь делаются попытки химическим путем сделать переваримыми питательные вещества отрубей, именно белок.

Ясно, что при неизменяющемся потреблении муки всякий прогресс мукомольного дела в утилизации зерна должен вызвать уменьшение спроса на него. Но действие падающего спроса должно проявляться и при возрастающем потреблении муки, если одновременно масса хлеба, попадающая на рынок, растет так же быстро, или еще быстрее, чем потребление муки. Вытеснение примитивных мельниц образцовыми должно, таким образом, обострять действие кризисов на хлебном рынке.

Только что упомянутые попытки перевести питательные вещества отрубей в форму, в которой они могли бы усваиваться человеческим желудком, относятся уже к области утилизации отбросов и производства суррогатов. Прогрессирующая утилизация отбросов есть одна из существеннейших особенностей современного способа производства. Она—естественное следствие крупного производства; последнее скопляет отбросы в громадных количествах в отдельных пунктах, вызывает этим необходимость их удаление, делает попытки использовать их для промышленных целей и превращает их, таким образом, из предмета затруднений и непроизводительных расходов в источник дохода. Для сельского хозяйства эти отбросы приобрели очень важное значение. С одной стороны, отбросы крупной промышленности доставляют сельскому хозяйству корм для скота и удобрение, как, напр., отбросы винокуренных, сахарных, пивоваренных заводов, маслобоен, т. наз. томасов шлак, древесная зола, и т. д., превращаясь в могущественное средство прикрепления сельского хозяйства к промышленности. С другой стороны, промышленность пользуется отбросами сельско-хозяйственных продуктов, чтобы путем их переработки составить конкуренцию самому сельскому хозяйству. Примером такой утилизации отбросов может служить производство масла из хлопчато-бумажного семени, которое раньше выбрасывалось, в лучшем случае употреблялось, как удобрение на хлопчатобумажных плантациях. Теперь научились производить из него масло, делающее очень чувствительную и с каждым днем растущую конкуренцию маслам, выделываемым из европейских масляничных растений. В Германской империи ввоз составлял:

Годы.	Хлопчато-бумажное масло.	Льняное масло.
1886	8.067 тонн.	39.743 тонн.
1891	21.366 „	37.385 „
1895	34.460 „	19.863 „
1896	27.047 „	19.693 „
1897	30.227 „	15.548 „

Применение хлопчато-бумажное масло находит себе особенно при фальсификации оливкового масла и при выделке искусственного масла-маргарина, приготовляемого из бычачьего сала, молока и дешевых масл. особенно хлопчатобумажного масла; его трудно отличить от натурального масла по вкусу и физиологическому действию. В 1872 г. в Германии была основана первая фабрика искусственного масла; теперь их имеется около шестидесяти.

Что эта конкуренция не улучшила и без того критического положения рынка коровьего масла, само собой ясно. Трогательные жалобы аграриев, которыми они 1896 году обосновывали необходимость своих требований нового ограничения маргариновой промышленности, конечно, преувеличены, но также преувеличено и противоположенное утверждение, что сельские хозяева совершенно не понесли ущерба от искусственного масла. Очень мало утешительным представляется для последних указание на то, что и производство искусственного масла находится в тяжелом положении. Об этом меньше можно судить по дефицитам отдельных фабрик, что случается и в цветущих отраслях промышленности с дурно управляемыми, неудачно устроенными и недостаточно оборудованными предприятиями, чем из статистики страны, в которой маргарин и масла могут свободнее всего довести до конца свое состязание на поле конкуренции. В Великобритании ввоз достигал:

Год.	Масла.	в том числе австралийского.	Маргарина.
1886	1.452.000	— процентов.	870.000 цент.
1892	2.107.001	4 „	1.293.000 „
1895	2.750.000	11 „	922.000 „

Дешевое австралийское масло вытесняет не только производство натурального масла, но и производство искусственного масла. Но это, конечно, поведет не к улучшению способов его производства. Производители натурального масла ничего от этого не выиграют.

Но если мы и не оспариваем, что молочные фермы терпят ущерб от фабрикации маргарина, то мы этим ни в коем случае не хотим выразить одобрения стремлениям ограничить производство последнего к выгоде первого. Мы охотно признаем, что печально, если банкротство кооперативной молочной фермы низводит в ряды пролетариев сотни трудолюбивых крестьян, но не менее печально, если новая машина лишает хлеба трудолюбивых пролетариев. Таким путем только и осуществляется технический прогресс в современном обществе. Кто хочет устранить этот путь прогресса, должен устранить весь современный общественный строй. Напротив, бессмысленно желание сохранить во что бы то ни стало этот порядок и вместе с тем уничтожить его последствия. Эта бессмыслица делается возмутительной, если ее хотят практически осуществить предоставлением, под влиянием минутных и кастовых интересов, только отдельным слоям производителей привилегии охраны от всякого технического прогресса, способного уменьшить их барыши,—охраны, которая вообще может осуществиться только на счет остальных слоев. Такого рода привилегии в современном государстве не могут долгое время терпеливо сноситься массой населения, поэтому представляется утопичной мысль о спасении таким путем сельского хозяйства от напора промышленности. Судорожные стремления наших аграриев в этом направлении доказывают только, насколько велика для них опасность крупного капиталистического производства пищевых и вкусовых веществ, какое значение приобрело последнее по сравнению с сельским хозяйством.

Искусственное масло и рядом с ним также искусственный сыр до сих пор являются теми производимыми крупным производством суррогатами, которые чувствительнее всего отражаются на сельском хозяйстве. Но они не единственные, действующие в том же направлении.

В пивоварении за последние десятилетия заметен громадный под'ем почти во всех государствах. Пивоваренное производство доставляло:

Германия.		Великобритания.		Австрия.	
Год.	Гектолитр.	Год.	Гектолитр.	Год.	Гектолитр.
1872	32.945.000	1873	35.700.000	1870	9.303.400
$18^{82}/_{83}$	39.250.000	1881	44.774.000	1880	10.530.000
$18^{90}/_{91}$	52.730.000	1891	52.675.000	1890	13.570.000
$18^{95}/_{96}$	60.563.000				

Бельгия.		Франция.		Россия.	
Год.	Гектолитр.	Год.	Гектолитр.	Год.	Гектолитр.
1870	7.794.000	1872	7.131.000	1866	2.200.000
1880	9.238.500	1885	8.010.000	1884	4.212.000
1890	10.770.000	1890	8.490.000	1890	8.490.000

В Дании производство пива выросло с 1.200.000 гектолитров (1876) до 2.185.000 (1891); в Швеции с 419.815 (1880) до 1.240.811 (1890), в Швейцарии с 280.000 (1867) до 650.000 (1876), 1.004.000 (1886) и 1.249.000 (1891).

Можно было бы думать, что в той же мере выросло и производство хмеля. Ничуть не бывало. Оно только незначительно повысилось. Уже в 1867 г. сбор полного урожая хмеля в Европе исчислялся в 50.000 тонн. Столько же дал урожай 1890 года (в том числе 24.705 в Германии, 15.000 в Англии); в 1892 г. собрано было 57.550 тонн (в том числе в Германии 24.150, в Англии 19.000).

В Англии количество производимого в год пива возросло с 35 милл. гектолитров (1873) до 52 миллионов (1891), на 17 милл., т. е. в круглых цифрах на 50%. Напротив, хмелем засеяно было в 1871 г. 24.000 гектаров, в 1892 г.—23.000. Между тем ввоз хмеля, замечает отчет парламентской аграрной комисси 1897 г. (стр. 83), „за последнее 20-летие фактически оставался неизменным. За период $18^{76}/_{78}$ средний годичный ввоз хмеля из всех стран составлял 195.000 центнеров, а в $18^{93}/_{95}$—203.000 центнеров.

Картину развития хмелеводства в Германии показывает следующая таблица:

	1884 г.	1896 г.
Урожай хмеля	28.870 тонн.	25.325 тонн.
Ввоз хмеля	1.340 „	3.041 „
Итого	30.210 тонн.	28.366 тонн.
Вычитается вывоз хмеля в	11.514 „	9.868 „
Остается хмеля	18.696 тонн.	18.498 тонн.
	$18^{84}/_{85}$ г.	$18^{96}/_{97}$ г.
Производство пива в гектолитрах	42.287.000	61.486.000
На одну тонну приходится гект. пива	2.260	3.324

Возрастающее потребление пива таким образом нисколько не помогает хмелеводам. Оно только способствует производству суррогатов хмеля.

Еще хуже, чем хмелеводам, приходится от развития химии виноделам. Она учит приготовлять из картофельного крахмала, тряпья и древесной клетчатки виноградный сахар, это пресловутое средство к улучшению малоценного вина. Она учит кроме того фабриковать вино из выжимок и изюма с помощью сахара и других продуктов сельско-хозяйственной индустрии.

Все более даже так называемые „натуральные вина“ должны подвергаться ряду операций, требующих естественно-научных знаний и применения дорогих аппаратов, все более, таким образом, и натуральное вино делается продуктом капиталистической крупной промышленности, которой производитель винограда доставляет только сырой материал. Винный погреб превращается в фабрику вин.

В своем реферате о „состоянии законодательства об изготовлении вина и технике изготовления", прочитанном в королевско-прусской коллегии сельскохозяйственной экономии в феврале 1897 г., проф. Меркер между прочим сделал такие выводы: „Вино не вполне натуральный продукт; на виноградных лозах вино не растет бутылками, а должно пройти длинный путь при обработке, пока из сладкого виноградного сусла не выработается благородное вино...

„Это изготовление вина за последние годы вызвало целый ряд научных изысканий, в которых мы подвинулись очень далеко в области обработки вина, постепенно научаясь из малоценного винограда выделывать натуральное вино лучшего качества. Прежде всего этой областью овладело разведение чистых культур дрожжевых грибков". На кожуре винограда находятся разнообразные грибки, вызывающие брожение в сусле. „Известно, что существует много видов дрожжевых грибков, что дрожжевые грибки, растущие на Иоганнисберге, Гейзенгейме, производят вино вполне определенного качества; и вот сделана была попытка получить вино строго определенного качества путем разводок чистых культур определенного вида дрожжевых грибков. Когда в самом деле сделаны были удачные опыты с разводками чистых культур дрожжевых грибков, сангвиники думали, что можно совсем обойтись без виноделия; нужно только искусственно прибавить к какому-нибудь сахарному раствору дрожжевых грибков, чтобы таким образом получить благороднейшее Иоганнисбергское или Штейнбергское вино".

Можно было бы думать, что эти перспективы могут действовать только воодушевляющим образом: не только сладкий горошек, но и иоганнисбергское вино для каждого—разве это не было бы началом рая на земле?

Так думает социалист, но не аграрий. Что для блага общества является счастием,—изобилие питательных и вкусовых веществ,—то для земельной ренты несчастие. Если каждый сможет приготовить себе иоганнисбергское вино из сахарной воды, тогда конец земельной ренте иоганнисбергских виноградников. Поэтому проф. Меркер с облегчением продолжает: „Благодаря Бога, это не удалось, зато удалось путем разводок чистых культур дрожжевых грибков производить гораздо лучшее вино, чем без них, удалось также добиться значительно лучших цен на наш продукт. Прошло всего несколько лет, как стали пользоваться этими чистыми культурами грибков в виноделии".

Эти дрожжевые грибки, таким образом, до сих пор почтительно останавливались перед земельной рентой. Но не следует ли опасаться, что эти микроскопические проказники в один прекрасный день бросят свое лойяльное поведение и превратятся в революционеров? Начав с производства иоганнисбергского из кислятины, почему не закончить производством вина из сахарной воды?

Но запретить улучшение вина невозможно; это проф. Меркер далее сам раз'ясняет в своем реферате. Статистика говорит, что на 10 лет приходится только один отличный год на вино, три хороших, три средних, три плохих. Эти кислые вина без надлежащей переработки не переносятся культурным нёбом. Запретить улучшение вина—значило-бы сильно повредить самим производителям винограда.

Рядом с улучшенными винами и вином из выжимок возникает производство изюмного вина. „Из растворенного в воде, достаточно измельченного и подвергнутого брожению, в особенности при посредстве чистых культур дрожжевых грибков, изюма можно выделать прекрасное вино. Это хорошее во всех отношениях, вполне годное к употреблению вино ничем не уступает обыкновенному виноградному вину и является серьезным конкурентом туземному немецкому вину. С технической точки зрения против него нельзя возразить, но тем более оно встречает возражений с хозяйственной точки зрения, так как оно делает тяжелую конкуренцию туземному немецкому вину. Оно хорошо

противостоит брожению и необычайно дешево; за 12 марок можна выделать 100 литров. Это тяжелая конкуренция, с которой следует решительно бороться законодательным путем".

И в самом деле, подумайте, какое несчастие падает на голову немецкого народа, если изюмному вину удается вытеснить картофельную сивуху!

Путем чистых культур дрожжевых грибков можно приготовить похожее на вино питье и из солода. В Гамбурге одна огромная фабрика выделывает такое солодовое вино.

Из прений об этом реферате заимствуем заявление старшего правительственного советника Тиля, заметившего, между прочим, что мелкие виноделы не в состоянии сами производить улучшений в выделке вина. Это доступно только крупным владельцам виноградников и виноторговцам. В том же роде писал уже в 60-ых годах Мейтцен. „Только более крупные владельцы виноградников и зажиточные виноделы сами прессуют и очищают вино в складах и выжидают благоприятного времени для продажи. Число беднейших виноделов, не имеющих к тому средств, доходит до 12—13.000 (в старой Пруссии до 1866 г.). Чтобы поскорее получить наличные деньги, они сбывают виноград непосредственно за жатвой, часто запродают его заранее, связывают себя задатками. Податные чиновники исчисляют количество винограда, уступленного осенью 1864 г. этим классом виноделов виноторговцам и фабрикантам вин, в 69.405 центнеров". („Boden" II., 275).

Зависимость мелких виноделов от виноторговцев усиливается еще необеспеченностью виноградного урожая. Выше мы привели замечание Меркера, что на 10 лет приходится всего три плохих урожая и только один отличный сбор; но рядом с количеством колеблется и качество. Мейтцен в упомянутом сочинении (стр. 277) приводит количество собранного в Рейнской провинции винограда за время от 1821 до 1864 года. Извлечем оттуда несколько цифр (в ведрах):

1821	24.868	1830	41.970	1856	175.663
1822	469.211	1834	850.467	1857	546 545
1828	816.228	1854	91.299	1858	576.205
1829	271.088	1855	212.358	1864	320.471

При таких обстоятельствах виноделие становится чистой азартной игрой, в которой, в конце концов, должен выиграть тот, у кого более толстый карман, кто может годами терпеть убытки. Мелкого, не имеющего капиталов виновода один неурожай превращает в банкрота или приводит его к безнадежному рабству.

Товарищества должны и тут явиться якорем спасения. Кооперативные склады должны доставить мелким виноделам возможность класть в свой карман барыши, доставляемые улучшением их вин и посреднической торговлей. К ним относится все, что сказано было вообще о сельско-хозяйственных производительных товариществах: с одной стороны—они недоступны очень мелким, не имеющим капитала, производителям винограда; с другой—подобно другим производительным товариществам, они раньше или позже должны капиталистически выродиться или сделаться капиталистической собственностью.

В этом смысле они только ускоряют развитие, тенденция которого—поставить производителя виноградников все в большую экономическую зависимость от фабрики, от винного погреба, превратить его в детализированного рабочего винной индрустрии.

То техническое развитие, которое постоянно усиливает зависимость виноградаря от фабриканта вин, в то же время ослабляет зависимость последнего от отечественного виноградаря. Оно во все возрастающих количествах доста-

вляет ему иностранное дешевое вино, которое он превращает в лучшее, оно доставляет ему и другого рода дешевое сырье для выделки вин.

Революционизирование винного производства легче всего проследить во Франции. Вследствие опустошений, произведенных филоксерой и другими болезнями, доход виноделия стремительно упал; он составлял за год:

В среднем за десятилетие.	Площадь под виноделием в гектарах.	Доход с гектара.	ВСЕГО.	Потребление вина (расчет.)	Излишек (+) или дефицит (—) произв.	Вывоз вина
		В гектолитрах.		Гектолитров.	Гектолитр.	в гектолитрах.
1870—1879	2.364.175	22,4	52.935.956	38.100.000*)	+14.800.000*)	3.283.419*)
1880—1889	2.052.897	16,3	33.499.782	36.400.000	— 3.000.000	2.538.199
год—1887	1.919.878	13,6	25.365.441	34.000.000	— 9.000.000	2.402.216
„ —1891	1.763.374	17,0	30.139.000	?	?	2.044.000

Хотя с начала 80-ых годов потребление вина далеко превышает его производство, однако вывоз почти не уменьшается. Это об'ясняется отчасти накоплением излишков прежних лет, отчасти ввозом малоценных вин, которые улучшаются и затем потребляются в самой Франции или вывозятся в качестве хороших французских вин.

Ввоз вина в тысячах гектолитров составлял:

	1878	1889		1878	1889
Из Испании	1.247	7.052	Из Австро-Венгрии	9	422
„ Алжира	1	1.581	„ Турции	8	194
„ Португалии	16	875	„ Греции	0	146

Одновременно с этим повысилась и фабрикация искусственного вина. Даже по официальной статистике было выделано вина.

	Из сушеного винограда. Гектолитры.	Из выжимок. Гектолитры.	Всего. Гектолитры.
1880	2.320.000	2.130.000	4.450.000
1890	4.293.000	1.947.000	6.240.000

Действительная фабрикация искусственных вин должна быть еще значительно выше. Эта отрасль промышленности ведется только отчасти открыто.

В Германской империи ввоз изюма с 12.994.000 килограммов в 1886 г. возрос до 32.846.000 в 1895 г. Львиная доля этого увеличения должна быть отнесена на счет фабрикации вина. Рядом с этим ввоз свежего винограда поднялся с 3.181.000 килограм (1886) до 19.371.000 (1895).

Между тем и этой области готовится за-океанская конкуренция, как со стороны Африки (Алжир, Тунис, Капская земля), так и со стороны Соединенных Штатов, Калифорнии, Чили, Уругвая, Аргентины, Австралии. В Алжире виноградной лозой было засажено в 1878 г. 17.600 гектаров, в 1889 г.—96.624, в 1893 г.—116.000 со сбором в 3.800.100 гектолитров. В Соединенных Штатах добыча вина в 1889 г. составляла 1.500.000 гектолитров, в Аргентине—столько же, в Чили 1.000.000.

До сих пор речь шла все еще о переработке сырого продукта, хотя-бы и малоценного, доставляемого земледелием. Но в некоторых областях ин-

*) 1880—1884.

дустриальному развитию удается в конце концов непосредственно производить даже продукты, до тех пор доставлявшиеся земледелием, без всякого содействия последнего.

Наиболее известны в этом отношении успехи, достигнутые химией при обработке дегтя. Из него добывается множество совершенно новых веществ, играющих большую роль особенно в медицине, и с каждым днем число этих веществ растет; кроме того из него добываются также очень дешево вещества, доставлявшиеся до сих пор исключительно земледелием.

Марена, напр., до 70-ых годов была важным техническим растением для некоторых местностей Европы, именно Голландии, Южной Франции и Южной Германии. Открытие способа добывания ализарина из каменноугольного дегтя, сделанное в 1868 году Гребе и Либерманом, с 1870 года все больше применялось анилиновыми фабриками и нанесло смертельный удар культуре марены.

От другого продукта каменно-угольного дегтя—сахарина—он был открыт в 1879 г., а добыча его в крупных размерах началась в 1886 году—вначале ожидали такого же результата для культуры свекловицы. Но до этого дело не дошло. Правда, сахарин в 500 раз слаще тростникового сахара, но он может заменить сахар только как вкусовое, а не как питательное вещество. Тем не менее он вытесняет сахар из ряда областей, где тот находил применение до сих пор, и тем препятствует увеличению его потребления.

Алкоголь также можно добывать из дегтя, но до сих пор еще этот способ настолько несовершенен, что о выгодном применении его в промышленности не может быть и речи.

Большее и более неприятное значение для некоторых ветвей сельского хозяйства имеют успехи электротехники. Ей, повидимому, удастся дело, которое не удалось пару,—почти полное вытеснение лошади из экономической жизни.

Паровая сила может с выгодой быть применяема только для приведения в движение больших масс и при непрерывности производства. Она вытеснила лошадь при передвижении тяжестей на большие расстояния. Но железные дороги, давшие сильный толчек росту больших городов, а в значительной степени сделавшие его впервые возможным, поставили местному передвижению целый ряд все более трудных задач, которые до недавнего времени могли быть разрешены только с помощью лошадиной силы. В сельском хозяйстве паровая машина также не могла вытеснить лошади, как бы ценна она ни была для некоторых работ.

Силу электричества легко делить и передавать на большие расстояния, его действие можно по желанию прерывать и снова пускать в ход, его двигатели занимают мало места и ими легко управлять; электричество может поэтому взять на себя функцию лошади, как двигателя, одинаково в передвижении и в земледелии, и оно уже сделало это во многих случаях. Вытеснению лошади из области передвижения содействуют и другие успехи техники. Рядом с электрическими омнибусами возникают механические экипажи другого рода, а приводимый в движение человеком велосипед распространяется с быстротой, служащей не только неисчерпаемым источником материала для юмористических листков и для морального негодования филистеров, но и источником жирных барышей для велосипедных фабрикантов и торговцев.

Результат всего этого ясен: спрос на лошадей должен пасть, коневодство должно сделаться бездоходным. В Соединенных Штатах, где электрические железные дороги гораздо в большей степени, чем в Европе, вытеснили уже конные дороги, оно уже бездоходно. Один английский сельский хозяин, знакомый с положением дел в Америке по собственным наблюдениям, пишет об этом: „В последнее время слышно много жалоб на конскую торговлю. Именно

коневодство в Америке показалось мне особенно бездоходным; коннозаводчики говорили мне, что они часто совсем не в состоянии сбывать взрощенных ими лошадей за отсутствием покупателей; предложение больше спроса. Меня это обстоятельство не удивляет, ибо каждый маленький городок в Америке имеет теперь дорогу с электрической или канатной тягой на место конно-железной дороги. Практический американец давно уже открыл, что электричество дешевле, чем дорого стоющее содержание лошадей; я часто поражался распространением электричества даже в самых маленьких деревушках". (König, „Die Lage der englischen Landwirthschaft", 408.)

Действительно, число лошадей в северной Америке уменьшается—несмотря на расширение земледелия, увеличение ее населения, рост городов. Еще сильнее, чем число лошадей, пала их цена. В Соединенных Штатах лошадей считалось:

Год.	Число.	Стоимость в долларах
1892	15.498.140	1.007.593.636
1893	16.206.802	992.225.185
1894	16.081.139	769.224.799
1895	15.893.318	576.730.580
1896	15.124.057	500.140.186
1897	14.364.667	452.649.392

Стоимость наличного количества лошадей в Соединенных Штатах в настоящий момент составляет таким образом меньше половины стоимости их в 1892 году.

Рука об руку с уменьшением спроса на лошадей в Соединенных Штатах идет рост их вывоза. Он составлял:

	1892.	1896.
Всего	3.226 голов.	25.126 голов
В Англию	457 „	12.022 „
„ Германию	28 „	3.696 „

Так говорит оффициальная американская статистика („Jearbook of the United States, Departament of Agriculture, 574, 580). По данным статистического ежегодника Германской империи, из Соединенных Штатов было ввезено в Германию в 1890 году 19, 1896—4.285, в 1897—5.918 лошадей. Ввоз из Америки за последние годы значительно превысил ввоз из Англии, поднявшийся за 1890—97 с 1.070 до 2.719 голов.

Однако, технический прогресс путей сообщения в самой Европе должен повести на первых порах к ограничению роста числа лошадей, а затем и к падению его. Этим на первом плане будут задеты коннозаводчики, по большей части крупные сельские хозяева; но и для крупных крестьян разведение лошадей в некоторых местах до сих пор является важным источником доходов. Напротив, интересы мелких сельских хозяев прямо не затрагиваются перепроизводством лошадей, и тут мелкие хозяева имеют преимущество перед крупными, понятно, не в силу их технического превосходства. Но косвенным образом сокращение коневодства задевает и их интересы, так как оно с естественной необходимостью влечет за собой сужение производства фуража. Велосипеды, электрические железные дороги, механические экипажи, электрические плуги не употребляют ни овса, ни сена. Между тем овес меньше других главных хлебных злаков страдал до сих пор от за-океанской конкуренции. В Великобритании площадь посева в акрах составляла:

	1867—1872.	1878—1882.	1895.
Под пшеницей	3.563.000	2.965.000	1.417.000
„ ячменем	2.289.000	2.460.000	2.166.000
„ овсом	2.746 000	2.777.000	3.296.000

В 1896 году площадь посева под овсом несколько сократилась. Она составляла только 3.095.000 акров. Является ли это уменьшение преходящим явлением или составляет уже начало прогрессивного падения разведения овса, этого пока еще нельзя решить. Во всяком случае раньше или позже мы должны ожидать подобного результата. Что щадит иностранная конкуренция, тому грозит промышленное развитие собственной страны.

Превращение сельского хозяйства в индустриальное производство еще только начинается. Смелые пророки, именно, одаренные фантазией химики, грезят уже о том времени, когда из камня будут делать хлеб, когда вся масса пищевых веществ будет производиться на химических фабриках. С подобной музыкой будущего нам здесь, понятно, не приходится считаться. Но одно несомненно. В целом ряде областей сельско-хозяйственное производство превратилось в индустриальное, другой ряд превращений предстоит в предвидимом будущем; ни одна область сельско-хозяйственной деятельности не гарантирована от них. И каждый прогресс в этом направлении должен повести к ухудшению положения сельских хозяев, к усилению их зависимости от индустрии, к уменьшению обеспеченности их существования. На основании этого далеко еще нельзя говорить о гибели земледелия. Но там, где современный способ производства стал твердой ногой, его консервативный характер безвозвратно погиб. Закоснелость в старине грозит сельскому хозяину верной гибелью; он непрерывно должен следовать за развитием техники, должен непрерывно приспособлять свое производство к новым отношениям. Нет для него возможности отдыха на раз достигнутой степени. Когда сельскому хозяину кажется, что он одолел одного врага, перед ним встает новый враг. И в деревне вся экономическая жизнь, столь однообразно двигавшаяся до сих пор вечно в одной и той же колее, попадает в состояние непрерывного революционизирования, этого характеристического признака капиталистического способа производства.

Этот вечный водоворот ввергает в пропасть всех, кому не выпало на долю из ряду вон выходящее счастье, кто не отличается крайней неразборчивостью в средствах, необычайной деловой интеллигентностью или экстраординарными денежными средствами.

Таким образом революционизирование сельского хозяйства, так сказать, освящает (inaugurirt) их травлю, которая бесжалостно гонит их вперед, пока, выбившись из сил, они не упадут—за исключением нескольких неотесанных баловней судьбы (brutale Glückpilze), которым удается по трупам павших подняться в ряды травящих, крупных капиталистов.

XI.

ВЗГЛЯД НА БУДУЩЕЕ.

а) Двигательные силы развития.

Буржуазная экономия в своих исследованиях хода развития сельского хозяйства видит центр тяжести в вопросе об отношении между крупным и мелким производством по площади земли. И так как это отношение изменяется сравнительно медленно, то она приписывает земледелию, в противоположность промышленности, консервативный характер.

Напротив, другое воззрение, популярное в кругах социалистов, видит революционизирующий элемент сельского хозяйства в ростовщичестве, в задолженности, лишающих крестьянина его собственности и выгоняющих его из двора и дома.

Насколько неверно первое мнение, это, полагаем, мы достаточно показали. Но и со вторым мнением мы не можем безусловно согласиться.

Задолженность крестьянина, как известно, не представляет характерной особенности капиталистического способа производства. Она так же стара, как и товарное производство, и играла большую роль уже в тот период Греции и Рима, когда их история переходит из легендарной эпохи в исторически достоверную. Сам по себе ростовщический капитал может только сделать крестьянство недовольным и мятежным, но он не образует двигательной силы развития к высшему способу производства. Только тогда, когда вырастает капиталистическое производство, когда развивается конкуренционная борьба между крупным и мелким производством, и владелец бо́льшей денежной суммы может более выгодно вести производство на высшей технической основе,—только тогда ростовщичество превращается в кредит, значительно поднимающий силу действия капитала и ускоряющий процесс экономического развития. Но и в таком случае это больше относится к индустрии, чем к сельскому хозяйству. В последнем кредит в значительной степени сохраняет характер до-капиталистической эпохи. Задолженность землевладения и теперь только в незначительной степени определяется потребностью в расширении и улучшении производства; в гораздо большей степени она является продуктом нужды и переходов владений—продажи и наследования; как таковая, она не только не способствует экономическому развитию сельского хозяйства, а задерживает его, отнимая средства для прогресса; она не только лишена каких-либо задатков или элементов здоровой эволюции, она прямо консервативна; она не способна поднять крестьянское хозяйство на высшую ступень производства, она может только удержать это производство на прежней несовершенной ступени.

Земельная задолженность является более консервативным, чем революционным элементом по отношению к способу производства, а часто и по отношению к собственности. Во всяком случае, где условия крестьянского землевладения являются тормозом для возникающего нового способа производства, там задолженность может сделаться средством к ускорению экспроприации. Это имело место в древнем Риме, где изобилие военнопленных рабов способствовало развитию плантаторского хозяйства; это имело место в Англии в эпоху реформации, когда расцвет шерстяной торговли повел к расширению пастбищ для овец. Но что задолженность была только одним из рычагов экспроприации, а не движущей силой ее, мы видим уже из того, что, напр., ко времени реформации жалобы на задолженность крестьянства в юж. Германии раздавались еще громче, чем в Англии, и тем не менее она не повела тут к заметной экспроприации крестьянства. Владельцы отдельных крестьянских дворов сменились, сами дворы остались. Ростовщичество повело здесь к крайней степени эксплоатации, но не к уменьшению численности крестьянства.

Переворот в условиях земледельческого производства, последовавший за французской революцией и ее отражениями в других странах, открывал и ростовщическому капиталу широкую возможность коренных изменений в сфере имущественных отношений. Он благоприятствовал одинаково тенденции и к крупному производству и к раздроблению хозяйств. Задолженность крестьянства помогала крупным землевладельцам округлять свои имения и расширять свои леса. С другой стороны, большой спрос растущего сельского населения на жилища и на земельные участки повел к разделу имений, к парцелляции задолженных крестьянских дворов — процесс, над осуществлением которого систематически работали многочисленные ростовщики. Ни тот, ни другой процесс еще не закончился, но с тех пор как за-океанская конкуренция сделала земледелие бездоходным, с тех пор как прирост земледельческого населения приостановился, а часто даже пошел на убыль, эти процессы сильно замедлились. Земельная рента и цены на имения более не растут, если не говорить об особо благоприятно расположенных из них, напр., вблизи городов или фабрик; они стали падать и угрожают упасть еще больше. Чем далее подвигается это явле-

ние, тем менее заинтересованы капиталисты-ростовщики в экспроприации задолженных крестьян. Продажа с публичных торгов грозит им не только потерей процента на капитал, но даже потерей части капитала. Вместо того, чтобы ускорять, они стараются отдалить ее путем отсрочки платежа процентов, часто путем выдачи новых ссуд, подобно тому, как в Англии даже самые жадные и жестокосердные лендлорды аграрным кризисом вынуждены были рассрочить арендную недоимку, понизить ее на будущее время, предпринять мелиорации на собственный счет.

Так, напр., землевладелец Винкельман из Вестфалии в анкете союза социальной политики о положении крестьянства сообщает: „При той цепкости, с которой здешний крестьянин держится за свой наследственный участок, многие ростовщики находят для себя более выгодным принуждать сельского хозяина к работе на себя и отнимать у него все вырабатываемое им, кроме необходимого для нищенского существования, чем пускаться на сомнительную продажу с аукциона задолженных участков. Во многих наших беднейших горных округах к тому же уже нет покупщиков“ (II т. 11).

Задолженность крестьянства, являющаяся скорее препятствием к революционизированию условий производства в деревне, не всегда равносильна также революционизированию отношений собственности. В настоящий момент именно аграрный кризис заставляет отступать на задний план ее революционные тенденции и по отношению к собственности. Зато каждое новое изменение производственных отношений воспользуется задолженностью землевладения, как рычагом для более легкого приспособления отношений собственности к условиям производства.

Где же нам искать движущий момент, который сделает необходимым это изменение в способе производства? После вышеизложенного ответ не представляет затруднений. В индустрии скрыта пружина не только ее собственного развития, но и развития земледелия.

Мы видели, что именно городская индустрия разрушила единство промышленности и сельского хозяйства в деревне, превратив деревенского жителя в однос хроннего сельского хозяина, в товаропроизводителя, зависящего от капризов рынка, что именно она создала условия для его пролетаризации.

Мы нашли далее, что сельское хозяйство феодального времени попало в круг, из которого ему не выбраться бы собственными силами. Городская промышленность создала революционные силы, которые вынуждены были и оказались в состоянии разрушить феодальный режим, и этим открыли новые стези не только промышленности, но и сельскому хозяйству. Именно промышленность создала затем технические и научные условия нового, рационального сельского хозяйства, революционизировала его при помощи машин и искусственного удобрения, микроскопа и химической лаборатории, и этим создала техническое превосходство капиталистического крупного производства над крестьянским мелким производством. Но рядом с этим качественным различием между крупным и мелким производством то же самое экономическое развитие создало еще другое различие: различие между хозяйствами, служащими только для собственного потребления, и такими, которые производят преимущественно или, по крайней мере, в значительной степени для рынка. Как те, так и другие попадают в зависимость от промышленности, но различными путями. Для первых возникает необходимость добывания денег путем продажи рабочей силы, путем наемного труда или домашних промыслов, благодаря чему мелкие сельские хозяева делаются все более зависимыми от промышленности, все более приближаются к положению промышленных пролетариев. Товаропроизводящие же хозяйства также все сильнее нуждаются в подсобных промыслах. Конечно, техническому прогрессу присуща тенденция к сокращению издержек производства, но эта тенденция в капиталистическом земледелии более чем парализуется противоположными тенденциями, нагромождающими на него все большую тя-

жесть: рост земельной ренты, т. е. здесь аренды, там ипотечной задолженности, наследственное право, способствующее этой задолженности или дроблению участков, рост эксплоатации деревни городом, являющийся следствием милитаризма, налогов, абсентеизма и пр., истощение почвы, растущая чувствительность к вредным моментам культурных животных и растений, наконец—возрастающее отвлечение сельских рабочих промышленностью,—все это факторы, которые своим соединенным действием, несмотря на технический прогресс, все более повышают издержки производства в земледелии. Ближайшее последствие всего этого—общее и непрерывное повышение цен на жизненные припасы, но также и обострение противоречия между городом и деревней, между землевладением и массой потребителей.

Но то самое промышленное развитие, которое создало эти отношения в земледелии, преобразует их еще далее путем расширения мирового обращения и вызывает к жизни за-океанскую конкуренцию жизненными припасами. Где землевладение недостаточно сильно, там промышленное развитие обрушивается на него всей своей тяжестью, как в Англии, но именно этим оно уменьшает антагонизм между землевладением и массой потребителей. Где землевладение может заставить себе служить государственную власть, там оно пытается искусственным возвышением цен на жизненные припасы снова поднять цены до высоты старых издержек производства, что однако при современном мировом обращении и международной конкуренции ему нигде не удается, да и не может удасться в достаточной мере и ведет только к еще большему обострению антагонизма между землевладением и массой потребителей, именно пролетариатом, антагонизма, уже и без того достигшего высокой степени напряжения. Но вместе с землевладением страдает и сельское хозяйство, прежде всего, конечно, там, где сельский хозяин является и номинальным землевладельцем; оно хватается за различные методы производства, чтобы приспособить его к новым отношениям; здесь оно возвращается к экстенсивному пастбищному хозяйству, там оно переходит к интенсивнейшему огородному хозяйству, но в конце концов признает самым рациональным—соединение промышленности и сельского хозяйства.

Так современный способ производства, по крайней мере в двух своих формах,—промыслового наемного труда мелкого крестьянина и сельско-хозяйственного промышленного предприятия более крупного сельского хозяина—в конце своего диалектического процесса снова возвращается к своему исходному пункту: к уничтожению отделения промышленности от сельского хозяйства. Но если в примитивном крестьянском хозяйстве земледелие было экономически решающим и направляющим моментом, то теперь отношение изменилось. Капиталистическое крупное производство правит, а земледелие должно слушаться его приказов, должно приспособляться к его потребностям. Направление промышленного развития становится определяющим для сельско-хозяйственного развития. Если первое идет по пути к социализму, то к нему должно итти и последнее. Но в местностях, которые остаются чисто земледельческими, которые, благодаря замкнутости их территориального населения, остаются закрытыми для поступательного хода промышленности, там население уменьшается в числе, силе, интеллигентности, благосостоянии, а вместе с тем истощается почва, гибнет сельское хозяйство. Чистое земледелие в капиталистическом обществе перестает быть элементом благосостояния, а вместе с этим крестьянство теряет надежду вернуть свое благосостояние. Подобно земледельческому населению феодальной эпохи, и эти элементы попадают в тупик, из которого им не выбраться собственными силами, в котором они все более теснятся, полные страха и отчаяния. Как в конце XVIII столетия, так и на этот раз только революционное население городов при-

несет им освождение от тяготеющего над ними ярма и откроет им путь к дальнейшему развитию.

Сильно мешая в деревне созданию условий для развития такого революционного класса, капиталистический способ производства способствует этому в городах. Он концентрирует в них рабочие массы, создает там благоприятные условия для их об'единения, их умственного развития, их классовой борьбы. Он разрежает сельское население, рассеивает сельских рабочих по обширному пространству, изолирует их, отнимает у них средства к умственному развитию и к сопротивлению эксплоататорам. В городах он концентрирует капиталы все в меньшем числе рук и этим прямо стремится к экспроприации экспроприаторов. В сельском хозяйстве он только отчасти ведет к концентрации производства, с другой стороны, он ведет напротив к его раздроблению. В своем дальнейшем развитии капиталистический способ производства во всех странах рано или поздно превращает промышленность в экспортную промышленность, не довольствующуюся внутренним рынком, а производящую на мировой рынок. В той же мере он низводит земледелие на степень производства, которое не в состоянии обеспечить себе даже внутренний рынок, значение которого рядом с мировым производством все более падает.

Итак, чем более капиталистические формы собственности и присвоения и капиталистические интересы приходят в противоречие с потребностями сельского хозяйства, чем большей тяжестью они ложатся на последнее или даже подавляют его, чем более неотвратимы для сельского хозяйства разрушение капиталистических форм, освобождение от уз капиталистических интересов, тем менее оказывается оно в состоянии развить из себя самого необходимые силы и зародыши организации, тем более оно нуждается в толчке со стороны революционных сил промышленности.

И этот толчек явится. Промышленный пролетариат не может освободить себя, не освободив вместе с собой и сельско-хозяйственного населения.

Общество людей есть организм, не животный и не растительный, о своеобразный организм, но все-таки организм, а не простой аггрегат индивидуумов, и, в качестве организма, оно должно быть организовано по единому плану. Нелепо думать, будто в обществе одна часть может развиваться в одном направлении, а другая, столь же важная, в противоположном. Оно может развиваться только в о д н о м направлении. Но не необходимо, чтобы каждая часть организма произвела из себя самой необходимую для ее развития двигательную силу; достаточно, если одна часть организма производит требуемые силы для целого. Если развитие крупной промышленности идет в направлении к социализму, и если эта промышленность является господствующей силой в современном обществе, то она завоюет для социализма и приспособит к своим потребностям и те области, которые неспособны произвести из себя самих предварительные условия этого переворота. Она должна это сделать в своих собственных интересах, в интересах единства, гармонии общества.

Нельзя было сделать худшего прогноза современного общества, чем те буржуазные экономисты, которые с триумфом заявляют: „пусть дорога промышленности ведет к социализму, дорога сельского хозяйства ведет к „индивидуализму“. Если бы это было верно, и если бы сельское хозяйство оказалось достаточно сильным, чтобы отразить от себя социализм, не будучи в то же время в силах навязать промышленности „индивидуализм“, то это означало бы не спасение, а гибель общества, непрерывную гражданскую войну (Bürgerkrieg in Permanenz); к счастию для человеческого общества, и этот последний спасительный якорь капиталистической эксплоатации не надежен.

б) Элементы социалистического сельского хозяйства.

Мы исходили из того положения, что развитие современной промышленности неизбежно ведет к социализму. Для доказательства этого положения потребовалась бы целая книга; эта задача выполнена уже в основных сочинениях научного социализма и прежде всего в „Капитале".

Здесь мы попытаемся только по возможности конкретнее очертить, как завоевание политической власти пролетариатом и его необходимый результат —обобществление промышленности—должно повлиять на сельское хозяйство.

Мы преднамеренно говорим „обобществление", а не „огосударствление". Мы хотим оставить совершенно в стороне вопрос о том, может ли социалистическое общество сохранить формы государства; в начальной своей стадии оно несомненно удержит эти формы; именно государство должно стать могущественным рычагом социального переворота. Но этот переворот сам по себе требует только о б о б щ е с т в л е н и я всего производства и всех средств производства, а никак не их о г о с у д а р с т в л е н и я; они не должны больше быть предметом частной собственности, они должны стать общественной собственностью; их общественная роль определит ту общественную организацию, во владение которой они должны перейти. Средства производства, удовлетворяющие местным потребностям, как-то: пекарни, осветительные предприятия, городские дороги более подходят к коммунальному, чем к государственному владению, в то время как многочисленные средства производства (к ним относятся, конечно, средства сообщения) приобретают международное значение и потому могут стать международной собственностью, как Суэцский или Панамский канал. Важнейшие средства производства перейдут, конечно, в собственность государства, так как современное государство одно только может служить рамками для социалистического общества, одно может создать условия, необходимые для превращения коммунальных или товарищеских предприятий в звенья социалистического производства.

Если даже обобщение производства на первых порах коснется только крупной капиталистической промышленности, то очевидно все-таки, что оно превратит в общественных рабочих и тех земледельцев, которые не в состоянии прокормиться одним своим земледелием, которые должны прибегать к подсобным промыслам, не задевая при этом ни малейшим образом их земельной собственности. Так, напр., обобществление горноделия или кирпичных заводов превратит из наемных рабочих капитализма в общественных рабочих те сотни тысяч карликовых хозяев, которые должны прибегать к работе в горноделии или на кирпичных заводах, чтобы покрыть дефицит в своем земледельческом хозяйстве.

С другой стороны, крестьяне, возделывающие свекловицу, без всякой экспроприации, благодаря простому обобществлению сахарных фабрик, из детализированных рабочих капиталистического предприятия превращаются в детализированных рабочих общественного предприятия. Тоже относится и к взаимоотношению между молочными хозяйствами и маслобойными и сыроваренным заводами, все более принимающими ныне капиталистический характер, и т. п. Но обобществление крупных промышленных предприятий, благодаря соединению их в одних руках, должно превратить в детализированных общественных рабочих и тех сельских хозяев, которые при современном режиме свободной конкуренции самостоятельно выступают на рынке.

Раз все пивоваренные заводы перейдут в одне руки, то хмелеводы и производители солода сразу станут в те же отношения к пивоваренным заводам, как возделыватели свекловицы к сахарным заводам. Так же сложатся отношения между крестьянами-поставщиками хлеба и общественными мельницами, между виноградарями и общественными винными погребами и т. д.

Уже теперь зависимость производителей-земледельцев от крупных предприятий этого рода весьма велика, поэтому передача их из рук капиталистов в собственность общества так же равносильна освобождению сельского хозяина, особенно мелкого, как обобществление горноделия и т. п. для карликового хозяина, поставлявшего ему свой наемный труд.

Рука об руку с растущей индустриализацией сельского хозяйства идет отделение земельной ренты от прибыли на капитал, земельной собственности от сельского хозяйства—с одной стороны, в форме арендной системы, с другой—в форме ипотеки. Пролетарский режим безусловно поведет к обобществлению земельной собственности в обеих этих формах, обобществлению сданной в аренду земли и ипотек. Чем сильнее (в странах с развитой арендной системой) крупное землевладение и чем более концентрированы в немногих руках ипотечные долги, тем скорее сельские хозяева признают и радостно приветствуют этот процесс, как и процесс обобществления сельско-хозяйственных промышленных предприятий как освободительный.

Наконец, пролетарский режим должен повести и к обобществлению крупных промышленных сельско-хозяйственных предприятий, покоящихся на системе эксплоатации наемного труда. Правда, крупное производство в земледелии не имеет такой же тенденции к господству, как в промышленности. Но безусловно ложно ждать вытеснения крупного производства крестьянским хозяйством. В капиталистическом сельском хозяйстве крупное и мелкое производство обусловливают друг друга.

Самостоятельное крестьянское хозяйство нельзя уже спасти; оно может утвердиться, только опираясь на крупное хозяйство. Где имеются вблизи крупные промышленные предприятия, дающие крестьянину занятие, как наемному рабочему или как мнимо самостоятельному, работающему на капиталистов хозяину, там он делается их рабом. Где таковых нет, там он нуждается в крупном земледельческом хозяйстве, чтобы не опуститься на крайнюю степень нищеты. Конечно, крупное земледельческое хозяйство более страдает от бегства из деревни, чем мелкое хозяйство, но и крестьянская семья начинает от этого распадаться, и в ее распоряжении нет средств хоть несколько помочь недостатку в рабочих руках увеличенным применением машин. И если аграрный кризис скорее экспроприирует не имеющих в своем распоряжении достаточного капитала крупных землевладельцев, чем крестьянин, то все быстрее растущее накопление капиталов создает достаточно капиталистов, умеющих извлекать доход из соединения сельско-хозяйственной эксплоатации с промышленной, что для них, само собой разумеется, возможно только в рамках крупного, а не крестьянского хозяйства.

Как бы мало, поэтому, мы ни были в праве рассчитывать на быстрое поглощение в сельском хозяйстве мелких хозяйств крупными, еще менее оснований нам ожидать противоположного процесса. В действительности статистика показывает нам только ничтожные колебания в отношениях между отдельными по величине категориями, изменения, часто об'ясняемые переменами в способе производства,—большей интенсивностью производства, а не экономическим регрессом. Если в Германии доля хозяйств свыше 50 гектаров во всей сельско-хозяйственно эксплоатируемой площади понизилась за время от 1882 по 1895 год с 33,00% до 32,56%, т. е. менее чем на пол-процента, то во Франции с 1882 по 1898 год доля хозяйств, свыше 40 гектаров, во всей культурной площади поднялась с 44,96% до 45,56%, т. е. более чем на пол-процента.

Это—совершенно ничтожные различия. Но здесь, как и там, крупные хозяйства захватили весьма значительную часть земель, почти $^1/_3$ здесь, почти $^1/_2$ там. Но в этих хозяйствах во Франции в 1882 году были заинтересованы только 142.000 (из 5.672.000 сельских хозяев, т. е. 2,51%), в 1892 году

даже только 139.000 (из 5.703.000, т. е. 2,42%), в Германии в 1882 году 66.614 (из 5.276.344 сельских хозяев, т. е. 1,20%), в 1893 году 67.185 (из 5.558.317, т. е. 1,21%). Что эти хозяйства перейдут в общественную собственность, когда дальнейшее существование наемной системы сделается невозможным, конечно, не подлежит никакому сомнению. Но благодаря только одному этому общество получит в свое распоряжение от $^1/_3$ до $^1/_2$ сельско-хозяйственной земли.

Громадная земельная площадь, занятая крупным сельским хозяйством, все более развивающийся капиталистический характер его, рост арендной системы и ипотек, индустриализация сельского хозяйства,—вот элементы, подготовляющие почву для обобщения сельско-хозяйственного производства, которое с такой же неизбежностью вытекает из грядущего господства пролетариата, как и обобществление индустриального производства, с которым оно все более сливается в одно гарманическое целое.

Одновременно с этими общественными элементами социалистического сельского хозяйства развиваются и его технические элементы. Мы видели, как современная наука и современная техника вторгаются в область сельского хозяйства и совершают в нем переворот, и как современное крупное сельско-хозяйственное производство достигает своей высшей точки в капиталистических латифундиях, которые мы подробно изобразили в 7 главе. Но как совершенная техника английского земледелия в прошлом столетии могла процветать только в немногих имениях, свободных от разрушительного гнета феодальной собственности, так и современная техника может развиваться только в отдельных имениях. Нужна снова социальная революция, чтобы сделать возможным ее всеобщее распространение и удалить с пути те препятствия для развития, которые делают сельское хозяйство слабым после короткого под'ема.

Победа пролетариата равносильна уничтожению милитаризма и централизации больших городов. Обобществление крупных имений освободит последние от пут наследственного права и абсентеизма. Замена же наемного рабства трудом свободных членов общины доставит и сельско-хозяйственному крупному производству тот элемент расцвета, который для него всего важнее и отсутствие которого в настоящее время больше всего мешает его развитию: интеллигентных, добровольных и старательных рабочих сил в достаточном числе. Бегство из деревни прекратится, как только рабочий найдет в деревне достаточно работы, которая доставит ему то же благосостояние, те же культурныя условия, как городская работа. Оно прекратится тем скорее, чем сильнее будет связь промышленности с земледелием, чем скорее место товарного производства и торговли, предполагающих экономическую централизацию в больших городах, займет производство обществом и для общества, которое позволит равномерно роспределить по всей стране производство и положит конец убийственному скучению населения в больших городах. Мы уже встречали первую жалкую форму возрождающегося об'единения сельского хозяйства с промышленностью в виде промыслового наемного труда мелких крестьян и кустарей; в более совершенной форме оно выступало перед нами в виде промышленных подсобных занятий земледельца, обрабатывающего свое сырье; в современных латифундиях это об'единение достигает высшей стадии своего развития; но только в социалистическом обществе оно станет общим законом всего общественного производства.

Самостоятельное мелкое производство в земледелии теряет свое последнее убежище. Мы познакомились с тремя формами, с помощью которых оно поддерживает свое существование: с подсобным промысловым занятием, с наемным трудом в крупном сельско-хозяйственном имении, а там, где нет ни того, ни другого, где мелкий крестьянин остается сельским хозяином чистой воды, где он выступает по отношению к крупному хозяину не как наемный рабочий, а как конкурент,—с чрезмерным трудом и недостаточным потреблением.

с варварством, по выражению Маркса. Благодаря переходу капиталистических предприятий в общественную собственность, мелкие сельско-хозяйственные предприятия как первого, так и второго рода попадают в зависимость от общественного производства, будут им поглощены или превратятся в простой придаток его. Но тогда чисто земледельческие самостоятельные мелкие хозяйства потеряют всякую притягательную силу для их владельцев. Уже теперь жизнь городских пролетариев настолько выше варварской жизни мелких крестьян, что молодое поколение крестьян бежит из деревень не хуже сельских наемных рабочих. Но когда их окружат со всех сторон социалистические латифундии, обрабатываемые уже не жалкими наемными рабами, а зажиточными членами товариществ, свободным, жизнерадостным поколением,—тогда вместо бегства с парцеллы в город начнется еще более стремительное бегство с парцелл в товарищеские крупные хозяйства, и варварство будет изгнано из своего последнего убежища, в котором оно чувствует себя ныне неприступным от окружающего его цивилизованного мира.

Социалистическое крупное производство принесет мелкому крестьянину не экспроприацию, а освобождение от ада, к которому он ныне прикован своею частною собственностью.

Общественное развитие в земледелии идет в том же направлении, как и в промышленности. Общественные потребности и общественные условия толкают его и тут, и там к крупному общественному производству, в высшей форме которого земледелие и промышленность сливаются в прочном единстве.

II.

Социал-демократичеекая аграрная политика.

I.

НУЖНА ЛИ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ АГРАРНАЯ ПРОГРАММА?

а) В деревню!

Если на основании всего изложенного в первом отделе можно что-нибудь с очевидностью установить, так это прежде всего тот факт, что промышленность становится определяющим фактором для всего общества, что сельское хозяйство, говоря относительно, все больше утрачивает свое значение, все более уступает свои области промышленности, а в тех областях, которые еще остаются за ним, оно становится все более от нее зависимым. И социал-демократия может черпать уверенность в своей победе не только в возрастающей мощи пролетариата, но и в возрастающем значении промышленности для общества.

Но заключать отсюда, что социал-демократии или, если угодно, борющемуся за свое освобождение пролетариату нечего заботиться о судьбах сельского хозяйства, значило бы выплеснуть из ванны вместе с водой и ребенка. Пролетариат—наследник современного общества, он всячески заинтересован в том, чтобы ему досталось как можно более богатое наследство; но каково бы ни было отношение между промышленностью и сельским хозяйством, земля всегда останется основой всего человеческого существования; ее плодородие всегда будет решающим фактором при определении затраты труда, необходимого для прокормления общества; ее свойства всегда будут решающим фактором в определении физических и духовных свойств населения.

Но не только забота о будущем обществе делает для пролетариата необходимым внимательное отношение к положению сельского хозяйства. Еще более настоятельно это вызывается потребностями настоящего. Для пролетариата далеко не безразлично повышаются или падают цены на средства продовольствия, потому что рабочая плата следует за их колебаниями не с такой точностью, как это принималось учением о железном законе заработной платы. Но и для темпа классовой борьбы пролетариата далеко не безразлично, низок ли жизненный уровень сельского населения, представляет ли оно собой невежественную тупую массу, или нет.

И даже если бы социал-демократия желала ограничить свое внимание только областью промышленности, она была бы вынуждена интересоваться сельским хозяйством вследствие того возврастающего значения, какое получили аграрные вопросы для общей государственной жизни во всех современных странах. Замечательно, что политическое значение сельского хозяйства усиливается по мере того, как оно утрачивает свое экономическое значение по сравнению с промышленностью; это явление наблюдается не только в областях, где господствуют юнкеры, но и в чисто крестьянских странах, не только к востоку от Эльбы, но и в Баварии, не только в областях абсолютизма, но и там, где господствует демократия, не только в России, Австрии и Германии, но во Франции и Швейцарии. Это кажущееся противоречие между экономическим и политическим значением становится понятным, если мы вспомним,

что частная собственность на земло повсюду приходит в непримиримое противоречие с существующим способом производства гораздо раньше, чем частная собственность на другие средства производства и гораздо раньше приводит к невозможному, невыносимому положению. Но этим затронуты именно те самые общественные классы, которые до сих пор представляли наиболее прочную опору существующего государственного и общественного порядка, они отчасти сами принадлежат к господствующим классам, отчасти охраняются этими последними в их собственных интересах. Неудивительно, что аграрные вопросы всего более занимают в культурных государствах именно политические руководящие круги. Для них при этом идет дело не о спасении сельского хозяйства, но о спасении „класов, поддерживающих государство", условия существования которых стали несовместимы с условиями современного производства. Это спасение является, конечно, соединением несоединимого, и вследствие того, что в сельском хозяйстве менее, чем в промышленности, развиты и интеллектуальные и экономические условия для более высокого способа производства, дело этого спасения не получает более рационального характера.

В виду всего этого неудивительно, что по мере усиления аграрного движения появляются шарлатанские проекты, все более сумасбродные, которые, однако, все чаще встречают серьезный прием со стороны господствующих классов. Желая практически прийти на помощь земледельческому населению, не легко противостоять такой аграрной вакханалии; для этого нужна большая ясность мысли и сила убеждения. Уже одно это делает необходимым для социал-демократии занять решительную позицию в аграрном вопросе. Оставаться к нему равнодушным, это значило бы предоставить массы пролетарских слоев деревни аграрным фокусникам и скоморохам.

Этим об'ясняется то обстоятельство, что за последние годы социал-демократические партии всех культурных стран относились к аграрному вопросу с глубоким вниманием. Но и в этом случае дала почувствовать свое влияние своеобразная неразвитость сельско-хозяйственных отношений. Социал-демократию побудили заняться аграрным вопросом не принципиальные размышления, а прежде всего практические соображения, соображения избирательной агитации; они сделали для нее желательным „предложить что-нибудь" сельскому населению, выставить практические требования, которыми можно было бы заинтересовать его в социал-демократическом движении. Повсюду стремились составить социал-демократическую аграрную программу, прежде чем окончательно установили принципы социал-демократической аграрной политики. Но пока не достигнуто соглашение в этих принципах, все попытки построения аграрной программы должны были делаться наугад, как бы ощупью, и даже самый острый ум не приведет в этом случае к прочным положительным результатам.

Необходимость для социал-демократии решительно определить свою аграрную политику ощущается всеми в ее рядах. Напротив, в ней далеко нет единодушия по вопросу о необходимости аграрной программы.

Особая аграрная программа обыкновенно понимается, как программа мероприятий в интересах крестьянства. Защита интересов сельских наемных рабочих не требует никакой особой программы. Существующая социал-демократическая программа уже повсюду включает такую защиту. Но если хотят признать делом социал-демократии защиту особых интересов крестьянина, то, конечно, становится необходимой особая аграрная программа.

Как известно, внутри социал-демократии обнаружились глубокие различия в мнениях по этому вопросу.

Защита крестьянства об'является необходимой, как дополнение защиты рабочих. Деревенский пролетарий—это крестьянин; но социал-демократия есть партия классовой борьбы пролетариев против капитала, и ее

сила коренится не в ее конечных целях, но в ее ближайших требованиях. Подобно тому, как она защищает городского пролетария от его капиталистического эксплоататора, предпринимателя, она должна защищать и сельского пролетария от его капиталистического эксплоататора, ростовщика; со всей своей энергией, всеми целесообразными средствами она должна противодействовать обеднению как городских наемных рабочих, так и крестьян.

Этой аргументацией мы прежде всего займемся.

б) Крестьянин и пролетарий.

Нельзя отрицать, что образ жизни крестьянина в большинстве случаев стал пролетарским, иногда можно даже сказать, что он хуже пролетарского. Но этим еще отнюдь не сказано, что его классовые интересы стали также пролетарскими.

Характеристическим признаком современного пролетариата вовсе не является его бедность. Бедняки существовали, если не всегда, то во всяком случае уже в течение нескольких тысячелетий; социал-демократическое пролетарское движение, напротив, есть особенный продукт последнего столетия, продукт пролетариата, какого мир раньше не видел, по крайней мере в качестве массового явления.

Одним из отличительных признаков современного пролетариата служит та важная роль, которую он играет в современном процессе производства. На нем основывается господствующий ныне капиталистический способ производства. Этим он, как небо от земли, отличается от босяцкого пролетариата старого и нового времени.

При том же пролетарий далеко не так неимущ, как босяк. Последний нуждается во всем, но горше всего он ощущает недостаток средств для жизни и наслаждений. Отсутствие у него средств производства мало его печалит. Он исключен из сферы производства и часто он не чувствует никакого желания быть допущенным туда. Но если он не хочет работать, то все же хочет жить; между тем, это возможно для него лишь в том случае, если имущие делятся с ним своими предметами потребления. Поэтому, поскольку босяк возвышается до общественных стремлений, его идеалом является коммунизм предметов потребления, а не средств производства; коммунизм разделения, а не соединения: цель, которая в действительности ведет к грабежу там, где социальные условия допускают насильственные действия, и к нищенству там, где эти насильственные действия невозможны.

Напротив, отсутствие собственности, характеризующее современного наемного рабочего, означает только отсутствие у него средств производства. С этим может, но не должно быть связано отсутствие у него средств потребления. Современный наемный рабочий остается пролетарием, пока он не обладает собственными средствами производства, хотя бы его положение, как потребителя, было вполне удовлетворительное, хотя бы он, как потребитель, владел некоторыми ценными предметами: мебелью, даже собственным домишком. Ведь улучшение его положения, как потребителя, отнюдь не делает его неспособным к пролетарской классовой борьбе; часто оно дает ему возможность вести ее с еще большим упорством. Эта борьба не продукт его нищеты, но продукт противоположности между ним и владельцем средств производства. Не устранение нищеты, если бы даже оно было возможно, но только устранение этой противоположности восстановит социальный мир. А это возможно только в том случае, если рабочие снова будут обладать своими средствами производства.

Тут мы наталкиваемся на дальнейшую характерную особенность современного пролетария. Он работает с помощью не индивидуальных, но обще-

ственных средств производства, столь громадных, что рабочие могут пользоваться ими только как целое общество, а не каждый в отдельности. Возможны два рода владения такими средствами производства: владение отдельных лиц, которые в таком случае необходимо эксплоатируют рабочих, нанимая их при своих средствах производства, это капиталистическое владение, или общественное владение. Но при господстве частной собственности на средства производства общественное владение ими никогда не может сделаться всеобщей формой владения; все попытки в этом отношении, поскольку они удаются, рано или поздно всегда принимают капиталистическое направление. Только в форме общественной, т.-е. социалистической, собственности на средства производства общественное владение ими может стать общераспространенным. Есть еще и другие факторы, которые ведут к обобществлению средств производства. Но здесь мы имеем в виду только те из них, которые вытекают из классовых интересов пролетариата и влияют таким образом, что классовая борьба пролетариата с естественной необходимостью принимает социалистическое направление.

Наконец, упомянем еще четвертую особенность современного пролетария, на которою мы уже указывали в этом сочинении: его оторванность от домашнего хозяйства своего предпринимателя. В прежние времена наемные рабочие, по общему правилу, представляли придаток к домашнему хозяйству работодателя; они принадлежали к его семейству не только как работники, но и как люди; они были зависимы от него, помимо работы, во всех своих действиях; современный пролетарий вне работы принадлежит себе самому. Чем более развивался капиталистический способ производства, устраняя остатки феодализма, тем более пролетарий становился свободным человеком, который вне работы встречается с своим капиталистом как равный.

Таковы факторы, сделавшие современный пролетариат могущественной творческой силой в социалистическом движении.

Далеко не все эти характерные особенности можно найти у крестьянина. Указывают на владельца ипотек, который фактически является собственником его имущества. Но, как мы показали, кредитор фактически стоит к нему не в отношении капиталиста к наемному рабочему, а в отношении землевладельца к предпринимателю. Благодаря ипотекам, крестьянин так же мало становится пролетарием, как фабрикант, ведущий свое предприятие не в собственном, а в арендуемом помещении. Крестьянин все еще остается владельцем средств производства, владельцем своих орудий и инструментов, своего скота, короче—своего инвентаря. Конечно это тоже может быть заложено, но он, тем не менее, выполняет функции предпринимателя и, как таковой, остается поэтому в антагонизме с пролетариатом, так же, как фабрикант, который ведет производство на занятый капитал и не обладает собственными средствами производства, но функционирует как промышленный капиталист и в качестве такового неприязненно относится к пролетариату.

Этот антагонизм резче всего выражается у тех крестьян, которые не обходятся без эксплоатации наемных рабочих, именно—у крупных крестьян.

Конечно, пока рабочее движение ограничивается городами и направляется только против городских капиталистов, крупные сельские хозяева смотрят на него иногда даже вполне сочувственно. Сначала английские, а впоследствии и прусские крупные землевладельцы относились благожелательно к начаткам социалистического движения и проповедовали союз заработной платы и земельной ренты против прибыли на капитал. Но это изменяется, как только социалистическое движение угрожает охватить и земледельческих рабочих, как только повышение заработной платы в промышленности начинает привлекать их в города, а остающихся в деревне делает более требовательными.

В настоящее время прусские юнкера являются более ожесточенными противниками социал-демократии, чем даже „манчестерцы“; они следуют теперь за знаменем—не Вагенера, а Штумма. И богатые крестьяне не отстают от них.

Если бы в Германии еще нашлись такие местности, где богатые крестьяне не относятся враждебно к рабочему движению, а верять в некоторую общность интересов обоих классов, это не было бы доказательством того, что эти слои можно склонить на сторону социал-демократии, если только суметь взяться за них надлежащим образом; это доказывало бы лишь то, что в таких местностях рабочее движение еще слишком слабо, чтобы благоприятно повлиять на положение сельских рабочих; это было бы только доказательством отсталости, а не признаком начинающегося прогресса.

Менее резкой, чем между богатыми крестьянами и пролетариями, является противоположность между последними и средними крестьянами, которые или вовсе не нанимают рабочих, или по крайней мере нанимают их очень мало и ведут хозяйство, главным образом, силами собственной семьи, хотя и живут производством средств продовольствия для рынка. В этом случае, конечно отпадает противоположность между эксплоататором и эксплоатируемым; однако, и здесь остается противоположность, существующая между всеми производителями средств продовольствия для рынка и наемными рабочими: противоположность между покупателями и продавцами.

Во всяком случае надо признать выдумкой мнение о гармонии интересов обоих этих классов, состоящей, будто бы, в том, что рабочий—лучший покупатель сельско-хозяйственных продуктов. Чем выше его заработная плата, тем большую часть ее он может тратить на пищу. Таким образом, крестьяне будто бы сильно заинтересованы в высокой заработной плате, их интересы будто бы тожественны с интересами пролетариата.

Подобные аргументы не новы; ими не раз пользовались, чтобы открыть гармонию интересов. Люди, дружелюбно расположенные к рабочим, убеждали фабрикантов повышать заработную плату; это, говорили они, самое верное средство расширить внутренний рынок и избежать застоя в сбыте. Фабриканты, напротив, раз'ясняли рабочим, как это глупо с их стороны вынуждать фабрикантов повышать заработную плату, потому что вследствие этого либо повышаются цены на средства продовольствия и рабочие, таким образом, теряют на одном то, что они выиграли на другом, либо сокращается прибыль. Но чем выше прибыль, тем успешнее накопляется капитал, тем быстрее возрастает спрос на труд, а это самое могущественное средство к повышению платы. Рабочие, следовательно, имеют серьезное основание избегать всего того, что может повести к уменьшению прибыли, напр. стачек и т. п. Они будто бы заинтересованы в высокой прибыли совершенно так же, как фабриканты; интересы тех и других будто бы тожественны.

Эта аргументация правильна лишь в том отношении, что капиталистическое общество, как и всякое другое, представляет собой единый организм, в котором каждое повреждение одной части не остается без некоторого вредного влияния на другие части. Однако этот факт не устраняет классовых противоположностей и не избавляет ни один класс от необходимости отстаивать свои интересы в борьбе с враждебными классами, даже путем нарушения их интересов. Противоречие между общностью интересов различных классов, которая, в конце концов, до известной степени неоспорима, и несравненно более решительной противоположностью их классовых интересов доказывает только, какой несовершенный организм представляет собой капиталистическое общество, как много сил и средств оно должно напрасно расходовать, чтобы выполнять свои задачи.

То, чем движется капиталистическое общество и чем определяется взаимное положение различных классов,—это вовсе не гармония их интересов, не имеющая непосредственного значения или имеющая это значение лишь в незначительной степени, а прежде всего непосредственные классовые противоположности.

То же самое и в отношениях между продавцами и покупателями средств продовольствия. Их противоположность слишком непосредственна, чтобы ее могла сглаживать слишком отдаленная заинтересованность продавца в покупательной силе покупателя.

Земледелец желает продавать свои продукты как можно дороже, рабочие желают их покупать как можно дешевле. Какая же польза будет для земледельца от повышения платы рабочего, если это ведет только к большему потреблению маргарина, американского сала, австрийского мяса и всякого рода консервов! Он стремится устранить конкуренцию на рынке, желательную для рабочего, и искусственно взвинтить цены на свои продукты.

Эту противоположность интересов не может примирить проповедь их гармонии, хотя и остроумно придуманной, но вовсе не ощущаемой.

Может ли земледелец быть принят в ряды борющегося пролетариата,— это решается не тем, голодает ли он, обременен ли он долгами, но тем, выступает ли он на рынке как продавец своей рабочей силы или как продавец средств продовольствия. Голодание и задолженность сами-по-себе еще не создают общности интересов со всем пролетариатом, они могут даже обострить противоположность ему, поскольку голод может быть утолен, а долги оплачены, только в том случае, если повысятся цены на средства продовольствия, и рабочий потеряет возможность пользоваться ими по дешевым ценам.

На ряду с этими противоположными интересами у крестьянства и пролетариата есть, конечно, и общие интересы; мы еще познакомимся с ними; иногда общность интересов может перевешивать их противоположность и приводить к политическому сотрудничеству крестьян и пролетариев. Но если даже они часто могут вместе быть, то, по общему правилу, они все же должны врозь итти; будучи союзниками сегодня, они завтра могут быть врагами.

Но не будет ли противоположность между продавцами средств продовольствия и продавцами рабочей силы гибельна для последних? Не следует ли опасаться, что благодаря этому повторится история 1848 г., и в один прекрасный день крестьяне и крестьянские сыновья обратятся против пролетариата и растопчут его своими сапогами, подбитыми гвоздями.

Присмотримся поближе к этому подбитому гвоздями страшному призраку. Быть-может, как это бывало уже со многими призраками, в нем не окажется ничего страшного, если мы подойдем к нему вплотную.

Вызывается воспоминание о 1848 годе, но с тех пор прошло 50 лет капиталистического господства; могло ли это остаться без влияния?

Тогда земледельческое население Германии составляло около трех четвертей всего населения, в настоящее время оно составляет лишь около одной трети, точнее—35,7 процентов, 18.500.000 из 51.800.000 человек населения. Еще в 1882 г. его было на 700.000 человек больше: оно составляло более двух пятых, 42,51 процентов населения: 19.225.000 из 45.222.000.

В королевстве Саксонии оно составляет неполных 14% (в 1882 г. еще 19%), в округе Цвиву только 10% (в 1882 г. еще 14%) населения. В северной Германии оно многочисленнее всего в Познани (58% против 64% в 1882 г.), в южной Германии—в Нижней Баварии, этой немецкой Вандее, единственном из крупных округов Германской империи, в котором оно с 1882 г. не уменьшилось в процентном отношении или по крайней мере уменьшилось

едва заметно. В 1882 г. оно составляло 61,5%, в 1895 г. 61% всего населения этой области.

Наиболее многочисленно земледельческое население во Франции, но и там в период с 1876 по 1891 г. оно уменьшилось с 51,4 до 45,5% всего населения.

Годы.	Общее число населения.	Проценты земледельческого населения.
1876	36.906.000	51,4
1881	37.672.000	48,4
1886	38.219.000	46,6

Мы быстро приближаемся к положению Англии, где в 1890 г. число лиц, занятых в сельском хозяйстве, составляло только 10% всех, занимающихся промышленной деятельностью!

В Соединенных Штатах также произошло, если не абсолютное, то относительное уменьшение числа лиц, занятых в сельском хозяйстве, которые, к сожалению, сосчитаны там вместе с занятыми в рыболовстве и в горной промышленности. Если бы они обозначались особо, то их уменьшение было бы, конечно, заметно еще сильнее. Число таких лиц в 1880 г. составляло 50,25% (7.405.000) всех занятых промышленной деятельностью, в 1890—44,28% (8.334.000). В северо-восточных штатах в 1890 г. оно составляло всего лишь 22,6% всех занятых промышленным трудом, в южных штатах более 60%.

Но не все занятые в сельском хозяйстве являются продавцами средств продовольствия. На ряду с ними мы встречаем значительное число продавцов рабочей силы. В 1895 г. в сельском хозяйстве Германской империи насчитывалось:

	Занятые в производстве.	Члены семьи и прислуга.	Всего.
Самостоятельные	2.576.725	6.900.096	9.476.821
Наемные рабочие (батраки, работницы, поденщики, служащие и проч.) .	5.715.967	3.308.519	9.024.486
Всего . .	8.292.692	10.208.615	18.501.307

Следовательно, в сельском хозяйстве население, живущее наемным трудом, так же многочисленно, как и самостоятельные земледельцы с их семьями.

Но эти самостоятельные земледельцы не все живут исключительно продажей своих сельско-хозяйственных продуктов. Из 2.530.539 самостоятельных производителей, занятых собственно в земледелии (исключая садоводство, лесное хозяйство и проч.), 504.165 имели побочные занятия.

Отношение не будет более благоприятным для самостоятельных сельских хозяев, если мы вместо статистики занятий возьмем статистику хозяйств. Мы находим там, что из 5.558.317 владельцев сельско-хозяйственных предприятий только 2.499.130 являются самостоятельными хозяевами; затем оказывается 717.037 несамостоятельных хозяев, остальные посвящают себя другим занятиям, в том числе не менее 1.495.240 человек заняты в промышленности. Следовательно, мы находим с одной стороны $2^1/_2$ миллиона самостоятельных сельских хозяев, которым противостоят почти 6 миллионов земледельческих наемных рабочих; с другой стороны—на ряду с $2^1/_2$ миллионами самостоятельных земледельцев мы находим 3 миллиона владельцев сельско-хозяйственных предприятий, главные интересы которых не земледельческие.

Крестьяне уже более не составляют большинства в деревенском населении; среди него образовался значительный слой земледельческих рабочих, которые являются противовесом крестьянам, и интересы которых во всех существенных пунктах тожественны с интересами промышленных рабочих.

В некоторых местностях самостоятельное крестьянство, конечно, значительно сильнее, чем показывают вышеприведенные средние цифры. Так, например, из 20 немецких административных округов с наиболее сильно представленным средне-крестьянским землевладением (от 5 до 20 гектаров) 13 приходится на одну только Баварию. В то время как во всей немецкой империи из каждых 100 гектаров сельско-хозяйственной площади на средне-крестьянское хозяйство приходится только 30 гектаров, в баварских округах среднее крестьянство занимает 60—70% всей площади. Несомненно, что в таких местностях подбитые гвоздями сапоги крестьян еще могут иной раз наступить на мозоль пролетариату. Но крестьяне далеки от мысли раздавить его или даже серьезно угрожать ему, как только он выступает во всей своей мощи, об'единенный под одним знаменем. Пролетариат имеет за себя не только все преимущества более высокой интеллигентности, которую дает городская жизнь, преимущества лучшей организации, упражнения своих сил и экономического преобладания промышленности над сельским хозяйством, но уже и в настоящее время—*численное* превосходство.

Пролетариат оказывается уже сильнейшим классом в Германской империи. В 1895 г. в ней считалось 20.674.239 лиц, занятых производительным трудом, и служащих, не считая состоящих на военной службе, чиновников и неимеющих определенных занятий; из них принадлежало к пролетариату:

Служащих	1.339.318
Наемных рабочих в сельском хозяйстве, промышленности и торговле	10.746.711
Домашней прислуги	432.491
Всего	12.518.520

Из остальных 8.155.719 лиц, занятых в производстве, еще многих можно причислить к пролетариату как из числа 2 миллионов работающих членов семейств, так и из 600.000 приказчиков; из 5.500.000 самостоятельных производителей иные также только формально самостоятельны, фактически же они наемные рабочие капитала, как, например, в домашней промышленности.

В виду этих цифр, к тому же быстро изменяющихся все более в пользу пролетариата, было бы анахронизмом смущаться воспоминанием о 1848 г. Стоит только социал-демократии сгруппировать вокруг себя всю массу пролетариата и всех по виду самостоятельных земледельцев и промышленников, фактически являющихся наемными рабочими капитала,—и нет такой силы, которая могла бы оказать ей противодействие. Склонить эту массу на свою сторону, организовать ее политически и экономически, поднять ее интеллектуально и морально, довести ее до того, чтобы она была в состоянии явиться наследницей капиталистического способа производства,—такова главная задача социал-демократии.

Это об'единение, конечно, не такое простое дело, особенно в деревне. Нельзя предположить, что в деревне развитие пролетариата, рост его политической и экономической силы, его интеллектуальный и моральный под'ем может когда-нибудь совершиться так быстро, как в промышленных центрах.

Факторы, влияющие там в этом направлении, хорошо известны уже из коммунистического манифеста, и нам нечего долго на них останавливаться. Еще при докапиталистическом товарном производстве в некоторых городах образовались большие массы наемных рабочих, не имеющих собственности.

С увеличением могущества городов, с повышением в них интеллигентности, росла сила и интеллигентность рабочих. Но ремесленные подмастерья были еще полусвободные люди; они принадлежали к семье мастера; условия работы и домашнего хозяйства изолировали их друг от друга. Только по праздничным дням они собирались вместе. Напротив, капиталистический способ производства не только соединяет рабочих большими массами в отдельных городах, значительно превосходящих по величине города феодального времени, но об'единяет их и внутри города в особых громадных мастерских; он сам организует и дисциплинирует наемных рабочих. Но они уже не связаны более с домашним хозяйством предпринимателя. Вне мастерской они экономически вполне самостоятельные, свободные люди, имеющие собственное домашнее хозяйство.

Иначе, чем в городах, влияет капиталистическое развитие в деревне. Здесь оно не соединяет людей, а разсеивает их. Оно ведет не только к относительному, но на известной высоте своего развития даже к абсолютному уменьшению сельского населения. При том оно уводит из деревни самые способные, энергичные и интеллигентные элементы. Остаются самые слабые, наиболее беспомощные. Рука-об-руку с обезлюдением идет интеллектуальное запустение деревни.

Улучшение школьного образования, весьма проблематичного в деревне, и прогресс в средствах сообщения, приносящий туда книги и газеты, довольно слабо противодействует этому. Конечно, в настоящее время сельское население читает больше, чем прежде, особенно зимой; но газеты, попадающие в руки земледельца, в большинстве случаев реакционного направления; они судят о современном обществе по шаблонам давно миновавших времен, а факты, не подходящие под эти шаблоны, они искажают с тем большей безцеремонностью, чем наивнее и невежественнее публика, к которой они обращаются. Книги же у них,—кроме библии, этого наследия прошлых тысячелетий,—лубочные романы худшего сорта, превосходящие всякое вероятие по грубому извращению действительности.

Подобная литература не только не способна раз'яснять действительность, дать понятие о существе современного общества, она может породить скорее полную путаницу в понятиях. Влияние изолированности часто не уменьшается благодаря этому, но еще усиливается.

Уже поэтому очень трудно организовать сельский пролетариат, об'яснить ему стремления городского пролетариата и вызвать к ним интерес. Но к этим, скорее внешним препятствиям присоединяются еще более могущественные, более глубокие.

Хотя сельские пролетарии во всех существенных пунктах имеют вполне одинаковые интересы с городскими пролетариями, однако далеко не ко всем им применима данная выше характеристика современного пролетария; именно, она не относится к прислуге и ко всем разрядам дворовых рабочих, получающих от землевладельца харчи и помещение.

Все эти категории сельских рабочих живут еще в феодальных условиях; они являются составной частью или придатком чужого домашнего хозяйства. Они и вне работы стоят под „присмотром“ господина; их развлечения, их чтение и, уже конечно, попытки их об'единиться подлежат его контролю. Они не имеют права об'единиться в союзы даже там, где это им не запрещено законом; они не могут читать газет, неприятных барину; где возможно, им предписывается, за кого они должны подавать голос на выборах. Такие зависимые рабочие не отличаются от крепостных и рабов прежнего времени даже возможностью стать когда-нибудь самостоятельными, если им удастся сделать достаточные сбережения, потому что и те имели возможность выкупиться на волю.

При слишком дурном обращении этот класс склонен к вспышкам отчаяния, к бунтам, но его положение не благоприятствует ведению организованной, упорной и длительной классовой борьбы.

В этом отношении лучше обстоит дело с сельскими рабочими, владеющими некоторой собственностью. Обладание собственным хозяйством не возвышает их над пролетариатом, потому что оно служит только придатком домашнего хозяйства, а мы уже видели, что особенностью современного пролетария является не недостаток у него средств личного потребления, а отсутствие средств для производства на рынок. Подобно тому, как, например, горнорабочий остается пролетарием, хотя владеет домишком, клочком картофельного поля и коровой, остается им и карликовый сельский хозяин, пока он пользуется своей землей только для нужд своего домашнего хозяйства.

Но хотя обладание собственным хозяйством не мешает ему б ы т ь пролетарием, оно все-таки делает для него очень трудным ч у в с т в о в а т ь себя таковым. Его прошлое, настоящее и будущее всячески побуждает его становиться на сторону самостоятельных хозяев. Уже традиция, в деревне несравненно более прочная, чем в городе, делает более близким владельцу избы и коровы унаследованное крестьянское классовое сознание, чем нарождающееся пролетарское. Но это сознание поддерживается и условиями настоящего.

В теории мелкий земледелец, как таковой, производит, конечно, для собственного потребления; он удовлетворяет свою потребность в деньгах путем продажи своей рабочей силы, а не своих сельско-хозяйственных продуктов. Но это правильно лишь в общем и целом, следовательно, только теоретически; жизнь не проводит таких резких граней, как это делаем мы для научных целей. Существует бесчисленное множество переходных ступеней, которыми теоретик может и должен пренебречь, если он хочет исследовать законы, лежащие в основании явлений, но которые он не может оставлять без внимания, если он желает применить эти законы к практической жизни. Мелкий земледелец, производство которого настолько достаточно, что может доставить средства продовольствия в количестве, необходимом для его домашнего хозяйства, и даже такой, производство которого не вполне достаточно для этого, обыкновенно тоже продает часть своих продуктов; он выкармливает свиней или гусей, продает яйца, молоко, овощи, если рынок,—город или фабрика,—находится поблизости, и постольку для него вовсе не безразличны цены на с'естные припасы, для него очень желательны высокие цены на продукты, которые он продает.

Там, где распространена плата натурой, сельские рабочие также в качестве получателей платы заинтересованы в высоких ценах на средства продовольствия. Если, например, они получают часть платы рожью, которую они продают, то они заинтересованы в высокой цене на нее, следовательно, и в пошлинах на рожь. Они появляются на рынке не только как продавцы своей рабочей силы, но и как продавцы с'естных припасов.

Но на ряду с традициями прошлого и интересами настоящего еще и интересы будущего, может-быть, самые сильные из всех, заставляют карликового крестьянина думать и чувствовать только по крестьянски. Человек живет, конечно, настоящим, но он работает для будущего, а какое могучее влияние это может оказывать на его чувства и действия, это лучше всего известно социал-демократии, партии будущего.

Там, где промышленный рабочий еще верит в будущность ремесла, где ремесленный подмастерье чувствует себя будущим мастером, он иной, нежели там, где он отказался от надежды когда-нибудь сделаться самостоятельным при современном способе производства. Также и карликовый крестьянин, потерявший надежду когда-нибудь добиться самостоятельности и благоденствовать в качестве сельского хозяина, не похож на того, который надеется вечно оста-

ваться карликовым крестьянином и мечтает на свои сбережения, отчасти из заработной платы, приобрести столько земли, что сделается вполне самостоятельным крестьянином. Хотя теперь он только владелец двора и ему приходится прикупать средства продовольствия, но он чувствует себя будущим крестьянином, который будет их продавать.

Буржуазные экономисты считают поэтому важной задачей поддерживать и оберегать эту надежду, потому что она оказывается крепчайшими путами, которые привязывают к землевладению самый сильный из трудящихся классов и отделяют его от пролетариата; те же экономисты заклинают поэтому крупных землевладельцев не скупать в слепой жадности всей земли, но оставить такое количество ее, которого было бы достаточно не для того, чтобы всех сельских рабочих сделать крестьянами,—где же было бы взять тогда наемных рабочих?—но для того, чтобы всех их обольщать надеждой сделаться когда-нибудь самостоятельными крестьянами. Именно эта надежда делает их более усердными, услужливыми и покорными.

Одним из тех, которые с особенной настойчивостью советывали крупным землевладельцам предоставлять случай своим рабочим приобрести участок земли, является фон дер Гольц. „Но, говорит он,—мое мнение вовсе не таково, чтобы стремиться сделать всех сельских рабочих землевладельцами; по крайней мере, такую цель нельзя иметь в виду прежде всего в прусских провинциях... Надежда когда-нибудь сделаться землевладельцами делает батраков прилежными, бережливыми, хозяйственными, предохраняет их от грубых выходок, а это выгодно и работодателю“ (Землевладельческие рабочие и прусское государство, стр. 215).

То же говорил и старик Рошер: „Существование мелких владений полезно в особенности потому, что таким образом заполняется пропасть между поденщиками и богатыми крестьянами непрерывным рядом переходных ступеней. Открывающаяся благодаря этому надежда на улучшение своей доли при условии прилежания, ловкости и бережливости поощряет к труду и действует успокаивающим образом“. (Nationalökonomik des Ackerbaues, стр. 176).

Две души живут в груди карликового хозяина: крестьянская и пролетарская. Консервативные партии имеют все основания укреплять в нем крестьянскую душу; интерес пролетариата—действовать в противоположном направлении; этого же требуют интересы социального развития и самого карликового хозяина. Вспомним многочисленные примеры недоедания и чрезмерного труда крестьян, с которыми мы познакомились в первом отделе; мы видели там, что положение сельских наемных рабочих в этом отношении лучше положения самостоятельных мелких земледельцев,—что нищета начинается с „собственной упряжкой“. Не может подлежать никакому сомнению, что мы должны содействовать под'ему карликовых хозяев, как людей, содействовать их социальному возвышению из варварства в цивилизацию не путем их перехода из пролетариата в крестьянство; не может быть ничего более опасного и жестокого, как вызывать в них иллюзии о будущности мелкого крестьянского хозяйства.

Но это делается посредством аграрной программы, обещающей крестьянам действительную защиту. Такая программа может убить в карликовом хозяине его пролетарскую душу и сделать полновластной в его груди крестьянскую. Она может порвать связь, соединяющую его с промышленным пролетариатом и оживить в нем все те факторы, которые отделяют его от общей массы пролетариата. Пролетарская агитация этого сорта приведет в деревне к результатам прямо противоположным тем, к которым она должна стремиться. Ради быстро преходящего мгновенного успеха она подкапывает те основания, на которые должна опираться в деревне не простая избирательная агитация, а действительная пролетарская классовая борьба.

в) Классовая борьба и социальное развитие.

Социал-демократия есть партия ведущего свою классовую борьбу пролетариата; но она не только это; она вместе с тем и партия социального развития; она имеет целью развитие всего общественного организма из его современной капиталистической стадии в высшую форму.

Соединение обоих этих сторон в прочном единстве представляет характеристический признак социал-демократии; обоснование этого соединения составляет бессмертную историческую заслугу Маркса и Энгельса. Известно,—и мы сами уже писали об этом в другом месте,—что рабочее движение и утопизм вначале развивались независимо одно от другого и нередко были даже в неприязненном отношении друг к другу. Конечно, кое-где они сливались еще до Маркса и Энгельса, например, в социалистическом крыле чартизма, в французском коммунизме равных, в секте Вейтлинга. Еще никогда при зарождении крупного социального явления теория не опережала практики. Теория могла только путем отдельных, неуверенных попыток, еще не порывая духовной связи с установившимися традициями, открывать основные черты нового явления и признавать его всеобщую необходимость. Именно это и сделали Маркс и Энгельс для соединения рабочего движения и социализма. На место эмпирического нащупыванья и сантиментальных стремлений они поставили ясное сознание того, что высшая форма рабочего движения—социалистическая, и что социализм может быть осуществлен только рабочим движением, что это движение с естественной необходимостью должно стремиться к выходу из капиталистического общества, и что единственный класс, имеющий силу добиться перехода общества в более высокую стадию, чем капиталистическая, есть класс наемных рабочих.

В своих сочинениях они с неопровержимой ясностью обосновали неотделимость социализма от классовой борьбы пролетариата: и это не признак теоретического превосходства над нашими учителями, а регресса сравнительно с ними, если еще и в настоящее время всплывают вопросы, что важнее, движение или конечная цель, имеет ли большее значение практика или теория, и т. д., потому что эти вопросы представляют собой не что иное, как более или менее неясные вариации вопроса, разрешенного уже более полустолетия тому назад в коммунистическом манифесте.

Цель и движение слиты в социал-демократии, неотделимы друг от друга. Но если цель и движение приходят в конфликт, то должно поступиться последним. Другими словами: социальное развитие стоит выше интересов пролетариата, и социал-демократия не может защищать пролетарские интересы, препятствующие социальному развитию.

Говоря вообще, этого, конечно, не бывает. Теоретическую основу социал-демократии составляет именно признание того, что интересы социального развития совпадают с интересами пролетариата, и что первое служит поэтому естественным возбудителем последнего.

Но где слишком придерживаются правила: лучше синица в руках, чем журавль в небе, где склонны ради ближайшего забывать отдаленное, там оказывается, что в противоречии с социальным развитием стоят немаловажные особые интересы отдельных пролетарских слоев.

В пролетариате есть очень различные слои. Пролетарская знать, если ее не об'единяет со всей массой пролетариата борьба за великую цель, очень явственно чувствует только противоположность интересов между собой и этой массой. Но техническое и экономическое развитие имеет тенденцию революционизировать и условия существования отдельных пролетарских слоев и таким образом очень серьезно угрожает особой рабочей аристократии; оно вводит машины, заменяет мужчин женщинами, обученых рабочих необученными, де-

лает совершенно излишними целые категории рабочего класса, привлекает отсталых рабочих из деревни в город, из-за границы внутрь страны и т. д. Социал-демократический метод борьбы с этим состоит в укреплении солидарности всего пролетариата, в организации женщин, необученных рабочих, иностранцев, в установлении законодательным путем нормального рабочего дня для всех и т. п. Цеховой метод, свойственный буржуазному пониманию вещей, состоит в исключении остальных рабочих из данной профессии, в задерживании экономического развития. Рабочая аристократия сочинила себе приобретенное право на преимущественные места и борется против введения новых машин, против женского труда и проч.; борьба этих рабочих бесплодна; как показывает опыт, экономическое развитие сильнее их, они должны отступать шаг за шагом не без тяжелых потерь.

Первый момент есть метод социал-демократии, второй свойствен тому рабочему движению, которое не руководится никакой высшей целью, никакой „теорией“ и представляет собой чисто практическое движение. Может ли быть сомнение в том, какой из этих методов заслуживает предпочтения?

Социал-демократия, конечно, знает, что при капиталистическом способе производства всякий экономический прогресс для затронутых им слоев населения является прежде всего источником бедствий и вырождения, но она знает так же и то, что противодействие прогрессу влечет за собой еще худшие последствия, и что этот прогресс не только ведет к вырождению трудящегося населения, но и создает основания для его позднейшего возвышения и освобождения. Конечно, развитие машинной системы привело трудящееся население к неслыханной нищете, его общее положение ухудшилось сравнительно с временем процветания ремесла. Но если сравнить отрасли промышленности, в которых господствует машина, с теми, в которых еще сохранилось ремесленное производство, то мы найдем, что в первых в среднем рабочее время короче, плата выше, гигиенические условия труда соблюдаются лучше.

В этом параграфе мы до сих пор говорили только о пролетариях, потому что на них всего яснее можно показать отношение между классовой борьбой и социальным развитием. Применение всего здесь изложенного к защите крестьянства само собой очевидно.

Ясно, что социал-демократия не может гарантировать крестьянам того, в чем она должна отказывать пролетариату, защиту их профессионального положения. Защита рабочих, которой требует социал-демократия, имеет целью не охранение специальных работ отдельных рабочих, но охрану их рабочей и жизненной силы; социал-демократия защищает их человеческую личность, а не их особую профессию. Пролетариат требует этой защиты не как привилегии для себя; она должна быть предоставлена каждому, кто в ней нуждается, и если бы крестьяне пожелали, чтобы она была распространена на их собственные хозяйства и на них самих, они нигде не нашли бы такой горячей поддержки этому, как у социал-демократии; но, как известно, они не хотят и думать об этом; напротив, они отчаянно сопротивлялись бы этому. Они требуют только защиты своего особого способа производства от прогресса экономического развития, а этого социал-демократия не может им гарантировать.

Указывают на то, что в сельском хозяйстве отношения иные, чем в промышленности, что экономическое развитие приводит в нем не к вытеснению мелкого хозяйства более высоким способом производства, но только к упадку, к обеднению крестьянства. Следовательно, защита крестьянства означает задержку не экономического прогресса, а только физического вырождения деревенского населения; таким образом, по существу она преследует ту же цель, что и защита рабочих, хотя и другими средствами.

Но это можно возразить следующее: защита крестьянства прежде всего означает не защиту личности крестьянина, а защиту крестьянской собственности. Но именно последняя является главной причиной обнищания крестьянина. Мы видели, что земледельческие наемные рабочие уже теперь живут значительно лучше мелких крестьян-собственников и что неимущий рабочий скорее убегает от нищеты родной деревни, чем крестьянин, которого его собственность привязывает к земле. Таким образом, защита крестьян не предохраняет их от обеднения, она оказывается защитой только тех цепей, которые приковывают крестьянина к его нищете. Но она означает также защиту сбыта крестьянских товаров и содействие ему. Товары, которые продает крестьянин, это—средства продовольствия. Чем более он их продает, тем менее потребляет их сам. Содействие продаже в город молока, яиц и мяса равносильно уменьшению их потребления в деревне и замене их картофелем, водкой и кофейным отваром. Этим увеличивается денежный доход крестьянина, но подрываются силы его и его детей. Возвышение своего положения, как крестьянина, он покупает ценой своего принижения, как человека.

Конечно, мы наперед исключаем всякие попытки,—мы даже предлагаем самым решительным образом бороться с ними,—попытки противодействовать обеднению крестьянства путем переложения обременяющих его тягостей на промышленность и пролетариат.

Рассматриваемая с этой точки зрения защита крестьян означает с одной стороны таможенные пошлины на с'естные припасы, с другой стороны—право наследства, прикрепление рабочих к земле, ухудшение положения батраков, уплату государством процентов по крестьянским долгам и страховых премий и т. п. Каждая попытка противодействовать этим способом обеднению крестьянства или обречена на полную неудачу, прежде чем она достигнет своей цели, или, не достигнув ее вполне, поведет к ущербу для промышленности и к обеднению пролетариата. Но промышленность является самой главной отраслью производства в капиталистическом обществе, от ее состояния гораздо более зависит благосостояние всего вообще населения, чем от состояния сельского хозяйства. Капиталистическое общество может без ущерба для своего благосостояния пожертвовать земледелием промышленности; пример тому Англія. Обратное ведет к гибели промышленности и земледелия. Нигде сельское население не живет в такой нищете, как в современных земледельческих странах с неразвитой промышленностью; посмотрите только на Галицию, Италию, Испанию, балканские государства, если хотите знать, что значит развитая промышленность также и для крестьянства.

С другой стороны, не крестьянство, а пролетариат является носителем современного социального развития; поднятие крестьянства на счет пролетариата означало бы задержку общественного прогресса.

А затем не вполне правильно утверждение, что сельское хозяйство не прогрессирует; это, конечно, справедливо в отношении чистого земледелия, оно оказалось в тупике; но мы видели, что промышленность не ограничивается городами, что она распространилась и в деревнях и самыми разнообразными способами революционизирует там производственные отношения. Зависимое от промышленности, связанное с ней сельское хозяйство так же, как и сама промышленность, находится в стадии непрерывных преобразований, которые создают все новые формы. Этот процесс революционизирования земледелия только начинается, но он быстро идет вперед. Защита крестьян, попытка сохранить старое самостоятельное крестьянское хозяйство может только препятствовать этому развитию. Она не остановит переворота в земледелии, она окажется столь же бессильной, как защита ремесленников в промышленности, но она должна увеличить страдания и жертвы развития и своим, в

конце концов, банкротством нанести жестокий удар моральному авторитету тех партий, которые ее пропагандируют.

г) Национализация земли.

Таким образом, социал-демократическая программа в смысле защиты крестьянства не только была бы безцельной, но, что еще хуже, в сильнейшей степени повредила бы социал-демократии. Ибо она оказалась бы в противоречии как с пролетарским, так и с эволюционным или, если угодно, революционным характером нашей партии. За проблематичные минутные успехи партии пришлось бы заплатить потрясением своей внутренней системы, уменьшением силы нападения и потерей своего авторитета, как наиболее дальновидной из партий.

Но можно требовать социал-демократической аграрной программы не только в смысле защиты крестьянства. Говорят: сельское хозяйство обнаруживает более медленное развитие, чем индустрия. Оно становится тормозом нашего движения вперед. Нам нужны поэтому меры, которые ускорили бы его развитие, и в этом смысле нам нужна аграрная программа.

Эта точка зрения совершенно правильна. Человеческое общество есть единый организм, но важнейшее отличие его от животного организма заключается в том, что части его развиваются не с одинаковой скоростью. Некоторые из частей отстают в своем развитии, перегоняются другими и потому в интересах единства их нужно подталкивать с помощью внешних воздействий, чтобы приспособить к целому. Это относится как к отдельным странам, так и к отдельным классам. Нет ничего ошибочнее мысли, будто признание принципа социального развития исключает всякие скачки и всякое искусственное, т.-е. сознательное вмешательство в социальные явления. Этот принцип исключает лишь произвольное вмешательство, вмешательство, стоящее в противоречии с тенденциями социального развития, вмешательство, которое руководится одними только нашими желаниями и потребностями, а не социальным предвидением.

Культурные страны Европы созрели для капитализма гораздо раньше, чем феодализм был изжит во всех их частях, во всех отраслях производства, ведь и до сих пор еще мы встречаем немало остатков крепостного строя. Точно так же и современное общество созреет для социализма гораздо раньше, чем исчезнет последний ремесленник и последний крестьянин, и раньше, чем весь пролетариат политически созреет и экономически сорганизуется: все это условия, которые, вероятно, никогда не наступят в капиталистическом обществе. Одной из главных задач победоносного пролетариата будет поднять эти отставшие слои народа и обеспечить им средства для более высокого способа производства и для более высокой культуры. Меры к поднятию крестьянства, в смысле приближения и возможного облегчения ему перехода к социалистическому производству, во всяком случае, будут играть выдающуюся роль. В этом смысле социал-демократии, конечно, нужна будет аграрная программа.

Спрашивается только, наступило ли время для такой программы, возможна ли социал-демократическая программа, которая способствовала бы развитию сельского хозяйства в направлении социализма на почве существующего общества.

В капиталистическом обществе главным двигателем экономического развития является интерес капиталистов, прибыль. Поэтому содействие экономическому развитию означает прежде всего содействие увеличению прибыли.

Но особенной капиталистической цели соответствуют и особенные капиталистические средства. Какое же положение при таких обстоятельствах должна занять соц.-демократия по отношению к экономическому развитию?

Мы не можем и не должны препятствовать капиталистическому развитию, но у пролетарской социалистической партии нет причин и поддерживать его.

Мы не можем препятствовать тому, чтобы вводились машины, сберегающие труд, или чтобы мужчины вытеснялись женщинами из сферы наемнаго труда, но в наши задачи не входит поощрять к этому капиталистов или, напр., поддерживать их на государственный счет. То же самое относится к экспроприации крестьян и ремесленников.

Социал-демократию иногда упрекают, будто она радуется пролетаризации этих классов. Нет ничего более ошибочного. Социал-демократия сожалеет о пролетаризации, она немедленно положила бы конец такому методу экономического прогресса, если бы власть перешла в ее руки; но она об'являет безнадежным делом стараться помешать этому процессу в рамках существующего общества. Ее собственная историческая задача состоит не в экспроприации самостоятельных производителей, а в экспроприации экспроприаторов.

Совершенно аналогичный случай, хотя и не столь ясно выраженный, представляет экономическое развитие, основанное на расширении мирового рынка и колониальной политике. И этот метод является в сущности методом экспроприации; он основан на ограблении туземных жителей и владельцев колониальной области и на разрушении их первобытных промыслов. Если китайские кули попадут когда-нибудь в Европу и создадут конкурренцию европейским рабочим, то пусть эти последние не забывают, что они предварительно были экспроприированы европейским капиталом.

И этот процесс также не может быть остановлен; и он также является предпосылкой социалистического общества, но и ему социал-демократия не может содействовать. Требование от социал-демократии, чтобы она помогала туземцам колониальных стран в их борьбе против экспроприации, есть такая же реакционная утопия, как поддержка ремесла и крестьянства; но требовать, чтобы социал-демократия оказывала поддержку капиталистам, к услугам которых имеется государственная власть, значило бы итти в разрез с интересами пролетариата. Нет, это слишком грязная работа, чтобы пролетариат мог принять в ней участие Выполнение этого низкого дела принадлежит к историческим задачам буржуазии и пролетариат должен считать себя счастливым, что ему не нужно при этом марать своих рук. Ему нечего опасаться, что буржуазия пренебрежет своей задачей и задержит, таким образом, экономическое развитие. Этой исторической задаче она всегда останется верна, пока только социальная и политическая власть будет в ее руках, потому что эта задача означает не что иное, как увеличение прыбыли.

Поскольку пролетариат вмешивается в этот процесс капиталистического развития, его задача не может заключаться в том, чтобы содействовать ему, прямо или косвенно (через государственную власть) оказывать ему свою добровольную поддержку; пролетариат не может и препятствовать этому процессу: его задача состоит лишь в том, чтобы ослаблять его разрушительные, ведущие к деградации, последствия для затрагиваемых им слоев населения, насколько это возможно и осуществимо без вреда для развития. Таким образом, не запрещение машин и женского труда, а законы об охране труда, не затруднение экспорта, а отказ в разного рода покровительстве ему со стороны государства (таможные пошлины, премии, колониальные завоевания), а где это на практике окажется недействительным, там, по крайней мере, возможная защита страдающих от буржуазной политики, напр., туземного населения колоний.

Мы еще увидим, как нужно применять этот же принцип ко многим способам экспроприации крестьянства.

Ясно, что содействие экономическому развитию сельского хозяйства в капиталистическом смысле не может составлять задачу социалистической

аграрной программы. Это и не имелось никогда в виду. Нет, речь шла о таких мероприятиях, которые способны были бы уже теперь подготовить почву и безболезненно ускорить переход к социалистическому производству в сельском хозяйстве.

Эта мысль сделалась возможной благодаря противоречию, на которое мы уже несколько раз указывали, между земельной собственностью и производством в сельском хозяйстве. Производство в сельском хозяйстве имеет гораздо более отсталый характер, гораздо более далеко от социализма, чем в промышленности; совершенно безнадежным было бы делом переходить в сельском хозяйстве к социалистическому производству, в то время, когда в промышленности и, следовательно, в обществе господствует капитализм.

Но что справедливо для производства, то не имеет отношения к собственности. Частная собственность на землю вступила в противоречие с условиями сельско-хозяйственного производства, сделалась невыносимыми оковами для них гораздо раньше и в гораздо большей степени, чем для средств производства в промышленности. При том собственность на землю вполне уже обособилась от производства. В то время, как в сельско-хозяйственном производстве тенденция к централизации едва заметна, наоборот, часто даже имеется тенденция к раздроблению,—в собственности на землю господствует решительная тенденция к централизации, которая особенно ярко обнаруживается в ипотечной собственности, в большинстве случаев принявшей, кроме того, безличный характер.

Обращение земельной собственности в государственную возможно поэтому уже в капиталистическом обществе; оно возможно при сохранении товарного производства и системы наемного труда, без изменения существующего способа производства. Требование его в той или иной форме очень настойчиво выставляется уже буржуазными партиями, часто даже самими сельскими хозяевами. С другой стороны, и социалистические аграрные программы того типа, о котором мы сейчас говорим, все сводятся в сущности к тому или иному методу национализации земли.

Наше отношение к национализации земли в современном обществе определяет также и наше отношение к социал-демократическим аграрным программам прогрессивного типа.

Наряду с национализацией земли в собственном смысле, сделавшейся очень популярной в странах с господствующей арендной системой, нашему рассмотрению подлежат еще национализация ипотек и национализация хлебной торговли.

Владелец ипотеки фактически является владельцем земли; ипотечный должник стоит к нему в таком же отношении, как арендатор к земельному собственнику.

Монополизация же хлебной торговли ставит тех сельских хозяев, которые производят хлеб на продажу, след., значительное большинство их, в полную зависимость от владельца монополии. Этот последний, если не юридически, то фактически распоряжается по своему усмотрению всей площадью, обрабатываемой под хлеб.

Впервые выдвинули эти требования социалисты. В числе требований коммунистической партии Германии, выставленных в марте 1848 г. комитетом союза коммунистов (с Марксом и Энгельсом), восьмое гласило: „Ипотеки на крестьянские имения об'являются собственностью государства; проценты по ним крестьяне уплачивают государству".

Седьмой параграф требовал превращения в собственность государства крупных имений.

Тридцать лет спустя рабочие союзы кантона Цюрих подняли движение в пользу введения государственной торговли хлебом.

В настоящее время социал-демократические партии относятся часто с недоверием, а иногда даже прямо враждебно к этим же требованиям, где они выдвигаются сельскими хозяевами. Что изменилось с тех пор?

Изменились как коллективный опыт, так и общественные условие.

В своем замечательном предисловии к „Классовой борьбе во Франции с 1848 по 1850 г." Маркса Энгельс говорит:

„Когда разразилась февральская революция, мы все, в отношении наших представлений об условиях и ходе революционных движений, находились под впечатлением прежнего исторического опыта, именно опыта Франции... При тогдашних обстоятельствах для нас не могло быть никакого сомнения, что началась великая решительная борьба, которая непрерывно будет вестись в течение одного длинного и полного перемен революционного периода и закончится лишь с полной победой пролетариата".

Наоборот, в швейцарском рабочем движении 70-х годов господствовал еще демократический предрассудок, который не считался ни с классовыми противоречиями, ни с общественными условиями, и верил, будто достаточно необходимых демократических форм и необходимого просвещения, чтобы очистить путь к социализму.

Совсем иные взгляды теперь, но и теперешнее положение совсем другое, чем было тогда В настоящее время национализации хлебной торговли и и ипотек всего громче требуют не пролетарии, а имущие сельские хозяева и задачей такой национализации является не доставление обществу выгод, а переложение на него невыгод частной земельной собственности с тем, чтобы выгоды, которые получает частная земельная собственность, были сохранены за ней, обеспечены ей и увеличены. Точно так же и государственная власть находится в руках не пролетариев, а землевладельцев и капиталистов, которые, так. обр., и должны были бы осуществить национализацию. Наконец, положение сельских хозяев и пролетариев в 1898 г. совсем иное, чем в 1848 и 1878 г

До 1878 г. цены на хлеб непрерывно возрастали; сельские хозяева наживались, потребители страдали. Государственное вмешательство в этот процесс могло иметь одну цель: придти на помощь потребителю, т.-е. оказать противодействие повышению.

В настоящее время хлебные цены падают; теперь на цены жалуются не потребители, а производители. Об искусственном понижении таких цен при помощи государства не думает ни один человек; там, где государственная власть вмешивается в установление хлебных цен, она делает это только с целью повышения их Не удивительно, что государственная хлебная торговля приобрела теперь совсем другую физиономию.

Но то же самое относится и к национализации ипотек. С 1848 по 1878 г. земельная рента непрерывно росла. Пока дело обстояло так, национализация ипотек не могла представлять никакой выгоды для землевладельца. Она имела только одну цель — служить революционному пролетариату в качестве переходной меры к социалистическому обществу в качестве средства поставить землевладение в зависимость от государственной власти и отнять у класса капиталистов одну из областей эксплоатации.

Иначе обстоит дело с 1878 г., с тех пор, как началось падение земельных рент. Ренты падают, масса же процентов по ипотекам не уменьшается, задолженность скорее даже растет. Землевладельцам все труднее и труднее становится выполнять свои обязательства, если не наступит неожиданной перемены, ипотечные банки потерпят большие убытки.

Национализация ипотек становится средством обеспечения капиталистам процентов, так как должником их будет не отдельный землевладелец, а государство. Проценты будут гарантированы. Зато государство может принять

на себя весь риск, какой до сих пор несли капиталисты. Выигрывают эти последние, а вместе с ними выигрывают и землевладельцы,—по крайней мере временно, если национализация поведет к понижению процента по ипотекам. Расплачиваться за все будут плательщики налогов.

То же самое, при сохранении капиталистического способа производства, было бы и с национализацией земли посредством выкупа, к чему стремятся буржуазные сторонники земельной реформы á la Генри Джордж. Если бы этим реформаторам удалось, напр., провести национализацию земли в Англии конца семидесятых годов, то никто не получил бы такой выгоды от этого, как экспроприированные лэндлорды. Они спокойно проживали бы себе проценты с капиталов, уплаченных государством, а государство несло бы все убытки от падения земельной ренты на 30 и более процентов, которые теперь ложатся на них.

Национализация земли тем, конечно, выгодно отличается от национализации ипотек, что она, по крайней мере, дает государству возможность противодействовать последствиям падения земельной ренты введением улучшенных форм производства; между тем национализация ипотек не предоставляет государству никакого влияния на способ ведения хозяйства.

Но нельзя иметь к государству столько доверия, сколько питает к нему сельский хозяин. Государство в настоящее время есть прежде всего *институт господства*. Этого характера оно не теряет даже там, где ему приходится выполнять хозяйственные функции. И там решающими оказываются точки зрения юриста, полицейского, солдата, а не техника, не делового человека. Такое положение вещей изменится лишь в той мере и тогда, в какой и когда пролетариату удастся устранить классовые различия и отнять у государства характер организации господства. В настоящее время государство хозяйничает обыкновенно не так экономно и умело, как частный капиталист; буржуазия охотно указывает на это обстоятельство, как на аргумент против социализма, на самом же деле оно говорит не против социализма, а только против современного государства. А между тем даже теперь национализация некоторых предприятий может принести обществу экономические выгоды. Это именно относится к таким производствам, которые имеют монопольный характер, в силу ли естественных условий—железные дороги, многие горные рудники,—или в силу общественных отношений—картели, тресты. Эксплоатация публики при помощи частной монополии может достигнуть здесь такой высокой степени, что государственное производство явится спасением от беды конечно там, где правительство зависит от народа, так что казна не сможет по своему усмотрению продолжать эксплоатацию частных монополистов.

Но где не существует таких затруднений от частной монополии, там нет *экономического* основания для передачи *современному* государству промышленного предприятия. Напротив, к причинам экономического характера, которые говорят против этого, присоединяются еще и *политические*, вытекающие из характера современного государства, как *организации господства*. Увеличить экономическое могущество современного государства—*значит* увеличит находящиеся в его руках средства подавления угнетаемых классов. Этот политический мотив, так же, как и экономический, будет терять свое значение в той мере, в какой государство будет подпадать под влияние пролетариата. Но одни демократические формы не дают еще никакой гарантии против употребления государственной власти для угнетения пролетариата. Там, где крестьяне и мелкие буржуа составляют громадное большинство, они, конечно, готовы ограничить эксплоатацию рабочих *крупными* капиталистами; но тем усерднее оберегают они „экономическую свободу“ *мелких* эксплоататоров. Швейцарские крестьяне и мелкие буржуа предоставляют рабочим полную свободу во всех их *политических* вы-

ступлениях, но при каждой стачке против хозяина-ремесленника они выходят из себя и с помощью государства расправляются с рабочими еще более жестоко, чем их коллеги в несвободных странах; а если заходит речь об улучшении условий труда государственных рабочих и служащих, то они усердно пользуются демократическими вольностями, именно референдумом, чтобы подтянуть чиновников.

Таким образом, где пролетариат не играет руководящей роли, там для социал-демократии нет оснований без нужды расширять государственное хозяйство и государственные владения. Есть ли такая нужда в области сельского хозяйства?

До 70-х годов владение землей действительно составляло монополию, которая вела к увеличению эксплоатации населения. Однако, развитие средств сообщения уничтожило эту монополию для сельского хозяйства, по крайней мере там, где государственная власть не ставила к тому искусственных преград. С другой стороны, форма производства в сельском хозяйстве еще не такова, чтобы требовать национализации. Для национализации раньше созреет сельско-хозяйственная индустрия—сахарное производство, винокурение, пивоварение и т. п., чем собственное сельское хозяйство. В настоящее время государство само предпочитает сдавать свои земли в аренду капиталистическим сельским хозяевам, вместо того, чтобы вести на них собственное хозяйство. У социал-демократии нет никаких оснований увеличивать число государственных капиталистических арендаторов и уменьшать зависимость правительства в денежных делах от согласия народных представителей.

д) Национализация лесов и вод.

Исключение составляет одна значительная отрасль сельской промышленности, не относящаяся, впрочем, к собственно сельскому хозяйству: лесоводство. Рациональная эксплоатация леса несовместима с потребностями капиталистической наживы. Где капитал завладевает лесом, там он его уничтожает, так как хорошее лесное хозяйство не вяжется с капиталистическим выжиманием прибавочной стоимости. Это последнее требует возможно более быстрого обращения капитала; в лесном же хозяйстве обращение капитала необыкновенно медленно. „Продолжительность времени производства (заключающего в себе относительно лишь небольшую долю рабочего времени) и сопряженная с ней продолжительность периодов обращения делает лесоводство неблагодарной отраслью производства для частной и следовательно капиталистической эксплоатации, сохраняющей по существу свой частный характер даже если вместо отдельного капиталиста выступает компания капиталистов. Развитие культуры и промышленности вообще сопровождалось таким истреблением лесов, перед которым совершенно бледнеет все сделанное им для охраны и разведения леса“. (Маркс, Капитал, II, стр. 226).

В приведенном месте Маркс цитирует следующие строки из руководства к учению о сельском хозяйстве Кирхгофа: „Процесс производства (в лесоводстве) занимает так много времени, что выходит за пределы отдельного частного хозяйства и даже за пределы человеческой жизни. Капитал, затраченный на приобретение земли (Маркс замечает при этом: „При общинном хозяйстве этот капитал отпадает и вопрос заключается только в том, сколько земли община может отнять у пашни и пастбищ для лесного хозяйства“) приносит сколько нибудь значительные плоды лишь спустя много времени, совершая при этом только частичный оборот; полный же оборот его для некоторых пород деревьев требует до 150 лет.

Кроме того, продолжительность производства требует такого запаса дерева на корню, который бы раз в 10—40 превышал ежегодное его потре-

бление. Поэтому тот, кто не имеет других источников дохода и не владеет обширными лесными дачами, не может вести планомерного лесного хозяйства.

Где решают исключительно капиталистические соображения, там слишком скоро наступает последний час безжалостно истребляемого леса. Не менее пагубной оказывается для леса и крестьянская нужда. Между тем, и лес имеет такое огромное значение для обитаемости и плодородия страны, для климата, равномерного распределения вод, как для уменьшения разливов воды, так и обмеления рек, для защиты обрабатываемой почвы в горах и на морских берегах и т. д., что беспощадное истребление его причиняет огромнейший вред земледельческой культуре. Много раз государства вынуждены бывали наравне с мерами охраны рабочей силы принимать меры и против расхищения леса капиталом, который в своей слепой жадности стремится зарезать курицу, несущую золотые яйца. Издавались законы об охране леса, но, к сожалению, недостаточные и не везде. В Германской империи только 30 процентов всей лесной площади, находящейся в частной собственности, подчинены лесохранительному законодательству. В Пруссии, Саксонии и во многих мелких государствах такого законодательства совсем нет.

С другой стороны, государство тратит большие суммы на расширение своих государственных дач и обнесение голых горных хребтов и песчаных мест, чтобы, таким образом, исправить то, к чему легкомысленно привела капиталистическая погоня за прибылью.

Это развитие лишь отчасти парализуется другим, описанным уже в другом месте, и вытекающим из роста капиталистических доходов. Если капиталистическая эксплоатация все более и более уничтожает лес, то капиталистическая роскошь все более и более заставляет его появляться вновь. Но так как дело идет здесь о роскоши, о расточительном настроении, то расширение лесной площади, обусловленное этим фактором, имеет не рациональный и не планомерный характер. Например, в австрийских Альпах можно наблюдать теперь такое явление, что в одних местах площадь леса увеличивается за счет пастбищ и даже пашен, наоборот, в других, где он безусловно необходим для защиты от лавин и горных порогов, он исчезает, так что снежные обвалы и наводнения разрушают культуру страны. Если, с одной стороны, площадь культурной земли суживается, сельское хозяйство становится невозможным, вследствие изобилия леса, то, с другой стороны, к тому же результату приводит недостаток последнего. Таково лесное хозяйство капиталистического периода.

Оба явления одинаково гибельны и должны быть прекращены в интересах общества. Самое действительное средство для этого—национализация лесов, которая одна способна обеспечить наиболее рациональное ведение лесного хозяйства, по крайней мере там, где государство не обанкротилось в финансовом смысле, и где правительство не находится под влиянием тех же „благороднейших и лучших“, которые уничтожение сельского хозяйства ради спорта считают одной из самых дорогих своих привилегий. В демократическом государстве с здоровой финансовой системой социал-демократия, не колеблясь, должна будет потребовать национализации лесов, даже если пролетариат не будет еще иметь там значительного влияния.

В тесной связи с национализацией лесов стоит национализация вод. Она имеет значение не только для интересов сельского хозяйства—орошения и осушения; при оценке ее следует иметь в виду еще многие другие в высшей степени важные интересы: интересы сообщения—судоходство речное, морское, по каналам; интересы промышленности, которая нуждается в огромном количестве водяных сил, а со временем, когда разовьется электротехника, потребует их еще больше; затем интересы гигиены —осушение болот, снабжение питьевой водой, удаление испражнений и дру-

гих отбросов и, наконец, интересы общественной безопасности—именно защиту от наводнений. Рациональное водное хозяйство становится все более необходимым по мере развития капиталистического способа производства, так как этот последний более, чем всякий другой способ производства, вмешивается в естественные условия распределения вод путем истребления лесов, осушения болот, понижения уровня воды в озерах, посредством устройства водопроводов, каналов, исправления фарватеров рек, устройства водоемов и т. п. в то же время капиталистический способ производства больше, чем какой-либо другой до него, создал средства для урегулирования течения вод. Чем искусственнее водная система, тем пагубнее последствия, которые может повлечь за собой развитие ее в ложном направлении. Притом же частный интерес менее, чем где-либо совпадает здесь с общественным. Юридически можно разделить реку на различные части и дать каждую из частей в собственность отдельному индивиду; фактически, однако, река, даже вся речная область, от истоков до устья, останется одним целым, и то, что будет полезно для хозяина одной части реки, может повлечь очень гибельные последствия для живущих ниже. Поэтому рациональным водным хозяйством может быть только такое, которое распоряжается всей речной областью по одному плану, с одной общей точки зрения, при чем оно должно будет итти рука-об-руку с лесным хозяйством. Хозяин реки должен быть и хозяином леса. Национализации вод можно требовать тем скорее, что рента, приносимая проточными водами, не падает, а возрастает, так как увеличивается капиталистическая эксплоатация водяных сил в промышленных целях. Поэтому от такой национализации нельзя ожидать финансового обременения населения, скорее, наоборот, можно расчитывать на обогащение государства, по крайней мере там, где эта мера будет проведена умело. Где правительство не настолько испорчено, чтобы каждый акт национализации приводил лишь к грабежу государства, и где оно не настолько раз'еденено бюрократизмом, чтобы бессильно стоять перед всякой технической задачей, где оно прилично до известной степени и подчинено контролю демократически избранного народного правительства, там даже в настоящее время можно смело требовать национализации вод.

Как ни сомнительно хозяйство буржуазного, тем более полицейского, государства в отношении воды и леса, оно и теперь уже стоит выше хозяйства частных лиц.

Национализацию воды и леса нельзя приравнивать к общинному владению водой и лесом. Это последнее было продуктом общей эксплоатации воды и леса, общего рыболовства, общей охоты, общей пастьбы скота. В настоящее время пастьба скота в лесу почти прекратилась, охота стала личным удовольствием аристократии, относительное значение речной рыбной ловли, как средства пропитания населения, сильно упало. Если национализация лесов и вод становится теперь необходимостью, то соображения относительно рыболовства, охоты, пастьбы скота не играют при этом никакой роли; решающими оказываются здесь другие соображения, возможность которых в эпоху существования общинного владения была совершенно исключена, так как для них недоставало тогда необходимых предпосылок.

е) Сельский коммунизм.

Так обстоит дело с государственным хозяйством в деревне. Но на ряду с государственным хозяйством, „государственным социализмом“ развивается также общинное хозяйство—„муниципальный социализм“. Не является ли этот последний в области сельского хозяйства тем желанным рычагом, с помощью которого можно было бы ускорить медленное развитие сельского хозяйства, направив его на путь социализма? Разве сельский коммунизм не пер-

вобытное учреждение, более близкое консервативному крестьянину, чем горожанину, и разве не сохранилось от него до сих пор еще много остатков?

В Германской империи в 1895 г. числилось:

	Общин.	Хозяйств	Площадь пользования в гектарах.
С нераздельным пастбищем	12.492	429.468	441.635
С нераздельным лесом	12.386	570.846	1.340.160
С землей разделенной, но все еще находящ. в общем владении	8.560	382.833	264.309

Не достаточно ли только расширить эти остатки сельского коммунизма, чтобы привести крестьянское сельское хозяйство к слиянию с социализмом?

Это звучит очень заманчиво. В России, где сельский коммунизм до недавнего времени был весьма силен, действительно существовало очень могучее направление в социалистическом движении, убежденное, что Россия, благодаря этому коммунизму, ближе стоит к социалистическому обществу, чем Западная Европа. На западе о первобытном деревенском коммунизме мечтали сначала буржуазные социал-реформаторы, вроде Лавелэ, которые в воскрешении его видели средство разрешения социального вопроса в деревне, а с тем вместе и в городе, куда был бы прекращен постоянный приток нового пролетариата из деревни. Недавно за усиление и расширение этого первобытного коммунизма высказались, в поисках аграрной программы, и социал-демократы; это случилось как раз около того времени, когда русская социал-демократия, наученная опытом, решительно порвала с воззрением, будто завещанный средними веками сельский коммунизм может стать элементом современного социализма.

Есть коммунизм и коммунизм. Революция, к которой стремится социал-демократия, имеет в конечном счете не *юридический*, а *экономический* характер; это не переворот в *отношениях собственности*, а переворот в *способах производства*. Не уничтожение частной собственности, а уничтожение капиталистического способа производства—такова его цель; к уничтожению первой социал-демократия стремится лишь постольку, поскольку уничтожение ее является средством уничтожения второго. Огромнейшие трудности, которые приходится преодолевать социализму, лежат не в юридической, а в экономической области.

С этой точки зрения одно простое расширение общинной собственности на землю, в качестве средства подготовки социалистического способа производства, является бесцельным везде, где оно не служит расширению общинного хозяйства и где отсутствуют предпосылки общинного хозяйства в смысле современного социализма.

В марке общая собственность на землю вытекала из потребностей способа производства, совершенно устаревшего в настоящее время. Уничтожить этот способ производства можно было только, уничтожив соответствующий ему вид общинной собственности. Где общины, или хотя бы остатки их, еще сохранились, там они и теперь обыкновенно препятствуют прогрессу сельского хозяйства. Экономическое оправдание им могут дать только исключительные отношения вроде тех, что сложились в Швейцарских Альпах, где почва пригодна в сельско-хозяйственном отношении лишь под пастбище. Оживлять и распространять общинную собственность было бы бессмысленно, если только одновременно не возвращаться к старому способу производства, к трехпольной системе, с пастьбой скота на общинном выгоне и в общинном лесу.

Те агрономы, которые стараются в настоящее время над насаждением общин, совсем не социалисты. Они требуют общины в интересах крупного землевладения, чтобы, таким образом, надолго привязать к земле сель-

ских рабочих, которые привлекаются в деревню возможностью приобретения маленьких именьиц (за ренту или на правах свободной собственности). Ибо на своих маленьких клочках земли, без общинных пастбищ, эти рабочие не могут содержать скота, получать навоз и следовательно не могут надолго осесть. Возрожденная община феодальной эпохи должна совершить и обеспечить дело возрождения феодальных крепостных. (Ср. ф. д. Гольтц: Die ländliche Arbeiterklasse und der preussische Staat, стр. 262 и сл., Зеринг: Die innere Kolonisation im östlichen Deutschland, стр. 131, 271 сл.).

Но, если, с одной стороны, община стала средством задержать экономический прогресс и способствовать сохранению феодальных отношений, то с другой стороны, и самое право пользования общинными угодьями стало феодальной привилегией. Наследственные члены крестьянской марки превращаются в аристократию, которая отделяет себя от массы пришлого элемента, возвышаясь над ней, как община полноправных граждан над общиной обывателей. „Так как право пользования угодьями", говорит Мясковский, большой поклонник общины, „не всегда теперь предоставляется безвозмездно, и кроме того нередко приносит выгоды только части постоянного населения, то общины из свободных земель, открытых для всех местных жителей, превратились с течением времени в некоторого рода коллегиальный фидеикомиссс, право распоряжения которым, и притом не всегда бескорыстного, принадлежит замкнутой корпорации, все более и более приобретающий частноправовой характер". (Мясковский: Die Schweizerische Allmende, стр. 3).

Где первобытная общинная собственность на землю сохранилась в полной мере, и где ею пользуется зажиточное крестьянство, там она, как метко говорит Мясковский, стала фидеикомиссом, отличающимся от других аристократических фидеикомиссов, только своей принадлежностью не одному семейству, а ряду семейств. Против этого феодального фидеикомисса социал-демократия должна бороться, как и против всякого другого.

Но где первобытная общинная собственность на землю сохранилась только в виде жалких остатков, в виде кусочков общинных пастбищ, в виде права на собирание валежника в лесу и т. п., и где ею пользуются бедные люди, там она стала поддержкой фидеикомиссов и вообще опорой эксплоатации сельского пролетариата, так как она привязывает этот последний к земле. Она имеет в этом случае такое же значение, какое имеют многие фабричные благотворительные учреждения в роде жилищ, устраиваемых хозяевами и сдаваемых ими внаймы рабочим. Мы не видим причины, почему социал-демократия должна быть заинтересована в расширении и распространении этого рода общинной собственности.

Но, с другой стороны, было бы конечно излишним требовать без всяких разговоров уничтожения общинных прав на пастбище и лес там, где бедное население сохранило их еще за собой. Уничтожение этих прав есть часть великого процесса экспроприации народных масс в пользу немногих собственников. Этот процесс неизбежен и является необходимым предварительным условием развития современного социалистического производства. Но мы уже выше заметили, что содействие ему не принадлежит к историческим задачам пролетариата; задача пролетариата, поскольку он вмешивается в этот процесс, может заключаться только в том, чтобы по мере возможности помогать угнетаемым, облегчать последствия естественно-необходимого развития, насколько это осуществимо без вреда для прогресса и насколько это вообще позволяют наличные соотношения сил и экономические условия.

Следовательно, там, где мелкие крестьяне-собственники и поденщики сохранили права на пастбище и лес, социал-демократии незачем стремиться к уничтожению этих прав. Мы сравнили эти права по их значению з жилищами для рабочих, которые устраивают фабриканты. Но как ни печально

стеснение и порабощение рабочих, связанное с такого рода жилищами, было бы все-таки нелепо стремиться к тому, чтобы обитатели этих жилищ были выселены.

Социал-демократия спокойно может предоставить господствующим классам уничтожение общинных прав на пастбищные и лесные угодья всюду, где они препятствуют развитию рационального сельского или лесного хозяйства. Ее задача заключается только в том, чтобы облегчать страдание заинтересованных крестьян там, где совершается подобное уничтожение, и чтобы не допускать обмана крестьян на счет их жалких прав, как это по большей части бывает.

Но при этом социал-демократия не должна в дороге, ведущей назад, видеть дорогу, ведущую вперед; восстановление средневековой общинной собственности на землю, расширение и насаждение общин, общинных пастбищ, лесов, расширение лесных угодий в сельско-хозяйственных целях и пр. и пр. социал-демократия не должна считать за создание переходной стадии к социализму.

Однако, если основы средневекового аграрного общинного коммунизма и сам он исчезли безвозвратно, то внутри современного общества—только не в деревне, а в городах—возникают условия для нового рода общинного социализма. Концентрация населения в городах ставит новые задачи перед общинными управлениями и во многих областях делает необходимым вытеснение частной собственности коммунальной.

С одной стороны, скопление больших масс народа на маленьком пространстве приводит к тому, что отдельные экономические функции, которые в деревнях каждый выполняет сам для себя (освещение, снабжение водой, транспорт) переходят к крупным централизованным учреждениям, эти же учреждения—каковы газовые заводы, электрические станции, водопроводы, уличные дороги и т. д.—становятся в руках капитала невыносимыми монополиями, и рано или поздно должны перейти к общинам. С другой стороны, концентрация населения создает новые задачи для коммунальных управлений и новые средства для разрешения тех задач, разрешение которых в деревне невозможно. Скопление больших масс народа на тесном пространстве, рост земельной ренты, заставляющий землевладельцев застраивать каждый квадратный метр земли возможно более высокими домами и лишать, таким образом, население света и воздуха, масса жизненных продуктов, которые изо дня в день должны подвозиться в город и массы отбросов, которые изо дня в день должны быть удаляемы из города,—все это задает множество труднейших задач, незнакомых сельской общине, разрешение которых требует ряда крупных коммунальных учреждений для устройства канализации, общественных площадей и садов, рынков и т. п. С увеличением населения в городе не только возникают потребности, неизвестные деревне, но и создаются условия для удовлетворения потребностей, которые ощущаются деревней так же, как и городом, но которых она не может удовлетворить. Это тоже вызывает ряд учреждений незнакомых деревне. Средние школы, больницы, богадельни были бы, конечно, не менее необходимы в деревне, чем в городе, но там нет необходимого количества „материала“, а еще более недостает необходимых материальных и интеллектуальных средств. Деревня беднеет, в то время, как в городе богатства скопляются; деревня оскудевает духовно, в то время, как в городе умственная жизнь достигает пышного расцвета.

Все это проводит к тому, что коммунальное хозяйство в городах принимает все большие и большие размеры и растет гораздо быстрее, чем сама община.

Но община есть прежде всего институт управления, а не господства, по крайней мере, там, где она не совпадает с государством,

что в современном государстве является общим правилом. Она тем менее может считаться институтом господства, чем самостоятельнее она противостоит государству, чем менее она подчинена государственной власти. В промышленных городах впервые также дает себя чувствовать пролетариат. Здесь он скопляется в массах, здесь он развивает свое классовое самосознание, здесь он организуется, здесь он впервые достигает политической зрелости, впервые приобретает достаточно силы, чтобы открыто и настойчиво защищать свои интересы в борьбе с классом капиталистов. Если коммунальное представительство основано на избирательном праве, то пролетариат при достаточной самостоятельности общины, во многих городах уже теперь может достигнуть того, чтобы подчинить коммунальное хозяйство своим интересам, следовательно, интересам всего общества, чтобы развивать муниципальный социализм, конечно в очень тесных пределах, которые ставятся общим капиталистическим характером государства и общества, внутри которых однако при уме и знании дела можно достигнуть очень значительных результатов.

Но коммунальное хозяйство может вестись тем рациональнее и планомернее, чем более община становится госпожей своей области, чем значительнее коммунальная земельная собственность. В городе земельная рента растет; выгоды от этого роста там, где земля составляет собственность общины, притекают к этой последней и—при коммунальной самостоятельности, всеобщем избирательном праве и известной высоте пролетарского развития,—служат в ее руках не для того, чтобы увеличивать власть господствующих классов, а для того, чтобы способствовать развитию экономической и просветительной политики общины. Коммунализация земли впервые создает так же возможность фактического улучшения жилищных условий населения—путем постройки коммунальных жилищ,—так как одни постановления, запрещения, строительная и жилищная инспекции могут только устранить самые ужасные злоупотребления, но не могут с корнем вырвать квартирного ростовщичества монополистов земли

Возможное расширение городской земельной собственности составляет поэтому одну из важнейших задач современной самостоятельной, демократической городской общины. Современное городское управление должно не только не допускать никакого отчуждения городской собственности, но даже расширять свои владения там, где городу представляется случай выгодно приобрести землю в границах занимаемой им площади. В государстве же пролетарская партия должна в этом отношении стремиться к тому, чтобы возможно более расширять полномочия городских управлений относительно земельных ростовщиков, чтобы дать городам возможно более обширное право экспроприации.

Иначе обстоит дело в деревне. Здесь пролетариат ничего не может внести в общину, даже при господстве всеобщего избирательного права. Для этого он слишком изолирован, отстал, слишком экономически зависим от небольшой кучки работодателей, которые могут точно его контролировать. Здесь нечего и думать о какой-нибудь коммунальной политике, идущей вразрез с интересами землевладения. Но не только политические,—отсутствуют и экономические основы „муниципального социализма“ в деревне. Экономические функции современной городской общины нельзя перенести в деревню. Старое феодальное сельское хозяйство, которое давало общинному хозяйству столько об'ектов для деятельности, исчезло. О современном же общином сельском хозяйстве, о крупном товарищеском сельско-хозяйственном производстве, управляемом сельской общиной, нечего пока и думать. Даже в городах производительные товарищества редко имеют успех: для крестьянских же производительных товариществ в большом масштабе недостает почти всех элементов успеха: и необходимых духовных сил, и необходимой дисциплины, и необхо-

димых денежных средств. Мы не видим, чтобы в настоящее время хотя одна сельская община могла тотчас перейти к современному крупному производству. Но если так, если прежние основы земельного коммунизма исчезли, муниципальный же социализм по типу больших городов в деревне невозможен, то какой смысл имеет требование, чтобы сельские общины приобретали земельную собственность или расширяли свои земельные владения? Ведь они же должны приобретать землю не для того только, чтобы ею владеть, а для того, чтобы целесообразно ее использовать. Где возможность такого использования отсутствует, там приобретение более чем излишне. В крайнем случае, общинам пришлось бы сдавать землю в аренду, но при этом они долго не могли бы выручить своих издержек, в виду падения земельной ренты.

Создание и увеличение общинной собственности на землю, быть-может, явится в деревне, как и в городах, одним из способов обобществления средств производства. Но при теперешних отношениях, это требование, в качестве общего можно выдвигать только для городов. Здесь мы имеем дело только с общими требованиями. Что может оказаться необходимым в силу особенных местных условий, то нас не занимает, так как мы говорим лишь об общей социал-демократической аграрной политике.

II.

ОХРАНА ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО ПРОЛЕТАРИАТА.

а) Социальная политика в промышленности и земледелии.

До сих пор наши исследования социал-демократической аграрной политики давали отрицательный результат, что далеко не утешительно для ищущих социал-демократической аграрной программы, то-есть тех требований, которые должен предъявить пролетариат, чтоб спасти крестьянское хозяйство или, минуя стадию капитализма, безболезненно довести его до социалистического производства внутри капиталистического общества.

Но из этого не следует, чтобы с нашей точки зрения была невозможна положительная социал-демократическая аграрная политика, чтобы мы были обречены на аграрный нигилизм.

Если, с точки зрения социал-демократии, положительное влияние в области промышленности возможно, даже необходимо, и в современном обществе, то это остается в силе и для земледелия, так как целое общество, как уже много раз повторялось, есть неделимый организм, и политика социал-демократии в области земледелия, как таковая, не может быть иной, чем эта политика в области промышленности.

Но, с другой стороны, пролетариат не может без долгих рассуждений перенести на земледелие свою теперешнюю политику, порожденную промышленными производственными отношениями; он должен ее приспособить к особенностям сельского хозяйства. Эту задачу социал-демократия должна разрешить прежде всего, если она хочет вести агитацию в деревне.

Ей не нужно искать новых принципов и новой программы для ее деятельности в деревне; ей гораздо важнее исследовать, каковы будут выводы из теперешних основных принципов ее общей программы в применении к земледелию и какие изменения при этом потерпят ее требования.

Такое исследование составило бы громадную работу; при постоянном разнообразии сельско-хозяйственных отношений, она дала бы различные результаты для каждой страны, даже для каждой местности. И выполнить ее удо-

влетворительно теоретик мог бы только вместе с одним или несколькими „практиками“, т.-е. с людьми, хорошо знакомыми с сельско-хозяйственной практикой разных способов производства в различных странах. Окончательного вывода эта работа, конечно, не дала бы, так же, как социально-политические программы для промышленности всегда должны быть временными, вследствие постоянной перемены производственных отношений.

Если мы все-таки беремся здесь за это исследование, то только с целью дать несколько конкретных примеров, неопровержимо доказывающих, что с нашей точки зрения положительная аграрная политика возможна для социал-демократии; при этом мы далеки от желания дать здесь исчерпывающую вопрос и решительную аграрную политику.

Историческая задача социал-демократии состоит в требовании развития общества за пределы капиталистического строя, что обусловливается мероприятиями в интересах всего общества, с одной стороны, и с другой—в интересах пролетариата, этой движущей силы, которая одна в состоянии поднять общество выше капиталистической стадии. На эти две стороны социальной политики и указывает социал-демократия; поэтому аграрная политика последней должна подразделиться на следующие мероприятия:

1) в пользу сельского пролетариата;
2) в пользу: а) сельского хозяйства,
б) всего сельского населения.

Специальная охрана крестьянства не имеет тут места.

Мероприятия первого рода подразделяются на две группы: 1) устраняющие препятствия с пути свободной деятельности и организации пролетариата; 2) мероприятия, требующие защиты государственной властью физических, умственных и нравственных способностей пролетариата от деморализующего влияния экономических факторов там, где невозможна деятельность отдельных лиц и организованных масс.

б) Право коалиций и уставы о батраках.

К первой группе, прежде всего, принадлежат меры для уничтожения остатков феодальной зависимости, сохранившихся до сих пор в Германии.

Общеизвестным из этих остатков является батрачество, при помощи которого господствующие классы при падении феодального строя спасли из крепостного права то, что можно было спасти. „Ни одно явление в нашем буржуазном обществе“, говорит Антон Менгер, „не подходит так близко к рабству и крепостному праву, как батрацкие отношения“. (Das bürgerliche Reich und die besitzlosen Volksklassen. Brauns, Archiv für soziale Gesetzgebung II, стр. 403).

Этот же феодальный характер батрацких отношений усиливается там, где он получает законодательную санкцию, посредством исключительных законов о прислуге и устава о батраках.

Создателям гражданского законодательства в Германии не делает чести тот факт, что они через 100 лет после великой буржуазной революции сохранили неприкосновенными эти и многие другие остатки феодолизма. Только имперские земли Эльзас-Лотарингия в Германии, благодаря французским законам, свободны от устава о батраках. (См. весьма поучительную статью об этом в „Volkslexikon“ Вурма, 1895, 2 т., 276, а так же книгу В. Келера „Gesindewesen und Gesindeordnung in Deutschland“).

Но, на ряду с исключительными законами против батраков, существуют такие же против всего рабочего класса; он не добился еще в Германии права коалиций, которые доступны лишь промышленным рабочим. В Пруссии, напр., массе сельских рабочих, батракам, поденщикам, прислуге, арендаторам, так

же, как и матросам, оставление работ по предварительному уговору, по закону 24 апреля 1854 г,, запрещено под страхом годичного тюремного заключения, и этот закон в силе до сих пор. Право коалиций для современного пролетариата, на ряду со всеобщим избирательным правом и свободой передвижения, является важнейшим из основных прав: пролетариат не может развиваться без этого права, оно стало одним из условий его существования. Если социал-демократия хочет пробудить и сорганизовать сельский пролетариат, присоединить его к армии борющегося пролетариата,—то она должна завоевать ему это право, хотя оно и важнее для городских рабочих, так как оно не устранить еще изолированности и экономической зависимости сельских рабочих. В Англии попытки сорганизовать сельских рабочих восходят к 30-м годам XIX в. Но что мы видим теперь? „Из $^3/_4$ миллиона сельских рабочих Великобритании в настоящее время сорганизовано не более 40.000“. (С. и Б. Вебб. История английского трэд-унионизма, стр. 300, немецк. перев. Бернштейна).

Конечно, право коалиций—необходимое и ценное оружие и для сельского рабочего, но на практике для него важнее право свободного передвижения. Если его положение кое-где улучшилось за последние десятилетия, то, прежде всего благодаря свободе передвижения, дающей ему возможность выселиться из страны, переселиться в город или промышленные округа; поэтому-то для аграриев свобода передвижения—одно из ненавистных учреждений современного государства. Они недостаточно сильны, чтоб открыто посягнуть на это право, и потому стараются ограничить его всевозможными ухищрениями; для этого применяется прикрепление рабочего к земле, посредством дохода с нее, возрождение общины или общинного выгона, сдачи неденщикам в аренду поля или сада и т. п., вплоть до стеснения переселения, при содействии местных властей (излюбленный в Галиции способ удерживать мелкое крестьянство от бегства из деревни); далее практикуется увеличение проездной платы по железным дорогам, повышение платы при в'езде в города и тому подобные реакционные меры.

Со всеми подобными мерами социал-демократия должна бороться самым решительным образом.

Аграрии очень желали бы поселить раздор между промышленными и сельскими рабочими, для чего они указывают первым, что переполнение промышленных округов рабочими силами из деревни ухудшает условия жизни промышленных рабочих и уменьшает силу их сопротивления в борьбе с капиталистами. А потому, дескать, сами промышленные рабочие заинтересованы в прекращении притока рабочих из деревни. Аргументы этого рода раздавались и среди промышленных рабочих.

Даже на дискуссиях, предшествовавших созданию отвергнутой в Бреславле аграрной программы (в 1895 г.), указывалось, что приток рабочих из деревни делает настоятельно необходимой поддержку крестьян и улучшение участи сельских рабочих, чтобы задержать их в деревне. Говорилось, что агитация в промышленных округах будет безуспешна, если из деревень будут постоянно притекать новые толпы пролетарского элемента, с низкими потребностями, с низким умственным уровнем, совершенно неустойчивые экономически и будут парализовать все усилия организованных рабочих.

Эта аргументация верна с точки зрения узких минутных интересов отдельных рабочих слоев, с точки зрения узкого цехового ремесленника, а не с точки зрения всего пролетариата, движущей силы, ведущей к новому общественному строю. Если бы вышеприведенные аргументы были справедливы, то промышленный пролетариат, в своих интересах, должен был бы бороться со всяким увеличением своих рядов, т.-е. сам уничтожать необходимое условие своей победы. Правда, приток деревенского люда в город мешает организованным уже рабочим занять привилегированное положение среди пролетариата,

но за то он дает возможность сорганизовать и присоединить к борющемуся пролетариату многочисленные слои трудящегося населения, которые иначе остались бы вне его рядов и даже отчасти служили бы орудием против него. Конечно, труднее вести к победе рекрут, чем ветеранов, однако, в армии великой французской революции рекруты своим энтузиазмом и своей численностью одержали победу над ветеранами монархической Европы, которая не имела средств пополнять убыль в своих рядах. Таким образом, залог победы пролетарской армии не в развитии ее ветеранов, а в быстром росте количества рекрут, с воодушевлением стекающихся под ее знамена.

Нужно также вспомнить, что уверенность в победе пролетариата основывается не столько на поглощении мелкого хозяйства крупным, распространяющимся медленно, а местами не распространяющимся вовсе, сколько на возрастающем господстве промышленности в обществе, господстве, которое обусловливается, с одной стороны, вытеснением сельского хозяйства индустрией, а с другой—увеличивающейся зависимостью первого от второй.

Было бы самоубийством со стороны социал-демократии, если бы она желала остановить этот процесс, искусственно задержать рост промышленности и увеличение промышленного пролетариата запрещением притока свежих рабочих сил из деревни в промышленные округа. К счастью, это невозможно.

Невозможно, пробудив сельское население и подняв его потребности, удержать его в то же время в деревне; в современном обществе положение сельского рабочего класса хуже, чем положение промышленного пролетариата; развитие первого всегда шло в хвосте развития второго, поэтому невозможно уничтожить притягательную силу, которой обладает индустрия для сельского населения, наоборот, она будет возрастать по мере того, как сельское население будет расшевеливаться, пробуждаться от своей тупости и вступать в более тесное общение с промышленным населением.

Право коалиций и передвижения—важнейшие средства для свободной деятельности и организации как сельского, так и промышленного пролетариата. Задача социал-демократии—овладеть этим орудием классовой борьбы, упрочить его за собой и научить пользоваться им различные слои рабочего класса.

Такова первая группа мероприятий в интересах рабочего класса.

в) Охрана детского труда.

Вторая группа обнимает рабочее законодательство для охраны рабочих вообще, а женщин и детей—в особенности.

Но нужны ли такие законы для охраны сельских рабочих? Нельзя не удивляться возможности такого вопроса. Но еще более достойно изумления существование немецких социал-политиков, отвечающих на него отрицательно, на основании не раз здесь цитированной анкеты о положении сельских рабочих, предпринятой союзом социальной политики. Во всяком случае, эта анкета производилась своеобразным способом: опросные листы были разосланы исключительно сельско-хозяйственным предпринимателям; они считались социал-политиками тем источником, из которого проистечет самая настоящая правда о положении сельских рабочих.

На замечание о нелепости такого образа действий, старший советник областного правления Тиль, один из руководителей исследования, в своем введении к опубликованным результатам, возражал: „если где-либо показания работодателей без поправок могут быть одобрены рабочими, то только в сельском хозяйстве, так как здесь взаимные отношения еще просты, патриархальные отношения еще не отравлены ни многолетней борьбой за заработную плату, ни стачками и призывами к классовой борьбе, ни глубоким противоре-

чием интересов... Суб'ективные суждения, конечно, встречаются и довольно часто могут быть освещены с точки зрения работодателя, но тогда их легко отличить и они никого не введут в заблуждение". (Verhältnisse, I, стр. 12). Другими словами, исследователи приняли за доказанное то, что нужно было исследовать и что они хотели доказать; им казалось само собой понятным, что никто лучше предпринимателей не ответит на следующие вопросы: „Существует ли непосильная работа, вследствие слишком длинного рабочего дня, особенно у женщин и детей? Ведет ли женская работа к упущениям в домашнем хозяйстве? Влияние полевых работ на умственное развитие ребенка. Нуждаются ли в реформе существующие уставы о батраках?" и т. п. Если же кто-либо из опрошенных сельских хозяев „осветит суб'ективно" свои ответы, то ведь это будет легко распознать. Трудно допустить такое странное утверждение со стороны ученых людей.

Мы, конечно, не сомневаемся, что среди упомянутых сельских хозяев есть очень честные и знающие люди, у которых можно многому научиться; мы обязаны упомянутой анкете ботатыми и поучительными данными, но она положительно непригодна для выяснения необходимости реформ в положении сельских рабочих; она более чем непригодна, она вводит в заблуждение: ни один разумный человек не будет спрашивать о необходимости реформ у тех, кто имеет основание воспрепятствовать им.

Впрочем, кроме твердой уверенности в патриархальном благоволении юнкеров к своим рабочим, социал-политики имеют еще другие причины опрашивать лишь первых. Это недостаток средств и пособий—печальный показатель научного интереса наших правящих и обеспеченных классов. Этим господам следовало обратиться к социал-демократии: пролетариат доставил бы им и средства и пособия с тем, чтобы на ряду с хозяевами были опрошены и сельские рабочие.

Социал-демократия могла бы также преодолеть и второе препятствие, которое, по мнению г-на Тиля, мешало опросу сельских рабочих, их умственную отсталость. Да, эта отсталость несомненно существует, благодаря тому патриотизму, у которого больше денег находится для Киу-Чау, чем для народных школ, но все же наши единомышленники могли бы указать кое-где сельских рабочих, которые были бы в состоянии изложить гг. социал-политикам всю правду. Конечно, от немецких социал-политиков нельзя ожидать, чтобы они вошли в сношение с рабочими организациями, когда дело идет об изучении положения рабочих. Правда, те, которые это сделали, как Е. Х. Сакс в Тюрингене, Г. Геркнер в Эльзасе, получили богатые научные данные, но они должны были это делать в тайне: и это были молодые люди, без чина и звания. За то ни один из рассудительных гг. тайных советников, руководящих в Германии академической социальной политикой, не станет требовать, чтобы положение рабочих изучалось где-либо вне высших кругов.

Но если они не хотят унизиться до опроса рабочих о положении рабочих же, то ведь есть люди, которых они могли бы спросить, не унижая своего достоинства, и интересы которых не стоят в прямом противоречии с интересами рабочих. Позволительно думать, что на вопрос, мешает ли детская работа посещению школы, учителя дали бы более компентетные ответы, чем эксплоататоры детей, что об удовлетворительности пищи и жилища и о степени утомительности работы сельский врач мог бы дать более точные сведения, чем сельский хозяин; наконец, на ряду с учителями и врачами, в деревне есть духовные лица, серьезно относящиеся к своим обязанностям и, по крайней мере, от некоторых из них можно ожидать более беспристрастных ответов, чем от самых предпринимателей.

Такой образ действий союза социальной политики имел бы смысл, если б дело с самого начала шло о предпринимателях, а не о рабочих: если бы

анкета имела целью доказать бедственное положение первых и доставить средства для его улучшения.

При обработке результатов доктор Кергер это прекрасно понял и пришел к заключению: „Сельско-хозяйственный рабочий вопрос, по моему мнению, сводится к тому, как внушить сельским рабочим, особенно на прусском востоке, склонность наниматься на родине к местным землевладельцам?“

„Такой постановкой вопроса я хочу прежде всего выразить, что вопрос о сельско-хозяйственных рабочих существует, главным образом, с точки зрения работодателей, а не самих рабочих; за немногими исключениями, материальное положение сельских рабочих, к какой бы категории они ни принадлежали, хорошо во всей Германии и за последние 2—3 года обнаруживает тенденцию постоянно улучшаться. Таким образом, вопрос о сельских рабочих не нуждается в изыскании средств для под'ема экономического положения рабочих“. (Verhältnisse, I, стр. 217).

И потому единственная законодательная мера, предлагаемая Кергером, состоит в усилении наказаний за нарушение контракта. Таковы результаты немецкой научной анкеты о положении сельско-хозяйственных рабочих. Между тем и в этой несовершенной анкете, как идиллично ни окрашивает она факты, как ни избегает того, что невозможно окрасить в розовый цвет, желающие видеть могут найти достаточно фактов, указывающих на необходимость решительных мер для охраны сельского рабочего класса даже с точки зрения только гигиены. С точки же зрения социализма естественно заботиться не только о том, чтобы предотвратить вырождение рабочего населения, но и о том, чтобы поднять его умственно и нравственно, сделать способным взять в свои руки руководство экономическим движением.

Социальная политика, исходящая из убеждения, что сельский рабочий стоить очень низко и не в состоянии отвечать на вопросы о своем собственном положении, и приходящая к заключению, что его положение прекрасно и всякие меры для его улучшения излишни,—такая социальная политика заранее осуждена с социалистической точки зрения.

Из законов для охраны рабочих важнейшие те, которые ставят своей целью охрану подростающего поколения, ведь и все социальное движение направлено больше на пользу наших детей, чем нас самих.

Занятия детей в производстве не есть особенность капитализма. Они стары, как само человечество, пожалуй, даже старше, так как и зверь начинает отыскивать себе пищу гораздо раньше, чем он вырастет. Но капиталистический способ производства придал труду вообще и детскому труду в особенности своеобразный и неблагоприятный характер: на место работы в семье он поставил наемный труд на службу предпринимателя, из помощника работающим родителям ребенок стал их конкурентом, пестрая смена разнообразных занятий, развивающих душу и тело, заменилась однообразием, притупляющим умственно и физически, полузабава сменилась истощающим трудом. Последние отличительные черты присущи всякому наемному труду в капиталистическом обществе, но они особенно ярко обнаруживаются в области труда детей, которые гораздо менее стойки, чем взрослые, и в то же время гораздо впечатлительнее ко всем физическим и умственным воздействиям, последствия которых отзываются на всей их жизни.

Сначала разрушительное действие капиталистической эксплоатации детей обнаружилось лишь в крупной промышленности, но скоро оно стало очевидным и в ремесле и в сельском хозяйстве: в этих областях крупное производство с разделением труда создает ряд простых, легких приемов, которые, повидимому, легко могут выполняться детьми, и для которых исключительно употребляются эти дешевые, лишенные сопротивлении рабочие силы.

Но как в промышленности, так и в сельском хозяйстве наемная работа детей не ограничивается крупным производством: напротив, она чаще служит средством поддержать мелкое производство, снабдить его дешевыми рабочими силами. И чем больше развивается бегство из деревень, чем реже становятся там взрослые рабочие, тем сильнее становится потребность в привлечения детей к наемной работе.

Но детский наемный труд в сельском хозяйстве не может сопровождаться вредными последствиями, по крайней мере, так уверяют предприниматели, опрошенные социал-политическим союзом. Многие, однако, другого мнения. Правда, полевая работа происходит на чистом воздухе, и работа детей часто легка,—уборка камней, ощипывание хмеля и т. п. Но при системе наемного труда всегда требуют возможно большего напряжения сил, большой интенсивности и продолжительности работы, в то же время возможного однообразия ее, так как каждый переход от одной работы к другой сопряжен с потерей времени, а часто и с затруднением надзора. Самая легкая и в известных границах здоровая работа делается вредной, если она продолжается непрерывно дальше известного предела.

Ночной работы, существующей в промышленности, в сельском хозяйстве пока нечего опасаться, но сокращение ночного отдыха детей очень часто встречается именно в сельском хозяйстве; работы в нем, особенно летом (уход за скотом и зимой) начинаются необыкновенно рано и поздно кончаются. Так, Конрад Агад рассказывает о детях (в округе Лисса в Познани), занятых полевыми работами с 4 часов утра до школьных занятий; затем они идут в школу, а потом снова работают до сумерок. (Die Erwerbsthätigkeit cshulpflichtigen Kinder im Deutschen Reiche. Brauns Archiv, XII, стр. 413).

Доктор Э. Лауер, сельский учитель в Бруге, говорит об этом: „сельскохозяйственные работы могут быть опасны для детей именно тем, что они сокращаают необходимый ночной отдых. Работодатели, а также многие родители, часто не думают о том, как необходим ребенку сон. Будят детей от 10 до 15 лет в 4—5 часов утра и отпускают спать в 9 ч. вечера и позже: это жестокость, которая может сильно повредить развитию ребенка. Охрана труда должна запретить работу детей моложе 15 лет раньше 7 ч. утра и позже 7 часов вечера: для обеда должен быть гарантирован 2 часовой перерыв. Чтобы это правило достигло цели, оно должно быть распространено на школу и на домашнюю промышленность, и школьные занятия должны происходить в этот же промежуток времени“. (Die Beschluss des internationalen Kongresses für Arbeiterschutz in Bezug auf die Landwirtschaft. Schweizer Blätter für Wirtschafts und Sozialpolitik. VI Jahrgang, стр. 269).

Детскому организму вредит не только чрезмерная продолжительность, интенсивность и однообразие труда, но и всякая вообще регулярная работа в слишком раннем возрасте. Ни один разумный хозяин не запряжет жеребенка в ломовую телегу, но в то же время не редко в сельском хозяйстве детей с 6 лет запрягают в наемную работу. Агад рассказывает об одной познанской школе, где из класса с 55 учениками только двое не исполняют сельско-хозяйственных работ: 20 заняты у чужих, при чем родительский дом оставили 6-ти лет—2, 7—1, 8—2, 9—3, остальные 10-ти лет и старше. (Там же стр. 414). И такие 6-ти летние работники обречены на ежедневный труд в 12 и более часов, не считая дороги от дома до места роботы и обратно, а она в деревне часто бывает довольно значительна. Какие отвратительные условия могут развиться при эксплоатации детей в деревне, показывают следующие изданные на защиту детей постановления ангальтского правительства, но и то, что допускают эти постановления, достаточно скандально: только с 8 лет можно заставлять детей работать в продолжение целого дня, дети моложе могут быть заняты лишь половину или две трети этого времени... Рабочий день уста-

новлен с 6 ч. утра до 6 вечера, с 2 часовым перерывом для обеда. Если после работы предстоит итти пешком, то она должна оканчиваться так, чтобы возвращение домой пришлось не позднее 8 часов. При отправке детей в телегах необходимо избегать переполнения их и наблюдать, чтобы дети не выпали. До утреннего ученья не должно быть работы. В жаркие дни работодатель должен озаботиться достаточным количеством питья. (Цитир. из Агада, назв. соч., стр. 423).

Распоряжение ангальтского правительства было вызвано, вероятно, условиями работ на свекловичных плантациях наших сахарных заводов. Эти условия Шиппель описывает так: для некоторых работ употребляются исключительно дети, напр., для выщипывания свеклы, т.-е выдергиванья маленьких ненужных свекол. Нужно представить себе детей от 6 до 14 лет, сидящих в продолжение 12—18 часов скорчившись на земле, согнувшись так, что кровь приливает к голове. Взрослый не выдержит такого положения и десяти минут; что удивительного, если дети к концу недельной работы становятся ненормальными и совсем больными от сиденья на голой, сырой земле. И для этой работы школы дают каникулы, которые называются „свекловичными“. „Эти каникулы“, пишут из Мерзебургского округа Прусской школьной газете, „настоящее бедствие для школы: после того, как дети ползали целые дни и недели по свекловичным полям полуодетые, при чем при пребывании обоих полов вместе нарушалось чувство скромности и стыдливости, то по возвращении в школу, они оказываются до такой степени истощенными, тупыми, беспамятными и слабоумными, что сначала всякое умственное пробуждение и побуждение к ученью оказываются безуспешными. Лица у этих детей распухшие, взгляд неподвижный, кожа полопалась от солнечного жара, руки от продолжительного копанья в земле потрескались, и грязь так в'елась в раны и поры, что дважды вымытые мылом руки не делаются белыми. Вследствие продолжительного ползанья на четвереньках спинной хребет с трудом привыкает держаться прямо при стоянии и сидении“. Если в данной местности детей не хватает, то землевладельцы нанимают агентов и посылают их в поиски за детьми в соседние места и платят им, кроме поденщины, от 5 до 10 пфеннигов за каждого доставленного ребенка. Эти поиски сопровождаются заманиванием и обманами: детям обещают лимонад, пирожное и пиво: затем нагружают их на телеги и, с толпой музыкантов впереди, везут в назначенную деревню. Дневной заработок ребенка достигает 50—80 пфеннигов, при бесчеловечно длинном рабочем дне—он продолжается с 5 часов утра до 9 вечера. Работают даже в праздники! Если дети привезены и приманены из чужих селений, то едва к 11 часам ночи возвращаются они домой, можно себе представить в каком состоянии“. (M. Schippel. Die deutsche Zuckerindustrie und ihre Subwentionirten, стр. 22 и 23).

А что говорит Кергер? „Вопрос о сельско-хозяйственных рабочих существует только с точки зрения работодателей“. Может-быть, средств и пособий хватило бы у союза социал-политиков, чтобы послать опросный лист ангальтскому правительству. С ним то гг. тайные советники могли посоветоваться! Но мы несправедливы к анкете. Кое где находим мы и в ней крепкие словечки против детского труда. Напр., Б. Вебер сообщает: „в одном докладе из округа Иоганесбург констатировано, что рабочее время детей пастухов слишком длинно и ведет к деморализации“. (Verhältnisse. III, стр. 85).

Общий отчет из Лабио-Велау указывает на образ жизни детей пастухов как на очевидное, но трудно устранимое в крестьянстве злоупотребление, ведущее к порче детей. (Там же, стр. 128). Это вполне согласно с тем, что изложено Агадом: „наибольший вред причиняет детям пастьба скота, цифровые данные по этому поводу представлены учителями Померании, где 58 докладчиков на тему „сельско-хозяйственные работы детей“ установили, что

из 3.275 детей о 2.310 случаях высказано опасение о возможности деморализации, о 312 случаях высказывалось сомнение, а в остальных 653 случаях эта возможность отрицалась; но на ряду с этим были высказаны опасения за здоровье детей".

Фон дер Гольц тоже говорит „о нравственном и экономическом вреде образа жизни детей пастухов". (Die kindliche Arbeiterklasse, стр. 264).

Наши поэты изображали нам пастушков в поэтическом свете и, правда, в старину пастушеская жизнь имела свои преимущества и прелести, когда надо было гонять в леса и необитаемые места большое количество скота удерживать его в одном месте и охранять от всевозможных опасностей. Это развивало силу, ловкость, мужество, выносливость и проницательность. В настоящее время задача пастуха состоит в том, чтобы целый день сидеть с парой голов скота на лужайке и заботиться о том, чтобы скот не ушел за ее пределы. Его ум исполняет лишь одни функции, он стремится заградить скоту выход. Понятно, что эта вынужденная бездеятельность и неподвижность вызывает всевозможные дурные мысли и инстинкты. С пастушеством детей надо бороться с педагогической, если не с гигиенической точки зрения".

Но каким образом социал-политики из сельских хозяев пришли к осуждению пастушества детей? Откуда такая филантропия? Очень просто: „дети —пастухи употребляются преимущественно крестьянами, крупные землевладельцы имеют своих пастухов". (Вебер, стр. 127). Крупный землевладелец горюет не об участи детей, а, в виду недостатка в рабочих, о том, что мелкое, хозяйство растрачивает эти дешевые рабочие силы: „сила этих детей была бы употреблена гораздо полезнее, если бы они были заняты полевыми работами; это пошло бы на пользу не только им и их родителям, но и сельско-хозяйственным работодателям". (Гольц, там же. стр. 265).

Эта заботливость о детях стоит на одной высоте с заботливостью одного докладчика из Вестфалии, который уличает тамошних владельцев рудников в нарушении предписаний о работе подростков и выражает пожелание, чтобы подростки были совершенно устранены из промышленности: „если бы в промышленности был строгий надзор за тем, чтобы подростки до 16, а еще лучше до 18 лет, не принимались вовсе, то последние были бы вынуждены поступать на службу к сельским хозяевам и ремесленникам, что было бы полезно как сельскому хозяйству, так и промышленности". (Velhältnisse, I, стр. 140).

Таким образом сельские хозяева, опрошенные нашими социал-политиками, не совсем очерствели в вопросе о защите детей: если односторонняя защита служит побуждением к работе у другой стороны, то она желательна.

Особенно печально положение работающих по найму детей там, где они чужие, где нет никого, кто мог бы служить им защитой и поддержкой, и где они безоружные находятся в полной власти своих эксплоататоров. А это бывает нередко. Отхожие работы детей без сопровождения взрослых часто встречаются в южной Германии, в Бадене, Вюртемберге. В Тироле существует особое „Общество детей пастухов", которое занимается торговлей детьми. В Форальберге „швабские дети" представляют особую категорию школьников, которые с 10 лет пользуются „преимуществом" с 15 марта до половины ноября освобождаться от посещения школы для того, чтобы наниматься на полевые работы в соседние страны. Равенсбург является главным рынком, куда весной пригоняют сотни детей из Тироля и Форальберга, чтобы продать их на лето тому, кто даст дороже. Транспортом нежного человеческого товара занимается деревенское духовенство.

Легко себе представить, какое обращение выпадает на долю этих бедных совсем чужих детей. Крестьянская „Бернская Сельско-хозяйственная Газета" заявляет в статье (1 сентября 1896 г. „сельско-хозяйственный рабочий вопрос"),

что в недостатке рабочих в деревне большей частью виновато дурное обращение с батраками, особенно с дворовыми мальчиками".

На одном уровне гуманности с продажей детей на срок стоит отдача их крестьянам „Попечительствами о бедных покинутых детях"; о подобной системе в Швейцарии сообщает компетентный сотрудник Neue Zeit (XVII, стр. 197), под псевдонимом Рустикус: эта система небезызвестна и в Германии. Насколько мучительство детей развивается под влиянием крестьянской среды даже в воспитательных учреждениях, доказывает поразительный пример в только что упомянутой статье Рустикуса (стр. 204): „как случайный результат расследования по поводу уголовного преступления Иорди (Straf und Sexualmissbrauch von Pflegebefohlenen Jan. 1898) обнаружилось возмутительное обращение с девочками в воспитательном заведении для высшего сельского хозяйства в Берне. Девочки воспитательного заведения Керзац в Берне летом должны вставать в 4—4½ часа, чтобы давать корм скоту. Затем они должны чистить стойла, убирать навоз, выкачивать навозную жижу, на склонах холмов вместо работы тяжелым плугом вскапывать землю, в долинах чистить моховые ямы, разрыхлять землю и т. п.

Все эти работы, превосходящие столь юные силы, даже не принадлежат по большей части, согласно господствующим в Берне взглядам, к женским работам и в глазах всякого здравомыслящего человека являются жестокостью, сколько бы ни говорили о „благословении труда", который в единении с молитвами и изречениями из библии должен с корнем вырвать „зародыши зла".

Положение детей, проданных крестьянам, где они при патриархальных отношениях являются членами крестьянской семьи, еще сносно, много хуже положение детей, оставивших родину, которые, как рабы предводителя банды-агента, странствуют под его жестоким управлением. При других обстоятельствах мы вернемся к системе странствий и отхожих работ вообще, а теперь заметим только, что даже г. Кергер был вынужден заявить, что „самые маленькие дети должны быть безусловно ограждены от опасностей не только для нравственности, но и при чрезмерной напряженности труда на свекловичных полях и для здоровья еще слабого организма, являющихся последствием отхожих работ в Саксонию". (Die Sachsengängerei, стр. 207).

В виду подобных фактов нет ничего удивительного, что не только теоретики, но и практики, хорошо знакомые с положением сельского хозяйства, энергично высказываются в пользу законодательной защиты детей в сельском хозяйстве. Напр., доктор Р. Мейер заявил на Цюрихском конгрессе защиты труда: „г. референт, кажется, думает, что полевые работы здоровы для детей. Я думаю, он никогда не видал северной Германии, Богемии, Венгрии, не видал там громадных свекловичных и картофельных полей. Он никогда не видал, как осенью, в сырости и холоде, дети с раннего утра и до поздней ночи ползают по земле, собирая свекловицу и выкапывая картофель. И таких детей гораздо больше, чем детей фабричных, о которых только вы заботитесь".

В действительности, в 1882 г. насчитывалось в Германии 406.474 занятых наемным трудом детей моложе 14 лет, из них 143.262 занятых в промышленности, горном и строительном деле и 291.289, т.-е. вдвое больше, в сельском хозяйстве. В 1895 г. в первый раз были сосчитаны отдельно дети моложе 14 лет и моложе 12 лет. Всех детей моложе 14 лет занятых наемным трудом было 214.954, из них 135.125 в сельском хозяйстве. Из 32.298 детей моложе 12 лет на сельское хозяйство приходилось ни много, ни мало —30.604. Все эти цифры можно принимать за минимальные, на самом же деле число работающих детей много выше—миллион и больше. Доктор Гольц полагает число одних только детей-пастухов к востоку от Эльбы от 50 до более чем 100 тысяч. (Die ländliche Arbeiterklass, стр. 265). Но во всяком случае эти цифры официальной статистики указывают на отношение между

промышленной и сельско-хозяйственной работой детей. Таким образом, эксплоатация детей в сельском хозяйстве широко распространена, и защита их настоятельно необходима.

Вопрос о детском труде не так прост; на это указывает Бернштейн, непосредственно после Цюрихского конгресса, в своей интересной статье „Sozialismus und die gewerbliche Arbeit der Iugend". (Neue Zeit XVI, I, стр. 37). Производительная физическая работа детей содержит в себе целый ряд важных воспитательных мотивов. В пору развития нет ничего вреднее односторонней умственной работы. Достаточная физическая деятельность необходима. И кто в этом возрасте не выучится физическому труду, тому трудно будет позже привыкать к нему, и он никогда не достигнет той ловкости и того навыка в работе, которые свойственны работающим с детства. Но в продуктивной работе есть еще важный нравственный момент: вовсе не безразлично, вырастают ли дети паразитами общества или его полезными членами. Сын буржуа, который в годы сформирования характера стоит в стороне от работы, если будет принужден вдруг встать на свои ноги, часто оказывается слабым и безхарактерным, низкопоклонником и прихлебателем, который хочет проложить себе дорогу посредством покровительства других, а не своими силами. Напротив, в пролетарии необходимость продуктивно работать и заботиться о себе, а иногда и о других, рано пробуждает чувство ответственности, а также и сознание своей силы.

Великие утописты социализма, которые в то время были великими педагогами, хотели рано привлечь юношество к работе. Джон Беллерс и Фурье заставляли детей уже между 4—5 годами исполнять полезные работы. Роберт Оуен—с 8 лет.

В этом стремлении они сходятся с промышленными капиталистами. Но то, что в будущем обществе социальных утопистов должно служить средством для возвышения и облагораживания человечества, в капиталистической действительности является одной из причин ужаснейшего вырождения трудящегося пролетариата. Нет нужды приводить доказательства этого—они со времени Оуена приводились бесчисленное число раз. Таким образом, капиталистическое общество стоит перед дилеммой: отдать ли юношество во власть капитала и вести к гибели работника будущего, а с ним вместе и весь рабочий класс, или лишить юношество продуктивной работы и этим подвергнуть серьезной опасности выработку его характера и работоспособности. При капиталистическом способе производства полное решение этого противоречия невозможно, так же, как и удовлетворительное воспитание массы населения. Капиталистическое общество, по мере того, как его искренние и разумные защитники берут верх над близорукими интересами фабрикантов, удовлетворяется компромиссом: оно совершенно вычеркивает до известного возраста (от 12 до 14 лет) из воспитательного плана продуктивную работу для того, чтобы после этого об'явить воспитание подрастающего пролетариата законченным и предоставить его исключительно „продуктивной работе", т.-е. капиталистической эксплоатации.

Социал-демократия в своих практических победах в этой области становилась почти вполне на почву указанного компромисса. Она отличалась от заботливой буржуазии лишь тем, что старалась чисто-механически поднять предельный возраст детского труда. Но чем дальше она идет в этом направлении, чем больше приближается к цели дать юношеству возможность начинать продуктивную работу лишь в зрелом возрасте, тем дальше отходит она от возможности предоставить продуктивной работе влияние на выработку характера и работоспособности подрастающего поколения; избегая Сциллы, попадает в Харибду.

Вряд ли в интересах самого рабочего класса повышать предельный возраст совершенного запрещения детского труда далее достигнутой теперь нормы—14 лет. Чем ниже установлен предельный возраст, тем строже должны быть постановления для защиты работающих детей, и понятие „дети“ должно браться в большем об'еме, т.-е. до 18 лет. В настоящее время, когда так повысилась интесивность труда, с одной стороны, и потребность рабочего в общественной деятельности и в образовании, с другой, и везде раздается требование 8-часового рабочего дня для взрослых, мы находим такой же рабочий день для подростков слишком длинным. Мы предпочли бы, чтобы Цюрихский конгресс потребовал для подростков 4-часового рабочего дня, вместо того, чтобы повысить до 15 лет предельный возраст воспрещения всякой промышленной работы. Система принятая в настоящее время в английской текстильной промышленности, в которой дети до 14 лет работают лишь полсмены, т.-е. 4½ часа в день, должна быть введена для подростков до 18 лет. Чем ниже предельный возраст детского труда, тем строже должно быть проведено законодательное выделение отраслей производства и родов работы, в которых применение труда детей и подростков должно быть безусловно запрещено; тем строже должны быть выработаны гигиенические условия работы; тем совершеннее должна быть промышленная инспекция, многочисленнее и независимее инспектора, тем важнее, чтобы в инспекции на ряду с техником и практическим работником имели право голоса врач и педагог.

Само-собой разумеется, что все это касается не только фабрик, но еще больше ремесла и домашней промышленности, где детский труд находится в гораздо худшем положении.

г) Школа.

Стремление поставить детский труд в современном обществе, насколько возможно рационально, не должно ограничиваться, если оно хочет достичь цели, одними местами работы; оно необходимо должно включить школу в круг своих действий, привести учение и работу в связь между собой, приспособить их одно к другой. Здесь ясно обнаруживается пропасть между социал-демократией и реакционным, мелко-буржуазным христианским социализмом; каждая из этих партий желает ограничить капиталистическую эксплоатацию; но последняя—для того, чтобы задержать развитие общества, а первая,—чтобы его ускорить; последняя—для того, чтобы вернуть пролетариев, если не к мелкобуржуазным условиям жизни, то хоть к образу мысли мелкобуржуазного средневековья; первая же для того, чтобы поднять и жизненный уровень и образ мыслей на высшую степень, сделать пролетариев способными шагнуть за пределы капиталистического общества. Для этого социал-демократии настолько же нужно обновление школы, насколько оно ненавистно христианскому социализму.

Мы ни в каком случае не принадлежим к тем, кто преувеличивает значение школы. Нет ничего ошибочнее взгляда, будто юношество, а вместе с ним и будущее, принадлежит тому, кому принадлежит школа.

Нас формирует не одна школа, а вся жизнь, маленькую частицу которой составляет школа. Где школьное учение приходит в столкновение с учением жизни,—побеждает последнее; как бы ни была школа благочестива и религиозна, она никогда не воспитает ни ханжу, ни низкопоклонника, если жизнь учит материализму и демократизму. Где учения школы приходят в столкновение с учениями жизни, там они только вредят детям, отнимая понапрасну время и достигая всеми воспитательными воздействиями совершенно противоположных результатов; господствующим же классам, власть которых должна подкреплять школа, она приносит слишком мало пользы.

Как бы хороша ни была школа, она не в силах возвысить умственный и нравственный уровень человечества, если вся окружающая среда не благоприятствует этому. Преобразование общества не может исходить из школы. Каждая общественная формация, каждый класс нуждаются в особом виде образования и воспитания, без чего он не может выполнить своей задачи, и в этом отношении тот или иной вид школы—далеко не безразличная вещь.

У нас нет оснований утверждать, что современный средний человек, посредством своих школьных познаний, возвышается умственно и нравственно над сыном природы. Нам кажется, прежде всего, что поэты и толпа гомеровских поэм или Эдды превосходили творцов современной народной поэзии не только эстетическим чувством, но и нравственной силой, умом, пониманием природы и людей. Им не нужна была школа, чтобы развить и облагородить ум и душу, чтобы приобрести познания. Социальная жизнь общины, двигающаяся в продолжение тысячелетий в одном направлении, учила их всему, что было нужно; устных сообщений и личных наблюдений было вполне достаточно, чтобы каждому среднему человеку сделать доступным весь практический опыт и все познания общества.

Теперь, во времена международного общения, во времена постоянных революций, не только политических, но главным образом технических и коммерческих,—в жизни общества наблюдаются скачки и колебания, пред которыми беспомощно становится тот, кто руководится лишь устным сообщением и личным наблюдением. Чтение, письмо, счет, основы естествоведения, география и статистика, политическая история—безусловно необходимы каждому, кто должен ориентироваться в общественном производстве. Эти школьные знания, особенно в том виде, в каком им обучают теперь, требуют сами по-себе гораздо менее понимания и верного взгляда, чем познания, распространявшиеся в древности посредством устного сообщения на площади и личного наблюдения; школьные познания—плохой суррогат наглядного обучения, а обычные народные чтения, дешевые сентенциозные газеты и лубочная литература действуют скорее притупляющим, чем развивающим образом, тогда как наблюдения природы, с которой приходится бороться, рассказы посетителя, приехавшего издалека, постоянно возбуждают ум и увеличивают познания. Но все-таки, если замена наглядного обучения школьной наукой и не обусловливает умственного и нравственного превосходства культурного человека над сыном природы, тем не менее она стала необходима первому для выполнения его задач. Жизнь культурного человечества так бесконечно расширилась и во времени и в пространстве, что одному индивидууму, как бы ни был он богато одарен и работоспособен, невозможно охватить ее личным наблюдением; как последнее ни важно, оно обнимает лишь часть всей жизни, а остальное можно узнать и научиться узнавать только посредством школьной науки.

В настоящее время, как отдельным личностям, так и целым нациям невозможно без известного школьного образования одержать верх в борьбе с конкуренцией и удовлетворять требованиям современной культуры. То, что дает настоящая народная школа, тем менее достаточно, чем больше развивается общество; необходимо улучшить и расширить народную школу, ввести всеобщее дальнейшее образование в продолжение нескольких лет после 14-ти.

При урегулировании продолжительности детского труда нужно обратить внимание, наряду с гигиеническими, и на педагогические требования. Детский труд и после 14-ти лет должен оставаться в границах, облегчающих регулярное и плодотворное посещение школы.

Но школа служит не только обучению, но и воспитанию.

Пока общественная жизнь была публична, она давала все воспитывающие моменты, необходимые для целей общества; общества равных, сверстников в игре и легких работах, примера взрослых, участия в их делах, поуче-

ния старцев было достаточно для развития социальных добродетелей. В настоящее время для детей, в особенности в городах, место публичной жизни заняла жизнь личная, семейная. Теперь детей воспитывает не общество, а, как предполагается, родители; но им не хватает как-раз тех педагогических факторов, которыми обладает жизнь в обществе, жизнь среди равных; ребенок научается от родителей в лучшем случае послушанию, но не товариществу, не единодушию и самостоятельности. И многие ли родители имеют способность воспитывать своих детей? Обязательная работа вполне поглощает их. Семья отнимает у детей не только общество равных, но и полезные занятия, особенно у мальчиков; современная семья отделена и от общества и от работы. Если дети не ходят на наемную работу, то они лишаются воспитательного значения примера в работе и сотрудничестве. Тут на сцену выступает школа; она соединяет изолированных детей и дает им этим могущественное средство воспитания равными, и в то же время планомерные, обдуманные занятия под руководством старших; но чтобы эти занятия оказывали педагогическое влияние, они должны быть разносторонни; дети не только должны наполняться мертвой школьной наукой, но проникаться живым чувством человечности; учитель должен сближаться с ними не только как преподаватель, но и в игре и в работе, т.-е. в такой деятельности, которая в отличие от учения и игры дает немедленный видимый результат; эта деятельность имеет ясную и для ребенка цель и, посредством удовольствия, получаемого от того, что сделано, возбуждает радость творчества и самосознание.

Для более зрелого юношества школа должна быть дополнением к продуктивной работе, но последняя не должна отсутствовать и в первые годы посещения школы, не столько из экономических, сколько из педагогических соображений.

Для того возраста, когда наемный труд воспрещен, необходимо соединение преподавания с продуктивной работой, соединение школы с учебной мастерской и опытным садом, где преподавались бы и практиковались простейшие приемы различных ремесл и ухода за растениями, и это тем необходимее, чем выше предельный возраст.

Мы видим, что вопрос о детском труде заключает в себе сложную проблему; простого механического повышения предельного возраста наемной работы, очень мало.

Вопрос о детском труде принимает иной вид, когда мы от индустрии перейдем к сельскому хозяйству.

В нем участие детей в труде для привычки к нему и для приобретения небходимого навыка еще необходимее, чем в промышленности; в последней разделение труда и машины сводят труд отдельного лица к немногим простым приемам, не требующим ни физической силы, ни ловкости, но обучение которым все же трудно дается неопытным. В сельском хозяйстве существует много различных работ, требующих внимания, ловкости, часто физической силы и стойкости против климатических влияний; ко всему этому нужно привыкать с ранних лет. Теперешний городской рабочий неспособен к сельско-хозяйственным работам.

В деревне нет и той диллемы, которая существует в городе, где запрещение наемного труда означает почти полное запрещение производительного труда, запрещение капиталистической эксплоатации равносильно запрещению развивать детскую работоспособность и подвергать детей воспитательному влиянию полезной для общества деятельности.

В деревне в настоящее время каждое домашнее хозяйство связано с сельско-хозяйственным производством. Наемный рабочий там также ведет свое хозяйство, если у него есть семья; и детям, чтобы работать, не нужно нани-

маться к посторонним; запрещение наемного труда при этих условиях означает именно запрещение капиталистической эксплоатации.

Если в индустрии запрещен детский труд до 14-ти лет, то это нужно было сделать еще раньше в сельском хозяйстве. Отхожие промыслы детей во всяком случае должны быть запрещены до более зрелого возраста. Они особенно часты в виде системы кочевания, самой отвратительной и деморализирующей формы наемного труда.

Но этим запрещением не разрешается еще детский вопрос в деревне; мы только-что указали, что в деревне работа в родительском хозяйстве дает достаточно поводов для деятельности ребенка. Этими поводами родители часто злоупотребляют до обременения и истощения детей работой; возможное увеличение работы собственных детей в ремесле и сельском хозяйстве является средством, при помощи которого мелкое хозяйство поддерживает свое существование. Сильное стремление сократить время школьного обучения в деревне показывает, как важно стало это средство для крестьян. Этому стремлению нельзя уступать ни в коем случае: в деревне, в интересах самого сельского хозяйства, особенно необходимо улучшение и расширение школьного образования. Современный способ производства в промышленности до крайности упростил ручной труд. Не то мы видим в сельском хозяйстве; оно становится все сложнее, его орудия совершенствуются, его методы требуют все больше ума и предусмотрительности. Таким образом, как-раз сельское хозяйство требует более интеллигентных сил; а они к нему притекают всего менее—его более одаренные работники уходят в город; в то время, как города своими газетами, союзами, собраниями, музеями и т. п. дают бесчисленные побуждения для дальнейшего внешкольного образования,—в деревне едва ли что найдется, что воспрепятствовало бы исчезновению у взрослого крестьянина даже скудных школьных знаний. Тем важнее в деревне школьное обучение не только до 14-ти лет, но и дальше,—такое обучение, которое само служило бы побуждением к дальнейшему самообразованию.

Земледелец требует детского труда; он требует его тем больше, чем меньше становится число наемных рабочих в деревне. Но ему нужно также более высокое образование. Последнего можно достигнуть, не увеличивая времени школьного образования, даже сократив это время до известной степени, если на место нравственно, умственно и научно бесполезного религиозного образования ввести обучение основам тех наук, которые нужны для рационального ведения сельского хозяйства (химия, механика, ботаника, зоология, география), и знание которых обегчит сельскому хозяину, в случае надобности, дальнейшее образование.

Но как раз те партии, которые взяли на себя спасение сельского хозяйства, стремятся, где обстоятельства этому благоприятствуют, к сокращению времени школьного обучения и к вытеснению и без того скудных реальных познаний религиозным обучением, которое и так преобладает в народной школе.

Из существующих партий лишь поддерживаемые государством жертвуют успехами сельского хозяйства ради своих временных, противных культуре, интересов.

Всего хуже в этом отношении поступают ультрамонтаны в Австрии. Но и в Германии, даже в протестантских приходах, можно наблюдать то же самое.

Например, тюрингенский сельский священник написал книгу о „верованиях и нравственности крестьян", в которой, говоря о влиянии новейших школ на население, отзывается о них весьма неблагоприятно: „теперь чтение ведет прямо в сумасшедший дом; впрочем, с крестьянином это случается реже, ибо он привык к нему еще в школе. Мне кажется, с этой стороны грозит большая опасность, на которую мало обращают внимания, а именно: отчасти излишнее

чтение, как средство образования, а главным образом, современная школа отнимает у крестьянина еще в детстве и юности возможность упражняться в труде, а что еще важнее—любовь к нему и радость труда и довольство своим положением. Всякому беспристрастному наблюдателю ясно, что мальчики и девочки, которые, начиная с первоначальных школ и кончая повторительными, с 6 до 14 лет, для занятий книгами устраняются от полевых работ, начиняются всевозможными науками и делаются полуучеными, не чувствуют потом расположения к полевым работам, к уходу за скотом и вообще к сельскому хозяйству. Я часто наблюдал, что именно прилежные и способные ученицы неохотно покидают школу и с тайным отвращением покоряются обязанности помогать отцу и матери. Вполне понятно, что школьное образование мешает правильному, т.-е. раннему приучению к сельско-хозяйственным работам, но оно часто у впечатлительных детей пробуждает и питает страстное стремление к изображаемой в детских и народных произведениях праздной, богатой и полной наслаждений жизни, к так называемому „благосостоянию“ других сословий. В конце концов фанатики образования постигнут и, может быть, ужасным образом, что „интеллигентность“ в деревне имеет очень темные обратные стороны. Нынче все быстро делается,—также и вывод заключений, и если неудовлетворенный крестьянин от неудовлетворенности перейдет к вольнодумству и рабочему движению, то социал-демократия прийдется ему вполне по вкусу“. „Это нынче в воздухе“, говорил старый опытный старшина, он прибавил: „прежде люди не думали о таких вещах, а принимали жизнь и довольствовались ею, как она есть, теперь они сравнивают свое положение с положением других и спрашивают себя: „почему им должно быть лучше, чем нам?“

Невозможно высказаться циничнее: так как более высокое образование делает людей социал-демократами, то пусть народ остается в невежестве. Что до того, что невежественный крестьянин еще менее способен вести рациональное хозяйство, чем знающий! Нам нужны не зажиточные, а покорные крестьяне, а потому „да здравствует псалтырь и катихизис, и долой те крохи естествознания и социального образования, которые западут в деревенской школе в головы деревенских детей“. Неудивительно, что наш крестьянский друг с удовольствием сообщает об уменьшении расположения крестьян к школе. („О верованиях и нравственности крестьян“ Тюрингенского сельского священника, стр. 24, 26. Ср. также извлечение из Bildungsschwindel, стр. 97).

Подобным же образом высказался в анкете союза социальной политики о положении сельских рабочих докладчик из округа Висбаден: „если вследствие улучшенных школ повысилось образование сельских рабочих, то увеличилась и их грубость“. (Другие докладчики утверждают противное). Эта грубость является плодом излишнего чтения газет.

Из той же по преимуществу мелкобуржуазной области сообщалось, что сельские повторительные школы, которые в 70-х годах посещались очень усердно, теперь посещаются много меньше. (Положение сельских рабочих в Германии, II, стр. 54, 61, 63).

Как много нужно еще сделать в области сельского повторительного образования, показывает следующий обзор его в Пруссии (см. стр. 261).

Общий расход на все школы равняется 91.808 маркам, из них целых 33.147 марки выдало государство. Почти столько, сколько стоит пара выстрелов из большой пушки. И в то же время выбрасываются громадные суммы денег „для спасения сельского хозяйства“. Конечно для возвышения земельной ренты повторительные школы не дадут ничего.

Повторительная школа ставит пред крестьянином трудную диллему: чем невежественнее он, тем нерациональнее его хозяйство, тем менее он в состоянии применять те немногие технические усовершенствования, которые возможны в его мелком предприятии. Но чем выше его образование, тем сильнее чувствует

	Количество сельских повт. школ.	Стоимость содержания в марк.	Число ученик.	Число крест. мальчик. от 14 до 18 л.
Восточная Пруссия . . .	—	—	—	64.000
Западная Пруссия . . .	8	1.265	91	47.000
Бранденбург	1	50	26	65.000
Померания	3	150	25	45.000
Познань	21	441	213	57.000
Силезия	33	5.297	910	131.000
Саксония	41	4.932	735	65.000
Шлезвиг	50	5.027	394	36.000
Ганновер	133	14.753	1.982	70.000
Вестфалия	8	1.430	138	77.000
Гессен-Нассау	320	27.812	4.518	48.000
Рейнская провинц. . . .	206	26.132	3.791	121.000
Гогенцоллерн	51	3.519	504	2.600
Всего	875	91.808	13.317	828.600

он борьбу за существование, принуждающую его к непосильной работе и понижению своих жизненных потребностей, тем скорее бросает он свое занятие.

Это очень неприятно тем, кто хочет сохранить теперешний крестьянский способ производства, как опору современного общества, а не защитникам общественного прогресса. Если крестьянское хозяйство несовместимо с требованиями культурной жизни, которые порождает более широкое целесообразное образование, то это говорит против первого, а не против последнего. Улучшение школьного образования должно вызвать более рациональную постановку крестьянского хозяйства там, где оно еще способно улучшаться; где же положение дела этого не допускает, более высокое образование должно побудить население оставить крестьянское хозяйство; как в первом, так и во втором случае образование является фактором экономического прогресса.

Школьное обучение имеет еще одну хорошую сторону. Там, где отсутствуют законы о защите детей, оно было до сих пор прекрасным средством противодействовать чрезмерному обременению детей в собственной семье, в сельском хозяйстве и домашней индустрии, это тем более ценно, что законодательство избегает вторгаться во внутреннюю жизнь семьи. Для ограничения наемной работы детей в деревне обязательное обучение будет необходимо и тогда, когда детский труд будет совсем запрещен. При больших расстояниях и разбросанности работников на большом пространстве контроль за применением закона об охране труда в сельском хозяйстве будет труднее, чем в промышленности. Неуклонное проведение обязательного обучения свело бы наемный труд детей к таким размерам, когда он не был бы более выгоден.

Характерно, что единственный известный нам закон о защите труда в сельском хозяйстве, английский Agricultural Children Act 1874 г., ограничивает детский труд лишь косвенно, посредством обязательного обучения. По этому закону дети моложе 8 лет не могут быть вообще заняты в земледелии. От 8 до 10 лет они могут быть заняты при условии посетить школу 250 раз в году; с 10 до 12-ти лет требуется только 150 посещений. Всякие отхожие работы воспрещены. Как ни скудны эти ограничения, допускающие, кроме того, некоторые лазейки, все же они вызвали сокращение до минимума работы детей моложе 12-ти лет.

Школа, как элементарная, так и повторительная, имеет в деревне большее значение, чем в городе. Стремления к защите работающих детей должны быть приписаны прежде всего ей.

Запрещение наемного труда для детей моложе 14-ти лет, запрещение работы с 7 часов вечера до 7 часов утра для всех детей и подростков без исключения, запрещение отхожих промыслов для подростков, запрещение исключений из обязательного обучения, мотивированных промышленной целью, достаточное количество обязательных повторительных школ,—вот требования, которые вытекают из социал-демократической социальной политики в отношении сельско-хозяйственного труда детей.

д) Женский труд.

О женском труде можно сказать короче.

Его развитие в сельском хозяйстве не идет параллельно с развитием в индустрии; здесь мы видим ясный пример, как изменчиво разделение труда между полами, как постоянно передвигались границы между областями труда женского и мужского, и как неуместно поэтому считать эти границы естественными, т.-е. вечными по отношению к общественным порядкам.

Хлебопашество при своем возникновении выпало исключительно на долю женщины, а мужчина занимался охотой и скотоводством. По мере роста значения земледелия для общества, возрастало значение женщины для семьи и общества, как его главной кормилицы (см. интересную статью К. Кунова, Экономические основы матриархата, Neue Zeit, т. XV, стр. 106). Когда же хлебопашество стало отодвигать охоту и скотоводство на задний план, то и мужчина должен был за него приняться. Параллельно с развитием земледелия развивалась оседлость населения; жалкий шалаш заменялся крепким просторным домом с значительным хозяйством.

Работа по дому возросла и вскоре совершенно поглотила женщину, а часто женское искусство—хлебопашество,—изобретение которого недаром греки и римляне приписывают женским божеством,—сделалось достоянием мужчины.

Липперт спрашивает себя, почему в еврейских мифах хлебопашество с самого начала приписывается мужчинам: Адаму, Каину, Ною, и полагает, что евреи не переживали стадии изобретения хлебопашества, а переняли его на довольно высокой степени развития, когда завоевали Ханаан (см. Липперт, История культуры, 447). Скотоводство, напротив, стало переходить в руки женщины по мере того, как исчезали дикие звери, от которых нужно было защищать скот, и чем больше времени скот проводил в стойлах, превращаясь в домашнее животное.

Капиталистический способ производства снова выгнал женщину в поле, создав, с одной стороны, многочисленный сельский пролетариат, вознаграждение которого слишком низко, чтоб на заработок одного мужчины содержать семью, и для повышения его приходится привлекать к работе женщину и ребенка, что, конечно, еще больше понижает заработок мужчины; с другой стороны, положение крестьян ухудшается все более и вынуждает их для поддержания своего существования напрягать все свои силы и силы жен и детей до последней возможности.

Где крестьянину живется хорошо, женщина ограничивается домашним хозяйством, за которым ей довольно дела. Это касается также и жены поденщика. В Америке она никогда не принимает участия в жатве, несмотря на недостаток в наемных рабочих. „Самое характерное для воззрений и понятий американских фермеров—положение их жен. Женские члены фермерской семьи заботятся исключительно о хозяйстве в узком смысле, а грубые работы предоставляют мужчинам... Очень редко случается видеть в Америке женщину, работающую в поле, и можно быть уверенным, что она из семьи переселенцев. (Зеринг, Сельско-хозяйственная конкуренция северной Америки, стр. 180).

Этот факт трудно доказать статистическими данными, так как статистика занятий устанавливает лишь факт работы в известной отрасли, а не указывает род ее. Во всяком случае характерно, что в Германии в 1895 г. на 3.239.646 сельских рабочих мужчин приходилось 2.380.148 женщин, а в Соединенных Штатах в 1890 г. числилось „земледельческих рабочих“ 2.556.957 мужчин и 447.104 женщины, а просто рабочих (в том числе многочисленные сельские рабочие) 1.858.558 мужчин и только 54.815 женщин.

Но эта тенденция не ограничивается Америкой. В Англии, благодаря эмиграции, положение сельских рабочих за последнее десятилетие в общем улучшилось, вследствие повышения платы и падения цен на предметы потребления. Параллельно с этим идет уменьшение женского труда в сельском хозяйстве: обыкновенно устранение женщин от полевых работ доказывает улучшение положения рабочих, говорит неоднократно цитированный уже нами новейший отчет английской анкеты о нуждах сельского хозяйства. (Стр. 37).

В Великобритании (кроме Ирландии) считалось сельских рабочих в 1877 г.

	мужчин	женщин
	1.060.836	100.902
	873.480	46.250
уменьшилось на	187.356	54.652

Количество мужчин уменьшилось на 18%, и женщин на 54%.

В Германии улучшение участи сельского работника менее заметно; но и здесь полевая работа женщин уменьшается. Так, Вебер сообщает из западной Пруссии: „местами женский наемный труд совсем исчез; жены свободных поденщиков ищут возможности избежать его“. Из восточной Пруссии: „жены поденщиков почти повсеместно очень редко работают вместе с ними; женский труд, кажется, решительно уменьшается“.

Из Померании: „сокращение женского труда, в сравнении с 1849 г., очевидно и т. д.“ (Положение сельских рабочих в Германии, стр. 49, 185, 202 и 377). Таким образом, развитие идет здесь совсем в ином направлении, чем в промышленности, и это вполне понятно, принимая во внимание громадное значение частного домашнего хозяйства в деревне, которое здесь совсем иначе занимает женщину, чем в городе.

Лишь горькая нужда, уменьшающая до крайности домашнее хозяйство, вынуждающая к чрезмерному труду, может погнать жену поденщика или мелкого крестьянина в поле на наемную работу. Характерно, что английские фермеры, как на одну из причин уменьшения женского труда, указывали на увеличение забот о детях, которым был запрещен наемный труд. „Обязательное обучение лишило нас не только детского, но и женского труда, так как женщины остаются дома и присматривают за детьми“. (Каблуков, Рабочий вопрос в деревне, стр. 102). Так как наемный труд замужних женщин в деревне оказывается в массе явлением исчезающим, одновременно с улучшением положения сельских рабочих, то он не требует собой законодательной защиты там, где общая социальная политика достаточно сильна, чтобы вызвать такое улучшение.

Также наемный труд девушек, сколько нам известно, в своей преобладающей форме—работе в качестве прислуги—не нуждается в особых ограничительных мероприятиях, не распространяющихся на всю прислугу или весь сельский рабочий класс.

Но такие мероприятия необходимы для защиты девушек, занимающихся отхожими работами.

е) Отхожие работы.

Классической формой отхожих работ является кочевая система Англии. В своем „Капитале“ Маркс так описывает ее: „группа отхожих рабочих состоит из 10—14 или 15 лиц, женщин, подростков обоего пола (от 13 до 18 лет), впрочем, мальчики старше 13 лет отделяются, наконец, детей обоего пола (от 6 до 13 лет). Во главе стоит староста группы, обыкновенный сельский работник, по большей части негодяй, развратник, беспокойный и пьяный, но с некоторым предпринимательским духом и savoir faire... Он странствует из одного имения в другое и эксплоатирует свою группу от 6 до 8 месяцев в году. Оборотными сторонами этой системы является чрезмерная работа детей, большие переходы и деморализация группы. Часто можно видеть 13—14 летних девочек, беременных от своих сверстников. Деревни, доставляющие контингент для отхода, превращаются в Содом и Гомору и дают вдвое больше незаконных рождений, чем все остальное государство. (Маркс. Капитал, 2 приложение, I, стр. 726—728).

Немногим лучше некоторые виды немецких отхожих работ. Послушаем вполне благонамеренного свидетеля, горячего панегириста отхожих промыслов, такого горячего, какой только может быть в данном случае—Кергера.

„Отхожие рабочие из бедных, экономически отсталых областей, отправляются в округа свекловичного производства, особенно в Саксонию на работы по окапыванию и уборке свеклы, на которые землевладельцы не находят вблизи покорных и дешевых рабочих рук. Вербуются эти рабочие руки агентами, имеющими поразительное сходство с английскими старостами странствующих рабочих. Вербовка происходит в трактире с помощью всевозможных мошеннических уловок. Если агент имеет дело с глупыми, очень отсталыми людьми он показывает им печать на контракте, доказывая, что он одобрен начальством, приглашает заранее доверенного человека, владеющего обоими языками (немецким и польским), который, вращаясь среди рабочих, должен им доказать с их точки зрения выгодность контракта и как руководитель первый подписать его. К сожалению, в деревнях с говорящим по польски населением иногда случается, что агенты обещают людям лучшие условия, чем те, которые указаны в контракте“. (Sachsengängerei, стр. 31).

Эти агенты, навербовав таким образом людей, остаются надсмотрщиками при работе и пользуются случаем продолжать свое мошенничество. Агент эксплоатирует обманутых им контрактом людей посредством разных прижимок: „в действительности не раз бывало, что надсмотрщик, протежируя купцам за предоставление льгот, обирал при распределении работ тех рабочих, которые не хотели покупать у его купцов и назначал им лишь неприятную и плохо оплачиваемую работу. Но опасность для странствующих рабочих еще возрастает, когда надсмотрщик заведует и выдачей заработной платы, он просто утаивает часть ее,- и это так обыкновенно, что в именьях, где этот способ уплаты отменен, надсмотрщик открыто заявляет, что ему законным образом причитается небольшой процент с общей платы его людей“. Во многих местах из-за этого отменили этот способ расплаты.

Рабочие, состоящие под надзором такого господина, преимущественно девушки, „число их обыкновенно во много раз превосходит мужчин“, и девушки эти, главным образом, в самом юном возрасте. В 4-х саксонских имениях Кергер насчитал 337 женщин и 150 мужчин рабочих; из первых 48,3% были моложе 20 лет, 33,9% от 20—25, 82,2% моложе 25 лет и 93,4% моложе 30 лет; жаль, что Кергер упустил сообщить, сколько было девушек моложе 16 лет; вероятно, он этого не узнал бы, если бы и спросил; сахарозаводчики не выдадут своих деловых тайн даже г-ну Кергеру.

Из 150 мужчин 32% моложе 20 лет, 19,3% от 20—25 и 73,3% моложе 30 лет.

Молодые, одинокие, всем чужие девушки бродят по свету толпой вместе с молодыми парнями, под руководством такого строгого моралиста, как агент-вербовщик. Ясно, что условия, при этом развивающиеся, обнаруживают зловещее сходство с английской системой отхода.

Попадая в имения наших христиански патриотических землевладельцев, они ни в каком случае не избегают опасностей. Работа тяжелая, рабочий день безчеловечно длинен. Работа начинается, как я видел в контрактах, на западе без исключения везде в 5 ч. утра и продолжается с 1/2 часовым перерывом для завтрака, часовым для обеда и 1/2 часовым для ужина до 7 ч. вечера. Кроме того, везде оговорены сверхурочные работы" (стр. 41). Таким образом, молодые девушки эксплоатируются еще сверх 14 часов. А как роботают женщины, на это указал Маркс: „Фермеры открыли, что женщины хорошо работают лишь под управлением мужчины, но за то женщины и дети, раз они на работе с истинным самоотвержением, как это знал еще Фурье, отдают все свои силы, тогда как взрослый работник-мужчина настолько хитер, что тратит их экономно". (Капитал, I, стр. 727).

Приемы промышленных эксплоататоров извлекать из своих рабочих возможно больше работы хорошо знакомы и „патриархальному" режиму. Специально в отраслях, где заняты странствующие рабочие, большую роль играет убийственная работа по „соглашению"; к востоку от Эльбы нашли особое гениальное средство побуждать своих рабочих к непосильному труду. На это дает нам указание Вебер в своей много раз цитированной книге (стр. 126, см. также стр. 286): „не раз было констатировано, что рабочих легче заставить согласиться на сверхурочную работу обещанием „прохладительного" (водки), чем деньгами; из округа Гейлигенбейль сообщают, как о важной стороне сверхурочных работ о том, что рабочие к ним побуждаются „проклятой водкой", хотя теперь и меньше, чем прежде".

Это значит, что наше христианское германское дворянство систематически спаивает своих рабочих для поощрения к работе, подобно тому, как в XVII и XVIII веках поили водкой перед битвой наемных солдат, чтобы воодушевить их к мужественному сопротивлению. Мы видим, что прусская водка приносит юнкерам выгоду не только, как товар, но и как средство угощения своих рабочих.

Странствующих рабочих щадят еще меньше, чем местных, туземных. Они могут заболеть все один за другим! Ведь их не придется содержать целую зиму и платить за их содержание в больнице. Но всего хуже помещения для странствующих рабочих. Стоит ли для них строить прочные жилища, которые будуть потом стоять пустые 7—8 месяцев. Чем примитивнее место их ночлега, тем лучше. Г. Кергер рассыпается в похвалу по поводу жилых казарм, выстроенных в некоторых именьях для странствующих рабочих; как на необычайное преимущество этих казарм, он указывает на постановление (ни в каком случае не подразумевавшееся там само собой), чтобы оба пола спали врозь. Это было сделано по требованию полиции.

К востоку от Эльбы не пошли очень далеко: вместо жилых казарм (в западной Пруссии), приспособлены частью бараки, частью стойла и пустые амбары, в которых рабочие спять вместе по 10 и более человек. Ниоткуда не видно, чтобы везде проводилось разделение полов: половина, две трети, часто больше—девушки; и в передовых поместьях дело обстоит так же, как и в других местах (Вебер, указ. соч., стр. 240, см. также стр. 275). Как долго придется ждать этого разделения,—видно из того, что Вебер несколькими страницами раньше жалуется, что даже в жилищах местных рабочих не всегда

необходимые условия для разделения полов. „Семейство принуждено делить квартиру и спальню с пришлым рабочим“ (стр. 183).

Не в „государстве будущего“, а в современном государстве, где христианско-германская скромность и благонравие ничуть не тронуты еще социал-демократическим ядом, там, где наши „благороднейшие“ и „лучшие“ беспрепятственно распоряжаются и господствуют,—там мы находим беспорядочное половое сожитие, вызванное самими защитниками семьи брака, для понижения издержек производства водки и сахару набивающими свой двуногий рабочий скот в стойла без различия пола и возраста.

В настоящее время даже буржуазные социал-политики признают, что это возмутительное положение настоятельно требует законодательного вмешательства.

Прежде всего нужно требовать запрещения отхожих работ для несовершеннолетних девушек. Г-н д-р Кергер, конечно, не хочет этого знать, и он имеет свои основания: „Предложение запретить отхожие работы несовершеннолетним девушкам вытекает из надежд несколько уменьшить этим опасность порчи нравов, но я думаю, что процент потерявших невинность девушек вряд ли уменьшится от этой меры, так как девушка, оберегаемая до 21 года родителями, и тогда только вступившая в жизнь, вряд ли лучше сумеет противиться соблазну, если она еще на родине не пала жертвой его, чем более молодая“ (стр. 206). Фраза вызывает много возражений, но мы выводим из нее, что д-р Кергер очень хладнокровно принимает сообщение Маркса, что при отхожих работах 14-летние девочки оказываются беременными от 14-летних мальчиков. Случится ли это раньше или позже, — не все ли равно!

Кергер борется с запрещением отхожих работ прежде всего в интересах отцов странствующих работниц. Что же делать этим беднякам с несовершеннолетними дочерьми, если не продавать их по контракту в рабство?

„Что делать, напр., мелкому землевладельцу,—берем пример наиболее яркий,—которому судьба 6 лет под ряд посылает по дочери, что делать ему с этим изобилием детей, когда последней дочери исполнится 16 лет? Мы не будем оспаривать яркость этого примера, но если считать его доказательным, то не менее доказателен другой пример, взятый также произвольно, но, конечно, менее яркий; мелкий землевладелец пошлет своих шесть дочерей в отход, и каждая вернется с незаконным ребенком; что будет он делать с этим изобилием детей?“

Но у д-ра Кергера есть еще другая уважительная причина: эксплоатация девушек от 16 до 21 года самая выгодная для разводящих свекловицу сельских хозяев и для сахарозаводчиков, поэтому запрещение применять их труд должно быть отложено в интересах свекловичной культуры. Таким образом, наш благородный доктор ведет истинно-культурную борьбу за право свекловицы развращать несовершеннолетних девушек; но мы, социал-демократические вандалы, не охотники до успехов свекловичной культуры ценой порчи людей и, несмотря ни на что, требуем запрещения отхожих работ для несовершеннолетних девушек.

Но этим еще не все будет сделано. Конечно, девушка 21 года меньше поддается развращению чем 15—16-летняя, так как она опытнее и ее характер устойчивее; но условия жизни теперешних странствующих рабочих настолько дурны, что могут развратить и более зрелую. Но, несмотря на это, нельзя итти дальше и желать запрещения совместных отхожих работ: это значило бы лишить большую часть работающего населения свободы передвижения и отнять у нее средство искать высшей платы, чем можно получить дома. Но рабство по контракту и кочевая система не составляют необходимых условий отхожих работ и должны быть устранены. Всего лучше это могло бы

быть достигнуто посредством учреждения открытого посредничества, которое вытеснило бы агентов с их торговлей людьми.

После всего сказанного не нужно доказывать необходимость строгих предписаний, требующих помещений, достойных человека. Необходимо также сокращение безчеловечно-длинного рабочего дня и не для одних только отхожих работ.

ж) Нормальный рабочий день. Воскресный отдых.

Теперь мы дошли до вопроса о нормальном рабочем дне—главного вопроса защиты труда.

Противники рабочего движения не могут больше оспаривать целесообразность и необходимость нормального рабочего дня в промышленности, хотя они и сопротивляются его сокращению; но они об'являют, что нормальный рабочий день несовместим с условиями сельского хозяйства, так как оно менее однообразно, чем промышленность и зависит от внешних условий: от ветра и погоды, от дождя и солнца, и потому должно быть подвижно и не может быть стеснено границами нормального рабочего дня.

В действительности: сельское хозяйство нуждается в меньшей подвижности, чем промышленность: план работы в одном имении устанавливается на целый год, тогда как план промышленного предприятия меняется сообразно с обстоятельствами. Промышленные предприниматели всех больше жаловались, что нормальный рабочий день лишит их возможности использовать кон'юнктуры рынка и выполнять крупные заказы, которые должны быть быстро исполнены. Гораздо больше, чем сельские хозяева настаивали на подвижности рабочего дня, чтобы приспособляться к меняющимся потребностям рынка, который капризнее ветра и погоды. Однако мы видим, что все идет своим порядком: технические знания и организаторский талант преодолели все препятствия. А нормальный рабочий день, там где он введен, убил не промышленность, а рутину в ней.

Нормальный рабочий день в сельском хозяйстве имеет свои прецеденты. Правда, мы не имеем твердо установленных законом норм рабочего дня для сельского хозяйства, производились только кое-где попытки ввести его, частью под давлением волнующихся сельских рабочих, частью из идеалистических побуждений идеологов земледелия, которые, конечно, хорошо знали сельскохозяйственные условия. В своем введении к сочинению Х. Шумахер-Цархлина „К истории нормального рабочего дня“ (Zeitschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte, VI, 1) Мейер замечает: „Законодательное ограничение рабочего времени для мужчин было введено прежде всего в Мекленбурге в 1848 г. Возмущение дворовых поденщиков вызвало там назначение посреднической комиссии для правительственного урегулирования спорных отношений; эта комиссия установила рабочее время в крупных имениях. С тех пор в 1869 году политика консерваторов Вагенера и Браухитша ввести нормальный рабочий день разбилась о противодействие Штумма. В 1872 г. я с Шумахером на конференции сельских работодателей провели резолюцию, требующую законодательной нормировки рабочего дня сельских рабочих; и в 1874 или в 1875 г. я вместе с Вагенером составили проект закона, ограничивающего труд взрослого 56½ часами как для города, так и для деревни, и сообщил его Бисмарку“. Эти попытки не увенчались успехом. Но экономическое развитие с тех пор продолжает работать в пользу нормального дня в деревне: техника внесла в крупные хозяйства бо́льшую регулярность работ, чем принятая в мелких хозяйствах, а возрастающее давление сельских рабочих действует в этом же направлении.

Вспомним о продолжительности рабочего дня на свекловичных плантациях, которая была установлена контрактом для отхожих рабочих в Саксонии: это ведь не что иное, как нормальный рабочий день. Вебер указывает на рост стремления к установлению нормального рабочего дня. Так, он сообщает из Литвы: рабочее время действительно сокращено: начало работы в определенный час после восхода солнца введено в южных округах в части хозяйств. Этот час колеблется в этих случаях между 5 и 6 часами утра. В некоторых местах приняли определенный, независимый от захода солнца, час окончания работ (от 7 до 8 ч. вечера). (Назв. соч., стр. 48). Из округа Кенигсберг пишут: только в мелких имениях случается, что работа начинается летом с восходом солнца; в крупных имениях перешли большей частью к определенному часу начала работ (5, 5½, 6 ч.) (стр. 121). Из Мазурии сообщают: „В сравнительно многих случаях начало робот летом приурочено к определенному часу, во многих случаях это применяется и к часу окончания“ (стр. 84).

При этом Вебер утверждает, что отрицательное отношение сельских рабочих к сверхурочным работам возрастает. Таким образом, мы видим начало нормального рабочего дня в сельском хозяйстве в Германии; виной тому, что это начало так слабо, не столько особенности сельско-хозяйственного производства, сколько зависимое положение сельских рабочих; их силы недостаточны, чтобы добиться сокращения рабочего дня и его проведения. Перед товарищами в промышленности стоит задача позаботиться, чтобы законодательство дало им то, чего они не могут достигнуть своими силами.

Определение границ сельско-хозяйственного нормального рабочего дня выходит за пределы нашей работы; как в индустрии, так и в сельском хозяйстве, практически достижимая граница различна, тем более, что она определяется не только об'ективными техническими факторами, но и могучими суб'ективными. Но мы не видим никаких оснований для того, чтобы требование восьмичасового рабочего дня в сельском хозяйстве, как и в промышленности, не могло являться даже в капиталистическом обществе целью рабочего движения по отношению и продолжительности рабочего времени.

Могут возразить нам, что работы в сельском хозяйстве протекают при лучших гигиенических условиях, чем в промышленности; в последней однообразный механический труд в закрытом помещении, часто наполненном ядовитыми газами, в первом — разнообразная работа на чистом воздухе. В большинстве случаев это верно, но за то положение наемного рабочего в городе иное, чем в деревне. В деревне домашнее хозяйство, как мы уже не раз говорили, необходимо связано с сельско-хозяйственным производством. Поденщик, вернувшись с наемной работы, не кончил еще свой дневной труд: он должен еще позаботиться о своем хозяйстве, вычистить стойло, принести корм для коровы, выкопать картофель и т. д. Если наемная работа занимает весь день от восхода до заката солнца, то ему останутся для своего хозяйства только ночь и воскресенье.

Как для замужней фабричной работницы, так и для поденщика в деревне, время наемной работы на совпадает с рабочим временем. Каждое улучшение в положении сельского рабочего сопровождается параллельным увеличением работы в собственном хозяйстве. Это вряд ли скоро изменится. Сокращение наемной работы сельского рабочего до 8 час. еще долго не будет давать ему преимущества пред городским рабочим.

Если мы нормальный рабочий день в сельском хозяйстве считаем столь же возможным, как и в промышленности, то этим еще не обусловливается, что и там, и тут он будет введен одинаково. Длина естественного дня в сельском хозяйстве влияет совсем иначе на длину рабочего дня, чем в промышлениости, где работают при искусственном свете. С другой стороны, к услугам промышленности гораздо большая резервная армия труда, чем в сель-

ском хозяйстве. Поэтому, вероятно, будет необходимо установить, вместо одинакового нормального рабочего дня на весь год, разные, для разных времен года, напр., принимая 8-часовой день за среднюю норму, определить рабочий день зимой в 6, а летом в 10 часов. Так же приходится допустить сверх урочные работы, в случае стихийных явлений и спешных работ во время жатвы. Но из-за этого не стоит ломать голову: раз будет установлен сельскохозяйственный нормальный рабочий день, заинтересованные стороны сами позаботятся о необходимой эластичности его. И задача социал-демократии будет состоят не в том, чтобы обращать внимание на эту эластичность, а в том, чтобы она не превратилась в произвол, сводящий к нулю все ограничения рабочего времени.

Мы допускаем, что нормальный рабочий день в сельском хозяйстве не будет таков, как в промышленности, но мы не знаем особенностей сельского хозяйства, которые оправдывали бы введение сельско-хозяйственного нормального рабочего дня только в крупных хозяйствах, как это решил Цюрихский международный конгресс защиты труда.

Мелкое производство ведется всегда неряшливее большого, и строгое регулирование работы, являющееся технической необходимостью в крупном производстве, в мелком может быть введено лишь посредством внешнего давления, это одинаково верно, как для сельского хозяйства, так и для промышленности. Если социал-демократия, несмотря на это, требует нормального рабочего дня для ремесл так же, как и для фабрик, то она должна требовать тех же прав, как для наемного рабочего богатого крестьянина, так и для работника дворянина-землевладельца; в ее задачи отнюдь не входит предоставлять мелкому производсту привилегированное положение сравнительно с крупным.

Если мы не отстаиваем ограничений при введении нормального рабочего дня в крупных производствах в деревне, то из этого не следует, что мы считаем нормальный рабочий день применимым одинаково во всех видах сельского хозяйства. Придется делать различие, но не между крупным и мелким хозяйством.

Социал-демократия требует нормального рабочего дня для всех родов наемного труда, кроме одного—работы в домашнем хозяйстве. Она делает это исключение не потому, что домашняя прислуга не нуждается в сокращении рабочего времени, а потому, что потребности домашнего хозяйства не допускают ограничения работ определенными часами дня. Это относится и к деревенскому хозяйству, и к городскому; в деревне домашнее хозяйство тесно связано с сельско-хозяйственным производством или, по крайней мере, с некоторыми сторонами его. Чем теснее связь между отраслью производства и домашним хозяйством в деревне, тем труднее нормировать в ней рабочий день, так что придется ясно обозначить те виды работ, где он действителен. Вообще можно сказать, что полевые работы раньше могут быть подчинены нормировке рабочего дня, чем работы по дому и двору (особенно уход за скотом), работа поденщика прежде, чем работа прислуги. Первые работы по большей части определенны, однообразны и легко поддаются измерению—полотье, косьба, молотьба и т. д.; вторые изменчивы и не поддаются контролю.

Поэтому непосильная работа прислуги только отчасти устранится нормировкой рабочего дня. Нормальный рабочий день есть форма защиты труда, наиболее соответствующая условиям современной наемной работы. Для защиты прислуги, этого остатка средневековья, нужно взяться за средневековые, методы. В то время естественный день соответствовал рабочему; ограничения дневного рабочего времени не было, но годовое рабочее время ограничивалось многочисленными праздничными днями, которые устанавливались естественно,

согласно тогдашним воззрениям, на основании религиозных преданий. Количество церковных праздников было громадно.

В средние века борьба за рабочее время была борьбой за праздничные дни; в ремесле подмастерья к церковным праздникам прибавляли еще понедельник. Победа демократических классов над меркантильно-феодальным абсолютизмом повела к уменьшению праздников, сначала в протестантских, а потом и в католических странах. Но воскресный отдых остался. Теперь же и он не соблюдается строго, в особенности крестьянским населением, которое наиболее религиозно.

„Я знал времена,—жалуется известный нам „тюрингенский сельский священник",—когда воскресенье в деревне было настоящей евангельской субботой; случайные неотложные рабаты в поле исполнялись рано утром, самое позднее к 6 часом; лишь в некорые неурожайные годы священник, по предложению старосты, об'являл утром в воскресенье, что послеобеденное богослужение отменяется и заменяется полевой работой. Я пережил десятки лет, когда закон о воскресном дне существовал на бумаге, но не имел никакой силы, вследствие попустительства почти всего начальства без исключения... С успехами земледелия, с повышением урожайности, с увеличивающейся нервной торопливостью и жаждой наживы, уменьшилось старо-крестьянское упование на Бога, смирение и покорность, а вместе с тем из года в год увеличивалась работа в воскресенье"... (Zur bäuerlichen Glaubens und Sittenlehre, стр. 296). Он ожидал улучшения от нового закона о воскресном отдыхе, но скоро опять все пошло по старому.

Воскресная работа увеличилась не только в крестьянских, но и в крупно-землевладельческих округах. Так при этом, как и при сверхурочных работах, побудительной силой является водка (см. Б. Вебер, назв. соч., стр. 289). Столпы благочестия, которые так ревностно стараются поддержать в народе религиозность, сивухой побуждают его грешить против религии. Мы, конечно, не будем жаловаться на то, что церковь посещается редко, но мы должны самым решительным образом противодействовать тому, чтобы скудное время отдыха, остающееся у сельского рабочего по возвращении с работы, не сокращалось еще больше.

Строгое запрещение всех не безусловно необходимых работ в воскресенье и обеспечение для прислуги совершенно свободного дня через воскресенье будет необходимо и тогда, когда будет введен нормальный рабочий день. Первого легче достигнуть и потому надо его решительно требовать.

Что касается других постановлений о защите рабочих, то в большей части отраслей сельского хозяйства их легче ввести, чем в промышленности. Устройство ограждений при машинах и запрещение употреблять при них необученных малолетних рабочих необходимо в сельском хозяйстве так же, как и в промышленности. Ночная работа в нем, наоборот, не игреет теперь никакой роли, с введением электричества в сельском хозяйстве это, может-быть, и переменится и, наконец, полевые работы не нуждаются в особых предписаниях о пространстве, чистоте и вентиляции рабочего помещения.

з) Жилищный вопрос.

Пред защитой труда в деревне в области жилищного вопроса возникает более трудная задача, чем в промышленности. В наши цели не входит задача разработать здесь весь жилищный вопрос, но мы не можем умолчать, что в городах жилищная нужда так же ужасна, как и в деревне; некоторая часть промышленного населения живет еще хуже, чем сельское население, если это возможно; напр., по описанию профессора Зингера, положение жилищ в промышленных округах Северной Богемии может выдержать

сравнение с самым отвратительным, что сообщают о деревенских хижинах пасторы Гёре, Квистори, Виттенберг и другие.

Виденное Гёре пространство под крышей, в котором на 8 соломенных мешках, лежащих на земле, спали 4 совершенно чужие друг другу супружеские пары,—не хуже комнаты в рабочей казарме в Траутекау, которую Зингер посетил ночью. В этой комнате в 15,2 кв. метров стояла только кровать обыкновенных размеров, и на ней помещалось семейство, состоящее из 5 человек (трое взрослых и двое детей). Остальные 9 человок обоего пола старые и молодые, спали в-повалку один возле другого прямо на жестком, не покрытом даже соломой, глиняном полу и т. д. (I. Singer, Untersuchungen über die sozialen Zustände in den Fabrikbezirken des nordöstlichen Böhmen, стр. 186).

Конечно, не везде так плохо, но везде у теперешних рабочих можно констатировать „несоразмерность пространства с числом его обитателей"; это пастор Гёре нашел и в Хемнице (Drei Monate Fabrikarbeiter, стр. 21). Это обстоятельство ведет к тому, что супруги делят свою квартиру, т.-е. по большей части свою спальню, не только со своими взрослыми и полувзрослыми детьми, но и с чужими ночлежниками мущинами и девушками.

Здесь речь идет не о жилищном вопросе бедных классов вообще, а о тех жилищах, которые составляют часть рабочей платы. Такие жилища в деревне играют совсем другую роль, чем в городе. В последнем жизнь наемных рабочих в квартирах работодателей является быстро исчезающим остатком средневековых ремесленных обычаев: в деревне же и современному крупному хозяйству приходится давать жилища по крайней мере части своих рабочих. В ремесле, а тем более в крупной промышленности, робота прислуги не играет никакой роли, в сельском хозяйстве не то: там к батракам можно отнести и связанного контрактом женатого рабочего с собственным хозяйством, но имеющего жилище от работодателя, прислугу, арендаторов, которые за свое жилище обязаны контрактом отработать целый ряд дней, и т. п.

Но жилище это та область жизненных условий, которой рабочий, в широком смысле слова, представитель класса, исполняющего так-называемую ручную работу, придает всего меньше значения. Всякий недочет в питании он чувствует на своем теле; чтобы оставаться работоспособным, рабочий должен сытно поесть, особенно сельский рабочий, исполняющий тяжелые работы на открытом воздухе; с другой стороны стоит удовлетворение вкусовых потребностей, т.-е. не только еда, но напитки и курение, которые вследствие привычки и физиологической потребности особенно близки рабочему, удовлетворение их легко достижимо и очень ценится.

В одежде ясно отражается социальное положение и социальные стремление. Поэтому всякая аристократия и иерархия придает громадное значение определенному костюму и отличиям для отдельных чинов и званий, высокомерие военщины всего ярче выражается в том почтении, которого она требует к своему, так называемому служебному костюму, мундиру. Где не господствует милитаризм, как напр. в Англии, там солдатский мундир является служебной, а не почетной одеждой, и каждый офицер сделался бы смешным, если бы он вне службы показался в мундире.

С успехами демократии растет стремление к уничтожению разницы в одежде, между различными классами, которые, будучи равны пред законом, желают иметь одинаковый вид в обществе. Пролетарий вне работы не хочет носить клейма своего экономического рабства, не хочет по внешности отличаться от буржуа в воскресенье он хочет быть одет, как и последний. Социальный под'ем какого-нибудь пролетарского слоя выражается, пожалуй, скорее в улучшении одежды, чем пищи. Напротив, жилищу придается очень мало значения. Физиологически вредное влияние плохого жилища не обнаруживается так быстро и не-

посредственно, как влияние недостаточного питания. Чтобы заметить зависимость между плохим жилищем и упадком телесных сил, необходимы наблюдения и познания, которые недоступны тому, кто всеми своими познаниями, если они не опираются только на личный опыт, обязан народной школе. И что такое жилище для массы современных работников? Место для сна. Поздно вечером смертельно усталый рабочий возвращается домой, чтобы растянуться на своем ложе, рано утром покидает его и идет на работу. Для одного лишь сна—места достаточно.

Нетребовательность рабочих по отношению к жилищам признана даже враждебными рабочим экономистами. Как ни кричат они о страсти рабочих к наслаждениям и нарядам, о пирушках с шампанским, которые устраивают каменщики, о шелковых платьях фабричных работниц, по поводу роскоши жилищ мы не слыхали ни одной жалобы.

В этом пункте пролетарский образ жизни всего больше отличается от буржуазного, и в этом пункте рабочий оказывает всего меньше сопротивления всяким попыткам ухудшить положение, которые как раз наиболее сильны в этом пункте. Цены на фабрикаты и средства продовольствия падают везде, где их не гонят искусственно к верху посредством охранительных пошлин или синдикатов. При сравнении их с заработной платой можно констатировать под'ем жизненного уровня многих пролетарских слоев. Не то с жилищами. В деревнях земельная рента падает, но в городах везде она быстро возвышается поэтому цены на квартиры в городах растут быстро и заставляют рабочих или тратить на квартиру больший процент своего заработка или все более стеснять себя по отношению к жилищу. Не лучше дело обстоит в деревне, где наемный рабочий получает жилище в натуре, как часть платы. Чем шире распространяется система предоставления рабочим жилищ от работодателя, чем сильнее стремление понизить издержки производства, чем упорнее не допускают рабочие сокращение их пайков и окладов в виде средств продовольствия, чем выше заработная плата, которую нужно платить, тем сильнее желание ухудшить жилища, предоставленные рабочим, или, где это уже невозможно, отказываться от их улучшения.

Жилище является тем пунктом пролетарского образа жизни, который всего меньше поддается улучшению и в котором всего больше сказывается стремление к ухудшению; с другой стороны, этот пункт всего больше угнетает пролетариат. Неудовлетворительное жилище ведет не только, как неудовлетворительная пища, к физическому вырождению, но к упадку умственных и нравственных способностей, к полному уничтожению нежных чувств, вытекающих из интимных отношений. Кто хочет понять бесстыдство и грубость, царящие в тюрьмах больших городов, тому исследование жилищ босяков даст более богатый материал, чем исследование их черепов.

В подобных же вертепах, как занимаемые беднейшими босяками больших городов, живут странствующие рабочие и многие другие работающие пролетарии: супруги со своими детьми, девушки и парни, больные и здоровые, все пестро перемешанные и плотно прижавшиеся друг к другу, чтобы согреться и поместиться в узком пространстве, днем они работают как вьючные животные, ночью помещаются хуже, чем вьючные животные в стойлах; что же может развиться при этих условиях, кроме грубости и бесстыдства? Но и жилища фабричных рабочих, каковы они обыкновенно—см. об этом вышеприведенное изображение Гере,—или жилища прислуги—далеко не приспособлены для развития тонких чувств.

Но между городом и деревней есть в этом большая разница. Если жилищная нужда в городах деморализирует и нравственно притупляет рабочего, то город же развивает факторы, которые противодействуют этому и ослабляют, а иногда и вовсе преодолевают влияние квартирной нужды. Сама работа

об'единяет рабочих не только для труда, но пред работой и по окончании ее и во время перерывов, для взаимной поддержки и для обсуждения общественных дел. В деревне работа рассеивает людей по большому пространству и отделяет одного от другого. В городе жизнь, кроме работы, дает бесчисленные учреждения, общества, собрания, выставки, музеи, театры; даже трактир является органом общественной жизни и распространяет в среде рабочих городское миросозерцание; там рабочий читает газеты и обсуждает прочитанное. Некоторые развиваются до самостоятельного мышления, вырабатывают свою индивидуальность, у них является потребность в своем очаге, в таком месте, где они могли бы жить для себя, своими радостями, своим чтением и своими думами. Городские условия побеждают деградирующее влияние квартирной нужды, по крайней мере в отдельных лучше поставленных слоях рабочего класса, и развивают в них в то же время алчность по отношению к жилищам и побуждают рабочих пред'являть к ним более высокие требования. В деревне не то. Там нет никаких учреждений, которые противодействовали бы развращающему влиянию жилищной нужды. Работа, как мы видели, изолирует людей; союзы и собрания почти невозможны, в виду экономической зависимости сельских рабочих; широкая умственная жизнь не возвышает рабочих—кабак является единственным центром общественной жизни, отражает полное умственное опустошение деревни и топит в сивухе те крохи умственной жизни, которые она могла бы дать, так что кабак не только не смягчает принижающее влияние квартирной нужды, но еще увеличивает его.

Дурное влияние квартирной нужды вообще, особенно влияние, оказываемое житьем в помещении хозяина-работодателя, в деревне обнаруживается гораздо сильнее, чем в городе. В городе это влияние парализуется общественной жизнью. Булочник или мясник может запретить своим подмастерьям, живущим в его доме, приносить домой социал-демократические газеты, но он не может запретить читать их в трактире, не может удержать их от посещения собраний и т. д. Напротив, в деревне рабочий, живущий во дворе землевладельца, принужден безусловно подчиняться ему не только во время работы, но и вне ее. Его умственная жизнь, его политические убеждения и личные знакомства—все находится под наблюдением; для него не существует ни свободы печати, ни права коалиций (даже там, где оно ему предоставлено законом). Часто нет даже свободы выборов при всеобщем избирательном праве. Он отличается от раба только тем, что может время-от-времени менять рабовладельца, за что этот последний может его выбросить вон, когда он сделается неспособным к труду.

Как ни важно улучшение жилищных условий в городе, оно еще важнее в деревне. Законодательство для защиты труда в деревне не исполнило бы своей важнейшей задачи, если бы не обратило внимания на жилищные условия. Оно должно предписать minimum санитарных условий для помещений, которые работодатель предоставляет в пользование рабочих, как часть заработной платы.

Такая мера, согласованная с основами гигиены, и при этом энергично и беспощадно проводимая, оказала бы благодетельное влияние на деревню. Она не только значительно улучшила бы жилищные условия большей части сельского рабочего класса, повысила бы весь уровень жизни сельского населения, она оказалась бы могущественным средством для устранения остатков феодальных рабочих отношений в XX веке, так как она заставила бы всех сельских хозяев сократить до крайности количество живущих у них рабочих и заменить их свободными поденщиками. Вытеснение батраков и прислуги поденщиками, свободными вне работы, было бы большим социальным успехом.

Хотя этот успех, отчасти явился бы шагом назад в техническом отношении, так как, чтобы удержать у себя в округе свободных поденщиков, зем-

левладельцы принуждены будут стараться, чтобы они завели собственное хозяйство, т.-е. могли бы взять кусок земли в собственность или в аренду. Таким образом уменьшение количества батраков повело бы за собой увеличение мелкого производства за счет крупного. Но это увеличение было бы так незначительно, что смело может не приниматься в соображение, в виду социального успеха, который связан с вытеснением свободным наемным трудом остатков феодального крепостничества. Но если свободный поденщик в социальном отношении стоит выше батрака или прислуги, то ему, если он имеет дом и немного земли, не хватает главного оружия пролетарской классовой борьбы— свободы передвижения. Его связывает собственность.

Мы видим только один способ устранить это препятствие: постройку на общественный счет жилищ для отдачи внаймы рабочим. Это требование связано с целым рядом предпосылок; прежде всего, оно зависит от самоуправления общины, независимо от округа или области, и от всеобщего избирательного права при выборе членов представительства, которые в этом самоуправлении примут решающее участие. Только при наличности этих условий, только там, где самостоятельное движение сельских рабочих настолько окрепло, что они хотят и могут начать борьбу за представительство в общине и округе,—только там может с.-д. пред'явить требование, чтобы община, или еще лучше—округ, где экономическое превосходство отдельных землевладельцев выступает менее резко, построила жилища для найма их сельскими рабочими. Таким путем они достигнут высшей ступени самостоятельности, какая может быть достигнута в капиталистическом обществе.

Но мы не знаем ни одного государства, кроме Англии, где было бы пред'явлено это требование в интересах сельских рабочих.

и) Арендная плата.

В тесной связи с жилищным вопросом находятся некоторые вопросы об арендной плате.

Мы видели в одной из предыдущих глав, что цена обработанной земли только тогда определяется земельной рентой, когда она служит для капиталистического товарного производства. Где же она является лишь придатком к домашнему хозяйству, эта цена может подняться и выше земельной ренты, и тем выше, чем благоприятнее условия роста населения и спроса на землю; она в отдельных случаях поднимается тем выше, чем меньше земля служит товарному производству, чем больше она является придатком к домашнему хозяйству, т.-е., говоря вообще, чем меньше кусок земли.

Это, несомненно, большой вред для работающего населения в деревне и богатый источник его эксплоатации. Чем выше цена участка, который работнику нужно приобрести, чтобы основать собственное хозяйство, тем больше должен он урезывать свою плату, тем ниже опускается уровень его жизни, чтобы накопить покупную цену, тем скорее пытается он занять часть покупной суммы и таким образом попадает в рабство и зависимость задолженным. Там же, где он арендует, а не покупает участок, тем настоятельнее должен он отдаваться наемной работе, чем выше арендная плата, и ее приходится платить из своего заработка, а не из продуктов своего участка, так как они совсем не являются товаром или являются в очень ограниченной степени; чем выше арендная плата, тем настойчивее предлагает он свои рабочие силы и тем меньше его сопротивление при понижении платы, тем чаще он запаздывает с уплатой аренды, что тоже является источником зависимости и рабства. Противодействие этому печальному положению очень ускорило бы под'ем жизненного уровня и самостоятельности сельских рабочих.

Там, где господствует арендная система, это возможно; нужно только подчинить отсрочки аренды контролю особого суда, который имел бы право

сокращать несправедливо высокую арендную плату, выходящую за пределы нормальной земельной ренты, до уровня последней, т. е. понизить аренду пролетарских арендаторов до того уровня, какой платят арендаторы-капиталисты. Подобное учреждение установило либеральное манчестерское министерство Гладстона около 1881 года в Ирландии, и оно принесло большую пользу.

Действие этого закона должно в некоторых отношениях стать в противоречие законам о жилищах, которого мы требуем; последний вынуждает крупного землевладельца уменьшать свое производство выделением маленьких участков своим работникам; первый, наоборот, делает это выделение менее выгодным, чем прежде; один содействует мелкому производству, другой крупному. Но в действительности оба закона не противоречат друг-другу, а дополняют один другой и оба действуют в одном направлени, так как каждый, хотя разным образом, способствует под'ему жизненного уровня и самостоятельности рабочего.

Не так просто обстоит дело там, где сельские рабочие не арендуют, а покупают свои участки. Мы не видим подходящего законодательного пути, чтоб вынудить понижение несоразмерных цен земельных участков; но если бы он и был, он вызвал бы большие сомнения. Землевладелец, за счет которого может быть предпринято понижение земельной ренты, часто сам рабочий. Как ни благодетельно было бы такое понижение для покупающих землю работников, но оно лишило бы трудом скопленных на черный день денег того пролетария, который вынужден продавать свои участки, как владелец или сонаследник. Тут мы снова встречаемся со случаями, в которых частная собственность на землю делает невозможной рациональную реформу.

III.

ОХРАНА ИНТЕРЕСОВ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА.

а) Социал-демократия не защищает интересов предпринимателей.

Вышеупомянутая реформа имеет в виду уже не интересы одного только сельского пролетариата, она полезна также и сельскому хозяйству. Как было уже сказано, она конечно благоприятна только фермеру-пролетарию; фермеру-капиталисту она могла бы послужить на пользу только в том случае, если бы арендная плата упала ниже нормального уровня земельной ренты. Но это было бы концом арендной системы вообще, так как в таком случае землевладельцу выгоднее было бы самому заниматься обработкой своей земли. Фермер-пролетарий имеет возможность воспользоваться своим повышенным доходом, являющимся в результате сокращения арендной платы не только для повышения своего жизненного уровня, но также и для рациональной постановки своего предприятия путем приобретения улучшенных орудий производства, лучших семян, унаваживания почвы и т. д.

Таким образом, требование сокращения высокой арендной платы особыми судами составляет переход от мероприятий, направленных к защите интересов сельских рабочих, к мероприятиям, вызываемым интересами сельского хозяйства.

Очевидно, что для социал-демократии эти последние интересы совсем не имеют того громадного значения, какое имеют первые, которые уже потому должны быть для нее чрезвычайно важными, что в своем выступлении в защиту сельских пролетариев социал-демократия стоит довольно одинако. Совсем другое дело в отношении к сельскому хозяйству. В настоящее время интересы сельского хозяйства совпадают с интересами предпринимателей и землевладельцев, с интересами прибыли на сельско-хозяйственный капитал и земельной

ренты, точно так же, как интересы промышленности совпадают с интересами прибыли на промышленный капитал, а интересы торговли с интересами торговой прибыли. И как ни важны эти отрасли производства для всей нашей общественной жизни, а следовательно, и для пролетариата, но у них имеются другие и более сильные защитники, чем у пролетариата. Причина того, что сельское хозяйство терпит ущерб, конечно, коренится не в том, что в современных государствах недостаточно представлены интересы сельского хозяйства и землевладельцев, и что они недостаточно принимаются во внимание правительствами и парламентами; она коренится в условиях, которых даже наиболее благоприятно настроенная в пользу сельского хозяйства государственная власть не в состоянии устранить до тех пор, пока сохраняется основа современного общества и пока не будут в корень разрушены условия его существования.

Как не может быть задачей социал-демократии прославлять из пропагандистских соображений наперерыв с аграрными знахарями разные чудесные средства для немедленного оздоровления страждущего сельского хозяйства, точно так же не может быть ее задачей ставить в основу своих домогательств сохранение существующей системы сельского хозяйства, гармонирующей с интересами всего общества, а тем более для нее невозможно ставить своей задачей защиту интересов промышленности и, особенно, торговли. Не потому, чтобы она не признавала значения за этими интересами, но потому, что она может быть вполне покойна,—эти интересы достаточно признаны современным государством, и оно принимает все доступные ему меры для поощрения их.

Социал-демократия по отношению к промышленникам и финансистам, а также к сельским хозяевам и землевладельцам (мелким и крупным) выступает не в роли агитатора, которому приходится побуждать их охранять свои интересы, но скорее в роли наблюдателя, а при случае охранителя, заботящегося о том, чтобы не взяли верх их специальные интересы над интересами общими, чтобы интересы минуты не восторжествовали за счет интересов постоянных.

Социал-демократия, которая должна упорно и настойчиво работать в пользу пролетариата, там, где дело идет об охране интересов всего современного общества в целом, обречена по существу на отрицательную тактику предупреждения; и в этой области, по крайней мере, до тех пор, пока она не получит определяющего влияния на жизнь государства, ее положительная роль будет всегда отставать от отрицательной.

Уже из одного этого следует, что ей никогда не удастся среди массы самостоятельных, не рассчитывающих на побочный доход сельских хозяев и землевладельцев, одержать верх над аграрными партиями, требующими особых выгод для сельского хозяина и землевладельца, в ущерб общей выгоде. Несмотря на всю добрую волю в теории придти на помощь крестьянам, на практике социал-демократия видит себя вынужденной всегда бороться самым решительным образом как раз с теми аграрными мерами, которых всего настойчивее добиваются крестьяне.

Пусть так, но все же и теперь уже есть некоторые пункты, в которых социал-демократия может работать положительно в интересах развития сельского хозяйства.

б) Феодальное привилегии. Охота.

Прежде всего социал-демократия и в этой области должна направить деятельность на устранение остатков феодального периода и там, где они сохранились еще, и там, где они вновь вводятся в жизнь. Социал-демократия нисколько не заинтересована в феодальных привилегиях, ни в праве наследования, ни в фидеикомиссах. Разумеется, выступая против об'единения фидеикомиссных земельных владений, она не отстаивает разбития

их на мелкие крестьянские участки, как это делает буржуазная демократия; мы думаем, что это было бы в техническом отношении шагом назад.

В восточной Пруссии сохранилось гораздо более вредное, чем фидеикомиссы, право крупных помещиков выделять свои владения в качестве самостоятельного помещичьего округа из состава сельских общин и налагать, таким образом, на плечи общине целиком свою долю участия в ее повинностях. Они пользуются общинными улицами и дорогами, работники их посылают своих детей в общинную школу, но они или совсем не несут вытекающих отсюда налогов, или же несут их в ничтожных до смешного размерах. Так, возможны случаи в роде следующего: „В селе Цукерсдорф, округа Руммельсбург (нижней Померании) консервативный владелец рыцарского имения фон-Гёдиес закупил почти всю крестьянскую волость (общину) и присоединил ее к своему поместью, осталось всего только два самостоятельных крестьянина. Они теперь и составляют „сельскую общину", поместье же образовало самостоятельный помещичий округ. Понадобилось вновь строит школьное здание; но расходы легли исключительно на „общину", т. е. на двух крестьян, между тем как помещик, в качестве „владельца округа", оказался свободным от них. Крестьяне хотели затеять по этому поводу процесс, но им отсоветовали делать это: все равно ничего бы из этого не вышло". (Эпигоны рыцарства, стр. 46).

Благорасположение прусских юнкеров к крестьянству не менее того освещается правом охоты, присвоенным ими себе. Право это существует не только в Пруссии, но и во всей Германии, Австрии, и содержит в себе много остатков феодальных привилегий.

Феодальная привилегия охоты была двоякой. Во-первых, охота стала изысканным „феодальным" спортом, приличествующим дворянину; только благородные помещики могли предаваться этому виду спорта. Французская революция смела эту привилегию так же, как и многие другие, и заменила привилегии сословные привилегиями землевладения. Каждый получил право свободно охотиться на своей земле. Тот же результат имела и революция в Германии в 1848 году. Но реакция, хотя и не оказалась в силах восстановить старые феодальные привилегии, в этой сфере уничтожила равенство крестьянина и крупного землевладельца. Крупный помещик (в Пруссии начиная от 75 гектаров) имел право свободно охотиться в своих владениях, мелкий же пользовался этим правом только на огороженном участке. Неогороженные земли целого ряда мелких помещиков (общины ли или округа) были об'единены в один охотничий округ, в котором имели право охотиться только состоящие на службе у общины или арендаторы-охотники.

Это ограничение права охотиться нас довольно мало затрагивает. Разумеется, охота не может быть средством для экономического или морального под'ема пролетариата, или вообще народной массы; она недоступна для пролетария, все равно, будет ли она привилегией всякого землевладения, или же одного только крупного.

Для нас гораздо важнее другая привелегия охоты, заимствованная из феодального периода: ее признанное законом преимущество перед сельским хозяйством. Это последнее, и именно крестьянское хозяйство, состоит на службе у охоты, а не наоборот.

В отошедший в историю феодальный период крестьянин был обязан кормить дичь для милостивых господ. Ему было воспрещено огораживать свои поля и сгонять с них дичь. Понятно, со времени 1789 года это прекратилось, но дичь все еще продолжает занимать привилегированное положение в отношении к крестьянским посевам. Между тем, как владелец обязан держать вредных зверей взаперти, что касается дичи, он, в крайнем случае, несет эту обязанность только по отношению к черной дичи. Вся прочая дичь пользуется свободой, и крестьянин не имеет права даже убить ее тогда, когда она опусто-

шает его поля. Конечно, ему милостиво предоставлено право обнести их изгородью и сгонять оттуда дичь, но это значит только одно, именно то, что издержки, необходимые для того, чтобы не допустить дичь на крестьянское поле, перелагаются с господ охотников на крестьянские плечи.

К тому же крестьянин не пользуется ни малейшим влиянием на определение количества и вида животных, содержащихся в сосед их лесах крупных помещиков. Охотничья же политика прямо противоположна интересам сельского хозяйства.

Хищные животные не приносят большого вреда сельскому жителю. Даже тигр является не врагом, а помощником ост-индского крестьянина. Лишь немногие, особенно злые тигры бросаются на человека и охраняемое им стадо, хотя бы их и не дразнили. Тигр и не нуждается в этой добыче, в виду чрезвычайного обилья дичи в тропическом лесу. Он заслуживает благодарность крестьянина, так как уничтожает дичь, которую с трудом удается не подпускать к полям.

В Европе королевских тигров нет, собственно нет больше и волков, а есть только лисицы да куницы. Эти последние, так же, как и хищные птицы, мало вредят заботливому селянину, хорошо укрывающему на ночь свое птичье стадо. Они даже бывают ему скорее полезны, противодействуя самым энергичным и деятельным образом чрезмерному размножению мышей и других грызунов, опустошающих его посевы.

Охотник же ненавидит мелких хищников, так как они иногда умерщвляют зайца или куропатку—к огорчению лесничего, но не крестьянина.

В интересах крестьянина, по-крайней мере, до известной степени щадить большую часть хищной дичи в видах ограничения количества представителей видов дичи, пожирающей растительность. Господствующая в настоящее время охотничья политика требует обратного и она берет верх над интересами крестьянина.

Конечно, существует обязательное вознаграждение за убытки, причиненные дичью, но как оно ничтожно! По отношению к некоторым животным (зайцам!) арендатор-охотник или же помещик-охотник вообще совершенно освобождены от всякой обязанности вознаграждения за убытки. Здесь опять в неприкрашенном виде обнаруживает себя прусское юнкерство, ясно и точно исключившее в охотничьем полицейском законе всякую обязанность вознаграждения за причиняемый дичью вред. После того, как были отклонены многие либеральные проекты уничтожения этой привилегии, в 1891-м году центр также внес проект закона о возмещении убытков от дичи, в котором требовал для всей дичи обязательного содержания в огороженном месте, затем вознаграждения за вред, причиняемый дичью, забегающей из другого охотничьего округа, со стороны владельца этого округа, и вознаграждения за убытки от прочей крупной дичи (мелкая дичь попрежнему безнаказанно может пожирать все) со стороны охотника-арендатора. Этот, во всяким случае крайне умеренный закон, юнкерами был искажен в том смысле, чтобы 1) вычеркнуть совсем всякие иски о вознаграждении за вред от забеглой дичи, 2) уничтожить обязательство держать дичь в огороженном месте, 3) обязанность вознаграждения за убытки переложить с арендатора-охотника на общину, что означает сделать ответственными за это всех крестьян и 4) отменить всякое судопроизводство по этим делам; при возникающих по этому поводу спорах решающей инстанцией является местная полиция, что собственно скорее значит, что таковым является крупный помещик или окружной комитет, т.-е. все тот же крупный помещик.

Нужно иметь медные лбы прусских юнкеров, прусское правительство и его трехклассную избирательную систему, чтобы преподносить крестьянам подобного рода возмещение убытков, происходящих от дичи!

В других местах этот вопрос поставлен несколько лучше, но нигде по всей Германии и Австрии он не удовлетворяет интересам крестьян. Известно, что в гражданском Уложении, рейхстагом признано за зайцами право всюду свободно искать себе пищу. Удовольствие охоты важнее народного питания: этот пережиток феодального времени предстоит еще упразднить.

Но как это должно осуществиться? Право свободно охотиться всякому на своей земле очень мало защитило бы крестьянина, окруженного крупными охотничьими округами, ему пришлось бы тогда бросать свои полевые работы и затрачивать свое время понапрасну: и хотя в местностях, богатых лесами и дичью, крестьянское население, окруженное крупными, расположенными одно рядом с другим охотничьими округами, разоряется в конец потравами от дичи, но зато есть крестьянские общины, которые извлекают выгоду от отдачи в аренду права пользования дичью, таковы общины вблизи крупных городов, где мало лесов и дичи, но зато много спортсменов-охотников, которые на удовольствие то тут, то там выстрелить в зайца или куропатку, охотно затрачивают приличную сумму денег. Таким образом полная свобода охотиться отняла бы у некоторых общин драгоценную статью дохода, не принося в то же время решительно никакой пользы крестьянам, собственно, парцеллярным крестьянам.

Для нас в современном обществе лучшим решением этого вопроса об'является не *расширение*, а *ограничение права частной собственности на землю*. Привилегия крупного землевладения образовывать собственные охотничьи округа, так же как и собственные помещичьи округа, должна пасть. Как те, так и другие должны быть включены в состав общины, а там, где это удобнее, в состав округа, и право постановлять решения, как относительно охоты в лесу крупного помещика, так и на крестьянском поле, должно принадлежать общине или округу (организовонным, конечно, на основании всеобщего, прямого и равного права подачи голосов), являющимся, вообще, решающей инстанцией в охотничьей политике всего охотничьего округа.

Вопрос об охотничьей политике значительно упростился бы, благодаря передаче в руки государства всех лесных угодий—по крайней мере, в государствах демократических. Целесообразное применение охоты к потребностям сельского хозяйства в отдельных местностях было бы тогда вполне доступно. Мы, разумеется, примирились бы с некоторыми возможными в таком случае стеснениями охоты, как одного из видов *спорта*.

в) Чересполосица.

Не меньший, а подчас и еще гораздо больший вред, чем от охоты, терпит сельское хозяйство там, где сосредоточены мелкие крестьянские владения, от чересполосицы отдельных парцеллярных участков, являющейся так же наследием феодального времени, остатком средневековой марки с ее трехпольной системой хозяйства и принудительным севооборотом, как она изображена нами в первой главе. Мы видели, что при этой системе участки отдельных хозяев не составляли единого целого, а были разбросаны по различным конам.

Падение феодализма и установление полной частной собственности на землю тем самым не устранило раздробленности земельной собственности каждого владельца в отдельности, а очень часто еще увеличило ее, вследствие раздела парцеллы, согласно равному праву наследования всех детей одного завещателя. Рациональная постановка хозяйственного дела на таких мелких и мельчайших участках совершенно невозможна. К тому же и громадная затрата времени, необходимого для перехода от одного участка к другому, потеря массы земли на дороги, межи и т. д.—Короче говоря, чересполосица это одно из самых действительных средств не только препятствующих всякой попытке поднять сельское хозяйство, но даже способствующих все большему его падению.

До каких размеров дошла в некоторых местах раздробленность землевладения, могут нам показать некоторые цифры из Саксен-Мейнингена: „Равнина Лейтерсдорф, в округе Мейнинген, содержащая 520,6 гектаров возделанных полей, 37,6 гектаров лугов, 1,8 гект. садов, 55,7 гект. выпасу, 191,2 гект. лесу—всего включая дороги, воды, дворы, 835,9 гект. площади под строениями—при 76 (!) хозяйственных дворах и 363 жителях до 7.785 (!) отдельных участков; Герпф, с 598 жителями, в том же округе при 1.808 гект. пространства, из них 856 гект. лесу,—10.973 полос; Берунген, 695 жителей, округ Рёмгильд, 13.910 полос при 1.378 гект. площади земли, из них 320 гект. лесу; Вольфрамсгаузен, 423 жителя, 9.596 полос при 804 гектарах, из них 145 гект. лесу". (Гейне, „Положение крестьян в герцогстве Саксен-Мейнингенском", в Крестьянском вопросе в Германии, I, стр. 10, сравни также стр. 28, стр. 137 и т. д.).

Соединение (путем округления, разгораживания, отделения и т. д.) принадлежащих каждому отдельному землевладельцу полос в один цельный участок земли приносит прекрасные результаты. Так, напр., из Верхнего Эйзенаха сообщают: „Несмотря на значительные зачастую взносы для устройства новых общественных учреждений, поглощающие от 4 до 6 процентов, сбор жатвы значительно увеличивается по выполнении этого об'единения, сравнительно с прежним; большие площади бесполезных до того времени участков земли становятся доходными, вследствие мелиорации почвы, исчезают межи, плетни и грани, и цена на землю часто уже в самом скором времени после распланировки поднимается до значительных размеров, часто на целую треть, и вместе с тем на отдельных полях очень скоро наблюдается удивительное улучшение в постановке хозяйственного дела". (Там же, стр. 31).

По Мейтцену, в округах Гроссен и Альтенготтерн (в Мюльгаузене, в Тюрингене) с площадью земли в 12.934 моргена, благодаря об'единению земельных участков, годичный доход повысился на 59.339 марок, след. на 4,58 марки на один морген. Издержки, включая оросительные канавы, новые дороги, мосты и т. д., достигли 139.902 марок, на один морген, след. по 10,50 мар., необыкновенно велики, вследствие громадных работ по осушению почвы („Почва и т. д. в прусском государстве", I, 438).

Несмотря на такие выгоды, об'единение участков подвигается медленно. Одною из причин этого являются затраты, вызываемые им. Не только сама процедура, как мы это видели сейчас, требует довольно много затрат, но дело в том, что об'единение обусловливает большей частью переход от старой трехпольной системы хозяйства с выпасом скота к высшей, более интенсивной форме хозяйства, требующей большего капитала. Там, где нет налицо достаточных средств, это может послужить причиной задолженности крестьянина, а в том случае, если он уже впал в задолженность, может его разорить.

С другой стороны, такое об'единение недоступно каждому в отдельности; оно требует согласия всех участников общего севооборота, так как может совершиться только при условии перетасовки отдельных участков между собой. Трудно сделать это так, чтобы никто не был стеснен, а еще труднее устроить, чтобы никто не почувствовал себя утесненным. Если же вспомним о консервативном и недоверчивом характере крестьянина, то для нас станет ясно, что тут мы имеем дело еще с новым случаем того, как частная собственность на землю ставит непреодолимые преграды прогрессу в этой области.

Это обстоятельство во время просвещенного абсолютизма привело к признанию частной собственности на землю явлением преходящим, для того чтоб сделать возможным движение вперед. К прискорбию своему, либерализм оказался вынужденным в этом случае нарушить принцип святости и неприкосновенности института частной собственности. Там, где определенная часть заинтересованных лиц требует округления земель, остальные, по закону, должны

подчиниться этому требованию и произвести обмен своего имущества с имуществом других.

Тем не менее, чересполосица в настоящее время еще ни в коем случае не отошла в область прошлого, и в этом направлении еще многое остается сделать для улучшения положения сельского хозяйства.

Социал-демократия имеет все основания поддерживать этот прогресс от раздробленного, нерационального, средневекового хозяйства к более крупному, интенсивному, современному способу и, конечно, не упустит случая оказать свое влияние там, где она им пользуется, поскольку этот прогресс осуществим на надлежащем пути дальнейшего ограничения права частной собственности.

И, напротив, она должна быть крайне осторожной в вопросе о государственном субсидировании такого об'единения, часто требуемом со стороны аграриев. Вся процедура означает поднятие земельной ренты—цена на землю, как мы видели, может подняться на треть. Государственная субсидия должна быть выплачена всеми плательщиками налогов в совокупности, в том числе также и пролетариями и мелкими буржуа, стесненными в своих делах. Входит ли в их расчет уделять часть своего скудного дохода на то, чтобы целый ряд землевладельцев забирал в свои руки повышенную земельную ренту? Бывают и такие случаи, когда подобное субсидирование уместно и с точки зрения пролетариата, но никак невозможно вменять в задачи пролетарской партии, чтобы она допускала в своей программе такие подарки землевладению.

При условии ограничения права частной собственности на землю задача ее в деле уничтожения чересполосицы должна быть совершенно иной. Если по прошествии переходного периода уничтожение чересполосицы доставляет несомненную, значительную прибыль землевладельцу, то оно является одним из способов экспроприации сельских пролетариев.

Окраины полей, выгоны доставляют этим последним возможность держать козу, даже корову. Соединение отдельных участков устраняет эти общественные выгоны—в общинах Гроссенготтерн и Альтерготтерн, благодаря уменьшению граней и меж, было выгадано 637 моргенов земли, годной для возделывания, и таким образом пролетарии были лишены возможности содержать столь необходимую в их домашнем хозяйстве породу молочного скота.

С другой стороны, мелкие крестьяне зачастую терпят ущерб от соединения полос. Оно полезно, главным образом, средним и богатым крестьянам, а не владельцам нескольких мелких клочков земли. На расходы же по соединению полос мелкий владелец должен вносить относительно столько же, сколько и крупный. Часто при этом он бывает прямо обманут: ему как не пользующемуся весом в деревне, достаются поля на окраинах, следовательно в неблагоприятном, связанном с большой потерей времени, местоположении.

Как все это не грустно, но все же социал-демократия не может высказываться против уничтожения чересполосицы. Здесь перед нами один из тех случаев, когда интересы одного слоя пролетариев вступают в противоречие с интересами экономического развития, а социал-демократия не может стать помехой этому последнему. Ее роль здесь, как и при отмене пастбищных и лесных сервитутов и тому подобного, следить за тем, чтобы с одной стороны, уничтожение права не стало простой конфискацией, но возмещалось бы соответственным вознаграждением или доставлением известного количества земли, а с другой стороны, чтобы не допустить по возможности при выполнении ее несправедливостей, частью путем предоставления равного права голоса мелкому владельцу рядом с крупным, частью же путем распределения издержек по принципу прогрессивного обложения земли. Если мы и не можем и не должны ставить препятствия экономическому прогрессу, то все же должны добиваться того, чтобы он осуществлялся по возможности безболезненно.

г) Культура почвы.

Те же основания, которые мы принимали в соображение по вопросу об уничтожении чересполосицы, должны руководить нами и в других вопросах, проистекающих из стремления поощрять сельское хозяйство.

В настоящее время мы уже требуем передачи в руки государства лесов и вод. А пока право частной собственности на них еще не уничтожено, мы будем поддерживать всякое целесообразное ограничение этого права для обеспечения рациональной постановки лесного и водного хозяйства.

В теснейшей связи с вопросом водного хозяйства стоит вопрос о крупных работах по мелиорации или культивированию такой почвы, которая в существе своем есть не что иное, как часть общественного водного хозяйства, обслуживающая и сельское хозяйство: сюда относятся работы по осушению и обводнению почвы, осушка болот, увеличение размеров земли посредством плотин и тому подобные работы.

Предоставить их выполнение отдельным хозяевам нет возможности. При зарождении капиталистического способа производства подобные работы предпринимало абсолютистское государство и за свой счет повышало земельную ренту землевладельцев так же, как оно поднимает прибыль промышленных предпринимателей, благодаря субсидиям. Государство либеральное ввело новые принципы в мелиоративную политику. Так Мейцен говорит о Пруссии:

„Теперь (в сороковых и пятидесятых годах) вполне определенно, в противоположность старинной системе государственных учреждений, в качестве основной мысли для мелиорации, устанавливается целью, с одной стороны, решительно возбуждать живую деятельность частных землевладельцев для повышения доходности предприятий, с другой же, всячески укреплять и поддерживать этот дух предприимчивости и самопомощи. Там, где, во избежание худшего, признается полицейская охрана, со стороны закона нет препятствий для принуждения частных собственников к целесообразным мелиоративным работам; другие сооружения, сулящие выгоду, вызываются хотя бы только указаниями, подготовительными работами, техническими советами и обеспечением пособия; а в период приведения этих мер в исполнение, полный риска и случайностей, всячески устраняют, путем денежных пособий и ссуд, всякие застои в работах, энергично привлекаются к деятельности все, заинтересованные в этих сооружениях, и обеспечивается товариществам возможность надлежащего, фактического полного развития, на какое только имеются данные и подготовка по условиям дела“. („Почва и т. д. Прусского государства“, I, стр. 463).

Социал-демократия и тут опять вводит новый принцип: она добивается перехода в руки государства водного хозяйства, но не в том смысле как поступает абсолютное государство, беря на себя расходы и отдавая прибыль землевладельцам; общество должно оставаться хозяином водных источников и на пользу ему должны пойти доходы от них, равно как и повышение доходов с земли, являющееся результатом системы водного хозяйства.

Там же, где это невозможно, где препятствием и препятствием неустранимым является частная собственность на землю, там остается только придерживаться точки зрения либералов: проведения мелиоративных сооружений не государством, а товариществом заинтересованных землевладельцев за их собственный счет; тогда помощь земельной культуре со стороны государства выразится не в подарках землевладельцам, а в ограничении их права собственности, в преодолении сопротивления элементов противодействующих, без содействия которых, однако, нельзя произвести мелиорации.

Исключение можно было бы сделать лишь тогда, когда мелиорация служит не исключительно только одним интересам землевладения, но также и

интересам общественным, путем ли улучшения климата, благодаря осушке болота, или устройством нового пути сообщения, благодаря проведению канала. Тогда государство может и обязательно должно взять в свои руки водное хозяйство.

Но и в этом случае необходимо требовать, чтобы заинтересованные в нем землевладельцы участвовали в расходах по предприятию в той мере, в какой возрастает, благодаря ему, их земельная рента, и следует добиваться экспроприации их в случае отказа их делать соответствующие взносы. Если бы итальянское правительство пожелало дренировать римскую Кампанью, то от этого выиграли бы Рим и вся Италия; и все-таки было бы в высшей степени излишне превращать эту пустынную область в цветущий уголок на средства бедного итальянского народа в пользу его богатых владельцев, римских церквей и римских княжеских фамилий.

Не с одной только точки зрения пролетариата следует высказываться против употребления общественных средств на работы по культивированию, не вызываемые настойчиво интересами общества; это необходимо и с точки зрения доходности таких работ. Конечно, с точки зрения культуры следует одобрить культивирование болота или обращение морского дна под земледельческую обработку, но очевидно, что эти работы, за исключением, как было сказано, направленных для общественных целей, положим для гигиены, и т. д.— следует поддерживать только тогда, когда они обещают излишек доходов над расходами.

Просвещенный абсолютизм XVI столетия, развивший сильное стремление к капиталистическому способу производства, но очень дурно производивший капиталистический рассчет, крайне дорого заплатил за такие попытки поднять земельную ренту культурной почвы. В настоящее время, в период упадка земельной ренты, требуется особая осторожность. В то время, когда капиталистическое накопление изо дня в день открывает путь в новые, чудовищные площади плодороднейшей девственной почвы вне Европы, когда в самой Европе плодородные поля вновь превращаются в выгоны для скота, даже в леса, совсем не так уместно делать большие затраты с тем, чтобы упорным трудом превратить несколько клочков бесплодной земли в почву, годную для возделывания. Рошер цитирует одно письмо, в котором еще в 1841 году по вопросу о культуре земли в Баварии сказано: „Встречая в Баварии посреди лесов, на прекрасной почве развалины деревень времен тридцатилетней войны, испытываешь тем большую грусть об упрятанных во мху Дуная капиталах и человеческой энергии". (Национальная экономика земледелия, стр. 122). Конечно, не может быть и речи о том, чтобы придти на помощь нужде сельского хозяйства или, вообще, крестьянам посредством этих работ по культуре почвы; ведь не в земле они испытывают недостаток.

Разумеется, многие мелиоративные работы, могущие приносить доход, еще не выполнены; выполнению их недостаток в деньгах ставит меньше препятствий, чем частная собственность на землю, раздробленность ее между многими владельцами. Деньги можно взять взаймы, и следует взять, раз предприятие обещает быть доходным, но большинство мелиоративных работ можно производить только в крупных размерах, и не отдельным землевладельцам, каждому для самого себя. Их можно осуществить, только об'единивши всех землевладельцев, а это крайне трудно. Инертность, невежество, недоверие являются помехой этому, а к тому же и выгоды от крупных мелиоративных предприятий для каждого из участвующих различны.

И только ограничение права собственности, принудительная власть государства может установить прочное единство в этой области. Раз того требует определенное число лиц и проект признается целесообразным, все элементы, противодействующие, должны принудительным путем предоставить

свои земли и принять участие в расходах. Социал-демократия всегда будет стоять за такой метод отстаивания интересов земельной культуры.

д) Борьба с повальными болезнями.

Не менее чем мелиоративные работы, важен и вопрос о борьбе с вредителями, угрожающими культурным животным и растениям, а тем самым и условиям существования культурного человека.

Мы указали уже в первой главе на то, что современный способ производства грозит все большей и большей опасностью для здоровья культурных животных и растений, что он широко открывает двери повальным болезням скота и растений.

В результате этого являются все новые затруднения для ввоза скота и фруктов. Но как не велика действительная опасность для сельского хозяйства целой округи подвергнуться разорению через ввоз какого-нибудь зачумленного экземпляра, все же зачастую эти затруднения для ввоза бывают просто ширмой, за которой скрываются соображения характера не гигиенического, а протекционистского, при чем имеется в виду не только ввоз зачумленного скота, но и вообще ввоз всякого скота обставить затруднениями и даже сделать совершенно невозможным. Следует требовать не отгораживания от за-границы, а только и единственно изоляции очагов заразы, все равно, лежат-ли они внутри или вне страны; и, конечно, первые наиболее опасны, так как находятся ближе и в более оживленных сношениях с страной. Все меры предосторожности на границе совершенно бесполезны, раз рука об руку с ними не ведется энергичная борьба с заразой внутри страны.

Но и здесь мы наталкиваемся на институт частной собственности, как на крупнейшее препятствие. Всякая борьба с заразой, на растениях-ли или на животных, безнадежна, если она не ведется решительно и планомерно на всех угрожаемых пунктах в одно и то-же время. Если все владельцы скота продезинфецируют свои зачумленные стойла, а один из них уклонится, то этого окажется достаточно для того, чтобы дать возможность вновь появиться только-что изгнанному злу. Если в данной местности все владельцы виноградников, исключая одного, поведуть борьбу с филоксерой, она все равно вернется на их лозы. Помочь здесь может только отмена, хотя бы и временная, прав собственности, свободу в области хозяйства надлежит заменить принуждением со стороны государства.

И это уместно не только тогда, когда уже приходится бороться с имеющимся на лицо злом; здесь, как и во всем, наилучшая политика—профилактика. Необходимо не только щадить и воспитывать врагов вредителей, случайно наносящих им вред, как-напр. картофельный жук, но обязательно проводить принудительным путем меры предосторожности при возделывании почвы, при постройке стойл, и т. п. Следует издать определенные гигиенические предписания относительно стойл для скота по образцу таковых для человеческих жилищ и учредить штат инспекторов для надзора за выполнением этих предписаний.

Для борьбы с туберкулезом рогатого скота следует добиваться принудительной иммунизации туберкулина, изолирования больных животных от здоровых и вскармливания телят стерилизованным молоком. В Дании иммунизация дала превосходные результаты. Во Франции весь ввозимый рогатый скот подвергается иммунизации. Мы не будем входить в рассмотрение полезности иммунизации туберкулина, но раз она установлена, ее принудительное осуществление, конечно, будет одобрено нами.

Из страха перед правом собственности социал-демократия никогда не убоится принудительных мероприятий, которые потребуются для борьбы с вра-

гами сельского хозяйства; но, разумеется, она позаботится о том, чтобы меры эти были по возможности целесообразно осуществлены.

Уже и теперь государственная власть оказывается вынужденной, не по собственному побуждению, а в силу необходимости, вмешаться в права собственности по вопросу о борьбе с повальными болезнями на животных и растениях путем принудительных мероприятий. Хотя меры эти в интересах самого сельского хозяина, но тем не менее часто приходится наталкиваться на упорнейшее сопротивление. Виною тому не косность и невежество, а то недоверие, которое питает крестьянин к органам государственной власти; обыкновенно они по отношению к нему являются органами угнетения и разорения, в лице полицейских властей и сборщиков податей, и от их бюрократической опеки он не ждет ничего хорошего для своего сельского хозяйства.

Чем шире распространяется принудительная власть государства в борьбе с повальными болезнями, тем более следует позаботиться, с одной стороны, о просвещении сельского населения, и не о случайном, а о систематическом, а, с другой стороны, о том, чтобы принудительные меры издавались и применялись не юристами, полицейскими и бывшими унтер-офицерами, а теоретически и практически образованными знатоками дела в наиболее полной согласованности с органами демократического самоуправления общины или округа.

Кто должен нести издержки по проведению в жизнь этих мер? Государство? Это значит—переложить часть издержек производства по сельскому хозяйству на потребителей и на их счет поднять земельную ренту. А с другой стороны, было бы несправедливо возлагать оплату расходов на эти меры исключительно на тех сельских хозяев, производство которых терпит от заразы, тогда как меры эти предпринимаются в интересах всех сельских хозяев; к тому же тут является у каждого в отдельности сильное побуждение утаить появление заразы среди своего скота или на своем земельном участке.

Поэтому зачастую эти издержки возлагаются на совокупность заинтересованных сельских хозяев, и таким образом, пришли к тому, что в случаях своевременного уведомления стали выдавать вознаграждение за убытки от уничтожения больного скота при некоторых повальных болезнях—чуме рогатого скота, сапе, повальном воспалении легких, антоновом огне селезенки и т. д.; поскольку распространен этот обычай, владелец может считать себя застрахованным от убытков при известных повальных заболеваниях, и там, где вознаграждение лежит на обязанности совокупности владельцев животных, можно сказать, что имеется на лицо обязательное страхование от повальных болезней. Нельзя не пожелать осуществления желания сельского населения современем включить в это обязательное страхование также и другие повальные болезни, как-то: жемчужную болезнь рогатого скота и рожу свиней. (Бухенбергер, Очерк аграрной политики, стр. 188).

Конечно, ничего нельзя возразить против этого вида государственного страхования.

Вместе с тем мы подошли к новому вопросу, вопросу о значении государственного страхования для сельского хозяйства.

е) Государственное страхование.

Принято утверждать, что страхование в области сельского хозяйства играет совершенно иную роль, чем в промышленности, и если нельзя провести государственное страхование от последствий всевозможных несчастных случайностей в отдельных отраслях промышленности, то следует добиваться его в сфере сельского хозяйства: это последнее целиком во власти капризов сил природы, в промышленности же эти силы покорены человеком.

Но непрерывный рост производства для товаропроизводителей обусловливается не одними только естественными, но и общественными факторами, а эти факторы для индустрии отличаются большей прихотливостью, чем в отношении к сельскому хозяйству. Хотя последнее и находится в большей зависимости от капризов природы, зато его зависимость от прихотей рынка меньше. Сельский хозяин большей частью самостоятельно вырабатывает сырые и вспомогательные материалы, которые промышленнику приходится покупать, хотя и при наличности иностранной конкуренции, все же рынок сбыта для сельского хозяина и более обеспечен, и гораздо меньше зависит от моды, чем для промышленника. Несправедливости природы часто превращаются для него через посредство рынка в их противоположность; неурожай может повлечь за собой такое повышение цен, которое более, чем уравновесит незначительный сбор.

Кроме того, страхование почти неприменимо как раз для самых разорительных несчастных случайностей в сельском хозяйстве, оно уместно лишь по отношению к таким несчастиям, которые обыкновенно постигают немногих отдельных лиц в ряду большого числа других,—так, незначительного взноса со стороны каждого в отдельности достаточно, чтобы вполне вознаградить понесших потерю. Сухое или сырое лето, суровые зимы, наводнения,—все это такие испытания, которые поражают большие пространства, даже целые государства, и которые, как напр. наводнения, вызывают такую бездну несчастий, перед которой страхование совершенно бессильно. Помочь здесь может только приложение всех имеющихся в распоряжении общины сил, да и тех не всегда хватает.

Поскольку социал-демократия не имеет оснований требовать передачи в руки государства всего страхового дела в городе и деревне, постольку же у нее едва ли имеется основание всю область страхования в деревне огулом поручать государству.

Мы не хотим этим сказать, что не следует уже теперь добиваться определенного вмешательства со стороны государства в отдельные свойственные сельскому хозяйству отрасли страхования, если это вмешательство целесообразно; таковы *страхование скота* и *страхование посевов от града*.

Страхование скота бывает двух родов: страхование от заразных болезней, как мы видели, давно уже в руках государства, как составляющее часть государственной санитарной полиции. На ряду с этим видом страхования существует еще страхование на случай падения скота, не обусловливаемого заразными болезнями.

Этот вид страхования имеет значение только для мелких скотоводственных предприятий. В крупном производстве падеж одной штуки скота не представляет собой события, существенно затрагивающего предприятие. Чем крупнее производство, тем скорее потеря какой-либо штуки скота—явление, довольно правильно периодически повторяющееся, составляющее часть неизбежных издержек производства. Владелец большого числа голов скота, подобно капитану большого корабля, лучше всего обеспечивает себя своими силами.

Другое дело мелкий крестьянин. Идет ли дело об одной только корове, для него это уже значительный ущерб, часто роковой тормоз для всего предприятия. Доходы его слишком скудны, он не в состоянии периодически отчислять из них на амортизационный фонд для своего стада, и отдельные несчастные случаи могут поразить его скот раньше, чем он окупить себя. В таких случаях крестьянину, не прибегшему к помощи страхования, не остается ничего другого, как прибегнуть к кредиту у скототорговца; таким образом, этот последний получает возможность эксплоатировать крестьянина усиленно, и как торговец, и как ростовщик одновременно.

Понятно, почему крестьяне, обладатели скота в какой-либо деревне соединяются, чтобы взаимно обеспечить себя от таких случайностей и несут расходы по несчастью сообща. Этот вид страхования скота относится к попыткам кооперативным путем сообщить мелкому производству преимущества крупного; но как ни полезны и неизбежны эти попытки, все же и здесь они являются лишь жалким суррогатом крупного производства.

Застраховывая само себя, крупное предприятие не теряет таким путем ни средств, ни интереса предупредить, по возможности, урон в скоте принятием соответствующих профилактических мер. Другое дело—крестьянин. Само собою разумеется, что его скот чаще подвергается опасности то из-за недостатка средств, то благодаря плохому устройству хлевов или неудовлетворительному корму. Уплата страховой премии, во всяком случае, не улучшает его положения в данном отношении. Правда, крестьянин может до известной степени возместить недостаток средств более заботливым отношением к своему живому инвентарю, но страхование как раз и показывает ему бесцельность подобной заботливости и часто является прямым соблазном к тому, чтобы не мешать сдохнуть дурной скотине и таким образом заменить ее лучшею на счет страхового общества.

Поэтому, как ни давно начались опыты со страхованием крестьянского скота (их мы уже встречаем в XVI столетии), и как ни жадно ищет капитал новых областей, которые он мог бы ввести в сферу своего влияния, до сих пор он предпочитал держаться подальше от таких опытов, которые всегда, при попытках его вступить на эту дорогу, оканчивались полнейшей неудачей. Там, где существует среди крестьян взаимное страхование, они могут до известной степени следить за отношением к скоту друг у друга, но это уже становится невозможным при страховании скота капиталистически-поставленными предприятиями: им угрожает постоянная опасность быть обманутыми со стороны крестьян, барыши же у них могут явиться только в том случае, если они сами постараются надувать своих клиентов. Однако, такие приемы, допустимые для каких-нибудь ското-торговцев, не прельщают крупный капитал, и он великодушно предоставляет эту область страхования государству и общинам,—тоже социализм... своего рода!

До сих пор страхование скота не переступало обыкновенно пределов незначительных местных союзов, оказывавших помощь в том или другом виде при потере скота своими отдельными сочленами. Союзы эти—соединения людей, в достаточной степени знающих друг друга, так что контроль является делом необыкновенно легким и простым, а вред для общества от проявлений нерадивости или явного обмана со стороны отдельных личностей заранее предупрежден. Но у этого рода союзов есть и свои невыгодные стороны, обусловливающиеся малочисленностью состава участников страхования. Поэтому при каждом местном усилении в падеже скота, например, из-за недостатка корма, союз оказывается уже не в состоянии выполнять свое назначение и, следовательно, все страхование становится обманчивым и ненадежным.

Несомненно, в эту область должно вмешаться государство. Оно может или об'единить отдельные местные союзы друг с другом, и тогда у них явится возможность сообща перенести слишком тяжелые временные потери одного из них, не рискуя распадением союза, или ввести для отдельных скотовладельцев принудительное вступление в союз и тем расширить область страхования.

Пролетариат всегда отдает предпочтение, по возможности, свободной демократической организации перед организацией при содействии бюрократии; и это справедливо по отношению и к его страховым учреждениям: также без помощи правительственной власти он сумел возвести как свои профессиональные союзы, так и кассы взаимопомощи на степень организаций общенациональных. Но если крестьяне, чувствуя необходимость в об'единении своих ме-

стных страховых обществ в один национальный союз, все же считают себя не в состоянии провести подобную меру собственными усилиями и обращаются за помощью к так недоверчиво встречаемой ими в других случаях бюрократии,— у пролетариата нет оснований становиться им на дороге. Кроме того, если он может оказаться здесь еще и полезным, он не замедлит оказать и помощь.

Другое дело, если обращение к государству является одним из средств доставить ряду отдельных землевладельцев субсидию за счет плательщиков налогов, когда, например, государство посредством щедрого взноса в страховые кассы должно дать землевладельцам возможность улучшить состояние скотоводства на общественный счет. Подобных подачек партия пролетариата никогда не будет поддерживать.

Совершенно иначе обстоят дела со страхованием от градобитий. Возможность того, что оно подаст повод получать ссуды беспечным и недобросовестным хозяевам, здесь совершенно устранена. С другой стороны, опасность от градобития угрожает в одинаковой степени как крупному, так и мелкому хозяйству; град может сразу уничтожить все основания благосостояния и того, и другого. И если последствием государственного страхования скота часто является задержка сельско-хозяйственного развития страны и усиление на общественный счет мелкого землевладения с нерациональным способом обработки земли,—при страховании от градобитий подобной опасности не существует.

Первый вид страхования отличается от предыдущего и тем, что он имеет в виду опасности, угрожающие разорением всех хозяйств целых областей и даже стран, тогда как второй вид защищает от несчастий, угрожающих местами тому или другому хозяйству в некоторой части его инвентаря. Опустошения от градобитий в этом отношении имеют сходство с последствиями наводнений, но ограничиваются преимущественно лишь небольшою площадью, так что, в противоположность последним, страхование от них при достаточном количестве членов является не особенно обременительным для участников. „Как мало жизненна организация страхования от градобитий, если она захватывает небольшую площадь, ясно видно из разразившегося в свое время банкротства страховых обществ в Вюртемберге и Гессене, а также и из того факта, что небольшие общества взаимопомощи часто бывают принуждены выдавать ссуды необычайно высоких размеров (например, „Церера“ в Берлине за четырехлетие 1887—1890 гг.: 175, 99, 133⅓ и 100% первоначальных премий)“. (Buchenberger: „Agrarpolitik“, стр. 176).

Всеобщности страхования там, где оно находится в ведении частных предпринимателей, мешает в большинстве местностей как неравномерное выпадение града, так и тот факт, что он чрезвычайно часто выпадает в одних и тех же областях. В местностях, где в течение некоторого промежутка времени совсем не случалось градобитий, у туземцев легко складывается известное чувство безопастности, удерживающее от страхования, что особенно справедливо по отношению к крестьянину, обычно не страдающему излишком средств; а в округах, особенно угрожаемых градом, частные общества или совсем отказываются страховать, или страхуют, но требуют за это несоразмерно высокие страховые суммы.

Таким образом, ощущается необходимость государственной организации страхования от градобитий, до известной степени уже осуществленной в Баварии и Бадене. Она диктуется тою опасностью от опустошений, которые приносит с собою град и которая там, где нет никакого страхования, может привести к таким же бедствиям, что и при наводнениях, так что государству волей-неволей придется вмешаться и оказать нужную помощь. И эта необходимость государственной помощи там, где не введено страхование, может вполне оправдать целесообразность государственных ссуд страховым обществам, ибо это сокращает расходы государства на экстраординарные меры помощи.

Хотя мы ни мало не стремимся к какому бы то ни было, даже самому незначительному расширению сферы действия и полноты социальных отправлений полицейского государства, описанный только что вид страхования кажется нам вполне целесообразной мерой.

Но не следует, однако, переоценивать возможные результаты как государственного, так и частного страхования. Как оно ни полезно для лиц, потерпевших крушение, на плечах других, которые платят за эти несчастия, оно ощущается в виде новых налогов, которые растут тем больше, чем обширнее площадь страхования, и чем значительнее размер несчастий, за которые должны платить застраховывающие.

И эти бедствия все растут параллельно с ходом развития современной культуры: это она приносит нам с собой все увеличивающееся число скотских падежей, вымирание целых видов полезных растений, наводнения, а также и градовые тучи, которые, если справедлива теория главного лесничого из Ааргау—Риниккера, чаще всего разражаются над обнаженными возвышенностями, т.-е. причиною их появления можно считать уменьшение площади, занятой лесами. Страхование совершенно не касается причин бедствий; как мы видели уже раньше, оно оказывается недействительным против самых серьезных проявлений несчастия, обрушивающегося на сельское хозяйство. Страхование в лучшем случае—только жалкий суррогат, вместо тех мероприятий, которые должны сделать сельского хозяина независимым от капризов природы, подчинить ее воле человека. Научно-поставленная система лесного и водного хозяйства, уменьшающая опасность наводнений и градобитий, оросительные сооружения против засухи и осушительные—против избытка влажности, искусный подбор полезных растений и животных, имеющий в виду не только поднятие производительности, но и выносливости облагороженных пород, охрана насекомоядных птиц, гигиеническое устройство хлевов, соответствующий корм и т. п.—вот те меры, которые помогут гораздо сильнее какого-нибудь страхования. И само-собою разумеется, что очень многие из этих мер стоят в явном противоречии со всем укладом жизни малоземельного крестьянства! Попробуйте от него потребовать хотя бы рационального воспитания и ухода за скотом в просторных чистых помещениях.

ж) Кооперация. Сельско-хозяйственное образование.

Страхование скота местными обществами, как мы уже видели, является, в сущности, попыткой воспользоваться кооперативною организациею для получения одной из выгод хозяйства крупного. И при обсуждении вопросов, связанных с мелиорациями, мы касались уже и вопроса о кооперации. Здесь ему нужно посвятить еще несколько слов в качестве вывода к нашему обозрению тех требований сельского хозяйства, которые могут найти поддержку со стороны социал-демократии. Здесь мы будем кратки, так как в одной из предшествующих глав мы уже достаточно высказались относительно значения кооперации в сельском хозяйстве. Можно прямо заявить, что социал-демократия относится чрезвычайно сочувственно как к кооперациям вообще, так и к земледельческим кооперациям в особенности. Мы их совсем не переоцениваем и не видим в них средства спасти крестьянский способ производства, потому что они так же уживаются прекрасно и с крупным хозяйством, как и с мелким, и там, где они усиливают последнее, они тем самым превращают его владельца или в капиталиста-эксплоататора или в существо эксплоатируемое. Но мы также не видим в сельско-хозяйственных кооперациях и переходной ступени в царство социализма, кроме значения их в том смысле, что они, как и всякое акционерное предприятие и каждое крупное производство, являются вообще такою стадией. И во всяком случае, кооперация (в земледелии даже

гораздо больше чем в промышленности) является могучею силою экономического развития и служит также делу перехода мелкого производства в крупное, что, пожалуй, предпочтительнее специально-капиталистического средства этого развития—экспроприации мелких собственников. Мы не можем помешать развитию последнего способа в рамках современного строя, но мы также не заинтересованы и в его поддержке. А по отношению к кооперациям нам, напротив, следует это делать.

Однако, и здесь мы принуждены ограничиться только устранением тех законодательных рогаток, которые мешают свободному развитию этих кооперации. Субсидирование же их на государственный счет и в данном случае являлось бы только способом доставить при помощи пролетариата ссуду отдельным разрядам собственников для повышения уровня их личного благосостояния. Да и не в интересах самих кооперации содействовать выдачею таких ссуд гнилому грюндерству и легкомысленной расточительности денежных сумм, не говоря уже о том, что распоряжение фондом для помощи кооперациям для каждого правительства, и в особенности правительства недемократического, могло бы стать средством привлечь на свою сторону политические симпатии, средством подкупа, в роде фонда Вельфов.

Поэтому значительная часть кооперации сама отвергает государственные субсидии (см. об этом, например, статью д-ра Х. Крюгера в „Sociale Praxis“, VI—338, VII—203). Это могут назвать „манчестерством“, но ведь и государственная помощь частным лицам для утоления их частных аппетитов тоже далека от социализма. Социальная реформа, способствующая сохранению сельско-хозяйственного товарного производства тем, что она будет доставлять прибыль капиталисту, а риск—государству, т.-е. массе населения, является, без сомнения, обольстительным идеалом аграриев, но она или не может быть проведена в широкой степени, или—не в интересах пролетариев. Кроме того, есть еще одно могучее средство улучшить положение сельского хозяйства, и не только не задерживая экономического развития, но чрезвычайно ускоряя его. Этим средством является распространение профессионального образования.

О самом важном из того, что вообще можно сказать на этот счет, мы уже говорили выше, рассматривая вопрос о народной школе. Здесь не приходится распространяться и в том смысле, что социал-демократия, всячески содействующая сельско-хозяйственному и промышленному образованию, готова итти во всяком случае дальше простого устройства массы начальных народных школ: она не поскупится, когда идет дело об устройстве или улучшении средних и высших агрономических учебных заведений, сельско-хозяйственных лабораторий и опытных станций, об устройстве образцовых ферм, выставок и т. под.

Мы надеемся, что затронули все наиболее существенные элементы, имеющие значение для развития сельского хозяйства в рамках капиталистического строя и допускающие вмешательство социал-демократии в этот процесс. После наших заключений едва ли кто-нибудь станет утверждать еще, что наша точка зрения есть лишь проявление „социального манчестерства“. Однако мы охотно допускаем, что наши требования не выходят из границ буржуазной демократически-социал-реформистской аграрной программы, а в „радикализме“ они уступают даже иной программе аграриев и аграрных реформаторов. Мы утешаемся от такого „недостатка“ той надеждой, что соблюдали в своей аграрной политике единство промышленного и сельско-хозяйственного развития, что наша точка зрения, как здесь, так и там вполне тождественна, и для сельского хозяйства мы не требовали противоположного тому, что нам кажется необходимым для промышленности. Аграриям и аграрным реформаторам не приходится беспокоится на этот счет: по их мнению, сельское хозяйство является каким-то самостоятельным целым; обязанность социал-демократа—рассматривать его

лишь как часть одного и того же социального организма, такую часть, которая может развиваться лишь в полном соответствии с этим целым.

Может случиться, что практики найдут некоторые из выставленных здесь требований нецелесообразными. Но при определении их целесообразности дело должно итти о том, могут ли они содействовать развитию сельского хозяйства, не обращая внимания на то, способны ли они привлечь крестьянство. Мы заранее соглашаемся, что некоторые из этих требований (и не только те из них, которые относятся к охране рабочих, но и те, которые касаются ограничения права частной земельной собственности) будут как раз препятствовать привлечению крестьян в наш лагерь.

Но если окажется, что методы, способные поднять сельское хозяйство на высшую стадию развития, непригодны для завоевания симпатий крестьян, этим будет доказана отнюдь не нецелесообразность этих методов, а лишь нецелесообразность мелко-крестьянского способа производства.

IV.

ОХРАНА ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ.

а) Превращение государства полицейского в государство культурное.

Если социал-демократия и не может состязаться с аграрными партиями в деле спасения крестьянства, то все же существует одна область, в пределах которой она может предложить сельскому населению больше, чем „самая аграрная“ из буржуазных партий.

Для выяснения этого мы принуждены несколько отступить от нашей темы.

Основная тенденция современного способа производства ведет к тому, что город обогащается на счет деревни. Мы уже говорили об этом в предыдущем изложении. Здесь же мы выдвинем еще некоторые, имеющие важное значение, соображения. Обогащение города является естественным последствием накопления капитала, который все сильнее концентрирует в городе как сам себя, так и всю массу прибавочной стоимости, в том числе и возникающую в процессе сельско-хозяйственного труда. Эта тенденция исчезнет только с уничтожением капиталистического строя; вследствие чего сельское население гораздо сильнее заинтересовано в наступлении социалистического способа производства, чем население городское.

Перенесение промышленности в деревню и капитализация сельского хозяйства ничего, в сущности, не меняют в направлении вышеупомянутой тенденции. Этим меняется для части земледельческого населения только способ эксплоатации, но в городах все продолжается концентрация выжатой из него прибавочной стоимости.

Идея об ущербе, наносимом интересам деревни от города,—обычная тема наших аграриев; они только ошибаются, воображая возместить этот ущерб перенесением его на плечи городского населения посредством увеличения цен на предметы потребления и сырье. Мы уже указали выше, что такой мерой они лишь увеличивают высоту земельной ренты и улучшают положение землевладельцев. А ведь последних нельзя же отождествить со всем сельскохозяйственным населением, большинство которого живет не владением земельною собственностью, а своим наемным трудом. Да и масса сельских хозяев только по внешнему виду кажутся землевладельцами—настоящим собственником земли является городской держатель ипотеки. И крупный землевладелец любит также проматывать свою земельную ренту в городе. Повышение цен на продукты потребления и рост ренты увеличивают цены имений и повышают проценты по ипотекам (в случаях наследования и продажи) и увеличивают расходы,

производимые крупным земельным собственником и его детьми в городе. Но, с другой стороны, оно увеличивает эксплоатацию не только городского, но и большинства сельского населения, и, следовательно, в конечном счете повышает степень эксплоатации деревни городом, а не понижает ее, как говорят.

Поскольку можно противостоять этой тенденции в рамках современного способа производства, ей стремится противодействовать социал-демократия, старающаяся улучшить условия труда и культурной обстановки жизни деревенского пролетариата.

Но не один капиталистический способ производства приносит деревню в жертву городу. В том же направлении действует и современное централизованное государство, и это наблюдается даже там, где оно вполне под влиянием аграриев и стремится как-будто как раз к противоположному.

Современное государство, подобно всякому когда-либо существовавшему государству, является прежде всего институтом господства. Носители теперешней государственной власти, парламент и особенно государи, видели до самого последнего времени свою главную цель в том, чтобы лишить самостоятельности и отнять средства власти у небольших, более или менее независимых средневековых общин, путем слияния которых шло образование современного государства. Городские и сельские общины, марки, феодальные области утрачивали свое самоуправление и орудия власти, которыми они раньше располагали. Юстиция, полиция, армия, податное управление беспощадно централизуются.

Но современное, и здесь так же, как и всякое когда-либо существовавшее, государство лишь в самой незначительной степени является представителем интересов культуры. Все, что оно концентрирует в своих руках, является только орудием господства, задачи культурные оно предоставляет общинам и округам или даже частным лицам: централизация этих культурных задач не привлекает к себе его внимания. Низшее, а отчасти и среднее народное образование оно сваливает на плечи общин. Высшие школы, конечно, находятся в ведении государства—при всем желании оно не могло навязать их общинам, но ведь и они в руках государства служат преимущественно целям господства, а не интересам культуры, и их задача—выучка покорных государству чиновников, а не воспитание свободных исследователей.

На долю же общин, а иногда и частных лиц достается и полиция благосостояния, в широком смысле этого слова: санитарная полиция, медицина, попечение о бедных. Иногда общинным, а иногда также частным делом является поправка и поддержание средств сообщения: государство обычно вторгается в эту область, только когда дело идет об улучшении военного сообщения и связанных с войною предприятий. Государственные дороги весьма многозначительно называются военными дорогами, а железные дороги до самого последнего времени переходили в собственность государства исключительно в странах милитаризма, а не в Швейцарии, Англии и Америке. И хотя германский император сказал, что наш век свои под знаком путей сообщения, но знак, под которым находятся прусские государственные дороги, —не знак сношений, а знак милитаризма и грабежа.

Научные и художественные учреждения, по отношению к которым современное государство проявляет заботливость и оказывает им поддержку, первоначально являлись лишь дополнением к придворному блеску и ведут свое происхождение от придворных театров, придворных галлерей, придворных музеев, и свой придворный характер они до сих пор все еще сохраняют на восток от Рейна.

Но поскольку государство рядом с орудиями господства вызывает к жизни и приобретает еще и средства культуры, оно всегда концентрирует их в больших городах и особенно в столицах. Деревенское население принуж-

дено сюда вносить такую же лепту, как и городское, но пользуется ими только последнее.

В государственной жизни должны проявиться тенденции противоположного характера, но это случится не раньше того момента, когда пролетариат получит влияние на руководство ее судьбой. Государственная власть—это могучий рычаг для упразднения всей капиталистической системы, и пролетариат вынужден стремиться завладеть этою властью с естественною неизбежностью. Не следует только представлять себе диктатуру пролетариата приблизительно таким образом, что в один прекрасный день „униженные и оскорбленные" больших городов захватывают насильственным путем министерства и, пользуясь принудительными средствами государственной власти, пойдут грабить богатых.

Пролетариат не может успешно бороться за обладание государственною властью, не возвышая самого себя и государство на более высокую степень развития; иначе он не сумел бы воспользоваться в своих интересах этою властью. И только в такой борьбе он приобретает необходимые моральные и интеллектуальные качества, которые приведут его к положению господствующего класса, что позволит уничтожить всякое классовое господство вообще. Но борьба пролетариата за обладание государственною властью обозначает не только простую борьбу ради завоевания орудий этой власти: в результате борьбы абсолютная монархия или олигархия должны превратиться, по необходимости, в демократию; точно так же произойдет и сокращение административных полномочий государства и повышение его культурных задач; одним словом, государство полицейское и военное перейдет в государство культурное.

Но ведь это понятно само собою и не нуждается в дальнейших раз'яснениях.

Однако, если такое превращение государства будет выгодно для всего населения, для земледельческого—оно будет еще выгоднее, чем для городского. Оно получит при этом больше всех.

Несколько примеров раз'яснят данное положение.

б) Самоуправление.

Социал-демократия требует для народа самоуправления в государственных, областных и общинных делах. Последний род самоуправления является для сельских жителей далеко более важным, чем для населения городского. Государственный чиновник по самой своей сущности является горожанином, и у него больше понимания и симпатии встречают нужды городские, чем деревенские. Городское же население в лице могущественной прессы имеет, кроме того, по сравнению с сельским, еще и важное средство влиять на бюрократию. Это не препятствует, конечно, правительству и бюрократии оказывать явное покровительство землевладению за счет городских отраслей промышленности. Что же это, однако, за землевладение, которое имеет возможность пользоваться таким благоприятным положением? Это—крупные землевладельцы и особенно та часть их, которая представляет собою городской класс, проживающий в городе свою земельную ренту и лично влияющий на правительство и бюрократию. Но интересы этих землевладельцев стоят в противоречии с интересами массы деревенского населения, которое они эксплоатируют, и их же влияние ведет именно к тому, что во всех частных случаях, где государственное управление имеет значение, всей массе сельского населения наносится вред, раз это выгодно крупному землевладению, что можно наблюдать, напр., при разверстании общинных податей, при оценке повреждений от дичи и т. п. И здесь так же, как и при политике „охраны" сельского хозяйства, посредством по-

шлин и подачек, аграрные наклонности государственной власти оказываются лишь средством причинить вред сельскому населению: вместо того, чтобы уменьшить, они только увеличивают его.

Самоуправление провинции, округа и общины должно не только воспрепятствовать опеке и насилию над земледельческим населением тупоумных, наглых и даже подкупных чиновников и противодействовать преобладанию крупного землевладения, по меньшей мере поскольку оно основывается на политическом влиянии, но оно же будет выгодно для населения и в области экономической, устраняя совершенно одну часть городских чиновников, а другую привлекая в деревню, где они будут проживать свое вознаграждение, и теперь уже не как повелители, но как слуги населения.

в) Милитаризм.

Но еще важнее обуздания всемогущества централизованной бюрократии для сельского населения задача ограничить милитаризм. Конечно, его бремя чрезвычайно тяжело для всего населения, но для деревни оно оказывается самым невыносимым. Промышленность, порождающая все возрастающую резервную армию безработных, легче переносит отвлечение части рабочих рук для постоянного войска, чем сельское хозяйство, и вообще-то страдающее недостатком работников. И молодые люди, идущие из деревни в город, чтобы сделаться там солдатами, обыкновенно теряют привязанность к тихой сельской жизни и навсегда утрачиваются для земледелия. Те же, что возвращаются к нему,—не всегда самые лучшие элементы. От культурного влияния города солдата предусмотрительно охраняют; Боже упаси, если он заразится чем-нибудь из его духа!

Солдатский трактир и публичный дом—вот места, единственно „приличествующие званию“ защитников отечества в свободные часы,—одно, что не наведет его на революционные мысли; казарменный дух и сифилис—вот и все приобретения, уносимые им из города в деревню.

И налоги, идущие с крестьянина на содержание войска, как обязательные, так и добровольные, которые он принимает на себя за содержание сына в военном мундире, также переправляются в город и там растрачиваются. Несколько отраслей промышленности, многие слои городского населения питаются милитаризмом. Один крестьянин получает от него лишь убытки да налоги.

Вследствие всего этого трудно понять, каким именно образом крестьянин оказывается самой лучшей опорой милитаризма. Никто не будет утверждать, что в нем сильнее, чем у городского населения, развито национальное чувство, что у него живее побуждения идеалистические. Но и монархические симпатии и восхищение от „королевского мундира“—точно так же не раз'ясняют вопроса.

Ближе всего к истине нам кажется предположение о том, что сельское население более или менее ясно чувствует тот факт, что неприятельское нашествие тяжелее всего отражается именно на нем самом, не считая, конечно, крепостей, и гораздо сильнее, чем на городских обитателях.

Ужасы и опустошения войны обрушиваются главною своею силою на деревню; отсюда страх крестьянина оставить без защиты государство, отсюда его благоговение перед армий, удерживающей неприятеля далеко от мирных полей.

Чтобы втянуть крестьянина в борьбу с милитаризмом, ему прежде всего надо ясно доказать, что дело идет вовсе не о том, чтобы оставить „отечество“ без защиты.

Но борьба против милитаризма имеет две стороны, обыкновенно друг с другом смешиваемые, но которые необходимо строго различать.

В первом случае мы замечаем стремление к установлению вечного мира. Военные приспособления современного большого государства принимают такие бешеные размеры, что от них берет ужас и самых лучших патриотов. Так далше итти не может—в этом убежден всякий; дело идет к банкротству военной системы, или же к опустошительной войне, самой безумной из всех, когда-либо разражавшихся войн, которая должна быть допущена, так как бремя вооружений для обеспечения мира более невозможно будет выносить. Только одним средством, кажется, возможно предотвратить ее: через взаимное соглашение больших государств о всеобщем распущении постоянного войска и добровольное подчинение суверенных государств международному третейскому суду, решениям которого они обяжутся подчиняться.

Мысль, без сомнения, прекрасная, но утопическая по отношению к обществу, в котором противоречия интересов настолько сильны, что невозможно даже внутри государства разрешить посредством третейских судов такие проявления экономической борьбы, какими, напр., являются стачки. Предпосылкою вечного мира является, по меньшей мере, то условие, что наши великие державы прежде всего должны урегулировать все спорные пункты, имеющиеся у них, и примут предосторожности против возникновения новых. Но от этого мы сейчас дальше, чем когда бы то ни было. Разрешены еще не все национальные вопросы, порожденные развитием буржуазного государства; не закончилось еще разделение Европы, и уже начинается последняя борьба за разделение мира. Капиталистическое общество рождает слишком глубокие противоположности интересов между нациями, чтобы можно было ожидать заключения федерации между капиталистическими же правительствами. Разрешение этой задачи суждено международной солидарности пролетариата, которая уже сейчас является более верной порукой мира, чем все буржуазные конгрессы мира.

Совершенно другой характер носит требование замены теперешнего постоянного войска народным ополчением, милицией. Она выполнима уже и в современном обществе, даже и при наличности острейших противоречий во взаимных интересах государств. Она не хочет упразднить войско, ни ослабить его боевую готовность по отношению к внешним врагам, но стремится только сделать его безвредным внутри страны. Теперь армия является не только средством защиты от внешнего врага, но и служит для подавления „врага внутреннего“; она—самое надежное из всех орудий господства, самая твердая опора господствующих классов, поскольку их власть покоится на политическом факторе; она является как раз тем самым средством, которое в качестве ultima ratio будет встречать угрозой всякую попытку мирного освобождения эксплоатируемых классов. Требование проведения системы милиции поэтому является высоко-культурным требованием, которое должно быть дорого всякому, кто честно желает, чтобы общественное развитие шло по возможности мирным путем и вело за собою возможно меньше проявлений насилия и жестокости.

Идея вечного европейского мира преследует прежде всего цели экономические. Она хочет снять с капиталистического общества ту тяжесть, которая становится для него невыносимою. Она касается только взаимных отношений правительств, отношение же между народом и правительством ею не затрагивается. Разоружение по отношению к заграннце никоим образом не является еще и разоружением внутри страны. Скорее наоборот: стремление современных великих держав превзойти друг друга величиною своих армий приводит, в конце-концов, к тому, что последние постепенно начинают приближаться к типу народного ополчения, направлять которое против народа становится все более затруднительным, тогда как идея разоружения имеет тот смысл, что правительства, вместо теперешних, из народа вышедших и к нему же возвращающихся огромных армий, введут немногочисленные войска из профессиональ-

ных солдат, навербованных в рядах босяков, готовых за хорошую плату стрелять в отца и мать.

Требование или, выражаясь точнее, желание разоружения является поэтому той формой борьбы с милитаризмом, на которую прежде всего возможно склонить буржуазные слои, несмотря на вообще плохую надежду осуществить его на почве буржуазного общества. Замена же постоянного войска народным ополчением не может привлечь к себе эти слои хотя бы уже потому или, говоря м. б. правильнее, именно потому, что последнее является одною из предпосылок такого общественного состояния, которое и может только осуществить идею разоружения.

Идея народной милиции преследует прежде всего не экономические, а политические цели. Она—необходимое предварительное условие настоящей демократии, т. е. такого политического состояния, при котором правительство является слугою, а не господином населения. Но, однако, от ее осуществления едва ли следует ожидать в заметной степени действительного ослабления экономического гнета. В этом отношении идее вечного мира приходится отдать явное предпочтение.

Идея народного ополчения никоим образом не обозначает еще уменьшение степени народного вооружения, скорее даже увеличивает его, так как стремится поставить под ружье каждого, способного носить его. Какие это повлечет за собою расходы—этот вопрос разрешится степенью технического развития, которое нельзя предвидеть и которое именно в военной области до тех пор будет праздновать свои величайшие и самые зловещие триумфы, пока продолжается противоречие интересов между капиталистическими нациями.

Величина непосредственной экономической выгоды, вытекающей из системы народного ополчения для всего населения, находится в зависимости от массы технических и политических условий, которые постоянно изменяются и которые невозможно хотя сколько-нибудь предвидеть теперь.

Но как бы ни была эта выгода высока или ничтожна, несомненно одно: из милиции наибольшую выгоду извлекает деревенское население.

И как бы ни складывался способ обучения солдат при системе народного ополчения, а он может быть в разное время и в разных государствах весьма различным, в зависимости от многообразных политических, технических, экономических и педагогических условий,—в каждом отдельном случае эта система ведет к уничтожению существующей теперь в сильной степени разницы между солдатом и гражданином. Это—основной признак милиционной системы. С одной стороны, и гражданин, заканчивая период своего военного воспитания, остается человеком вооруженным (в Швейцарии каждый способный носить оружие гражданин имеет его у себя в доме); с другой стороны, стараются о том, чтобы солдат и во время своего обучения оставался гражданином так, чтобы время его из'ятия из среды остального населения, т.е. время его пребывания в казарме, ограничивалось minimum'ом, необходимым для получения боевой готовности, и возможно большая часть этого обучения происходила не в казарме. Планомерное воспитание в юношестве способностей к обороне играет видную роль в каждой системе народного ополчения. Поэтому обучению в казарме должно быть посвящено лишь несколько месяцев. А это обозначает не что иное, как то, что время, на которое солдат при милиционной системе отвлекается от своей профессии, представляет собою, самое большее, затруднение, а не серьезное бремя для промышленности. Это можно сказать по отношению к каждой отрасли производительной деятельности и особенно к бедному рабочими руками сельскому хозяйству. Для него казармы обозначают централизацию войск в городе, обозначают самый худший вид абсентеизма, абсентеизма наиболее важных его рабочих сил, которые не только превращаются из работников в эксплоататоров (без сомнения, совсем неволь-

ных), но кроме того и самый продукт эксплоатации проживают вдалеке от деревни. Даже тот, кто считает прямую экономическую выгоду от системы милиции в высшей степени незначительною, вынужден будет признать, что она именно устраняет из сельского хозяйства одну из самых тяжелых форм его эксплоатации.

г) Национализация школьных, благотворительных, дорожных и т. п. повинностей.

Но стремление социал-демократии превратить государство из института господства в институт культурный помогает сельскому хозяйству не только в этой отрицательной форме, в форме борьбы со всемогуществом бюрократии и милитаризма. Борющийся пролетариат должен также стремиться сделать государство средством распространения культуры и решения культурных задач, на что не способны частные лица и общины, в то время это имеет значение неоспоримой потребности для всех.

Выше мы уже указывали, что существует ряд культурных задач, которые теперь, будучи предоставлены общинам, удовлетворительным образом разрешаются только для города, но выполнение которых для деревни так же настоятельно необходимо, как и для города. И даже некоторые из этих задач имеют гораздо большее значение в деревне, чем в городе. Так, первая сильнее нуждается в хорошей народной школе, потому что у нее отсутствуют все другие средства образования, а сельское хозяйство становится такою профессией, которая требует гораздо большей научной осведомленности, чем большинство профессий городских. Так же обстоит дело и с призрением бедных. В городах, куда стекаются богатства, есть много частных лиц, которые без труда могут уделять кое-что из своих излишков, чтобы убрать с глаз зрелище самых жестоких проявлений нищеты. В деревнях частная благотворительность в этом отношении почти ничего не может сделать при сплошном сельско-хозяйственном и малоземельном населении, живущем, кроме того, далеко не в изобилии. Там же, где существует крупное землевладение, которое могло бы при своих доходах смягчать наиболее острые проявления нищеты, замечается часто абсентизм такого рода, что богатым крупным землевладельцам совсем не бывает известно о нищете в окрестностях их поместий. Те же землевладельцы, которые большую часть времени живут в городах, если они действительно сострадательны, чаще всего находять возможным давать что-либо бедноте городской, а не деревенской.

Исключение составляют католические монастыри, обыкновенно представляющие из себя крупные поместья, обитатели которых не практикуют абсентеизма и не имеют в городе сыновей или зятьев, по крайней мере законных, на содержание которых им приходилось бы тратить свою земельную ренту. Монастыри более всего приспособлены к тому, чтобы заниматься благотворительностью в деревне. Хотя все это и так, однако нужно заметить, что они, если смотреть на них как на специально благотворительные учреждения, слишком много тратят на администрацию. Для устройства в монастырских кухнях больших трапез для нищих существуют, во всяком случае, более дешевые способы, чем обильное снабжение их всем, что веселит сердце монашествующей братии.

Как и с благотворительностью, в деревне столь же неважно обстоят дела и с медициной и санитарным делом вообще. Ее духовное запустение гонит в города и врачей. В деревне все сильнее ощущается недостаток во врачах, между тем как в городах масса молодых врачей тщетно ищет себе практики. Хотя захворать для пролетария везде плохо, но и здесь для него положение гораздо неприятнее, чем в городе. В городе, в качестве „материала„

для ученых целей, его нередко принимают в общественные клиники, или же он пользуется дешевыми советами врача. В деревне ему долго приходится искать доктора, и, в конце-концов, он бывает вынужден обратиться к коновалу и к симпатическим средствам знахаря или какой-нибудь старой бабы. Здесь не может быть и речи о лечебницах и даже о помещениях для изоляции заразных больных.

Сюда присоединяется отсталость деревни в области путей сообщения.

И нигде так же хорошие пути сообщения не являются столь же необходимыми, как в деревне, вследствие разбросанности сельского населения, громадных расстояний между отдельными населенными пунктами и незначительной ценности сельско-хозяйственных продуктов, как таковых, вознаграждающей более или менее отдаленный транспорт только при наличности прекрасных перевозочных средств. И тогда как в городах население становится все плотнее, в деревне мы часто замечаем противоположное. И кроме того в городах растут и средства к развитию дальнейших сношений, и устройство там дешевых способов передвижения (омнибусов, трамваев, городских дорог, транспортных контор) стало таким прибыльным занятием, что замечается сильное привлечение капитала в эту область. В деревне некому позаботиться на этот счет, а небогатые сельские общины не могут на свои средства создать необходимые пути сообщения.

Таким образом, антагонизм между городом и деревней становится все ощутительнее.

Сюда вмешивается социал-демократия, указывая государству те задачи, которые не по силам общине. Государство обязано взять на себя издержки на народное образование, попечение о бедных, народное здравие и пути сообщения.

Однако, такое требование не обозначает еще, что все эти отрасли будут с данного момента обслуживаться бюрократически-шаблонным путем. Самоуправление общин, округов и провинций не должно суживаться; в большинстве государств континентальной Европы область его влияния должна еще расшириться. Община, особенно там, где торжествует принцип всеобщего избирательного права, не является в такой же сильной степени, как государство, институтом господства; она сравнительно менее склонна превращать школу в орудие правительственных намерений, или пользоваться делом призрения бедных и средствами сообщения для подкупа избирателей в правительственных интересах.

Против того положения готской программы германской социал-демократической партии, которое требовало „государственного всеобщего и равного народного образования“, Маркс в своем известном письме замечает: „Государственное народное образование—вещь недопустимая. Определять одним общим законом средства народных школ, подбор учительского персонала, предметы обучения и т. д., и наблюдать, как это происходит в Соединенных Штатах, за выполнением этих законодательных предписаний при помощи государственной инспекции— есть нечто совсем другое, чем превращать государство в воспитателя народа! Напротив, правительство и церковь одинаково должны быть устранены от всякого влияния на школьное дело. В Прусско-Германской империи само государство как раз нуждается в суровом воспитании народом“. (Neue Zeit, IX, 1, 574).

Точно так же мало оснований подчинять, подобно школе, шаблону государственной бюрократии и призрение бедных, и заботу о больных, и пути сообщения. В России, где необходимость обеспечить население медицинскою помощью заставила провести систему общественного попечения о больных, это последнее получило некоторое значение лишь в тех губерниях, в которых организацию его взяли в свои руки представители местного самоуправления— земства. О том, насколько необходимо при призрении бедных и проведении

путей сообщения иметь достаточное знакомство с местными вспомогательными средствами, как и с размером потребностей самого населения,—едва ли стоит распространяться.

И было бы, кроме того, несовместимо стремление превратить государство из института господства в институт культурный с предоставлением ему новых средств господства, без всякой в том нужды. Благотворительность церквей являлась одним из оснований их могущества, а как обстоят дела с правительственным заведыванием большими национальными путями сообщения, показывают каждые выборы: верные правительству избирательные округа, по сравнению с округами оппозиционными, имеют всегда больше шансов увидеть исполненными свои желания о постройке новых железных дорог, дорог широко- и узкоколейных, улиц, мостов и т. п., и это помогает многим приверженцам правительства получить свой мандат. Можно представить, какую силу получает в свои руки правительство, раз оно имеет в своем распоряжении и все местные пути сообщения.

Во всех этих областях государственной власти может быть предоставлена лишь роль сборщика вспомогательных средств, получаемых путем государственных налогов и притекающих по известным нормам к отдельным провинциям, округам и общинам, в полное их распоряжение.

д) Бесплатность правосудия.

Из требований социал-демократии следует назвать еще одно, которое также отвлекает государство от функций господства в сторону функций культурных и окажется более полезным сельскому, чем городскому населению: это—требование бесплатности правосудия и юридической защиты. Насколько мы понимаем такое требование, оно нисколько не означает, что с этого времени все судебные дела должны вестись бесплатно: все процессы, какого бы они сорта ни были, должны оплачиваться государственными средствами, а следовательно и средствами пролетариев. Если два капиталиста заспорили о миллионном наследстве и вцепились друг другу в волосы, два акционерных общества подрались из-за какого-нибуть патента и т. д., социал-демократия не в состоянии требовать, чтобы пролетарии вносили свою часть на издержки по этим процессам.

С другой стороны, нельзя также и требовать, чтобы всякий имел право по своему произволу начинать судебный процесс на счет государства, для возмещения фантастической, может быть, несправедливости. Если государство примет на себя издержки, ему, понятно, придется предоставить и возможность решать, какие из судебных исков являются основательными, а какие нет. Это одно уже может повести к такой организации по делам гражданского судопроизводства, которая имела бы опасное сходство с нынешней обвинительной монополией прокуратуры. Государство приобрело бы новое орудие власти. С другой стороны, деятельность наших государственных прокуроров и судей далеко не такого сорта, чтобы мы могли желать увидеть, вместо свободных адвокатов, государственных чиновников.

Требование бесплатности правосудия, по нашему мнению, имеет тот смысл, что должны быть созданы учреждения, которые и людям без средств предоставляли бы возможность отстаивать свои права, на что сейчас у них возможности не имеется. Сюда могла бы относиться организация учреждений, которые пролетариат кое-где уже завоевал или вызвал к жизни, чтобы облегчить каждому из его членов возможность отстаивать свои права; эти учреждения должны сделаться общим достоянием, а издержки по их содержанию, которое лежит теперь на отдельных группах и общинах, должны быть перенесены на государство, не ограничивая и в этой области идеи самоуправления. Мы говорим здесь о промысловых судах и рабочих секретариатах.

Ощутительная нужда в бесплатном правосудии, наверное, могла бы быть удовлетворена через учреждение судов, состоящих из доверенных от народа лиц, которые под руководством профессиональных судей быстро и дешево разрешали бы без лишних формальностей всякие мелкие дела, равно как учреждения справочных бюро, при которых сведущие лица бесплатно и беспристрастно давали бы сторонам сведения об их правах, надежде на успех их исков и указывали лучший путь для них.

Основная выгода таких справочных бюро кажется нам не в том, что они дают отдельным лицам в руки средство самостоятельно вести процессы, но в том, что они уменьшают количество процессов. Поэтому они явились бы благодеянием, особенно для населения деревенского.

Таким образом, адвокат живет на счет тяжущихся, врач—на счет больных. В интересах последнего не здоровое общество, а как можно больше заболеваний, в интересах же первого — по возможности больше тяжб. Конечно, как в той, так и в другой профессии найдутся порядочные люди, не руководствующиеся подобными соображениями, но не мало и таких, которые не в силах противостоять им, и среди адвокатов их найдется больше, чем среди врачей. У адвокатов речь идет только о деньгах, у врачей же о жизни и смерти. Природу нельзя перехитрить, как перехитряют ловкие адвокаты формализм недальновидного судьи. Дело должно быть уж слишком плохим, чтобы не оставалось никакой надежды. Не удивительно, что есть адвокаты, которые в спорных случаях, невзирая на возможность какого-либо соглашения, советуют затевать крупный процесс, выгодный для адвоката, но убыточный для его клиента. И этих процессов нигде не встречается так много, как в деревне. Это происходит, конечно, не от какого-то мистического пристрастия крестьян к „сутяжничеству“, а есть следствие сельских имущественных отношений; многие тяжбы вертятся вокруг собственности. Нет нигде такого множества собственников, как в деревне, где даже большая часть пролетариата владеет земельной собственностью, часто до смешного ничтожной, но все же собственностью, способной влиять на психику своего владельца. Но если деревня обладает множеством собственников, то ей же присущ особый вид собственности—собственность земельная,—дающий повод к частым тяжбам. Земля представляет собой нечто особенное. Прочие вещи, на которые может распространяться право собственности, весьма непостоянны, или же, как, напр., благородные металлы, легко меняют форму и место. Земля же всегда остается на том же месте и мало изменяет форму даже в течение столетий. Это консервативный элемент в экономике, элемент крайне неподвижный в общем потоке явлений. На этот консерватизм указывает и самое право собственности на землю. В сравнении с собственностью на другие предметы, земля иначе сохраняет все особые права и обязанности, к которым с веками прибавляются скорее новые, чем отпадают старые. Так, право собственности на известный кусок земли заключает в себе не только право пользования таким-то количеством квадратных метров земельной площади, но также целый ряд других прав и обязанностей. Что оказалось бы невозможным при иных видах частной собственности—возможно при частной собственности на землю: судебные процессы, унаследованные от XVII века, права и обязанности феодальной эпохи, затерявшиеся в глубокой старине,—большей частью не закрепленные письменно, или вовсе несовместимые, или с большим трудом совмещающиеся с современными правовыми понятиями. Какой неиссякаемый источник для тяжб! Но также какое великолепное средство для имеющих достаточно денег и влияния, чтобы путем разорения преграждающего дорогу землевладельца завладеть его земельной собственностью. При экспроприации дворянами крестьянской собственности, „рука закона“ способствовала этому не меньше, чем солдатский кулак. Открытого нарушения закона в пользу купных землевладель-

цев нечего опасаться в настоящее время, но превосходство их кармана, позволяющее вести дело через все инстанции до тех пор, пока противник не испустит дух, существует и до сих пор. Возможность же уничтожения коренным образом этого преимущества богачей при настоящих общественных отношениях кажется нам сомнительной. Предложенные нами адвокатские бюро могут уменьшить зло, но едва ли могут его искоренить. Зато они принесуть большую пользу, противодействуя тяжбам между мелкими землевладельцами, не способными, во всяком случае, поднять крестьянское хозяйство. Если крестьяне меньше денег будут относить в город адвокатам и судьям, а больше тратить их на поднятие жизненного уровня и на улучшение собственного хозяйства, от этого получится только выигрыш. Все предложенные здесь реформы более выгодны сельскому населению, чем городскому, но они отнюдь не являются привилегией первого, а тем более привилегией землевладения. Они действуют скорее в духе демократизма и равенства, и не представляют также охраны отсталого способа производства и тормоза для экономического развития, а наоборот—всячески содействуют этому последнему и развивают силы, необходимые для новой, высшей формы социального строя. Они являются не только благими пожеланиями, но стоят по пути неизбежного общественного развития. Так, напр., переход в ведение государства школ представляется всеобщей необходимостью, и каждое культурное государство расходует на народные школы: Франция свыше 100 миллионов франков ежегодно (1893 г.), Великобритания вдвое больше (1893 г. 160 миллионов марок), Пруссия 53 миллиона (1896 г.). Что касается перехода в руки государства больничного дела, то, как уже упомянуто, в этом отношении многообещающие начинания сделаны Россией; что же касается попечения государства о сельских путях сообщения—повсеместно обращается усиленное внимание на постройку узкоколейных дорог. Но все это только незначительная частичная работа, указывающая лишь направление, по какому идет общественное развитие, но совершенно недостаточная для удовлетворения потребностей этого развития.

е) Бюджет современного культурного государства.

Это зависит не от доброй воли правительства. Ни одному слою населения не идуть они так охотно навстречу, как сельскому; но это зависит от средств, от капитала.

Нечего и говорить, что намеченная нами программа реформ потребует при повсеместном и удовлетворительном проведении ее огромных денежных сумм.

Возьмем хотя бы переход в ведение государства школ. Невозможно точно определить, каких расходов потребовало бы повсеместное поднятие народного образования до уровня потребностей современной культуры. Но некоторые данные для приблизительного подсчета мы можем получить, если рассмотрим народные и высшие школы современного большого города. Если сельские школы Пруссии поднять до уровня берлинских городских школ, получатся следующие расходы:

Расход на каждого ученика народной школы в Пруссии в 1896 г.:

в государстве	35,50 мк.
в деревнях	29,67 мк.
в берлинском городском округе	67,24 мк.

Поднятие до уровня Берлина увеличило бы расходы на народное образование вдвое.

В 1896 г. было израсходовано на народные школы 186 миллионов марок; из них 83 миллиона из средств государства. Число учеников народных школ достигало 5.237.000; число учеников всех первоначальных школ 5.520.000.

По берлинскому масштабу, эти последние обошлись бы в 376 миллионов.

Но берлинские городские школы далеки от идеала.

В среднем в народных школах приходится:

	Учеников.	
	На класс.	На одного учителя
в деревнях	56	70
в городах	59	59
в берлинском городском округе	53	52

Если число учеников в классе довести до 30, то увеличившиеся вследствие этого расходы составили бы школьный бюджет в полмиллиарда.

Но мы не назвали еще целого ряда других минимальных требований, пред'являемых ныне к рациональному народному образованию. Мы не имеем ни бесплатных учебных пособий, ни снабжения пищей и одеждой, хотя бы несостоятельных учеников; не имеем школ, снабженных мастерскими, садами, специалистами по сельско-хозяйственному и индустриальному образованию; специалистов и необходимых средств по организации и подготовке юношества к различным отраслям труда; дополнительных школ до 17 и 18-летнего возраста. Это увеличило бы число обязательно посещающих школу, с одной стороны, и расходы на каждого ученика—с другой.

В настоящее время ученик высшего дополнительного учебного заведения Пруссии требует свыше 200 марок, студент университета свыше 800. Не будет преувеличением, если предположить, что на каждого ученика придется по 150 марок. Это составит школьный бюджет Пруссии даже при прежнем сроке обязательного посещения школ до 14-летнего возраста без продления его до 17 лет в 800 м. марок; при продлении же срока—в 1 миллиард. Перед такой суммой бледнеют даже цифры военного бюджета.

Мы не беремся учесть расходы государства при переходе в его ведение призрения бедных, больничного дела, путей сообщения, судопроизводства. Для этого у нас нет необходимых данных; но эти расходы должны быть крайне велики. Сбережения, которые возможны при проведении вышеозначенной программы реформ, слишком незначительны, чтобы удовлетворить этим огромным требованиям, увеличивающим вдвое, а может-быть и втрое бюджет нашего современного государства. Вытеснение централизованного управления бюрократии самоуправлением провинций и общин не означает еще упразднения платных чиновников в общественном делопроизводстве. Это последнее в настоящее время слишком сложно, разнообразно и широко поставлено, чтобы с ним могли справляться дилетанты в свободное от других занятий время. Оно требует обученных специалистов, платных чиновников, исключительно посвящающих себя этому делу.

Общественное самоуправление, в смысле заведывания общественным делопроизводством не платными чиновниками, а лицами из народа, занимающимися этим делом на досуге и бесплатно,—такую мысль нужно считать утопией, к тому же реакционной и антидемократичной, как бы демократично и революционно ни были настроены ее носители. Такого рода самоуправление в государстве, переросшем примитивные формы, возможно лишь при аристократизме—при наличности зажиточного крестьянства, феодальных помещиков, всякого рода рантье, живущих чужим трудом, имеющих досуг и средства для исключительного посвящения себя общественным делам. И прославленное английское самоуправление было только привилегией аристократии. Чем демократичнее становятся современные великие державы, тем больше они должны

стремиться там, где есть самоуправление, к замене бесплатных почетных должностей—платными. Современное самоуправление, современная демократия едва ли приводит к уменьшению числа чиновников в сравнении с бюрократическим централизмом, скорее более равномерно распределяет их по стране, подчиняет их воле народа, и в связи с этим изменяет хотя бы отчасти способ их вербования и повышения в чинах. Но если развитие демократии и не поведет к значительному сокращению числа чиновников, зато уравняет их оклады. В монархически-аристократических государствах высшие должности являются привилегией аристократов и оплачиваются, сообразно их образу жизни, непомерно высоко, и тем выше, чем больше они носят характер синекур для падких на деньги или безденежных аристократов, ленивых и невежественных. Самая же работа выполняется буржуазной интеллигенцией и пролетариатом и соответственно этому оплачивается. Развитие демократии ведет к уменьшению окладов высших должностей и, наоборот, к повышению жалкого содержания низших рангов, которое в настоящее время часто ниже содержания находящегося на частной службе пролетария, но за это вознаграждением служат надежда на яко бы обеспеченную старость, удовлетворения честолюбия и спеси, а нередко также и нечистые доходы, вытекающие из служебного положения,—другими словами, взятки.

Демократическому государству, где чиновник не господин, а слуга народа, где законы издаются не только для народа, но также и главным образом для чиновников, находящихся на общественной службе, где мундир не дает никаких особых прав, а просто обозначает ту или иную обязанность,—такому государству будет трудно найти дельных чиновников, если оно не обеспечит им содержания, соответствующего условиям жизни того класса, к какому они принадлежат. Из этого соображения в связи с многими другими, изложение которых завело бы нас слишком далеко, следует, что содержание чиновников с дальнейшей демократизацией государства значительно повысится.

А так как сейчас они находятся в жалком положении и число их велико, число же высоко оплачиваемых чиновников незначительно, то прогрессирующее уравнение их окладов поведет как раз не к уменьшению, а к увеличению расходов на оклады чиновников, находящихся на общественной службе.

И в этой области с'экономить ничего нельзя.

Лучше обстоит дело с военным ведомством.

Всеобщее разоружение освободило бы колоссальные суммы, которые хотя и не достаточны для проведения вышеупомянутой программы реформ, но могли бы повысить общий культурный уровень. 700—800 миллионов марок, которые ежегодно тратит Германская империя на армию и флот,—не малая величина. На эту сумму можно было бы так поставить народное образование, что это вызвало бы изумление всего мира и сделало бы германский народ главой культурных наций. Между тем, надежды на всеобщее разоружение очень плохи.

Но невозможно откладывать каждую серьезную реформу, требующую больших расходов, до того времени, когда будет всеобщее разоружение, условия для которого могут создаться, может-быть, только при социалистическом строе.

Переход от системы постоянного войска к народной милиции может, но неизбежно, повести к значительному абсолютному сокращению военнаго бюджета. Во всяком случае, он не уменьшится настолько, чтобы освободившихся сумм хватило на покрытие расходов современного культурного государства.

А разве мы сейчас не заявляем, что низшие слои населения обременены налогами? Не следует ли употреблять могущие получиться от военной реформы сбережения для их облегчения? Откуда же взять капитал для преобразования современного государства в культурное? Буржуазная налоговая политика стоит в этом отношении перед проблемой, в разрешении которой она должна потер-

петь крушение. Чтобы понять это, мы должны бросить взгляд на принципы этой политики.

ж) Буржуазная и пролетарская налоговая политика.

Всякая налоговая политика, которая не хочет быть простым грабежом, должна разрешить вопрос: из каких источников народного богатства получаются и должны получаться государственные налоги. Поскольку и каким образом должны привлекаться к уплате налогов отдельные индивидуумы—это вопрос второстепенный, на который может быть дан удовлетворительный ответ только в том случае, если будет найден ответ на первый.

Весь производимый ежегодно данным обществом продукт можно разложить на две части: одна часть служит для поддержки и увеличения производительной рабочей силы и должна итти рабочим, занятым в производстве, чтобы общество могло существовать. Излишек сверх нее составляет прибавочный продукт, на который живут непроизводительные классы. В капиталистическом обществе он принимает форму прибавочной стоимости, которая достается капиталисту.

При рассмотрении экономических отношений в такой упрощенной схеме, становится ясным, что государственные налоги могут и должны иметь только один источник: прибавочный продукт, вернее прибавочную стоимость. В период феодализма это выступает особенно ясно. Тут функции государства выполнялись королем, церковью, помещиками; все они извлекали свой доход не из налогов в нашем смысле слова, а из своих земельных владений, т.-е. из труда сельских обывателей. Их прибавочный продукт они присваивали себе целиком или частью, в форме ли натуральных податей или натуральных повинностей, а зато брали на себя функции, которые в настоящее время несет государственная власть,—юстицию, полицию, оборону страны, сношения с внешним миром и т. д.

Эти подати и повинности обыкновенно не превышали размеров прибавочного продукта; прежде всего, потому что, как заметил уже Маркс, натуральному хозяйству не присуща безмерная алчность хозяйства денежного; затем потому, что при более низкой степени развития военной техники крестьянство не было совершенно безоружным перед лицом феодалов, и, наконец, потому, что крестьянин, когда его уже слишком притесняли, мог бежать, а за недостатком рабочих рук его повсюду, и у других помещиков и в городе, охотно принимали.

В городе впервые зародилось товарное производство, возникло денежное хозяйство. Продукт стал товаром с определенной стоимостью и ценой, прибавочный продукт также получил форму стоимости, а часть прибавочного продукта, предназначенная на содержание государства, стала частью реализованной в деньгах товарной стоимости; феодальные подати и повинности заменил денежный налог.

В начале нашей работы мы обрисовали уже вытекающее отсюда положение вещей. Народившаяся вместе с буржуазией новая государственная власть, основанная на деньгах, прежде всего должна было низвергнуть прежних господ общественной жизни—церковь и дворян-феодалов. Но в результате борьбы с ними получилось не уничтожение их, а компромисс, утверждавший существование их на новом базисе. Они из господ стали слугами государства, но зато государственная власть приняла под свою защиту их материальные интересы. Новые государственные налоги стали не на место феодальных повинностей и податей, а рядом с ними. Централизованое же государство во всеоружии новой военной техники, ружей и пушек, с войском из рекрут, с неумолимой жадностью денежного хозяйства, умело выжать совсем не те суммы,

как прежние помещики, у крестьян, перед лицом государственной полиции, лишенных даже прежней возможности легко укрыться от владетелей мелкого поместья. Феодальные подати и повинности под охраной новой государственной власти скорее возросли, чем уменьшились, а кроме того непомерно выросли и новые денежные налоги. Князья загребали деньги, где только могли, без малейшего внимания к прогрессу производства и благосостоянию населения, а государственная поддержка уже обанкротившимся экономически феодальным имениям повела не к прогрессу, а скорее к отсталости производства.

При таких условиях оказывалось, что прибавочного продукта становится все менее и менее достаточно для удовлетворения нужд государства; часть его и часть все растущую, необходимую для поддержки и продолжения рода трудящихся классов, приходилось, по-крайней мере в деревне, отдать в жертву алчной государственной власти и поставленным ею сборщикам налогов. Крестьянство, бывшее таким зажиточным еще в XIV и XV столетиях, видимо обеднело в XVII и XVIII столетиях; производство пришло в упадок; крестьяне стали голодать. Отчасти виноват в этом гнет феодализма, не давший возможности развиться рациональному сельскому хозяйству, отчасти потребности денежного хозяйства, которые возрастали быстро, натуральное же хозяйство крестьянина лишь медленно принимало характер товарного производства, а частью, и притом не мало важной, это приходится отнести прямо на счет безумного выжимания налогов.

Резче всего это проявилось во Франции, там великая Революция явилась и наиболее резкой реакцией против такого ужасного положения. Во Франции же теоретики нарождающейся буржуазии раньше всех стали домогаться рациональной налоговой политики.

Физиократы первые ясно и определенно поставили налоговую политику в зависимость от народного хозяйства и раз'яснили ее служебную роль по отношению к нему. Отсюда, как естественный вывод, вытекал принцип: *налоги должны быть оплачены только прибавочным продуктом*. Но по их мнению только сельско-хозяйственнный труд создавал прибавочный продукт, поэтому они требовали уничтожения всех других налогов и замены их единым налогом (impôt unique) на сельско-хозяйственный излишек (produit net). Но даже этот налог, который главным образом сделался бы обложением крупных землевладельцев, они не считали слишком обременительным, так как функции государства сокращались ими до минимума; а так как государство, находившееся в тесной связи с феодальным дворянством, становилось бесполезной, сосущей кровь пиявкой, стеснявшей повсюду экономическую деятельность, то первым условием хозяйственного преуспеяния являлось устранение *этого* государства. Физиократы пустили в свет крылатые слова: „laisser faire, laisser aller".

Дело, начатое физиократами, продолжалось позднее радикальными фритредерами, принявшими руководство борьбой буржуазии с остатками феодального государства в нашем столетии. Они, конечно, заняли теоретически иную позицию, чем классическая английская экономия. Как и физиократы, они преклонялись перед принципом laisser faire, laisser aller, также требовали сведения функций государства до минимума и, подобно им, они добивались налоговой политики, стоящей в согласованности с нуждами производства. Так их налоговая политика была родственна политике их предшественников. Конечно, им не приходило в голову, что все налоги должны быть сведены к одному, к обложению прибавочной стоимости; вопроса о прибавочной стоимости для них не существовало вообще. Не все же они отвергали косвенные налоги, во всяком случае налоги на необходимые средства существования, и требовали налога на доходы с освобождением доходов более мелких, налога, хотя и не

вполне совпадающего с обложением прибавочной стоимости, но все же довольно близко подходящего к нему.

Но нигде манчестерство не достигло полного развития. Буржуазное государство оказалось столь же воинственным, как и феодальное. Проникнутая идеями физиократов, французская революция прекратила целый ряд ужасных мировых войн, свыше двух столетий опустошавших всю Европу и жестоко вредивших имуществу и жизни народов. Второй эре войн должна была положить конец революция 1848-го года, революция, проложившая путь к господству радикального фритредерства. Неудача революции вновь выдвинула на сцену войны, которые велись тогда душеприказчиками революции, тремя самодержцами: Луи Наполеоном, Бисмарком и Александром II-м. За эрой двадцатилетних войн, начавшейся и окончившейся борьбой на востоке, последовала эпоха вооруженного мира, вряд ли менее тягостного для народа, чем прежние войны. Это обусловило во всех культурных государствах постоянное приращение налогового бремени и государственного долга, проценты на который требовали все новых и новых налогов. Кроме того, росли также и запросы к государству, как фактору культурному, хотя правительства в этой области старались упражняться в самой строгой „бережливости“. Более высокие типы школ, путей сообщения и многое другое выдвигали все новые растущие требования, не терпящие отлагательства.

Вместо мирного государства, о котором мечтали манчестерцы, в действительности был хронический военный лагерь; вместо laisser faire—постоянное расширение сферы вмешательства государства в область общественного производства.

Чем же покрыть возрастающие нужды государства? Покрыть ли их прибавочной стоимостью, т.-е. налогами на доходы, имущества и наследства, или обложением предметов первой необходимости, т.-е. косвенными налогами? Таким представлялся вопрос. Но буржуазия—класс господствующий и, как таковой, она всегда могла свалить с своих плеч главные государственные тягости. У нас есть государства, как напр. Франция, не имеющая пока еще никакого подоходного налога, вообще, все благодаря могуществу буржуазии, расправившейся с дворянством уже сто лет тому назад и постоянно выдвигающей сильную преграду пролетариату в лице мелкой буржуазии и крестьянства. Зато обложение средств существования народа во Франции сильно развито; главный доход доставляют хлебные пошлины, косвенные налоги, в ряду их налоги на соль, сахар и спиртные напитки, и табачная монополия.

Согласно бюджету 1897 года дали

Пошлины	410	мил. франков.
Косвенные налоги	599	„ „
Табак, налог на спички и пороховая монополия	421	„ „
Итого	1.430	мил. франков.

Весь государственный доход составил 3.386 миллионов. Биржевой налог дал 8.700.000, налог на доход с движимого имущества—65.800.000 франков. Прочие налоги (марки и пр.) отнюдь не могут заменить собою подоходный налог.

В ряду современных государств буржуазия преобладающее место занимает в Англии, где прежде всего и в наиболее чистом виде развился капиталистический способ производства, но где именно по этой причине буржуазии противостоит сильный рабочий класс, не подавляемый ни мелкой буржуазией, ни крестьянством, и в то же время ей еще приходится считаться с сильным дворянским сословием.

Поэтому-то мы в Англии и не видим совершенно никаких косвенных налогов на предметы необходимости. Английская налоговая политика

покоится на таком компромиссе: она ввела подоходный налог (доход ниже 160 фунт. стерлингов = 3.200 маркам, свободен от обложения), но не прогрессивный (для доходов от 160 до 500 фунт. стерлингов законом 1894 года установлена некоторая постепенность), и масса крупных доходов, таким образом, обложена не так высоко по сравнению с доходами средними. В том же духе составлен и налог на наследства. Но рядом с этим мы видим высокие косвенные налоги и финансовые пошлины на предметы роскоши, доступной народным массам,—на табак и спиртные напитки. Эти косвенные налоги дали в 1896 г. 48.714.000 фунт. стерлингов, круглым числом миллиард марок, налог подоходный и штемпельный сбор дали 34.830.000 фунт. стерлингов, 700 мил. марок. Весь доход в целом дал более 100 мил. фунтов, свыше 2 миллиардов марок.

Промежуточное место между налоговой политикой Англии и Франции занимает политика других культурных государств. Но повсюду на континенте (за исключением демократической Швейцарии) мы видим, что прибавочная стоимость обложена гораздо меньше, чем средства существования народа. Вообще, последний вид обложения,—косвенные налоги—имеет тенденцию к возрастанию, и не только абсолютному, но и относительному. В высшей степени нерациональные, они, к тому же, еще затрагивают зачастую бедные семьи, богатые своей численностью, не только относительно, но и абсолютно, чувствительнее, чем семьи состоятельные; таков, напр., налог на соль. Нерациональны они и потому еще, что взимание их, напр., взимание пошлин, поглощает большую часть их выручки. Зато они удобны: народ ощущает их бремя легче, чем бремя прямых налогов, а—и это самое главное—народная масса не сопротивляется им так энергично, как буржуазия противится прямым налогам, тяжело ложащимся на ее доходы. К тому же, буржуазия в наше время все еще класс с определяющим значением. Классы падающие, ремесленники и крестьяне, сами еще способствуют развитию косвенных налогов своей таможенной политикой. Вывозная промышленность ведь почти исключительно промышленность крупная, а ремесленники и крестьяне нуждаются только во внутреннем рынке; его они и хотят себе обеспечить. Поэтому они поддерживают охранительные пошлины, которые, конечно, их не охраняют, а становятся лишь новым видом косвенных налогов, большей своей частью ложащимся на их же собственные плечи.

За пределы очерченных здесь двух видов налоговой системы, манчестерской и протекционистской, буржуазные партии не выходили нигде, не вышла за эти пределы и буржуазная демократия, партия не капиталистическая и не антикапиталистическая, партия примерения классовых интересов, ратующая за интересы, общие капиталистам и пролетариям, мелким буржуа и крестьянам. Ей не хватает решимости по адресу капиталистов; она не отваживается свалить на них всю тяжесть налогов. В то же время она стремится облегчить это бремя для низших классов; таким образом, ее налоговая политика вся сводится к требованию по возможности сократить налоги, идеалу, несовместимому с растущими задачами современного государства. Буржуазная демократия, стоя на такой почве, делает невозможным превращение государства в культурное государство, хотя ее намерения в этом отношении очень благожелательны.

Совсем не такова налоговая политика пролетарской демократии, социал-демократии. Лозунг ее не уничтожение налогов, а переложение их на плечи тех, кому они посильны. Она возстановляет старое требование физиократов об оплате налогов исключительно прибавочной стоимостью. Конечно, не так легко охватить прибавочную стоимость при развитом капиталистическом способе производства, как удобно это по отношению к чистому доходу (produit net) физиократов; этот последний при преобладающем на-

туральном хозяйстве крестьянина в прошлом столетии, когда он почти все необходимое производил собственными силами, представляется материальным излишком над продуктами, остающимся у крестьянина за удовлетворением его потребностей, который он предоставляет в пользование землевладельцу. Прибавочная же стоимость обнаруживается лишь после многообразных подразделений и видоизменений, так что непосредственно охватить ее целиком нет возможности. Обложение отдельных источников или частей прибавочной стоимости легко приводит к неравномерности, а иногда и к несправедливому переложению налоговой повинности. Так, городские землевладельцы пользуются своим привилегированным положением и перекладывают уплату своей земельной ренты на квартирантов.

Не станем останавливаться более подробно на вопросе о том, какой из видов обложения прибавочной стоимости наиболее рационален: это завело-бы нас слишком далеко. Достаточно обратиться к программе немецкой социал-демократии, требующей на предмет сбора всех расходов на общественные нужды, поскольку источником их являются налоги, прогрессивного налога на доход и имущество и налога на наследство, пропорционально размерам наследуемого имущества и степени родства. Такой метод кажется нам наиболее обеспечивающим обложение действительно всей прибавочной стоимости.

Буржуазная демократия также добивается подобных налогов и частью провела уже свои требования; но у нее не хватает решимости выжать из капитала таким путем значительные суммы. Лишь социал-демократия ни капли не церемонится с капиталом; лишь она может требовать социальных реформ, обусловливающих значительные затраты со стороны государства, в то же время имея в виду замену остальных налогов, налогами на доходы, имущество и наследство.

Буржуазное государство по временам также оказывается вынужденным, благодаря растущим требованиям на финансы, привлекать прибавочную стоимость в необычных размерах для покрытия нужд государства, но для этого оно избирает не форму налога, а форму государственного займа. Иногда это делается для хозяйственных целей, например, для постройки железных дорог или проведения каналов, но обыкновенно занятая сумма употребляется совершенно непроизводительно, на сооружение пушек и броненосцев, на покрытие военных расходов и тому подобное.

Замечательно, что во всех монархических государствах все, принадлежащее государству, об'является императорским или королевским, и т. д., но только не долги. Солдатский мундир—мундир короля, но король энергично запротестовал бы, если бы долг, предназначенный в уплату за королевский мундир, назвали бы королевским долгом. Долги милостиво предоставляются государству или народу. Тут даже русский абсолютизм выставляет себя в высокой степени республиканским.

Можно эти займы поставить на одну доску с добровольными пожертвованиями, к которым привлекались иногда господствующие классы, дворянство и духовенство, во время феодализма, когда отечество находилось в опасности. Конечно, тут есть некоторая разница: феодалы не требовали процентов за свои приношения на алтарь отечества, для капиталистов же проценты—самое главное. Пожалуй, следует уподобить вечные привилегии, добытые богатыми владетелями территорий, епископиями, монастырями, городами за их пожертвования, вечным процентам за наши государственные долги.

Уплата процентов по государственному долгу составляет во всех современных государствах наибольшую статью бюджета, вслед за военными расходами. В Англии из всего бюджета в 2.000 миллионов марок на войско и флот идет около 800 миллионов марок, на уплату процентов за национальный долг 500 мил. Во Франции на войско и флот идет около 700 мил. марок, на уплату процентов за национальный долг—1.000 миллионов!

В Германской империи, положим, погашение процентов по имперскому долгу берет только 74 миллиона марок, расходы же на армию и флот, напротив, 700 миллионов марок. Но Германская империя еще молода; война, из которой она выросла, дала ей французские миллиарды, а с тех пор ей не пришлось вести больших войн. В тот же самый промежуток времени, в течение которого Германская империя, начав хозяйничать с военной контрибуцией в 4.000 мил. марок, достигла размера задолженности в 2.261 мил., английский национальный долг упал с 15.600 мил. марок до 12.400 мил., таким образом, на 3.200 мил. без пошлин на хлеб, мясо, керосин и тому подобное! Для полноты сравнения надо еще к долгам Германской империи прибавить долги союзных государств! В одной Пруссии государственный долг составляет 6.500; мил. марок, процентов 229 (1898) мил., долг Баварии, Саксонии и Вюртемберга вместе—2.500 мил. Значит, для всего немецкаго государственного долга мы получаем те же цифры, что и в Англии, однако, с тем различием, что у нас он движется быстро по восходящей, а у англичан по нисходящей линии.

Наряду с военными расходами платеж процентов по государственным долгам составляет такую статью бюджета в современном государстве, устранение которой дало бы наибольшую сумму средств либо для облегчения народа от налогового бремени, либо для проведения крупных социальных реформ. Всеобщее распущение войск и прекращение уплаты процентов по государственным займам в любом современном крупном государстве освободило бы на эти цели гораздо больше миллиарда марок, а с этими деньгами уже можно кое-что сделать!

Нет ничего необыкновенного в государственном банкротстве; и мы не станем утверждать, что тот режим, какой мы сейчас предположили, стоящий под контролем пролетариата, не будет в состоянии преодолеть капиталистический способ производства, не испытывая нужды в прекращении платежа процентов.

Принцип равноправия был бы грубо нарушен, если бы произвольно выхватывались лишь некоторые капиталисты и их имущество конфисковалось бы, и, действительно, это было бы тем более не справедливо, что как раз наиболее мелкие капиталисты обладают отнюдь не ничтожной частью государственных бумаг. Конфискация трудовых грошей мелкаго люда меньше всего соответствует намерениям демократического правительства.

Конечно, такого рода режим раз и навсегда должен отречься от заключения новых займов и постараться как-можно быстрее расплатиться с имеющимися. Всякий новый заем означал бы новое порабощение государства под иго капитала. Государственный заем одно из средств буржуазного государства обращать на цели государства капитализированную прибавочную стоимость. Пролетарская демократия не знает для этих целей другого средства кроме обложения налогами.

Все таки, как ни мало внимания уделяет пролетарская демократия интересам капитала, она не может вполне произвольно обложить прибавочную стоимость. Нельзя надеяться на такое повышение вышеупомянутых налогов, как конфискация прибавочной стоимости. Припомним, что мы говорим здесь не о социалистическом строе—наше изложение тотда было бы свободно от противоречий, так как общество, само владеющее средствами производства, не нуждается в налогах, для того чтобы овладеть прибавочным продуктом—но о таком положении, при котором пролетариат, правда, обладает достаточным политическим могуществом, чтобы оказать влияние на систему налогов в своем духе, но в котором все еще господствует капиталистический способ производства. Покуда это так, покуда общество по тому-ли или по другому поводу не может вполне взять в свои руки функции капитала, прибавочная стоимость играет важную экономическую роль. Капиталист не смеет растратить весь при-

бавочный продукт, доставляемый ему его рабочими, как делали это до него феодалы или аристократы—римляне. Он должен „воздерживаться", должен „сберегать". Только одна часть прибавочной стоимости подлежит растрате, другая должна быть накоплена, обращена в новый капитал. Это накопление капитала наряду с под'емом естественных наук представляет великую силу для экономического прогресса в нашем столетии. Мы должны быть благодарны, наравне с естественными науками, также и накоплению капитала за то, что экономический прогресс сделал такие быстрые шаги вперед за это время, каких до того не наблюдалось ни в одно из столетий, за то, что он создал чудовищные производительные силы, в сравнении с которыми все прежние чудеса мира кажутся пигмеями, за то, что впервые в истории мира он создал условия для возможности возникновения социалистического общества на основе более высокого культурного уровня. И пока общество само не овладеет силами производства, и не возьмет в свои руки организации производства, препятствия накоплению капитала являются и препятствием для прогресса и тормозом на пути развития предпосылок социализма.

К счастью для прогресса, стремление к накоплению капитала так властно, что никакое грубое посягательство на него не может поставит ему преград. Рабочее законодательство и рабочие организации до сих пор выказали себя не помехой, а силой, содействующей экономическому прогрессу, они не нанесли ни малейшего ущерба накоплению капитала. Это последнее в настоящее время достигло таких размеров, что начинает ставить капиталистов в затруднительное положение. Масса прибавочной стоимости, притекающая к ним из года в год, так чудовищно громадна, что, несмотря на безумную роскошь, откладывается все больше и больше денег.

В последние годы произошел ряд банкротств отдельных государств — Аргентины, Португалии, Греции и др. и гигантских частных предприятий — еще до Панамского краха. Это не вызвало слишком чувствительных потрясений в хозяйственной жизни, не сократило готовности капитала вкладывать сотни миллионов на совершенно непроизводительные государственные займы и в тоже время затрачивать более, чем когда-либо, на развитие новых отраслей промышленности и новых путей сообщения.

В виду этого прибавочной стоимостью можно распорядиться и не так, как до сих пор, и не бояться нанести ущерб экономическому развитию.

Было бы крайне бесплодно, хотя-бы приблизительно пытаться учесть, до каких пределов это может дойти.

Но какие бы громадные суммы не поставлялись таким путем на финансовые нужды государства, можно утверждать с большой вероятностью, что их не хватило бы на покрытие всех издержек культурного государства, еслибы оно вздумало справедливо удовлетворить все требования для под'ема жизни всего населения на уровень современной культуры. Здесь должен выступить другой дополнительный метод приобретения прибавочной стоимости: государство,—или общины, к которым применимо mutatis mutandis все вышеизложенное,—должно само заняться выработкой прибавочной стоимости.

Помимо того, само экономическое и политическое развитие вынуждает к этому. У нас имеется целый ряд естественных частных монополий—рудники, крупные пути сообщения, осветительные учреждения и т. д,—эксплоатация которых при отсутствии конкуренции ведет не только к эксплоатированию рабочих, но также и к эксплоатированию потребителей.—Вместе с тем концентрация капитала создает искусственные монополии путем образования картелей и т. п., которые действуют аналогично частным монополиям. Не один только пролетариат, весь народ восстает против этих монополий. Регулирование их законодательным порядком—это все те же жалкие заплаты; есть одно только средство положить конец эксплоатации ими общества: это приобретение

их в общественную собственность, ведение производства на общественных началах. До тех пор, пока капиталисты так будут держать у себя в руках государство, как это имеет место до сих пор, такая экспроприация представляется, правда, не легкой, но зато тем более желательной. С одной стороны, пролетариат не в состоянии добиться от враждебной ему государственной власти расширения сферы своего влияния, с другой стороны, капиталисты достаточно еще могущественны, для того чтобы помешать передаче средств производства в руки государства в том случае, если это им неудобно, или же осуществить таким образом, чтобы она оказалась прибыльной лишь для них. Уж, конечно, не акционеры расплатились по счетам, когда государство выкупало железные дороги в Пруссии и Австрии.

Все эти соображения рушатся, раз пролетариат в силах сообщить государственной власти надлежащую степень неуважения к капиталу и раз народ не имеет повода опасаться расширения области ведения государства, так как оно находится вполне в его руках. Тут выкуп государством частных монополий может пойти быстрым темпом—при прочих-равных условиях тем быстрее, чем сложнее потребности государства и чем теснее границы, в которых колеблется обложение прибавочной стоимости. Во всяком случае эта передача монополий в руки государства начнется при условиях, хотя и не представляющих какого-либо рода конфискации, но обеспечивающих государству богатый доход; его оно может употребить частью на улучшение положения своих рабочих, частью в интересах потребителей, частью же на культурные работы в широком смысле.

Эта монополизация государством предприятий еще не носит характера социалистического; при существующих условиях товарного производства она не имеет целью непосредственного производства для потребностей общества. Но она уж существенно отличается от монополизации буржуазного государства. Первая, как часть пролетарской налоговой политики, является средством предоставить прибавочную стоимость в руки государства, вторая, как часть буржуазной налоговой политики, есть действительнейшее средство косвенного обложения, удорожания необходимых средств существования в пользу государственной власти.

Критерием пригодности данной отрасли производства для монополизирования государством пролетарским служит степень высоты формы производства; наиболее пригодны для этой цели бюрократически организованные, перешедшие из частных рук в собственность акционерных обществ или синдикатов предприятия, фактически стоящие уже вне всякой конкуренции.

Критерием пригодности отрасли производства для монополизирования государством буржуазным, напротив, служит значение продуктов, как средств существования и наслаждения массы потребителей (табак, водка, соль). Здесь совсем не берется в расчет высота развития производства; эта монополия охватывает также и остальные производства с преобладающей мелкой формой производства (табак); ей приходится искусственным путем устранять конкуренцию и доход свой она получает путем эксплоатации потребителей, а часто и путем эксплоатации рабочих, достигающей более высоких размеров, чем при свободной конкуренции частных предприятий.

Если нельзя смешивать государственной монополии с социализмом, то нельзя также отожествлять государственной пролетарской монополизации с таковой же буржуазной.

Передача в руки государства и коммунизация частных монопольных предприятий в государстве и общине, замена косвенных налогов прогрессивным налогом на доход, имущество и наследство, прекращение системы ведения государственного хозяйства путем заключения займов—таковы боевые пункты пролетарской налоговой политики. Ясно и не требует доказательств то, что она означает громадное облегчение бремени не для одного только пролета-

риата, но для всей массы трудящегося населения. Можно сказать даже, что для мелких ремесленников, мелких торговцев и мелких крестьян она гораздо важнее, чем для наемных рабочих. Пролетариат, по крайней мере, многие слои его, находится в процессе под'ема, эти же классы приходят в упадок. Для поднимающихся слоев пролетариата теперешняя буржуазная система налогов ставит препятствия под'ему их, для падающих классов она равносильна ускорению падения. Налоги ложаться на мелкого буржуа и мелкого крестьянина еще тяжелее, чем на наемного рабочего; поэтому они заинтересованы в пролетарской налоговой политике гораздо больше, чем рабочие.

Такая налоговая политика освободила бы не одни рабочие слои населения; там, где капиталистический способ производства достиг высокой степени развития и, значит, налицо имеется громадная масса прибавочной стоимости, государство получило бы возможность энергично проводить политику, направленную к под'ему благосостояния и культуры населения, совсем иначе, чем то допускает буржуазная система налогов. Обложение предметов народного потребления возможно в тесных пределах, оно не должно вести к обеднению народные массы и понижению жизненного уровня; обложение же прибавочной стоимости при буржуазной системе налогов всегда будет недостаточным.

Только пролетарская налоговая система беспощадно ее захватывает, только она может собрать все те суммы, которые в настоящее время класс капиталистов помещает во внутренние и внешние государственные займы, и еще гораздо больше того путем налогов, не нанося ущерба ни развитию промышленности, ни размерам потребления буржуазии; производство прибавочной стоимости путем передачи в руки государства крупных монополий представляет наиболее важные производительные силы нации к услугам общества и позволяет государственной власти дать полезное употребление на поприще культурной работы многочисленным рабочим силам, не находящим теперь приложения. Материальные средства государства и общины, благодаря этому, разрастаются широко. Растущая концентрация капитала доставляет все новые и новые области для государственной эксплоатации, таким образом, являются новые источники доходов для государства, благодаря увеличению числа производств и безо всякого обременения народа, и нет границ их появлению.

Еще вопрос, сможет ли пролетариат когда-нибудь развить свою собственную налоговую политику на практике, она предполагает то положение вещей, которое мы поставили в основу наших рассуждений, но которое, быть-может, никогда не осуществится: громадное политическое влияние пролетариата при беспрепятственном прогрессе капиталистического способа производства. Оба эти условия почти целиком исключают друг друга, во всяком случае рядом существовать они могут только недолгое время.

Но несмотря на это, нам представляется необходимым сделать анализ налоговой политики, которой придерживался бы пролетариат, если бы получил в свои руки политическую власть. Значение политического идеала не столько в том, осуществим ли он, сколько в том, правильно ли он указывает направление социальному движению. Значение идеала заключается в значении этого движения и в ясности и точности, с которой он указывает ему надлежащее направление. Только тогда можно себе уяснить движение, когда познакомишься с его идеалом.

Если общественные отношения в то время, когда пролетариат получить политическую власть, будут таковы, что станет лишней особая налоговая политика в пределах, очерченных здесь, то во всяком случае в настоящее время она является целью стремлений пролетарской демократии, и мера политического влияния пролетариата, между прочим, будет оценена той мерой, в которой осуществится его налоговая политика. Чем сильнее социал-демокра-

тия, тем меньше станет косвенных налогов, тем бо́льшее значение получат налоги на доходы, имущество и наследство, тем больше сократятся государственные долги и проценты на них, тем скорее и дешевле перейдут в руки государства и общины крупные капиталистические монопольные предприятия.

з) Нейтрализация крестьянства.

Резюмируя требования, вытекающие из нашего исследования, находим:

I. Мероприятия в интересах сельского пролетариата:

а) Уничтожение законов о батраках; полная свобода коалиций в деревне; обеспечение свободы передвижения.

б) Запрещение наемной работы для детей до 14 лет; запрещение сельскохозяйственных работ от 7 часов вечера до 7 утра для всех детей и подростков без исключения; запрещение отхожих работ подростков до 18 лет; обязательное посещение элементарной и дополнительной школы.

в) Охрана отхожих рабочих; запрещение отхожих работ для девушек до 21-летнего возраста; запрещение кочевой системы; замена вербовщиков общественными посредническими бюро для приискания работы.

г) Введение нормального рабочего дня в 8 часов по среднему годовому расчету для полевых работ, с разрешением сверхурочной работы в период жатвы и при работах, безотлагательно вызываемых стихийными явлениями обеспечение воскресного отдыха для батраков.

д) Установление, в интересах здоровья и нравственности, обязательных требований для жилищ сельских рабочих; энергичная жилищная полиция в деревне.

е) Сокращение чрезмерной арендной платы особо установленными для того судебными учреждениями.

II. Мероприятия, имеющие целью охрану сельского хозяйства:

а) Уничтожение фидеикомиссов.

б) Уничтожение помещичьих округов, включение их в состав сельских общин.

в) Уничтожение охотничьих округов в крупных земельных владениях и включение их в состав сельских общин.

г) Ограничение права частной собственности на землю для содействия:

1. разграничению земель, уничтожению чересполосицы;
2. культуре почвы;
3. предохранению от заразных заболеваний.

д) Передача в руки государства страхования от градобития, в отдельных случаях и страхование скота; последнее, однако, без дополнительных взносов со стороны государства.

е) Облегчение законодательством образования союзов на товарищеских началах.

ж) Государственная защита сельско-хозяйственного образования.

з) Передача в руки государства лесов и вод.

III. Мероприятия, в целях удовлетворения интересов сельско-хозяйственного населения:

Требования прекращения эксплоатации земли городами и уничтожения противоположности между городом и деревней путем:

а) Проведения наиболее полного самоуправления в общине и в провинции.

б) Замены постоянного войска народной милицией.

в) Передачи в руки государства школьного дела, призрения бедных и дорожной повинности.

г) Передачи в руки государства больничного дела.

д) Дарового суда.

е) Замены существующей системы налогов прогрессивным налогом на доходы, имущества и наследства и национализации или лучше коммунализации прибыльных частных монопольных предприятий и картелей.

Если угодно, можно эти требования обозначить как социал-демократическую аграрную программу; но мы не находим это название подходящим. Пункты, собранные в первом отделе, уже содержатся в существенных чертах в современных требованиях социал-домократии по вопросу об охране труда, точно также собранные в третьем отделе значатся в ее ближайших политических требованиях. Среди пунктов рубрики второй—один только чрезвычайной важности: о передаче государству лесного и водного хозяйства; он не чисто-аграрный, преследует интересы не одного сельского хозяйства, но также индустрии, народного здравия и т. д. Прочие требования, при всей важности, относительно слишком мелки, чтобы составить основу крупной партийной программы. Эти „мелкие средства“ уже проведены во многих прогрессивных странах, и социал-демократия в этом отношении разнится от других партий лишь степенью своей беспощадности по отношению к праву частной собственности там, где оно вступает в конфликт с общими интересами рационального сельского хозяйства. Она должна раз'яснить всю необходимость этих „маленьких мер“ для прогресса в сельском хозяйстве, но и их недостаточность в то же время, в виду громадной тяжести, которую частная собственность на землю и капиталистическое товарное производство в возрастающей степени взваливают на плечи сельскому хозяйству.

Как уже было упомянуто, мы отнюдь не имели намерения выработать исчерпывающую программу. Аграрные программы действий для отдельных случаев и отдельных местностей по нашему мнению весьма целесообразны; но они должны вырабатываться не одними теоретиками, а совместно с практиками.

Нашей задачей было на конкретных примерах наметить общее направление, которое должна принять социал-демократическая аграрная политика, если нами верно начертан путь развития сельского хозяйства. Отсюда легко сделать практические выводы для каждого отдельного случая.

Надеюсь, что нам удалось показать, что это не обязательно социально-политический нигилизм с нашей стороны, раз мы об'являем невозможным и противоречащим нашим принципам желание спасти или даже поднять крестьянское хозяйство. По отношению к нему можно стать на ту же точку зрения, на которой стоит социал-демократия по отношению к ремеслу и домашней промышленности, и можно при этом все-таки развить богатую и плодотворную деятельность не только на пользу сельского пролетариата, но и на пользу сельского хозяйства и всего сельского населения вообще.

Сомнительно, конечно, чтобы эта аграрная политика привлекла на сторону социал-демократии крестьянство. В корне своем социал-демократия всегда останется партией пролетарской, городской, всегда будет партией экономического прогресса; ей всегда придется бороться с закоренелым предубеждением консервативного крестьянина, нерасположенного к городской жизни и стоящего на почве патриархальных семейных отношений с полным подчинением ему девушки и парня, жены и детей; она никогда не предложит ему столько же, сколько аграрные партии, которые не только стоят ближе к его жизненному укладу, но и могут обещать ему гораздо больше, так как они не верят в неизбежность и неотвратимость экономического прогресса и так как для них нет сомнения в возврате прежних отношений и в том, что сельское население будет жить на счет городского, сельское хозяйство будет питаться на счет промышленности и торговли.

Вряд-ли социал-демократия склонит когда-либо на свою сторону крестьянина, хозяйничающего по-старому; но она может поставить его в положение нейтральное, и это было бы уже крупным выигрышем. Экономическое развитие, конечно, перешагнет через него, и социал-демократия справится с ним там, где он станет на ее пути; но пока он еще изображает собою силу, которою не следует пренебрегать, и если возможно устранить ее противодействие, то было бы заблуждением упустить это из виду.

Главная же причина враждебности крестьянина по отношению к социал-демократии большей частью не ее практическая политика. Правда, он не может восхищаться ею, в тех случаях, когда она не желает доставлять ему потребителей, противится всякой попытке поднять земельную ренту искусственным повышением цен на средства существования, ничего не хочет слышать о праве наследования, о правилах для батраков, о затруднениях для свободы переселения; но она борется также с тяжелым налоговым бременем, лежащим на крестьянине, с злоупотреблениями бюрократов и крупных землевладельцев и т. д., и упустить это ему не хотелось бы. Возмущает же его идея об экспроприации земли, которую влечет за собой торжество социал-демократии; в его глазах это значит быть прогнанным из своего дома, со своего двора и отдать свое достояние на раздел неимущим.

Исследование аграрной политики социал-демократии было бы неполно, если бы оставило неясным этот пункт; наша работа закончится попыткой выяснить это.

V.

СОЦИАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ЭКСПРОПРИАЦИЯ ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЕВ.

а) Социализм и мелкое производство.

В конце первой главы мы показали уже, что переход от капиталистического сельского хозяйства к социалистическому возможен без экспроприации крестьян-землевладельцев. Сказанного там могло бы быть достаточно для того, чтобы разрушить все опасения крестьянства.

Но на этот предмет у нас имеется еще много аргументов.

Победы пролетариата не должны бояться не одни мелкие крестьяне, но и владельцы мелких предприятий вообще, также и ремесленных предприятий. Напротив.

Мы видели уже, что преобразование государства из института господства в институт культуры и переложение общественных повинностей на прибавочную стоимость, вернее на прибавочный продукт, прежде всего благодетельно именно для них.

Их положение в эпоху утверждения социалистического общества будет различно, смотря по тому, паразитарно или нет их производство. Паразитарными мы называем такие мелкие производства, которые в техническом отношении давно уже отстали, а в экономическом совершенно излишни, за которые владельцы их держатся только потому, что существование чисто пролетарское кажется им еще менее обеспеченным и более жалким, чем их собственное, а то и потому, что они не имеют возможности жить наемным трудом. Как много мелких производств, особенно в посреднической торговле, основывается наемными рабочими, оставшимися без работы по какой-либо причине и заводящими с помощью кредита крошечные самостоятельные предприятия для того, чтобы не понизиться до уровня босяков.

Статистик считает безработными только тех, у кого нет в наличности никаких занятий; таких самое большее какая-нибудь сотня тысяч. Но если бы государство получило возможность доставать приличный заработок всем безра-

ботным, тогда пришлось бы удивляться тому, как прибыло бы число требующих труда и заработка от государства, в качестве безработных. И напротив, число таких карликовых предприятий значительно сократилось бы.

Чем лучше положение рабочего в крупном производстве, чем короче его рабочий день, чем выше заработная плата и обеспеченнее доход, тем скорее владельцы паразитарных мелких производств откажутся от своего жалкого существования, поддерживаемого посредством реакционных экспериментов за счет общества; тем скорее решатся они покончить с своими устарелыми и ненужными предприятиями и стать работниками в предприятиях современных. Это сильно подымет число находящихся в распоряжении нации рабочих сил и уничтожит в то же время богатейший источник нужды и нищеты.

Рядом с производствами паразитарными имеются еще необходимые мелкие производства в отраслях, не завоеванных еще машиной, не предназначенных для массового производства. Можно спорить о том, какие из производств следует отнести к этой категории, да и условия технические меняются изо дня в день. Машина проникла уже в художественное ремесло, считавшееся до сих пор прочным убежищем мелкого производства; проникла она и в булочные и сапожные заведения. Пожалуй, следует допустить, что часть ремесл сохранится при начале социалистического строя, даже что, благодаря повышению благосостояния масс, вновь оживут некоторые ремесла, при чем падет спрос на дешевые продукты массового производства и поднимется спрос на более дорогие, но более приспособленные к индивидуальным требованиям продукты ремесленного производства. В то же время, вследствие пролетарской налоговой политики (поскольку еще можно будет говорить о налогах), уменьшится тягость повинностей, лежащих на ремесленнике. Общее его образование улучшится, и умножатся случаи его более высокого технического и художественного развития. В этом смысле даже можно сказать, что социалистическое общество не только не основывается на полной гибели ремесла, но что оно приводит к новому расцвету некоторых его отраслей. Но это расцветшее ремесло получит совсем иной характер, чем теперешнее; оно составит только исключение из общего типа производства.

Огромная масса средств производства, и как раз имеющая решающее экономическое значение, станет общественной собственностью, производство станет общественным производством. Мелкий ремесленник, если даже он сохранит самостоятельность в своей мастерской, будет поставлен в полную зависимость от общества, которое одно будет ему поставлять сырой материал и орудия производства и почти всегда будет единственным покупщиком его продуктов. Ему придется приспособиться и подладиться к организации общественного производства и, несмотря на свою изолированность в мастерской, стать общественным работником.

Таким же образом пойдет вперед и крестьянское развитие. Безчисленные обладатели карликовых предприятий с радостью откажутся от блеска своей самостоятельности и обладания имуществом, раз социалистическое крупное производство подаст им осязательные надежды.

Не носящие паразитарного характера крестьянские мелкие предприятия, те, которые продолжают выполнять важные в экономическом отношении функции, станут звеньями общественного производства, так же, как предприятия ремесленные, даже если они и сохранят свое яко бы изолированное положение. Они еще больше, чем ремесленные предприятия, усилят могущество общества, благодаря передаче в руки государства ипотек и сельско-хозяйственной индустрии, в зависимости от которой находятся сельские хозяева.

Но крестьянам нечего бояться этой зависимости; она не повредит им. Зависеть от государства при демократическом режиме во всяком случае приятнее, чем подвергаться эксплоатации какой-либо пары сахарных королей. К тому

же, государство не только не отберет ничего от крестьянина—оно ему многое даст. Крестьяне и сельские рабочие при переходе общества из капиталистического строя в социалистический будут особенно ценимыми рабочими силами.

Чрезвычайный рост индустрии, работающей для мирового рынка, и одновременное переполнение рынка привозным хлебом—два явления, стоящие в теснейшей взаимной связи, гонят сельское население в города, притом предпочтительно его наиболее работоспособные элементы. Как скоро внутренний рынок займет первое место в национальной экономике, это прежде всего скажется в возрастающем значении сельского хозяйства. Более высокая потребительная способность масс потребует и большего количества продуктов питания; уменьшение вывоза сократит ввоз извне. Тогда неизбежной станет повсеместная рациональная постановка сельского хозяйства, которая и доставит нам возможно больший доход. Сельскому хозяйству понадобятся лучшие средства производства, лучшие рабочие силы, а последнее далеко не так просто. Всякий сельский рабочий годится для той или иной промышленной работы, и, напротив, немногие промышленные рабочие пригодны для работ сельско-хозяйственных. Конечно, можно надеяться, что рациональное воспитание юношей сделает их годными к выполнению сельско-хозяйственных работ на ряду с промышленным и чисто интеллектуальным трудом; но для начала одной этой надежды недостаточно.

Сельский рабочий и мелкий крестьянин, в настоящее время оба пасынки общественной жизни, при этом станут желанными членами общества, следовательно, займут весьма благоприятное социальное положение. Как же тут можно допустить, будто социалистический строй прогонит крестьян с их полей! Это было бы безумием, превосходящим даже то, какое приписывают нам наиболее придирчивые и вздорные из наших противников.

Социалистический строй уже в интересах народного питания позаботится о наиболее выгодном положении сельских хозяев. Вытеснение товарного производства производством исключительно потребительных ценностей дает затем возможность крестьянину проценты по ипотекам и прочие налоги, пока еще они будут существовать, перевести с денежной оплаты на натуральную, а это для крестьянина чрезвычайно крупное облегчение. Пролетарский строй целиком заинтересован в том, чтобы сделать труд крестьянина как можно более производительным, а следовательно, обставить его лучшими техническими приспособлениями. Социал-демократия, взамен экспроприации, даст в распоряжение крестьянина самые совершенные средства производства, совсем недоступные для него в эпоху капитализма.

Конечно, пользоваться этими средствами он может только в крупных предприятиях, и социалистический строй постарается поскорее распространить эту форму производства. Для того же, чтобы заставить крестьян сгруппировать их поля и перейти к кооперативной или коммунальной форме крупного производства, совсем не требуется экспроприации. Если производство на кооперативных началах покажется выгодным кооператорам-рабочим, то достаточно будет примера передачи государству крупного предприятия для того, чтобы вызвать подражание у крестьян. Тогда рушатся серьезные преграды, стоящие теперь на пути развития кооперативного сельского хозяйства, недостаток в образцах, риск, недостаток капитала, и сведется до минимума самое могущественное препятствие—неограниченная частная собственность на землю—путем передачи государству ипотек, путем все более растущей зависимости крестьян от находящихся в заведывании государства отраслей промышленности, путем все усиливающегося права надзора и вмешательства государства в область земельной культуры, в область гигиены людей и животных.

В виду всего этого, в виду заинтересованности социалистического строя в безостановочном прогрессе сельско-хозяйственного производства, в виду того

громадного социального значения, какое получит там крестьянский класс, прямо-таки трудно себе представить, чтобы целью доставить крестьянам преимущества совершенного способа производства был избран метод насильственного отчуждения.

Если же затем окажутся еще отрасли сельского хозяйства или местности, в которых мелкая форма производства выгоднее крупной, то ни малейших оснований не будет подводить их под шаблон крупного производства. Ни эти отрасли, ни местности эти особого значения для национального производства не будут иметь, так как в наиболее важных отраслях сельского хозяйства и теперь уже преобладает форма крупного производства. Перенесение экономического центра тяжести с мирового рынка на рынок внутренний выдвинет на первый план именно эти отрасли, и прежде всего обработку зерна.

Разрозненные мелкие производства при социалистическом строе также будут собраны воедино в области сельского хозяйства, как и в области ремесла; и для той, и для другой имеют силу одни и те же рассуждения. А то обстоятельство, принадлежит ли земля, обработкой которой они заняты, обществу или частному лицу, довольно безразлично. Дело в существе, а не в названии, в характере экономической деятельности, а не в установлении юридических категорий.

Разумеется, мы не предрекаем ничего, мы только строим гипотезу. Она не говорит о том, как все это осуществится, она говорит только о возможности осуществления. Но то, каким образом процесс совершится в действительности, нашим противникам так же мало известно, как и нам; они так же, как и мы, могут опираться только на установленные уже в настоящее время факты; а если мы продлим в будущее линию, по направлению которой движутся эти факты, то придем как раз к изображенному нами здесь пути развития.

Намерения и пожелания, которые социал-демократия выставила в официальных заявлениях и в сочинениях своих выдающихся защитников, отнюдь не находятся в противоречии с выводами, к которым мы пришли, так как нигде в них мы не находим требования экспроприации крестьянства.

Непосредственно перед мартовской революцией 1848 года Центральный Комитет Коммунистического Общества, в котором заседали Маркс и Энгельс, формулировал „требования коммунистической партии в Германии“. Три пункта, относящиеся к сельскому хозяйству, гласят:

7. „Княжеские и прочие феодальные владения, все рудники, копи и т.д. обращаются в собственность государства. На этих землях организуется земледелие в крупном масштабе со всеми новейшими вспомогательными средствами науки на благо всему обществу.

8. „Ипотеки на крестьянские земли об'являются собственностью государства; проценты за них крестьяне взносят государству.

9. „В местах, где развита арендная система, земельная рента или арендная плата уплачиваются государству, как налог“.

Ни слова о нарушении права собственности крестьян. Государству передают только ипотеки, а не самые земли крестьян.

Когда зажили раны, нанесенные поражениями в 1848 году, и рабочее движение стало организоваться по-новому, на очередь стал и аграрный вопрос. Он трактовался на различных конгрессах Интернационала. Наибольшим признанием и значением пользуются решения Базельского конгресса (1869), который постановил:

1. „Конгресс заявляет, что общество имеет право уничтожить частную собственность на землю и сделать ее собственностью общественной.

2. „Конгресс заявляет, что он признает необходимым в интересах общества осуществить этот переход земли в общественную собственность“.

Конгресс не высказался по поводу того, как осуществить этот переход. Он об'явил следующее: „Конгресс, признавая принцип общественной собственности на землю, поручает всем отделам заняться выработкой практических мер для проведения его в жизнь".

В марте 1870 г. Либкнехт читал лекции в Саксонии по поводу этих постановлений, из них самая обширная была обработана в брошюру, появившуюся под заглавием „К вопросу о земле" в 1873 г. первым и в 1876 г. вторым изданием. Там он, между прочим, говорит: „Не так легко (как в Англии) разрешается вопрос во Франции и даже в Германии. Конечно, сельские рабочие или уже признали разумность изменения отношений собственности на землю, или очень легко приходят к этому признанию. Только мелкие крестьяне, хотя они фактически уже пролетарии или неудержимо идут к тому, чтобы стать пролетариями, все еще, по большей части, крепко держатся за свою собственность, хотя это в большей части случаев лишь номинальная, мнимая собственность. Декрет об экспроприации несомненно возбудил бы крайне бурное сопротивление со стороны множества таких мелких крестьян, быть может даже побудил бы их к открытому мятежу. Итак, государство должно избегать всего, что может повредить интересам крестьян на деле или же только повидимому. Рука об-руку с раз'яснениями преимуществ социализма должны итти практические меры непосредственного облегчения тяжело обремененного крестьянского населения. На первом плане следовало бы поставить принятие на себя государством ипотечных долгов, понижение процентной нормы, и путем этих и дальнейших ссуд наложение на крестьян обязательства рациональной постановки земледелия. Тогда при содействии со стороны государства отдельные отрасли производства мало-по-малу перейдут к крупному производству на кооперативных началах" (Стр. 172—175).

Экспроприацию сельского населения революционным правительством Либкнехт называет очевидным безумием.

Быстрый рост промышленности и рабочего движения в промышленных центрах отодвинул аграрный вопрос на задний план после событий 1870 года. Крайне бедственное состояние крестьян вновь поставило его на очередь не только в программах буржуазных партий, но и в программе пролетарской партии.

В последовавшем затем обсуждении вопроса принял участие и Энгельс. В 1894 г. он заявил то же, что заявлял и в 1848-м году. Он поставил вопрос: „Каково же наше отношение к мелкому крестьянству? И как мы должны поступить с ним в тот день, когда власть будет в наших руках?" и отвечал на это:

„Во-первых, положение французской программы безусловно правильно: мы предвидим неизбежную гибель мелкого крестьянина, но отнюдь не призваны своим вмешательством ускорить ее.

„А во-вторых, очевидно, что мы, имея в своих руках власть, не можем думать о том, чтобы насильственно экспроприировать мелких крестьян (безразлично с выкупом ли или без него), мы вынуждены сделать это по отношению к крупным землевладельцам. Задача наша по отношению к мелкому крестьянину заключается в том, чтобы частное производство и частную собственность сделать кооперативными, но не силою, а путем примера и оказания им помощи в этих целях. И разумеется, у нас имеется достаточно средств для того, чтобы обнадежить мелкого кресьянина относительно преимуществ, которые и теперь уже должны быть ему ясными".

Даже относительно крупных крестьян Энгельс высказывает следующее: „Тут мы тоже вероятно откажемся от мысли о насильственной экспроприации, рассчитывая, впрочем, что экономическое развитие образумит и эти тупые го-

ловы" („Крестьянский вопрос во Франции и в Германии", Neue Zeit, XIII, I, стр. 301, 305).

Приведенные здесь мнения вполне соответствуют нашим соображениям. Эти последние указывают на то, что экспроприация крестьянства ни в коем случае не в интересах социализма, а первые доказывают не двусмысленно, что такого рода экспроприация не входит также и в планы социалистов.

Крестьянам нечего бояться социал-демократии: они вполне могут на нее надеяться. Конечно, в современном обществе она никак не может удовлетворить всем их желаниям, но не потому, чтобы она не хотела, а потому, что многие из ее пожеланий должны оставаться скромными желаниями, и только, да и никакая другая партия не в состоянии выполнить их. Социал-демократия не может конкурировать с аграрными партиями в области обещаний, а что можно сделать для сельского населения в современном обществе, то делается ею, и только она одна может это сделать в полной мере, потому что она выступает против капитала беспощадней любой из буржуазных партий.

Крестьяне могут ждать гораздо большего от перехода к социалистическому строю, чем от социальной реформы в рамках современного общественного строя. Экспроприация—это капиталистический метод для перехода от низших форм производства к высшим. В современном обществе крестьянин всегда стоит перед дилеммой: или руками и ногами упираться перед всяким прогрессом, или же быть оттиснутым прочь экспроприирующим капиталом. Лишь социализм дает ему возможность принять участие в общественном прогрессе, не подпадая экспроприации. Социализм не только не приносит ему экспроприации,—он несет ему надежнейшую защиту от нее, постепенно нависшей над его головой при современном общественном строе.

б) Будущее собственного жилища.

Хотя мы и полагаем, что для очень многих отраслей производства в области сельского хозяйства преимущественной формой будет форма крупного производства, и экономическое развитие, по устранении победоносным пролетариатом препятствий с его пути, приведет к вытеснению мелкого производства производством крупным на кооперативных или коммунальных началах, а следовательно и к соединению полей, но это отнюдь не обусловливает исчезновения собственного жилища. В этом случае прекратится свойственная пока еще сельскому хозяйству тесная связь между домом и хозяйством; дом отделится от хозяйственного двора, но ничто не побудит передавать жилище крестьянина в общественную собственность. Современный социализм основывается на общественной собственности на средства производства, а не на средства потребления; он не исключает частной собственности на эти последние. Среди средств для поддержания и придания бодрости человеческой жизни одно из важнейших, быть-может самое важное,—это собственное жилище. Общественная собственность на землю с этим вполне совместима.

Мы перешли бы на шаткую почву, если бы вздумали обсуждать образ жизни в будущем обществе. Окажут ли люди будущего предпочтение жизни в подобных дворцам фаланстерах à la Фурье или же в отдельных коттеджах à la Беллами,—будет ли то одна, то другая форма, будут ли они обе, одна рядом и вместе с другой развиваться,—несомненно, что если для людей будущего будет дорого то, чтобы каждая семья имела свой собственный дом, то они не встретят препятствий этому в основаниях, на которых покоится социалистическое общество.

Справедливо, разумеется, что развитие техники уже в настоящее время ведет к сокращению работ по домашнему обиходу и расширяет работы женщины вне дома. Если это совершается очень медленно, то лишь вследствие

дешевизны рабочей силы женщин. Женский труд в домашнем обиходе не оплачивается деньгами; таким образом, он как-будто ничего не стоит; женщина же самое усердное и выносливое вьючное животное; поэтому пролетарий и должен держаться за технически отсталый метод ведения домашнего хозяйства. Для состоятельных же классов ведение собственного домашнего хозяйства, его уют означает содержание особых рабынь-служанок к исключительным услугам их достойного я.

Чем более будет крепнуть пролетариат, тем меньше станет служанок, повысятся их требования и станет мало приятным ведение свого хозяйства зажиточными людьми. Те добродетельные хозяйки, которые с жаром защищают теперь святость своего собственного очага, пока к их услугам имеется служанка, станут энергичнее всего требовать мер к сокращению работ по домашнему хозяйству или передачи их особым специалистам, раз они будут вынуждены самолично производить эти работы: сами стряпать, стирать, нянчить детей и—о ужас! – чистить сапоги.

Победа, даже просто усиление пролетариата вызовут среди женщин другие стремления и в этом отношении. Нужда и нищета заставляют их теперь предаваться непроизводительному труду дома, вместо того, чтобы предоставить выполнение домашних работ благоустроенным учреждениям вне дома. Возрастающее благосостояние рабочей семьи выразится не в обременении работой других слуг, а только в облегчении хозяйки дома. Сокращение домашних работ, теперь сильно отстающих от прогресса техники, пойдет тогда быстрым темпом. Этим уничтожится хозяйственное основание семьи, но не самая семья, так как у нее есть другое, высшее основание—индивидуальность.

Человек по натуре существо социальное, „стадное животное“, и прошло много времени, пока он начал выделять свою личность из общества и сознавать ее, как нечто особое. Покуда человек в борьбе за существование мог устоять только благодаря теснейшей связи с обществом, и пока общественное развитие поднималось так медленно, что традиция, т.-е. сумма накопленных воззрений общества целиком властвовала над духовной жизнью каждого в отдельности, развитию индивидуума не было места. Только когда рост производительности труда и классовое разделение создали такие классы, которые не были целиком поглощены общей борьбой за существование, физическим трудом и войнами,—а имели досуг для развития собственной духовной жизни, и которые, благодаря своим богатствам и рабам, могли жить независимо от общества, даже в разрез с ним, тогда хоть для одной аристократии создалось основание свободного развития личности, особенно в периоды, когда крупные катастрофы внезапно перестраивали жизнь общества на новое основание и тем преодолевали влияние традиций. Так было, например, в Греции в результате персидских войн, в Италии вслед за крестовыми походами, в западной Европе в эпоху реформации и открытий. Возродилась *личность*, рядом с безличным народным искусством выступило индивидуальное искусство, рядом с безличной религией индивидуальная философия.

Но только капиталистическому способу производства удалось стряхнуть стадное чувство и с других слоев населения, представить индивидуума „сверхчеловека“ аристократической внешности в более демократическом виде. Это удалось ему, благодаря уничтожению всех отживших организаций, до того сплачивавших народные массы в их борьбе за существование, благодаря разяснениям постоянной экономической революции, когда традиция совершенно дряхлеет, как руководитель в жизни, а всякий вынуждается построит свои житейские воззрения на собственных наблюдениях, и наконец, благодаря тому, что современный способ производства, не мало обязанный массе вырабатываемого им прибавочного продукта, увеличивает число „голодных рабочих“ в обществе до небывалых прежде размеров, и в то же время ставит их в поло-

жение, менее обеспеченное и меньше их удовлетворяющее, чем какое было прежде.

Индивидуализм, стремление к свободному проявлению личности в социалистическом обществе должно стать более сильным и более всеобщим, чем в обществе капиталистическом, в зависимости от той степени, в которой становятся общим достоянием духовное развитие, благосостояние и досуг.

Конечно, возможность свободного проявления личности в сфере очень важной, сфере хозяйственной жизни, социализмом будет во многом ограничена, но, с другой стороны, крайне ничтожная в настоящее время возможность проявления личности за пределами хозяйственной жизни очень расширится, благодаря сокращению рабочего времени.

Прежде всего при этом выигрывает семья; свой очаг приобретает новое значение. Нигде личность не проявляется так полно, без всякого ограничения со стороны враждебной или хотя-бы стесняющей воли других, как в своем собственном доме, который охотно украшается, причем стеснения допускаются только из материальных соображений, в котором человек может жить свободно с теми, кого он любит, с своими друзьями, книгами, своими мыслями и мечтами, своими научными и художественными творениями.

Вместе с индивидуализмом развивается также и индивидуальная половая любовь, которая находит удовлетворение лишь в союзе и совместной жизни с одним определенным индивидуумом другого пола. Брак, основанный на такой индивидуальной любви, так же нуждается в своем собственном доме для приобретения прочности и устойчивости.

Чем более исчезает хозяйственный мотив из брака и на его место становится мотив индивидуалистический, тем больше также изменяются отношения родителей, особенно отца к детям. Брак, как учреждение хозяйственное, имел задачей, с одной стороны, создать необходимые хозяйственные основы домашнего хозяйства в виде приданого или рабочей силы хозяйки, наследства мужа, с другой стороны, имел задачей предоставить детям в наследование имущество, а иногда и служебное положение отца. В браке индивидуалистическом не только экономический мотив вытеснен силой личного влечения супругов друг к другу, но и отношение между родителями и детьми становятся индивидуалистическими. Дети становятся дороги родителям, не как наследники, а как личности, они не предназначаются стать продолжателями их касты, независимо от того, есть-ли у них нужные дарования и склонности, а развиваются, как свободные личности.

Зародыши такого индивидуалистического брака и такой семьи уже теперь очень сильны; но они все еще омрачаются тем, что все еще существует обособленный способ домашнего хозяйства, как основа семьи, что нужда и нищета здесь и богатство там слишком часто еще дают перевес экономическим соображениям над личными. Социалистическое общество, не знающее таких крайностей и все более отступающее от изолированной системы домашнего хозяйства, именно поэтому должно выдвинуть полностью личный характер брака и семьи. Этот личний характер уже и в настоящее время является моральным масштабом в общем сознании при оценке брака и семьи. И теперь уже нравственным браком считается такой, при заключении которого руководились только личностями супругов, а не хозяйственными условиями; нравственными связями считаются личные, а не материальные связи, при-вязывающие членов семьи друг к другу. Сын, видящий в отце лишь лицо, от которого он в будуще-м получит наследство, отец, принуждающий сына к службе или к браку для того, чтобы увеличить или поддержать достояние семьи, оба они по современным по-чятиям, конечно, не поступают нравственно. Таким образом, исчезновение часто-рого домашнего хозяйства не означает уничтожения брака и семьи. Нет нужды вместе с собственным очагом уничтожать и соб-

ственный дом. Современная культура знает иные семейные связи, кроме кухни и прачешной. Уничтожение домашнего хозяйства означает только превращение семьи из экономического в чисто этический союз, оно означает осуществление нравственного требования, назревшего уже в настоящее время, в силу вытекающего из современных производственных сил развития индивидуальности.

Так, социализм не только не подавляет потребности всякой вполне развитой личности в своем собственном доме, а делает ее всеобщей, создавая в то же время средства всеобщего ее удовлетворения.

Итак, крестьянину нечего опасаться за свой дом. Социалистический строй не уничтожит его бесследно; те же изменения, которые он внесет, гигиенические и эстетические, не послужат во вред крестьянскому дому.

Нигде, может-быть, не выступает с такой очевидностью упадок крестьянства, как в крестьянских домах. Мы указывали на трущобные жилища рабочих, но жилища крестьян зачастую ничуть не лучше убогих, грязных хлевов. А между тем у крестьянина есть стремление к чистоте и красоте; это обнаруживается повсюду, где он живет в достатке. Крестьянский дом в старину— наприм., дом швейцарского или русского крестьянина—предмет восхищения архитекторов; а теперь искусство крестьян сохраняется в городских виллах; оригиналы пришли в упадок и не находят себе последователей в крестьянских дворах. А между тем недостает только благосостояния и досуга для того, чтобы крестьянин вновь стал художником. Победоносний пролетариат даст ему все это, он освободит не только промышленных наемных рабов, он обратит также землю, чудные красоты которой теперь представляют такой грустный контраст с неразвитостью, нищетой и грязью ее обитателей, в цветущий сад, населенный свободным, радостным и гордым человеческим родом.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Вместо предисловия. П. Стучка III
Предисловие автора XVIII

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ.

РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В КАПИТАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ.

стр.

I. **Введение** 1
II. **Крестьянин и промышленность** 3
III. **Сельское хозяйство феодального времени:**
а) Трехпольное хозяйство 9
б) Стеснение трехполья крупным землевладельческим хозяйством . . 10
в) Крестьянин начинает жить впроголодь 14
г) Трехпольная система становится невыносимыми оковами для сельского хозяйства 17
IV. **Современное сельское хозяйство:**
а) Потребление и производство мяса 20
б) Плодосменное хозяйство. Разделение труда 22
в) Машина в сельском хозяйстве 26
г) Удобрение, бактерии 33
д) Сельское хозяйство, как наука 36
V. **Капиталистический характер современного сельского хозяйства:**
а) Стоимость 38
б) Прибавочная стоимость и прибыль 41
в) Дифференциальная рента 47
г) Абсолютная земельная рента 52
д) Цена на землю 57
VI. **Крупное и мелкое производство:**
а) Техническое превосходство крупного хозяйства 65
б) Чрезмерный труд и недостаточное потребление в мелком хозяйстве 75
в) Товарищества 82

VII. Границы капиталистического сельского хозяйства:

а) Статистические данные 92
б) Падение мелкого производства в индустрии 98
в) Недостаточность земли 101
г) Крупное производство—не безусловно наилучшее 102
д) Латифундии 106
е) Недостаток рабочих сил 111

VIII. Пролетаризация крестьянина:

а) Тенденция к раздроблению земли 117
б) Формы крестьянских подсобных промыслов 124

IX. Возрастание затруднений, встречаемых товарным сельским хозяйством:

а) Земельная рента 137
б) Право наследования 139
в) Фидеикомисс и наследственное право 141
г) Эксплоатация деревни городом 147
д) Опустение деревень 151

X. Заокеанская конкуренция в производстве жизненных средств и индустриализация сельского хозяйства:

а) Экспортная индустрия 165
б) Железные дороги 167
в) Область конкуренции в производстве жизненных средств 170
г) Сокращение производства хлебов 177
д) Соединение промышленности и земледелия 184
е) Вытеснение сельского хозяйства промышленностью 199

XI. Взгляд на будущее:

а) Двигательные силы развития 208
б) Элементы социалистического сельского хозяйства 213

ОТДЕЛ ВТОРОЙ.

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА.

I. Нужна ли социал-демократии аграрная программа?

а) В деревню! 219
б) Крестьянин и пролетарий 221
в) Классовая борьба и социальное развитие 230
г) Национализация земли 233
д) Национализация лесов и вод 238
е) Сельский коммунизм 240

II. Охрана земледельческого пролетариата:

а) Социальная политика в промышленности и земледелии 245
б) Право коалиций и уставы о батраках 246
в) Охрана детского труда 248
г) Школа 256

д) Женский труд 262
е) Отхожие работы 264
ж) Нормальный рабочий день. Воскресный отдых 267
з) Жилищный вопрос 270
и) Арендная плата 274

III. Охрана интересов сельского хозяйства:

а) Социал-демократия не защищает интересов предпринимателей . . 275
б) Феодальные привилегии. Охота 276
в) Чересполосица 279
г) Культура почвы 282
д) Борьба с повальными болезнями 284
е) Государственное страхование 285
ж) Кооперация. Сельско-хозяйственное образование 289

IV. Охрана земледельческого населения:

а) Превращение государства полицейского в государство культурное 291
б) Самоуправление 293
в) Милитаризм 294
г) Национализация школьных, благотворительных, дорожных и т. п. повинностей 297
д) Бесплатность правосудия 299
е) Бюджет современного культурного государства 301
ж) Буржуазная и пролетарская налоговая политика 304
з) Нейтрализация крестьянства 313

V. Социальная революция и экспроприация землевладельцев:

а) Социализм и мелкое производство 315
б) Будущее собственного жилища 320

Кооперативное издательство „Пролетарий“.

К. Маркс.—Капитал, том I.
Его же.—Капитал, том II.
К. Каутский.—Классовые интересы (2-ое издание).
Г. Кунов и Г. Экштейн.—Изложение IV тома Капитала (2-ое изд.) (распродано).
Як. Окунев.—Общедоступная полит-экономия.
Его-же.—Происхождение богов.
Его-же.—„Смена вех“ в церкви.
Н. Бухарин.—От крушения царизма до падения буржуазии.
А. Воробьев.—Краткий курс политграмоты (2-ое дополн. издание).
N. N.—О пролетарской этике.
Ф. Энгельс.—От утопии к науке (распродано).
Доклады на IV конгрессе Коминтерна.
Пять лет.—Сборник, посвященный Октябрю.
К. Каутский.—Классовые противоречия в эпоху французской революции.
К. Каутский.—Аграрный вопрос.
Эд. Бернштейн.—Карл Маркс и русские революционеры.
Эрнст Драи.—Фридрих Энгельс.
Р. Люксембург.—Реформа или революция?
Ф. Энгельс.—Революция и контр-революция в Германии.
Р. Люксембург.—Письма из тюрьмы.
К. Тимирязев.—Дарвин и его учение (2-ое изд.).
Кирик Левин.—Декабристы.
С. Стрельбицкий.—Администратор.
Из истории нашей партии.—Сборник.
Марксизм и национальный вопрос.—Сборник под редакцией М. Равич-Черкасского.
Панов.—Происхождение мира и человека.
К. Каутский.—Развитие и размножение в природе и обществе.
Шесть с'ездов Р. К. П.—Сборник.
Арк. А—н.—История рабочего движения.
В. Моррис.—Вести ниоткуда.
Томас Мор.—Утопия.
Т. Кампанелла.—Государство солнца.
Степняк-Кравчинский.—Андрей Кожухов.
Уптон Синклер.—Король Уголь.
Де-Фоэ.—Робинзон Крузе.
Мамин-Сибиряк.—Аленушкины сказки.

НА ДНЯХ ВЫХОДЯТ:

М. Рафаил.—Ближневосточная проблема.
К. Диль.—Социализм, коммунизм, анархизм.
Ф. Дунаевский.—Профессиональный подбор, как историческ. проблема.
Ф. Энгельс.—От утопии к науке (2-ое издание).

Опечатки.

Стр.	Строка.	Напечатано:	Нужно:
223	6 сверху	верять	верят
224	13 „	австрийского	австралийского
„	5 снизу	Цвиву	Цвикау
230	6—7 сверху	характеристический признак	характерный признак
232	15 снизу	на счет пролетариата	за счет пролетариата
235	13 „	След.,	Следовательно,
236	4 „	потерпять	потерпят
237	10 „	увеличит	увеличить
240	23 „	народного правительства,	народного представительства,
242	9—10 сверху	община стала средством задержать экономический прогресс и способствовать	община стала средством задержки экономического прогресса и способствующим
242	11 снизу	современного	новейшего
„	2 „	з жилищами	с жилищами
„ 243	11 сверху	ири	при
246	5 снизу	nnd	und
247	9—10 сверху	не устранить	не устраняет
„	24 „	педенщикам	поденщикам
248	4 „	рекрут	рекрутов
„	9 „	рекрут	рекрутов
250	1 снизу	лишенные сопротивления	неспособные к сопротивлению
251	5 сверху	привлечения	привлечении
„	12 „	большой	большей
„	4—5 снизу	на защиту детей	в защиту детей
„ 253	20 „	Velhältnisse	Verhältnisse
254	2 „	Die länbliche	Die ländliche
263	15 сверху	1877	1871
		(дальше пропуск: „а в 1891 г.“)	
264	4 снизу	от 20—25, 82,2%	от 20—25, всего 82,2%
265	1 сверху	от 20—25 и 73,3%	от 20—25 и всего 73,3%
268	12 „	Из Мазурии	Из Мазовии
„	11 снизу	на совпадает	не совпадает
270	12 сверху	рабаты	работы
„	13 „	к 6 часам; лишь в некорые	к 6 часам; лишь в некоторые
271	5 „	в Траутекау	в Траутенау
„	6 „	15,2	75,2
272	1 „	посредственпо	посредственно
273	20 „	упустошение	опустошение
275	12 „	противоречать	противоречат
279	18 „	парцеллярным крестьянам	парцеллярным мелким крестьянам.
280	11 „	в Крестьянском вопросе	напечатано в Крестьянском вопросе
„	26 „	Гроссен	Гроссенготтерн
„	27 „	12.934 моргена,	12.934 гект.,
291	24 „	на счет деревни.	за счет деревни.
292	12 снизу	своит	стоит
296	13 „	minimum'om	minimum'ом
300	12 сверху	на счет	за счет
304	2 снизу	рекрут	рекрутов
313	31 „	Энергичная жилищная полиция в деревне.	Строгий санитарный надзор за селянскими жилищами.

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ КРАСН. ПРОФЕССУРЫ
№